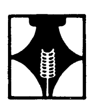
Ф.Н.ГЛИНКА ◆ ПИСЬМА К ДРУГУ

Ф.Н.
ГЛИНКА

◆

ПИСЬМА К ДРУГУ

БИБЛИОТЕКА
«ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»



ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ф. Н.
ГЛИНКА

ПИСЬМА К ДРУГУ

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1990

ББК 83.3Р1
Г54

Составление, вступительная статья и комментарии *В. П. Зверева*

Глинка Ф. Н.

Г54 Письма к другу / Сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Зверева.— М.: Современник, 1990.— 559 с., порт.— (Б-ка «Любителям российской словесности». Из литературного наследия.)
ISBN 5-270-01032-1

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) служил русской литературе около 70 лет. Он был свидетелем эпох классицизма и романтизма, появления в общественной жизни и искусстве «нигилизма»,— словом, оказался спутником и участником отечественной словесности почти на протяжении всего бурного XIX века.

В предлагаемый сборник наряду с наиболее крупными и популярными произведениями писателя вошли его сочинения, ставшие библиографической редкостью, а также стихотворения, избранные письма и воспоминания, в которых автор размышляет о судьбе русской культуры, состоянии нравственности и общественном положении в России.

Г $\frac{4603020000-177}{М106(03)-90}$ 243—90 ББК 83.3Р1

ISBN 5-270-01032-1

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ГРАЖДАНИН

Добрую память оставил о себе в сердцах своих современников Федор Николаевич Глинка. Великодушным гражданином назвал его Пушкин, тем самым, пожалуй, наиболее емко охарактеризовав Глинку как литератора и общественного деятеля, в котором великодушие и стремление жить во благо Родины сочетались с добродетельными поступками. Давали Глинке имя и «витязя добра и чести», и «истинного друга человечества», но всем громким титулам и званиям писатель предпочитал простое, но достойное — «добрый русский человек» и в своей деятельной и многогранной жизни утверждал нравственную чистоту бытия, неустанно стараясь вести мир к духовному и моральному совершенству. Его христианское всепрощение делало добрее окружающих, заставляло сердца смягчаться, а заблудших приводило к искреннему раскаянию. Беспримерные добродетели Глинки порой вызывали иронические насмешки, воспринимались как чудаковатость — появлялись эпиграммы на него, карикатурные изображения... Однако Глинка был невозмутим и неотступен в своих благодеяниях, что обезоруживало остроумов и злословов.

К сожалению, уже в XIX веке добродетельность стала обесцениваться — ей на смену приходила эгоистичная деятельность людей, вращавшихся в узком мирке накопительской и сугубо материальной предприимчивости. Новым хозяевам жизни неписаные нравственные законы великодушия и добросердечности, по которым испокон веков жил русский народ, казались только помехой практической выгоде. Глинка чувствовал эти изменения и тяжело их переживал. И хотя еще в 1867 году А. А. Котляревский писал, что «Федор Николаевич разделяет имя русского педагогического классика,— его стихотворения и письма русского офицера принадлежат к числу необходимых статей первоначального чтения воспитывающихся поколений,— и вот одна из причин, почему его имя пользуется такою широкою популярностью»[1],— солнце славы Глинки шло к закату — в бурной литературной

[1] Котляревский А. А. Заметка о трудах Ф. Н. Глинки по науке русской древности. М., 1867. С. 2.

жизни середины и второй половины XIX века популярность приобретали новые имена писателей.

В наше столетие был подретуширован образ «русского педагогического классика» — Ф. Н. Глинка нам больше знаком как герой Отечественной войны 1812 года да декабрист. Однако в его личности и творчестве меньше всего черт военного или революционера. Он был прежде всего поэтом в самом высоком смысле этого слова, главным назначением человека на земле считал созидание добра посредством мирной деятельной жизни, а превыше прочего ставил нравственную чистоту общественного бытия. Для Глинки были неприемлемы раздоры, вражда — в каждом собеседнике он желал видеть друга. Поэтому и все его произведения можно рассматривать как своеобразные послания, письма к другу.

* * *

Федор Николаевич Глинка родился 8 июня 1786 года в селе Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии в семье с добрыми патриотическими традициями. Отец его — Николай Ильич — был отставным капитаном, потомственным военным, мать — Анна Яковлевна — принадлежала к дворянскому роду Каховских. Проезжая в 1780 году по Смоленщине, Екатерина II посетила дом Глинок и собственноручно записала их старшего сына Сергея в Сухопутный кадетский корпус. В этом корпусе потом учился и Федор Николаевич, а когда закончил его, в 1802 году, был назначен в Апшеронский пехотный полк прапорщиком. Так началась военная карьера будущего писателя. Боевое крещение он прошел, будучи адъютантом легендарного генерала М. А. Милорадовича в походе 1805—1806 годов против французов, участвовал в знаменитом Аустерлицком сражении.

Выйдя в сентябре 1806 года в отставку по болезни, Ф. Н. Глинка решил посвятить себя мирной деятельности, заняться наукой и привести в порядок записи, которые делал во время военной кампании. В то время, когда в дворянском обществе распространялось увлечение всем иноземным и особенно французской модой, Глинка, как и его старший брат, занимал откровенно патриотическую позицию. С 1808 года Сергей Николаевич начал издавать журнал «Русский вестник», в котором сотрудничал и Федор Николаевич.

В 1810—1811 годах Ф. Н. Глинка путешествует по Смоленской, Тверской, Московской губерниям, совершает поездку по Волге, посещает Киевскую и Черниговскую губернии с целью изучения народного быта и нравов, участвует в работе высочайше утвержденного Общества истории и древностей российских. На Украине собирает важные материалы для повести о Богдане Хмельницком, жизнь которого была для Глинки примером самоотверженного служения Родине. Вскоре и самому Федору Николаевичу пришлось бороться с захватчиками за честь своей Отчизны.

В июле 1812 года, когда французы приближались к Смоленской губернии, Глинка писал:

Исчезни мира дни счастливы,
Пылает зарево войны:
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружью, дети тишины!
. . . .
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга
И матерь в бой своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь.

С самого начала Отечественной войны Глинка храбро сражался за родную землю, с русской армией прошел до Парижа, был награжден за боевые заслуги орденом св. Владимира 4-й степени, золотою шпагою за храбрость, орденом св. Анны 2-й степени, Прусским орденом за военные заслуги, Баденским орденом, получил драгоценный перстень от прусского короля.

Глинка оказался свидетелем и участником грандиозной войны, видел воочию трагизм и героизм русского народа. Все это он запечатлит потом в «Письмах русского офицера» и в «Письмах к другу» с их философско-поэтическим содержанием и широкой исторической панорамой. Цель издания своих «писем» Ф. Н. Глинка сформулировал в посвящении брату Сергею Николаевичу, издателю «Русского вестника»:

Итак, прими мой труд ты, сын и друг России,
Он слаб, но ты в нем зри намеренья благии:
В нем подвиги явить хотел я сограждан;
Мила о россах весть для верных россиян.

Как отмечал уже после смерти писателя его биограф А. К. Жизневский, «великие события, коих Федору Николаевичу привелось быть очевидцем, и особенность его таланта сделали его народным писателем и истолкователем народных чувств»[1].

Литературные взгляды Глинки развивались на удивление автономно и самостоятельно. Если в идейной заостренности его сочинений и можно усмотреть влияние старшего брата Сергея Николаевича, то в своих художественных исканиях Федор Николаевич все-таки стоит особняком. Он был противником всякой моды — его нельзя причислить ни к романтикам, ни к сентименталистам, ни к классицистам, ни к откровенным реалистам — и даже подчеркивал, что вовсе не считает себя профессиональным писателем, а сочиняет «для собственного услаждения». Уже будучи популярным как автор «Писем русского офицера» и «Писем к другу», карельских поэм и «Очерков Бородинского сражения» и окрещенный В. А. Жуковским «Ксенофонтом Бородина», Ф. Н. Глинка с сожалением отмечал в «Автобиографии», что «не имел классического образования и предварительных сведений, составляющих принадлежность литератора», и что «должен был

---

[1] Жизневский А. К. Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890. С. 5.

собственными средствами развивать небольшой талант свой и, уже гораздо после выпуска из (Первого кадетского.— *В. З.*) корпуса (где тогда не преподавали еще пиитики), доходил самоучкою до составления правильных стихов»[1]. Скромность самооценки, однако, не может умалить того успеха, которого Глинка достиг при самостоятельном развитии своего таланта. Надо признать, что собственно эстетическое никогда не довлело над содержательной, гражданской направленностью его творчества. Все порывы души, как Глинка называл художественное вдохновение, были подчинены у него преимущественно стремлениям писателя, заботящегося о гармонии и нравственном совершенстве мира.

По окончании Отечественной войны Ф. Н. Глинка играл заметную роль в общественной жизни северной столицы. В 1816 году он был переведен в лейб-гвардии Измайловский полк и состоял при Гвардейском штабе, входил в члены Военного общества и возглавлял издание «Военного журнала». Вновь судьба свела Глинку с Милорадовичем, теперь уже военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга: с 1819 года Федор Николаевич находился при нем для особых поручений и заведовал его собственной канцелярией. «С ведения и по повелению Государя Императора, употребляем был для производства исследований по предметам, заключающим в себе важность и тайну», и одновременно с сим, также, по Высочайшему повелению, был старшим членом в особой следственной комиссии. Тогда же он занимался составлением свода некоторых узаконений по уголовной части. Кроме того, ему было поручено наблюдение за столичными богоугодными заведениями и тюрьмами»[2].

По словам Глинки, в то время многие молодые люди были похожи на «разгулявшихся рыцарей», которым после полей побед Отечественной войны «душно было тогда в Петербурге», которые «попали в тесную рамку обыденности, в *застой* совершенный, в монотонию томительную»[3]. Этими «разгулявшимися рыцарями» называл он будущих декабристов. Хотя сам Глинка и не причислял себя к «рыцарствующим», но был одним из организаторов масонской ложи «Избранного Михаила». Он входил в состав Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения и Вольного общества любителей российской словесности. Необычайно широк круг его общения. В заседаниях только Вольного общества любителей российской словесности под председательством Глинки участвовали А. Дельвиг и В. Кюхельбекер, И. Лажечников и М. Загоскин, Е. Баратынский и О. Сомов, А. Шишков и А. Востоков, Н. Греч и Н. Гнедич, братья А. и Н. Бестужевы, К. Рылеев и А. Воейков и многие другие известные литераторы. Глинка был одним из руководителей тайной организации революционно настроенных офицеров Союз благоденствия, законоположение которой пред-

---

[1] Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 315—316.

[2] Жизневский А. К. Федор Николаевич Глинка. С. 6.

[3] Глинка Ф. Н. К. Ф. Рылеев // Рус. старина. 1871. Т. 3. С. 245. Здесь и далее в тексте Ф. Н. Глинки подчеркнуто автором.

писывало необходимость «укрепления, благородствования и возвышения нравственного существа нашего».

Восстановление и распространение высокой нравственности в обществе всеми возможными средствами было делом жизни Глинки. Своими сочинениями он хотел дать согражданам поучительный урок морали, показать, с одной стороны, привлекательность, пользу и благородство поступков нравственной чистоты, а с другой стороны, губительность пороков, жертвой которых легко становятся незадачливые люди. Поэтому не случаен его призыв к «деятельной жизни, ученым упражнениям и чтению книг». В рассуждении на эту тему Глинка приходит к выводу, что «*Воин* и *Гражданин* — вот два наименования, которые должны сливаться в одно священное название *полезного члена общества*», и указывает путь, по которому необходимо идти человеку в своей жизни: «Только добродетель и мудрость возводят человека по стезе нравственного образования на ту вожделенную высоту, о которой вовсе не ведают души низкие, которая кажется недосягаемою душам обыкновенным и к которой с восторгом стремятся души великие»[1]. Еще в «Письмах к другу» как одну из важнейших мыслей Глинка выделял: «Учиться и делать добро должно всякому, всегда и везде, где только возможно».

«Распространение правил нравственности» вовсе не означало внедрение каких-то новых, неизвестных доселе русскому народу, моральных законов. Глинка восхищается мудростью традиционных устоев русского общежития и страстно выступает за их сохранение, предупреждает, что модное стремление к выгодам, прибылям и внешнему блеску может затмить нравственные сокровища народа, привести к их забвению, что рано или поздно гибельно скажется в целом на состоянии общества. Он считал, что «чистота нравов, целомудрие народа есть вернейший его капитал, неоцененное сокровище! Не деньги творят людей и населяют области — люди приобретают трудом и торгами деньги и составляют цветущие общества; но люди без образования нравственного не общества, а стада!..».

Художественной литературе Глинка отводил в деле воспитания особенную роль. Он понимал, что ее нравственно-просветительский потенциал необходим не только дворянской среде, но и простому люду, и поэтому в 1818 году выпускает в свет так называемую «народную повесть» «Лука да Марья», специально сочиненную им для крестьян, в незатейливом сюжете которой раскрывается губительность последствий распространявшегося среди русского населения пьянства. Глинка заботился об излечении поселившихся в народе «недугов душевных», указывал на неудовлетворительность государственных мер, направляемых, казалось бы, на всеобщее благо: «Мы с такою заботливостию учреждаем больницы и призываем врачей для исцеления недугов и ран телесных; а недуги душевные как будто вовсе чужды попечениям нашим, и страсти и пороки — болезни сердечные — сви-

[1] Глинка Ф. Н. Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг... Спб., 1818. С. 22, 41—42.

репствуют в народе сильнее язв и мора! — Утолите в крестьянине палящую его жажду к пьянству, и вы залечите страшный рак, грызущий сердце несчастного, и отвратите от тысячи преступлений заблужденного; привяжите поселянина к труду, и вы подарите его тем, что редко встречается и в каменных палатах,— двумя заветными сокровищами: покоем — плодом чистой совести, избытка и домашнего согласия; и непритворною радостию — подругой и усладительницей труда»[1]

Восстановление благополучия русского общества виделось Глинке в сохранении и возвращении мудрых, устоявшихся веками нравственных уложений, регулировавших течение народной жизни и составлявших здоровую мораль. Он выступал против французских просветителей-материалистов XVIII века, стремившихся перенести механические законы на духовную жизнь человека. В духовности Глинка видел силу, которая способна объединять всех людей в обществе и быть цементирующей связью между различными временами и поколениями. Гармония мира представала в сознании писателя органичной, животворящей силой бытия: «Сердце наше любит принимать живое участие в судьбе мертвых, в поколениях и народах, существовавших задолго прежде нас. Все человечество, *бывшее, настоящее* и *будущее,* есть одно великое семейство, для которого обитаемая нами планета была и будет *родиною, колыбелью* и *могилою!* Новое поколение с таким же любопытством наведывается о предшествовавших, как молодой наследник о нравах и обычаях предка своего, завещавшего ему сокровище. Наши предки оставляют нам великие драгоценности: их *познания,* открытия и опытность, опытность, которая волшебным прикосновением своим вдруг придает *зрелости* и, так сказать, *нравственного роста,* мгновенно делая юношу по летам старцем по уму и поступкам»[2].

К сожалению, нашему веку не хватило щедрости ума и чувства всеобъемлющего гуманизма, при которых мир не представляется иначе как общей для всего человечества «родиною, колыбелью и могилою». А отречение от заветов предков и нарушение преемственности поколений обернулись горьким опытом трагических разрушений в различных сферах жизни и культуры нации. К тому привел умозрительный социальный прогресс, не подкрепленный мудростью народной опытности. Как говорил Ф. Н. Глинка, *«остроумие* совсем еще не то, что *благоразумие».*

В «Письмах русского офицера» Глинка подвергает сомнению полезность для общества многих, казалось бы, прогрессивных изобретений и начинаний: «Защитники нынешнего века беспрестанно восклицают, что мы час от часу становимся умнее, просвещеннее. Поверим им и спросим: становимся ли мы счастливее? — Но в чем же состоит нынешнее усовершенствование нашего поколения? Разве похваляться тем, что изобрели бесполезное искусство летать на шарах или другое, приводящее в трепет вселенную, ис-

---

[1] Глинка Ф. Лука да Марья, народная повесть. Спб., 1818. С. 23—24.
[2] Глинка Ф. Н. Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг... С. 10—11.

кусство в один день убивать до 100 000 народа, сожигать флоты, приступать к неприступному, проходить путями непроходимыми, изменять образ держав и в глазах наших производить в действие нечто похожее на Овидиевы превращения?» Но во всем этом каскаде новшеств и изобретений за самоутверждением отдельных лиц и группировок оказываются забыты потребности и нужды человеческого сердца и души. По мнению Глинки: «Древние лучше нас знали сердце человеческое, знали, что может его утешать и услаждать, и по сему познанию вернее нас угадали, в чем должно состоять истинное счастие общества»[1].

Прогрессистские изменения в нравах общества, при которых на смену благородным чувствам и здравому рассудку шло слепое увлечение модой, вызывают тревогу у одного из героев «Писем к другу». Говоря о старых добрых временах, он замечает: «...помню, что тогда у женщин все было закрыто, кроме *сердца*. Времена переходчивы! Начали закрывать потом чувства и мысли, а открывать тело...» Впрочем, прогресс, связанный с подменой духовного — блеском и причудами внешней мишуры, глубоких и искренних чувствований — легким бездумным парением по жизни, все властнее заявляет о себе в наше время: обнаженное тело теперь тиражируется средствами кино и телевидения, взгляд зрителя все больше приучается смотреть не на глаза и лицо человека, которые испокон веков были выражением ума и духа его, а на другие части тела, на эпатирующие эффекты электронной техники.

В воспоминаниях о Н. М. Стороженке Глинка пишет: «Чего только не говорили мы с ним о нашем свете... Мы говорили о роскоши и разврате, выхлынувшем из берегов своих и бурно наводняющем общества. Говорили мы о пожарах страстей, в которых перегорают все связи, тлеет основание благих нравов и разрушается благоденствие людей». Торгашеский дух и культ денег, как неизлечимая зараза, проникали во все слои общества, властвовали над отношениями между людьми и умертвляли понятия долга и чести, девальвировали духовные ценности, вытесняли истинные добродетели. Усиленно прививались иноземные новшества в быту и культуре России, на что Глинка как истинный патриот отвечал риторическим вопросом: «Но можно ль, в угождение *правилам свободной системы,* быть в *неволе* и, в угождение *терпимости,* терпеть над собою *господство?»* Этот вопрос звучит актуально и в наше время, когда очередные «прогрессисты» стремятся всеми средствами внедрять плюрализм без берегов и окончательно расшатать еще сохранившиеся нравственные устои здоровой народной жизни.

Глинка в своих произведениях самых различных жанров ратовал за общественное гражданское воспитание, указывал пути, по которым можно прийти к искоренению пороков и к возрождению разрушаемой нравственности. Его творчество было посвящено тому, чтобы сеять в сердцах чита-

---

[1] Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815. Ч. 2. С. 64—65.

телей добрые и светлые чувства и очищать душу человека. При этом писатель использовал привычные русскому народному сознанию приемы и средства: то облекал свои мысли в иносказания, то прибегал к патетике религиозных форм и сюжетов, к сказочному и сказовому стилю, к афористичности...

В предисловии к «Опытам аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе» Глинка дает объяснение самобытности своей поэтики, раскрывает замысел использования аллегорической формы: «От поколения до поколения, с ходом ума, с развитием гражданственности, умножается кипучее движение страстей, пожеланий, суетливой волнуемости во внешней жизни и более и более забываются те непреложные начала, на которых зиждется спокойное внутреннее счастие человека. В таком положении вещей, кажется, настоит необходимость сколько можно чаще останавливать внимание людей на высоких истинах веры и нравственности. Но как сие сделать без того, чтобы им не наскучить? Я всегда об этом думал и полагал, что если сами люди не охотно подаются к истинам, то не худо бы подвести *ряд истин* к людям и показать их так ясно, как показывают беспечным зрителям, посредством оптического стекла, ряд красивых явлений неосязаемых, но видимых и памятных». Поэтому «человек, со стороны его положения в обществе и особенно со стороны его *природы нравственной»*, в которой Глинка видел «великую тайну нашего счастия», находился в центре внимания писателя. И человек вовсе не героического плана — любой, разного возраста и социального положения, не знаменит и не славен, а тот, кто встречался ему на жизненном пути,— судьба каждого из них содержала нравственные уроки и поучительные примеры. И вот Глинка облекает «в одежду Поэзии» высшие истины и приближает их к людям «в виде более осязаемом». В результате: *«Надежда, Совесть, мысль о духовности человека, о его бессмертии,* сия утешительная мысль, столь справедливо названная *приданым души человеческой,* и, наконец, сама *Истина* получили как бы некоторую телесность и сделались более ощутительными в тех разновидных описаниях, где заманчивость загадки соединена с пользою поучительности»[1].

Аллегорические произведения Глинки достигали своей цели. Отмечая их особенности, П. А. Плетнев писал: «Проходя эту галерею вымыслов, вы с любопытством остановитесь перед каждым изображением, чтобы полюбоваться красками живописца и потом раскрыть счастливую мысль, которую он таит в своей аллегории. Этот род поэзии особенно увлекает воображение. Он вдыхает жизнь во все: бездушное заставляет чувствовать, бесплотному сообщает тело. Истины сердца можно также предлагать в загадках, как истины ума. Глинка, изображая вам какое-нибудь поэтическое чувствование, называет его именем другого предмета, который похож на него в некотором отношении. Он доставляет вам удовольствие следовать за его

---

[1] Глинка Ф. Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе. Спб., 1826. С. VII—IX.

сравнением, выбором признаков, вверяться обману поэзии, переменять свое мнение, задумываться, искать разрешения загадки в собственном сердце, одним словом: он погружает вас в самих себя. Его мир есть только человек, а все прочее мысли его и чувствования»[1]. Так иносказания Глинки пробуждали совесть людей, заставляли их стремиться к постижению высших истин, к нравственному совершенствованию, к состраданию ближним и святой вере в надежду.

Иносказательные приемы используются и в других сочинениях Глинки, много аллегорических фрагментов в «Письмах русского офицера» и «Письмах к другу» («Сновидение», «Три картины супружества», «небольшая повесть» о несчастной любви Зениды и Зонара и т. п.). По каким бы обворожительным тропам и тайникам ни бродила мысль писателя, раскрывая самые неожиданные стороны предметов или судеб, она всегда выходила на просторную дорогу нравственно-философских обобщений.

Философско-поэтически воспринимал Глинка и картины природы. Именно в «книге Природы» он черпал откровения человеческой мысли и находил ответы на многие тайны и загадки. Предметы в природе воспринимались им как иероглифы, способные возбуждать длинный ряд мыслей. Характерно рассуждение Глинки в «Письмах русского офицера» — «Несколько слов о садах», которое можно назвать маленьким трактатом о поэзии садов. Писатель показывает, насколько в природе все органично и как наше настроение созвучно ее состоянию. Поэзию как садов, так и дикой природы составляет гармония обликов, звуков и человеческих чувств. Глинка нередко рассматривает свои мысли как порождение впечатлений от природы, он мог размышлять, «вспоминая переход от весны к лету, от лета к осени и невольно прилагая сравнение сие к жизни человека». Воображение было главной движущей и животворящей силой его таланта. Поэтому и в прозе он оставался поэтом: «Воображение есть лучшая или, по крайней мере, самая благодетельная для человека из способностей душевных. Уединенный мечтатель в бедной хижине, засыпанной снегами, под свистом бури, может воображать все приятности весны, слышать пение соловьев и прохлаждаться зефирами, порхающими по цветам и душистым липам... Пламенное воображение и нежное сердце — вот две принадлежности пиитов, без которых они могут быть только холодными стихослагателями»[2].

Не примыкая ни к одной из литературных партий, Глинка понимал достоинства и слабости как старых, отживающих свой век, так и вновь зарождающихся направлений. В аллегорическом рассуждении «Две сестры, или Которой отдать преимущество?» он обрисовал те черты классической («старшая сестра») и романтической («младшая сестра») поэзии, которые легко узнаются и в его собственных сочинениях. «Что скажу о песнях, которые она поет о царях, о народах, о великом, о божественном?» — спрашивает писатель о «старшей сестре» и отвечает: «Величественны и

---

[1] Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Спб., 1885. Т. 1. С. 183—184.
[2] Глинка Ф. Письма русского офицера... М., 1815. Ч. 3. С. 16, 17—18.

бессмертны, как возвышенная поэзия, они важны, как гармония вселенной, как беседа веков, коей внимают поколения мимотекущие. Сии песнопения действуют прямо на разум, утоляют страсти, возвышают душу». В этой оценке угадываются поэтические принципы и возвышенные задачи опытов «священной поэзии», чувствуются космический размах и вселенский полет воображения автора духовных стихотворений.

А вот загадочный образ «младшей сестры»: «Ее уединенные прогулки разнообразны, как и все в ней разнообразно. Раз я видел ее высоко от земли, на самом острие скалы. Там, под навесом тихого неба, на котором жаркая позолота заката мешалась с светлым румянцем вечерней зари и с серебристым сиянием выступающего месяца, в белой одежде, под голубым покрывалом, она стояла в живописной недвижимости, как гений, изваянный рукою великого художника, как легкое видение, внушающее сладкие, приветливые ощущения. Но она любит скитаться и под воем осенних бурь и всматриваться в страшные картины неба, на котором тучи громоздятся, как густые ополчения сражающихся человеков». Все эти штрихи и ощущения от загадочного образа Девы узнаются во многих сочинениях Глинки, который не раз совершает в своем воображении уединенные путешествия по надземным высотам, в пейзажах он отдает предпочтение золотым и серебряным краскам и отливам, открываются при этом и излюбленные его ракурсы: «всматриваться в страшные картины неба», быть «высоко от земли»...

Писатель растерян: какую же «сестру» избрать? И признается: «Странно! я по какому-то прихотливому, безотчетному чувству влекусь к младшей сестре; но и старшая привлекает меня к себе. Любовь ко второй заставляет заниматься только ею; но любовь, соединенная с уважением к первой, сильно колеблет привязанность ко второй. От сего мысли мои часто шатаются, и я, колеблемый нерешимостью, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся то к одной, то к другой стороне...»[1] И Глинка сумел сохранить в своем творчестве мудрое и всегда самобытное восприятие мира.

Чутко он замечал изменения, происходящие в родной литературе. Посвоему и близко к сердцу воспринял Глинка новизну художнического взгляда основоположника русского сентиментализма: «Читая его,— вспоминал писатель о Н. М. Карамзине,— поняли приятность смотреть на восходящее солнце, на запад, окрашенный угасающими лучами его, любоваться утренним пением птичек (за что позднее упрекали его достойные сами осмеяния насмешники), вслушиваться в шум родных ручьев, дружиться с домашнею природою и наслаждаться бесплатными ее дарами, с которыми легче миришься с случайностями жизни, охотнее веришь надеждам и, при ясном настроении души, привольнее поддаешься мечтам, рассыпающим столько зо-

---

[1] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 243—246.

лотых блесток на черный бархат жизни»[1]. Эти слова были написаны к 100-летию со дня рождения Н. М. Карамзина в 1866 году. Однако пристальное поэтическое внимание к наслаждающим душу человека красотам природы постоянно чувствуешь и в ранних сочинениях самого Глинки, как в поэзии, так и в прозе: в величественных переложениях псалмов, в «Письмах русского офицера», в «Письмах к другу» и в почти репортажных «Очерках Бородинского сражения». При этом Глинка был также приверженцем и строго возвышенного стиля «священной поэзии».

В евангелической морали Глинка видел образец нравственной чистоты, именно поэтому он переложил на язык стиха многие псалмы, придавая нравоучению и выработанной веками мудрости современное звучание. В духе декабристов он почитал религию «не в наружных только признаках, но в самых делах», его политические взгляды основывались на мировоззрении православного христианина. Впрочем, духовные стихотворения или «священная поэзия» вполне отвечали «Законоположениям Союза Благоденствия» — в них были и «живость писания», и «непритворное изложение чувств высоких и к добру увлекающих».

Твердое убеждение Глинки, «что на любви единой зиждется благо общее, а не на брани», было причиной того, что он оказался противником восстания и пытался отговорить декабристов от выступления на Сенатской площади. Он считал, что преобразование общества должно идти через его духовное обновление. Символично то, что почти одновременно с вооруженным выступлением декабристов появляются две книги Ф. Н. Глинки — «Опыты священной поэзии» и «Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе».

«Опыты священной поэзии» представляют собой собрание стихотворений, тематика которых перекликается с библейскими мотивами, но, как отмечал сам поэт, его стихотворения «не следует считать ни буквальным переложением, ни близким подражанием священным псалмам». «Справедливо то,— продолжает Глинка,— что я брал иногда общий смысл, иногда же только некоторые стихи из целого псалма и, сообразуясь с новейшим способом стихосложения, выражал так, как было прилично вдохновению, двигаемому тогда моею душою»[2]. В «Опытах священной поэзии» Глинка страстно обрушивается на пороки, разъедающие современное ему общество:

Стихии слышат чей-то голос,
Как зыбь, колеблется земля;
От зноя треснули поля —
И дыбом стал у грешных волос...
Но ты ослепло от грехов

---

[1] Глинка Ф. Н. Мои воспоминания о незабвенном Н. Мих. Карамзине // Изв. Отд. рус. языка и словесности Имп. академии наук. Спб., 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 79.

[2] Цит. по кн.: Базанов В. Поэтическое наследие Федора Глинки (10—30-е годы XIX в.). Петрозаводск, 1950. С. 67.

И слепо кинулось в волненье,
Больное духом поколенье!
Где ваша правда? Где любовь?
Горе и упование. 1818

Предсказания поэта самые мрачные, он угнетен картинами жизни «больного духом поколенья», душа его полна трагических предчувствий и жаждет спасения, ищет очищения в обращении к Богу. В стихах Глинки грехопадение человека гневно осуждают и пророки, предвещающие неизбежный Божий гнев («Пророк», «Глас пророка»...).

Тревожно состояние души поэта, земная жизнь ему представляется страдальческой, он ощущает себя одиноким и «осиротелым»:

О, Боже! Боже мой! скажи,
Куда идти мне? — Я не знаю!
Темно! Опасно... Укажи,
Куда лежит моя дорога?
Здесь ни вождя, ни света нет!
Моление. 1820

Это смятение выражало неуверенность и страх Глинки перед предстоящей бурей, сомнения в победе:

Бунтуют бури, плещут волны,
Мы в бурях носимся, пловцы!
Нас предают пучинам челны,
Везде нам гибель и ловцы!
Жажда покоя. 〈?〉

Глинка отличался спокойствием натуры, мирное решение нравственных проблем в обществе для него было важнее тех радикальных мер, к которым стремились молодые декабристы. Показательно его признание: «Александр Бестужев, с головой романтической... Я ходил задумавшись, а он — рыцарским шагом, и встретясь, говорил мне: «Воевать! воевать!» Я всегда отвечал: «Полно рыцарствовать! живите смирнее!» И впоследствии всегда почти прослышивалось, что где-нибудь была дуэль и он был секундантом или участником. Впрочем, я ссылаюсь на всех наших литераторов, что на их вечеринках и собраниях я и на людях был один; сидел себе в стороне и думал о своем. Часто шутя они говорили мне: «Вы все живете на небесах, спуститесь на землю». Это не похвальба, а их фраза. Перессорившихся литераторов старался склонить к любви и миру — и вот все, что я делал. Вообще я шел совсем другой дорогою»[1]. Действительно, Федор Николаевич просил «рыцарствующих» молодых офицеров не проливать кровь. Но несмотря на лояльность политических взглядов Глинки, декабристская буря увлекла в свой водоворот и его «челн»: деятельное участие в

---

[1] Цит. по кн.: Б а з а н о в В. Поэтическое наследие Федора Глинки... С. 82—83.

тайных организациях не осталось незамеченным. Через несколько дней после восстания на Сенатской площади Глинка был арестован, но вскоре освобожден по высочайшему повелению. Однако в марте 1826 года последовал снова арест, заточение в Петропавловскую крепость, а в июле — ссылка в Олонецкую губернию, в Петрозаводск. Глинка, у которого было так много друзей и близких знакомых в Петербурге и который привык быть в центре литературной жизни («...кто не был мне *тогда* знаком?» — напишет он в 1846 году П. А. Плетневу), был вынужден, «как бедный пешегонец», скакать на почтовых «в какой-то городок Олонец». Его не так огорчало даже тринадцатинедельное нахождение в крепости «без света и воздуха» и «снятие двух чинов», «как сей отъезд». Своему другу А. А. Ивановскому Глинка в растерянности писал 26 июня 1826 года о предстоящей ссылке на Север: «Я, право, не знаю, кто я, что я и куда меня... Неизвестность тошнее прежнего жилища. Возвращаю ваш янтарь с трубки: он распался, как и *все мое былое...*»

В Петрозаводске Глинка, угнетенный изнурительной канцелярской работой советника губернского правления, оторванный от друзей и литературной жизни, поначалу пребывал в подавленном состоянии; его мучают одиночество и скука провинциального глухого городка. Поэтическая душа его опустошена, и о творчестве он думает уже как о чем-то прошлом. 13 декабря 1826 года он сообщал В. В. Измайлову: «Что я писал, то писал по обстоятельствам и для того только, чтобы облегчить сердце, облекая холодною буквою кипящее чувство, которое, иногда, волнуется в груди и требует быть выраженным. Я не классик и не романтик, а что-то — сам не знаю как назвать!»

Но именно в Карелии Глинка создает важнейшие в своем творчестве произведения. Предания карельского народа, финский эпос, экзотика суровой окружающей природы — все это волнует писателя и пробуждает в нем новые поэтические силы. Он приступает к стихотворным обработкам сказаний и богатырского народного эпоса.

Глинка был очарован изустными переводами финских стихотворений, с которыми его познакомил известный этнограф и исследователь «языка финских племен» профессор А. М. Шегрен. Поэта поразил «особенный размер без рифм, но звучный и приятный», и он делает собственное переложение на русский язык древних финских стихотворений «Рождение арфы» и «Вейнамена и Юковайна». Это были, пожалуй, первые переводы на русский язык фрагментов «Калевалы», соответствующих 41-й и 3-й рунам. Глинку все более привлекают живые, бытующие в народе предания, таинственные факты истории, связанные с местами, в которых он отбывает ссылку. И вот появляются так называемые «карельские поэмы».

Эти сочинения создавались писателем не только по вдохновению, они были плодом кропотливого, тщательного изучения документов и живых свидетельств. В основе «повести в стихах» «Дева карельских лесов» — предание, услышанное Глинкою в Петрозаводске, «о несчастных», живущих «в местах необитаемых», вынужденных быть в изгнании и скрываться от пре-

следования властей («память о них и поныне жива в пустыне Выгорецкой»). Для «описательного стихотворения» «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» поэт заимствует исторические факты из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и русских летописей. При этом Глинка развивает повествование со свойственной ему поэтичностью и вдохновением.

Главное место в «описательном стихотворении» отведено истории монаха — его скитаниям по свету, медитативным рассуждениям, аллегориям; живо представлены картины карельской природы. А. С. Пушкин, вместе с О. М. Сомовым содействовавший опубликованию этого произведения Глинки в Петербурге отдельным изданием (1830), напечатал потом рецензию в «Литературной газете»: «Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в стансах метафорических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной,— все дает особенную печать его произведениям. Поэма «Карелия» служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта»[1].

Одновременно с созданием карельских поэм Глинка ведет большую и увлекающую его работу над «Свободным подражанием Священной книге Иова». Используя излюбленную форму «свободного подражания», поэт был верен

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 84.— Такой высокий отклик, правда, не согласуется с определениями, которые давал Пушкин Глинке в известной эпиграмме 1825 года и в «Собрании насекомых» (1829): «дьячок Фита», «ижица в поэтах», «божья коровка»... Но то были не злые, а дружеские шутки. Эпиграмма так и начинается: «Наш друг Фита...» Пушкин понимал, что может обидеть Глинку, и, посылая П. А. Вяземскому эту эпиграмму на «нашего друга Глаголя», просил: «Не выдавай меня, милый: Глагол бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляяйся от всякия скверны». Истинное отношение Пушкина к Глинке выражено в других оценках: «великодушный гражданин», «почтеннейший человек здешнего мира»...

Поэтов связывала давняя дружба, и они сердечно откликались на беды друг друга. Весной 1820 года Глинка, пользуясь своим служебным положением и близкими связями с Милорадовичем, сумел смягчить наказание Пушкину за «вольные» стихи и осенью в «Сыне Отечества» обратился к сосланному на юг поэту с посланием. А Пушкин, в свою очередь, принимал участие в хлопотах об освобождении Глинки из олонецкой ссылки, поддерживал его морально в письмах, а в августе 1830 года вместе с П. А. Вяземским посетил все еще опального Ф. Н. Глинку в Твери...

принципам, сложившимся у него при переложении псалмов на язык современного стиха. Обращение к книге Иова связано не столько с интересом Глинки разгадывать тайны Священного Писания, сколько с реальной жизненной обстановкой, в которой над сосланным писателем постоянно тяготели «три несчастия»: «бедность, политическое уничижение и *одиночество*». Отражение своих бед Глинка видел в судьбе Иова.

С дотошностью профессионального ученого Глинкою была проведена огромная подготовительная работа, прежде чем он принялся за свое сочинение, обследованы литература на многих иностранных языках, древнейшие манускрипты и новейшие переводы книги Иова. Это своеобразное исследование продолжалось многие годы, и «подражание» было окончательно завершено только летом 1834 года во время отдыха на Черниговщине.

Однако попытки опубликовать «Иова» были долгое время безуспешными: цензура обвиняла автора в вольных обращениях со священной книгой. 8 января 1849 года Глинка направил письмо цензору, наложившему запрет на «Свободное подражание Священной книге Иова». В этом послании звучали обида и оскорбленность не только поэта, но и серьезного исследователя, не принесло успеха. Сочинение было полностью опубликовано только в 1859 году.

«Свободное подражание Священной книге Иова» не было у Глинки чем-то исключительным: оно теснейшим образом связано с ранними стихотворениями поэта на религиозные темы. Так, читая и «Опыты священной поэзии», не только чувствуешь его восхищение и трепет перед всемогуществом Творца мира сего, но и знакомишься с размышлениями автора о своей эпохе, земных проблемах, узнаешь о его лирических переживаниях и философских раздумьях. При этом «опыты» Глинки не являли собой противоречия между богословием и светской поэзией, религиозными идеями и поэтическим изображением земной жизни: «Наши православные молитвы и церковные песнопения справедливо считаются произведениями в высшей степени поэтическими и умилительными. Их творцы, кроме большого поэтического дарования и святости жизни, отличались удивительным знанием грешной человеческой души во всех ее мельчайших изгибах, со всеми ее страстями, скорбями, борениями, падениями, раскаяниями и неизменным стремлением к высокому и небесному, к «Творцу и Зиждителю и Богу нашему»[1].

Хотя «священной поэзии» Глинки была дана жизнь по законам светской литературы, было бы несправедливым как-то отделять ее от христианской мифологии. Само явление стихотворных подражаний библейским мотивам и сюжетам имеет давнюю историю, обнаруживая живую связь религиозной и светской литератур, традиционность их сосуществования. На это указал в нашем веке Павел Флоренский: «Богослужение — средоточие,

---

[1] Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. Спб., 1912. С. 337.

другие же деятельности нарастают *около* него или, точнее, выделяются *из* него. Система понятий первоначально есть система, *сопровождающая* культ,— это суть развивающиеся из самого культового действа, из «словесного» обряда, объясняющие культ *мифы*, так называемые *эфиологические* мифы, или же вспомогательные формулы и термины Богослужения. Эти мифы, формулы, термины получают далее самостоятельный рост, автономно усложняются, отдаляются и отделяются от культа, делаются светскими — литературными и научно-философскими сюжетами, формулами и терминами и, в конечном выветривании собственно-религиозного обрядового действа, порождают светскую философию, светскую науку, светскую литературу»[1]. Так псалмы и мифы об Иове и Таинственной Капле, «отдаляясь и отделяясь от культа», в творчестве Глинки обрели гражданство как произведения светской литературы.

Трудным будет путь к читателю у «народного предания» «Таинственная Капля», фрагменты из которого поэт читал своим друзьям еще в 1840-е годы. Полностью же это произведение будет опубликовано поначалу не в России, а в Германии, в 1861 году, и только в 1870 году — в Москве М. П. Погодиным.

Возникновение замысла «народного предания» о земной жизни Иисуса Христа было связано как со стремлением Глинки иносказательно говорить об истинах, так и с постоянным его интересом к загадкам древностей. По словам самого поэта, содержание он взял «из древней легенды, сохранившейся в хрониках средних веков, в семейных рассказах и в памяти христианских народов». Но это было не простое переложение общеизвестной легенды: «К этому главному преданию присоединены и другие — побочные, также предания народные, или взятые из книг Четьи-Минеи...»[2] В качестве материалов к «Таинственной Капле» Глинка использует устные народные предания и церковные песнопения, свидетельства древних письмен и начертаний на камнях и скалах, варианты предания, возникающие «потом в разных учениях». Поражает широта осведомленности писателя о бытовании мифа о земной жизни Иисуса Христа. Глинка использует сведения, встречающиеся у иерусалимских книжников и ферапевтов, неоплатоников и гностиков, у представителей александрийской школы и в религиях Тибета, Китая, Японии, в сочинениях Геродота и Ксенофонта, Цицерона и Тацита, Светония и Вергилия, Руссо и Байрона, Платона и Конфуция, Иоанна Златоуста и Оригена... В Императорской Публичной библиотеке писатель обнаруживает «важный документ, свидетельствующий о плачевной эпохе распятия Христа Спасителя»: «...документ сей начертан на пергаменте (на семнадцати небольших страницах), а перевод с него на латинский язык (сделанный Блаженным Иеронимом в Вифлееме) написан на бумаге, похо-

---

[1] Священник Павел Флоренский. Из богословского наследия // Богословские труды. М., 1977. Сб. 17. С. 117.

[2] ⟨Глинка Ф. Н.⟩ Таинственная Капля. Народное предание. М., 1870. С. V—VII.

жей на пергамент неизвестного теперь качества. Нынешние археологи не могут определить — к какой азбуке (кажется, к тайно-условной) принадлежат буквы документа, написанного (как сказано) на языке халдейском»[1]. Все это доказывает, насколько серьезно и научно Глинка подходил к «народному преданию», берясь за его свободное переложение. Думаю, это главнейшее произведение писателя ждет своего исследователя и обстоятельного анализа.

События, положенные в основу сюжета «Таинственной Капли», интересовали Глинку еще до 1825 года, их мотивы звучат в ранних духовных стихотворениях поэта («Отрадная Капля», «Лети» и др.). Не раз отмечали в «Таинственной Капле» черты религиозного фанатизма и мистицизма, якобы присущие ее автору. Словно отвечая таким критикам, Глинка писал в примечаниях к своему сочинению: «Нам собственно утешительно припомнить, что наша церковь ублажает память св. Григория Богослова, которого современники (язычники) называли «сладчайшим поэтом». У нас писали стихами Симеон Полоцкий и др. И сам св. Димитрий Ростовский сочинял драмы (см. Росс. Вивлиофику), и уважал поэтов классической древности». И, как бы оправдываясь перед духовной цензурой, поэт подчеркивал: «Это и целый ряд последующих описаний — почерпнуты из Евангелия, но не буквально. Поэт, как и живописец, заимствует только содержание, а обстановку и расцветку представляет себе по требованию обстоятельств»[2].

Глинка предчувствовал, что его произведения попадут под двойной обстрел критики: духовенство могло его упрекать в искажении Священного Писания и чрезмерно вольном обращении с каноническими библейскими текстами, а атеистическая журналистика обрушивалась на писателя обыкновенно за приверженность к религиозной тематике и усматривала в его творчестве недостойные внимания или чудаковатые перепевы церковных песнопений. Отмечая, что свои описания черпает из Евангелия, «но не буквально», Глинка делает сноску: «Эта оговорка сделана для тех, которые полагают, будто бы не должно быть ничего общего между истинами евангельскими и поэзиею. На это известный Эдуард Кине отвечает: «Эти люди отдали *воображение* язычеству, а верование Христу, и тем раздвоили единство внутренней жизни». Только Мильтон с «Потерянным раем» и Клопшток с «Мессиадою» успели ввести опять христианство в поэзию. Шатобриан, наконец, низвел с подножия идеал языческий и всего человека,— с его умом, сердцем и воображением отдал христианству»[3].

Однако Глинка не ставил целью своего «народного предания» восстановление христианской веры в человеке. Существенно замечание самого поэта: «Наша легенда не заключает в себе икон; в ней только портреты и картины, и судить о ней должно как о произведении чисто литературном,— основанном на предании народном». Кроме условия соблюдать сюжет библейской легенды, поэт в качестве непреложных законов своего сочинения

---

[1] ⟨Глинка Ф. Н.⟩ Таинственная Капля. С. 675—676.
[2] Там же. С. 623—624.
[3] Там же. С. 623.

определил сохранять исторический порядок, показывать картины местностей описываемого края и нравов, передавать колорит эпохи («автор старался, чтоб во всем, по возможности, отражался местный колорит»)[1].

Нужно сказать, что Глинку интересовали не только библейские древности, он всегда с гордостью и особым пиитетом размышлял о родной старине, собирал древние русские рукописи и книги, а также отличался широтой и глубиной знаний не только в области истории и словесности, этнографии и мифологии. Глинка был сведущ в электричестве и оптике, геологии земли и исторической географии, механике, следил за развитием технического прогресса. Еще в «Письмах к другу» он прогнозировал будущее: «Ныне механические снаряды так усовершенствовались во многих краях Европы, что, право, кажется, скоро люди станут сидеть поджавши руки, а работать будут *машины!»* Можно еще привести афоризмы писателя, в которых образность высказывания строится на технических его знаниях. В «Письмах русского офицера» читатель встретит не только восторженные описания изобретений и открытий русских механиков-самоучек, но и подробное размышление самого писателя о возможности воздушных полетов человека с убедительными инженерными выкладками. Одним из первых среди поэтов Глинка предсказывает перспективы воздухоплавания в «куплетах, сложенных от скуки в дороге»,— «Две дороги», иронизируя уже над новизной железной дороги:

Но рок дойдет и до чугунки:
Смельчак взовьется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем гордый бросит взор.

И станет человек воздушный
(Плывя в воздушной полосе)
Смеяться и чугунке душной,
И каменистому шоссе.

Да, мечты, надежды у Глинки часто обретают таинственно-космические формы, но вовсе не мистические. Даже призраки, являющиеся из загадочных миров, в стихотворениях поэта наделяются самыми земными, но возвышенными чертами:

Кто ты, прекрасный посетитель,
Какого мира тайный житель?
Ты весел, призрак молодой,
Как светлый месяц над водой:
Я вижу образ девы чистой;
Она легка, как ветерок,
И на челе ее душистый
Белеет розовый венок!

Минутное посещение. ⟨1825⟩

---

[1] ⟨Глинка Ф. Н.⟩ Таинственная Капля. С. 623.

Душа поэта стремится к беспредельной и вневременной вселенской свободе. Космос Глинки — в пределах земных понятий и реалий древней старины, хотя в нем многое созвучно библейским представлениям об устройстве мира. Глинке важен простор перемещения; его поэтические ракурсы, самые неожиданные и удивительно мобильные во времени и пространстве,— это своеобразные лучи света, расходящиеся из непостижимых миров вселенной и обнажающие картины земной жизни.

На протяжении всей своей долгой жизни Глинка старался неустанно и добросовестно выполнять пророческое призвание поэта, зажигать пламенным стихом молитвы, чтобы легче становились «с жизнью битва и труд страдальца под крестом». Для него понятия Поэт и Гражданин были всегда неразделимы:

Пусть не по нем и мир наш внешний,
Пусть по мечтам он и *нездешний,*
А где-то всей душой гостит;
Зато,— вскипевши, в час досужный,—
Он стих к стиху придвинет дружный,
И брызнет рифмою жемчужной,
И высоко заговорит!
В защиту Поэта. ⟨1846⟩

Несмотря на преклонный возраст, Глинка до конца своих дней оставался деятельным, откликался на важные политические события и был чуток к изменениям, происходившим в русском обществе второй половины XIX века. В 1853 году он выпускает отдельным изданием аллегорическую повесть «История серебряного рубля» и продает ее в благотворительных целях — «в пользу бедных». Во время Крымской войны сочиняет патриотическое стихотворение «Ура!» (1854), которое приобрело широкую популярность и продавалось «в пользу *раненых* солдат и матросов по 10 копеек серебром за экземпляр»...

Однако Глинка был недоволен развитием общественного движения в России. Он никак не мог принять «новых людей», которые, по его выражению, «с новыми мыслями, воззрениями, порядками и т. п., как будто спустясь с луны, засели на землю». Как у истинно верующего православного человека, у Глинки вызывали в душе протест распространяющиеся в русском обществе идеи эволюционного учения. В письме к Я. П. Полонскому он писал: «Вот и еще в одной брошюрке уверяют, что лягушки тоже люди, только недозрелые, а люди, значит, лягушки созревшие.

Надменный нигилизма век.
Кому святое все — игрушка,—
Твердят, что человек — лягушка
И что лягушка — человек!»[1]

---

[1] Цит. по кн.: Б а з а н о в В. Поэтическое наследие Федора Глинки... С. 126.

С настороженностью относился Глинка и к крестьянским волнениям накануне отмены крепостного права, а когда было объявлено о реформе 1861 года, оказался вовсе в растерянности и назвал это время «днями смут и общего тумана»:

Бог знает — из нависшей тучи
Какая вылетит беда,
Когда пойдут на спор кипучий
Кулак, топор и борода.
Ожидаемый вечер. Май 1861

Последние годы своей жизни Глинка провел в Твери, куда переехал с женой из Петербурга в 1862 году. В 1863 году умерла Авдотья Павловна, с которой он «почти всегда и везде был неразлучен». Федор Николаевич от безутешного горя пытается уйти в деятельную общественную жизнь. По словам А. К. Жизневского: «Сначала, в живой разнообразной деятельности он как бы искал забвения своих печальных воспоминаний, всегда сильных и глубоких. Но, к немалому удивлению, Федор Николаевич как бы обновился, почувствовал свою свободу, в нем проявилась энергия и подвижность. Федор Николаевич интересовался научными и общественными вопросами, постоянно следил как за новыми открытиями в области исторических наук, так равно за политикою, испещряя получаемые им газеты своими отметками — пером»[1]. В это время Глинка был почетным членом Тверского губернского статистического комитета и часто присутствовал на его заседаниях, материально поддерживал многие научные изыскания, возглавлял тверское благотворительное общество «Доброхотная Копейка» на протяжении 17 лет. В сентябре 1869 года Московское археологическое общество «в уважение поднятых Ф. Н. Глинкою археологических вопросов» избрало его действительным членом. С 1875 года Глинка был гласным городской думы и входил в комиссию для исследования воды в реках Тьмаке и Волге. К этому времени Федор Николаевич почти совсем отошел от литературы. Впрочем, сам писатель признавался, что его поэтические силы иссякли.

Отвечая на приглашение присутствовать в феврале 1866 года на публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу 50-летия со дня избрания его и П. А. Вяземского в члены общества, Федор Николаевич заметил: «Поэты и писатели, отжившие заслуженную славу, один за другим сходили с поля словесности. Замолкали соловьи в наших парнасских рощах, и я, едва ли не один, оставался запоздалым колосом на ниве, зеленевшей новою жатвою». Восьмидесятилетний, он прекрасно понимал свое положение: «Бури жизни не сломили бы и позднее упорные стремления к *прекрасному,* но оно ослабевало и улеглось глубоко на дно души, когда едва ли не развенчанная поэзия уступила место, конечно, почтенной, но вместе и угрюмой, *прозе:* сухой расчет разочарованной жизни

[1] Жизневский А. К. Федор Николаевич Глинка. С. 11—12.

заменил безотчетные стремления сердца и вывел из обаятельного мира надежд и мечтаний. Теперь, причисленный к заштатным городам литературы, я в тишине и уединении, гляжу издали на развитие кипучей жизни и радуюсь за новых делателей в литературе и обществе»[1]. Такое мудрое, реалистичное и великодушное восприятие мира Федор Николаевич Глинка сохранил до конца своих дней.

Скончался Ф. Н. Глинка в феврале 1880 года и был похоронен как герой Отечественной войны и истинный патриот с воинскими почестями в Желтиковом монастыре, недалеко от Твери. Вся его жизнь была посвящена славному и беззаветному служению родной литературе и любимой Отчизне. Он не был «связан чуждыми страстями», умел «правду говорить царю, народу и вельможе», ему поистине была «свобода чувств всего дороже», и пел он только о добре. «Пусть упрекают меня,— читаем в его «Письмах к другу»,— что в описаниях своих предаюсь порывам восторга... О любви к Отечеству, о красотах изящного, о добродетелях христианских не могу говорить без восхищения». В этом порыве с особой красотой открывается великодушие гражданина и добрейшее сердце русского поэта и писателя Федора Николаевича Глинки.

В. Зверев

---

[1] Цит. по кн.: Путята Н. В. Несколько слов о литературной деятельности Федора Николаевича Глинки. ⟨М., 1867⟩. С. 1—2.

I. РАССУЖДЕНИЯ, ЗАМЕЧАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА

о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии

К другу моему

ПИСЬМО I

Чувствительный путешественник Стерн, в предисловии своем рассуждая о причинах, побуждающих людей к путешествиям, разделяет всех путешественников на разные роды. Он называет их: 1. праздными, 2. любопытными, 3. лживыми, 4. гордыми, 5. пустыми, 6. мрачными. Читая сие, я не мог причислить себя ни к одному из сих отделений, ибо путешествовал по обязанности, а не от праздности или пустого любопытства. Служа в полку адъютантом, я старался воспользоваться некоторыми свободными минутами, которые мог похищать от моей должности, и в сии-то минуты, часто на голом поле или в черных мазурских избах, писал к тебе, любезный друг. Теперь предлагаю весь веденный мною *журнал*; одна часть его в виде писем, другая в рассказах и замечаниях; разнообразие сие не вредит порядку. Здесь найдешь ты, во-первых, изображение всех военных происшествий и многих геройских деяний россиян; потом описание о нравах, обычаях народов и о прочих любопытных вещах, замеченных мною мимоходом. Что касается до слога, то я не старался, а может быть, и не мог сделать его витиеватым и кудреватым; я желал одного, чтобы все повествования мои отличались простотою и истиною*.

---

* И теперь, при вторичном издании сих писем, я почти не касался слога. Обязанности по службе и заботы по жизни отъемлют у меня весь досуг; а притом и *самая разнообразность* слога в книгах моих, показывая, как с летами и опытностию изменяется образ мыслей и выражений, послужит некоторым поучением для начинающих писать.

Часть вторая,

содержащая в себе: мысли, замечания и рассуждения во время поездки по Смоленской и Тверской губернии

К другу моему

Спешу удовлетворить желанию твоему, любезный друг! Вот *мысли, замечания и рассуждения* мои во время поездки в разные места Тверской губернии, в Москву и в Киев. Ты читал Письма русского офицера о походе 1805 и 1806 годов. Сии записки препровождаю тебе под названием: *Писем русского офицера в отставке*. Вслед за сим получишь *Письма р⟨усского⟩ о⟨фицера⟩ об Отечественной 1812 и о заграничной 1813 года войне*. Все сие вместе составит *одно целое*. Сие второе сочинение должно быть непременно *в общей связи с первым и последним*. Оно непосредственно обращает внимание на то время, которое предшествовало великим бурям и волнениям, постигшим отечество наше.

Во время краткой и обманчивой тишины, которою наслаждались мы с 1807 по 1812 год, предпринимал я, по разным обстоятельствам, поездки в разные места, не оставляя привычки бросать на бумагу мысли и замечания свои. Путешествуя в отечестве нашем, нельзя наполнить листов записной книжки описанием картин, мраморных изваяний и прочих произведений художеств; но можно списывать картины с нашей природы, которая богата ими: а всего, как мне кажется, важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть единственное к тому средство. Я старался рассматривать людей в их различных состояниях: гостил в палатах и жил в хижинах. Но там и тут главною целию моею было наблюдение нравов, обычаев, *коренных добродетелей* и *наносных пороков*. Я видел мнимосчастливых в высоких домах и видел истинно благополучных в низких хижинах. В палатах нередко видел я слезы, текущие по золоту; видел там страсти и предрассудки, от которых вянет радость и меркнет жизнь, как ясный весенний день от черных туч. Читая листы сии, не пеняй на частые ссоры мои с предрассудками; не пеняй на упреки против злоупотреблений!

Порок увертлив и гибок, как *змей*: его должно преследовать до самой глубины его нор. Однако ж все, что здесь написано, хотя, может быть, несколько и резко, но очень, очень иносказательно, так что, не обижая именно никакого

лица, может быть, послужит поучением для многих. Признаюсь, что я воспользовался советом *Фонтенеля.* Шатаясь по свету, *заловил много истин в руку* и — *не вдруг раскрыл ее.* Еще и теперь некоторые персты сжаты.

С сердечным удовольствием видел я, что благие *нравы предков*, вытесненные *роскошью* и *нововведениями* из пышных городов, не остаются вовсе бесприютными сиротами на Русской земле. Скромно и уединенно процветают они в простоте сельской.— Не раз повторял я, про себя, достопамятное изречение *Монтескье*: «Еще не побежден народ, хотя утративший *войска*, но сохранивший *нравы свои*». Россия не утратила ни того, ни другого. И потому я всегда утешался душевным уверением, что вопреки всем умствованиям и расчетам наших врагов еще очень трудно покорить отечество наше.

Несмотря на все суждения иноплеменников о суровости нашего климата, о грубости народа и прочее и прочее, часто, в полноте душевной, восклицал я:

Русь блаженная стократно!
Как душе моей приятно,
Что в стране моей родной
С счастьем можно в селах знаться! и проч.

Я описал здесь, по сведениям, из вернейших источников мною почерпнутым и никому доселе не известным, *жизнь Волоскова, Свешникова, Д⟨е⟩мь⟨я⟩н⟨о⟩в⟨а⟩*, изобретение *Маслова* и проч. и проч. Все сии описания, послужа лучшим опровержением на клеветы иноземцев, убедят их, что и у нас были, есть и будут *самородные дарования* и что русские точно ко всему способны.— В заключение сказал я несколько слов о *Киеве*, где случилось мне быть в то самое время, когда *пожары* свирепствовали в улицах и опустошали окрестности; когда *дивная звезда,* явившаяся в небесах, усугубляла ужас встревоженного народа и тайное предчувствие вселяло в души непостижимый страх.

Вот, друг мой! описания, которые, войдя в общую связь моих писем, может быть, понравятся тебе, если не по чему другому, то, по крайней мере, по намерению, с которым они написаны. Кочующая жизнь моя, заботы и хлопоты, повсюду ее сопровождающие, поглощают весь мой *досуг.* Оттого-то и не могу ручаться за красоту слога, но за истину смело стою.

СМОЛЕНСК

Живущий здесь г. *Маслов,* занимаясь с давних лет домашним хозяйством, изобрел между прочим средство делать из *песку* и *воды* всякого вида камни, твердостию подобные кремню, которые в три месяца могут так окрепнуть, что не принимают уже в себя никакой влажности; а напротив того, находясь в воде или под землею, становятся еще крепче: равным образом от мороза и жара не терпят никакого вреда. Следовательно, такой камень может быть весьма полезен для подземных труб, погребов, фундаментов и наружного строения. Изобретатель выстроил уже из сего камня в прошлом году одно здание, шириною и длиною в три сажени, вышиною же в четыре аршина, а стены толщиною в 3/4 аршина, уверяя при том, что оное строение будет стоить не дороже деревянного, а может простоять гораздо долее оного, будучи сверх того безопасно от огня. Он же нашел еще способ делать разные строения из глины с мохом; и из сего состава сделаны им в 1804 году жилые покои, которые и по сие время ничем не вредимы. Вот что написано было о изобретателе Маслове в «Северной почте» 1810 года в № 73.

Желая увидеть собственными глазами сие изобретение и самого изобретателя, пошли мы к нему в дом. У дверей одного нового строения мы застали, с одним только работником, занимавшегося отштукатуриванием стен среднего росту, сухощавого поседелого старика, и это был сам изобретатель. Г. Маслов по своей привычке к трудам, имея, впрочем, и не самое бедное состояние, большую часть дня проводит в надзоре за работами или работает собственными руками. Только утро и вечер посвящает он молитве, не пропуская ни одной заутрени и вечерни. Он чрезвычайно набожен. В маленьком садике его нашли мы несколько тысяч *рукодельных* камней. Одни из них, пролежав на воздухе по три и четыре месяца, достигли уже совершенной крепости; а некоторые, вновь отлитые, были еще очень мягки. Два флигеля, сделанные из сих искусственных камней, отданы внаем, и постояльцы ими очень довольны. Воздух в сих *песчаных комнатах* отменно чист; может быть, и самый песок немало способствует к истреблению всякой влажности. Прекрасное изобретение — делать дома из песка и воды! Что может быть дешевле и проще! Опыт удостоверяет и в прочности сего рода строения. По уверению изобретателя, в течение нескольких лет камни в стенах, как бы сливаясь один с другим, превращаются наконец в целые каменные глыбы: стало быть, чем древнее строение, тем стены его будут крепче. Кажется, не худо б было

вместо ломкого кирпича и за недостатком дикого камня одевать валы крепостные сего рода плитами: в продолжение нескольких лет таковые валы должны б совершенно окаменеть. Камни сии посредством разных форм принимают разные виды: для колонн делаются круглые (цилиндрические), для сводов выгнутые и проч. Говорят, что славный *храм Тезеев в Афинах* построен также из *глыб,* из песка, булыжника и извести составленных, не уступающих в твердости граниту. Г. Маслов, по убеждению нашему, рассказал нам, каким образом достиг изобретения своего и постепенно оное усовершенствовал. «Находясь долгое время надзирателем при каменных строениях,— говорил он,— замечал я часто в основании старинных зданий, что известь, смешанная с песком, составляла довольно твердые *комы.* Руководствуясь сим замечанием, начал я трудиться над изобретением надлежащей пропорции к составлению из песку, извести и воды твердых глыб или камней». После многих опытов открыл г. Маслов настоящий, легчайший и удобнейший способ к деланию своих камней. Он распускает известь в воде и потом, оставляя гущу, сцеживает одну жидкость. На сей-то известковой жиже, подобной цветом молоку, замешивает он в нарочно устроенных *творилах* самый крупный песок, содержащий в себе и довольно большие камни булыжника. Для составления каждого пудового камня полагает он *два фунта* извести: сие малое количество и еще можно уменьшить прибавкою вместо оной *золяного щелоку.* Сила вяжущая от того не убавляется. Чтоб составить *штукатурку,* употребляют тот же раствор (только песок гораздо мельче), прибавляют больше золы и несколько рубленого конского волоса. Изобретатель для каменистой своей жидкости придумал и формы: самые простые и удобные. Кирпичные для сего вовсе не годятся. Г. Маслов сделал несколько длинных деревянных четвероугольных *параллелограммов* или *рам,* разделенных поперечными дощечками, которые могут выниматься и вкладываться. Число сих перегородок соответствует числу камней, помещаемых в общей форме. Приготовленный песочный раствор накладывают в формы и, когда оный несколько очерствеет, снимают прежде рамы, а потом и дощечки, камни же остаются на своем месте неподвижны. *Одною* формою можно делать вдруг от пяти до десяти *камней.* В южной Польше и Украине строят дома, называемые *мазанками,* из сырого необожженного кирпича; однако ж это делается по недостатку леса в степных местах и сносно только в тамошнем благотворном климате. Крестьянин на берегах Днепра, Буга или Днестра без дальних околичностей растворяет глину с песком и речною водою; потом

для уменьшения *вадкости* раствора прибавляет *рубленой соломы, конский волос* или *мочал*: от этого состав глинистый так скрепляется, что, провянув дней десять на солнце, может уже с бережливостию употребляем быть в строение. Напротив, *камни смоленского изобретателя* без малейшего к ним прикосновения должны пролежать на месте по крайней мере $2^1/_2$ месяца, дабы могли сами собою окрепнуть: зато они становятся уже настоящими камнями, несравненно тверже и надежнее рухлых *украинских кирпичей*. Прибавим еще, что у г. Маслова каждый камень, по величине своей, заменяет десять обыкновенных кирпичей. Не облегчает ли это работы каменщиков? Притом сколько может сберечь *леса* сие новое изобретение — леса, который так очевидно истребляется!.. Г. Маслов как будто бы угадал тайну природы в составлении своих камней; ибо почти такие же образуются сами собою в недрах земли. В гористых берегах Волги, именно в *Старице*, производится ломка белого камня, который добывают из самой подошвы гор. В сих каменоломнях работают всегда с огнем и в самые морозы не чувствуют холода. Обыкновенно семь или восемь сажень земли, с хрящем и кремницею, скрывают под собою белый камень, лежащий рядами в мягком состоянии; но прикосновение атмосферного воздуха делает его твердым. Белизна самородного камня старицкого происходит, вероятно, от большого количества мела, находящегося в нем.

Известно, что природа и искусство, чрез сочетание некоторых стихий и разнородных веществ, творят великие чудеса; например: огонь, соединенный с песком и другими составами, рождает светлое, прозрачное стекло, не уступающее в пользе, по выражению Ломоносова, и алмазам. И самый алмаз, как говорят, есть порождение солнечных лучей. Вода в горных пустотах, посредством *кристаллизации*, производит полупрозрачные разновидные *стелактиды*. Может быть, и на берегах Волги от соединения воды с известковыми частицами и песком родится *белый камень*, который тамошними жителями пережигается опять в известь. Г. Маслов охотно объявляет всякому любопытствующему способ свой, дабы, как он говорит, изобретение его не умерло вместе с ним. Если б подобное изобретение сделал какой-нибудь хвастливый иностранец, то, верно, гремели бы о нем во всех ведомостях и все дивились бы иноплеменному чудодею; но скромный старик Маслов и дом его, сделанный из *песка* и *воды*, едва ли обращает на себя внимание, и то редкого даже из тех, которые всякий день мимо его проходят: *не славен пророк в отечестве своем!*

КЛАД

«Клад! клад! Несколько бочек золота и серебра, несколько бочонков крупного жемчуга! Все это хранится под землею, в каменном погребу, на берегу Днепра к западу в двух верстах от Смоленска!» — так разглашала молва, и жители городские толпами бежали на то место, где надеялись вырыть сокровище. С каждым днем число жителей возрастало; открывшиеся подземные своды увеличили нетерпение любопытных. Всякий желал быть очевидным свидетелем, как отроют железные ворота, отломают древние заржавленные замки, и вдруг из окованных железными обручами и поросших мохом бочек посыплются, как жар, золотые деньги, зазвенят серебряные рубли и, наконец, дойдет очередь и до крупного, светлого жемчуга.— Откуда ж произошел слух о сем кладе? — Один из смоленских купцов нашел в бумагах покойного отца своего древнюю запись, в которой объявлено было, что в таком-то именно месте, по течению Днепра, недалеко от городских стен находится великий клад. Наследник сей бумаги идет искать назначенного места; находит описанные природные приметы и заключает, что место должно быть то самое.

Прежде него никто не подозревал, чтобы там мог скрываться клад.

Участок сей загородной земли принадлежит монастырю; там выстроен теперь деревянный дом архимандрита и анбары. Из давних лет пахалась там земля и разводились огороды; но, несмотря на то, искатель клада, согласясь с несколькими товарищами, начал копать на дворе. Вскоре, по снятии двух или трех аршин земли в глубину, открылся каменный свод. Тут умножилось число работников, усугубилось старание, и в несколько недель открыли несколько сводов и погребов. В продолжение рытья находили сухари уже почти окаменевшие, порох, смешанный с землею, и камни, округленные наподобие ядер. В крайнем погребе нашли множество гробов. Это, конечно, один из тех погребов, которые обыкновенно бывают у поляков под их костелами. По всем признакам надо догадываться, что на сем месте был замок или монастырь, а может быть, это мыза короля Витовта, о которой упоминается в смоленских летописях. «Где ж клад?» — спросите вы. Он еще не найден; копание отложено до весны.

Платя общую дань любопытству, я сам ходил с несколькими приятелями посмотреть клад. Вот что мы увидели: пространство, заключающее в себе около 20 квадратных сажен, взрыто было в разных местах. Мы спустились вниз и пробирались между грудами камней, составлявших своды, простен-

ки и погреба. Своды сделаны из самого лучшего кирпича; в основании их положены ужасной величины каменья. Известью, как видно, не скупились: все стены залиты ею. На верху одного свода приметна труба: копоть от дыма и по сю пору на ней не истребилась. Судя по зданию, которого труба открылась и которое погребено еще под землею, можно бы почесть, что здесь находится провалившийся замок, какой-нибудь новый Геркуланум. Но вероятнее предполагать, что видимая печная труба принадлежит к одной из подземных тюрем или караулен, которые обыкновенно находятся при замках. Может быть, пушки или стенобитные орудия неприятелей разрушили находившийся на сем месте монастырь или городок, а время засыпало землею и самое основание его, которое теперь откапывают.

Деньги — лакомая приманка!.. Пословица гласит, что деньга камень долбит; а на деле выходит, что для денег долбят камни, разрушают здания и раскапывают землю.

Судя по нынешнему пристрастию к золоту, кажется, что люди не устрашились бы прокопать землю до самого ее центра, если б надеялись найти там золотое дно... Обыкновение искать клады есть одна из древнейших глупостей человеческих. Правда, что иным удавалось выпахивать котлы с деньгами на нивах или находить их в старинных погребах под развалинами, при устье рек. Но это могло случаться скоро по прекращении набегов, случавшихся в смутные времена. Полководцы, разбитые на поле сражения, князья, вытесняемые из своих областей, и скупые богачи, устрашенные приближением военных бурь, вверяли земле сокровища свои, оставляя в потомство записи, часто вырезанные на медных досках, в которых описывались приметы тех мест, где покоился клад. Суеверие выдумало впоследствии множество басен насчет кладов. Уверяли, будто есть *клады заветные, проклятые, околдованные;* что они стерегутся невидимыми духами и проч. и проч. Искатели кладов имеют свои приметы: если гром несколько раз ударит в одно место, то, по мнению их, там должно искать сокровища. В сумерки осенних вечеров, увидев блуждающие по влажным долинам огни, они восклицают: «Это клады горят!»

Падающие звезды, которые в прекрасные летние вечера кажутся упадающими с голубого неба, оставляя за собою золотую черту, в понятии суеверных почитаются *огненными змеями*. Змеи сии будто бы носят деньги в дом того, кто с ними подружится. Это мнение, кажется, произошло оттого, что некоторые люди в короткое время, без очевидных причин, чрезмерно богатеют. Например, какой-нибудь простой

дворянин N.N., получив в наследство сотню душ, менее нежели чрез двадцать лет покупает уже пятнадцатую тысячу душ!.. Невольно скажешь: «Огненный змей с ним в дружбе».

Полночный час накануне Иванова дня почитается самым удобнейшим для сыскания погребенных кладов. В этот час, как говорят, можно сорвать *волшебный цветок с папороти**, который есть вернейший ключ ко *всем подземным сокровищам***.

Встретив привидение в образе зверя или в каком ни есть огненном явлении, искатель клада должен зачурать и проговорить: аминь, аминь, рассыпься!.. Тогда призрак превратится в кубышку с золотом или серебром. Ныне этот способ наживать деньги кажется уже не в обычае. Сколько усилий, сколько трудов и забот употребляют к тому, чтоб разбогатеть! Если б хотя с половинным против сего усердием отыскивали сокровища добродетелей: сколь счастливо было бы общество!..

В наше время истинные добродетели сделались кладами: их должно находить во мраке неизвестности, в удалении от шума страстей, под кровом убогих хижин... Но кто захочет принять на себя труд искать в такой отдаленной глуши, и чего ж? — добродетелей!.. Деньги! деньги! Сии *звенящие наличные добродетели* — вот волшебный талисман, с которым исходишь весь свет вдоль и поперек, а ум, добрые качества и дарования похожи на ассигнации, имеющие условную, и то часто непостоянную, цену в одном только уголке земли, тогда как во всех прочих местах вменяются они ни во что. В древней Спарте можно было прожить без денег с одними добродетелями, а теперь в наипросвещеннейшей нашей Европе, как думаете, сыщется ли хотя малейший лоскуток земли, на котором бы можно было жить, как говорят, безданно, беспошлинно? — Бог знает!..

ЦЫГАНЕ

Мы подъезжали к селу Р. В стороне, близ синеющего бора, пылали огни; это значило, что там гостили цыгане. Поравнявшись с ними, увидели мы картину жизни сих ко-

* Простолюдины почитают папороть бесцветным растением потому, что не видят на ней цветов, которые скрываются под широкими ее листьями.

** Некоторые и даже ученые уверены и уверяют, что золото и серебро, в земле находящееся, может быть открыто посредством какого-то таинственного *прутика отгадчика* (baguette divinatoire). Говорят, будто германский профессор *Эбель* занимается теориею сего прутика.

чующих племен: куски холста и парусины, развешанные по сучьям дерев и подпертые древками, составляли их шатры, или подвижные домы. По сторонам стояли повозки, навьюченные имуществом; лошади паслись около них; мужчины курили табак, женщины стряпали кушанья, а ребятишки, в изорванных и разноцветными лоскутьями залепленных балахонах, с босыми ногами, скорчась, коптились вокруг огней.

Едва остановились мы в постоялом дворе, как вдруг толпа смуглолицых, одетых уже по-праздничному цыган, с музыкою и песнями, явилась к увеселению нашему. У всех мужчин черные, как уголь, и в дробные кудри завившиеся волосы, кафтан и кушак, за которым у каждого плеть. У женщин алые плащи, груди обвешаны монистами, на головах тюрбаны с гремучими привесками.

Что за народ цыгане? «Это не народ, но отрывок народа»,— сказал друг мой. Очень хорошо, но откуда он происходит? Каким образом, имея лица и обычаи жарких африканских стран, бродит в областях холодного Севера? Верить ли простонародной молве, что род цыган есть остаток египтян, спасшихся от потопления в Красном море, или, по мнению некоторых, почитать их пришельцами с берегов Инда? Мысль моя покажется странною; а не худо б было, если б какое-нибудь ученое общество приняло на себя труд исследовать их язык, сличить с прочими наречиями и узнать его происхождение. По свойственному нам любопытству, мы не любим загадок, стараемся их скорей разгадывать; но цыгане, столь часто нами встречаемые, не должны ли служить нам всегдашнею загадкою? Смуглость лиц есть печать их какого-то первобытного состояния; их неизменная привычка к кочующей жизни и мене означает странствующую жизнь первобытных обществ.

Какая же причина расточения сего народа по лицу земли? Может быть, в их наречии, а особливо в песнях и молитвах, нашлись бы выражения, открывающие их прошедшие бедствия. Я говорю: бедствия, ибо ничто, кроме мора, потопа или меча завоевателей, не может разлучить народ с отечеством. Молитвы, особливо песни народные, могут почесться словесными летописями: они бывают отголоском древних событий. Может быть, открылось бы, что разврат в народе или страсти правителей привлекли гнев грозного мстителя, который рассыпал племена его по лицу земли.

Любопытный наблюдатель превратностей в судьбах народов, конечно, сделает вопрос: отчего *цыгане* и *евреи*, равно живущие в рассеянии, имеют различную участь? Евреи и в расточении составляют народ; цыгане не имеют и тени

народного бытия. — Здесь ясно видно торжество общественных постановлений, законов и нравственного просвещения над грубым невежеством. Если б евреи не имели Моисея, то, верно, при первом исходе из Египта исчезли бы в толпе прочих, населявших ту часть земли, народов. Но премудрый, Богом вдохновенный законодатель так умел скрепить их обычаями, нравами, обрядами и законами, что в течение нескольких тысяч лет и теперь, в гонении и рассеянии, существуют они еще в виде народа. Если б внезапное бедствие постигло Европу, который из ее народов, среди всех волнений и перемен, сохранил бы надежнее и вернее свое народное или нравственное бытие? — Угадайте*.

СЕЛО N.

Вид обширных, опустелых садов, огромных, еще не достроенных и уже в развалины превращающихся палат погружает невольно в уныние и напоминает о суетности предприятий человеческих.— Как очевидна превратность вещей мирских в запустелых чертогах вельможи! Вот комната, назначенная для его спальни: здесь надеялся он собрать все произведения роскоши к услаждению чувств своих негою; и что же? Наместо бархатного ложа *сибарита* теперь видим там куль соломы, на котором спит ночной сторож великолепных развалин. Стены, вместо пышного штофа и позолоты, покрыты сыростью и паутиной. В огромной передней, которая должна была вмещать в себе блестящую челядь знатного господина, толпы его льстецов и несчастных, угнетенных бедностию, соседей; в сей передней видишь теперь растущую по ущелиям крапиву, полынь и встречаешь повсюду порхающих нетопырей. Пусть те, которые весь свой век проводят в затеях, пусть пред начатием огромных своих дворцов проведут хотя один час сами с собою, в развалинах жилищ их предков. Там услышат они голос разрушения, который скажет им: «Несчастные! или забыли вы о ничтожестве своем? Смотрите: здесь блистало золото, здесь возвышались ряды прекрасных столпов, здесь роскошь расcти-

* Тот, который тверд и непоколебим в нравах и вере праотцев. Твердость в нравах и вере отечественной сохранили *русских* в трехвековое владычество татар над Россиею. Херасков справедливо написал, что «в сии позорные России времена погасли княжески почти и имена; чужие к нам пришли обычаи и нравы, и скрылися следы приобретенной славы!..» Если б в сии времена изменение русских нравов не частным, но общим было злом, то не только следы славы, но и целая Россия скрылась бы с лица земли.

лала ежедневно златые скатерти свои и зазывала сынов счастия на великолепные пиры; здесь честолюбие с тайною радостию взирало на лесть и раболепие пресмыкавшихся у ног его; теперь видите вы здесь одно запустение, слышите один свист ветров и стон распадающихся стен! *Лесть крадется с развалин счастья**. Почто же хотите созидать новые чертоги, возращать новую жатву для неумолимой косы времени?» — Может быть, и совесть богачей, воспрянув в сем уединении в минуты безмолвия их страстей, сказала бы им: «Вспомните, что вы члены общества, в котором все должны пользоваться равным счастием, и потому за каждое преимущество, присвоенное вам, вы остаетесь в долгу у ваших ближних! Все, что у вас излишнее, принадлежит тем, которые терпят недостаток. Подражайте Природе, заставляющей собранные в одном месте воды разливаться благотворными ручьями туда, где луга и поля томятся жаждою. Итак, расплатитесь прежде долгами, успокойте стон братий ваших, обремененных от колыбели и до гроба веригами бедности, — тогда для малых своих особ созидайте великие чертоги!»

ПОЧТА

Солнце сокрылось за темные леса. Алый блеск разлился на западе. Чрез час золотые звезды начали проглядывать сквозь эфир и одна за другою блистали на голубом небе. Вскоре полная луна, окруженная тихим, незыблемым сиянием, медленно и величественно вступила в путь свой и накинула сребристый покров на всю природу. Вечерние росы, ниспадшие вместе с сумерками, засверкали на долинах; мрачная зелень дерев посребрилась сквозившими лучами ночных светил, и вся сия великолепная картина осеннего вечера изобразилась в прекрасных зеркаловидных озерах села...

Мы вошли в постоялый дом. Содержатель оного был русский крестьянин, то есть уроженец одной из губерний, лежащих внутри России. Известно, что ярославцы, костромичи и прочих губерний жители, где земля к хлебопашеству неспособна или где, по причине большой населенности, более рук, нежели земли, расходятся почти по всему пространству нашего отечества — искать работ. В обеих столицах исполняют они должности разносчиков, конфетчиков и прочее; сверх того, как в городах, так и в селах содержат на откупе трактиры, харчевни, постоялые домы. Одним словом: промыш-

* Это выражение одного из наших известных стихотворцев.

ленность заменяет им земледелие.— Содержатель этого постоялого дома был ржевский мещанин. Узнав, что мы едем в Ржев, он просил доставить письмо к отцу его и притом, указывая на детей и жену, сказал: «Отец мой долго не получал об нас вестей: он, чай, больно кручинится; вручите, государи! ему грамотку и скажите, что видели меня и внуков его в добром здравии». Мы взглянули на жену его, отличавшуюся от прочих женщин русским нарядом, и любовались на детей, полных, белоликих малюток, одетых в пестрые ситцевые рубашки с косыми воротниками. Они забавлялись около матери, прося нас поклониться их *седому дедушке*. Как не исполнить такого приятного поручения; кто не согласится утешить доброго старика радостною вестию о его семействе? — В начале обществ, когда еще не ведали учреждения конных почт, путешественники часто доставляли известия из одного места в другое. Может быть, это самое скрепляло узы гостеприимства между гостем и хозяином. Странник, хотя б покрытый рубищем, верно с поспешностию введен будет в великолепные палаты, обласкан и угощен, если принесет нежной матери или супруге радостную весть о благополучии сына или супруга ее. Впоследствии учреждение почт доставило легчайший способ беседовать заочно с друзьями и родными.— Желание сообщать мысли и чувства свои отсутствующим милым особам свойственно каждому. Мысль наша в сладостные минуты досуга стремится обтекать страны отдаленные. От влажных зыбей океана парит она к звездным кругам, быстро мелькает в обителях роскоши, в позлащенных чертогах и с удовольствием останавливается в укромной хижине нашего друга. Сердце влечется к сладостной беседе с другом. Оно желает нетерпеливо излить полноту чувств своих в другое милое знакомое ему сердце. Это побуждение заставило искать средств ко взаимному заочному сношению. Но кто был первым изобретателем почты? — *Любовь!* Что же подало ей повод к сему важному изобретению? — *Разлука*.— Выслушайте небольшую повесть:

На счастливых берегах благотворного Нила прелестная Зенида, дочь вельможи и богача, полюбила бедного Зонара. Долго любовь их, покрытая неизвестностию, доставляла им райские минуты восторгов и блаженства. Наконец гордый отец Зениды узнал все и заключил ее в верхнее жилье своих палат. Там несчастная жертва корысти и честолюбия оплакивала жребий свой и часто в сердечной грусти повторяла имя милого, который также страдал, и страдал в удалении от нее. Под окном ее комнаты, или богатой тюрьмы, нежная ласточка свила гнездо и часто щебетанием своим вызывала

юную пленницу смотреть, как оделяла она пищею еще не оперенных малюток своих. Напрасно заключенная красавица вопрошала всю природу о своем милом Зонаре: все молчало вокруг нее; никто не мог передать ей вести о милом. В один день, чувствуя более обыкновенного бремя грусти на сердце, Зенида глядела в окно на всеобщее ликование свободных тварей, которых человек не успел еще оковать своею властию. На сей раз соседка ее ласточка что-то долго замешкалась в своем воздушном странствовании. Уже маленькие птенцы жалобным чиликаньем изъявляли томление свое... как вдруг явилась нежная, заботливая мать. Распростертыми крылышками обняла она свой маленький домик и спешила утолить голод тоскующего семейства. Между тем красавица примечает под крылом ласточки что-то похожее на письмецо. С нетерпением дожидается она ночи, и лишь только пернатая хозяйка приютилась на ночлег к детям своим, Зенида ловит беспечную, отвязывает письмецо, которое у нее заметила, и опять возвращает мать и кормилицу детям ее. С чем сравнить удивление и радость Зениды, когда в письме сем узнает она руку своего любезного... Он пишет, что, будучи лишен всех средств видеться и переписываться с нею, но приметив, что на илистых берегах Нила сбираются ласточки запасаться пищею и некоторые летают прямо к палатам ее отца, он решился наудачу одну из них сделать *вестницею любви*. Зенида, облобызав стократно строки, начертанные рукою неоцененного друга, осмелилась и сама отвечать ему таким же образом. До рассвета еще она сняла опять ласточку с гнезда, прицепила ей под крылышко письмецо и, расцеловав милую поверенную тайных чувств своих, пустила ее на волю. Пернатая посланница, как нарочно, присела опять почти на том же месте, где скрывался в нетерпении волнуемый страстью Зонар. Невидимый дух, покровительствующий нелицемерным любовникам, помог ему в другой раз изловить внезапно, наброшенною сетью, уже знакомую птичку. Он прочел ответ, в восторге написал другое пламенное письмо, вверил его опять верной переносчице, и она, увлекаясь материнскою нежностию, неизменно служила любви, сетовавшей в разлуке. Быстрые крылья воздушного гонца переносили вести от сердца к сердцу, и таким или подобным сему образом учредилась *почта ласточек**.

Впоследствии изобрели искусство делать вестовщиками собак и голубей. В древности очень известна была воздушная

* Говорят, что прежде всего употребляли для воздушной почты ласточек и *голубей*.

почта голубей. В Дамаске и Коринфе наиболее их употребляли. Голубок, отправленный влет с письмом, взвивается к облакам, перелетает горы и реки, часто видит в пути под собою сражающиеся войска: тучи стрел свистят в воздухе, и смерть распространяет владычество свое в кровавой долине. Но воздушный посол превыше гибели и смерти; он слышит треск копий, звук мечей, стон умирающих, слышит и ускоряет полет свой в страны благоденствия, цветущие под сению златого мира. Пернатый гонец, спускаясь, садится точно в том месте, куда был отправлен*.

Некоторые люди, спасшиеся с разбитых кораблей, желая переслать весть с необитаемых островов к населенным берегам твердой земли, употребляли к тому крепко закупоренные бутылки, в которые клали записки. Волны, имея непосредственное стремление к земле, приносят посланную бутылку к какому ни есть обитаемому берегу, а чрез то подают весть о несчастном страдальце, заточенном судьбою на малом лоскутке земли, среди неведомых морей.

По словам Иродота, первая почтовая езда изобретена персами. Он говорит, что от берегов Греческого, или Эгейского, моря до Сузы, столицы Персидского государства, находилось *111 ночлегов*, расстоянием один от другого на день езды. А по уверению Ксенофонта, Кир был первым установителем почтового сообщения. Во время дальних походов, видя пределы державы своей расширенными, он учредил станы с крепкими, для гону определенными лошадьми. Таким образом из края в край повеления его скоро доходили, и царь мог, так сказать, беседовать со всеми народами своей державы.— По сказанию Светония, Август установил по разным большим дорогам постоялые дворы, в которых назначалось известное число молодых пешеходцев для почт. Подобное тому учреждение существовало в Америке в то время, когда в первый раз европейцы приплыли к ее берегам. Не имея грамоты, прибрежные жители Мексики списали портреты с гостей европейских и чрез скорых ходоков, по передаче, отправили к своему Государю.— Во Франции почитается первым порядочным учредителем почты Людовик XI в 1467 году. В Германии ввел употребление почт граф Де ла Тур Тасисс в 1574 году.— В России еще издавна существовала ямская гоньба по всем большим дорогам даже до Тобольска. Начиная от Казани, отправляема она была татарами. Но порядочное основание свое российская почтовая езда получила при царе Михаиле Феодоровиче.

* Древние полководцы имели при себе ученых *соколов,* дабы перехватывать воздушных гонцов — *голубей.*

Теперь старанием многих премудрых Государей почтовое учреждение находится у нас в цветущем состоянии. Теперь, сидя в своей хижине, начертав на лоскутке бумаги и запечатав *мысли свои*, можем посредством почты пересылать их в шумные города, в огромные палаты наших знакомых. Теперь утешение и помощь наша могут достигнуть до самой столицы зимы — в мрачную Сибирь, где несчастный оживотворится напоминанием счастливцев. С сердечною благодарностию станем пользоваться лучшим учреждением благоустроенных обществ — почтою!

СЕЛО П.

Подъезжая к П..., вы увидите издалека громаду строения, расположенного среди рощей и садов, на берегу Днепра. Великолепные здания, высокие готические башни и церкви придают этому селу вид городка. Помещик села П... во всех своих усадьбах имеет каменные строения, и в некоторых прекрасные фабрики. Здесь любопытство побудит путешественника остановиться с тем, чтобы пробежать длинный ряд каменного строения, осмотреть обширные сады и полюбоваться течением голубого Днепра, извивающегося в зеленых берегах своих. Кто видел Днепр где-нибудь вблизи его устья или хотя в Киеве, кто удивлялся его широте, его величественному течению, его бурному стремлению в шумных каменистых порогах, тот с любопытством взглянет на него здесь, где он еще в младенчестве, едва расставшись с лоном матери-земли, мирною речкою разгуливает в заповедных лугах. Великие люди, в жизни своей, подобны течению рек: вышед из колыбели, они равны всем прочим младенцам, но шествие их ко гробу наполняет мир постепенно возрастающею молвою: оно сопровождается шумом, блеском и торжественным гласом гремящей о них славы.

Человек с нежным чувством и вкусом не полюбит здешних садов: ибо это сады италиянские, где обыкновенно природа обезображивается. При всей обширности своей могут они быть обозрены скорее, нежели один английский садик, разведенный на одной десятине. Зайдите с двух или трех разных сторон, пустите взор ваш (если не боитесь утомить его однообразностию) вдоль по обстриженным и обритым аллеям... Вы заметите несколько беседок, прудов, храмиков, статуй, поставленных на округленных горках, и после этого получите достаточное понятие о целом, едва обозримом саде. В садах, называемых *регулярными*, нет разгулу для воображения,

нет пищи для любопытства, нет услаждения для сердца: в них можно ходить, а не прогуливаться, смотреть, дивиться, но не мечтать. То ль дело английские сады!.. В П... есть, однако ж, в одном саду прекрасная, недавно сделанная беседка. Она составлена из густоты наклоненных дерев; канапе и стулья выплетены из тонкой лозы и унизаны буса́ми или шариками, скатанными из моху; вместо обоев — зелень древесная, вместо перин — мягкий мох. Стол — простая доска, утвержденная на древнем пне. Эта беседка или пастуший шалаш есть прекрасная игрушка, которая по простоте своей, верно, понравится более, нежели все вынужденные прикрасы садов. Точно как миловидная невинная девушка в простом белом платье пленяет более, нежели щеголиха, ощекатуренная белилами и румянами, одетая в бархаты и убранная в алмазы.

ЦЕРКОВЬ

Лучшим из всех зданий в *П...*, кажется, без ошибки можно почесть церковь. Она ни огромна, ни великолепна; но украшена, так сказать, всеми простыми и прекраснейшими цветами зодчества. Внутри позолота и хорошая живопись. От входа на левой руке отличается надгробный памятник. Из белого мрамора изваянная во весь рост женщина, томною главою наклонясь на руку, изливает скорбь свою в слезах. Пред нею поставлен высеченный на мраморной же доске образ того, кто в жизнь свою приобрел обширные поместья и великие богатства, которые оставил в наследство сыну своему, нынешнему владельцу П....го. На подножии памятника блестит золотыми буквами надпись, изображающая чувство признательности сына к отцу.— Более всего понравился нам хороший выбор и мастерская отделка украшающих церковь снаружи *горельефов*, или *лепных картин*. Опишем некоторые из них:

1). Усекновение главы Иоанна Крестителя. Обезглавленный труп неустрашимого защитника повержен на помосте. Палач, совершивший казнь, бросает с ужасом, как бы устрашась самого себя, убийственную секиру и воздевает руки и глаза к небу. Все окружающие, обрызганные невинною кровию, цепенеют от страха и жалости. Иродияна, отвращая смущенные взоры, едва может удержать в трепещущих руках своих золотое блюдо, на котором плавает, в горячей крови, с подернутым смертною бледностью лицом, глава страдальца. Воображение зрителя придает тени и краски сей лепной картине и само поражается ужасом.

2). Моисей, представляющий народу десять заповедей.—

Иосиф Флавий следующим образом описывает обстоятельства, предзнаменовавшие сошествие Моисея с горы Синайской: «Хотя в прочих местах небо было ясное, но над станом евреев восставшая сильная буря производила великий дождь, ужасная блистала молния и громы, мещущие стрелы, явно показывали присутствие Бога, Моисеевым прошениям милосердно внимающего. Но в скором после того времени возвратилась и прежняя ясность неба, и бури, мятущие воздух, разогнаны были Моисеевым присутствием». Взглянем теперь на горельеф: Моисей сходит с вершин Синая, где под блеском воспламененных облаков беседовал лицом к лицу с Богом. Он представляет 10 заповедей. Брат его Аарон повергается пред ним. Весь народ с благоговейным восторгом упадает на колена, и Моисей с торжествующим лицом, с некоторою священною улыбкою, кажется, говорит народу и вселенной: «Смотрите, как просты, кратки и вразумительны вещания Бога!.. Что пред ними все пространные хитросплетенные вымыслы смертных?.. Да будут сии десять глаголов Божиих,—продолжает он,— да будут вам любезнее жен и чад ваших. Соблюдая оные, вы найдете благополучие в житии вашем: на земли узрите плодоносие, на море тишину, порождение чад будете иметь счастливое и сотворитесь страшными вашим супостатам».

3). Обретение Моисея. Фермуфа, дочь царская, прогуливаясь по берегам реки с подругами, вдруг видит гонимый ветрами и колеблемый волнами легкий ковчежец, в котором трепещется прекрасное дитя. Юная царевна, пораженная состраданием, повелевает тотчас искусным пловцам извлечь несчастного сироту. Горельеф изображает чувствительную благотворительницу, склонящую прелестное лице свое в колыбель *изъятого из воды**. На очах ее блестят слезы сострадания. Прекрасное дитя, за ласки платя ангельскою улыбкою, простирает к ней ручонки свои. Все подруги царевны, цветущие младостию и красотою, с неизъяснимым чувством приветливости и дружелюбия смотрят на младенца.

4). Многострадальный Иов, окруженный друзьями утешителями. Когда неприязненный рок уловит тебя в сети лютейших бедствий, когда напасти обыдут тебя, когда сердце твое сделается обителию горести и очи источниками слез, тогда, о несчастный странник дольнего мира! тогда раскрой в Библии книгу Иова, сравни его страдания с своими и укроти ропотный стон бунтующего сердца твоего. Ибо ты увидишь ясно, что все твои потери, пред скорбию Иова, суть то же, что плач ребенка, лишенного детских игрушек, в сравнении

---

* Моисей значит на ассирийском языке: *из воды изъятый*.

с воплями старца, потерявшего супругу, дщерей и многих сынов на брани. Если счастие дней твоих исчезнет, как тень мимотекущих облаков, если отлетят от тебя непостоянные радости, любовь обманет, как сладкая мечта, надежда угаснет, как последний луч вечернего солнца,— и тогда не дерзай еще мыслить, чтобы Провидение не имело, чем утешить тебя. Сквозь мрак лютейшей скорби проникнет к тебе луч отрады. Кто же озарит тебя сим лучом, кто принесет к оледенелым устам твоим сосуд утешения? — Дружба! — С сердечным умилением взглядываю на горельеф: Иов, лишенный сокровищ, детей и почестей; Иов, изринутый из позлащенных чертогов своих, обремененный неслыханными болезнями, пиющий поругание, как воду, медленно разрушающийся на куче навозной, утешается присутствием друзей. Скорбь и болезнь страдальца столь были велики, что в течение трех дней и трех ночей друзья не дерзали с ним говорить. Наконец они открыли уста, и сладчайшее утешение излилось в полуистлевшую грудь страдальца.

5). Авраам угощает трех ангелов. Перенеситесь воображением вашим в области древнего мира, представьте себе прелестную картину патриаршеской жизни, когда столетние старцы, сии ангелы земные, беседовали с ангелами небесными и с самим Богом! — вы увидите Авраама, от утренней и до вечерней зари сидящего у прага кущи своей *на страже человеколюбия.* Каждый путник, странствовавший в безмолвии пустынь еще не населенного мира, приглашаем был патриархом, как гость, как друг. В то время все были братьями, а Бог общим отцом всех. Тогда люди праздновали встречу с людьми и при разлуке, в знак постоянной приязни, воздвигали *камень дружбы,* на котором гость и хозяин вырезывали имена свои или общими силами выкапывали *кладезь завета* в сухой пустыне, при пути, для напоения жаждущих.— В лепной картине изображен Авраам в сени маврийского дуба. Завидя издалека трех путников (воплощенных ангелов), он поспешно встает, идет к ним навстречу, простирает правую руку в знак приязни и просит утружденных провести часы кипящего зноя в прохладной тени его кущи. Улыбка дружелюбного приветствия озаряет его лицо. С другой стороны Сарра, хотя уже 90 лет от роду, но стройная, миловидная*, в полуоткрытую дверь смотрит любопытно на все происходящее с каким-то тайным предчувствием.— В лепной картине лица ангелов прекрасны; осанка их величественна.

---

* Царь герарский пленился Саррою, когда ей было сто лет.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Защитники нынешнего века беспрестанно восклицают, что мы час от часу становимся умнее, просвещеннее. Поверим им и спросим: становимся ли мы счастливее? — Но в чем же состоит нынешнее усовершенствование нашего поколения? Разве похваляться тем, что изобрели бесполезное искусство летать на шарах или другое, приводящее в трепет вселенную, искусство в один день убивать до 100 000 народа, сожигать флоты, приступать к неприступному*, проходить путями непроходимыми, изменять образ держав и в глазах наших производить в действие нечто похожее на Овидиевы превращения? Древние лучше нас знали сердце человеческое, знали, что может его утешать и услаждать, и по сему познанию вернее нас угадали, в чем должно состоять истинное счастие общества.

Гостеприимство есть бесспорно первая добродетель, скрепляющая узы общежития. Хотите ли знать, как свято сохранялось оно у древних? Прочтите Гомера. Например, в шестой песне: в самом пылу гремящей брани Диомид, герой греческий, встречается с Главком, новым защитником Трои.

Но Диомид и Главк, защитник града новый,
Двух воинств на среду исходят, в бой готовы —
Исходят, сблизились, являя грозный вид...

По сему вступлению кажется, что начнется кровавый бой, в котором один из героев должен непременно пасть; но Диомид и Главк расстались друзьями... Что же причиною такого внезапного превращения? — Гостеприимство. Диомид просит Главка объявить о имени и роде своем: оба героя, как водится у Гомера, под шумом битвы рассказывают друг другу повесть своей жизни. Все оканчивается полюбовно: они узнают, что праотцы их угощали один другого и взаимно друг друга одарили.

Мы гости и друзья по праотцам с тобой,—

так говорит Диомид и потом чрез несколько стихов повторяет:

Да зрят, что мы друзья, и проч.
Скончал — и каждый в дол спешит со колесницы,
В знак дружбы сопрягли геройские десницы...

Вот гостеприимство греков!

Теперь посмотрим, как изображает добродетель сию север-

* La théorie de l'impossible.

ный Гомер, Оссиан, описывая прелестные свойства души Катморовой. Первым из его добрых качеств поставляет он склонность к гостеприимству: «Душа Катморова светла, как луч нёбес. Башни его возвышались на брег Аты. Седмь путей провождали к его чертогам; седмь вождей бодрствовали всегда на путях сих, чтоб приглашать чужестранцев к его пиршествам. Сам Катмор скрывался в густоту лесов, избегая похвал народных...» Какая превратность в обычаях! Во время барда Оссиана ставили стражей, чтоб блюсти прохожих и зазывать их в гости, а ныне ставят в воротах швейцаров в блестящей одежде и с жезлом в руках, не для указания пути, но для отказу посещающим, для преграждения входа толпе заимодавцев, беспокоящих требованиями своими вельможу, и для отдаления бедных вдов и сирот, орошающих слезами горести лаковый помост в палатах богача.

И у нас на Святой Руси знавали гостеприимство: ласковый хозяин, сытный стол, сладкий мед, а подчас и фряжское вино — вот что встречало странника в России. Сверх того утружденным от дальнего пути предлагали покой и теплую баню. Убогих кормили, поили и оделяли деньгами. Нельзя лучше изобразить отличительного свойства коренного русского поселянина, как оно представлено в нескольких стихах прекрасного стихотворения «Пеночки». Чувствительный творец сего нежного произведения в полноте сердечных чувств восклицает:

Пеночка! о друг мой милый!
Кто мне крылья даст и силы
Полететь в поля с тобой,
Где семьею окруженный
Земледелец наш простой,
Под столетнею ветлой,
В полдень жаркий утомленный,
Сытны щи покойно ест,
И со хлеба верхню кромку
Срезав, он кладет в котомку
Для убогого тех мест...

Роскошь есть первый враг всех добродетелей вообще,— следовательно, и гостеприимства. Сибариты и эпикурейцы умеют только угощать самих себя. Светские люди только хвастают гостеприимством, но истинная услужливость, заботливость, попечение, усердие, которыми приправляется и кусок самого черствого хлеба,— все сии тайны странноприимства для них неизвестны. Гостеприимство бежит тех мест, где водворяется корыстолюбие. Итак, не ищите его в городах и в окрестностях оных. Царь Иван Васильевич, изведав, что

домы поселян ближайших к столице деревень переставали отпираться для бедных странников и что хозяева сделались глухи к молениям прохожих, внимая только звуку денег, платимых за ночлег,— сей Государь, подобно Юпитеру, нисшедшему с Олимпа в хижину Филимона и Бавкиды, сам сходил с блистательного престола, вместо царской утвари облекался в рубище, стараясь чрез то восстановить в земле Русской гостеприимство. Раболепная осторожность и хитрая лесть, недремлющие стражи, приседящие престолам царским, беспрестанно распространяют пред очами монарха очаровательный туман, сквозь который ему кажется, что все народы его дышат столь же свободно благоденствием, как воздухом. Но рубище, воздетое на рамена Государя, есть волшебный талисман, с помощию которого, будучи незнаем, он узнает и услышит то, о чем вовсе не имел прежде и догадки. Обратимся к гостеприимству. У древних был священный обычай, угощая каждого странника, не прежде спрашивать о имени его и роде, как по прошествии трех дней. У нас, напротив, посылают слуг выпытывать, кто, откуда и куда едет. Насыщают свое любопытство, а проезжего нередко оставляют ночевать с голодом в бедном постоялом дворе. В старину странники проходили мимо домов тихомолков, но приветливые хлебосолы подстерегали их и зазывали откушать хлеба-соли. А ныне звон колокольчика явно возвещает о проезжающем; все слышат его, иногда смотрят любопытно на странника, едущего мимо ворот, с таким точно чувством, как бы все это видели в картине китайских теней.

В летнее время гостеприимство еще не столь необходимо: тогда мать Природа щедрою рукою везде рассыпает дары свои, везде стелются мягкие ковры душистой зелени. Путешественник останавливается под тению семьянистых берез; багряные огни пылают, ручьи струят вокруг него прохладу в сребристых своих волнах; луна — всемирный фонарь — рассыпает златые лучи по темным муравам. Но когда мороз, в виде мелкого серебра, узорчато покрывает цепенеющую землю, когда тонкий лед в иглистых хрусталях затрещит под скользкою стопою путника,— тогда ночная стужа поневоле заставит его окостенелыми перстами стучать в окны теплых хижин. Однако ж в наше время редко отворяются ворота без того, пока не постучим в них кошельком с звенящим *талисманом,* отворяющим и врата неприступных крепостей, и всякие в свете запоры. Никогда, как теперь, не было так необходимо, отправляясь в путь, служить путешественный молебен, в котором, между прочим, молят о покровительстве ангела, сопровождавшего некогда

Товию. Без сопутствия этого ангела вряд можно ль пускаться и в дорогу, а особливо тому, кого нужда гонит из дому с тощим карманом.

СЕЛО П.

⟨*продолжение*⟩

В П., где много всего, даже излишнего, нет, однако ж, постоялого дома, где бы проезжие могли отдыхать; но там есть гостеприимные люди. Нам отворил на время дом свой ласковый дьякон.— Войдя в горницу, мы увидели мать, качающую на руках маленькую дочь, которую осыпала она нежнейшими именами и поцелуями. Мы восхищались горячностию матери и миловидностию малютки. «Это одно мое бесценное сокровище,— говорила мать,— вы видите, как она хороша; но она умрет!» — ...«Как это, от чего умрет!» — воскликнули мы. «Ах! от оспы, от злой оспы!» — отвечала мать со вздохом. Бедная лишилась трех сынов от сей лютой болезни.— Испуганное сердце дрожит при имени напасти. Оспа в понятии этой женщины кажется ужасным змеем; но мы успокоили ее, уверив, что жало сего лютого змея притуплено совершенно благотворительным открытием коровьей оспы.— Попечительный помещик села П. имеет искусного лекаря нарочно для пользования своих поселян.

ГЕОРГИЙ — ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СВЯЩЕННИК СЕЛА П.

В то время, когда весь древний мир преклонял главы пред истуканами безгласными, когда заблуждения наводняли землю и служение истинному Богу было неизвестно, в то время вдруг во многих местах начал возникать свет учения Христова, но сей слабый свет небесной истины стеснялся отвсюду мраками неверия. Явились люди, вдохновенные свыше пламенным усердием к правоверию, одаренные непоколебимым мужеством и бесстрашно обнаженными ступенями шествовавшие по терниям, которыми злоба усыпала путь их жизни. Это были священники (иереи) или пастыри юных чад Христовых. Они-то стерегли, поучали и утешали духовных чад своих. Среди лютейших мук часто доказывали они собою исступленным тиранам, что смерть христианина есть вернейший ключ к светлым вратам чертога вечного блаженства.— Мужи, великие в сане священства, входили в огромные чертоги сибаритов, сих любимейших сынов слепого счастия, сле-

пых, как оно, изнеженных роскошью, дремлющих в пресыщении среди злата и сребра и одебелевших сердцем, как сии металлы. Учители христианства открывали пред очами заблужденных завесу вечности и представляли им светлое небо со всеми его радостями и мрачный ад с неугасимыми огнями. Сыны величия цепенели от силы слов Христовых, и обладатели сокровищ земных спешили променивать блага тленные на нетленные. Чистота нравов христианских обществ, без сомнения, зависит от священников. Рассуждая таким образом о долге пастырей с хозяином дома, взглянули мы нечаянно на портрет, висевший на стене. В чертах его изображалась кротость, спокойствие и возвышенность благородного духа. «Чей это портрет?» — «Бывшего здесь священника,— отвечал хозяин.— Я благоговею пред ним, как будто пред иконою святого...» По просьбе нашей добрый хозяин рассказал нам о святой и беспорочной жизни покойника, а мы, что слышали, постараемся пересказать в свою очередь простыми словами: отец Георгий в наше время в лице своем представил все достойные качества древних священнослужителей. Он был друг бедных, утешитель несчастных, ходатай за утесненных. Из уст его изливалось целение на раны болящих сердцем и поучение равно душеспасительное для простолюдинов и вельмож. В приходе своем знал он не только каждого по имени, но вникал во все нужды своих прихожан. Он был судиею, наставником и примирителем ссорящихся. В деревнях его прихода не делалось ничего без его ведома, без его советов: он владел сердцами поселян и смягчал их, как воск. Если бедный сирота влюблялся в дочь богатого крестьянина, который, как водится у нас, не отдавал ее за него, то прибегал он к отцу священнику. Деревенский богач убеждался красноречием пастыря, и свадьба слаживалась. За притесненного вступался он с жаром, и притеснитель трепетал от слов его, как от сильной грозы. По смерти своей жены целые шесть лет вел он самую уединенную и самую строгую жизнь. Мяса никогда не было на столе его, молоко редко: хлеб, вода и коренья составляли его монашескую трапезу. Но между тем как сам измозжал тело сухоядением, чрез одни только сени, в другой половине дома, домашние его имели самый сытный и даже лакомый стол. Отец Георгий всегда оправдывал слова свои делами, а чаще всего слышали от него следующее: «Будьте строги и грозны к самим себе; но снисходительны и кротки к ближним». Потом, побуждая каждого защищать *слабых* и *бедных* противу *сильных* и *богатых*, он прибавлял: «Не бойтесь богатых гроз; бойтесь убогих слез». Пылая святою ревностию

поучать братий своих даже и за пределами сей жизни, он оставил по себе две увещательные грамоты, которые, по завещанию его, должны были каждый год прочитываться на его могиле вслух для всех поселян. Одна из грамот начинается почти сими словами: «Друзья и братия мои! гроб не воспрещает духовному пастырю вашему беседовать с вами: глас любви исходит к вам из сей могилы, внемлите и поучайтесь!» Уже почтенный служитель храма Божия прешел в отечество добрых — в небо, но память о нем осталась в сердцах. Выслушав простое описание простых, но бессмертных подвигов отца Георгия, мы поклонились изображению его с таким чувством, которое вовсе не известно ни царедворцам, поклоняющимся изваянию царей, ниже рабам, упадающим во прах пред покорителем народов. Если б был в П. простой памятник доброму священнику, мы пошли бы осыпать его цветами усердия и верно застали бы там бедных, потерявших в нем отца и смывающих слезами прах тления с могилы доброго.— Вид могилы смущает каждого. Могила знаменитого временщика, любимого сына счастия напоминает людям, что после всех исполинских затей в жизни для смертного ложа довольно трех шагов. Могила властителей пугает властолюбцев. Могила завоевателя, попираемая скотами тех самых народов, на которых возлагал он вериги рабства, есть разительный урок для честолюбцев, а *смиренный гроб доброго* есть *статья, в книге природы* поучительнейшая из всех написанных новыми философами о нравственности.

СЕЛО П.

〈*продолжение*〉

ЖЕНЩИНА, КАКИХ МАЛО

Огромные разного рода строения, палаты и сады важнее всего для *путешественника любопытного, а путешественник чувствительный* на лучшем листке записной своей книжки запишет большими словами: в П. жила достойная женщина. Сии слова сами собою вытеснятся и в сердце его. *Кто* же эта редкая женщина? — Старшая дочь владельца. Еще с младенчества отличалась она ангельскою кротостию своей души и склонностию к благотворению. Получая от отца ежемесячно по нескольку карманных денег, то есть денег для мелочных расходов, состоящих обыкновенно у молодых девиц в различных прихотях, она все до копейки раздавала нищим. Пред

каждым праздником разменивала она свои ассигнации на мелкие серебряные монеты, чтоб лучше ими оделять убогих. Таким образом, осушая слезы сетующей бедности, благородством души своей возносилась превыше всего, что очаровывает жадные взоры людей. Богатство почитала она тленом. Всякий, кто узнавал редкие качества ее души, читавший и не читавший Гомера, невольно, по вдохновению сердечному, повторял с ним: «Счастлив, кого именует отцом столь редкая дочь; еще счастливее мать, возлелеявшая ее на руках своих; но из всех смертных наисчастливейший будет тот, кому Бог пошлет ее в подруги сердца!» Этот смертный, любимец провидения, недавно нашелся. У вас спрашиваю, мудрецы большого света: за кого должна выйти прекрасная дочь богатейшего человека, имеющая одними деньгами более 100 000 приданого? — За графа, за князя! за богача, который бы имел тысячи душ!.. Тише, тише! вы ошиблись в расчетах вашей светской алгебры: она вышла за бедного человека, имеющего не тысячи рабских душ, но одну благородную, прекрасную душу. «Это чудо!» — скажете вы. Нет, это только обыкновенный *подвиг* добродетели, который уважают души благородные, пред которым благоговеют души чувствительные и которого не постигают души низкие. О вы, дочери роскоши! которых счастие качало в колыбели и лелеяло на руках своих! вы можете творить такие же чудеса: примирите *хижины* с *палатами,* не страшитесь бедных, но достойных мужей. Ищите сокровищ, которых ни огнь не пожигает, ни воды не топят: одно из них называется *добродетелью,* другое — умом. Оба сии сокровища нетленны и неизменны: они блестят и сквозь рубище.

Я пропустил было, осматривая здешнюю церковь, еще одно прекрасное изображение из книги Товии. Книга сия одна из поучительнейших в Библии... Добродетельный *Товия,* подобно Иову лишенный имуществ, обремененный слепотою и 80 годами жизни, в течение которой ни на минуту не совращался с тернистой и узкой стези добродетели, Товия, предчувствуя скорый конец дней своих, призывает к себе сына. Сильна и поучительна речь его младому *Товию:* в ней включено все, что может руководствовать к истинному счастию жизни. «Сын мой! — говорит между прочим Товия,— ты рожден в нищете, пасмурно было утро дней твоих: ты не насладился еще ни одним из даров счастия, привыкши к стонам собратий наших, томимых в неволе, ты привык считать убожество всегдашним уделом твоим. Отечество наше далеко, мы здесь чужды и бедны, но Бог, в руке которого все жребии смертных, может внезапно превратить судьбу

твою, ты можешь приобресть богатство, а с ним все выгоды в жизни... Не совратишься ли тогда с пути добродетели, сын мой! не ослепит ли тебя блеск роскоши до того, что ты не увидишь более страдания бедности; не ожесточит ли златолюбие доброго, воспитанного природою и советами родительскими сердца твоего?..» Приготовив таким образом сына своего, *Товия* открывает ему за тайну, что у сродника его *Гаваила* в Мидии хранятся *десять талантов* серебра, принадлежащие ему.— Надобно было сыскать спутника,— Бог посылает в виде *Азарии* ангела своего *Рафаила*. Это тот из семи святых ангелов (так сказано в Библии), которому поручено, обтекая вселенную, сбирать моления смертных и приносить их к престолу Божию.— Товия, скучая слепотою своею и пораженный состраданием к собратиям, вместе с ним живущим в плену в Ассирии, воссылает моления из глубины сокрушенного сердца. В то же время, в тот же день и час, *Сарра*, молодая девица в Мидии, просила Бога, чтобы он наградил ее добрым и верным супругом.— В те времена *счастливой простоты* не имели еще понятия о *модной философии* нашего времени. Тогда не говорили, *что брак есть гроб любви*, что обязанности семейственные несносны, потому, что отвлекают от рассеянной жизни, от забав светских... Тогда, напротив, безбрачие почиталось *пороком и несчастием**. И Сарра, скучая одиночеством, на заре утренней молилась Богу, да ниспошлет ей товарища в жизни, друга сердцу ее.— Молитвы старого Товии и младой Сарры из разных стран в одно время коснулись слуха *везде внемлющего*. Провидение тогда ж устроило так, чтобы сыну Товии быть мужем Сарры. Что предначертано в небесах, то исполняется на земле: Товия женится на Сарре. Посланный Рафаил привозит мешки с серебром от Гаваила, и Товия с богатствами и молодою супругою спешит к отцу своему. Между тем он еще в пути запасся верным средством к возвращению зрения своему отцу.

Горельеф представляет старца Товия, сидящего на пороге хижины, и сына его, намазывающего ему глаза спасительным лекарством. Подле них стоят Рафаил и Сарра. На лице первого изображается уверенность в действительности данного

---

* Пророк *Исаия* между прочими угрозами *Иудеи* за разврат ее говорит, что девы ее будут стремиться к сладостным узам брака, но не найдут довольно мужей, ибо *крепцый ея мечем падут*, и в таковой нужде: *имутся седьмь жен за мужа единаго глаголюще: хлеб наш ясти будем и в ризы наши одиватися; точию имя твое да наречется на нас. Отъими укоризну нашу...*

Исаия, глава 4.

им лекарства. Сарра, невинная, прелестная Сарра, нетерпеливо ожидает совершения чуда. Она с доверенностию смотрит на Рафаила, который ободряет ее взорами. Кажется, что они между собою что-то говорят. Это беседа ангела небесного с земным. У обоих на лицах изображается удовольствие: ангел ангелу улыбается!.. Но сколь восхитительна минута, в которую прозревший Товия видит пред собою сына, видит отверзшие небеса, златое солнце и невестку прелестную, как утренняя заря!

Все сии лепные картины деланы русским художником *г. Поляковым,* воспитанником Академии, которая, как говорят, отряжала нарочно члена для освидетельствования работы его в сей церкви: слава русскому художнику!

СТРАДАНИЕ БЕДНЫХ ПОСЕЛЯН ОТ НЕДОСТАТКА В ЛЕКАРЯХ

Есть много способов к благотворению. Каждый из них доставляет неизъяснимое удовольствие сердцу; но приятнее всего облегчать страдания болящих. Как довольны бываем мы и в то время, когда удастся нам оживить увядающую травку или воскресить засохшее деревце! Но с чем сравнить радость, чувствуемую тем, кто, владея божественным искусством Иппократа, восстановит с одра смерти терзаемого мучительными болезнями страдальца, разольет на бледных щеках его алый цвет жизни и в расслабленные члены вселит крепость здоровья?

Кто часто останавливается в наших крестьянских избах, особливо в зимнее время, тот может быть очевидцем печальных картин бедных поселян. Болезни, которые всегда крадутся по следам за роскошью и неумеренностию, встречают у дверей позлащенных палат врачей, стерегущих здравие вельмож, но в бедные курные хижины недуги входят беспрепятственно. Часто в одной крестьянской избе видим старика, борющегося на соломе с болезнию и старостию, мать, томимую простудным жаром, и грудного ребенка, с воплем ищущего пищи в томной груди страдалицы.— Отдаление сел от уездных и губернских городов и недостаток в лекарях — вот причины болезней, свирепствующих в деревнях. Если б приходские священники наши имели хотя некоторое понятие об искусстве лечить, то приносили б сугубую пользу ближним, исцеляя скорби души и недуги телесные. Сколько можно сделать пользы употреблением, кстати, самых простых русских трав: буковицы, шалфея, мяты и ромашки!

СЕТОВАНИЯ ПОСЕЛЯНКИ

Посреди деревни С*... переломилась у нас под повозкою ось. Между тем как старались о починке, мы вошли в ближнюю избу. Это было рано поутру: облака дыма, вытекая из растопленной печи, клубились у потолка и, окуривая стены, стремились сквозь растворенную дверь в сени. Мы застали одну только пожилых лет хозяйку, которая стряпала в печи. Слово за словом завели мы разговор о их *житье-бытье*. Хозяйка сначала говорила холодно и запинаясь, но когда дошла речь до их горя, то ухват выпал у ней из рук, глаза ее засверкали и она проговорила такую речь, в которой не было, может быть, и тени тех риторических красот, которыми блестят речи, сказываемые на кафедрах,— но за всем тем у нас, слушавших ее со вниманием, волосы становились дыбом и сердце несколько раз обливалось кровью. Что же было содержанием сей столь поразительной речи? — Бедная крестьянка описывала горькую свою долю. Она говорила самым простым и грубым наречием, однако ж вопли ее, вздохи, часто воздеваемые к небу, иссохшие от работы руки и слезящие глаза придавали словам такую силу, что и сам господин ее поразился б ими, если б из палат своих заглянул под эту пору в курную избу. Непритворная скорбь всегда красноречива: выражения ее не украшаются цветами искусства, но зато все ее слова, ознаменованные истинным чувством, пронзают, как стрелы, сердца слушателей.— Вот что я мог запомнить из слов сетовавшей крестьянки, которая в исступлении говорила скоро и невнятно. «У нас, батюшка! не как у людей: отдыху нет ни на минуту, и в воскресный день кряхтим да потеем на работе, да коли б дельная работа!.. С нивой справляться не грозно мужику... А то, как кроты, роемся в земле: то скапываем горы, то насыпаем пригорки, а кирпичу-та, кирпичу, каменьев, каменьев сколько перетаскали! Да все в гору, и все на своих плечах! Кони от натуги подохли... Матушка-весна хоть для всех красна, только нам не мила: люди встречают ясные денечки да радуются, а мы кулаком слезы утираем. От раннего утра до поздней зари мы все в садах на работе. Покойный батюшка нашего барина (то-то нам было за ним райское житье!) насадил большие сады яблонь, груш, вишеннику и сливнику, а нынешний наш приехал из Москвы, да все по-своему перекрутил, да перемутил. Привез с собою француза садовника, а этот лиходей все наши яблоньки повыкопал! Свет-то наши садики! Бывало, при старом господине, дай Бог ему царство небесное! и нас по праздникам яблоками чествовали, а те-

перь понасадили березнику, березнику да ельнику, ельнику и всякой колючей дряни, а все нашими грешными руками! Песок да камни таскаешь, таскаешь на себе, как не вередишься?.. а иглами шиповника руки и ноги поколешь и поцарапаешь. Люди идут с пригону, песни поют, а мы слезами кровь да пот с себя смываем!» — Но то, что терпят бедные работницы от наглости иноплеменных блюдолизов, живущих в селе N. N., не можно и написать.

«Барин наш,— продолжала хозяйка,— с места на место переносит целые деревни, людей, как скот, перегоняет, а все это для того, чтоб на селитьбенных местах и на старинных мужицких огородах засеивать свою пшеницу! — Было б ему хорошо, а мужик хоть гнилую колоду гложи!.. Вот у нас сосед Г... то-то барин, отец своим крестьянам: за таким можно не выроня слезинки век свековать».— Сверх этих отяготительных работ крестьяне господина N. N. обременены еще страшными поборами. У них берут все, что только можно вздумать: масло, яйца, крупы, ветчину, баранов и прочее и прочее.— Мы нарочно старались поговорить с управителем деревни, который, познакомившись с нами, подтвердил почти все то, от чего у нас уши и сердца вянули.— «Взгляните на сии огромные каменные строения, на сии обширные сады: все это,— говорил он,— руками только двухсот крестьян воздвигнуто из ничего не более как в три года; сверх того и полевые работы удвоены».— После сего посудите, каково житье крестьян помещика N. N., который, будучи знатного рода и воспитан в иностранном пансионе, прошел и затвердил весь курс модных наук, в котором нет, однако ж, ни одного урока о том, как быть отцом-помещиком. Крестьяне у господина суть то же, что персты на руках: ими и чрез них приобретает он все, чем может удовлетворить нуждам и прихотям своим. Кто захочет изнурять и ранить собственные свои персты? — кто захочет истощать и грабить собственных своих крестьян? Сердце хочет сказать: никто! Но опыт, к сожалению, доказывает иногда противное. Накануне нашего приезда господин N. N., собрав всех крестьян, требовал от них денежного оброку, который они, сверх пригонов, должны платить. Когда бедные поселяне отговаривались неимением денег, то, угрожая им плетьми, розгами и всем, чем буйное самовластие грозит уничиженному рабству, говорил: «Продайте своих коров, овец и все, что имеете, для заплаты мне оброку: мне нужда в деньгах: я еду в Москву!»

Он прав! В Москву нельзя показаться без денег... Там все сельские доходы, орошенные потом и слезами земных

тружеников поселян, возлагаются на алтарь богини большого света — роскоши! Страсти и прихоти — ее жрецы; мода — любимая дочь роскоши.

РЖЕВ

Дальние окрестности Ржева почти безлесны. Лошади мчали нас по дороге, извивавшейся среди обширных полей. Разные картинные виды беспрестанно мелькали пред нами, но мы искали одной величественной Волги, которая, как нарочно, скромно таилась от жадных взоров путешественников, шумя невидимо в высоких берегах своих. Между тем солнце, скатившись с лазоревого свода, казалось, будто приостановилось над длинною грядою синевшего в стороне леса. Оно великолепно расширялось в золотых сияниях едва проникавших легкие тени сероватых сумерек. Последние лучи угасали на позлащенных крестах церквей, и вечер погружал в сладкую дрему шумный торговый город и всю природу.

Наконец *река священная в мире* — Волга открылась пред нами. Миновав небольшое предместие, мы очутились на крутом берегу; спустились с него и услышали шумную беседу ропотных волн, которые, одна другую беспрестанно вытесняя на песчаную отмель, то приближались к берегу, то вдруг стремительно, свиваясь в одну струю, неслись вниз по течению. Признаться, я, как ребенок, с жадностию бросился к реке, схватил в горсть светлой воды и утолил ею не столько жажду, как желание напиться волжской воды. Я пивал воду в Дунае, Днестре, Днепре, в Висле и в Буге, но волжская вода показалась мне вкуснее всех этих вод. Может быть, воображение приправило ее необыкновенною приятностию, однако ж в самом деле вода в Волге чрезвычайно легка и здорова. Между тем огромный плот, утвержденный на двух больших судах, медленно тянулся к нам по канату, будучи загроможден повозками и людьми, которые, а особливо женщины, пестрелись в разноцветных своих платьях.

Мы, верно, встретим на этом пароме белоликих здешних купчих. Не подумай, чтоб они употребляли вредное искусство — белила: нет! отменная белизна лица есть свойство прибрежных волжских жителей. Это должно происходить или от здоровой воды, или от легкого воздуха, которым дышат на гористых берегах Волги.— Так говорил мне друг мой, бывший уже не раз во Ржеве*.— В это самое время при-

* В сей поездке был мне товарищем В. с. л. Г.рчь Л.тк. вск., которого обстоятельства увлекали туда же, где и мне должно было побывать.

чалил плот к берегу; многие повозки загремели с парома и потянулись вверх по берегу. Наша повозка взъехала на паром. Мы сами стали ближе к перилам, где сидели разряженные купчихи, которые, кажется, более для забавы переезжали взад и вперед по Волге. В самом деле я увидел здесь самые свежие, белые лица. После узнал я, что здесь не только женский пол, но и мужчины, будучи плотны и здоровы телом, имеют необыкновенную белизну и живой румянец на лицах. Отсюда начинаются прямо русские края, где народ, как говорят, *белотелый.*— В старину, описывая красавца, говорили: он бел и румян, как кровь с молоком! — Между прочими, ехавшими на пароме, приглянулась нам прекрасная, белокурая девушка с светлыми голубыми глазами. Ее синий сарафан, золотая на голове повязка и длинная русая коса, а более всего прелестное личико заставили нас с любопытством уставить на нее глаза. Женщина, сидевшая подле, подстерегла наши взгляды и вывела нас из забытия, сказав с усмешкою: «Что, господа изумились на девицу?» — «Как не изумляться на прекрасное!» — отвечал друг мой. Румянец — алая заря невинности — вспыхнул и разлился по белому лицу девицы — и миловидная, застенчивая красавица сгорела от стыда. Скромность и стыдливость, кажется, столь же свойственны ржевитянкам, как и белизна. Встречаясь с мужчиною, разумеется незнакомым, они заслоняют лицо полным кумашным рукавом. *Фата*, или кисейное покрывало, которое носят они на кокошниках, служит им также занавесом от нескромных взглядов: невинность страшится их пуще острых стрел*.

Переехав чрез Волгу, увидишь себя прямо на святой Руси! Здесь говорят чисто по-русски, одеваются по-русски: ферези, жемчужные кокошники и русые косы прелестны!.. Чистота в домах восхитительна!.. Каждую неделю не только полы, но лестницы и мосты на переднем дворе чистятся и моются набело.

Переправясь чрез Волгу, пошли мы по дороге, извивавшейся по крутому и каменистому берегу. Взобравшись наверх, очутились на градской площади, окруженной разными каменными строениями, между которыми отличается ряд лавок и еще утвержденный на прекрасных колоннах красивый купол, под которым повешены градские весы. В торговые

* Разумеется, что здесь говорится только о купеческих женах и дочерях. Дворянство же в обычаях, нравах и одежде почти везде одинаково: в Москве, Петербурге, в Париже, Вене, Берлине; но не в Лондоне и Пекине — то есть везде таково, как в Париже.

дни украшается он разноцветным флагом. Ржев так же, как Киев и Смоленск, расположен на горах, которых скаты испещрены садами и огородами.— Рассматривая вскользь город, мы неприметно дошли к тому дому, в котором имел квартиру брат моего друга. Там приняли странников родство и дружба.

Во всю ночь шел проливной дождь, но к утру шум его утих. Солнце взошло великолепно и рассеяло серые туманы. Небо как будто расцвело в блистательной лазури. Тонкие сребристые пары, извлекаемые златыми лучами солнца из Волги и влажных долин, тихо клубясь, всплывали вверх и сливались с дымновидными отрывками ненастных облаков, рассеянных по голубой тверди. Волга опочивала после бури. Высокие берега ее унизаны были судами; на многих веяли разноцветные флаги. Паром беспрестанно двигался от одного берега к другому. Легкие лодочки, как будто взапуски одна перед другою, мелькали по реке, оставляя за собою светлые изгибистые бразды.

Насладясь сим утренним зрелищем, пошли мы осматривать город. «Вот первый каменный дом во Ржеве,— сказал друг мой,— ему более ста лет». Дом этот готической архитектуры с штучными окнами покрыт железными плитами и с железными же ставнями. Предки наши, кажется, старались, чтоб у них все было *вековое,* а не *часовое.* Как приятно хранить остатки древности! Они невольно возбуждают в нас почтение к старине... Надобно отдать справедливость ржевским жителям в том, что они в целости и сохранности умеют сберегать древние обычаи, нравы и здания.

КАНАТНЫЕ ФАБРИКИ

В погодный день, проходя по улицам Ржева, вы услышите повсюду шум и громкий треск колес. По обеим сторонам улиц, под навесами, устроены ряды колес, которых ободы унизаны крючками; к ним приклепляют пеньку. Колеса сии быстро кружатся; строи прядильщиков отступают мерными шагами назад, имея за пазухой пеньку, которую мало-помалу выпускают сквозь персты, обвернутые сукном. И таким образом прядутся тонкие веревочки, из которых потом свивают крепчайшие канаты. Работа сия сопровождается всегда веселыми русскими песнями.

СКЛОННОСТЬ РЖЕВСКИХ ЖИТЕЛЕЙ К МЕХАНИКЕ

Всякий путешественник, наблюдатель нравов и обычаев отечественных, приехав во Ржев, заметит, что жители его склонны к механике. Но не всякому, думаю, случится тотчас по приезде познакомиться с одним из упражняющихся в сей науке. Друг мой ввел меня в дом почтенного П... И... Д... . Не упоминая о прочих прекрасных качествах его души, которыми он снискал любовь и почтение всего тамошнего дворянства, скажем только об его упражнениях в механике. Лет за десять пред сим П. И. Д. оставил морскую службу и с того времени, живя в деревне, был выбираем в чиновники дворянские, но все досужные часы свои посвящал он любимым своим занятиям. Я видел плоды его трудов: они состоят теперь преимущественно в различных образцах разного рода мельниц. Примечательнейшая из них есть собственного его изобретения. Я думаю, что мельница, сделанная по сему образцу, покажется всякому удивительною. Мы привыкли видеть ветряные мельницы с крыльями, а та, которую изобрел г-н Д., не имеет их: она представляется снаружи в виде башни, замыкающей в себе быстрое движение простых, но прекрасных машин. Внизу сделаны отверстия, в которые заманивают ветер; в самом верху под куполом также несколько окон. Мельник открывает нижние окна в мельнице, где надобно, и ловит струю ветра, который, скользнув в нижнее отверстие, становится, так сказать, пленником и, как будто негодуя на свою неосторожность, с поразительным свистом спешит освободиться чрез верхнее отверстие. Сим-то стремительным порывом кружит он *бесконечный, или Архимедов винт,* к которому приспособлены особого рода парусы, полагающие преграду стесненному ветру. Вот каким образом приведенное в движение большое горизонтальное колесо касается нескольким шестерням, и мельница, закрытая извне, мелет внутри на несколько поставов!.. Г-н Д. отличается свойственною русским охотою и способностию доходить до всего своим умом. Он чрезвычайно сметлив. Прочитав однажды в ведомостях, что один немецкий механик изобрел способ двигать противу течения рек нагруженные суда, П. И. тотчас представил себе, какую пользу могли б получить чрез такой способ караваны судов, которые весьма медлительно, с чрезвычайными притом издержками, тянутся с низовых стран вверх по Волге с грузом соли и прочих драгоценных потребностей. Вдруг пришла ему охота попытаться угадать тайну иноземного выдумщика. Для этого стоило ему только углубиться в свой предмет, придумать, сообразить и — тайна

открылась. Он показывал нам чертеж, по которому, поправив несколько колес, в судне можно и с грузом идти против воды. Чем быстрее стремление реки к низу, тем скорее судно движется вверх. При этом нужно только иметь особую небольшую лодку, на которой бы завозить якорь с канатом вперед.

Склонность ржевских жителей к механике открывается почти на всяком шагу: она подтверждается множеством мельниц в городе и окрестностях, а особливо примечательнейшею на Волге. Вспомним здесь кстати, что славный русский механик Сабакин, посыланный премудрою Екатериною в Англию, родился также в Тверской губернии, недалеко от Ржева, и в детстве еще показывал великую охоту и способность к художеству.

В *Старице* кузницы, построенные в горе, возбуждают любопытство путешественника: кто ж избрал для них столь удобное место и произвел постройку оных? — Старицкий купец *Матвей Алексеевич Чернятин,* который потом, сообразно с талантами его, сделан архитекторским помощником. Он по справедливости может умножить собою в Тверской губернии число тех, которые собственным прилежанием приобрели многие познания и усовершенствовались в разных художествах. Года за два пред сим один из ржевских мельников, также *механик-самоучка,* сделал *модель шлюза* на Тверце. Сей труд одобрен попечительным начальством, а художник ободрен приличным награждением. Еще пример: в осьми верстах от Ржева в селе Л... за несколько пред сим лет жил помещик О..., который сверх многих собственных изобретений сделал машину, заключавшую в себе молотильню, веяльню и жернова. Снопы, положенные в состав машины, сперва были обмолочиваемы, потом зерна отделялись от соломы и мякин, а наконец, проходя чрез устроенные жернова, вытекали вниз мукою.

И теперь еще в окрестностях Ржева помещик Е...в занимается строением мельниц по новейшим образцам. И в самом Ржеве молодой родственник *Волоскова хитрой* самоучкой чинит всякого рода часы. Вообще все почти ржевские художники постепенно достигают совершенства в разных искусствах: сперва занимаются они деланием набоек, потом, разжившись несколько трудами своими, строят мельницы и затевают другие механические предприятия.— *Максим Егорович Немилов,* живущий теперь во Ржеве, может служить ясным доказательством, что там и до сей поры не перевелись еще остроумные *художники-самоучки.* Этот человек доказал на деле, что прилежание, соединенное с терпением, может всему научить. Нет художества, в котором бы он не упражнялся и которого бы хотя отчасти не постиг: он мастер золотых

дел, слесарь, столяр, живописец и механик. Будучи чрезвычайно услужлив и трудолюбив, он беспрестанно в хлопотах: для тамошних господ строит мельницы, занимает плотины и чинит часы, а для госпож делает веера, табакерки и прочие галантерейные мелочи. И все почти (к чести его бескорыстия) безденежно или за самую малую плату. Но будучи известен по трудолюбию и способности всему подражать, он не менее прославился и собственною изобретательностию... Недавно между прочим сделал он тележку, на которой три человека, приводя в действие скрытую пружину, легко могли ездить без лошадей. Максим Егорович принадлежит к числу самых недостаточных художников. Если б нашелся в наше время покровитель отечественных художников, то самородные способности сограждан наших, будучи одобрены и поддержаны, конечно, принесли бы немалую славу и пользу отечеству. *Бюффон* сказал однажды: «*Гений* есть в превосходной степени терпение». Кажется, что русские ученики *терпения* довольно оправдали справедливость сего выражения. Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствователям, что и в *Гиперборейской* стране и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. Нужен ли к сему пример какого-нибудь иностранного автора? — Вот он: *Маллет* повествует, что многие норвежцы, не стерпя ига рабства, в правление одного из древних своих королей ушли на остров *Исландию*. Там-то, на самом краю Северного мира, насадили они древо свободы, которое чрез долгое время зеленело в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастие на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры *скальдов* воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает ртуть, страсти и воображение никогда не остывают.

ТЕРЕНТИЙ ИВАНОВИЧ ВОЛОСКОВ, РЖЕВСКИЙ МЕХАНИК, БОГОСЛОВ И ХИМИК

Раскройте жития различных европейских ученых, вы увидите, что каждый из них где-нибудь воспитывался: один в Оксфордском университете, другой в Лейпциге, третий в Геттингене, иной в иезуитских школах. Где же приобрел ржевский купец Терентий Волосков глубокие познания в механике, химии и богословии, в каком университете, в каком

училище? — Ни в каком.— Он возрос дома под надзором своего отца, занимавшегося деланием часов. Молодой Волосков любил помогать отцу в разбирании часовых снарядов. Он пристально рассматривал каждое колесцо, рычажок, пружину и вскоре начал сам делать глиняные и деревянные часы. Брат его также в молодости и зрелых летах оказал чрезвычайные способности в механических работах; но при всем искусстве подражать он не был *одарен одинакою с братом своим способностию к изобретению*. Терентий Иванович, без всяких отличных образцов искусств и художеств, руководствуясь одними только беспрерывными опытами и не теряя бодрости, при многих неудачах, старался сам собою достигнуть до чего-нибудь необыкновенного. Терпение и размышление — вот два главных его способа. Волосков может почесться учеником самой природы. Укрываясь от взоров людских, он любил беседовать с нею. Тенистые ржевские рощи были свидетелями его размышлений: там, в уединенных прогулках, провождал он досужные часы своей молодости.

Не читав ни *Созерцания природы*, ни *Астрономической Богословии Дергама*, ни *Разговоров Фонтенеля о множестве миров*, он помнил только затверженный им в псалтыре (по которому отец учил его грамоте) прекрасный псалом: *небеса поведают славу Божию!* — и душа его влеклась к созерцанию небес.— Часто, пробуждаясь с зарею утреннею, спешил он в поля; несколько минут любовался рассветом или борением света со тьмою и наконец восхищался великолепием восходящего солнца, которое, по словам псаломника: «яко жених изходяй от чертога своего». Там, припоминая далее слова псалма: «от края небес изход его, и сретение его до края небес», он прилежно следовал любопытным взором за лучезарным светилом, величественно протекавшим по голубой тверди. И когда блеск последних лучей угасал на западе, с другой стороны взорам его представлялось новое не менее величественное зрелище: луна в незыблемом мерцании своем. Он дивился чудесным изменениям ее вида, напечатлевая их в памяти своей живо и неизгладимо. Иногда, в тишине летних ночей, с высоких берегов Волги смотрел он на прочие звезды и видел, что они также восходят и заходят. И часто, очаровываясь великолепием ночного неба, когда тысячи светил, как будто зажигаясь одни после других, сверкают на синем своде, он восклицал в полноте сердечных чувств: «Небеса поведают славу Божию!»

Созерцая в небе всеобщий неизменный порядок, которого ни бури, возмущающие воздух, ни громы, потрясающие

твердь, нимало не нарушают, он понял, что удивлявшее его некогда правильное движение нескольких стрелок в малых часах его отца есть не что иное, как самое слабое подражание всеобщему движению в огромном строении природы. Высокий дух его, обтекая горние пределы, убеждался повсюду, что всякий наблюдатель природы должен, как она, соблюдать во всем постепенность и порядок. Таким образом, начал он свое учение не по рисованным глобусам и печатным книгам, но по огромной книге Природы. Оттого-то, бывало, на вопрос: где он учился,— отвечал обыкновенно шутя: *в лесах!* Итак, леса были его училищем, а природа наставницею.

По смерти трудолюбивого отца братья Волосковы, каждый с семейством в особенном доме, стали жить своими трудами; но души их не разделялись: они связаны были сладчайшими узами родства и дружбы. Братья сии примерным согласием оправдывали и выражение древнего мудреца Плутарха, что брат есть друг, данный нам природою; и русскую пословицу: любовь братская лучше каменных стен.

В то время почти все ржевские жители ослеплены были ересьми разных расколов. Оба Волосковы прилепились также к расколу. Но заблуждение здравых умов непродолжительно: вскоре обратились они к общему исповеданию веры*. Горя усердием к Богу, озарившему их лучом истины, оба братья-друзья, совокупным иждивением, выстроили и украсили церковь во Ржеве. Но не ограничась сею малейшею жертвою Богу, они старались сооружать ему нетленные храмы в сердцах своих сограждан. Красноречивыми убеждениями их многие из ржевских жителей отринули внушения лженаставников.

В сем богоугодном подвиге наиболее участвовал Терентий Волосков, который, подражая Димитрию Ростовскому, рассевал мраки вредной ереси лучами истины и написал целые книги против раскола.— Итак, по многочисленным своим сочинениям в защиту веры и в попрание ереси Волосков по всей справедливости может почесться усерднейшим и ученым *богословом.*

Вот еще доказательство его остроумия и редкой памяти. Будучи привержен к вере и занимаясь часто святцами, вздумал он все церковные исчисления поместить на своих перстах. Давно уже известен способ, посредством сжатия перстов, определять число дней каждого месяца. *Кампе* рассказывает, что

* Великий Ломоносов в молодости своей также прилепился было к расколу; но скоро от оного отстал. Смотр⟨ите⟩ Жизнь Ломоносова при сочинениях его.

Робинзон на необитаемом острове узнавал таким образом числа. Некоторые старики по главным линиям на руке умеют определять годовые праздники; и эта рука называется *философскою* или *Дамаскина.* Но Терентий Волосков сделал еще более: он так искусно расположил святцы по всем составам и чертам на обеих руках, что во всякое время, не запинаясь, отвечал на все вопросы, относящиеся к святцам. Не заглядывая в календарь, он мог сказывать, в котором месяце и в какой день будет празднован святой, о котором его спрашивали. Для этого ему стоило только окинуть глазами персты — и ответ бывал всегда верен. Память, изощренная размышлением, изобразила на поверхности руки его все исчисления церковного месяцеслова.

Дары природы и ума редко сопровождаются дарами счастия. Волосков имел острый смысл, был неутомим в трудах — и беден. В календаре для живописцев прекрасно изображена бедность со всею тяжестию ее. Там представлен крылатый человек, усиливающийся устремить полет свой вверх, в то время как гири, привязанные к ногам, невольно притягивают его к земле. Как справедливо это изображение! — Человек, окрыленный творческим духом, беспрестанно порывается воспарить за черту неизвестности в горние области истины, изящности и славы; но житейские нужды (столь размноженные настоящим образованием обществ), подобно тяжелым гирям, не выпускают его из мрачного круга предрассудков, страстей и невежества.— Волосков, изыскивая способы к поддержанию своего достатка, принялся наконец составлять кармин и бакан, которыми торговал еще отец его. Но едва обратил он особенное свое внимание на сей предмет, как вдруг изобретательный ум его открыл множество новых средств и способов к успешнейшей работе. Старик Волосков умел только составлять самый посредственный кармин и продавал оный по низким ценам; а сын его — новый ржевский химик,— прибавив в прежние растворы несколько составов собственно своего изобретения, сделал кармин и бакан превосходнейшей доброты. Румяна его также почитаются лучшими. Фунт кармину Волоскова продается по 144 рубля, бакану по 75 рублей.— Труды Волоскова одобряются и в иностранных землях. Кармин, бакан и румяна ржевские вывозят за границу. «Отчего так дороги эти краски?» — спросили мы вдову покойного. «Оттого, что *кошенил,* который более всего употребляется в них, покупаем мы сами по 2 000 рублей пуд».

Известно, что многие важные открытия в химии сделаны нечаянно: фосфор, платина и фарфор изобретены ненарочно неутомимыми искателями философского камня. Таким образом

и Волосков, упражняясь в различных химических опытах, сделал нечаянно прекрасное открытие. В один из своих растворов переложил он однажды излишнее количество какого-то состава и получил кармин темно-пурпурового цвета. Санкт-Петербургская Академия художеств, приняв сей кармин и учиня испытание, увидела, что он весьма пригоден к изображению виссонов и багряниц, также малинового цвета бархатов с отливами. Прежде смешивали, и часто неудачно, по нескольку различных красок для составления одной, подобной цветом кармину Волоскова. Говорят, что ржевский химик получил благодарность от Академии и препоручение доставлять ей по временам некоторое количество красок его. К чести Волоскова, заметим, что он не присвоивал одному себе своих изобретений: работая вместе с братом, он делил с ним и славу и выгоды.

Торг карминов, баканов и другие обороты умножили достаток Терентия Волоскова, а чрез то, освободив его от тягости борения с нуждою, подали ему способ располагать свободнее временем. Тут предался он чтению различных полезных и наиболее относящихся к художествам книг. Охота к чтению час от часу в нем усиливалась, и, по словам его вдовы, он провождал в чтении большую часть ночи и засыпал с книгою в руках, а днем, куда бы ни шел из дому, всегда брал с собою книгу. Итак, советуясь, конечно, с лучшими авторами, Волосков принялся опять за любимые свои механические упражнения. Уже он сделал несколько часов, из которых одни показывали числа, другие изменение луны, ход солнца и прочее; но предприимчивый дух его, не довольствуясь тем, желал соединить все это в одно целое: он захотел сделать такие часы, которые могли бы почесться ближайшим сколком огромного строения природы.

Сим предприятием занимался он долгое время, будучи попеременно столяром, слесарем и механиком. Все деревянные, медные и стальные вещи им самим были деланы. Наконец, в несколько лет, Волосков соорудил памятник во славу себе и России: он сделал астрономические часы, каких доселе в отечестве нашем, кажется, еще не бывало.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ ТЕРЕНТИЯ ИВАНОВИЧА ВОЛОСКОВА

Войдя в дом Терентия Ивановича Волоскова, вы поразитесь не блеском пышности, но чрезвычайною простотою и опрятностию. У стены средней комнаты стоят большие часы,

имеющие самую простую наружность. Многие советовали нашему художнику украсить оную; он отвечал: «По одежде встречают, а по уму провожают: я не хочу пускать пыль в глаза; пусть часы мои заслужат почтение не великолепным нарядом, а внутреннею добротою».— Взглянув на часовую доску, вы увидите ее всю испещренною кругами: это целый месяцеслов или в уменьшенном виде картина неба. Там движется серебряная луна со всеми ее изменениями; там протекает золотое солнце по голубому горизонту, который сжимается и распространяется по мере прибавления и умаления дня. Захотите ли узнать о настоящем годе, месяце, числе, о том, в каком положении луна или в каком знаке небесного пути находится солнце? — Взгляните только на часы и тотчас все это видите. Сверх того найдете там *эпакту,** *круг луны,*** *индикты,**** *вруце лето* и прочие церковные исчисления.

Кто же все это так прекрасно, так замысловато и правильно устроил? — Всякий русский с сердечным удовольствием под средним кругом прочитает сии слова: *ржевский купец Терентий Волосков.*— Чтоб дать лучшее понятие, хотя о внешнем виде часов, я предлагаю здесь снятый с них наскоро чертеж. Сии часы от всех прочих преимущественно отличаются тем, что стрелка сама собою, без всякого ручного пособия, переходит с последнего на первое число каждого месяца и в три обыкновенные года в феврале по 28, а в четвертый високосный 29 дней означает все сама собою. Это заставляет думать, что в часах Волоскова есть одно колесо, обращающееся около своей оси в течение четырех лет только один раз. Какая медленность и точность в движении!..

Изобразив Волоскова механиком, химиком и богословом, все ли мы о нем сказали? — Нет: он был еще искусным оптиком и астрономом. Мы сами видели у него зрительные трубы его работы, из которых одна имеет семифутовую дли-

* Эпакты бывают месячные и годовые. Месячными эпактами называются избытки юлианского или григорианского месяца сверх месяца лунного: потому, что лунный месяц состоит из 29 суток, 12 часов и 44 минут. Годовою эпактою именуется разность между солнечным гражданским и лунным годом астрономическим. Почему она происходит из сложения 12 месячных эпакт и состоит из 11 суток.

** *Кругом луны* именуется число лет, по прошествии которых *новолуния и полнолуния* возвращаются на прежние дни юлианского года.

*** Индикт. Счисление времени по 15 лет, бывшее в употреблении у римлян, начинавшееся обыкновенно с 1 сентября и продолжавшееся чрез 15 лет. Начало индикта приписывают императору Константину Великому, который сим заменил олимпиады. Индикт составляли 3 люстра. Люстр вмещал в себе 5 лет.

ну. «Вот в эту трубу,— говорила добродушная вдова Волоскова,— покойный муж мой смотрел на луну и рассказывал, что в ней видны какие-то горы и моря; а в ту трубу из темных погребов глядел он на солнце, отчего под старость лишился одного глаза».

Как трудно удержать разум в настоящих пределах! Кто не гонялся за мечтами? Пламенное воображение нечувствительно завлекает нас в лабиринт их. Декарт почти всю свою систему, которая вскружила головы народам, основал на мечтах. Лейбниц и последователи его долго обольщались *монадами*. Впрочем, надобно признаться, что очень неглупые люди отыскивали четыре средства: первое, в политике установление всеобщего мира; второе, в математике определение квадратуры круга*; третие, в механике произведение вечного движения; наконец, искание философского камня**. Итак, будем снисходительны к Волоскову, который с жаром предпринимал изобресть вечное движение и — не изобрел его.

Гора, на которой стоят домы двух братьев Волосковых, названа *Волосковою горою*. Ржевские жители имеют обычай назначать имена согражданам своим, дарованиям и свойствам их приличные. Молодой племянник Волоскова прослыл *хитрым:* потому, что искусен в художестве дяди своего. Домы Волосковых и теперь еще в цветущем состоянии. Обе невестки живут, как родные сестры; одна без другой не может минуты пробыть.

Получив некоторое понятие об уме ржевского художника, вы, конечно, полюбопытствуете, какими качествами украшалось его сердце? — Мы сами сделали то же и узнали, что нищелюбие было первою его добродетелью. Каждый день от 30 до 50 нищих приходили к домам обоих братьев, которые наделяли их в обыкновенные дни пищею, а в праздничные деньгами. Из окон Волоскова просящие никогда не слыхали: «Бог даст!»

Многие удивлялись часам ржевского художника, многие предлагали за них довольно значащие суммы; но вдова Волоскова как их, так и всего, что мужу ее принадлежало, ни за что не продает.

Мы видели библиотеку покойного: она состоит по большей

---

* Приведение криволинейной фигуры в квадрат, который был бы ей совершенно равен. Над сею задачею трудился Архимед, потом Лейбниц и Невтон. Аббат Фалконет говорил также об ней; а Фонтенель утверждает, что тот найдет содержание круга, кто верно докажет, что невозможно определить оного.

** Прежние алхимики так называли свой таинственный состав, посредством которого мечтали они превращать всякие металлы в золото.

части из механических, химических, астрономических и прочих учебных книг. Духовные творения занимают также несколько полок. Из рукописных его сочинений примечательнейшим показалось нам: обличение на раскол Михайлы Калмыка, попа Стародубских слобод. Возражения Волоскова и рассуждения предложены в разговорах.— К сожалению, на этот раз не случилось дома книги, заключающей в себе полную переписку его с Андрияном Морозовым, новоторжским головою.

Сей Андриян, по убеждению Волоскова, отринул раскол и в первый раз по причащении своем святым тайнам писал к нему письмо, начинающееся сими словами: «В треволнении чувств моих не могу еще по днесь без благоговейного и сердечного содрогания воспомянуть о том, каким чудесным образом вместил я в себя Невместимого!» В последние годы жизни своей ржевский художник предавался иногда глубокой задумчивости. Особенно заметна в нем была грусть о том, что все труды его остались без всякого одобрения от тех, которых мнение было бы для него лестно и полезно*. В преклонных летах он не мог равнодушно видеть лучшего произведения своего — часов и, подходя к ним с горестию, часто говаривал: «Суета сует и всяческая суета!» Потом, оборотясь к жене, прибавлял: «Завесь часы! Мне грустно на них смотреть. Все труды наши суета!» — Волосков умер 77 лет.— По доброте сердца своего он охотно рассказывал о составлении своих часов и позволил снять с них чертеж известному механику Сабакину. Вот самое краткое известие о Волоскове. До сего времени имя и труды его покрыты были неизвестностию. Но человек сей, в течение долголетней жизни своей предавшийся единственно страсти к учению и неутомимо трудившийся к пользе ближних, кажется, достоин быть известным соотечественникам и свету. Современники не ободрили его особенным вниманием; да будет потомство справедливее их! Желательно, чтобы портрет Волоскова приобщен был к прочим в Пантеоне отличных россиян. И каждый любитель отечества не порадуется ли душевно, встретив в словаре ученых и художников русских ржевского механика, химика, богослова и астронома — Терентия Ивановича Волоскова?

---

* Многие губернаторы Тверской губернии, бывая во Ржеве, с удовольствием беседовали с Волосковым, дивились его уму, познаниям и редким его произведениям; но ни один из них не представил в настоящем виде способности сего удивительного человека благодетельному правительству, которое, приемля под сень щедрот своих чужеземных художников, конечно, не преминуло бы в одобрение народа русского наградить того, который неимоверною деятельностию своею и успехами во многих науках доказал ясно, к чему способны русские!

ЧУДНАЯ ПЛОТИНА И МЕЛЬНИЦА НА ВОЛГЕ

Волга, именовавшаяся в древности *Ра,* получившая от татар имена *Идель, Адал* или *Едал,* что значит *изобилие,* у башкир называемая *Ак Идиль,* а от мордвы прозванная *Рау,* есть одна из первейших рек в России. Если измерить излучистый путь ее, то оного найдется гораздо более четырех тысяч верст. Конец ее соответствует величественному течению: она впадает в Каспийское море шестидесятью разными устьями. Чтоб составить картину ее истока, вообразите себе, как представляют в мифологии *Волгу,* в виде величественной женщины, возлегшею на высотах *Алаунских гор* и опершеюся локтем на огромную *урну,* из которой струится поток, на каждом шагу возрастающий и претворяющийся в реку, знаменитую в мире. Волга имеет с лишком версту отвесной высоты над поверхностию Каспийского моря.— И эта широкая и гордая река в одном месте, так сказать, уловлена в сети искусством и принуждена упадать на колеса огромной мельницы.

Плотина во Ржеве на Волге достойна любопытства: она существует уже около ста лет, будучи сделана из каменного бута. Сия твердая плотина, в виде забора, устроена вдоль посредине реки; начало ее, параллельное берегу, примыкает к длинному острову, от которого продолжается уже углом, беспрестанно сближаясь с берегом, подле которого основана мельница. Таким-то образом надменная река заманивается в узкое угловатое пространство, находящееся между берегом, островом и плотиною. Волга, будто предчувствуя плен свой, подходя к расширенному отверстию между плотиною и берегом, шумит, журчит и, пенистыми водометами стремясь вверх, мечется в стороны и назад; но вступая далее в огражденный путь, становится тихою и покорною. Весною, когда Волга, вырвавшись из берегов своих, бушует в окрестностях, плотина заливается водою без всякого, однако ж, для нее повреждения.

Читавший всемирного путешественника припомнит описываемую им ловлю слонов. Охотники выкапывают ров, с начала широкий, а к концу постепенно суженный. Этот ров наполняется разными лакомыми для слонов приманками. Огромный зверь входит беспечно в западню, шаг за шагом пробирается все далее и наконец, почувствовав себя стесненным, останавливается, лишается всей своей дикости и позволяет себя обуздывать часто одному ловцу. Так точно пышная Волга, уловленная и усмиренная преградами, с покорностию упадает на множество разнородных колес, и шум ее падения разглашается отзывами окрестных гор. В предупреждение тем,

которые легко могли бы подумать, что необыкновенная плотина и мельница на Волге сооружены каким ни есть немецким или голландским гидравликом, я скажу, что они сделаны и содержатся не иноземным, а русским художником.— В сем огромном механическом строении, где включено почти все, что только может быть движимо водою, примечательнее прочего *пильня*. Бревна толстого леса, пущенные сверху по течению реки сами собою, плывут к длинным и возвышенным подмосткам, устроенным по закону наклоненных плоскостей. Тут появляется человек и вонзает в бревна острые крюки, привязанные на конце канатов, прикрепленных к сокрытым в мельнице колесам. Таким образом захваченное, как будто на уду, бревно само собою, увлекаясь невидимою силою, взбирается наверх в мельницу и ложится в предназначенное ему место, где уже ожидают его большие, утвержденные вверху и по правилам движения маятников беспрестанно качающиеся пилы. Едва успеют бревны приблизиться к пилам, вдруг острые зубцы с визгом и скрежетом въедаются в дерево, которое само собою более и более к ним приближается до тех пор, пока распадается на несколько равных пластов или тесниц, которые как вошли, так сами же собою и выходят из мельницы. Человек суеверный, увидев столь много действия, производимого столь сокровенными причинами, может подумать, что все сие движется невидимыми волжскими духами.

Но кто подумает, чтоб сие многосложное и почти без пособия человеческого производимое движение могло восприять свое начало и тронуться с места само собою? — Верно, никто, разве вовсе бессмысленный.— Как же мог сказать Гельвеций, желавший, конечно, подновить бредни Эпикуровы, что повсеместное и беспрерывное движение во вселенной производится только от совокупления разнородных и различными, одна другой противудействующими силами одаренных тел; и что движение сие могло восприять начало само от себя?.. Не дивитесь! Он был философ 18 века,— следовательно, мог говорить все, что ни взбрело ему на ум. Многие, видящие движение, не видят движущего, а всякий уверен, что он есть. Но кто, видя творение, не видит творца, тот не только слеп,— и безумен!..

ЗНАКОМСТВО С П. И. Д.

Я познакомился во Ржеве с тем человеком, которого все уважают и любят за добрые качества его души. Первым удовольствием поставляет он себе служение ближним. Для

пользы других не щадит собственного здоровья и покоя. Дом его всегда отворен бедным, хотя состояние его очень невелико. Сверх того он прослыл, и недаром, механиком! Все, что относится к сей науке, составляет его любимое занятие. Большую часть времени пребывания нашего во Ржеве провели мы в доме у сего любезного человека. Он живет в одной версте от Ржева, на берегу Волги.

Мы видели у него собрание разных камней и окаменелостей, из которых любопытнейшими показались окаменелые кораллы и морские черви, найденные на берегах Волги. Сие заставляет думать, что и высокие окрестности Волги были некогда покрыты морем.

ДОМ КУПЦА ВОЛОСКОВА

«Хотите ли видеть малый мир в часах? — говорил нам П. И. Д.— Пойдем в дом Терентия Ивановича Волоскова, на Волоскову гору». Я охотно принял сие предложение, и мы туда поехали. Приближаясь к *косящатым воротам* дома Волосковых, мы вышли из коляски, по старинному русскому обычаю брякнули кольцом в ворота, и нам их отворили. Передний двор весь вымощен гладкими половицами, которые так были чисты и белы, что, как говорится, хоть иглы рассыпь — ни одной не утеряешь. Лестница, ведущая в верхнее жилье дома, также отменно опрятна и устлана соломою. В комнатах везде пленительная чистота; полы постланы холстинами. В первом покое увидели мы молодую миловидную девушку за рукоделием. Она одета была по-русски в сарафане, имея на голове унизанную жемчугом девичью повязку. «Это, конечно, дочь хозяина?» — сказал я. «Нет, это сирота, здешняя питомица»,— отвечал мне П. И. Во внутренних покоях не было никакой модной пышности, но и бедности также не видно было.— Словом, дом Волосковых, равно как и многих ржевских купцов, точно таков, каковы были все домы в России за сто или за двести лет. Стены украшены портретами всего семейства. Большие шкафы наполнены *чарами, погарами, стопами* с изображением медалей разных государей и прочим старинным серебром.— Приветливая хозяйка приняла нас ласково и сама потчевала сладким медом и чаем. В этом совершенно русском доме мы любовались всем, но более всего редким механическим произведением покойного хозяина Терентия Ивановича Волоскова — часами, которые заслуживают особенной статьи и подробнейшего описания*.

---

* Описание сих часов помещено выше.

Можно ли летать на крыльях?

Разговаривая о различных механических предметах, спросил я П. И., как он думает, можно ли изобресть способ летать по воздуху, не на шарах, а на крыльях, подобно птице? — Он отвечал, что, кажется, это дело не невозможное; и тут начался у нас разговор о летании. Многие испытывали подыматься на воздух, привязывая крылья к рукам; но это неудобно: потому, что от частого махания руки тотчас устанут и замлеют. Надежнейшее средство — прикреплять крылья к средине тела и приводить их в движение ногами посредством упругих пружин, к ним привязанных.— Рассматривая прилежно летание птиц, можно тотчас заметить, что они держатся на воздухе одною *способностию парить* или взмахивать крыльями. С каждым замахом птица возносится выше и выше, увеличивая беспрестанно *столпы воздуха,* так сказать, подпирающие крылья; и чем выше возносится она, тем уменьшается стремление тяжести тела ее к центру земли. От сего-то птица удобнее и легче парит в воздух с вершины дерева или строения, нежели подымаясь прямо с земли. От этого легкая ласточка скорее вспархивает и быстрее взвивается, нежели ленивый ворон или огромный страус, который по тяжести своего тела и малости крыльев вовсе не способен летать. Но каким образом птицы, взвившись вверх, могут двигаться по пространству воздуха? — Это происходит от содействия двух разных причин. Приняв крылья за плоскости, мы увидим, что они по закону движимых плоскостей, будучи понуждаемы струею воздуха, обязаны двигаться по своему перпендикуляру, а тяжесть птиц в то же время должна увлекать их книзу; от сих двух стремлений неминуемо происходит третие — *по диагональной* или *косвенной линии,* то есть видимый нами *полет птиц* вдоль по воздуху. Основываясь на всех сих рассуждениях, можно почти наверное заключить, что и человек, достигший способа, который не вовсе невозможен, двигать прикрепленными к телу крыльями, может летать, как птица, имея для вернейшего успеха в руках своих небольшой воздушный шар, который собственным стремлением вверх уничтожал бы всю тяжесть тела летающего, сделав его, так сказать, *математическою точкою* и освободив чрез то от всякого притяжения к земле.— Углубясь в сии рассуждения, мечтали мы, что уже достигли верного способа летать птицами... Но к чему бы послужил этот способ? — Верно, не к добру, не к благополучию общества, равно как и многие открытия нашего времени. Ка-

жется, остроумный Свифт сказал: что истинным благодетелем человечества должно почесть того, кто изобретет искусство из одного хлебного колоска сделать два. Не очевидная ли это истина? — Румфорт, изобретатель столь полезного супа для бедных, может быть помещен на тех страницах истории, где описываются не кровавые подвиги завоевателей, но одни имена истинных благотворителей человечества. Доселе в летописях мира, кажется, еще очень много найдется праздными таких страниц.— Овладев новою стихией, воздухом, люди, конечно, не преминули бы сделать и ее вместилищем своих раздоров и кровавых битв. К земным и морским разбойникам прибавились бы еще разбойники воздушные, которые, подобно коршунам или известному в сказках чародею Тугарину, нападали бы на беззащитных. Тогда не уцелели б и народы, огражденные морями: крылатые полки, вспорхнув с твердой земли, полетели бы, как тучи саранчи, разорять их царства. Нет! нет! — воскликнули мы: не к чему изобретать способ летания по воздуху... Напрасно потеют над сим и те немецкие художники, о которых было упомянуто недавно в ведомостях, что они обещали полететь и уже подымались от земли — на несколько пядей.

ПЛАВАНИЕ ПО ВОЛГЕ

Осенние непогоды приближались. Мы спешили воспользоваться красными днями, чтоб насладиться плаванием по Волге.

Желающий плыть из Ржева вниз по реке должен непременно или дожидаться попутного судна, или купить лодку собственно для себя. Мы решились на последнее: купили лодку, очень покойную и красивую за 25 рублей, и наняли двух гребцов. Почтенный П. И. хотел было сопутствовать нам до Твери, но расстроенное его здоровье остановило его. Однако ж, желая проводить нас, покуда можно, он плыл с нами верст с десять до первого ночлега.

В три часа пополудни пришли сказать, что лодка, во всей готовности, ожидает нас.

Распростясь со всеми, пошли мы к берегу. За нами несли чемоданы и некоторые припасы.

П. И., нас двое, человек и двое гребцов — вшестером поместились мы очень свободно в лодке. Гребцы распрощались с женами и детьми, сели по своим местам, то есть один на корме, другой при веслах, отвалили от берегу, и мы вскоре очутились на средине Волги.

День отъезда нашего был прекрасен. Река, как чистое стекло, стояла спокойно в живописных берегах своих. Только в некоторых местах синеватые струи чертили круги около каких-то невидимых центров. «Что это значит?» — спросили мы. «Это *подводные камни бурятся»*,— отвечал нам кормщик и старался далее от них править бег нашей лодки. В высоких берегах Волги находят много белого камня, который в земле чрезвычайно мягок, а на воздухе чем долее лежит, тем тверже становится. Работники, достающие сей твердый камень, по большей части зимою, должны так, как и рудокопы, подкапываться в землю на несколько сажен. Лучший белый камень ломают верстах в трех от Ржева, в береге, принадлежащем князю Путятину.— Плывущий по Волге встречает беспрерывные картины: барки тянутся бечевою; бородатые лоцманы, уцепясь за снасти на высоте мачт, пускают протяжный гул, по которому останавливаются или движутся лошади, влекущие суда. Едва могли мы разобрать из слов их некоторые. Например, трогаясь с места, кричат: *садись, да Богу молись!* — потом: подымай коней и проч.— Версты три плыли мы сквозь рощи мачт, с трудом пробираясь между множества стоявших близ Ржева судов.

Смотря на окрестные высоты Волги, с удовольствием видишь, что природа не щадила красок своих к испещрению их. Куда ни оглянешься, везде красоты! Берега из белого камня, лесистые, песчаные, бористые; скалы, нивы, голубое небо, осеребренное по местам легкими прозрачными облачками: все повторяется, все рисуется на дне кристалловидной Волги.

К вечеру мы поравнялись с большою сосновою рощею; за нею виден был дом. «Здесь живет родной брат мой»,— сказал П. И. Лодка причалила к берегу, и он повел нас чрез рощу в дом.— Я.... И.... Д....., дворянский предводитель Ржевской округи, отставной полковник, служивший долгое время на море, встретил нас дружелюбно, был очень ласков, желал казаться и веселым, но не мог: ибо очень недавно лишился любезной супруги. Он был в глубоком трауре. Ввечеру зашел разговор о путешествиях. Почтенный хозяин наш, при всей своей горести, умел, однако ж, занять нас приятными рассказами о различных явлениях природы, виденных им в дальних странах. Он провел несколько лет в Англии, однако ж разговор наш клонился более к Италии.

Я... И... как самовидец очень подробно рассказывал нам о различных чудесах тамошней природы. Слушая его, можно живо воображать огнедышащие горы, дымящиеся итальянские берега, где часто слышен глухой подземный вой огнен-

ных вихрей, потрясающих нередко целые области и заливающих кипящею лавою цветущие города. Рассказывая об Италии, он показал нам и привезенные им оттуда редкости: несколько разноцветных плиток обработанной лавы и прекрасные табакерки из сего же, некогда кипевшего, а в продолжение времени остывшего вещества.— На другой день рано поутру спешили мы к отъезду. Между тем в доме приметна была какая-то суета: приготовлялось множество столов и проч. «Что значат сии приготовления?» — спросил я П. И. «Чрез два дни будет шестинедельное поминовение покойной жены брата,— говорил он,— сюда сберется множество нищих и до пяти сот здешних и соседственных крестьян».— Слава Богу! что есть еще люди, не забывающие святых обрядов наших предков.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Утро было прекрасное. Проходя к Волге лесистым берегом, мы слышали повсюду пение птичек, которые, кажется, уже прощались с красными днями. Тут сели мы опять на лодку и, проплыв не более ста сажен, пристали к другому берегу, куда влекло нас любопытство. Мы увидели прислоненную к крутой скале мельницу; колесо ее быстро кружилось. Но откуда падала на него вода? — Из озера, имевшего в окружности не более двух сажен... Как! — скажут мне: это лужа! может ли быть на ней мельница? — Это чистый горный ключ, вытекающий из-под каменистой кручи: вода его, скопляясь в небольшом углублении, падает на поставленное внизу колесо, которое мелет беспрерывно летом, осенью и даже зимою, ибо крыница не замерзает. Только весною мельницу снимают и ключ поглощается прибылыми водами.— На Волге много таких ключей. В тишине прекрасных летних ночей, когда вечерняя заря угаснет и шум суетливых тварей смолкнет, приятно слушать журчание сих гремучих ключей, которые, если смотришь на них издалека, при свете лунном кажутся сыплющимся из гор серебром.

Рассматривая высокие берега, мы видели их усеянными небольшими круглыми отверстиями. Это норки или пещерки *гренков*, сказали нам, которые вьют подземные гнезда в сих утесах.

ПРИМЕТЫ ГРЕБЦОВ

«Вот! верно, скоро будет дождь»,— сказал один из наших гребцов. «А почему ты это знаешь?» — «По приметам! Мы привыкли угадывать непогодь: поглядите сами; там, у берегу, купаются стаи ворон: это к дождю...» Так говорил наш лодочник и угадал! — Проплыв еще несколько, мы встретили впадающую в Волгу речку *Лочу*. «Здесь будет порог *Лоча!*» — закричал кормщик. При слове *порог* мы испугались, думая, что встретим страшную опасность. В самом деле сине-струистый порог издали шумел и покрывался пеною; однако ж, войдя в него, мы увидели, что весь страх наш был напрасен: лодка только что ускорила бег свой, и мы почувствовали некоторую прохладу от тонкой влажной пыли, распространяемой брызгами.— Вскоре привалили опять к правому берегу, где дожидал нас на обед общий друг наш А. Г. Ч. Это любезный молодой человек, недавно вышедший в отставку за ранами. Добрая мать его приняла нас отменно ласково. Мы хотели у него только отобедать; но предсказание лодочника сбылось: зашумел сильный дождь, и мы все время бурной непогоды, продолжавшейся чрез целый день и следующую ночь, провели под мирным кровом дружбы.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Дождь продолжался до полудня. Добрый А. Г. согласился провожать нас в Зубцов, до которого водою надлежало плыть около двадцати верст, тогда как сухим путем до него не было и десяти: вот как излучиста Волга! После обеда кормщик пришел сказать, что *паветер,* то есть попутный ветер, начал дуть и нам можно ехать с парусом; все поспешили к реке. Провожавший нас до берегу Н. Ф. В., дядя А. Г., бывший по случаю начальником купеческих судов на Байкале, также плававший и на кораблях около берегов Северной Америки, растолковал гребцам нашим, как лучше прикрепить парус. Мы распрощались с ним, сели втроем в лодку и понеслись, на крылах ветра, вниз по течению. Тут встретилась нам вторая впадающая в Волгу река — Бойня. По берегам, в разных местах, видны были развалины старинных окопов. Может быть, некогда татары, мордва и черемисы, ограждаясь сими крепостцами, оспоривали у русских владычество над злачными берегами Волги. Но *правота* восторжествовала: племена хищников рассыпались, как прах, и Волга, величест-

венная царица рек, все пространное свое течение, равно как и солнце, большую часть пути своего совершает уже ныне в пределах России!

ПРИБЫТИЕ В ЗУБЦОВ

Сколько ни старались мы ускорить плавание греблею и парусом, однако ж приплыли к Зубцову не прежде сумерок.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ С ОСТРОГОЮ

Смолистый костер пылал на лодке, багряный столп горел в воде, огненные бразды текли вслед за кормою, искры с треском, светлыми блесками, рассыпались по голубой влаге; рыбак, вооруженный острогою, убивал беспечных рыб, уснувших на дне прозрачных вод. Вот картина рыбной ловли с острогою!

Подъехав к Зубцову, мы увидели в нем все домы освещенными. Улицы наполнены были шумными толпами: везде пирующий и веселящийся народ. Что бы это значило? — думали мы; но вскоре причина общего удовольствия объяснилась. Мы приехали в Зубцов в то время, когда там занимались *сечением капусты.* Все молодые девицы и женщины, собираясь вместе, переходили по очереди из дома в дом рубить капусту. Днем трудились, а вечер и большую часть ночи провождали в веселых играх. Каждый хозяин, чем может, угощает трудолюбивых гостей. Этот обычай ведется по всем городам и селам, лежащим близ Волги. Проходя город, мы встречали везде плясавшие хороводы, составленные из молодых девиц и мужчин: везде слышны были песни радости. Многие проказники, надев на себя уродливые хари, бродили с фонарями по улицам и смешили народ. В разных переулках слышны были скрыпицы, свирели и рожки. Одним словом, *сечение капусты* в приволжских сторонах есть то же, что *уборка винограда* в Германии и в южных провинциях Франции.

В это время на берегах Волги, оглашенных пением довольных поселян, повсюду царствует радость; и я не знаю, можно ли найти более удовольствия и веселых забав в самом Провансе и Лангедоке при собирании винограда.— О вы! ученые аббаты, воспитатели знатнейших юношей в отечестве нашем! мудрецы иноплеменные, уверяющие нас, что Россия, по суровости своего климата, никем не может быть

обитаема, кроме белых медведей! что русские морозы гонят из пределов наших все радости и забавы! оставьте ваши кривые толки и верьте, что где только могут жить люди, там верно могут они радоваться и наслаждаться. Провидение мудрее нас! Оно печется о всех равно: в отечестве зимы, во мгле дремучих лесов, засыпанных снегами и окруженных громадами льдов, природа умеет произращать цветы радостей для тех, которые повинуются ее уставам. Всякий народ имеет свои торжества, обряды, свои празднества, свою мифологию. Древний сын Севера, скандинавец, не поменял бы своего Одина на Юпитера, своего Валкала на Елисейские поля. Бедный лапландец и теперь не согласится оставить юрту и снежные поля для того, чтобы переселиться в великолепные палаты, на цветущие долины Южной Европы. Одни только наставники наши, иноплеменцы, Бог знает откуда, а по словам их, из стран благоденствия, бегут опрометью к нам, в царство холода, и зачем? Чтобы продавать нам ум свой, который, как дым, ест глаза и улетает на ветер, а через то выцеживать русское серебро из карманов наших богачей.

ГОРОД ЗУБЦОВ

Город Зубцов мал, но довольно хорошо выстроен. По летописям видно, что он существовал еще в 1216 году. Здесь впадает в Волгу судоходная Вазуза, принимающая в себя прекрасные реки Ассугу, Сошню и проч.— В Зубцове есть верфь. Барки строятся из заготовленных *кокор* (деревьев, имеющих природную кривизну, нужную для основы судов). В особенном канале весенние воды поднимают груз и его сплавливают на Волгу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Распрощавшись с А. Г., поплыли мы из Зубцова сквозь ленивые, дремавшие над рекою туманы, которых лучи раннего солнца не успели еще рассеять. Все было тихо, все прекрасно! Прелестные окрестности обворожали взор. Волга расстилалась под нами, как чистая серебряная полоса. Стаи рыб подымались кверху глядеть на свет, а быстрые ласточки, летая над рекою, смотрелись в кристальную ее глубину. Потеряв из виду город, встретили мы караван рыбаков, проводивших ночь среди Волги. В каждой лодке дымился еще ночной огонь в горшках: они *ловили* рыбу *подъездами*.

Желая на Волге увидеть Волгу во всем ее величии, мы начали читать стихотворения к сей реке двух прекраснейших пиитов И. И. Д. и Н. М. К. Один из них в прелестных стихах говорит, обращаясь к Волге:

Я плыл, скакал, летел стрелою.
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих зыбей,
Влекли попеременно взоры.
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали,
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

И мы встречали, хотя не все, но по крайней мере некоторые из картин, изображенных животворною кистию поэта.— Третия, встретившаяся нам, впадающая в Волгу речка есть Дорогоча. Недалеко от ее устья виден небольшой песчаный остров: он называется Солнцевым. В продолжение плавания встречались нам разные караваны барок, тянувшиеся снизу с грузом соли. Синие волны, прыгая около кормы каждого судна, покрываются, как будто жемчугом, шумною пеною.

До сих пор я не сказал еще ни слова о тех людях, которыми двигалась наша лодка, то есть о гребцах. Один из них, наш кормщик, был ржевский мещанин; другой, из церковников, трусливый, суеверный, беспрестанно повторял разные места из псалтыря и часовника. Каждый раз, когда начинало смеркаться, он заводил рассказы о домовых, леших, водяных и лесных духах, которые будто бы беспокоят плавателей на Волге, швыряя в них каменьями с берегов или перекликаясь с ними и тем заманивая в непроходимые леса. Во время сих повествований рассказчик наш дрожал сам, как осиновый лист. Оба гребца были, кажется, *староверы,* ибо, кроме прочих признаков, ни один из них не курил и не нюхал табаку.

БЛАГОДЕНСТВИЕ ПРИБРЕЖНЫХ ВОЛЖСКИХ КРЕСТЬЯН

Последние лучи заходящего солнца пылают в золотых заревах на стеклах прелестных сельских домиков, украшающих высокие берега Волги. Вместе с сумерками берега блестят огнями. Багряные столпы изображаются в зеркальных струях реки. Завидя впереди себя сквозь сизый вечерний туман синие волны, прыгающие в шумных порогах, и подводные камни, оснежаемые седою пеною, мы отложили плавание до утра.

Скоро влажная осенняя ночь спустилась и одела природу сгущенными мраками своими. Лодка наша раза два попадала на подводные камни. Мы пристали к лесистому берегу. Желая попробовать эхо, нарочно кричали мы — и голоса наши раз до шести отзывались в горах. Робкий Трифон (имя трусливого гребца) дрожал от страха: «Перестаньте кричать, господа! — говорил он,— чтоб не накликать *честного леса!»* Между тем звон колокола раздался за лесами, и мы прямо чрез скалы стали пробираться в ближнее селение, где остановились ночевать у крестьянина.

Старик, хозяин наш, был гостеприимен. Пространная белая изба его тепла; а мы, продрогнув от вечерних рос и холодных волжских туманов, радовались такому прекрасному ночлегу. Голод заставил попросить ранее обыкновенного ужинать; нам подали сытные щи и жареную курицу. Заметьте, что это случилось у крестьянина и не в праздничный день. «Неужли,— сказали мы,— у вас и в будни жарят куриц?» — «Хвалить Бога! — отвечал старик.— Кроме постов, всегда едим с мясом; сами голоду не терпим, да и проезжего гостя найдем чем попотчевать».— Генрих IV, государь, превозносимый современниками и потомством, в заботах и попечениях о благе народа говорил: «Я тогда почту французов счастливыми, когда каждый поселянин в состоянии будет варить курицу по воскресным дням». Так говорил он о французах; а русский приволжский крестьянин, который не по одним воскресеньям, но каждый божий день ест сытные щи с мясом, кем может почесться за несчастного? Разве одними клевещущими на нас иноплеменниками. Сверх того у сих крестьян есть обыкновение, достойное украшать не только их избы, но и великолепнейшие чертоги. Оно состоит в свободе, которую отцы дают детям своим в рассуждении браков.— Войдя в избу, мы застали все семейство в трудах. Между прочим старшая из дочерей, белокурая, стройная девица, сидела за кружевной подушкой и плела кружева. «Для кого это рукоделье? — спросили мы.— Не на продажу ли?» — «Случается иногда и продавать, а более для своих нарядов:

у молодой девицы от безделья руки млеют; труд — забава, им-то и время коротать». Так говорил старик, хозяин. «А который год твоей дочери?» — «Есть лет около двадцати».— «И она еще не замужем?» — «Еще Бог не послал жениха по сердцу»,— отвечал старик. «Да разве у вас выдают замуж девиц по согласию!» — «А как же бы и не так: *любовь согласье водит*».— «Ну, если в дочь твою влюбится бедный, безродный сирота?» — «Что ж за беда! Коли он ей по сердцу, так и Боже благослови: в добрый час, веселым пирком да и за свадебку!» — «И ты не помешаешь ей выйти за бедного?» — «Сохрани меня от этого Господь! Я не захочу принять на свою душу смертного греха; да зачем и мешать? Мне ин вчуже любо смотреть, как девица с милым идет! Барин! — продолжал старик.— Обычай не клетка, не переставишь; а душа с душой слюбится, что склеится... Кому ж взбредет на ум перешибать любовь и глядеть на слезы и тоску родимого дитя своего?» Тут не вытерпела и мать, чтоб не вмешаться в наш разговор. «Сохрани нас Бог! — говорила она,— быть разлучниками и злодеями наших детей; да ведь и священник прежде всего спрашивает: по любви ли друг за друга выходят; без того и венца нет: *любовь кольцо, а у кольца нет конца*,— прибавила добрая старушка.— В чьей груди сердце бьется, тот ему и господин. Дети наши, а воля у них своя: сердце само скажет, кого полюбит. Так говорили деды и отцы наши, а мы живем их умом и благословением».— В это время молодая рукодельница так заслушалась речей родительских, что руки ее будто задремали над делом; работа остановилась: булавки перестали прыгать по узору, и шум коклюшек затих.— Кому не сладко слушать про свою свободу? — «А бедность разве не пугает ваших невест?» — сказали мы, нарочно продолжая разговор. «И!..— отвечал старик, покачав головою.— Где живет труд, там бедности места нет. Иной продает и с барышом, да ходит нагишом; а по-нашему, были б руки здоровы, так состроим и хоромы! Я за своею Алексашею взял в приданое только красоту девичью да ее русую косу, ан, смотри-ка, теперь и домком живем!.. Кто потеет на ниве да молится Богу в клети, тот с голоду не умриот: вить давно люди бают: голинькой ох! а за него Бог!» Так говорил наш добрый хозяин, и сердечная улыбка разглаживала морщины на лбу его. Мы смотрели на него во все глаза, не проронив ни одного слова. Казалось, что сам здравый рассудок беседовал с нами в лице сего почтенного отца земледельца.— Молодой разносчик, приставший здесь же несколько прежде нас на ночлег и все время хранивший молчание, вдруг начал говорить:

«И у нас, батюшка, в Замосковном краю, в замужестве неволи нет: коли сердце с сердцем слюбится, так от венца уж никто не отведет...» — «А ты сам женат ли?» — «Женат, батюшка!» — «И по любви?» — «Уж, конечно, по любви. Анюта, теперешняя моя жена, училась со мною в одной школе читать; мы еще из детства полюбили друг друга. Я посватался, отец спросил у нее: хочешь ли, дочь, за него? А получа в ответ: да! — он тотчас выкупил ее у господина за триста рублей да и выдал за меня. Ну, Ваня, говорил мой тесть: мне не жалко трех сотен; теперь дочь моя свободна, она хочет быть твоею,— возьми ее даром. Ты добрый парень, не богат, да что делать! Живи-ка смирненько, тяни ножку по одежке; где любовь да согласие, там и двор красен; был бы жив да не ленив, а богат будешь... Еще я знаю одного барина в Малороссии,— говорил разносчик,— который в слободе своей устроил славный порядок. Прежде богатые крестьяне выдавали дочерей своих только за богатых, а бедные должны были жениться на бедных, а потому богатство с богатством, а горе с горем сливалось. Третья доля крестьян в слободе жили красно и богато, а прочие, как нищие, скитались у них по подоконью. Но помещик был, знать, не плохого ума: приехав из Питера и узнав обо всем, указал так, чтоб богатые невесты непременно выходили за бедных парней, а женихи богатые женились бы на бедных девицах. А чтоб не было неволи, то, если богатый слюбится с богатою, так либо невеста, либо жених должен отдавать свое приданое бедной чете. Так-то невеста богатила жениха, а жених обогащал невесту; и чрез года два или три все крестьяне стали равно довольны и богаты. Богачи породнились с бедняками; не стало ни ссор, ни вздоров, и все после били за то челом своему господину». В самом деле это прекрасная выдумка, прекрасный способ уравнивать состояния!.. Раздел земель, Ликургом в Спарте узаконенный, изгнал из ее пределов роскошь и нищету. В Риме несколько раз покушались уравнять состояния: оба братья Гракхи погибли от богачей за то, что так великодушно вступались за бедных! Но *уравнивать состояния посредством браков* есть прекрасное изобретение попечительного помещика.— Так рассуждали мы, восхищаясь здравыми суждениями тех, которые, не читав отроду ни древних, ни новых мудрецов, живут в простоте сердца и в простых хижинах. Отцы и матери! Вы, которые, так сказать, торгуете счастием дочерей ваших, подобно жестокосердым африканцам, продающим детей своих в неволю, придите в сии мирные хижины, услышьте рассуждения простого поселянина и познайте ваше заблуждение!

Корысть! Идол боготворимый, блеск твой ослепляет глаза и туманит умы смертных. Они раболепно влекут тебе на жертву все то, что природа дает им драгоценнейшего!

Горестно видеть, что большая часть нынешних браков заключаются пред алтарем корысти, а не любви!.. В рассуждении *об ордене Цинциннатов,* говоря о подлом пристрастии к золоту, вовсе не существовавшем в Америке, но перешедшем туда из Европы и, подобно всем наносным болезням, начинавшем уже распространять свое владычество в Новом Свете, *Мирабо* в полноте сердечных чувств восклицает: «О скорбная участь! Уже и добродетельнейшие из жителей Америки достигают до той степени разврата, что бедность осиротелых девиц в глазах их становится пороком! И так *красота* и *добродетель* уже недостаточны кажутся к заключению сердечных союзов, освященных пред алтарями Бога! Им нужно стало *приданое!* Честолюбие и скупость располагают ныне браками! Любовь честная и невинная, сия дщерь благого неба, уже бежит теперь из здешних стран, заливаясь слезами прискорбия!.. Нет, нет; не стало уже Нового Света!»

Но отчего так падки люди к золоту? Металл ли сей сам по себе их пленяет или влияние и надобность оного в просвещенных обществах? — Рассмотрим сие: золото есть металл бездушный, и так можно ли почерпнуть в нем наслаждения для души? Золото, обожаемое европейцами, было в презрении у американцев: они попирали его ногами, дарили испанцам, как песок, засыпали лошадям их вместо овса*. В Бразилии алмазы и золото текут из гор с ручьями: негры, потеющие над очищением их под лозою алчных европейцев, клянут и золото, и алмазы. Если кто из соотечественников наших влюбится в серебро, то может идти в Нерчинские рудники и вместе с работниками подкапывать минеральные глыбы. Там-то взор сребролюбца насытится серебром во всех его изменениях и видах. Он увидит любимое свое сокровище прежде смешанное с землею, потом искусством очищенное и, наконец, клокочущее в плавильных сосудах...

Сурена, генерал парфянский, убив Красса (одного из триумвиров), жертвовавшего всем для корысти, представил голову его Ороду, своему Государю, который повелел залить рот корыстолюбца растопленным золотом, говоря: «Насыщайся тем, чем ты никогда не мог насытиться!» Мщение жестокое,

---

* Жители Нового Света, не постигая алчности испанцев к золоту, подумали, что они непременно сбирают его для корму неизвестных им четвероногих своих животных, то есть лошадей.

но почти справедливое. «Следственно, вы хотите сказать, что золото как металл, то есть как тело плотное, ковкое, звонкое, блестящее и проч. и проч., не может пленять наших чувств и быть вожделенным предметом для сердца». Так говорит мне вступивший в сию минуту в разговор *светский химик,* защитник благородных металлов. «Но,— продолжает он,— взгляните на серебро и золото как на такие вещи, без которых в областях нынешнего света нельзя ступить и шагу; подумайте, что тот, кто не имеет копейки за душою, должен ходить и по стуже в той природной одежде, которую носил наш праотец Адам до падения. Подумайте, что он должен, как Диоген, пить пригоршнями одну воду, а есть Бог знает что? — Вообразите, сколь ужасна бедность!.. Всякий бежит от нее, как от огня. Обнаружив вашу нищету, вы сделаетесь презреннейшею тварию в нынешнем обществе. Но замкнув стоны бедности в груди своей, вы будете снедаться ею втайне, как тот спартанец, которому скрытый зверь прогрыз грудь и сглодал сердце*. Бедность наполняет жизнь нашу отравою горести. Она погружает в слезы целые семейства, приводит в исступление отчаянного отца и поражает голодною смертию младенца на иссохшей груди матери.— Что можно противопоставить бедности, кроме...» Золота, хотели вы сказать? Судя по нынешнему образованию обществ, это справедливо, я не спорю; но осмелюсь напомнить, что трудолюбие и умеренность суть также немалонадежные лекарства от нищеты. «Один только малодушный (говорит некоторый автор) может, опасаясь бедности, отказаться от истинного счастия; одна только низкая душа может предпочесть деньги привязанности нежного и непорочного сердца». Сочинитель *оперы Ольги* сказал весьма справедливо: *где нет прихотей, там нет бедности;* а мы прибавим: где есть взаимная любовь, там нет прихотей. Как вы думаете, чья выгоднее женитьба: того ли, кто возьмет графиню, имеющую сто тысяч доходу, а на сто тысяч и один рубль прихотей; или того, который женится на девице, имеющей сто рублей доходу, а на пятьдесят только прихотей? — Кажется, что последняя женитьба, даже по светским расчетам, будет выгоднее и покойнее первой.

Так, бедность не страшна для трудолюбивых, а труд есть забава в тот час, когда трудимся для милой особы. Одно принуждение, одна сердечная неволя ужасна: она заставляет юную супругу иссыхать на заре жизни, томиться на лоне

---

* Известно, что один спартанец, укравши молодую лисицу, держал ее до тех пор под епанчою, разговаривая с товарищами своими без всякого изменения в лице, пока зверь прогрыз ему грудь, и он упал мертв.

роскоши и в тишине ночей орошать слезами златое изголовье. Смотрите, вот *Сребролюб,* повторявший столько раз пред целым светом, что любит более всего дочь свою. Теперь, в доказательство отцовской горячности, выдает ее за глупого и безобразного Богатона. *Светлана,* девушка милая, известная в обществах своею любезностию, стесненная узами брака против воли сердца, становится задумчивою, скучною. Некогда в простом домике своего отца певала она, как майский соловей. Теперь в позлащенных чертогах, среди мраморов и драгоценных бронз, ничем не трогаясь, ничем не восхищаясь, сама недвижима и нема, как мрамор, цепенеет от скорби сердечной. Неотступный муж сидит подле нее на золотом диване, но сердце ее для него затворено: оно отдано уже с давнего времени Милону, которого образ вечный и единственный в нем житель.— Что же делается с бедным страстным Милоном? — Все надежды его исчезли, счастие мелькнуло пред ним и скрылось, как тень... Где узы нежнейшей, страстной любви, соединявшие сердце его с сердцем Светланы? Увы! они прерваны мечом корыстолюбия!.. Заглянем в хижину Милона: все семейство встревожено нечаянною вестию о браке Светланы. Милон, несчастный Милон, сжимая отчаяние свое в груди, бледен и безгласен, кажется приговоренным к смерти. Но вдруг буря стесненных чувств порывом вихрей вырывается из сердца его. Наружное спокойствие исчезает, полуугасшие и скорбью отуманенные взоры страдальца возгораются; молнии гнева блестят в его глазах, отчаяние извлекает прерывные вопли из помертвелых и дрожащих уст. Отец и мать огорченного утопают в слезах; иногда и сам Милон плачет с ними.— Но можно ли слезами грусти потушить тот огнь, которого, по словам Екклезиаста, и *воды многи* не угашают?* — Вот абрис картины отчаянных любовников. Искусный писатель-живописец мог бы сделать ее поразительною. Но посетим мысленно чертоги нового супруга Богатона; узнаем, что делается в них. В первые минуты брака он восхищался молодою женою, нет! добычею своею, точно так, как морской разбойник утешается слезами и отчаянием прекрасной невольницы, им похищенной. Мало-помалу заблуждение начало исчезать. Он в первый раз убедился, что за золото нельзя купить истинной любви. Легко заметить было, что сердце Светланы далеко от него и в ту минуту, когда он усильно стеснял ее в своих объятиях. Вскоре родились подозрения, косые взгляды, ропот, и вскоре на пышном и богатом ложе

* Любовь крепка, как смерть; ее же воды многи не угашают и реки не потопят ее. Библ. Песнь Песней.

супругов зашипело гнездо черных змей — это были змеи ревности!.. И так бессмысленный Сребролюб, принудивший дочь свою выйти замуж поневоле, погубил навеки ее и целое семейство. По законам здешнего мира он может быть оправдан; но когда страшная труба архангела повестит всем смертным да явятся на суд общий для выслушания своих приговоров, тогда, где бы ты ни был, хотя б, истлев в земле, превратился в персть, хотя б, поглощенный морем, послужил добычею рыбам, не мысли, чтобы мог обратиться в ничто. Нет! Все пылинки, составлявшие тело твое, совокупятся воедино, и ты, в точном *образе отца-притеснителя,* со стоном и скрежетом зубов, воскреснешь в день судный. Тогда в очах твоих сам Бог милосердия разрешит земные узы или терновые оковы, возложенные тобою на дочь твою.

Светлана и Милон, сии страдальцы мира, соединятся вечным союзом, и светлые лики ангелов увенчают их неувядаемыми райскими цветами! А избранный тобою Богатон услышит страшный глагол евангельский: *удобнее верблюду пройти в иглу, нежели богачу во врата Рая!* Он услышит его и оцепенеет... и корыстолюбие — смертный грех — увлечет его и тебя в океан вечных огней, удаленный неизмеримым пространством от светлых пределов рая, определенного в награду нищим и убогим страдальцам, орошающим повсечасно слезами тернистый путь их бытия в сем мире.— Отцы и матери приневоливают дочерей своих выходить замуж по расчетам, а не по выбору сердца. Но часто и самые девушки, не советуясь с чувствами своими, не заботясь о будущем, верят одному только минутному обольщению, одним только глазам, которые скоро ослепляются блеском золота и дорогих каменьев. Кто видел на театре драму *Рауль,* или *Синяя борода,* тот помнит, как молодая легкомысленная невеста, прельстясь подарками *Рауля,* забывает любовь верного Вержи и свои обеты: она отдает руку богатому мужу, в котором вскоре узнает злодея, убийцу трех жен. Мало ли таких драм разыгрывается и на всеобщем театре большого света? — София, молодая, невинная София, взлелеянная под сению любви родительской, в удалении от горя и забот, расцветала, как прелестный цветок в роскошном цветнике. Радость светилась в голубых глазах ее, всегдашняя улыбка порхала на розах свежего лица. Многие искали пути к сердцу спокойной красавицы; но оно никому не открывалось и до шестнадцатой весны было жилищем одних радостей. Невинность покрывала его алмазным щитом своим от стрел лютых страстей. Вдруг посватался к ней жених со *всеми достоинствами,* то есть, говоря языком большого света, он был богат,

чиновен и *сиятелен,* ибо по вычетам родословных кружков происходил от князей Камчатской или Золотой Орды. Едва только князь открылся, что имеет великодушное намерение озарить Софию своим сиянием, то есть из простой дворянки сделать ее княгинею, отец Софии тотчас собирает домашний совет. Он состоял из нескольких бабушек, тетушек и прочего родственного причету. Однако ж между ними случился один внучатный дядя Софии, человек честный, опытный и умный, но в глазах общества казавшийся странным потому, что неусыпным надзором над самим собою успел освободить себя от многих предрассудков. Едва объявлено было предложение князя, как вдруг все собрание воскликнуло: ах! как счастлива наша София! Один Правдолюб, дядя Софии, сохранял мрачное безмолвие. Когда все дядюшки и тетушки сочли по пальцам, сколько будет за Софиею душ, сколько станет она получать доходу и как будет счастлива, тогда отец обратился к Правдолюбу и вместе со всеми родственниками настоятельно требовал его мнения. Долго боролись с упрямством Правдолюба, наконец он начал говорить и, по обыкновению своему,— правду:

«Я вижу вашу радость, ваше восхищение о том, что наша София будет княгинею,— вижу и сожалею о вас. Друзья мои, вы похожи на тех людей, которые, не имея верного понятия о вещах, пленяются блеском восточных хрусталей и с радостию берут их вместо драгоценных алмазов. Верьте мне, что знатность и все наружные почести суть не что иное, как полуда, мишурный блеск, радужная пыль на крыльях бабочки. Желаете ль найти истинное, неизменное достоинство? — ищите его в сердце. Я знаю сам, что душа Софии еще спокойна, бесстрастна: София еще никого не любила, она не любит и князя; но она соглашается отдать ему руку.— Верю, она по неопытности своей еще ребенок, а всякий ребенок охотно бежит за тем, кто его манит гремушками; но натешившись всем, что его прельщало, он скучает и плачет. Подождите, пока сердце девушки созреет и откроется для истинной любви. Дочь ваша довольно достаточна. Она может осчастливить бедного, но милого ей человека. Князь имеет во владении своем несколько тысяч десятин земли с рощами, садами и озерами; но в жизни для жизни довольно нескольких плодородных десятин; а по смерти три шага земли достаточны для Креза и Ира, для царя и пастуха. Вы привыкли ценить и уважать людей по числу душ, хотя б они сами были вовсе бездушны. Правда, что князь по крепостям имеет не одну тысячу душ; но собственная его душа есть крепостная душа страстей и пороков; да верит ли полно он

и *бытию души,* будучи воспитанником философов XVIII века.

Может быть, вы пленяетесь титулом князя: знайте, что это также условное и весьма несправедливое отличие. Вам известны насекомые, изливающие вокруг себя свет во тьме ночной, которого лишаются они при солнечном сиянии: точно так и сияние титулов блестит только во мраке предрассудков и исчезает при свете здравого разума.

Все мира пышны знаки чести —
В очах премудрости прямой —
Прельщение умов незрелых,
Игра младенцев престарелых,
Отрада слабости одной.

Один из предков князя был верно простой татарин. При нападении сих хищных народов на отечество наше он более других успел разжиться грабежом, развел многочисленные стада на луговой стороне Волги, а потому, став отличнее от прочих бедных кочующих своих собратий, он сделался мурзою, эмиром или князем. И так вы видите, что все наружные преимущества переменяются, как платья. Что в одном краю в почтении, то в другом кажется смешно. Слова *князь* и *вельможа* не найдутся во многих языках; а слово *добродетель* блестит, как алмаз, в наречиях гуронов, готтентотов и коняков. Сила добродетели владычествует над сердцами всех народов и всех племен. Итак, ищите того, что нигде и ни в каких превратностях не теряет своего достоинства — ищите добродетели!» Так говорил Правдолюб, но речь его показалась темною, сухою, несвязною; иные даже думали, что она говорена на каком-нибудь азиатском языке. Слова Правдолюбовы не льнули к сердцам слушателей, и София, как будто наперекор, вышла за князя. Нянюшки, мамушки, родные и посторонние величали Софию княгинею, и она улыбалась от радости.— Что ж сталось с предвещаниями Правдолюба: сбылись ли они или нет? Посмотрим. Когда окончились свадебные обряды и торжества, шум в палатах князя затих, София все осмотрела, все ощупала: она открывала суетливо каждое пышное *бюро,* каждый позлащенный сосуд, прельщавший ее своею наружностию, как будто бы чего в них искала, и везде находила — пустоту. Вскоре узнала она, что и сам князь похож был на фарфоровый, внутри пустой, извне расписанный сосуд. Он не имел ни средств, ни искусства, которыми б мог украсить, озолотить жизнь Софии: сердце его было пусто, голова необитаема умом. Притом же вместе с платьем снимал он свои поддельные волосы, вынимал ряд прекрасных зубов изо рта и один глаз изо лба. Смыв с

лица румяна, белила и сурмильный порошок, он являлся в глазах жены рябым, изуродованным циклопом. Испорченное дыхание его, не будучи удерживаемо ароматами розового масла, заражало всю комнату,— и в его-то объятия должна была склоняться София! — Посмотрим на ее томление в часы безмолвной ночи. Снилось ей, что она выдана замуж за бедного, но прекрасного молодого человека; что жилищем ее была простая светленькая хижинка. «Вот, милая,— говорил ей муж,— у нас нет пышности, нет великолепия; хижина наша украшается простотою; а для меня она дороже золотых чертогов, потому что ты, ангел души моей! озаряешь ее собою: верь мне, любовь озолотит и хижину и жизнь нашу:

Я не могу тебе представить,
Что гордости возможет льстить,
Ни знатностью тебя прославить,
Могу лишь вечно я любить.
Не колесницы, не чертоги,
Где смертны кажутся нам боги,
Где низки суть так боги те;
Даю лишь сердце благородно,
Тиранов чуждо и свободно,
Твоей подвластно красоте.

Так, милый друг, сердце мое говорит мне, что для счастья в мире сем довольно одной любви». Тут София хотела броситься в объятия молодого, прекрасного супруга, хотела прижать его сладострастно к груди своей; но призрак исчез: она пробудилась. Томный смущенный ее взор блуждал среди великолепных уборов богатой спальни. При свете ночной лампады встречает она везде блеск и сияние, везде роскошь и великолепие; но ничто ее не утешает: взглядывает на супруга и видит в нем *обнаженное безобразие.* «Боже! — говорит она.— Чувствую всю справедливость ниспосылаемого Тобою наказания; мечты честолюбия и богатства обольстили меня!.. Я искала счастия, искала наслаждений в блеске роскоши и везде нахожу одну пустоту: ах! в золоте нет души: оно нравится глазам, а для сердца ничто... О мать моя, отец! Почто не остановили вы меня в тот час, как я гналась за призраком, обольстившим меня. Возьмите от меня все сокровище; дайте, дайте мне одно доброе любящее меня сердце, на котором бы я могла успокоить стесненную вздохами грудь мою. Здесь, на этом мягком, роскошном ложе, я страдаю, как будто на терниях!.. Ах! Сжальтесь, дайте мне простую хижину, я покойнее усну на соломе...» В эту минуту проснулся ее муж и бросил на нее из одного глаза взор,

может быть, и ласковый; но София вздрогнула и закричала от страху.— Сколько б услышали мы подобных и еще горестнейших жалоб, если б, став невидимкою, приложили ухо к дверям богатых спален некоторых вельмож, заключающих браки по одним расчетам честолюбия и корысти!

Но окончим рассказ о судьбе неосторожной Софии. Неопытность и легкомыслие погубили ее. Как прелестный цветок, срезанный с корня и поставленный в воду в раззолоченный фарфоровый или хрустальный сосуд, час от часу блекнет, вянет и, наконец, пороняв все иссохшие листки свои, умирает, так увядала София среди всех блесков роскоши. Часто в путешествиях своих, останавливаясь в простых хижинах, она находила под соломенною кровлею не одну счастливую чету. При виде благополучных и в бедности супругов сердце ее возмущалось. Она желала бы сбросить с себя и сияние княжеского титула, и богатые наряды, одеться в рубище и жить в пастушеском шалаше только сам-друг с милым сердцу. Беспрестанное волнение чувств и скорбь, грызущая ее, повергли Софию в чахотку. Настала весна: снега, под которыми зима погребла природу, начали таять, и София таяла, как снега, исчезала, как они! Уже давно горькие слезы смыли румянец, игравший на щеках ее; угас небесный блеск в померкших голубых глазах, улыбка, озарявшая лицо, спорхнула навсегда с поблекших уст, и две прелестные ямочки — печати поцелуев любви — изгладились на иссохшем от грусти и болезни лице: одним словом, София приближалась к последней степени чахотки. Весна расцвела, на небе и земле; все воскресло; — а София умерла! Первые весенние птички запели, и песнь их отозвалась уже над ее могилою!.. Князь, сделав великолепные похороны своей княгине и воздвигнув над прахом ее мраморный, золотом украшенный надгробник, как будто ни в чем не бывав, помчался по свету искать утешения — невест. Но родители, сердечно любившие Софию, горько плакали над ее могилою.

«Мы погубили тебя, милое дитя наше! — восклицали они.— Мы виновники твоей погибели. Ты, как ребенок, бежала к пропасти, закрытой цветами. Долг наш был остановить тебя, но заблуждение ослепило нас самих! Ах, мы думали, что богатый князь украсит, осыплет *розами счастия* каждую минуту твоей жизни. Но ты, бедная, невинная страдалица, вместо сладостных уз брака до самого гроба стеснялась веригами лютой скорби! Увы! супруг твой, бессмысленный богач, *златою косою* подкосил все радости на пути твоей жизни; и ты, о несчастная жертва корысти! ты иссохла, как цветок, на заре жизни: скорбь вытеснила ангельский

дух твой из прекрасного тела, для тебя не сияло солнце супружеского счастия. Горе, как змея, впилось в сердце твое: ты вечно утопала в слезах, ты проплакала всю веселость свою, первое сокровище молодости,— и жизнь казалась тебе постылою!»

ПЯТЫЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Миновав еще впадающую в Волгу реку Иружу и шумный каменистый порог ее, где недавно загрязло судно с яблоками, плывшее в Тверь, рано поутру приплыли мы в Старицу. Вообще все города на Волге, даже самые небольшие, кажутся многолюдными, когда подъезжаешь к ним водою: народ толпится на берегах, конные и пешие теснятся к парому, разноцветные одежды мужчин, а в праздничные дни блестящие флеровые фаты, парчовые платья и жемчужные головные уборы женщин, гуляющих по берегу, составляют приятную для глаз картину. Притом же пристани наполнены судами, на которых беспрестанно движутся шумные толпы работников. Торговые города оживотворяются промышленностию: в них везде видна жизнь и деятельность.

Старица довольно большой, по обеим сторонам Волги расположенный городок. Строение в нем почти все каменное или на основании из белого камня.— Мы вошли в новую церковь, которую назавтра собирались освящать. Архитектура в ней очень хороша, резьба прекрасная; но живопись не соответствует прочему украшению. Если бы не блеск свежих красок, можно подумать, что иконостас писан за несколько сот лет. Ласковый архитектор, случившийся тут, объяснил нам загадку, сказав, что иконы писаны нарочно старинною кистью для того, что прихожане-старообрядцы отчурались бы от церкви, увидев святых, написанных по нынешним образцам.— В 1598 году Борис Годунов, желавший чем ни есть оправдать себя пред потомством, воздвигал в разных местах великолепные здания: в Москве вознесся к облакам Иван Великий; Смоленск оградился стенами. В то время на основание сих высоких стен *белый камень* вожен был из *Старицы*.

В одной каменной горе в Старице насчитали мы до двадцати кузниц. Пылающие горны, вылетающие столпы искр и звонкий стук разнозвучных молотов напоминает басню о циклопах и бессмертные стихи Вергилия.

Заглянули в древний Успенский монастырь; там погребены на особенном кладбище несколько особ из фамилии Тутольминых. Над каждою могилою воздвигнут памятник. Два из них

отличаются от прочих: один имеет вид большого усохшего дерева, на котором число сучьев соответствует числу родословных ветвей; другой представляет купидона, погашающего пламенник жизни. Этот последний надгробник приводит на память прекрасное мнение древних о смерти. Они воображали ее прелестным ангелом, одетым в сияние светлых радуг, который с улыбкою является долголетним старцам и тихо угашает догорающую свечу жизни. Впоследствии мрачное воображение, может быть, для того, чтобы рассорить людей с гробом, выдумало изображать смерть в виде безобразного остова с ужасною косою.

На правом берегу Волги, против города, видны развалины древнего монастыря. Молва народная говорит, будто бы есть там подземный путь, которым можно пройти под водою на другой берег Волги. Легковерные утверждают, будто и в Киеве находятся пещеры под Днепром. Но не у нас одних заблуждаются: в Гибралтаре есть также пещера, о которой думают тамошние жители, что она ведет в подземный путь под Средиземное море, по которому можно дойти до самых берегов Африки. Из этих народных басен блестящее воображение эпического поэта может творить чудеса; например, населить подземелья сии подводными духами, которые заманивали бы людей в очаровательные потаенные свои чертоги и проч. и проч. Говорят, что Гомер большую часть повествований в «Одиссее» занял из рассказов суеверных финикиян, с которыми плавал по морям.

ПРОТИВЕНЬ

Еще с утра мрачные ненастные облака сгущались и покрывали небо; наконец пошел проливной холодный дождь. Один из наших гребцов явился в трактир, где мы остановились, с известием, что на реке поднялся сильный *противень*. Однако ж мы, несмотря ни на что, решились плыть, распустив над головами дорожный зонтик.

Противень на Волге есть то же, что буря на море. Осенний ветер завыл навстречу нам. Река шумела, и пена оснежала берега. Черные волны поднялись грядами; *девятый вал*, выше всех прочих, наступал грозно на легкую нашу ладью. Дождь, шумевший из облаков, сливался с брызгами разъяренных волн, и весь воздух превратился в холодную влагу.

По причине противного ветра мы не могли уплыть в целые три часа более осьми верст. Наконец, прозябнув от непогоды, принуждены были зайти обогреться в село Спас.—

Подле этого села, в крутом береге, размытом водою, видно много гробов, костей и разбросанных черепов. Печальный вид бренности человеческой, мрачное небо, стон сетующей природы — всё поселяло в нас какой-то невольный трепет и погружало в размышление. Может быть, некоторые из сих голов наполнены были умом острым и здравым: иные обширною памятью, поглотившей все, что называется учением; другие вмещали в себе пламенное воображение, которое в смелых порывах своих обтекало вселенную. Теперь сии самые головы, разметанные бурею, валяются между камнями и раковинами без всякого призрения.— Благочестивые жители села Спаса должны б засыпать землею сии разрушенные могилы, да с миром истлевают остатки человечества!.. Древние, а особливо греки, отменно уважали погребальный обряд: у них меньше значило лишение жизни, нежели погребения.

Как разительна мысль о смерти! Но, по словам Юнга, она исчезает в уме нашем скорее, чем след бегущего корабля на море или парящего орла в воздухе.— Смерть, как говорит Монтань, каждого из нас *держит за ворот*. И мы не видим ее! И богач, сидящий на мшистых бочках золота, углубленный в расчеты, не видит, что смерть, как несменный страж, как тень его, всегда за ним!

Считаем злато мы, а смерть стоит за нами!
Мы деньгам счет, *она* ведет счет нашим дням
И непреложный путь всем кажет ко гробам!

И грозный покоритель народов, сплетающий, так сказать, сети из оков, которыми хочет уловить все народы земли, часто вспоминающий об Александре, Кесаре и Сципионе,— забывает о *смерти,* которая всех сих исполинов, пред кем земля умолкала, истребила из книги живых. Один мах косы — и тот, кто облагал мир веригами подданства, стеснится сам в шести досках и предан будет истлению!

БУРЯ

К ночи ветер становился сильнее, волны вздымались выше и выше. Волга кипела и в чрезмерном волнении, казалось, хотела вырваться из берегов. Высокие сосны и ели, приклоняемые бурею, стеня от корней до вершины, ударялись одна об другую и громко трещали. Песчаные глыбы, отрываясь от берегов, с шумом обрушивались в реку, и эхо в лесах и в ущелиях гор повторяло грохот и треск. Между тем вдали открылся порог *Мирослав*. «Вот самый большой и сер-

дитый порог!» — воскликнули наши гребцы. В самом деле волны в нем кипели, как в котле, и он весь подернут был, будто снежным покрывалом, густою крутящеюся пеною. Сила порога еще издалека притянула лодку нашу, гребцы употребляли все усилия, но не могли справиться с волнами и сбились с прямой струи... Лодка запрыгала, застучала дном об уступчатые подводные камни, и мы начинали уже пугаться; однако ж, по причине легкого груза, судно наше только что скользило по камням почти без всякого вреда. Быстрота течения скоро промчала нас чрез все опасности. «Если б это случилось с тяжелою баркою, то, верно, она расшиблась бы вдребезги»,— говорил наш кормщик.— Уже мрак вечера мешался с густою мглою сырых туманов, но буря не утихала, и мы не преставали бороться с шумными валами, которые лодка наша рассекала впоперек. Шум ветров, рев порогов, унылый гул *лоцманов,* свист вихрей в ущелиях и протяжные крики коноводцев на берегах оглушали нас. Тут надвинула в тучах черная осенняя ночь и покрыла все мраком. Огни засветились на судах, которыми унизаны были берега, буря выла, и клокочущие волны прибили наконец лодку нашу к высокому мысу.— Кто пожелает иметь лучшее понятие о буре на Волге, тот может прочесть сии стихи прекрасного поэта:

Когда ж над тучами, со гневом,
С ужасным шумом, грозным ревом,
Начнет кипеть в брегах своих,
Как вихри воздух раздирают,
Как громы с треском ударяют
И молнии шипят в волнах.
Какая кисть дерзнет представить
Великость зрелища сего:
Какая песнь возможет славить
Ужасность гнева твоего?..

Не желая более бороться с ветрами, мы начали взбираться ползком на крутизну. Взошли на берег ощупью впотьмах и пробирались далее; но почувствовав ногами какие-то возвышения и впадины, остановились. В это время порыв ветра разорвал тучу, луна проглянула и дрожащий луч ее осветил нас, стоящих на могилах: древние развалины, новая церковь, груды камней и кирпичей окружали нас. Наконец раздавшийся лай собак возвестил близость селения; мы пошли прямо на него и узнали, что это было село Иванище.

В нескольких местах упоминал я *о коноводах*. Так называют крестьян, нанимающихся тянуть лошадьми барки из Твери до Ржева. На каждую пару берут они до семидесяти пяти рублей, чтоб провезти суда берегом около двухсот верст.

Бечевые, или дороги по берегу, чрезвычайно затруднительны: бедные лошади, как дикие козы, должны по голосу лоцманов то взбираться наверх по скалам, то спускаться к самой реке. Многие из них падают и ломают ноги. От Ржева Волга течет все почти в погорных берегах; луговая сторона ее начинается гораздо ниже, и пословица говорит: «Знать ямскую по столбам, а Волгу-реку по крутым берегам».

Из села Иванища до Твери оставалось только верст около пятидесяти. Буря не унималась, река не утихла; после дождя посыпал мокрый снег; и мы решились променять лодку на почтовую повозку. Эта перемена сделала для нас путешествие несколько сносным и в самую несносную погоду. Вместо того чтоб, досадуя на противный ветер, медленно подвигаться вперед сквозь груды волн, мы летели по берегу на быстрой тройке с звонким колокольчиком.

Часть третья,

содержащая в себе:
мысли, замечания и рассуждения во время поездки
по Тверской, Московской и Киевской губернии

ТВЕРЬ

ТРАКТИР

Мы приехали в Тверь в самую ненастную погоду: небо покрыто было туманными облаками; мокрый снег сыпался. Все улицы до чрезвычайности грязны. Приехав в первый раз случайно в сей город и не имея в нем никого знакомых, мы принуждены были остановиться в трактире. Погода ненастная, идти некуда, что делать? Станем описывать то, что мелькает перед глазами. Трактир есть, так сказать, открытый театр, на котором новые лица представляют беспрестанно новые явления. Всякий, входящий в трактир, становится поневоле действующим для того, кто захочет быть зрителем. Во всех прочих домах в городе видишь одно и то же: там всякий подражает общему образу обхождения. В трактире, напротив, всякий действует по-своему, и здесь-то любопытно замечать людей. Сядем у стены на этой софе; средняя комната будет для нас открытою сценою: всякий, кто на нее вступит, станет действующим лицом. Завеса открывается — смотрите!..

Явление I

Входит и действует.

Человек небольшого росту, пожилых лет, ибо седины белеют на голове его, ходит заботливо взад и вперед, погружен в приятную задумчивость. По лицу видно, что он чего-то или кого-то ожидает: глаза его часто обращаются на дверь. Он теряется в лестных мечтах, нераздельных, однако ж, с какими-то расчетами. Когда он мечтает, тогда глубокая задумчивость на его лице часто рассеивается приятною улыбкою: это улыбка надежды!.. Но когда дело доходит до расчету; когда он подымает глаза вверх, шевелит тихо губами, а правою рукою сгибает, один по другом, персты на левой, тогда нельзя знать наверное, а надобно думать, что *бережливость* подергивает лицо его туманом прискорбия, и он, потирая наморщенный лоб, погружается в раздумье. Кажется, что в сие время сердце его крепко ссорится с соседкою своею, *записною книжкою* (спрятанною в левом боковом кармане), в которой вместо страниц — ассигнации. *Сердце* и *воображение,* согласясь между собою, уговорили *рассудок* не мешать им в стремлении к какой-то лестной, но мечтательной *цели. Скупость,* недремлющий сторож карманного казначейства, тотчас предузнала, что вся беда должна кончиться на ущербе или совершенном истощении ассигнационной сумки. Эти самые обстоятельства были причиною страшной суматохи, происходившей в левом кармане, куда незнакомец не раз посылал дозором правую свою руку. Он часто поправлял дородный бумажник, который, четырьмя краями своими выказываясь сквозь сюртук, привлекал на себя жадные или, может быть, только любопытные взоры трактирщика более, нежели каждая генеральская звезда (разумеется, без бриллиантов). Любопытный трактирщик измеряет незнакомца с головы до ног острыми взглядами, которые, если можно сказать, так и липнут к выпуклости, видимой над левым его карманом. Этот расчетливый трактирщик, кажется, повторяет старинные уроки и задает себе алгебраические задачи: *сколько незнакомец в пышном бумажнике своем имеет денег и сколько из них останется в трактире? — Между тем:*

Явление II

Вдруг распахнулись двери настежь... Французский язык гремит. С торжественным видом входят несколько человек и душат приветливыми объятиями нашего мечтателя... Это *люди нужные,* чрез которых надеется он получить *желаемое.*

Каждый из них может почесться ступенью той лестницы, которую он в мечтах своих устроивал, чтоб достигнуть до...

Обед уже заказан; садятся за стол; лучшие вина пенятся в стаканах... Пируют час, пируют другой и третий!.. Наконец, заплатив рассудком дань Бахусу, расходятся. Тут потчеватель из шумного, веселого товарища становится тихим и смиренным: дело приходит к развязке, то есть к развязке двумя или тремя аршинами лент укрученного бумажника. Наконец робкими шагами приближается он к хозяйке; дрожащею рукою развязывает или распутывает бумажник; с тяжким стоном вынимает деньги и жалуется, что много издержал. Хозяйка, сухая, бледная как смерть, после *участия карманного* принимает *сердечное участие*, дает ему *титул великодушного;* потом в утешение начинает пространное рассуждение о ничтожестве денег. «Деньги дело нажитое!» и проч. и проч.

ЗНАКОМСТВО

Явление III

Входят *двое* и, разговаривая между собою, часто посматривают наискось на высокого белокурого мужчину, важно расхаживающего взад и вперед. Он подходит к ним, начинает с одним (с которым прежде уже знаком) разговор, не удостоивая ни малейшим вниманием другого, который, кажется, с нетерпением и большою заботливостию ожидает минуты, когда обратят на него внимательный взор. Наконец счастливая минута приближается: начинают разговор — о необходимости музыкального клуба. «Да где наберем мы музыкантов?» — говорил *белокурый*. «Вот музыкант!» — сказал один из двух прежних, указывая на своего молчаливого товарища. *«Право!»* — сказал *белокурый* с восклицанием, в знак удивления. Безмолвный музыкант низко поклонился. «Он играет на всех инструментах»,— продолжал первый. «Право!» — повторил белокурый, гораздо протяжнее: ибо это *второе право* сказано было в знак одобрения. «Я имею честь представить вам этого молодого человека,— говорил первый.— Он преисполнен талантов, которым вы, как покровитель всего изящного, откроете путь...» — «Право!» — сказал в третий раз *белокурый*, но уже ласковым голосом, уверяющим в его благосклонности. Этот *белокурый лифляндец* принадлежал к свите одной знатной особы; оттого так и важничал. Молодой человек, желая отблагодарить своего товарища за доставление ему

столь лестного знакомства, угощал его целый вечер пуншем и вином и — в чаянии будущих благ — не щадил своего кармана.

ЧЕСТОЛЮБИЕ

«Вот, милостивый государь! — говорил мне один расфранченный француз, снимая ловко со свечи,— вот как несправедлива фортуна! Человек с умом и с дарованиями должен влачить дни свои в неизвестности (это говорил он о себе)... Между тем как счастливый глупец хитростями и происками наживает богатства (это говорил он о хозяине)!..»

ЗОЛОТОЕ ДНО

М...... Г... и Ф....— три иностранца за двадцать пред сим лет пришли в Россию, имея каждый только на сто рублей картинок; теперь сделались они знатными богачами и считают капитал свой не рублями, а тысячами. Россия золотое дно для иноплеменных выходцев!

Человек в незнакомом городе есть то же, что читатель, имеющий в руках книгу, писанную на неизвестном ему языке: он видит литеры, строки, часто картины, но ничего не может прочитать. Путеводитель, то есть хотя один хороший знакомый, столь же полезен в первом случае, как *словарь* в последнем. Не имея, как я уже сказал, знакомых в городе, мы пошли в гости к старинной знакомице своей — к природе. Дурная погода не помешала нам наслаждаться ею.

ПРОГУЛКА В НЕНАСТЬЕ

«Куда лучше пройти — в Трисвятское или Архиерейский сад?» — спрашивали мы у одного человека, с которым слегка познакомились в трактире. «А что вы хотите там делать?» — говорил он с удивлением. «Разумеется, прогуливаться и любоваться окрестностями Твери».— «Как! В эту погоду? Теперь только шел мокрый снег, на улицах грязь по колено; разве забыли вы, что на дворе осень, зелень и листья на деревьях пожелтели, везде мокрота и сырость: чем же вам любоваться?..» — «У нас есть средство,— отвечали мы,— чрез

которое можем все видеть точно так, как в самый красный весенний день: луга зацветут, деревья зазеленеют, небо прояснится, и Волга, покрытая бугристыми валами, претворится в чистое серебряное зеркало».— «Как, милостивые государи! разве вы чародеи?» — «Нет! мы на этот раз только просто *любопытные путешественники*».— «Какое же чудесное средство, какой волшебный талисман переменит для вас туманную осень в приятную весну?» — «*Воображение*, милостивый государь! *воображение!..*» Он смотрел на нас выпуча глаза, потом улыбнулся в знак догадки, и мы расстались.— Воображение есть лучшая или, по крайней мере, самая благодетельная для человека из способностей душевных. Уединенный мечтатель в бедной хижине, засыпанной снегами, под свистом бури, может воображать все приятности весны, слышать пение соловьев и прохлаждаться зефирами, порхающими по цветам и душистым липам. Бедный узник, жертва пылких страстей, притесненный, изгнанный из общества, обремененный веригами и брошенный в подземную тюрьму, воображает златое царство свободы, где никогда не раздается ни звук цепей, ни стон притесненных, где *скован законом один только деспотизм*. Он воображает и забывается о своем злополучии. Скажут: воображение вторит призраки и переселяет в мечтательный мир... пусть так! Но кто живет воображением, тот обменивает множество горестей на множество наслаждений, вовсе незнакомых жителям видимого и всеми чувствами их осязаемого мира.— Шанфор сказал прекрасную истину, истину, понятную только для чувствительных душ, животворимых воображением: «*Лишась способности мечтать, душа перестает наслаждаться жизнию*».— Воображение Гомера, Вергилия, Тасса, душа «Иллиады», «Энеиды» и «Освобожденного Иерусалима», пережило и еще переживет падение многих памятников, городов и царств. Пламенное воображение и нежное сердце — вот две принадлежности пиитов, без которых они могут быть только холодными стихослагателями. Но не одним стихотворцам нужно воображение; славный звездочет де Лаланд также говорит: «Важнейший совет, который можно подать учащимся математики, состоит в том, чтоб гораздо более изощрять *воображение*, нежели *память*».— Вот краткая и нескладная похвала воображению, которое помогло нам насладиться осеннею прогулкою в большом Трисвятском саду тогда, как желтый лист, смешанный с снегом, шумел уже под ногами нашими. В этом саду есть ряд прекрасных водяных зеркал — чистых прудов. Тут виден также большой архиерейский дом. Еще заглянули мы в *воксал*, сад на крутом берегу, который застали осиротелым,

пустым; а в прекрасные летние вечера тверские жители наслаждаются в нем приятнейшею прогулкою. Там можно свободно расхаживать по тенистым липовым аллеям, отдыхать в беседках, на дерновых софах, в прохладе цветущих кустарников; или, погрузясь в задумчивость, на берегу Волги смотреть на величественное течение сей реки. Можно там любоваться прелестною картиною вечерней зари, алеющей в сребристых волнах, и, гоняясь воображением за бегущею струею, протекать вместе с нею до пределов Азии, удивляясь множеству разнообразных племен и языков, поимых волжскими водами!.. Здесь же, на берегу, за несколько пред сим лет построена прекрасная небольшая беседка одним из губернаторов, который, как говорят, часто отправлял, сидя в ней, многие письменные дела. Один только любитель прелестных картинных видов мог выбрать столь удачно место для беседки, из которой глазам восхищенного зрителя открывается, как на ладони, весь город и длинный *плес**, покрытый судами и лесом мачт. Множество разноцветных флагов, волнуемых ветерками, пестреют под голубою твердию.— Вообще окрестности Твери прекрасны и с первого взгляда, кажется, походят несколько на петербургские.

Мы очень хотели побывать в тех березовых рощах близ Твери, где останавливалось некогда семейство знаменитого временщика князя Меншикова, низверженного с высоты блистательнейшего величия и славы. Одно слово юного, самовластного монарха, как порыв ветра, искореняющий столетний дуб, сразило сего поседелого в могуществе вельможу, наперсника Петра Великого и Екатерины, и открыло ему путь к хладной Сибири. Но злоба врагов и без того горестный путь сей, от пышной столицы до мрачного Березова, неутомимо старалась усыпать терниями. Вскоре по выезде изгнанников нарочный курьер привез повеление, по которому все экипажи Меншикова должны были возвратиться в Петербург, а его велено везти вместе с женою и дочерьми на простых телегах. Кажется, счастие, лелеявшее любимца своего чрез столько лет, отступилось наконец от него и дало волю злому року, который, не удовольствовавшись тем, что поразил его громовым ударом на месте, преследовал еще в пустыни Севера и на каждом шагу разил бесщадно убегающего страдальца пламенным мечом своим. Второй курьер привез повеление, чтобы снять с Меншикова и его семейства богатые платья, остатки прежней пышности, и переодеть их в смурые

* Плесом называют течение реки по прямой линии. На Волге плесы не велики; она вся в извилинах.

крестьянские кафтаны. Вскоре после сего чувствительная супруга князя *выплакала глаза** и ослепла, а потом умерла с тоски, не доехав до Сибири. Но среди всех страданий, под тяжким бременем уничижения, Мария, дочь Меншикова, пребыла непоколебима в любви к Федору Долгорукому. Август Лафонтен в прекрасном романе своем представляет описание проезда Меншикова чрез Тверь: оно включено в письме Марии к Федору.— Вот что писала сия несчастная девица:

«Наконец приехали мы к березовым рощам, из которых ты писал ко мне, будучи в Твери с Сапегою. Я уговорилась с нашим извозчиком, чтобы он остановился близ того места, на котором ты некогда стоял. Там упала я на колена, воздев с молением слезящие очи и руки к небу. Федор! Я обнимала, как друга, каждую березу, взоры мои искали повсюду следов твоих. Сердце желало беседовать о тебе и с самыми бездушными деревьями, внимавшими некогда твоим стенаниям, вздохам и молениям! — Я взывала к целой природе и к небесам; ожидала от них ответа: громового удара, огненных молний или сладкого шепота тихого, невидимого голоса, или шороха листьев, потрясенных перелетным ветерком... Напрасно! напрасно! Вся природа онемела для меня! О, Федор! Никогда еще не чувствовала я себя столь одинокою, столь осиротелою в мире... В ужасном отчаянии, закрыв лицо руками, бежала я, сама не зная куда. Для тебя, по крайней мере, являлось в воздухе привидение; а мне ничего не представлялось: меня, несчастную, судьба жестокая не хотела порадовать и мечтою! Взбежав на холм, который ты мне описывал, увидела я Тверцу, ревущую в кремнистых скалах. В оцепенении всех чувств смотрела я на шумное падение бурных вод, на кипящие под крутыми берегами волны... О Федор! Я благословила бы руку, которая благоволила б низринуть меня, со всем моим злополучием, в сии разъяренные волны!..»

Если бы мы были в Твери в летнее время, то не преминули б посвятить один из тихих вечеров приятной прогулке в тех березовых рощах, где некогда так горестно сетовала вернейшая и несчастнейшая любовница. Но в ненастную осеннюю погоду не захотели так далеко идти, чтоб не показаться уже слишком *сентиментальными путешественниками*. Однако ж мы послали за себя *воображение* наше,

* Должно бы, кажется, сказать: *проплакала глаза,* ибо предлог *про* всегда означает *потерю,* наприм⟨ер⟩, проглядеть, проиграть и проч., а слог *вы* — *приобретение,* как-то: выпросить, вымолить, выиграть и проч., но *употребление* не всегда слушает правил.

которое отыскало следы Марии, видело ее стоящую на коленах, готовую броситься с крутого берега... видело и все представило нам как наяву.— Советуем и всем путешественникам осматривать своими глазами только полезные заведения и прочее; а для осмотру романических мест *посылать за себя воображение:* оно лучше все отыщет и рассмотрит.

В Твери между прочим заметили мы смирительный или рабочий дом, очень хороший по наружности, имеющий вид крепостцы. Этот дом показался нам превосходнее всех смирительных домов в целом свете.— А почему? — Потому, что он был *пуст*... Слава Богу! Это делает честь нравственности тверских жителей: стало быть, они столь кротки и добропорядочны, что между ними нет никого, заслуживающего усмирения. Счастлив народ, оправдывающий древнюю китайскую пословицу: *где мечи заржавели, а плуги светлы; тюрьмы пусты, а житницы полны; ступени церковные в грязи, а дворы судилищ поросли травою; врачи пешком, а мясники верхами,— там стариков и младенцев много и государство благо управляется.*

ЗАМЕЧАНИЕ О СКЛОННОСТИ ПРИБРЕЖНЫХ ВОЛЖСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Неоспоримо, что склонности жителей различных областей сообразны местному положению оных*, например: жители обширных лесов отличаются охотою к звериной ловле и бывают искусными стрелками. Жители степные, пристращенные к конским заводам, еще с малолетства привыкают к лошадям: из диких необузданных коней делают во всем покорных и верных им слуг в домашней жизни и в дальних походах. Точно так и береговые жители больших рек или озер, будучи искусными рыбаками и гребцами, доказывают ежедневно склонность и способность свою к плаванию по воде. Склонность эту, как будто врожденную, можно даже приметить в малых детях, которых любимая забава состоит в том, чтобы, сыскав обломок барки и сидя в нем, представлять, будто плывут по реке. В таком случае один из них представляет очень важно лицо лоцмана, другие исполняют должность гребцов.— И там, по различию *коренных свойств жителей,* можно составлять различные ополчения: из степей, например, выедет прекрасная конница; из лесов вый-

* Кажется, у *Локка* и *Кондильяка* можно найти доказательства тому, что склонности зарождаются от действия окружающих предметов на чувства.

дут подобные тирольцам ополчения искусных стрелков; а береговые жители рек и озер более всех годятся к служению на кораблях.

В окрестностях Твери Волга принимает в себя реку Тверцу и речки Тьмаку и Лазурю.

Город Тверь название получил от слова *твердь* (крепостца). Она устроена была прежде при самом устье Тверцы в 1182 году для защиты от набегавших отрядов новгородских и новоторжских. Потом настоящий город начал распространяться уже в 1242 году. Первый князь удельного Тверского княжения был Ярослав Ярославич, брат славного Александра Ярославича Невского.

В прекраснейший осенний день, прогуливаясь по берегам *Волги,* зашел я неприметно в *Едимоново,* подаренное князем *Ярославом* любимому отроку его *Григорию.* При входе в село встречались мне везде шумные толпы народа. Все молодые девицы, увенчанные цветами и одетые по-праздничному, составляя хороводы, пели веселые свадебные песни. Малые дети, нагружая кузова цветами, прыгали от радости... И самые древние старцы, поддерживаемые костылями и внуками, выходили садиться у широких ворот своих. На всех лицах написано было ожидание. «Я вижу здесь повсюду радость и веселие, какая этому причина?» — спросил я у одного поседелого старца. «Здесь будет сегодни свадебный пир,— отвечал он.— Я сам, живя отшельником в соседственных лесах, пришел насладиться приятнейшим зрелищем юной четы, сочетаемой любовью... Царский отрок *Григорий* часто прихаживал ко мне беседовать в тишине пустынной; теперь он соединяется браком с *Ксениею,* дочерью здешнего священника. *Ксения,*— продолжал старец,— утешение и радость престарелого своего отца, любима всеми своими подругами. *Григорий* встретил ее в первый раз на ниве одного из беднейших наших поселян: она помогала малым сиротам его убирать с поля хлеб. *Григорий* увидел прекрасную и пленился ею. Он расспросил об ней у старых и молодых и полюбил ее за то, чем она привязывала к себе всех: за добрые качества ее души. Теперь...» Слова его пресек радостный шум поселян. *Жених* и *невеста* шли ко храму. *Григорий,* прекрасный юноша с алым румянцем на белом лице, с темнорусыми волосами, которые радость завивала в кудри, и с блестящими черными глазами, одет был в богатое полукафтанье, препоясанное подарком государевым — златым поясом. При бедре его висел меч, осыпанный каменьями са-

моцветными. Рядом с ним шла прелестная *Ксения!* Румянец алой зари играл на полнолилейных щеках ее; радость, наполнявшая сердце, изливалась в тихой улыбке на свежие розовые уста, между тем как слезы умиления дрожали на длинных ресницах. В светлых голубых глазах изображалось томление души нежной и кроткой, которая не могла вмещать в себе всей сладости настоящего благополучия и страстных восторгов. Светло-русые волосы завиты были руками сельских подруг в прекрасные кудри. Белые гвоздички, голубые незабудочки и синие васильки украшали голову ее: этот венок сельской простоты изображал *невинность* и *постоянство.* Сверх того богатство возложило на главу прелестной невесты осененную дорогою фатою высокую повязку, на которой, как жар, горели драгоценные каменья. Пышные кисейные рукава с дорогими кружевами, девственный пояс, окружавший стройный стан, богатый передник и алые ферези составляли прочий наряд. Самые крупные восточные жемчуги, украшая полную белоснежную грудь красавицы, приметно двигались от страстного колебания персей девических... Нет! Никогда, никогда *Лада,* богиня красоты, в великолепных храмах своих не могла быть прелестнее *Ксении!..* Двенадцать молодых мужчин, в синих кафтанах, с алыми поясами, следовали за *Григорием.* Двенадцать девиц в нарядных ферезях провожали невесту. Все поселяне усыпали им путь душистою зеленью, и седовласый отец *Ксении* отпирал уже врата храма Божия.— Вместе с прочими следовал и я за прелестною четою, которая путем, усеянным цветами, вступила в древний храм. Уже свечи бело-ярого воска затеплились пред иконами, и вместе с ними все сердца зажглись усердием... Отец *Ксении,* древний служитель престола, облекся в новые блестящие ризы и возвысил дрожащий голос свой... Вдруг стесненная толпа зашумела и раздалась: послышались слова: «Государь! Государь!» — и юный *Ярослав,* с стройною осанкою, в охотничьем платье, явился посреди храма.— Робкая *Ксения* потупила светлый взор свой и не смела взглянуть на Государя. *Григорий* затрепетал, как преступник; сильное предчувствие стеснило душу, и рука его невольно опустила руку *Ксении.*

«Так ли поступают с друзьями? *Григорий!* Ты не хотел пригласить меня в свидетели твоего благополучия,— говорил *Ярослав,* простирая в знак приязни руку к любимцу своему, бледному и безгласному.— Видишь ли,— продолжал он,— друг и князь твой сам не забыл тебя, но...» При сих словах он взглянул на *Ксению,* и язык его оцепенел. Шумная радость народа претворилась в безмолвное ожидание... Государь молчал, и все молчало!.. Между тем юный *Ярослав*

пламенными взорами пожирал прелести молодой невесты. Наконец, после долгого молчания, воскликнул: *«Григорий!* Скажи мне, где нашел ты такого ангела?» — «Государь! — отвечал смиренно *Григорий,— Ксения,* обрученная невеста моя, дочь здешнего священника, который уже готов сочетать нас союзом неразрывным. Я нашел ее в бедности, в мирном кругу сельских подруг ее, и...» — «Да! — говорил *Ярослав,—* предок мой *Игорь* избрал супругу также из простых поселянок, и она соделалась великою женою в летописях мира... пусть *Ксения* будет второю *Ольгою!»* — «Что я слышу!» — воскликнул *Григорий.* «Так, невеста твоя достойна быть царицею,— говорил *Ярослав.—* Князь твой избирает ее в супруги...» — «Как! — вскричал *Григорий,—* ты отымаешь у меня невесту, супругу, жизнь мою! Какою властию? По какому праву? Да, ты Государь: в руках твоих жизнь и смерть твоих подданных; но Государь есть отец, покровитель, защитник своего народа. Итак, если ты Государь, то я к тебе же взываю: защити меня от того, кто внезапно нападает на меня беспомощного и отнимает у меня данную мне Богом и судьбою подругу души моей! — Ты называл себя моим другом. Ах! если ты мой друг: избавь меня, избавь от злодея, который без жалости раздирает грудь мою и вырывает из нее полсердца моего! — Если ты Государь, будь судиею между мною и собою! Если ты друг мой, спаси, защити меня от самого тебя! — Но ты не Государь; ибо попираешь правосудие ногами и пред всеми являешь себя рабом твоих страстей! Ты не друг; ибо дружба, дар неба для убогих и несчастных, не может быть уделом царей: ты только грозный владыка, притеснитель!.. Ты привык считать себя в венце земным богом. Раболепие с трепетом лобзает прах ног твоих, и *ты* играешь судьбою подданных по дерзкой воле твоих страстей!.. О Государь! Ты ослеплен самовластием! Опомнись! Кто ты? Что ты делаешь? И где дерзаешь быть неправосудным? — Здесь, во храме грозного судии, Бога и Царя царей; здесь, в сем храме, воздвигнутом на могилах и окруженном могилами...

О князь! Неправосудие твое тревожит кости почивших во гробах!.. Если думаешь, что предстоящий здесь народ по долгу уничиженного рабства бесчувствен, глух и слеп, то вспомни, что ты отовсюду окружен иными недремлющими свидетелями твоих дел и даже помышлений. Там, с высоты, взирает на тебя *Всевидящее око,* которого ты должен страшиться. Здесь, из недр земли, исходят к тебе укоры мертвых, которые уже тебя не страшатся. Я вызову стоном моим и самые тени из гробов; я возмущу моими воплями и *поднебесный,* и под-

земный мир! — Умилосердись, Государь! *Дружба* утопает пред тобою в слезах; *совесть* твоя укоряет тебя в неправоте; *история* приемлет свинцовое перо и готова вписать имя твое в черную книгу *царей-притеснителей*. Смотри! И *смерть,* стоя за тобою, треплет тебя по раменам и шепчет на ухо: вспомни себя! или еще минута, и — я сорву с тебя венец и порфиру; дам тебе *ризу истления* вместо *покрова славы* и гордый дух твой повлеку на суд к тому, кто сжатием длани объемлет вселенную и единым взором очей колеблет землю и небеса! — О князь! Когда неправосудие воцаряется между твоими подданными, тогда приходишь *ты* с мечом и весами, неся с собою суд и казнь. Но когда цари становятся неправосудными, когда вопль притесненных народов сзывает мстителя с небес, тогда... тогда должно ждать, что раскроется небо — и в блеске разящих молний низыдет Судия́! — Но почто не гремит доселе труба архангела? Пусть скорее пламенные вихри сорвут сонмы звезд с небес и сметут с земли, как прах, престолы и царства! Под громом разрушающейся *природы* я исторгну у тебя мою невесту, мою *Ксению*... Нет! нет! Чтоб обладать *Ксениею,* ты должен обагриться всею моею кровию и на хладном трупе твоего друга принять брачный венец... Ты не успеешь и в этом: *Ксения* обручится с смертию, а не с тобою; она ляжет в одном со мною гробе!» — «*Ксении* умереть? — Ах, нет! Она будет жить и царствовать». Так восклицал страстный *Ярослав,* который, вовсе не внимая прочим дерзким речам отчаянного друга, стоял, спокойно опершись на меч и устремив чувства, взоры и мысли свои на одну *Ксению.* «Я прокляну тебя, если ты отымешь у меня невесту,— вскричал опять *Григорий* страшным голосом исступления.— Пусть ревность, как змея, обовьется вкруг сердца твоего! Пусть совесть твоя, как лютый зверь, раздирает внутренность твою! Заключая насильственный союз брака, да заключишь ты неразрывный союз со всеми бедствиями в жизни!.. Пусть мстительная судьба лишит тебя навеки сладостного удовольствия быть отцом... Пусть смерть убивает чад твоих, еще сущих во чреве, под сердцем матери их!.. Пусть торжествующий враг твой сбросит тебя с престола, и да будешь ты погребен под развалинами твоего царства!.. Ах, нет! Я, безумный, могу ли желать гибели моего отечества? — Скорбь извлекает вопли отчаяния из груди ожесточенного... и все мои стоны напрасны!.. они теряются в воздухе».— В самом деле *Ярослав* был глух ко всему, что ни говорил его любимец; он жил и дышал одною *Ксениею.*— Между тем несчастный *Григорий* с сокрушенным сердцем падает на колена, воздевает руки к небу и восклицает:

«Сердце Царево в руке Божией! Боже! Смягчи душу владыки и открой в нее путь стонам и слезам несчастного! — Потом, обратясь к *Ярославу*: — Государь! Возьми обратно все твои дары и возврати мне одну *Ксению!..* Мы покроемся рубищем, углубимся в пустынные леса и будем благословлять имя твое... Ах! пусть все изреченные мною заклинания обратятся на самого *меня;* а *ты*, о Государь! будь счастлив и славен; но будь и милосерд! Будь правосуден: внемли молениям уничиженного пред тобою, убитого роком несчастливца!» — *Григорий* повергся к ногам *Ярослава.* Сие тронуло юного, пылкого Государя. Он поднял его ласково и, раздумав, сказал: «Быть так... пусть та, которая пленила, очаровала Государя и подданного, решит между нами сердечный спор!» Тут, обратясь к невесте, он говорил: *«Ксения!* Отрок *Григорий* нашел тебя в бедности и полюбил; я увидел тебя его невестою и пленился тобою: он предлагает страстное, верное сердце; а я разделю с тобою венец, престол и все мое царство! Не страшись последовать склонности твоего сердца: любовь равняет государя с подданным; выбирай одного из нас!» *Ксения* взглянула на *Григория,* закраснелась и потупила смущенный взор; взглянула на *Ярослава* и — подала ему руку. Восхищенный Государь, торжествуя победою, поспешно устраняет соперника своего, становится на его место, с жаром хватает руку *Ксении* и приказывает венчать себя с нею.— Несчастный *Григорий,* как будто разраженный тысячью громами, недвижим, безмолвен, стоял в оцепенении всех чувств. Он, казалось, не верил еще своему злополучию до тех пор, пока священник вопросил дочь свою: по любви ли и согласию отдает она руку и сердце? — *Ксения,* не запинаясь, отвечала: *да!*

Тогда несчастный страдалец, придя в себя, закрыл лицо руками и стремительно бросился к *Волге.* Там, растерзав на себе дорогие одежды, вырывая из главы клоки прекрасных власов, уже готов был потушить пламень, его снедавший, в глубоких струях *Волги...* как вдруг *Ардалион,* старец, беседовавший прежде со мною, остановил его.— Я последовал за *Григорием* и все сие видел. «Несчастный! — восклицал пустынник,— куда стремишься ты? Отчаяние влечет тебя к гибели».— «О мой отец! — воскликнул *Григорий* и пал на грудь его: слезы старца смешались с слезами юноши.— Что мне делать? Где преклонить бедную главу? Насилие вытесняет меня из пределов мира сего; злополучие разит повсюду стрелами своими: ах! что делать? где укрыться?» — «Там,— говорил пустынник, указывая на темные леса,— там, в тишине пустынь, ты найдешь спокойствие: *лесть* и *рабо-*

лепие страшатся мрачных лесов. Пустыни отшельников, осененные дланию самого Бога, не подвержены гонению смертных. *Свобода,* повсюду стесняемая в шумном мире, торжествует в безмолвии лесов. Любимец царя земного, соделайся наперсником Властителя вселенной: будь мужествен, скрепись!.. Я бы не мог найти средств к утешению твоему, если бы сама *Ксения;* но...» — «Она вероломна, клятвопреступна! — так восклицал Григорий.— Ах! не она ли уверяла меня, что *скорее горы сдвинутся с места и реки потекут к источникам своим, нежели она перестанет меня любить;* но посмотрите, посмотрите! горы стоят еще на месте, и *Волга* бежит к синему морю, а *Ксения?* О вероломная! суетная, легкомысленная женщина! Нет! Она никогда меня не любила, или женщины неспособны питать истинной, постоянной любви!» — В сие время раздался повсюду крик народа: «Да здравствует князь *Ярослав* и супруга его *Ксения!» Григорий* громко восстенал, и я — проснулся.

Осматривая накануне *Отроч монастырь,* толстые готические своды в древней его церкви и потом почти целый вечер размышляя о несчастной участи отрока Григория, я видел его и все с ним случившееся — во сне.

По летописям тверским известно, что *Ярослав*, расставшись на время с *Григорием,* желал рассеять соколиною охотою грусть, которая на престоле и под виссоном царским часто гнездилась в сердце двадцатилетнего Государя; в сердце чувствительном, открытом для любви — и для страстей.— Он разъезжал по чистым полям, как вдруг любимый сокол его взвился и сел на кресте Едимоновской церкви. *Ярослав* скачет за ним, видит церковь, окруженную народом, спрашивает, узнает о свадьбе своего друга, входит — и отнимает у него более, нежели жизнь. Несчастный отрок, лишась всего, облекается в нищенское рубище, долго бродит по лесам, наконец близ устья *Тверцы,* в березовой роще, поселяется в бедной хижине, где, проплакав прежде времени жизнь свою, умирает от *любви* и погребается *дружбою.* Над прахом его воздвигнут *Отроч монастырь.*

По свидетельству летописи тверской, Ярослав долго не имел детей, и в сокрушении сердечном он и *Ксения* воссылали теплые моления к Богу. Наконец *Ксения* родила сына *Михаила,* который в житии своем описал и приключения несчастного отрока *Григория.*

Пробыв в Твери только двое суток, мы не могли ничего порядочно рассмотреть: и для того о ней более ни слова.— От Твери Московская дорога вымощена; на низинах мосты на сводах из дикого камня, с прекрасными перилами и

пирамидами. Проезжая по сей дороге, вспомнишь об австрийском *шоссе*.

Волга, извивающаяся в стороне, загромождена судами, на которых темнеют рощи мачт.

ПОМЕЩИК, ЛЮБИМЫЙ КРЕСТЬЯНАМИ

Никто не может так просто и вместе так красноречиво похвалить доброго помещика, как собственные его крестьяне.

Большое село *Городня* несколько лет тому назад принадлежало г. *Бему*. Многие знали его как славного ездока; но свидетельство всех крестьян села Городни доказывает, что он был и добрый помещик, и отец крестьян. Едва задумал господин Бем расстаться с прекрасным селом своим, вдруг выискалось множество покупщиков. Но человеколюбивый помещик не продал, а *поручил* только крестьян своих под высочайший покров отца монарха, уступив их Государю гораздо за сходнейшую цену против той, которую предлагали ему частные люди. Крестьяне г. Бема вскоре удостоились высочайших щедрот: село Городня выгорело, и Государь благоволил пожаловать пострадавшим от пожара шесть тысяч рублей на исправку да сверх того отпустил им за три года казенные подати. В этом селе между прочими отличаются два крестьянские дома как величиною, так и красивым своим видом: настоящие господские хоромы. И самые немецкие крестьяне не все в таких домах живут. Народ в Московском краю белотел, свеж лицом и одет прекрасно.

ТРАКТИР В ЗАВИДОВЕ

Путешественник, дрожащий от стужи, с большим удовольствием войдет в прекрасный, светлый и теплый трактир в Завидове. Там найдете покойные диваны для отдохновения, можете иметь очень вкусный стол и лучшие напитки. Войдя в комнаты, мы застали шумное собрание проезжих. Двери в другую половину были заперты. Мы расположились на софе. Час от часу шум собеседников умножался. Один рассказывал новости, другой говорил о дороге; некоторые с стаканами пуншу заводили новые знакомства. Вдруг входит слуга и просит с учтивым поклоном, чтоб *господа* проезжающие потише разговаривали, ибо господин его, генерал Б....р, желает

в другой комнате уснуть с дороги. «Это *француз!»* — сказали некоторые, и шум не уменьшался... «Мы довольно насиделись молчанками в дороге; здесь всякому вольно говорить и веселиться» — так говорили другие. «Нет, милостивые государи! — сказал наконец хозяин трактира,— этот генерал не француз, а испанец!» — «Испанец!» — воскликнули многие, и шум начал утихать... «Испанец! — повторяли другие.— Ему надо дать успокоиться!» Все заговорили шепотом о твердости духа испанцев, о героической любви их к отечеству и проч. и проч.*.

Из Завидова до Клина ехали мы сквозь ночь с несколькими попутчиками. Колокольчики звенели на дугах, и веселые ямщики, как ночные соловьи, потешали нас своими длинными заунывными песнями. Когда один оканчивал колено, другой подхватывал, и пению не было конца.— Мы заметили, что ямщики наши при каждой встрече, снимая шапки, приветливо друг другу кланяются: вот учтивость русского народа!

ГОРОД КЛИН

На рассвете приехали мы в Клин. Это уездный город Московской губернии при реке Сестре. До производства своего в города был он большим селом, принадлежавшим некогда Романовым.

По всей Московской дороге видишь прекрасные высокие избы с раскрашенными большими окнами. Снаружи хорошо, а внутри еще лучше: народ свеж, не беден, следовательно, и весел. Русские села почти во всякое время оглашаются веселыми песнями. Чем же избавлены они от нищеты, столь обыкновенной в других наших же краях! — Трудолюбием и промышленностию. Промышленность заставляет их, расставшись с теплыми избами и молодыми женами, свиваться в длинные обозы и переезжать из края в край. Некоторые русские извозчики, как, например, жители Клина, имея отменных лошадей, берутся провозить охотников не только во все концы России, но и вне оной до разных заграничных городов. Жаль одного, что почти во всех больших русских селах дворы крестьянские до чрезвычайности стеснены. Часто случается, что в продолжительные летние жары целые леса загораются и пламя подходит к деревням: в таком случае что делать с длинными стесненными рядами крестьянских

* Сей, по-видимому, маловажный случай очень ясно, однако ж, показывает дух того времени. Прежде еще нашествия французов *души русские* уже были ополчены противу них.

домов? Сохрани Бог, загорись один — и всех как не бывало!.. Проезжая из Смоленска в Москву, приятно видеть подмосковное село *Вязему,* где дома крестьянские так удалены один от другого и сверх того прикрыты рассаженными между ними деревьями, что никак не могут подвергнуться повальному пожару.

Мы ехали в Москву — следовательно, не по пустой дороге. Если б вдруг явился в какой ни есть стороне новый *земной рай,* то вряд была ли бы и туда так торна и так многолюдна дорога, как из Петербурга в Москву, особливо по осени и в начале зимы. В это время со всех концов России народ толпится в сию столицу. Всякий привозит с собою *страсти, прихоти* и *деньги;* а весною возвращается из столицы только с *воспаленными страстями,* но уже *без денег.* Храм Януса в Риме никогда не запирался во время войны; *мода* в беспрестанной войне с добродетелию и нравственностию: оттого храмы ее всегда отперты.

МОСКВА

Слияние голосов нескольких сот тысяч народа и гул нескольких сот колоколов составляет смешанный шум, который, окружая собою Москву, поражает слух подъезжающего к ней путешественника. В то же время взор его видит издали как будто слитые вместе верхи нескольких тысяч домов, башен и церквей — видит и вместе с воображением теряется в сей необозримой громаде.

Пловец на легком челноке, тихо увлекаясь течением реки, может рассматривать берега и окрестности; но, приближаясь к устью, где вдруг открывается неизмеримое пространство беспредельного океана, где слышен вечный шум сражающихся волн,— изумляется, цепенеет... все видит и ничего не постигает... Точно так всякий, въехав в Москву, должен отложить попечение свое описывать ее. Или для порядочного описания сей древней столицы надобно прожить в ней годы, беспрестанно занимаясь только *ею.*— Я попытаюсь сделать несколько замечаний и простых рассуждений только об некоторых предметах, и то мимоходом, без всякой цели и порядка.

Путешественник, богатый благородными чувствами, но бедный кошельком, приехав в Москву, может сказать о ней почти то же, что *Стерн* сказал о *Париже:* «Париж прелестный город для того, кто имеет покойную карету, дюжину проворных слуг или двух или трех прекрасных поваров. Как свободно, как весело тогда можно жить! — Но бедному горе-

богатырю, без коней и колесниц, с тощими карманами и одним только пешим слугою, гораздо сходнее, держась пословицы, дома сидеть да ни на кого не глядеть».

Вопрос: что есть мода? Ответ: мода есть ничто... трудно объяснить что и что такое... Обитель ее — все большие города; ее храмы — близ Кузнецкого моста; жрицы ее — модные торговки. Она беспрестанно изменяется во всем, кроме одного постоянного владычества над благородными или дворянскими сердцами.

Я сам не знаю, что со мною случилось, что я видел и слышал.— Мне грезились разные странности, разные чудеса: карлы и великаны; шуты и богатыри; змеи, раки и чудовища, колдуны и ведьмы; духи домовые, водяные, лесовые — словом, вся нечистая сила. Во всем этом был страшный сумбур и суматоха, и все, однако ж, сопровождалось довольно приятною музыкою и пением. В глазах моих летали, бегали, смеялись, дрались... «Что бы это значило, господин лекарь?» — спросил я у одного знакомого мне врача. Он взял меня за руку, внимательно ощупал пульс, нашел, что он не полон и не част; расспросил о состоянии моего аппетита, головы, о том, о другом и решительно объявил, что во мне не видно было ни одного признака горячки.— Боже мой! я не был в жару и не спал, а видел что-то чудное, очень чудное! «Да откуда вы теперь?» — спросил он. «Прямо из театра»,— отвечал я. «А!.. Понимаю... понимаю... милостивый государь, вы видели... Что? Славное немецкое произведение *Дунайскую нимфу,* или *Днепровскую русалку»*.

ВЗОР С ИВАНА ВЕЛИКОГО

С лестницы на лестницу, мы взбирались выше и выше и наконец очутились на самом верху Ивана Великого. День был туманный: мы не могли видеть всех прелестных, живописных окрестностей Москвы. Но, обратя взор на низ, увидели себя выше всего города!

Москва расширялась под нами, как море, в туманных отдаленностях... Вот ряды домов, которых великолепие и огромность изумляли нас, когда мы смотрели на них снизу.— Теперь, когда смотрим с высоты, они кажутся только домиками, которые уже не могут ни пленять, ни изумлять. Отчего пестреет эта площадь? Она покрыта множеством на-

рода... Смотрите, люди движутся, шевелятся, бродят, как муравьи. Какое смятение! какая суета! — это волнение *воплощенных страстей.* Кто стоит на Иване Великом — тот превыше их. Вот выгода быть на высоте.— Как малы кажутся нам сверху все эти толпящиеся внизу люди! точно восковые куклы! Можно ли завидовать кому из них и желать быть на его месте? — Кажется, нет. Но там внизу есть графы и князья, богачи и вельможи: разве знатность, богатство и блеск их титулов не поражают вас? Нимало: я смотрю с Ивана Великого и ничего не вижу под собою, кроме шумной толпы, составленной из конных и пеших — карликов! — Всходите чаще на Ивана Великого, то есть приучите дух ваш возноситься превыше предрассудков и великолепия, и тогда гордость и страсти всегда оставаться будут у ног ваших... Если надменный граф, богатый князь, суетный вельможа, осыпанный дарами счастия, изумят вас своею пышностию, если раболепное ласкательство станет превозносить их величие и знатность до небес, а вы захотите, *сделав поверку,* узнать, кто они в самом деле,— то стоит только вам взойти или воспарить мысленно на самый верх Ивана Великого. Скажу яснее: взнеситесь выше той черты, с которой мы обыкновенно смотрим на людей, окиньте их оттуда беспристрастным взором и тогда увидите сами, что они, в великих палатах своих, очень малые люди, а кажутся только оттого великими, что ходят на *ходулях гордости.*— Таким образом, вы можете стоять выше всякой спеси и надменности, даже в то время, когда они мечтают, что вы у ног их. Вступая в чертоги *сильного временщика,* скажите тотчас воображению своему: «На Ивана Великого!» Тогда, обозрев его не снизу, а с высоты, вы можете говорить с ним, как Гулливер с царем лилипута — вольно и откровенно. Вы будете тогда превыше раболепства, которое, пресмыкаясь в тине и прахе, шепчет малодушным об уничижении. И сам вельможа подивится вашему благородному, возвышенному духу; а без того... он изумит вас блеском своей знатности. Одним косым взором расстроит он все ваши соображения; и вы, придя в робость, забудете, о чем хотели говорить. Вместе с прочими почтете вы его *за великана* и смешаетесь со стадом бессловесных поклонников. Бодрый орел, осужденный *на вечное ползанье,* умер бы с грусти, встречая на каждом шагу огромных тварей, готовых его раздавить. Но премудрость Всевышнего одарила его быстрыми крыльями: он парит к солнцу,— и слоны, и львы, самовластные правители лесов, кажутся ему — мухами... *Таков окрыленный независимостию дух благородного человека!..*

И так большая часть *великих* потому только *велики,* что мы смотрим на них *снизу;* взойдем на *Ивана Великого,* посмотрим сверху, и они покажутся нам в точном своем росте — лилипутцами!.. А можно ль раболепствовать, льстить, завидовать или удивляться лилипутцам?

Словом: кто станет смотреть на все *великое* с *Ивана Великого,* тот верно в жизни своей доволен будет и *малою хижиною,* и *малым достатком.*

С***ВА БАНИ

Новые бани, построенные г-ном *С***м,* в славе. Все их хвалят: поверим молву.— И в самом деле прекрасные бани! Какая чистота! Какой порядок! Светлые, опрятные комнаты с расписанными стенами; покойные диваны для отдохновения; на окнах занавески и цветы, далее длинный теплый коридор — потом баня! Жар постепенно умножается; парильщики искусны в своем деле; воды теплой и холодной сколько угодно: стоит только отвернуть краны — и ручьи льются. Притом баня всегда чиста, разлитая вода, обмывая все закоулки, стекает сквозь *пол* в нарочно сделанные скважины. Но приятнее всего искусственный дождь. Желаете ль прохладить горящее тело свое: поверните кран, и вдруг сверху из решетки, сделанной в виде сита, посыплется на вас самый тихий весенний дождик. Захотите — можете его увеличить, а наконец превратить и в самый проливной осенний дождь.

Баня есть самая позволительная роскошь: она везде нужна; а в России необходима. Пословицы суть изречения целого народа; у нас говорят издавна: *баня вторая мать!* Во времена старинного гостеприимства странников всегда угощали теплою банею. Паровые бани и холят и лечат русского человека: простуды, завалы, повреждения *лимфатической системы* — все исцеляется, как говорят, в малиновом духу! Испарина и трение облегчают, очищают тело, придают быстроту крови и бодрость жизненным духам.— Судя по беспредельной пользе хороших бань, нельзя, кажется, причесть к статьям вредной роскоши и таких, которые бы заключали в себе все то, чем наслаждаются в восточных мыльнях. Тот, кто входит туда, чувствует постепенно прибывающий жар; тело его начинает, так сказать, распускаться... Он ложится на постель из самых ароматных трав и, упиваясь сладостным запахом, томится, забывается и весь тает в легком жару... Вскоре пробуждает его сильная рука парильщика, который с великим искусством натирает все тело байкою, камлотом или фланелью. От сего электрического трения нервы оживают в но-

вой свежести. Огромная мягкая губка, упитанная распущенным мылом, выжимаясь над телом, покрывает его благовонною пеною. Встает — и сребристый поток чистой воды упадает сверху, и пенистая струя сливается млечным потоком, оставляя умытого в блестящей белизне!.. Тут натирает он себя ароматами, которые тотчас всасываются раскрытыми порами: все тело благоухает! — Но этого не довольно: он раскидывается опять на кучах душистых трав. В это время котлы с водою, снизу подогреваемые, вскипев до *степени испарения,* распространяют повсюду влажный туман. Вся баня наполнена парами, и парящийся окружается, стесняется, окутывается росоносными облаками... В томных глазах его мерещатся ему, в розовом сиянии и в светлых радугах, различные призраки. Он жадно простирает объятия и, подобно Иксиону, обнимает — влажный дым!.. Наконец, вырвавшись из неги, спешит под шумящий водомет: постепенная прохлада освежает его силы и укрепляет дух.

Новые испытатели природы, угадав тайны ее в составлении минеральных вод, начали ей подражать ко благу немощного человечества: искусственные воды ни в чем почти не уступают естественным. С чем сравнить те бани, где расслабленный страдалец погружается в теплые ванны составных целительных вод или чувствует их упадающими на члены, пораженные недугом, шумными благотворными потоками или в виде мелкого дождя? С каждою каплею льется здоровье. Это *живая вода,* воскрешающая *полумертвое тело!*

Все сии бани прекрасны, полезны; но несравненно полезнее была бы баня — *целебница и чистилище души*. Если б какой-нибудь благотворный дух научил смертных искусству *омывать сердце* от *страстей* и *пороков*. С каким восторгом побежал бы я первый в эту спасительную баню и заплатил бы все, что имею, чтобы хотя раз омыться в ней. Пусть, сказал бы я, целительная *струя исправления* истребит во мне все слабости, дурные навыки, страсти: ненависть, злобу, мщение и зависть, таящуюся всегда в самом дальнем угле сердца. Пусть сильная рука *исправителя* сотрет с меня *грубую чешую порока!* Пусть таинственные мыла умягчат ожесточенное сердце, а рука благотворительного попечителя *умастит его небесным елеем чувствительности и сострадания* к ближним и напоит вином умиления.— Тогда, вышед из сей бани, окропленный *иссопом,* убеленный, *яко снег,*— я бы сделался добрее, нежнее и чувствительнее! Тогда ни за что не отказал бы просящему нищему и, не называя его ни бродягою, ни тунеядцем, поделился бы с ним последним грошем. Тогда не презрил бы вдовы и сироты и, оставя *все дома*

веселия и пиршеств, пошел бы в *дом плача* утешать страдальцев.— Но не одному мне пригодилась бы такая баня; я думаю, что она нужна почти всем потомкам Адама и Ноя. Особливо необходима она *тебе,* корыстолюбивый Богатон, который день и ночь, роясь, как крот, в грудах золота, иссох и побледнел от пожирающей тебя страсти!.. Как удивился бы он, вышед из чудесной бани, что сердце и руки его, замкнутые скупостию, вдруг раскрылись, и богатства, погребенные в железных гробах, потекли золотыми ручьями в *сиротские, воспитательные, инвалидные и прочие богоугодные домы* и в убогие лачужки, где часто скромная, но благородная бедность томится от голоду и, страшась уничижения, не ходит смывать слезами прах у мраморных крылец вельмож. Как удивилась бы в свою очередь, вышед из бани, молодая Пленира — питомица моды — покрою нынешней одежды, которая так обнажает самые сокровенные прелести!.. Смыв с себя *кокетство, притворство, ложную чувствительность* — словом, все, чем заражается невинность в испорченном свете; прохладив *струями здравого рассудка воспаленное романами воображение и чувства* и явясь с чистым *обнаженным сердцем,* она устрашилась бы *наготы своего тела.* И тотчас покрывала и косынки заслонили бы от жадных взоров девственные прелести, которые должны открываться одному только счастливому супругу.— Если б притом какой-нибудь благотворительный *душевный врач* изобрел целительную воду для сердечных ран: какая отрада пролилась бы в души несчастных, пораженных стрелами рока, скорби или *безнадежной любви!..* Тогда сетующие страдальцы, испив из *розовых чаш утешения* нечто подобное древнему *нефетису**, переменили бы вечную, глубокую тоску свою хотя на временную радость.— А если б нашлось в бане сей особенное отделение для *авторов,* то первый я, ополоскав и вымыв начисто вкус свой, променял бы мой нескладный, неровный и часто некстати напыщенный слог на правильный, сильный, цветущий... Пленил бы я тогда всех и благословлял бы чудесную баню, очищающую сердце, ум и вкус!

Мы были в том соборе, где собрано веками древнее богатство, где блестят дорогие утвари и стоят ряды гробов. На двенадцати шагах насчитали шесть гробниц великих кня-

---

* Гомер говорит, что сей напиток имел силу приводить на несколько дней в забвение всякого рода горести.

зей и царей, управлявших Россиею... И сам *Димитрий Донской,* побивший до полумиллиона татар, занимал не более двух шагов!!! Как же гордиться нам величием!

Великолепные похороны в большом городе составляют разительную картину. Богатый гроб знатного покойника, предшествуемый священниками, сопровождается толпою людей (покрытых черным с головы до ног, с погребальными в руках факелами), длинные ряды самых модных карет и колясок тянутся вслед за гробом — и все это толпится сквозь народ, который, ничего не замечая, шумит, суетится и заботится... Иные даже, припевая и смеясь, перебегают из улицы в улицу впереди и позади гроба. Какая чудная противуположность жизни и смерти!

По просьбе П. И. зашли мы к лучшему ваятелю поискать богов славянской мифологии. Нам показали множество Аполлонов, Флор, Венер. Последних стоял целый ряд: Венера Медицейская, Капитолийская, Венера прекрасных *Л...й* и проч. и проч. Но там не было ни одной *Лады,* ни одной *Зимцерлы* и величественного *Радегаста,* блюстителя славянских градов, не видать было там. Для русских богов и форм не было. Никому еще до сих пор не приходило в голову украсить ими дом или сад свой.

Вот лики Вольтера, Жан-Жака Руссо: они мраморные; а вот лучшей работы лик Наполеона. Но он здесь представлен слишком худощавым. «Да,— отвечал ваятель,— брат мой, недавно возвратившийся из Парижа, говорит, что император гораздо пополнел».— От чего бы пополнеть человеку, обремененному трудами и заботами? — А можно ль и не пополнеть тому, кто глотает царства и пожирает человечество!

КАРТИНА МОСКВЫ

Представьте себе старинную картину древнего русского города, вовсе почти стертую временем и подновленную отчасти искусною кистию и свежими красками. Вообразите смесь древних стен, старых готических башен, церквей, поросших мохом, и новых великолепных зданий, прекрасных площадей и *булеваров.* Развалины старинных *теремов боярских* перемешаны с пышными палатами вельмож, подле которых часто видишь полуистлевшие лачужки. Вообразите великоле-

пие щедрой древней позолоты и хитрое искусство новых наружных украшений, вообразите священную мрачность древних храмов *Божиих* и привлекательный блеск новых храмов *моды* и *вкуса.* Прибавьте к сему совершенно вновь написанные, и самыми прочными красками, полезнейшие здания: воспитательный дом, университет и русские народные училища; а в разных местах рассеянные *модные французские пансионы,* нарисованные, правда, самыми блестящими, но такими, однако ж, красками, которые, подобно радужной пыли на крыльях бабочки, от малейшего прикосновения стираются (такова и нравственность, в них преподаваемая!!!). Что касается до людей, то почти всех видимых на сей картине тела, одежды и, так сказать, самые души нарисованы совершенно новыми и новоизобретенными красками.— Где, где мелькают в тумане старинные русские бородачи в русских кафтанах... *Русское гостеприимство* еще довольно блестит без поновления. *Роскошь и мода,* недавно, но непоколебимо утвердившие престолы свои, искусно представлены новейшими иноземными художниками. Все это, кажется, составит если не полную картину, то, по крайней мере, верный абрис нынешней Москвы.

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ЛАВКИ

Между русскими и иностранными лавками та разница, что первые по большей части навещаются пешеходцами или приехавшими на дрожках; а последние посещаемы особами, приезжающими в самых блестящих экипажах. В первых все товары почитаются негодными; в последних превосходными: хотя часто многое тихомолком переходит из русских лавок в иностранные. Но тогда уже каждая русская ленточка, осветясь прикосновением рук модной торговки, становится вдвое дороже. В русских лавках дорого запрашивают, но позволяют торговаться сколько угодно и сбавляют цену; во французских что запросят, то и давай: попробуй поторговаться... назовут тебя грубым, непросвещенным, вандалом, сущим русским!!! Иностранцы могут брать с нас что хотят: это право гостеприимства.— Как же смеют защитники старины уверять, что у нас не стало гостеприимства? — Спросите у г-на Y*, у г-жи С*, у аббата Q*, получавших по две, по три и по пяти тысяч рублей от вельмож за то, чтоб сделать детей их совершенно нерусскими; спросите у них и подобных им: есть ли в России гостеприимство?

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ

По дороге из Москвы в Петербург почти в каждом большом селении находим прекрасный трактир. Мы останавливались в некоторых из них. «Конечно, здесь проходили пленные французы?» — сказал друг мой, увидя все стены, исписанные французскими стихами и прозою.

Нет, это не пленные французы, а русские, которых души в полону у французов, часто здесь проезжают. В самом деле любопытно осматривать стены, испещренные множеством поучительных, страстных, мрачных, веселых, хороших и худых изречений; разных стихов из Вольтера, Руссо, Буало, Расина и проч. Альбомы в моде, и проезжающие вздумали сделать альбом из трактирных стен. Однако ж *благопристойность,* пересматривая сии *стенные записки,* многое бы должна стереть и выскоблить, чтобы невинность не имела причины, взглянув ненарочно на стену, сгореть от стыда.

Пифагор, пристав к неизвестному берегу, где нашел начертанные на песке математические фигуры, заключил и не ошибся, что там живут любители наук. Что же должно заключить, видя стены русских трактиров, исчерченные французскими изречениями? Кое-где прокидываются строчки немецкие из *Шиллера* и *Гете.* Мы искали чего-нибудь русского, искали со свечой и едва могли найти нечто довольно забавное. Конечно, какая-нибудь веселонравная путешественница написала карандашом:

Здесь была,
Чай пила;
Кто это была?

Внизу под сим, верно, какой-нибудь странствующий *рыцарь учтивости* написал:

Кто б ты ни была,
Но, верно, ты — мила!

Должно признаться, что по дороге из Москвы путешественник не встречает ни малейших прижимок и притязаний со стороны смотрителей на станциях: показываете подорожную и тотчас получаете лошадей.

В семи верстах от Клина видели мы бумажную фабрику (на реке Сестре) господина Карцова. Каждое горизонтальное колесо приводит в движение несколько шестерней; состав кружится, густеет и, наконец, переходя в большие чаны, черпается оттуда проволочными формами и выходит в виде бу-

мажных листов.— Из дрянных старинных ветошек, переделанных искусством, составляется то, что так полезно, так необходимо в общежитии,— бумага: вот превращение из худшего в лучшее!

На вчерашнем ночлеге, в избе одного зажиточного крестьянина, разговорились мы о злодейских поступках французов в Германии. Молодая двенадцатилетняя девочка вслушивалась в разговор наш. «Ну что б вы сделали, когда б французы пришли сюда?» — спросил один из нас. «И, барин! — отвечала малютка, не запинаясь,— да мы б им, злодеям, дохнуть не дали; и бабы пошли бы на них с ухватами!» — «О! и у нас может быть то, что в *Испании*»,— подумал я.

На возвратном пути нашем погода была самая худая: дождь и снег попеременно падали. И мы под защитою одного только зонтика, в открытой почтовой повозке, представляли из себя настоящих рыцарей *печального образа*. Между тем как сын счастия мчится на быстрой шестерне в покойном дормезе и, качаясь на гибких английских рессорах, читает от скуки зáтейливого Стерна или щеголеватого Дюпати, мы также читали равно открытую для ученого и безграмотного, для царя и нищего огромную *книгу Природы*.— Природа есть книга; буквы в ней — предметы. Только это грамота *иероглифов:* там одна буква изображает много понятий; здесь один предмет возбуждает длинный ряд мыслей. Например: искорененный бурею дуб, обрушившаяся гора, развалины палат — вот целая *статья о тленности вещей*. Множество пней составляют в книге Природы *главу об опустошении:* большая часть из них срублены на дрова и пожжены адским пламенем на тех заводах, где из самой драгоценной житейской потребности — из хлеба — извлекается, по словам Вольтера, *смертное питье*. Ель и сосна, зеленеющие одинаково летом и зимою, представляют приятнейшие для дружбы и любви *статьи о непременности, постоянстве* и проч. и проч. ...

Нет ничего приятнее, как весенняя погода в глубокую осень. Мы ехали из Твери во время приятной оттепели, открывшейся после нескольких морозов. Время было точно весеннее; все таяло вокруг, ручьи с громким шумом перебегали через дорогу... Мечты и надежды, оживая вместе с природою, зашевелились в сердце — весною с каждым глотком воздуха вдыхаешь какое-то удовольствие!

В двадцати верстах от Старицы стоит подле дороги домик в лесу господина Ев.... . В его садах и во всем домоводстве видна затейливая простота. В селе своем строит он прекрасную церковь, совершенно в готическом вкусе, из белого камня и кирпичей. Он также большой охотник до строения механических мельниц и прочего.

«Как мы забрызганы!» — говорил друг мой.— Что делать! брызги — *печати дорожных трудов: ордена путешественников.*

От Твери до Ржева большая дорога равняется проселочной: там нет ни почтовых станций, ни трактиров. Однако ж мы имели *средство,* приправляющее чрезвычайным вкусом и самые простые щи бедных крестьян: это средство может иметь всякий, даже самый убогий путешественник. Может быть, подумают, что я говорю о известном французском составе для дорожного бульона; совсем нет! — средство, делающее вкусным самую грубую пищу, есть *голод!* Лучшая постель для дорожного — *усталость!*

Сын неги и прохлад! Ты назовешь это замечание вздорным; но, заглушив природу роскошью, ты сам часто и на розовой постели своей, и на гагачьем пуху проводишь *рябиновую ночь!*

НАСЛАЖДЕНИЕ

Все почти умеют наслаждаться весенними днями, расцветающею природою, журчанием веселых ручьев; но мы испытали, что можно наслаждаться и осенью, стоя на высоких берегах реки (мы были на берегах Волги) и смотря, как буря пенистыми браздами роет поверхность вод и завывает в туманах!..

Доброе дело всегда и везде доставляет приятнейшее наслаждение. Сон и покой после трудов, теплая комната после холода, сытный стол для голодного — доставляют наслаждение. И по всем этим отношениям путешествие, как бы оно трудно ни было, есть также наслаждение! *Мориц* исходил почти всю *Англию* пешком: он потел, трудился и — наслаждался!

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН-ФИЛОСОФ. ИВАН ЕВСТРАТЬЕВИЧ СВЕШНИКОВ

«Воспитание может раскрыть и возвысить способности обыкновенного человека; необыкновенные люди сами себя воспитывают» — так говорит Томас в похвальном слове своем Декарту. В необыкновенных людях есть какое-то особенное стремление к изящному.— Хотя, по словам *Шиллера, достоинство и дарование, возникшее в бедности, должно пробиваться сквозь железную стену предрассудков и отличий общественных*, однако опыт доказывает, что рано или поздно преодолевает оно все препоны и пролагает себе путь к известности. Кто бы мог подумать, увидя сына простого рыбака, сидящего на диких скалах Белого моря, что он будет некогда знаменитым сыном России, великим мужем — славным Ломоносовым! Никто не предузнавал механика и химика в сыне ржевского купца Волоскова. Но оба они — первый под шумом северного моря, другой в тишине ржевских рощей — сгорали сильною страстию к учению. Еще на заре жизни, ощутя в себе бесценные дары природы, сквозь все препятствия стремились они к усовершенствованию оных.— *Свешников,* едва ли кому известный, достоин также занимать место в ряду отличнейших мужей отечества нашего. Природа, производящая необыкновенных людей, кажется, при самом рождении посеяла и в нем семена великих дарований. Он, подобно Ломоносову, родился в крестьянском звании: способности его расцветали на полях родины, где он пас стада своего отца. Но прежде всякого повествования о жизни Свешникова необходимо следует описать случай, сделавший известным и дарования, и особу его.

Иван Иванович Шувалов, вельможа счастливого века премудрой Екатерины, достойный названия российского Мецената, имел похвальный обычай, скрывая сан свой, прогуливаться по утрам на площадях и рынках санкт-петербургских, где наиболее народ толпился. Народные площади во всякое время могут представить много предметов к размышлению переодетому государственному человеку.

В одно утро, проходя Щукин двор, приметил он молодого крестьянина, занятого разбором книг близ одной из тех лавочек, где продаются на рогожках подержанные книги. Переодетый вельможа, увлекаясь любопытством, подходит к лавочке — и вообразите его удивление: вместо какого-нибудь *Бовы Королевича* он видит в руках крестьянина *Ливия, Тацита* и *Курция на латинском языке!..* Молодой крестьянин обходился с тремя латинскими писателями, как с давнишними своими знакомцами. Наконец, окончив торг с продав-

цом великих историков, взял он все книги под мышку и пошел по *Чернышевскому переулку к Фонтанке.*

Любопытный вельможа скорыми шагами преследует его, догоняет в переулке и заводит разговор. «Послушай, друг! Не продаешь ли книг?» — «Нет, сударь! я их купил для себя».— «А какие это книги?.. Позволь мне посмотреть!» — «Извольте, коли вам угодно». Вельможа притворно: «Это, кажется, по-французски?» — «Нет, барин! это латинские книги».— «А разве ты знаешь по-латыни?» — «Да, немного смыслю про себя». Шувалов, крайне изумленный столь удивительною встречею и не доверяя, чтобы крестьянин мог знать хорошо латинский язык, продолжает у него спрашивать: «О чем же в сих книгах писано?» — «Вот в этой,— показывая на Ливия,— римская история; здесь,— раскрыв Тацита,— заключаются римские летописи; а в сей книге,— указывая на Курция,— писано об Александре Великом».— «Видно, книги эти давно тебе знакомы, и ты разумеешь все, что в них писано?» — «Э, барин! если б не разумел, незачем бы и покупать было: я читывал их еще в ребячестве, когда пас стадо; но то были чужие книги, а теперь, слава Богу, приискал эти для себя».— «Да скажи, пожалуй, кто ты таков?» — «Я крестьянин экономических волостей Тверской губернии». Ответ сей еще более изумляет Шувалова; он непременно хочет познакомиться короче с сим чудесным крестьянином и завести его к себе в дом.

«Послушай, друг! — говорит Иван Иванович,— я вижу твою охоту к книгам и могу тебе прислужиться. Отец мой был школьным учителем; после него осталось много французских, латинских и еще, кажется, каких-то греческих книг; зайди ко мне в дом — отсюда недалеко — я тебе многие книги за сходную цену, а иные, пожалуй, и даром уступлю». Ученый крестьянин, восхитясь столь легким способом разжиться книгами, согласился на предложение. Между тем они пришли к Аничкову мосту. Шувалов нарочно заговаривает своего сопутника и нечувствительно приводит к своим палатам. Увидя огромный дом, крестьянин все еще не догадывался, полагая, что провожатый его, может быть, только живет при знатном господине. Но когда взошли на лестницу и слуги в золоте с подобострастием спешили снять с господина своего простой сюртук, под которым открылась лента и заблистали звезды,— тогда изумленный крестьянин догадался, что имел дело с вельможею! Но великодушный вельможа сей, нимало не переменяя обхождения, осыпал ласками нового своего знакомца и чрез длинный ряд великолепных комнат ввел его в свою библиотеку. Там-то изумление молодого крестьянина

уступило место любопытству: глаза его, так сказать, разбежались во все стороны...

Иван Иванович дал ему полную свободу перебирать книги; и в то же время, обращая разговор на разные предметы, к удивлению своему, узнал, что новый знакомец его, сверх латинского языка, разумеет хорошо французский и даже греческий изрядно; довольно сведущ в чистой математике и географии, а более всего в отечественной словесности. Где же мог приобрести все сии познания простой русский крестьянин, не будучи учеником французских воспитателей? — На это опять отвечаю словами Томаса: что необыкновенные люди воспитывают или перевоспитывают сами себя; прибавим к сему: а учатся везде, где только могут. Свешников был воспитанником природы; учеником — собственного прилежания. Начала латинского и греческого языка, как думают, получил он от какого-то священника, у которого, вероятно, находился в услужении; а математике и французскому языку еще прежде учил его какой-то бедный студент, с которым нарочно для того свел он дружбу; прочие ж познания почерпнул из беспрестанного чтения книг. Многие иностранные классические и большая часть лучших отечественных авторов перечитаны им с глубоким вниманием.

Шувалов, восхищенный ученостию крестьянина, предлагает ему выгодное место в Московском университете; но добросердечный Свешников без всяких околичностей отказывается от сего лестного предложения, говоря, что по смерти отца обязан доставлять пропитание многочисленному семейству и престарелой матери.

Иван Иванович, полагая, что время и светская жизнь переменят его склонности, предложил ему дом свой и полную свободу рыться в огромной библиотеке: последнее склонило крестьянина остаться в чертогах вельможи.

Между тем Шувалов, дорожа находкою столь редкого человека, из которого надеялся сделать второго Ломоносова, не мог скрыть удовольствия своего и в блестящем кругу придворных. Многие слушали рассказ о крестьянине с недоверчивостию и шутя говорили: «Иван Иванович и в сору умеет находить алмазы!» Более всех изъявила любопытства бывшая тогда директором Академии наук Катерина Романовна Дашкова. Знаменитый покровитель дарований, желая подтвердить слова свои опытом, пригласил многих вельмож на другой день к себе на вечер.

Начался съезд; гости являлись одни за другими. Наконец приехала и княгиня Дашкова. Войдя в комнату, тотчас спросила она с нетерпением у хозяина: «Где же твой

чудный крестьянин?» Скромный Свешников явился к ее сиятельству. «Здравствуй, дружок! — сказала она с живостию.— Говорят, что ты знаешь по-гречески, по-латыни и по-французски?» — «Да, сударыня! про себя всего понемногу разумею».— «Хорошо; переведи же нам что-нибудь!» Тут, взяв одну книгу из лежавших на столе Руссовых творений, назначила ему место для перевода. Свешников переводил изустно, нимало ни в чем не затрудняясь. Точность и правильность перевода уверила всех, что он очень хорошо знал и свой, и французский язык. «Ну, дружок! как тебе нравится этот сочинитель? Не правда ли,— говорила княгиня,— что он пишет очень красиво?» — «Да,— отвечал крестьянин,— Руссо самый красноречивый писатель: он хоть кого обворожит! Всем бы хорош был, только часто сбивается с пути, много затевает несодеянного...» Такое суждение еще более всех удивило. «А можешь ли доказать нам,— возразила княгиня,— в чем именно он ошибается?» Свешников несколько призадумался. Наконец застенчивость его исчезла, глаза заблистали, и красноречие полилось... Он по порядку разбирал разные произведения Руссо и во многих местах с такою основательностию доказывал несбыточность прелестных мечтаний женевского философа, что и сам Руссо полюбовался бы сельским противоборником своим! Тут открылось пространное поле для испытания крестьянина-философа.

Все знатные особы наперерыв осыпали его различными вопросами, и Свешников давал всем скорые и правильные ответы, которыми и убедил знаменитых собеседников своих, что они точно видят пред собою человека редких дарований. Княгиня Дашкова тут же предлагала ему почетное место в Академии наук; но добродушный Свешников опять отказался: «Не о почестях думать тому, ваше сиятельство! у кого на руках целое семейство: я учусь для забавы; а трудиться должен для пользы кровных моих!»

В сие же время находился в Петербурге и знаменитый любитель всех умных, редких и необыкновенных людей — *князь Потемкин*. Известясь молвою о Свешникове, князь призывает его к себе, заводит разговор, и дальновидный вельможа тотчас открывает в нем человека, заслуживающего особенного внимания. Два раза в неделю сходились у князя ученые люди: ему крайне приятно было видеть в комнате своей собрание всех умных голов целой столицы. Покоясь на богатом диване, грызя ногти и мечтая о покорении областей, он сам иногда вмешивался в общий разговор для того только, чтоб обратить его искусным образом на желаемый предмет. Но по большей части молчал, слушал — и многому научался.

В сии ученые беседы приглашаем был и Свешников. В одно время, когда князь начинал уже дремать, слушая сердитый спор двух математиков о кривизне параболы, вдруг предложен был в другом угле вопрос: «Какому языку труднее научиться?» — Всякий говорил свое; но ученому еврейскому раввину хотелось всех переспорить: он утверждал, что из древних и новых нет труднее языка еврейского.— Свешников не выдержал и вступил с ним в жаркий спор. Он опровергал мнение раввина, доказывая, что язык евреев почти уже истреблен временем, а в оставшихся книгах едва ли можно насчитать теперь до четырех тысяч слов. Раввин упорствовал, представляя трудность еврейской грамматики; но Свешников остановил его совершенно, объявив всему собранию, что ежели научат его только читать, то он обещает сам собою выучиться еврейскому языку в полгода. «Отважное предприятие!» — воскликнуло несколько голосов. «Ура, Свешников! Исполать тебе! — воскликнул и восхищенный князь, прислушавшись в спор его с раввином.— Это впрямь по-русски: ты хочешь взять штурмом всю еврейскую мудрость!» Ободренный вниманием князя, Свешников просил позволения приступить к делу. Раввину приказано учить его читать, и Свешников — в короткое время — читал совершенно.

Тут купил он себе еврейскую грамматику на латинском языке и лучший словарь с латинским же переводом. Решительность его увенчалась желанным успехом. В короткое время он начинал уже разбирать Библейские книги. Одним словом: быстроумный Свешников ровно через полгода явился к князю с требованием, чтоб испытали его при всем собрании. Ученому еврею поручено было сделать сие испытание в присутствии архимандрита Моисея Гумилевского, имевшего основательное познание в еврейском языке. Раввин, которого самолюбие было оскорблено, старался предлагать самые трудные места: он раскрывал Библию, Талмуд, разные молитвенные книги — и ничем не мог затруднить Свешникова, который, сверх исправного перевода, во всем давал верный отчет. И так, по чистосердечному признанию самого еврея и свидетельству архимандрита, Свешников в полном смысле сдержал свое слово.— При сем случае светлейший князь в знак благоволения своего излил на него некоторые милости.— И Потемкин, всегда любивший окружать себя умными людьми, предлагал в свою очередь чины и почести Свешникову, с условием, чтобы он навсегда при нем остался. Но Свешников, не будучи честолюбивым мечтателем, с прежним постоянством отказался бы и от сего лестного предложения, если б князь не убедил его ехать с ним в Таврическую область,— над которою сделан

был главнокомандующим,— обещая доставить ему все способы к содержанию его семейства. Вскоре Потемкин отправился в Тавриду для исполнения великих предначертаний Великой Екатерины. Свешникова везли в великолепном его обозе. В Херсон приехал он благополучно; но там занемог горячкою и — умер. Может быть, беспрерывные умственные занятия или перемена климата были причиною преждевременной смерти сего редкого человека.

К чести Свешникова, не должно умолчать и о том, что он умел быть благодарным к первому взыскавшему его покровителю. Живя в доме своего мецената, он жертвовал ему тем, что для него было всего дороже,— временем. Приняв на себя обязанность выучиться еврейскому языку в полгода, как ни дорожил он каждою минутою, но не упускал, однако ж, дня, чтоб не посвятить одного или двух часов в угодность своего благодетеля, которому хотелось раскрыть в нем все его способности. Притом, не переставая заниматься и торговыми делами, по которым приехал в столицу, вел он переписку с своим семейством.

Свешников, не хотевший принять никаких почестей и отличий, три раза отказавшийся от лестных предложений трех знаменитых особ, сохранял всегда в нравах своих совершенную простоту. Он никак не соглашался занять предлагаемых ему убранных покоев, а местился в темной комнатке и спал на простом войлоке. Камердинер, которого Шувалов за ним посылывал, заставал его всякий раз сидящего на полу на разостланном крестьянском кафтане, обкладенного книгами. Не так ли и пастух мантуанский — Вергилий в доме Мецената и в чертогах Августа во всю жизнь свою не изменял простоты нравов среди всех зараз роскоши и величия? — Можно сказать, что простота есть ближайшая родственница ума и дарований.

Шувалову очень хотелось сделать Свешникова стихотворцем; дано было два месяца на испытание — и Свешников, по истечении оных, объявил откровенно, что, сколь ни лестны для всякого венцы парнасские, однако он не чувствует в себе достаточных сил и жару стихотворного. Природа наделила его преимущественно способностями к глубокомысленным познаниям: его воображение не имело пиитического парения. Впрочем, пленяясь славою великого Ломоносова, Свешников хотел непременно, исключая поэзии, идти во всем по его стопам. Он не преминул даже подражать ему и в мозаических работах. Но мозаик Ломоносова, как искусного химика, состоял из разноцветных, составленных им самим камушков; а Свешников делал свои картины из соломы и цветных мхов — и делал их очень удачно. Три небольшие картины сего нового мозаика

заслужили всеобщее одобрение, хотя и были еще только первыми опытами. Две, представляющие перспективные виды, поставлены были между лучшими произведениями в доме его покровителя; а первоначальная, изображающая какой-то сельский вид, досталась Смол⟨енской⟩ гимн⟨азии⟩ директ⟨ору⟩ г. Лю...му, у которого она и теперь хранится за редкостью.— Шувалов с сердечным прискорбием распростился с Свешниковым и, желая передать черты сего удивительного человека потомству, приказал снять с него портрет. Портрет сей при жизни Ивана Ивановича всегда стоял наряду с изображениями знаменитейших мужей в свете; он и теперь должен находиться у наследников Шувалова.— Если согласимся с мнением очень умного аббата Сабатье, уверяющего, что *ум* есть самый неоцененный дар для человека; что он есть дар, пригодный ко всему, всегда и везде: в уединении, в большом свете, в пустыне и на морях; что звание умного человека должно быть предпочтено всем пышным званиям и титулам, изобретенным честолюбием и гордостию; что умные люди суть любимейшие дети Неба и полезнейшие граждане земли,— если верить, говорю я, всему этому, то Свешников, который, как видно, был очень умен, бесспорно, заслуживает и в потомстве того же почтения, каким удостоили его знаменитейшие его современники. Приятно б было видеть портрет его выгравированным, чтоб русский отец-воспитатель, говоря *о самородных дарованиях отечества нашего*, мог указать сыну своему изображения Ломоносова, *Волоскова* и *Свешникова*.

Иван Евстратьевич Свешников приехал в С.-Петербург в 1784 году, в весеннее время, на барках с хлебом из Вышнего Волочка или Нового Торжка. Он уроженец Тверской губернии; но едва ли кому известен в ней. Волосков той же губернии, будучи и городским жителем, долго оставался в неизвестности.— В заключение заметим, что и Свешников воспитан был в закоренелом расколе; но чтением многих священных книг и здравым рассудком выведен из оного. Он выдержал много жарких прений с раскольниками в присутствии знатнейших вельмож.

P. S. Многими сведениями о Свешникове обязан я двум почтенным особам: в Смоленске — Льву Федоровичу Л* д* х* вск⟨о⟩му, а в Петербурге — Л*в*н*ч*б*к*т*в*, которые, находясь при *Шувалове*, имели случай узнать все подробности о жизни и дарованиях русского ученого крестьянина.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САДАХ*

Лучшие сады суть сколки с природы. Истинный охотник до садов должен быть страстным любителем оной.— Люди, одаренные счастливою способностию ощущать живо все впечатления предметов, прогуливаясь в различных местах и поверяя сердце свое, заметили, что ощущения изменяются вместе с переменою мест. Там, например, где древние скалистые утесы, изрытые осенними потоками, нависли над пропастями, в которых беспрестанно слышится глухое журчание вод; там, где древние сосны полуобнаженными корнями едва держатся на прилепе в песчаных берегах и со скрипом изгибаются под ветрами, разнообразно свистящими в их иглистых кудрях,— там человек невольно погружается *в задумчивость*. Но войдя в долину, пересекаемую множеством кристалловидных ручьев, которых берега *синеют незабудочками*, встречая повсюду *цвет надежды* и вдыхая с теплым воздухом благоухание цветов, человек невольно и сам расцветет сердцем и улыбнется вместе с природою, приветствуя румяную весну.— Желание подражать природе подало мысль к заведению первоначальных садов, разумеется, не плодовитых, которые, конечно, стали известны с того времени, как люди переселились из лесов в хижины. Первый любитель природы, желая иметь чаще перед глазами то, что его некогда восхищало, очистил зеленый лужок; насадил рощицу из молодых лип, березок и стройных тополей; провел ближний ручеек различными изгибами чрез свою рощицу; насадил и насеял множество полевых цветов; приманил зернами птичек, и таким или подобным сему образом разведен был первый *веселый садик*. Другой, более склонный к уединению, к мрачной задумчивости, может быть, бывший некогда игрою сильных страстей, избрал место для саду недалеко оттуда на крутом берегу лесистого оврага. Там, прислоня хижину свою к дикому утесу, несколько пониже елей и сосен, издавна на нем выросших, насадил над самым потоком, составленным из горных ключей, *ветлых ив* и берез; а на скате полугоры — желомустовых кустьев. Соловей и прочие птицы, любящие уединение, свили там гнезда. Пустынный хозяин, любитель *шумных вод*, в конце оврага занял небольшую плотину; а в разных местах протока навалил кучи разноцветных камней, из чего составились *искусственные пороги*.

---

* Это написано было для покойного П* И* Д* во время краткого пребывания моего во Ржеве и у него.

В утесах скал сделал он несколько пещер, уединенных гротов, убрал их мохом и раковинами. В самой глуши, между дикими растениями: пестрою радужною осокою и папоротью с зелеными кудрями — часто мелькала алая роза или с восклонением высокого стебля смотрелась в горный колодезь *белая лилия*. Казалось, хозяин сада хотел чрез это дать чувствовать, что часто так и в жизни нашей *алые радости и невинные забавы* мелькают между дикими терниями скорби! — В самых уединенных местах поделаны дерновые скамьи. Подле шумного порога, на зеленеющем холмике, мелькала сквозь сумраки слиянных теней белая урна, на которой светилась золотая надпись. Там посажены: *однодневная роза* и согбенная в виде *полусвода ветлая ива*. Первая изображала собою кратковременность жизни, минутный блеск молодости; вторая в ранние часы утра роняла крупные капли росы, которые в виде светлого дождя сыпались на урну, и поэтому подруга однодневной розы прозвана *плачущей ивою*.— В тихие полупрозрачные ночи, когда природа не спит, а только дремлет, житель хижины с восхищением смотрел на блеск ручьев, осребренных луною; внимал свисту соловьев, стенящему голосу перепелов и журчанию вод. И в пасмурные дни глубокой осени, когда деревья обнажались, хрупкий лист шумел под ногами и ручей, расширенный осенними дождями, урчал в пенистом течении своем и, взлетая наверх брызжущими водометами, ревел в порогах, *пустынник* любил сидеть в *диком саду своем*. Он любил смотреть на увядающую зелень и листья, воспоминая, что все *радости жизни его* увядали, как они! Любил он наслаждаться бурным кипением волн, представляя живо то время, когда страсти, подобно им, кипели в его сердце... Таким образом устроен был и *дикий унылый сад*. Впоследствии, кто ни есть, будучи богаче силами и способами, набросил чрез глубокий овраг *летучий мост* и, соединив чрез то *унылое местоположение* с *цветущею рощицею*, проложил множество извивистых дорожек для прогулки, обнес все вокруг забором из корней древесных, а вход сделал сводом из утлых пней, дерну и моху. И таким образом составился первый, снятый с природы, называемый у нас теперь английским, *сад*.

Так первые устроители садов во всем подражали *одной природе*.— Примечено в лесах, что деревья в некоторых местах, сплетая вершины свои, составляют приятные для взора *кущи*, между тем как другие, редея и светясь насквозь, едва покрывают зелень легкою тению. И в садах старались соблюсти повсюду смешение или, лучше сказать, борение *светâ со тьмою*. Старались, чтоб в некоторых местах мрак преодоле-

вал свет и сгущался под навесом семьянистых берез, а в прочем повсюду свет торжествовал бы над тьмою и струился по зеленеющим лугам. Но первые садовники, пересаживая деревья, конечно, с трепетом осмеливались только иногда обрезывать усохший или слишком искривленный сук: они страшились обезображивающего природу искусства *стричь* и *брить* прекрасные высокие ели и густые липы. Впоследствии прихотливое воображение итальянских вельмож вздумало перемудрить природу, изгнало простоту из садов своих и загромоздило их множеством *вычуров* и затейливых *причуд*, которые только с первого раза бросаются в глаза, никогда не услаждая сердца. Там-то, на гладком поле, которое любопытный взор в минуту может обнять, рассажены были различным образом изуродованные деревья, похожие более на детские игрушки, нежели на те многолиственные древа, которыми восхищаемся мы в диких садах природы. Там же вместо живых ручьев накопали множество каналов; вместо озер — разных *фигурных прудов*. Повсюду видны были невольно текущие и невольно падающие воды. Весною дело шло кое-как; но в летние жары вода, не имея движения, а следовательно, и жизни, задохнулась в преузорочных берегах своих и покрылась гнилью и плесенью. Желая сделать гладкое местоположение гористым, с великими издержками и с изнурением сил многих бедных работников, насыпали не горы и даже не холмы, а какие-то округленные и обтесанные, как будто из теста спеченные *горки*. Их одели в дерновое платье и думали, что произвели чудо! Но в самом деле таких, как эти рукодельные горки, в природе и с фонарем не найдешь. В природе все величественно, и самая дикость ее великолепна и прекрасна... *Так, священная природа! горы твои высоки, рвы глубоки, пропасти неизмеримы, и леса темны и обширны*!.. Часто в некоторых местах встречаются нам небольшие возвышения, называемые *курганами*. Древнейшие из них суть *тризны*, или насыпи, сделанные во времена язычества над могилами вождей и правителей народов. Прочие почитаются признаками происходивших не в самых давних временах сражений. Если такие курганы случатся кстати, то их очень позволительно включать в дикий сад.— Многие любят украшать сады свои *развалинами*: приостановимся на этом. Человек, склонный к размышлению и мечтательности, нигде более не найдет пищи для воображения, как блуждая среди развалин. Развалины городов представляют самое величественное и в некоторый священный трепет приводящее зрелище: они напоминают о тленности мирских вещей.— *Остатки старинного рыцарского замка* пробуждают в нас тысячи различных

воспоминаний о древних богатырях, о притеснителях прекрасного пола, о заключенных красавицах и рыцарях-избавителях.— Счастлив владелец, получающий с поместьями своими в наследство старинные *дубы, клены и развалины древнего замка или палат*. Включив все сие в саду своем, он будет иметь *редкий сад*! Там, удалясь от шумного света, может он наслаждаться всеми прелестями уединенной прогулки. Сидя на грудах мшистых камней и смотря на заходящее солнце, он может свободно углубляться в отдаленность протекших веков, представлять себе *царства в их младенчестве, величии, славе,* потом разгромленные перуном судьбы и поверженные в развалины, в которых опять зарождаются *младые корни новых царств*. Наконец, вечерняя луна, взойдя на горизонте, придаст совсем иной вид окрестностям: густые тени дерев узорчатыми пятнами расстелются на тучной зелени; ночные росы, тихо спустясь, повсюду засверкают. В разных местах гнилое дерево заблещет серебром,— но это ложный блеск!.. Кусты озарятся палевым сиянием тихо зыблемых на листках фосфорических светляков. Блудящие огни вспыхнут и начнут ночное странствование свое по развалинам... В это время, когда луч луны уже с высоты забрезжит сквозь туман и полунощный час начнет приближаться, вкорененное из детства *суеверие и пламенное воображение* задумчивого зрителя представит ему множество теней и призраков, мерными шагами расхаживающих среди разрушенных остатков древности. Некоторые из них, свободясь от тесноты истлевших гробов, кажется, идут прямо к нему, и он слышит ропот теней: «Кто *ты*, убегающий сладкого сна в часы глубокой ночи? Дерзкий! знаешь ли, что с каждым шагом ты попираешь кости истлевших во гробах и что великолепный дом твой поставлен тобою *на развалинах развалин* многих прежде стоявших здесь жилищ гордых, но скудельных человеков!.. Знаешь ли, что сии развалины блистали некогда в виде огромных зданий, в которых люди умели наслаждаться и радоваться... *Дружба, гостеприимство и благоговение к правоте* отличали древних жителей замков. Вопль невинности легко проницал грубые готические своды, под которыми обитали нежные сердца, и булатные мечи прадедов, во дни мира обвитые оливами, курились только черною кровию *притеснителей невинности и красоты*!.. Здесь часто багряный сок сладких виноградов пенился в златых чашах и голубоокие девы, увенчанные розами, восхищали пирующих друзей, родных и странников. Но все сие исчезло, как благовонный дым кадил! Теперь все мы почием в сырой земле. А ты, владеющий сими местами и могилами, замыкавшими наши кости,

вспомни, что блеск величия, молва и слава дольнего мира — все тленно, все исчезающе, как сон! Почто же громоздишь ты чертоги свои столь высоко, что громы, плавая в огненных облаках, встречаются с вершинами их? Для чего ссыпаешь кучи золота на груды серебра и заточаешь все вместе в подземных погребах, за чугунными дверьми, ознаменованными *печатию скупости*? Или для чего, упав на грудь роскоши и растаяв в объятиях неги, забываешь ты о целом свете?.. Сын счастия, опомнись! Сияние мирской пышности и величия есть блеск светящейся пред тобою гнили; а чистый свет добродетели превышает постоянное и незыблемое мерцание ясной полунощной луны... Да украсят жилище твое скромность и простота, да рассыплются сокровища твои золотым дождем на исцеление всех изъязвленных жалом нищеты! Верь, что слезы благодарности облаготворенных тобою, орошая путь жизни твоей, произрастят на нем неувядаемые розы радостей. Одна добродетель имеет бесценный ключ от врат горних, невидимых нам миров, где *солнце счастия* светит незаходимо!..» Таким образом *развалины* могут украшать огромные сады и поучать беседующих с ними... В одной из опустелых башен, заросшей мохом и полынью, приличнее всего положить песни барда древних времен *Оссиана.*— Но нет ничего смешнее, как искусственные развалины, которые большими издержками делаются в садах. Многие, желая представить остатки древней готической башни, строят стены и своды из нового кирпича, покрывают их свежим мохом, оттеняют их свежими красками и думают уверить всех, что имеют в саду своем разрушенную временем древнюю развалину.— И зачем стремиться к подражанию развалинам башен и замков?.. Всякий узнает поддельную развалину огромного здания, но редкий не ошибется, увидев разрушенный сельский домик или хижину, нарочно сделанную из полусгнивших бревен. Итак, на одном из утесов, у подножия которого слышен глухой рев сердитого протока, под мрачным навесом сосен и елей поставьте развалины хижины с приличною надписью, которая бы означала, что некогда жил там отшельник, уклонившийся от шуму суетливых тварей и волнения страстей.— Неподалеку от светлого пруда, окруженного березами, поставьте хижину *бедной Лизы*; кто не знает сей известной русской повести и кто не согласится забыть на минуту, что он не в самом деле гуляет близ Лизина пруда?.. Или под наклоном двух противуположенных скал, в тени каштановых дерев, постройте две хижинки без дверей и окон, покрытые листьями и корою; назовите их хижинами *Павла* и *Виргинии*, описанными пламенным пером чувст-

вительного, доброго Сен-Пьера. В одной из них положите его прекрасную книгу. Пусть молодые девушки вспоминают чаще о причине запустения мирных хижин. Юная Виргиния, расставшись с природою и простотою, увлекаемая блеском богатства, разлучилась с материю, с милым Павлом — и навсегда! Волны поглотили невинную жертву корысти и страстей суетной знатности. Кажется, приличнее всего искусству, подражающему природе, включать в сады *острова* и украшать оные. Они могут быть весьма различны по образу и величине своей: это мы видим в самой природе на больших реках и морях. И так очень трудно распознать искусственный остров от естественного. Счастлив владелец, имеющий обширные, светлые озера!.. Вы имеете их — старайтесь же распространить природные и рассеять по водам вашим многие искусственные острова. Например, сделайте *остров Дружбы, остров Воспоминаний*, архипелаг небольших островов *Роз, Лилий* и *Сирени*. Рассейте в разных местах *скалы страстей, одиночества* и *мели предрассудков*. Одну из нескольких назовите *пристанью спокойствия*. Расположите все это по некоторому аллегорическому плану, и вы будете иметь в саду своем нечто очень необыкновенное.— *На острове Дружбы* насадите рощицу, в которой бы каждое дерево, каждый куст посвящен был одному из ваших друзей; имя его, написанное на дощечке, должно быть привязано к дереву. В средине рощицы простой жертвенник; на нем белая урна с надписью: *алтарь Дружбы*. Имена, а если можно, и самые лики Ореста и Пилада должны быть украшением сего места. Лик *Марка Аврелия* для того должен быть здесь поставлен, что он, будучи обладателем полвселенной, в восторге сердечном восклицал: «О небо! пошли мне нужнейшее для царей благо: *пошли мне друзей*!» Здесь могут также храниться *Цицероновы, Монтаневы, Риваролевы* и прочие *рассуждения о дружбе*. Не худо, если большая часть дерев будет таких, которые бы по два или по три срослись и сплелись вместе. По всем рощицам насеять растений, имеющих свойство виться вокруг дерев, дабы на острове Дружбы все означало тесный *союз* и *согласие*.— Дружба скромна: это докажет множество фиалок, невидимо разливающих ароматы свои. Для изображения совершенного союза дружбы, который ни время, ни смерть не властны расторгнуть, посадите *несколько хмелю* близ высокого утлого клена или дуба, сломленного бурею. И когда свежая зелень широколиственного хмеля тесно обнимет и покроет истлевающий пень, тогда пусть читают на нем сии слова: *один умер; но другой жив — и оба неразлучны! Остров Воспоминания* должен быть посвящен всему прошедшему. Там, на

коре нескольких древних дерев, изобразите вкратце достопамятнейшие случаи вашей жизни. Руссо, убегая людей, жил под старость одним воображением и воспоминанием прошедшего. Лучшее наслаждение его было разбирать свои травники: каждая травка напоминала ему то время, когда и где она была сорвана, и чувствительный философ то улыбался, то проливал слезы.— *Остров Напоминания* должен украшаться также памятниками милых вам особ, уже сошедших с земли.— *Урны, усохшие деревья*, плачущие и угашающие пламенник жизни *купидоны* и прочие приличные изваяния поставятся на зеленых холмиках, на сизомшистых камнях и скалах; и это будут *кенотафы* усопших ваших друзей.— Ветлые ивы, наклоненные к земле всеми ветвями своими, и ветерок, шепчущий с мохом и листьями, скажут: *здесь живые беседуют с прахом усопших*! — Сверх того весь остров должен быть усеян незабудочками. Но остров Воспоминания будет уединен, и потому имейте на нем превосходное творение: Юнговы ночи и прекрасную книгу Циммермана об *уединении* относительно к разуму и сердцу. Сочинитель сей последней книги удостоился получить от самой Екатерины II, покровительницы дарований, подарок с сими лестными, собственною ее рукою начертанными словами: *господину Циммерману*, врачу Его Величества Короля Английского, в знак благодарности за превосходные рецепты, предписанные им *человечеству в книге об уединении.*

Что касается до прочих островов, то они могут быть названы *островами Радости, Забав* и проч. Некоторые из них должны алеть одними розами; другие пусть белеют лилиями, пестреют душистыми тюльпанами или синеют цветущею рощицею сирени. Наделав гнезд и рассыпая часто зерна, можно приучить к сим островам множество вольных птиц. Для разнообразия пусть иногда выказываются из воды острые скалы, седые подводные камни и мели; а на противном берегу устройте пристань с красивою набережною. Всему этому можете дать иносказательные названия так, чтобы, например, к *пристани Спокойствия* не иначе можно было доплыть, как извивистым путем, на котором рассеяны *скалы страстей, подводные камни испытания и отмели предрассудков.*— В прекрасный летний вечер, когда с погасающими лучами солнца шум тварей начнет умолкать и заря осенит розовым блеском сребристую поверхность вод, когда *чета* стройных лебедей поплывет к гнезду своему и соловей загремит на ветвиях песнь любви и свободы,— тогда на легком челноке или китайском плотике плывите к острову *Воспоминания* услаждаться прошедшим. Переезжайте потом на остров Дружбы мечтать

об отсутственных или при сребряном сиянии луны утешаться беседою присутствующих друзей.

Если пожелаете иметь плодовитый или *регулярный* садик в английском, то постройте где-нибудь маленький сельский домик и, предположив, что там живет охотник до цветов и деревьев, сделайте какие вам угодно цветники. Там могут также занимать любопытного разного рода затеи садовничьего искусства, например: он увидит на одном стебле белую и красную розу, на одном дереве вишни, яблоки, груши и прочие чудесные сочетания разнородных дерев посредством прививания.— В сельском садовом домике должна быть и библиотека: *Вергилиевы «Георгики», Делилевы «Сады», Томсоновы «Времена года» и Блумфильдова поэма «Сельский работник»* займут в ней первые места. К этой *садовой библиотеке* можно поставить эпиграф: *Поэзия, цветник чувствительных сердец!*

Вот беспорядочные мысли мои о садах. Может быть, все, о чем я говорил до сих пор, находится уже во многих садах. Но теперь предложу вам средство украсить ваш собственный тем, чего, почти наверное можно сказать, еще ни в одном саду доселе не бывало. Я хочу сказать об изваяниях *древних славянских богов*. Нам ли, *русским,* гоняться за греческими богами, которые уже примелькались в глазах наших: ими загромождены все сады? Нам ли, говорю, пленяться чужим, тогда как баснословие наших предков славян так прекрасно! До сих пор, кажется, еще ни один ваятель не осмеливался представить глазам нашим прекрасных изваяний славянских богов, ничем не уступающих греческим, а иногда затейливостию вымысла даже их превосходящих. Видно, художники опасаются, что у них не захотят купить какой-нибудь прелестной Лады, тогда как с жадностию расхватывают всякого рода *Венер*. До сих пор нет еще и форм для славянских богов. На место Аполлона, Венеры, Флоры и зефиров поставьте в саду вашем *Бояна, Ладу, Зимстерлу*.— У вас есть среди озера на острове прекрасный чистый родник; поставьте там древнего славянского песнопевца с его лирою, пусть кажется он в тени прохладной рощицы подслушивающим извивистую *песнь соловья*. Положите там драгоценную жемчужину российской словесности: *Героическую песнь о походе Игоря,* где *вещий Боян назван соловьем древних лет*. Тут же или в ином приличном месте поставьте милую *Ладу* с прелестным ее семейством. *Лада* — богиня любви и красоты; дети ее: *Лель* — бог любви, *Полель* — бог брака, *Дид* — жизнь супружественная и благодатная *Дилилия* — покровительница новорожденных.— В од-

ном укромном уголке вашего сада, построив хижину древнего славянина и возделав близ оной небольшую ниву, покрытую златовидною жатвою, поставьте там покровительницу спеющих класов *Мерцану**. В сизые сумерки тихих летних ночей Мерцана любит порхать по златым нивам в виде светлой зарницы и благотворным прикосновением небесного пламени ускорять зрелость цветущих класов — так говорит баснословное предание. Там же должен быть и *Купало, бог лета,* полевых плодов и летних цветов, и *Сева,* богиня осени и садовых плодов. На рубеже сего маленького участка поставьте *белый каменный столп* с надписью: *Чур!* Это древний *бог межей.*— Где-нибудь в перелеске, на пригорке, можно поставить и *Зевану,* славянскую *Диану,* богиню звериной ловли. Стройный, сановитый *Радегаст,* защитник городов, может также отличаться в своем месте.— А там, где иногда под веселый час, поминая святую Русь, на зеленом цветущем лужку, при светлом ручье, под тению тополей, захотите выпить с друзьями из дедовского бокала сладкого пенистого меду, там поставьте истукан *Корса,* покровителя пива и меду.— Подле него не худо стоять *Усладу* как богу веселия и жизненных наслаждений. Но в самом глухом захолустье, на песчаном острову, с разных сторон подмытом волнами, покрытом древними полуискорененными соснами и множеством пней, сломленных ветрами и обожженных молниями, поставьте истукан свирепого, бурями, как *ризою, одетого Позвизда,* бога непогод. Там же поместите и *Зимерзлу,* богиню суровую, дышащую холодом и морозами. Напротив того, в самой прелестнейшей из ваших рощиц, близ чистого протока, между молодых липок, кленов и душистой сирени, в свежих розовых кустах, перемешанных с стройными лилиями и ароматными ландышами, поставьте самого миловиднейшего божка — *Догоду.* Он значит то же, что *Зефир.* Не разлучайте с ним и подруги его прелестной *Зимстерлы* (Флоры).— Из этого самого краткого начертания вы видите, как богата славянская мифология! Доселе сокровища ее, подобно многим природно русским драгоценностям, погребены были под спудом забвения; но почтеннейшие пииты наши, взыскатели русского слова, воскресили в песнях своих древний *Валкал,* который во многих отношениях ни чуть не уступит Олимпу и Елисейским полям, сотворенным воображением греков. Ломоносов изредка, Херасков очень часто, Державин также нередко выставляет славянских баснословных богов вместо

* Басня о Мерцане изображает летние зарницы, которых электрическая сила в самом деле способствует зрению плодов и класов.

греческих. И очень недавно в опытах повествовательных, написанных на русскую стать, легким и приятным слогом, господин Востоков сделал прекрасное употребление славянского баснословия. Теперь надобно только отворить наши сады для милой *Лады, Леля, Полеля и Догоды*.— Но чтоб сделать сад ваш совершенно отечественным, то вместо издержек на пустые *беседки*, которые обыкновенно наполняются паутинами и сыростию, постройте один хороший, но простой храм, ибо простота самая близкая родственница русским. Там соберите портреты или изваянные лики всех знаменитых россов. Тогда отец своего сына, а русский наставник воспитанника приведет в сей новый Пантеон для созерцания священных изображений *россиян-героев* и *россиян-благотворителей!*.. Вот все мои мечты! Я обещал сказать о *садах* только несколько слов, а измарал уже несколько страниц: простите нескладному многословию!..

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ЖИЗНИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДЕМЬЯНОВА

Недавно окрестности Ржева украшались пребыванием добродетельного человека, который все дни своей жизни посвящал только двум предметам: служению ближним и упражнению в науках. Склонность к наукам, к благотворению и прочие похвальные склонности совершенно владычествовали над ним; а сам он владел только страстями своими.— Едва прошел год знакомства нашего, и смерть, которая, по словам одной сочинительницы, подсекает лучшие цветы в вертограде жизни,— смерть пресекла дни сего добродетельного друга человечества. Над могилою его рыдают неутешно дружба, родство и благодарность.

П* И* Д* воспитывался в Морском корпусе. Математика и механика были любимейшими его науками. В чине гардемарина и мичмана он плавал по морям и во время войны с шведами был на многих морских сражениях. Оставя бурную стихию, уклонился он к мирной тишине. Сидя в саду своем на берегу Волги, он видал величественную реку во всех ее изменениях — в бурях и тишине; а из окон дома любовался на цветущий торговый город с многолюдною его пристанью.

Будучи душою друзей и родных, часто и для посторонних

бывал он подпорою и советником в затруднительных обстоятельствах, судиею и примирителем в спорах. По выборам дворянства служил он в уездном суде и шесть лет депутатом; но всегда и везде служил человечеству.

Он умел чувствовать всю тяготу бедности и вникать в нужды ближних. Часто в кругу милых ему людей, когда дружеская беседа оживотворялась сердечными излияниями, когда удовольствие и радость блистали на всех лицах, он говаривал друзьям своим: «Как мы счастливы!.. За окнами нашего дома шумит буря, Волга кипит в берегах своих; а мы, не чувствуя ни скуки, ни горя, наслаждаемся сердечным спокойствием в теплой комнате; но сколько людей дрожат теперь от холода и сражаются с нуждою!» Тут вздох сострадания вылетал из груди его, и слезы навертывались на глазах.

Любимое изречение его состояло в сих кратких словах: «Думай о добре, делай добро и ожидай добра! — Не охуждайте людей с первого взгляда; смотрите на чужие пороки сквозь пальцы; ищите добродетелей и благоговейте пред ними, снисходя к слабостям человеческим. Посмотрите,— говаривал он,— на источник, лиющийся по лугам: *ил,* возмущенный его течением, смесясь с пеною, покрывает поток неприятною для глаз оболочкою; размахните легкую тину — и прекрасная светлая вода откроется под нею! Поступайте так точно и с людьми: добродетели и слабости нераздельны в нас; *и в солнце, и в луне есть темные места!»*

К доброте душевной присоединял он необыкновенную чувствительность. Чувствительность! дар неоцененный и часто пагубный для человека, сколь многих наслаждений и сколь несчетных мук бываешь ты виною! Чувствительное сердце можно сравнить с стройною арфою, которой все струны крепко натянуты: малейшее прикосновение ветерка извлекает звук; что ж сделают бури, ударя в них? — Стрелы злополучия, так сказать, скользят над бесчувственным и глубоко вонзаются в чувствительное сердце — П* И* и с ясною совестию часто встречал в жизни пасмурные дни: они помрачались скорбию. Отирая слезы ближних, он сам нередко проливал их. Потеря близких сердцу родных много ему стоила; но больше всего поразила его смерть брата и друга Льва Ивановича. С той минуты здоровье его начало ослабевать: целые дни проводил он в грусти; и не одна холодная осенняя ночь была безмолвною свидетельницею сетований его на могиле брата.

Он страстно любил отечество и все отечественное. При начале народного ополчения, когда мужество древних времен

воскресло в сердцах россиян, когда любовь к отечеству — родная мать Мининых и Пожарских — воздвигла вновь Россию во всем ее могуществе, П* И* прикован был к одру болезни жестокою горячкою. Друзья его долго не объявляли ему ни о чем, не показывая даже и *Манифеста.* Наконец он узнал нечаянно о составлении земского войска и тотчас — сверх должного числа ратников — назначил в службу лучших, любимых своих стрелков. «Вы были верны мне,— говорил он своим ратникам,— будьте еще вернее Государю; гордитесь своею участью: вы становитесь отныне защитниками отечества! — Друзья мои! господин ваш завидует вам: болезнь ослабила силы его; а без того он сам пошел бы первый пред вами туда, куда скликает нас слава Русской земли. Слово царево удостоверяет, что по низложении врага вы опять возвратитесь в недра семейств ваших: тогда вместе с женами и детьми вашими встречу вас и успокою после трудов ратных». Приемля сердечное участие в тогдашних обстоятельствах, он был в беспрестанном волнении, которое еще больше мешало выздоровлению его.

Но дорожа выгодами отечества и любезных ему людей, он никогда не жалел утраты собственных выгод. В одно время, в самую полночь, сделался пожар недалеко от его дома; человек торопливо вошел в комнату, чтоб уведомить его о сем. «Что за тревога?» — спросил П* И*. — «Пожар! — отвечал слуга.— Все гумны с хлебом занялись огнем».— «Бедные крестьяне!» — воскликнул *Петр Иванович* и тотчас начал одеваться. «Это не крестьянские, сударь! а ваши».— «Ну, так еще не беда: воля Божия! Подите, старайтесь, чтобы пожар не коснулся деревни; скажи крестьянам, чтоб берегли только себя, да не вели шуметь в доме: не разбудите гостя». Один из его приятелей спал тогда в другой комнате. Однако ж гость скоро пробудился и крайне удивлялся равнодушию хозяина. «Что ж делать! — говорил П* И*,— воля Провидения неизменна; данное Богом им же и отъемлется». Между тем, чтоб больше успокоить своего гостя, он приглашал его посмотреть на Волгу, которая, пылая в золотых заревах, представляла в себе страшную и вместе величественную картину пожара.

«Смерть праведника есть торжество добродетели, возвращающейся в небеса». Это неоспоримая истина! Порок содрогается при дверях гроба; добродетель, руководимая надеждою, с улыбкою переступает за предел земной юдоли. П* И* доказал сие собою. Продолжительная болезнь — следствие неоднократных огорчений о потере милых ему людей — заставила его искать помощи за пятьсот верст у благотворитель-

ного врача Приора *Носалевского**. Родной брат и племянница, в которой он имел истинного друга и примерную родственницу, сопровождали его туда.— Уже попечение искусного врача возвратило ему здоровье, уже прежний блеск возобновился в прекрасных его глазах и алый румянец расцветал на щеках его... Он был очень хорош собою. Вдруг разошлась молва, что Россия должна возобновить войну с Франциею; что Швеция, Турция и Персия с разных сторон ополчаются на отечество наше; что Наполеон, которого мановение воздвигает народы, готов отторгнуть от России Польшу. Слухи сии распространялись поляками: они поддерживали их, прибавляя в рассказах своих множество нелепостей, множество самых печальных догадок *насчет будущего***... Все сие так поразило П* И*, что он с той минуты начал задумываться, бледнеть, жаловаться болью в голове и сердце; и чрез несколько дней обнаружилась в нем страшная лихорадка, пресекшая вскоре и жизнь его. Пред смертию он увещевал плачущих друзей своих: «Зачем так горько плачете вы? Если о мне, то сетования ваши напрасны: я оставлю свет сей, исполненный сует и волнуемый бурями страстей, точно с таким же чувством, как оставлял некогда бурные моря после долгого на них плавания. Одна любовь к природе и друзьям моим могла еще несколько привязывать меня к сей юдоли земной, где должно пресмыкаться в толпе бедных тварей, стенящих под жезлом судьбы; где должно быть невольником обстоятельств и увлекаться вихрями случайности... Но, друзья мои! величайшие реки и малые источники имеют свои устья; жизнь царей и нищих имеет также свой предел: рано или поздно — желаю, чтоб это было как можно позже,— мы увидимся за пределами гроба; там встречу вас с распростертыми объятиями!

Бог, пекущийся о судьбе величайших миров и малейших из тварей,— Бог благости, конечно, назначил в лоне вселенной место для праведных душ, тружеников земных.— Верьте, что не вам о мне, а мне должно бы плакать о вас: вы остаетесь жить — и в какое время!.. Никогда страсти не владычествовали так сильно на лице земном; никогда брани не свирепствовали лютее; не было большего честолюбия в завоевателях, больших раздоров в народах, и *корысть* никогда

---

* Могилевской губернии в местечке Дудаковичах.— За несколько лет пред сим П* И* также стоял уже на краю гроба, но возвращен к жизни попечениями искусного врача, господина Феллера, которого он всегда называл другом и благотворителем своим.

** В сие время твердили поляки пословицу: czue ptaschek wiosne: слышет птичка весну!

не имела столь полной власти над сердцами... Я страшусь события сих священных слов: *скоро приидет бо час, егда живые позавидуют мертвым».*— Частые обмороки лишали его чувств. Едва успел он окончать исповедь свою и приобщиться святых тайн, как язык его онемел. Тут попросил умирающий, знаками, часов и образа, который велел поставить прямо против себя. Безмолвствуя, указывал он то на часовую стрелку — выражая тем, что ему уже немного остается жить; то смотрел на икону, пожимал руки друзей своих, взглядывал сквозь растворенное окно на чистое небо, и таким образом, подкрепляемый верою, в объятиях дружбы и природы, с твердостию христианина, кончил жизнь сей добродетельный человек.— Известясь о смерти его, несколько недостаточных семейств надели траур. И тогда только открылось, что они получали от него все способы к жизни*. Гроб его сопровождали рыдающие друзья, родные и облаготворенные им несчастливцы.

Итак, не стало уже сего добродетельного, сего пламенного друга человечества, для которого благотворение было первою потребностию в жизни!

Нежный друг Природы! Запустеют те места, которые украшал ты с таким прилежанием руками своими! Уже не расцветут для тебя земные вертограды; ты не услышишь шуму родных источников, которым пролагал пути среди цветов и душистой зелени!.. Насажденные тобою сады** пережили тебя; но не переживут они памяти твоей. Падут столетние древа; а воспоминание о добродетелях твоих прейдет в поучение поздних родов. Оно не истребится и тогда, когда уже сердца, облаготворенные тобою, истлеют под хладным каменем могилы. Последние слова твои часто отзываются в сердцах наших. В минуты глубокой сердечной скорби завидуют тебе, живущему и в смерти, друзья твои, умирающие в жизни. Мир праху твоему, добродетельный человек!

P. S. В бумагах покойника найдено несколько мелких стихотворений, из коих особенно одно к *Волге* имеет на себе печать его ума и нежного вкуса. По скромности своей он никогда не выдавал себя за знакомца муз. Он также прилежно занимался домоводством и, записывая все на опыте изведанные им лекарства, составил книгу под названием «Скотского лечебника».

Но всего любопытнее найденный у него между многими

---

* Сие тем более делает чести покойнику, что он, не будучи в числе богачей, благотворил бедным при самом посредственном состоянии.

* Покойник страстно любил природу и пред кончиною начал разводить сад в английском вкусе.

механическими снарядами образец одного отличного от прочих, о котором он никому не говорил, а составлял оный втайне собственными руками. Судя по частям, которые еще не приведены в надлежащий порядок, надобно думать, что это снаряд гидравлический и притом такой, посредством которого самым малым количеством воды можно производить великое движение! Архимедов винт, колеса и прочие сложности машины выработаны им самим с нарочитою точностию. Все занятия, все труды сии не показывают ли, что цель всей жизни Петра Ивановича была — польза?

После первой поездки моей в Тверскую губернию я еще несколько раз был в окрестностях *Волги;* гулял на высоких берегах ее, мечтал, и мечтания мои излились в слабых стихах, которые кстати здесь же помещены:

МЕЧТАНИЕ НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

Напоминанием живет душа моя.

Княжнин

Довольно я в мой краткий век
Глубоких, светлых видел рек
В странах, от родины любезной отдаленных,
Или отечества в пределах заключенных;
Но *Волгу* всякий раз с весельем новым зрю!..
Служа отечеству, царю,
Я зрел Дуная бурны волны,
Я зрел его брега, убийств и крови полны;
На них пылала грозна брань;
Звучали громы раскаленны;
Града и веси, в пепл пожженны,—
Войне и смерти дань!..
И дней моих едва рассвет
В сих бурях брани не затмился;
Едва я с жизнью не простился
На утре юношеских лет!

Я зрел, как мчится *Ваг* свирепый*
По рвам, чрез дебри и вертепы;
Как, пробивая путь меж гор,

* Ваг — большая сердитая река в Карпатских горах.

Кипит, бугрится, рвет преграды;
К громадам громоздя громады,
Навислый роет брег и с треском ломит бор,
    Дивя и устрашая взор.
Я зрел, среди степей пустынных, *Буг*
    На крайнем рубеже России;
В пределах древния Скифии,
Где стонет и поднесь пиита славна дух*.
На диких сих брегах, среди степей унылых,
Имел друзей я сердцу милых:
В пустынях и лесах друг верный, дар небес!..
Среди полей сухих, поблекших, обнаженных,
    Лучами солнца раскаленных,
В гостеприимну тень не манит свежий лес...
Там нет, там нет нигде убежищ для прохлады.
Но благостью творца всем ровный жребий дан!
И смуглы жители тех стран
    Умеют находить отрады.
Священно дружество, всех нежных душ — душа!
Под кровлей низкого волошска шалаша
Ты нашей жизни дни собою позлащало
И розами скалы угрюмые венчало.

Границу древню двух держав,
Я видел быстрый *Днестр,* в брегах злато-песчаных,
Обильный во плодах и гроздиях румяных.
Там тысячи овец и сладкомлечных крав
Пестреют по степям, сребрящимся в *бурьянах*.
Издревле там леса чернелися дремучи,
Недремлющая в них мечи острила брань;
Подвиглись росские богатыри могучи,
Гром грянул, сбил леса — лавр в поле россам дань!..**
Нередко я видал и *Днепр голубоводый,*
На лоне матери-природы,
Еще младенцем — ручейком;
Но зрел, я зрел его в величье рек царем!
Как области собой поя российски многи,

* Овидий, знаменитый пиит *латинский,* сослан Августом в *Кумы,* где ныне полагают Овадионом.

** До первой турецкой войны окрестности Буга, особливо за речкою *Кодимом*, покрыты были дремучими лесами. Татары, чинившие набеги, укрывались с добычею в сих лесах. Во время военных действий россиян противу турок огонь истребил леса, и теперь видны там одни обширные степи, заросшие крупною травою *бурьяном*.

Пробив меж гор себе дороги
И пеной оснежа пороги,
С гремящим грохотом и с шумом в дол летит!
Высокобашенный *Смоленск* над ним стоит!
И холмы киевски, цветущи, возвышенны,
И храмы Божии, богато позлащенны:
Исполненна чудес, глядится в нем страна!
Днепром поглощена прекрасная *Десна;*
Чрез *Малороссию* льет светлый ток она:
Благословенный край! Роскошный сад природы,
Где дружны с простотой беспечные народы!..
Забуду ли тебя, гостеприимный край!
Тебя, цветущий красотою?
Где я, пленясь людей любезных добротою,
В палатах и в полях встречал для сердца рай!
Я польски реки зрел: зрел ток прозрачной *Вислы,*
    Извивистый зрел *Буг;*
Зрел замки древние, на бездны с скал навислы:
Героев давних лет парит над ними дух.
Страны прелестные не раз облиты кровью,
    Земля посеяна костьми,
Из давних лет уже присвоена любовью,
Наполнена ее приманками, сетьми...
Ни шум оружия, ни грозны бранны звуки
Не могут защитить сердец от страстной муки.
И хитрый Бог любви, как царь всевластный, там,
С улыбкой шествуя по лаврам и щитам,
Стреляет в брони позлащенны,
В сердца, в пожарах битв громовых закаленны...
Как сладко там провел я *зорю дней моих!*
Средь пышности, утех, под блеском росской славы
В чертогах у вельмож: богат приязнью их.
Край польский наречен обителью забавы;
Бог вкуса грациям в нем храм соорудил.
В рассеяньи, в шуму, в приятном чувств волненьи,
Средь неги и любви, в сердечном упоеньи
Я радости не раз из полной чаши пил!
Супрута! Близ тебя, о речка безызвестна!
В укромном уголке живет чета прелестна.
Там дружбы сладостью грусть сердца отвожу
И радость, от судьбы украдкой, нахожу:
Там одиночество мое позабываю
И счастлив счастием друзей моих бываю.
Как странник, многие еще я видел реки,
О коих идет в мир молва,

Которые поят собой края далеки...
Тебя ж, *дочь Ладоги,* о светлая *Нева!*
Я зрел в младенческие лета.
Неопытным еще быв гостем бела свѐта,
Не знал я и имен: сует, забот и бурь;
В душе моей сиял веселия лазурь,
Равно, как свод небес в тебе изображался.
Ах! в тот златой мой век с страстями я не знался,
Не плакал от тоски, не думал крепких дум...
И града пышный блеск, смятенье, звук и шум,
Богатство, слава, честь — все смертных обольщенья
Мелькали предо мной, как тени, сновиденья.
Мне жизнь была нова! Не знал я в ней путей,
Не знал, что мир сей полн прельщений и сетей.
Безбурны детства дни, о дни мои златые!
Забуду ль вас когда? — О радости святые!
Которы по цветам *беспечного* вели
И сами, как цветы, вокруг него пестрелись,
Ужели для меня навек вы отцвели?
Забавы юных лет, как птички разлетелись.
Придете ль вы опять, о дни моих утех!
О дни беспечности, отрад, очарований!
Я счастлив, счастлив был в пылу надежд, мечтаний,
    Владык земных счастливей всех!
Но строгий смертных просветитель,
Воздушных зданий разрушитель —
Угрюмый опыт мне свой грозный вид явил,
Смолистым факелом на мир сей посветил,
И мир подернул черной тканью...
«Гроб мрачный,— рек он мне,— один конец страданью:
Обеты счастья — ложь! Дни жизни — дни сует!
Волшебны зеркала — прелестные мечтанья.
    Когда и где их нет,
Существенность совсем иным являет свет:
Являет мир в слезах, людей в тоске страданья...
    Надежды и мечты
Нас тешат, как детей, и вянут, как цветы!
Под бурями страстей мертвеет добродетель...»
Так *опыт* нам гласит. Суровый благодетель!
Ах! к прежним радостям искать ли вновь путей?
Где, где укроюсь я от мятежа страстей?
Не при тебе ль, о *рек российских мать и слава!*
    О пышна Волга величава!
Мне роком суждено блаженство возвратить
И сердца грустного все раны залечить?..

О волжские струи! О холмы возвышенны!
Воскреснут ли при вас дни, счастьем обновленны?
   Прольется ль в томну грудь веселия струя
И буду ль, буду ль счастлив я?..
Брега прелестные, пленяющи собою!
Не здесь ли заключить могу я мир с судьбою?
Ах! будете ли вы, нагорны высоты!
Притоном странника, приютом сироты?
В укромной хижине, к утесу прислоненной,
Дубами древними от бурей осененной,
Найду ли наконец желанный я покой?
Я восхищался бы прелестною рекой
И, вторя соловьям, бряцал на скромной лире
Песнь тихую реке, столь шумной, громкой в мире!
Я б видел ладий бег, крылатые струга,
Как к морю синему высокие брега
И полны пажитьми зеленые луга
В свой быстрый Волга след проводит...
Мечта, опять мечта к мечтам меня заводит!
Мне ль счастья ожидать? — Судьбы гремящий глас
Велит оставить вновь, брега прекрасны, *вас!*
Я странник! Не ищу чертогов пышных строить;
Ищу лишь *уголка,* где б сердце успокоить.

ХЛЕБНИЦА

В городе Б..., куда приехали поздно вечером, долго странствовали мы по улицам, просясь на ночлег, но тщетно!.. Домы не отпирались для странников. Читая в дороге Гомера и восхищаясь гостеприимством древних, мы с сугубою горестию почувствовали, что у нас его уже не стало.

Наконец отворилась дверь небогатой, но чистой светлицы. Ласковая хозяйка отвела нам уголок, и самый крепкий сон — знакомый более всех путешественникам — лишил нас на несколько часов *способности принуждать себя к существованию* в сем *мире** и к борению с горем и суетою.

Проснувшись рано поутру, узнали мы, что хозяйка наша *хлебница;* и тогда только приметили вывешенный над окном *большой калач,* верный признак ее промысла. Но все голодные без этой приметы и зажмурясь сыщут дом хлебницы. Вскоре наполнилась комната — и кем же? — беднейшими

---

* Выражение из известной книги *Гуфланда.*

обоего пола жителями города. Посмотрим на них и послушаем их разговоров.— Добрая хлебница объявляет некоторым, что *по нынешней дороговизне всего прочего* необходимость заставляет ее *надбавить по денежке на фунт хлеба*. Надобно было в это время видеть лица голодных бедняков... С какою горестию шептали они друг другу, что хлеб подорожал! При этой вести иные пожимали плечьми, другие глядели сквозь слезы вверх и тяжко воздыхали. *Житель большого света,* гремя по мостовой в блестящем экипаже, останавливается у одного из *храмов моды,* пересматривает разные копеечные безделки и, узнав, что цена на них прибывает *рублями,* едва слегка наморщивает лоб и великодушно платит за всё; а бедные, узнав о надбавке *одной денежки на фунт хлеба,* так сетуют и стонут! Те и другие люди; но — вот что значит *бедность!*

«А за тот хлеб, который мы прежде забрали, должны ли платить старою ценою или?..» — «Прежнему хлебу прежняя и цена. Хотя бы ныне по рублю сделался фунт, я на старых должников ни копейки лишней не положу. Сохрани меня от этого Бог!» — так отвечала *добрая хлебница* молодой бедной девушке. «Сколько ж мы вам задолжали?» — спросила она. *«За два пуда»,*— отвечала хлебница. «Мы должны *за два пуда!* — воскликнула девушка.— Боже мой! Мы вечно с вами не расплатимся... Кроме меня еще три братца и меньшая сестрица раза по три в день со слезами просят хлеба. Я недавно встала с постели, была больна; старший мой братец третий день *как в огне горит!* Матушка ухаживает за больным: все работы наши остановились, чулки не вяжутся... а мы еще должны, и за целых два пуда!» Тут косынка на груди ее приподнялась от тяжкого вздоха, вылетевшего прямо из сердца, и две крупные слезы, вытесненные скорбию, покатились по бледным щекам. «Не горюй, моя милая,— говорила хлебница.— *Богат Бог милостию*. Никто, как Бог! Он призрит ваше сиротство. Я знаю, вы люди честные, и я готова ждать на вас целый век...» Потом, обратясь к мальчику лет двенадцати, спросила: «Легче ли твоему отцу?» — «Нет! — отвечал печально мальчик.— Батюшка все лежит на соломе, как прикован к земле; а пуще всего то беда, что черный хлеб ему горек кажется. Я выпросил *у соседки Ивановны* немного молока, хотел попотчевать его калачом, да...» Тут шарил он то в правом, то в левом кармане и нашел только две денежки... «Бог с ними! — сказала торговка.— Отнеси от меня батюшке гостинец, мягкий калач; а на эти деньги поставь свечку за его здоровье». Потом шепнула она ему на ухо

нечто такое, от чего мальчик очень весело улыбнулся и, прыгая от радости, побежал домой.— После узнали мы, что она посулила ему давать безденежно каждый день по калачу, покуда отец его выздоровеет. О! это даяние запишется в небе, в первой статье о благотворениях, ангелом блюстителем добрых дел. Благословение Божие да осенит щедролюбивую жену, *и от того часа в доме ее водонос муки не оскудеет и чванец елея не умалится.*

Итак, случай открыл нам, что приют истинно бедных в городе есть дом хлебницы. *У портного* можно узнать, кто более всех приносит жертв моде; *у купцов* узнаешь, кто роскошнее всех живет; но никому так не знакомы *бедные,* как *хлебникам:* они продают такую потребность, без которой и нищие в истлевших рубищах обойтиться не могут. Сколько способов последовать благородному стремлению к добру откроется для благотворителя в доме хлебника! И как много можно сделать добра за самые малые деньги!.. Например: можно накупить калачей бедному больному, заплатить долг *за два пуда хлеба* и прочее... Как удивится больной отец, увидя сына, несущего к нему кучу калачей! Как обрадуется *бедная девушка,* когда, просидев ночи за работой, исколов руки, выручит наконец несколько денег и тотчас понесет их на *уплату долгу за два пуда хлеба*... а этот долг уже уплачен! О, как весело улыбнется она!.. А благодарная улыбка невинности приятнее светлого весеннего солнца!

ПИСЬМА ИЗ КИЕВА

Киев, августа 24, 1811

Еще не опали облака пепла, не остыли груды камней и не успокоились сердца народа, как мы приехали в Киев. Мой друг! Я не видал несчастных жителей Неаполя тотчас после извержения их Везувия; но я вижу жителей *Киева,* рыдающих на пепле домов своих. Как сильно действует на сердце человеческое всякое необыкновенное происшествие!.. Никто не может прийти в себя: не верят, чтоб и прочие части города могли уцелеть, когда *Подол* сгорел! Весь город настороже! Дни проводят в унынии, ночи без сна! Разные смутные молвы и слухи шатаются по пеплам и развалинам пожарищ; страхи гнездятся в домах.

Никто не помнит такого жаркого лета. Пожарам нет числа: каждую ночь с которой-нибудь стороны рдеет небо. В одном месте горят слободы; в другом пылают стога и скирды

сена. Там, на краю горизонта, сгорают леса, и пламя льется рекою. Во многих местах горят поля, и земля на аршин глубиною выгорает. Случается, что огонь, растекаясь по степям, подходит к селениям и зажигает их.— Не один Киев; сгорает Бердичев и Житомир, горит Волынь и Малороссия. Здесь, в Киеве, загораются многие домы, еще не достроенные: горят те, в которых печей совсем не топят; и такие строения занимаются огнем, в которых вовсе нет печей.

Все это подает повод к разным догадкам и сомнениям. Полагают, что есть *поджигатели;* что они составляют особого рода *секту* или *тайное общество;* что выпущены из Польши, из герцогства Варшавского, где наперсник Н⟨аполео⟩на, злобный Д⟨а⟩ву, готовит во мраке молнии для пожигания священных градов России.

Но здешнее начальство смотрит неусыпными очами. Все меры приняты; все предосторожности взяты.

Сентября 2, 1811

Вчера появилась здесь *комета.* Звезда сия необычайного вида. Думают, что она имеет собственный свет. Сия *небесная странница* усугубила страх в народе. Ее почитают предвестницею великих переворотов, кровопролитной войны. Всего естественнее жителям земли желание читать в небесах судьбу свою. Нельзя, однако ж, опровергать решительно, чтоб небеса не предуведомляли землю о грядущих бедствиях и чтобы *кометы* не были иногда предвестницами великих событий. Например: *комета,* явившаяся в день рождения *Митридата Понтийского,* от которой, по сказанию истории, часть неба горела в зареве, не предвещала ли великих пожаров военных, возжженных сим неутомимым в войне государем? — Общее гадание народа предвещает кровопролитие. Еще не угасла война на Дунае, однако ж она ничего не значит; но если воздвигнется брань от *Запада,* то брань сия будет неслыханна, ужасна!!! Прощай!

Сентября 10 дня, 1811

Пожары угасают: раскаленное небо покрывается благотворными облаками и дарит землю спасительным дождем.— Как несчастны они! бедные жители сгоревшего города!.. Целые семейства гнездятся в развалинах, в погребах; шалаши почитаются выгоднейшим жилищем. Многие роются в пепле, ища сами не зная чего!.. Сейчас писал я *к издателю Русского Вестника.* Тебе идет список с сего письма. В нем, между прочим, найдешь и *картину киевского пожара.*

ИЗВЕСТИЕ ИЗ КИЕВА

Желая описать горестную участь одного семейства в Киеве, необходимо должен я напомнить о несчастии, постигшем целый город. В Киеве, по приезде моем, вскоре после первого и ужаснейшего пожара застал я всеобщее волнение в народе, объятом ужасом. Жары не уменьшались. Днепр приметно сузился в берегах, и песчаные глыбы возвысились во многих местах из обмелевшей реки. Большая часть колодцев в городе и многие источники в окрестностях пересохли...

После пожара *на Подоле* начали загораться лучшие дома в разных местах *на Печерске*. Киев походил на обширный воинский стан. Сон удалялся от глаз напуганных жителей; в каждом доме учреждалась своя стража; едва ли одна половина жителей засыпала слабым сном, другая всегда бодрствовала. От зари вечерней до самого света народ теснился вокруг домов. Везде гремели трещотки, везде отдавались отголоски часовых. Воинские отряды переходили из улицы в улицу; уланы разъезжали дозором; и сам *военный губернатор*, генерал от инфантерии *Михайла Андреевич Милорадович*, с тою самою бдительностию, которою отличался на поле брани, нередко провождал целые ночи на коне. К усугублению всеобщего смятения расходились разные слухи насчет пожаров.

Осенняя погода и несколько дождей прохладили наконец воздух и омочили вредную пыль, которая при малейшем порыве ветра взвивалась облаками над городом. Пожары прекратились. *Военный губернатор* произнес несколько *убедительных речей* к старшинам магистратским и притом издал особенное *письменное извещение народу киевскому*, в котором объяснялись строжайшие меры, принятые начальством к предотвращению пожаров, и причины некоторых из оных. Сими спасительными средствами волнение умов несколько успокоилось.

С высоты горы, подле церкви св. Андрея Первозванного, взглянул я на опустошение, учиненное великим пожаром, и невольно содрогнулся. Там, говорили мне, среди самой населенной части Киева, *на Подоле*, начался пожар в четыре часа пополудни, и вдруг черные тучи дыма помрачили солнце и закрыли свод неба. Порывистый вихрь, кружа с собою пыль, дым и горящий пепел, уносил целые пылающие головни и разбрасывал их по всему пространству. Огненные столпы показались в разных местах вдруг, и пламя обхватило весь *Подол*. Бедствие сделалось неминуемым и всеобщим; день претворился в ночь; каждое огромное здание

представлялось огнедышащим жерлом, извергающим пламя, дым и пепел. Каменные дома горели и с треском распадались; великолепные храмы пылали; сотни малых хижин во мгновение ока превращались в пепел. Все пожарные трубы, все полицейские отряды, несколько батальонов солдат и несколько тысяч народа не могли подать никакой помощи нижнему Киеву. И можно ль было изобресть средство к спасению тогда, как пламя в виде огненной реки, почти равнявшейся в широте с самым Днепром, разливалось по всему берегу? Ветер, ударявший в гору и потом от нее отражавшийся, увлекал за собою пламя и *каждым оборотом своим* зажигал по десяти и более домов вдруг. И самый воздух казался воспламененным. Напрасно народ и войско толпились в тесных улицах, загроможденных тлеющими бревнами: *деревянная мостовая горела под ногами их; с обеих сторон пылали дома, а сверху сыпался горячий пепел. Генерал Милорадович,* известный непоколебимым мужеством своим в сражениях, ободряя жителей и поощряя войско, являлся везде, где огонь и опасность усиливались. В одном тесном переулке пламя, обойдя его кругом, опалило ему *щеку, волосы* и *мундир*. Едва мог он ускакать по горящим развалинам.

Но я уже слишком далеко отвлекся от моей цели. Киев содействием великодушного монарха в новом блеске возродится из пепла!* От ужасного зрелища киевского пожара обращаюсь к бедному семейству и осмеливаюсь изобразить плачевный его жребий сердцам благотворительным, которым внятны стоны злополучных!

Между прочими пострадавшими в Киеве от пожаров вдова*** Б** лишилась всего своего имущества. Муж ее, прослужа сорок лет в военной службе, вышел в отставку майором, но не мог насладиться спокойною жизнию, будучи обременен бедностию и *шестью ранами,* из которых некоторые, никогда не закрываясь, причиняли ему жестокую боль. Оставшись вдовою с пятью сиротами, она не имела бы где приклонить головы без великодушной помощи благотворительной *генеральши Василицкой,* которая, приглася несколько особ к пособию вдове Б**, выстроила ей домик. И сей дар благотворительности, сей приют убогого семейства превращен в пепел пожаром на *Подоле!..* Несчастная вдова Б** с пятью сиротами, из коих двое больны *продолжительною лихорадкою,*

---

* Государь император в письме своем к военному губернатору изъявляет сердечное соболезнование об участи киевских жителей, обещая оным всевозможное вспомоществование. План для возобновления Подола и для населения вновь пространства *за Золотыми воротами* уже готов.

местится теперь под обгоревшими развалинами одного здания. Узнав от кого-то из читателей Р⟨усского⟩ В⟨естника⟩, что в оном печатаются уведомления о несчастных, она нарочно отыскала меня и со слезами просила известить благотворительных соотчичей наших о ее горестном положении. Я думаю, что собственные слова несчастной вдовы будут сильнее всякого постороннего красноречия: «Я все потеряла! — говорила она, рыдая.— Бедные дети мои лежат на голой земле и просят хлеба. До сих пор, пока еще стояли жары, мы не чувствовали нужды в одежде и кровле; но осень наступает, ночи становятся холодны и дни пасмурны! Что нам делать в стужу? Чем питаться и где укрыться от дождей осенних?»

Благотворительные друзья злополучных! Читая строки сии, под надежною защитою от бурь осенних, в кругу семейств ваших, среди даров счастия, вспомните, что целое семейство, стенящее в нищете и злополучии, ожидает пищи, помощи и покрова от великодушного сострадания вашего!

ПИСЬМА К ДРУГУ,

содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зинобий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия

Часть I

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

(К другу)

Исполняю желание твое, любезный друг! — Вот разные *статьи* и *отрывки* мои, напечатанные в разных повременных изданиях. Я собрал, однако ж, только те, которые имели счастие обратить на себя особенное внимание просвещенных читателей; прочие могут покойно дремать в глубоком мраке забвения! — Но прежде отсылки статей сих к тебе я их пересмотрю: убавлю, добавлю и, сколько время и обстоятельства дозволят, обработаю. Я постараюсь притом рассказать тебе, по какому случаю, когда и где написана *какая статья*, и вот что, как я думаю, наполня промежутки, составит некоторую связь между разными *отрывками*. Вот один из важнейших по содержанию своему: *«О необходимости иметь историю Отечественной 1812 года войны»,*— начнем с него.

Частые разговоры о *войне Отечественной*, о славе имени и оружия русского, о духе народа, о мужестве войск, были поводом к рассуждениям о необходимости истории. О подвигах, совершенных за *Днепром* и *Окою*, рассуждали мы на берегах *Эльбы* и *Рейна*! — Слава России гремела в устах чуждых народов, звуки похвал их отзывались в сердцах наших,— но долго ль существует *слава дел*, не запечатленных на *скрижалях истории?* — При общем согласии в необходимости оной были, однако, разные толки, как писать *ее*? После рассуждений с просвещенными товарищами размышлял я и сам с собою о важном предмете сем. Много счастливых мыслей

приходило мне в часы трудных переходов и при кратковременном отдыхе у полевых огней. Из многих удержал я в памяти только некоторые и, пользуясь быстро мелькавшими минутами досуга, изливал их по временам на бумагу. Вот каким образом составилось *рассуждение*, которое здесь помещаю.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИМЕТЬ ИСТОРИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

(Начало отрывка сего написано было еще в Силезии до перемирия; окончание же в Москве после всеобщего мира)

Скоро, может быть, умолкнут громы брани, обсохнут поля от пролитой крови, истлеют тысячи трупов. Пожженные области начнут возникать из пепла, и раны страждущего человечества уврачуются благодатным целением мира. Война сия пройдет мимо, как гневная туча, метавшая молнии на мирные села. Скоро исчезнет ужас, но вслед за ним пробудится любопытство. Люди захотят узнать все подробности сей единственной брани народов. Всякий мыслящий ум пожелает иметь средства составить полную картину всех необычайных происшествий, мелькавших с блеском молний в густом мраке всего великого периода*. Современники, может быть, и будут довольствоваться одними только изустными преданиями и простыми записками; но потомки, с громким ропотом на беспечность нашу, потребуют Истории... «Дайте нам,— скажут они,— ясное понятие о том времени, когда грозные тучи ходили в небесах Европы, когда повсюду гремело оружие и звучали цепи; когда кровь и слезы обливали смятенную землю; когда тряслись престолы и трепетали цари!» Так будут говорить вообще все народы Европы. Но русские захотят особенно иметь живое изображение того времени, когда внезапный гром войны пробудил дух великого народа; когда народ сей, предпочитая всем благам в мире честь и свободу, с благородным равнодушием смотрел на разорение областей, на пожары городов своих и с беспримерным мужеством пожинал лавры на пепле и снегах своего Отечества. Ужели незабвенные подвиги государя, вождей и народа в сей священной

* Почтенный Александр Иванович Данилевский, в письме своем из Германии, говорит мне, что он имел случай беседовать со многими ученейшими мужами в Европе, и все единогласно требуют от русских Истории их Отечественной войны.

войне умрут для потомства. Нет! *Перо истории* должно во всей целости передать их бессмертию.

Одна История торжествует над тленностью и разрушением. Поникает величие держав; меркнет блеск славы; молва звучит и затихает. Роды и поколения людей преходят, как тени, по краткому пути жизни. Что ж остается за ними в мире? — *Дела*! Кто хранит их для позднейших столетий? — История!

О ты, могущая противница времен и случаев, вмещая деяния всех народов и бытия всех веков, История! уготовь лучшие из скрижалей твоих для изображения славы моего Отечества и подвигов народа русского! — Смотри, какую пламенную душу показал народ сей, рожденный в хладных пределах севера.

Опаленная молниями войны, утомленная трудами, покрытая ранами *Европа* видимо колебалась над бездной гибели и рабства. Изнеженный потомок древних римлян уже не напевал более песен свободы под ясным небом своей Италии. Стоны рабства раздавались в лавровых лесах ее.— Угнетенный *германец* уныло смотрел на расцветание полей, на красоту градов своих. Он вспоминал о счастии прежней свободы, как вспоминает сирота о ласках нежной матери, уже давно в земле почившей.— Один испанец тонул в крови и бился еще на дымящихся развалинах городов под страшным заревом пожаров, опламенивших отечество его.— «Что ж сделает русский?» — думали иноплеменники. А русский, послышав шум от запада текущей бури, восстал и ополчился всею крепостию своих сил.

Было на мыслях у врагов наших и то, что русский сдаст им Отечество свое без бою, но не сбылись мечты сии на деле. Сей-то обман обнаружит пред светом История. Громко посмеется она дерзким расчетам и мечтам врагов наших и достойно похвалит *побуждения*, двигавшие волею и сердцами россиян. Все побуждения сии благородны и священны.— Русский ополчался за снега свои: под ними почивают прахи отцов его. Он защищал свои леса; он привык считать их своею колыбелью, украшением своей родины; под мрачною тению сих лесов покойно и весело прожили предки его.— Русский с восхищением дышал студеным воздухом зимы и с веселым сердцем встречал лютейшие морозы; ибо морозы сии, ополчаясь вместе с ним за землю его, познобили врагов ее.— Русский сражался и умирал у преддверия древних храмов: он не выдал на поругание святыни, которую почитает и хранит более самой жизни. Иноземцы с униженною покорностию отпирали богатые замки и приветствовали в роскошных пала-

тах вооруженных грабителей Европы; русский бился до смерти на пороге дымной хижины своей.— Вот чего не предчувствовали иноземцы, чего не ожидали враги наши! вот разность в деяниях, происходящая от разности во нравах! — О народ мужественный, народ знаменитый! Сохрани навеки сию чистоту во нравах, сие величие в духе, сию жаркую любовь ко хладной родине своей: будь вечно русским, как был и будешь в народах первым! Пройдут века и не умалят славы твоей, и поздние цари возгордятся твоею преданностию, похвалятся твоею верностию и, при новом ополчении народов всей земли, обопрутся на твердость твою, как на стену, ничем необоримую! Но да не утратится ни единая черта из великих подвигов твоих! Я трепещу в приятном восторге, воображая, сколь прекрасны дела твои и в какое восхищение приведены будут поздние потомки описанием оных! — Так! нам необходима *История Отечественной войны*. Чем более о сем думаю, тем более утверждаюсь в мысли моей. Но сочинитель Истории сей должен иметь все *способности* и все *способы*, приличные великому предприятию, изобразить потомству столь беспримерную борьбу свободы с насилием, веры с безверием, добродетели с пороком.— Сочинитель Истории Отечественной войны не станет углубляться в сокровенность задолго предшествовавших ей обстоятельств. Деяния современные взвешиваются потомством. Современник, невольно покоренный собственным и чуждым страстям, колеблясь между страхом и надеждою, не может быть беспристрастным судиею. Одно время поднимет завесу непроницаемости, за которою таились все действия, предприятия и намерения дворов европейских. Происшествия спеют и только в полной зрелости своей очевидны становятся.— Люди поздних столетий яснее нас будут видеть наше время*. Они увидят страсти государей и министров, их мнения, надежды, сношения одного с другим и роковую связь всех вместе с тем, который железною десницею, по дерзкой воле страстей своих, управлял ими и судьбами их народов. Важнейшие из предшествовавших войне обстоятельств представит нам сочинитель в отдаленной картине. Там, например, на левом берегу Немана покажет он издали грозного вождя вооруженных народов, сего сына счастия, сие страшное орудие непостижимых судеб, гордо опершегося на целый миллион *воспитанных войною*. Он покажет, как сей *черный дух*, заслонясь темным облаком тайны, исполинские замыслы,

* Мы теперь, например, лучше и обстоятельнее знаем, отколе пришли татары и кто они таковы. Предки наши просто начинали летописи свои о их нашествии: «и прииде язык некий, от стран неведомых».

на пагубу Отечества нашего, в дерзком уме своем вращает.— Подробнейшие описания начнутся со дня вторжения. Не распространяясь о том, какие должен иметь сочинитель *способы*, скажем только, кто он должен быть. Сочинитель истории (1812 г.) должен быть: *воин, самовидец* и, всего более, должен быть он *русский. Сии-то три предложения следует доказать. Постараемся**.

Он должен быть воин, сказал я потому, что будет писать Историю *Войны*. Это очень естественно. Притом, как воин, будет он с тем же бесстрашием, с каким встречал тысячи смертей в боях, говорить истину потомству. Лесть, сия жительница позлащенных чертогов, страшится гремящих бранию полей. Воин не имеет времени свыкнуться с нею.

Сочинитель должен быть *самовидец*. Один только историк-самовидец может описать каждое воинское действие столь живыми красками, так справедливо и так обстоятельно, чтоб читатель видел ясно, как пред собственными глазами, стройный *ряд предшествовавших обстоятельств* каждого сражения, видел бы самое сражение, так сказать, пылающее на бумаге, со всеми отличительными и только ему одному свойственными обстоятельствами, и видел бы потом *родившиеся из оного последствия*, протягающиеся в виде неразрывной цепи от события к событию. — Сочинитель постарается возвести до высшей степени любопытство читателя, приучить его участвовать во всех происшествиях, как в собственных делах, и тесно сдружить с описанием своим. Но как успеть в сем? Описывать происшествия точно в таком порядке, как их видел, соблюдая в ходе всех дел самую точную постепенность, а в объяснении простоту и истину. Историк должен быть вернейшим живописцем своего времени. Но при описании происшествий надлежит быть и *жизнеописанию* людей, наиболее участвовавших в оных. Само беспристрастие должно водить в сем случае пером историка-живописца. Однако чем беспристрастнее и вернее таковые изображения, тем тщательнее сокрывают их от современников, а блюдут для потомков. Нет человека без слабостей, а слабости, обнаруженные прежде времени, возбуждают слишком громкий ропот страстей и вопли предрассудков. Одному только позднему потомству может вверить историк тайные наблюдения свои над совре-

---

* Может быть, современники и не найдут между собой человека, способного написать им общую историю всей войны, но сочинители *частных записок* должны, как мне кажется, иметь те же *три качества* или, по крайней мере, быть *очевидцами* и *русскими*, чтоб верно и усердно сделать свои частные начертания, которые потом сольются в общий состав истории.

менными ему людьми, и потомство приведет уже в истинную меру достоинства и заслуги тех, которые окружены будучи блеском богатств и честей и шумом льстивой молвы, никогда не являются в настоящем виде толпе предубежденных. Так, ведайте все гордо стоящие на высотах общественных отличий! Ведайте, что прилежный взор невидимого, безвестного вам наблюдателя стережет все малейшие поступки ваши. Он следует за вами в пламенные вихри браней и сопровождает вас в тишине домашней жизни вашей. Он постигает тайны совещаний и проникает во глубину сердец. Ни одно из мудрых распоряжений, но зато и ни одна из ошибок не ускользнет от проницательности его. Ваши благородные порывы и мелкие страсти у него на верном счету. Не дремлет взор наблюдателя, но глубокая тайна скрывает до времени наблюдения его. Исполненный чести и благородства *Историк* (таков он должен быть), свято уважая спокойствие общества и каждого лица, не захочет поссорить вас с современниками. Когда ж смерть отнимет вас у отечества, когда все современное вам поколение превратится в глыбы земли, когда уже некому будет ни краснеть, ни заступаться за вас, когда и сам неусыпный страж поступков ваших истлеет в скромной могиле своей,— тогда *новые*, ни лестью, ни порицанием не ослепленные люди, развернув таинственный свиток, заключающий все малейшие оттенки добродетелей и пороков ваших, узнают то, чего не ведали мы, и тогда только каждому из вас назначится приличное и никогда уже неизменное место в бытописаниях времен. Но, соблюдая многие страницы истории своей для потомства, какие ж позволит *Историк* прочесть современникам? Те, в которых заключается *общее* и самое верное изображение всех важнейших событий, из которых всякий из нас какое-нибудь в особенности заметил, но которые один только *он* вполне и совокупно представить может. Для верности сей *общей картины* необходимо умение ловить и беречь *подробности*; они-то, как ртуть, скользят в ту минуту, когда их хватаешь? Догадливый историк знает, о каких *подробностях* я намекаю. Одна *свеча, на месте поставленная*, освещает целую комнату; одна *черта*, счастливо замеченная и удачно помещенная, проясняет целое происшествие.— Накануне сражения сочинитель, обойдя стан свой, должен сводить читателя и в стан неприятельский, показать ему положение войск и расположение духа их. Оба они должны прилежно вслушиваться, что говорят простые воины у полевых огней, что шепчут генералы в шатрах своих и какие речи раздаются в темноте ночной или на утренней заре пред боем из уст главных предводителей войск. Тогда видно будет, про-

зорливое ль благоразумие или слепое счастие, дерзкая ль самонадеянность или кроткая вера и надежда в военных советах председят и решительною волею вождей управляют.— А *более всего* должен быть он русским*. Так сказал я выше и смею утверждать, что историк Отечественной войны должен быть русский по рождению, поступкам, воспитанию, делам и душе.— *Чужеземец*, со всею доброю волею, не может так хорошо знать историю русскую, так упоиться духом великих предков россиян, так дорого ценить знаменитые деяния протекших и так живо чувствовать обиды и восхищаться славою времен настоящих!

Чужеземец невольно будет уклоняться к тому, с чем знакомился с самых ранних лет, к истории римлян, греков и своего отечества. Он невольно не отдаст должной справедливости *победителям Мамая, завоевателям* Казани, воеводам и боярам Русской земли, которые жили и умерли на бессменной страже своего Отечества.— Говоря о величии России, иноземец, родившийся в каком-либо из тесных царств Европы, невольно будет прилагать ко всему свой *уменьшенный размер*. Невольно не вспомнит он, на сколь великом пространстве шара земного опочивает могущественная Россия. Вся угрюмость севера и все прелести юга заключены в пределах ее. Обширные моря на ее великом протяжении кажутся озерами. Ее столицы суть области; ее области — царства!.. Русский историк, описав, как должно, войну 1812 года, преисполнит чуждые народы благоговейным почтением к великому Отечеству нашему, показав, как оно, заслонясь сынами своими, удержало место свое на лице земном в те дни ужаса и разрушений, когда все бури брани и все оружие Европы стремилось столкнуть его в *небытие*. Тогда исчезнут, конечно, все полубаснословные рассказы, впрочем, во многих отношениях достойного уважения *Лабома*, ниспровергнутся кривые толки *Саразеня* и сами собою уничтожатся некоторые несправедливые о нас понятия *Вентурины*. Сей последний, писавши, равно как и два первых, о войне 1812 года, хотя и отдает полную справедливость мужеству русских, но по какому-то странному предубеждению довольно ясно намекает, что они не имели должного понятия ни о славе и свободе отечества, ни о святости прав народных, а сражались по слепому порыву, как *дикие* за свои *юрты*! — Подобным заключениям и толкам иноземцев, конечно, не будет конца, доколе *русский* не пока-

* Г. Меркель, издатель «*Рижского зрителя*», также в особой статье очень умно и убедительно доказывал, что историк войны 1812 года непременно должен быть русский.

жет свету величия и славы своего Отечества в верной и блистательной *картине исторической*.— «Всякий писатель Российской Истории,— говорит Великая ЕКАТЕРИНА в письме к его прев⟨осходительству⟩ Н. С. Мордвинову,— должен иметь одну цель, одно намерение, один общий подвиг, чтоб представить величие и славу России».— Кто ж лучше русского историка изобразит нам, как Россия, посыпанная пеплом истлевших городов, среди разбитых стен и дымящихся развалин, восстала в чудесной необоримости своих сил? Кто лучше изобразит пробуждение народного духа, дремавшего под покровом двух мирных столетий, и представит, как русский народ *облекался в крепость свою*, пламенея усердием к Царю и Отечеству? Каких пожертвований не сделано было? Курились города, исчезали села, пустели чертоги, посохи превращались в копья, серпы и косы в мечи. И, наконец, кто лучше русского, испытавшего столько превратностей в столь короткое время, признает *священный промысл* существа вседвижущего и всем управляющего во вселенной своей? — Русский историк не опустит ни одной черты касательно *свойств народа и духа времени*. Он не просмотрит ни предвещаний, ни признаков, ни самых догадок о случившихся несчастиях. И тогда-то в описании его увидим мы как наяву и будто в сию самую минуту, как постепенно унывает Отечество наше, как слышатся отдаленные стоны громов находящей тучи, как дивные знамения в небесах являются, как растекается тайный шепот предчувствия о будущем великом горе и цепенеют сердца людей среди мнимого спокойствия.

То же перо, которое опишет начало наших бедствий, изобразит и счастливейшее заключение кровавого позорища, когда Бог наш вступился за обиды земли своей, за разоренные храмы, за опозоренные алтари. Тогда увидим мы ясно в сей новой и необычайной картине неслыханное бегство тьмочисленных врагов по оледенелым пустыням; увидим, как гневное небо дышит на них бурями и всеми видимая десница Всевышнего ужасным мечом своим пожинает тысячи буйных глав.— Мы увидим наконец победоносные воинства наши, сквозь чащу дремучих лесов, сквозь тесноту диких ущелий, среди истлевших селений и догорающих городов, по снегам и трупам враждебных тысяч достигающие берегов Немана. Там-то небесный меч Бога-мстителя преходит в десницу Помазанника Его, Государя скромного и великодушного, АЛЕКСАНДРА I, да расторгнет им тяжкий плен окованной Европы.

Таким образом, определили мы, кажется, главные черты, которыми должны ограничиваться обязанности сочинителя

и расположение его сочинения. Сего требовал *ум*. Но теперь *сердце* подает голос свой. «Ты русский! — говорит оно историку.— Ты должен сделать, чтобы писания твои услаждали и приводили в восторг все сердца твоих соотчичей»*. Как же успеть в сем? — Русское сердце знает о том.— Русский Историк! ты видел великое торжество любви к Отечеству, видел ты древних старцев, стонавших под бременем лет и недугов, вдруг оживотворенных и подъявших меч защиты! Не видал ли ты нежных матерей, отторгавших от сердца своего ни опытом еще, ни силами не зрелых единородных сынов своих и посылавших оных, как обреченные жертвы Отечеству, в пламенеющие бури браней на тяжкую истому и неслыханные труды? Не сих ли самых юношей видел ты летевших в кровавую сечу с неустрашимостию мужей и увядавших на прекрасной заре дней своих в гремящих бурях войны? — Кому утешать сетующих отцов, неутешных матерей, рыдающих жен и невест? — Тебе, Русский Историк! предлежит священный подвиг сей: ты должен оживотворить для потомства тех, которые пострадали смертию за Отечество! — Твоя история должна вмещать в себе подвиги великих и малых, как ясное зерцало вод величественные древа и скромные кустарники, на брегах его растущие, равно в себе изображает. Да будет книга твоя памятною книгою усопших на полях битв. Возьми в пример летописателей прежних веков. Не все ли деяния отечественных героев передавали они, как святыню, позднейшему потомству? Так! вы не умерли, мужи, падшие на полях *Задонских*; не исчезла память ваша, витязи, окропившие кровию своею пустыни *Аркские*! Великие тени ваши не сетуют о забвении: вы живете в сердцах истинных россиян!..

Но скажут: как поместить все мелкие черты, все частные подвиги в истории, имеющей в виду столько великих происшествий, касающихся судьбы царств и народов? — Поучитесь сему у *Иоанна Миллера*. Описывая важнейшие события в истории своего народа, чудесные превратности в судьбах его и рисуя величественные картины швейцарской природы, он не забывает упомянуть, кто именно был первый

---

* Мне кажется, что всякий читавший великих историков, конечно, согласится, что бессмертные писания их, кроме того, что удовлетворяют вполне любопытству, приводят в восторг и умиление души и сердца. «Когда Геродот читал свою историю на *Олимп*⟨ийских⟩ играх, тогда все несчетное множество греческих народов в глубоком молчании упоевалось слушанием и гром плесканий увенчивал оное». Вот что говорит о действии истории на людей чувствительных один из лучших писателей наших, по душе и слогу, покойн⟨ый⟩ Мих. Ник. *Муравьев*.

житель какой долины, кто провел первую борозду на скатах холмов ее и кто развел в ней виноградные лозы.— Самый пламенный юноша не может описывать с таким страстным жаром прелестей невесты своей, как Миллер описывал свое отечество. И вот как должно писать отечественную историю! Так напишется история единственной 1812 г⟨ода⟩ войны. В сем уверяюсь и с удовольствием смотрю в будущее.— Уже я вижу, как проясняется сердце скорбной матери, вижу, как за слезами горести светится в очах ее удовольствие. Она раскрывает книгу и находит *имя* и *подвиг* своего сына, до смерти пострадавшего за Отечество. Какое услаждение для благородной души! Ей кажется, что смерть отреклась от прав своих, что раскрывается *могила храброго* и утешенная тень друга и любимца ее приветствует ее из блеска нового бытия.— Вот награда сердечных потерь отцов, супруг и матерей! А награда историка — благодарные слезы их! — Утешьтесь, тени падших на полях *Бородинских*, в битвах под стенами *Смоленска*, на *берегах Двины*, при *Тарутине, Малом Ярославце, Вязьме* и *Красном*! вы, погребенные в дремучих лесах польских, и вы, опочившие под чуждыми снегами в пределах дальных стран! Скоро, скоро пробудит вас глас повествователя, и вы оживете в Истории Отечественной войны.— Но будь справедлив, Историк! справедливость есть лучшее украшение повествований. Будь справедлив, не забудь еще и о тех страдальцах, которые, принеся все на алтарь Отечества, бежали от мест своего рождения, от гробов отцов своих! — Ты видел, как грустно было им расставаться с пределами родины своей; ты видел, как они, прощаясь с домами, где восприяли жизнь, лобызали, как друзей, и самые бездушные вещи, освященные прикосновением их предков. Ты видел, с каким бескорыстием, оставя богатые села, все недвижимые имущества и древние заведения, взяв только домашние иконы и грудных младенцев, с сердцем, исполненным грусти, среди шума военных бурь и воплей народа, скитались они из края в край смятенной России. Многие сожигали собственные жилища, чтобы не дать в них гнездиться злодеям. И всякий лучше хотел быть *изгнанником*, нежели остаться *заложником**. Кто исчислит пользы от сей великодушной решимости дворян? — Не забудь их, Историк! и утешь претерпевших *великие потери*, но предпочитающих всем сокровищам в мире спасенную ими честь! Не забудь

* Мужественная смерть смоленских дворян Энгельгардта, Шубина и прочих и великодушие Государя к родственникам умерших будет перлою отечественной Истории.

и тех добродушных сынов России, которые, в скромной простоте своей менее всех казавшись опасными врагам, нанесли им, однако ж, незабвенный вред. Сии мирные сыны природы, от тишины родных полей, от пения птиц домашних лесов, внезапно переступили в шум битв и свист смертей. Оратаи и пастыри сделались воинами. Оросив слезами жен и детей, оградя грудь свою крестом, беспечно и бодро шли они распивать смертную чашу с врагами, небывалыми на Русской земле. Они бились за *Веру* и *Царя*, и устояли в вере и верности. Видели они потом страны иноземные, странствовали по цветущим полям Германии и пировали победы в пределах Франции. Но среди роскошной природы, в благоухающих долинах и зеленеющих садах не утешались они сиянием чужого солнца и грустно воздыхали о снежной родине своей.— Не забудь их, Историк! — Напрасно клевета легкомысленных иноплеменников силится уверить свет, будто русские управляются одним *страхом* или *корыстию*, будто слава не есть их единственная цель. Истина, водившая пером древних летописателей наших, явно опровергает клеветы сии. Народ русский, потомок славян, привык жить славою и для славы. Нужны ль примеры? — Им нет числа! — Там, в отдаленной древности, слышим *воевод царя Иоанна Васильевича*, говорящих друг другу задушевную речь: «Не бессмертными созданы мы от Бога. Рано или поздно умрем. Но не стократно ли предпочтительнее славная смерть безвестной жизни? — Пойдем, постраждем смертию за Отечество! отдадим временное бытие за право жить вечно в памятных книгах»*. И во дни наши, в чудесном походе величайшего из полководцев чрез горы Альпийские, когда воинство наше среди всех ужасов природы, под вечным шумом падающих рек, под гремящим разрушением снежных громад, среди зияющих бездн, терпя истому, голод и нужду, сражалось с препятствиями и врагами, слышим мы последние слова борющегося с смертию юноши к будущему Историку его времени: *не забудь меня в реляции*!** Он сказал и чрез две минуты умер.— Сколько подобных сему завещаний сделано усердными россиянами, падшими в 1812 году!.. Историк! ты их *душеприказчик*: исполни последнюю волю героев бывших, и тогда история твоя родит *героев времен будущих*.

---

* Смотри летописец под заглавием: *Царственная книга* от 7042 до 7061 году.

** Егор Борисович Фукс описывает случай сей в изданной им Истории *Суворова*. Достопамятные слова, означенные мною, произнесены 22-летним поручиком Мещерским.

В заключение, кажется, должно сказать что-нибудь и о слоге.— Слог в описании событий 1812 года должен быть исполнен важности, силы и ясности. Более всего дорожить надобно собственноручными писаниями и изречениями действовавших лиц в сей войне. Позднему потомку приятно будет видеть всех их вместе, так сказать, *в общей беседе* и слышать их разговаривающих между собою *языком, обстоятельствам и времени их приличным.*— Слог грека Фукидида, римлянина Тацита и нового Тацита — Иоанна Миллера без сомнения послужит образцом. Но отнюдь не должно упускать из виду и древнего славянина Нестора, которого рукою водила сама истина: должно напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших.— Я уверен, что никто из благомыслящих читателей не подумает, чтоб рассуждение мое об истории выдавал я за образец слога, каким писать *ее* должно*. Ясно видно, что слог *повествовательный* весьма отличен от того, каким написано *рассуждение*, имеющее более вид *речи*, как бы в присутствии некоего собрания слушателей, от избытка сердечных чувств произнесенной.

Одно прилежное чтение великих писателей научает *слогу*, одно искусное подражание древним придает совершенство сочинениям новейших времен.— *Тацит* описывает *войны Германские*, мы читаем его спустя несколько веков и забываем о месте и времени. Мы видим мрачные области древней Германии и преселяемся на дикие брега *Визургиса* и Рейна. Читая о подвигах римлян, невольно сами становимся римлянами. С великим трудом вместе с ними идем *по длинным мостам*, продираясь сквозь чащу дремучих лесов. Нас застигает бурная ночь, окружают неприятели. Брега вод и холмы унизаны множеством пылающих костров, мы слышим шум и бряцанье оружия, дикие крики и песни варваров: боимся, надеемся и верим гаданиям, снам и предчувствиям. В глазах наших начинается бой. *Длинные копья* торчат из болот: сила стремит, проворство отражает их: первою обладают варвары, второе принадлежит римлянам. Болота зыблются, мосты гремят, кони и всадники падают с шумом, и треск оружия растекается далеко по необъятному пространству пустынных лесов. В пылу самого боя является *Арминий*, велик, могущ и дикообразен. Мы слышим громкий и сиповатый голос его и видим чудесные усилия храбрости. Но сражение проиграно, варвары рассеяны, и непоколебимейший из вождей их, намазав лицо кровью, чтоб не быть узнанным, бежит лечить

---

* Нашелся, однако ж, некто, который подумал это!..

раны и острить оружие во мраке неприступных вертепов для нового боя. Напротив того, благородный *Германик*, привлекая победу к знаменам своим, скидает шлем, чтоб воины лучше видели бодрость и мужество на челе его! — Прочитав *Тита Ливия*, кто не подумает, что он сам был очевидцем того несчастного случая, когда *Понтий*, полководец *Самнитский*, завлек и замкнул войско римское в ущелия Кавдийских утесов? — А прочитав *Фукидида*, я точно могу быть уверен и других уверить, что находился лично в морском сражении *афинян с сиракузцами*, при берегах Сицилии.— Я могу рассказать все подробности, описать все обстоятельства. Я знаю, что затмение луны, устрашив суеверного *Никия*, заставило его простоять *трижды девять* дней* на месте и опоздать отступлением, которое могло спасти флот и войско. Я могу пересказать от слова до слова все речи *Никия* и других военачальников; могу описать, как началось и продолжалось сражение, как, когда и какие именно расходились и сцеплялись корабли и что между тем происходило на берегу: какие чувства изображались на лицах и какие таились в сердцах зрителей — и ко всему оному могу исчислить ошибки вождей и описать последствия оных. Вот что можно узнать из нескольких страниц Фукидида и вот как писали и как умели сохранять и малейшие подробности великие историки! — Русский Историк, подражай им! но чтоб не затмить мыслей и чувств прямо русских выражениями чужеземными. Историк наш постарается изгнать из писаний своих все слова и даже обороты речи, заимствованные из чуждых наречий. Он не потерпит, чтобы слог его испещрен был *полурусскими* или вовсе для русских непонятными словами, как то обыкновенно бывает в слоге ведомостей и военных известий. Но спрашивают: где набрать довольно слов, наименований и выражений, объясняющих все разделения строев, все обороты, построения и движения войск и проч. и проч.— Отвечаем: разве предки наши, славяне и русские, не воевали, разве и прежде не было строев и движений? — Нет! говорит *история*: были войны кровавые, были походы дальние; и прежде умели русские сражаться и побеждать: для новейших построений и оборотов воинских можно и должно сочинить новые наименования**. Степенные книги, синопсисы, некоторые книги славянские, разные предания и летописи суть источники, из

---

* Древнее суеверие имело особенное уважение к числам *девяти* и *трем*.

** Знаменитый *Суворов*, любитель и любимец *великого народа русского*, поместил в одном из приказов своих 1789 года сии незабвенные слова: «В российской службе — российский язык; нужно его всегдашнее употребление *для разумения слов*. Чужестранный язык волонтерам!»

которых писатель, знающий основательно язык свой, почерпнет речения для составления *Русского военного словаря*. Таковая книга была бы подарком для отечественной словесности.— Так! слог истории, о которой мы говорим, должен быть чист, ясен и понятен не для одних ученых, не для одних военных; но для людей всякого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества. Война 1812 года неоспоримо назваться может *священною*. В ней заключаются примеры всех гражданских и воинских добродетелей. Итак, да будет история сей войны чистейшим *приношением* небесам, лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей. Да узрит в ней любопытный взор отдаленного потомства, как в ясном зеркале, весь ряд чудесных событий, все величие России и лучезарное имя того, которого великому благоразумию и необычайной твердости обязаны народы успехом сей единственной брани, да узрит АЛЕКСАНДРА Первого в полной славе ЕГО!

ПИСЬМО ВТОРОЕ

(К другу)

В конце рассуждения моего об истории упомянул я о необходимости изгнать из русского, особенно *исторического, слога* все иностранные слова и выражения. Я сказал, между прочим, что *Русский военный словарь*, объясняющий все так называемые *технические термины* (которые вовсе для незнающих иностранных языков непонятны), был бы дорогим подарком для словесности отечественной. Один из наших генералов, умеющий мыслить и чувствовать *по-русски*, предпринял составить со временем столь необходимый особенно для военно-исторических писаний словарь. Известясь о намерении его, я изложил мысли мои о сем предмете в особом к нему письме. Издатель одного из наших журналов*, назвав меня *ревностнейшим русского языка поборником* (за что я его от всего сердца благодарю), вдруг, по непонятному для меня побуждению, сделался ревностнейшим защитником *чужестранных речений* и, будучи русским, грудью стал за непонятные для

* Я не хочу назвать его имени, хотя он и не скрыл оного. Мне кажется, если рассуждать о чьих-либо сочинениях с одним только намерением вывести из того *общую пользу*, то весьма можно и должно совсем не касаться лица и даже не упоминать имени сочинителя.

русских слова. «Как аукнется, так откликнется!» — говорит *пословица*; о, следуя сей пословице, надлежало бы и мне в свою очередь, при рассмотрении возражений, наговорить множество колких слов, дать полный разгул остроумию и проч. и проч., но зная, что порицать гораздо легче, чем писать, и что *остроумие* не есть *благоразумие*, я не дам воли первому и удержу себя в пределах последнего.— Два кремня, посредством взаимного ударения, производят искру, доставляющую свет: таков должен быть и всякий ученый спор. Пример такого полезного спора показали нам недавно *два* почтенных состязателя, говоря умно и прекрасно в защиту и против *экзаметров*, употребляемых переводчиком Иллиады.— Забывать всякую *личность* и помнить только *общую пользу* — вот, по мнению моему, единственная цель, к которой приятно и должно стремиться всем истинным друзьям просвещения! — Прочтем теперь мое письмо, потом возражения издателя и посудим о том и другом со всевозможным беспристрастием.

ПИСЬМО К ГЕНЕРАЛУ Н. Н.

О ПЕРЕВОДЕ ВОИНСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

К душевному удовольствию всех, истинно любящих Отечество, известным сделалось, что В⟨аше⟩ П⟨ревосходительство⟩ намереваетесь изгнать из *воинского слога* нашего все иностранные слова и *выражения* и подарить словесность нашу важною и полезною книгою: *Словарем воинских речений*.

Конечно, время уже присоединиться и воинам к мирным защитникам отечественного слова, дабы общими силами освободить язык наш, столь же сильный и величественный, как и самый народ русский, от нашествия иноплеменных наречий.

Во все времена и у всех почти народов слава языка следовала за славою оружия, гремя и возрастая вместе с нею.

Но где во вселенной не говорят теперь о России? и где говорят языком ее?.. Имя Отечества нашего сияет славою немерцающею, а язык его безмолвствует!

Уже нет врагов на Русской земле!.. Уже истлели кости грозных тысяч, устлавших трупами своими поля от Оки и до Немана: мы свободны, мы русские, а говорим не по-русски!.. Начнем писать — и описания единственных в бытиях мира *подвигов* пестрим, засоряем словами, вовсе для русских непонятными.

Издание предприемлемого В⟨ашим⟩ П⟨ревосходительством⟩ воинского *словаря* нанесет, конечно, последний удар уже из всех пределов российской словесности вытесняемой *толпе чужеземных речений*.

Я вижу *шумную толпу* сию, уподобляющуюся в пестроте тем безобразным сонмищам, которых мразное дыхание снежных бурь и громы оружия российского, разя и стыдя, изгоняли из царства своего.

Уже знатная часть чужеязычного наброда, в бесприютном шатании своем, не знает, где найти покров. В каком постыдном пресмыкании видим мы теперь сих гордых нашельцев на Русский край!.. То взводят они очи на чертоги, в которых многие лета пировали господство свое, то вспоминают о неизъяснимой приятности, которою украшались в прелестных устах цветущих красотою русских дев; то, собрав последние силы и призвав на помощь *иноплеменное воспитание*, хотят продраться, войти и втиснуться опять в священные пределы языка нашего. Но бодрый оного страж, громом Отечественной войны пробужденный и славою ее увенчанный, *дух русский* стоит на праге с мечом. Он всеми средствами действует вдруг: иных ослепляет блеском здравого рассудка, других поражает перуном справедливого порицания, и многие издыхают на остриях колких насмешек его.— Таково теперь положение чужеземных бродяг в прекрасных областях словесности русской...

Однако многие из множества имеют еще дерзкие надежды найти себе приют и углубиться корнем в *цветущем вертограде слова нашего*.

Надежды их ободряются теми иностранными речениями, которые, пользуясь *военною суетою*, закрались, засели и укрепились в большей половине писаний о славе и победах россиян. «Как! — говорят сии темные объяснители блистательных подвигов наших,— могут ли русские обойтись без нас?.. Умели ль они воевать по правилам ратного дела!.. Имели ль понятие о порядке строев?.. Разумели ль искусство воинских движений!» *История русская*, полная дивных повествований о походах дальних, о битвах кровавых, смеется кривым толкованиям сим. *Древние летописи, степенные книги, синопсисы и хронографы,* раскрываясь, показывают нам слова и выражения, которыми за три и четыре пред сим века описывали военные дела.

Но для лучшего объяснения сказанного мною позвольте мне В⟨ашему⟩ П⟨ревосходительству⟩ представить образчик нынешнего полуиностранного слога воинских описаний и сделать потом с оного перевод. Не касаясь новейших проис-

шествий, я отхожу нарочно за 400 лет назад, выбираю некоторые обстоятельства из предшествовавших великому побоищу Задонскому и военные предприятия и подвиги древних славяно-россов описываю новым наречием полуфранцузским.

Вот пример: «Димитрий, князь Московский, делая *специальные ревии* каждому корпусу и *генеральный смотр* всей под командою его состоящей *армии*, рекомендует служащим под ним* князьям и воеводам *организировать массы* свои накануне великой Задонской *баталии*».

Эскиз реляции такого же *штиля*:

«В 6 часов пополудни неприятель учинил *форсированную рекогносцировку* на *аванпосты* россиян. Разъезжавшие впереди *обсервационные деташаменты*, также *патрули, ведеты* и *пикеты* русские, не *рискуя* выжидать сильнейшего *шока* неприятеля, в тот же *момент* свернулись в колонны и, ведая опасность *эксантрической ретирады, маневрируя* с большим искусством, под стрелами *тиральеров, ретировались (в ордер баталии ан эшекье*) к стороне Дона**, где все *массы* русские в твердой *центральной позиции консантрированы были*. Но вскоре открылось, что неприятель, не предпринимая ничего похожего на *формальную атаку*, сделал только *фальшивую демонстрацию*, для удобнейшего *обрекогносцирования позиции*, занимаемой россиянами. Отважные *партизаны* татарские сближались на выстрел к *фрунту*. Но увидя длинные линии *биваков* и великое множество густых и *тяжелых масс*, проворно ускакали назад, дабы подробно *рапортовать* о всем *главнокомандующего**** всею *кавалериею* и *инфантериею* татарскою, великого мурзу *Челубея*, для официального о том донесения Его Величеству Царю татарских орд *Мамаю*.

Тогда *Мамай*, сей обширный *гений*****, имевший *репутацию* великого *генерала* в *офансивной* и *дефансивной* войне, в искусном вождении великих *операций*, равно как****** в составлении блистательных *стратегических планов* кампаний и в изобретении *маневров* и *эволюций тактических*: — сей самый****** *Мамай*, увидя *вещи в истинном свете********, возы-

---

* Sous lui (странный галлицизм! но он употребляется в воинских писаниях наших).

** Du coté du Don.

*** По правилам русского языка следовало бы сказать *рапортовать* или доносить *кому*. Не знаю, почему ввелось в обычай говорить: *рапортовать кого*.

**** Ce vaste génie.

***** Ansi que.

****** Ce même.

******* Dans leur vrai jour.

мел совсем *иную идею о характере и талантах* полководца русского.

Димитрий же, *с своей стороны**, осмотрев внимательно *фланги* и *центр* своего *фрунта* и *сформировав* (по *генеральной диспозиции*) *аван-* и *ариергард*, обеспечив себя *секурсом,* сгустя *резервные батальоны* в *массы,* также *деташировав* разные *партии*, для разных *секретных экспедиций*, отнял сим у неприятеля все возможные *оказии турнировать, анфилировать* или *дебордировать деплоированные линии фрунта* его; а в то же самое время, чувствуя весь *авантаж* занятой им *позиции*, решился стать на ней твердою ногою** и, не переменяя дирекции, нажидать на себя *атаки* неприятельской».

Не точно ли или не почти ли так пишут у нас теперь военные донесения и проч. А как писать иначе? — скажут защитники чужесловия. Осмеливаюсь представить опыт и, если вам угодно, очень слабый опыт перевода с полурусского на *настоящий* русский.

По-русски

«*Димитрий*, князь Московский, осматривая каждое ополчение порознь и все рати вместе, увещевает князей и воевод, пришедших служить под знаменами Отечества, содержать полки и дружины свои в стройном порядке и сражаться всем вместе и заодно».

Военное донесение

«В 6 часов пополудни неприятель в превосходных силах напал на передовые караулы россиян. Разъезжавшие для наблюдения отряды, сторожевые цепи и прочие находящиеся впереди небольшие отделения войск русских, не ожидая сильнейшего натиску, сомкнулись в общий строй и, употребляя разные воинские обороты с большим искусством и ловкостию, уклонились к Дону, близ которого все российские ополчения, на выгоднейших местах, расположены были. Но вскоре увидели, что неприятель, не предпринимая ничего похожего на открытое нападение, сделал только ложный поиск для удобнейшего обозрения занимаемой россиянами страны. Отважные наездники татарские гнались до самых полков русских, но увидя пространный стан и великое воинство, в одном месте сгущенное, быстро обратились назад, дабы донести подробно о всем виденном ими начальникам конницы и пехоты, а чрез них и самому Царю татарских орд Мамаю.

---

* De son côté.

** De pied forme.

Тогда Мамай, почитавшийся человеком великого ума и приобретший славу знаменитого полководца как в оборонительной и наступательной войне, так в управлении большими движениями войск, в составлении искусных предначертаний и в изобретении различных оборотов воинских,— сей *Мамай*, получив справедливые известия о превосходном ополчении россиян, возымел совсем другие мысли о качествах и достоинстве полководца русского.

Димитрий же, осмотрев внимательно оба крыла и средину своего воинства, учредя передовое войско и *сторожевой полк* (ариергард), совокупил все запасные дружины вместе и разослал разные отряды по разным сторонам для скрытных наблюдений, чтоб совершенно отнять у неприятеля возможность окружить или обойти распространенные его строи. Сам же, между тем, видя себя на крепком и выгодном месте, решился, возложа упование на Бога, стоять на оном неуступно и, встретя неприятеля грудью, биться до смерти за честь и свободу Русской земли».

Вот перевод. Он, конечно, весьма несовершенен, но, по крайней мере, в нем нет уже ничего для русских непонятного. Восемь французских оборотов или галлицизмов и несколько десятков иностранных слов изгнаны из строк, которыми было завладели. Счастливы будем мы все, если вместе с словами успеем изгнать и дух того народа, который неся меч и цепи, опламенил и окровавил священную землю Отечества нашего!

Но уже занимается заря свободы *словесности* и *нравственности нашей.*

Скоро услышат верные сыны России, что *выступил, ушел, вырвался, убежал*, как лютый *Катилина* из древних стен Рима, сей заражавший нас пагубой дух! — Сим оканчивается мое письмо.

Теперь посмотрим, что говорит о *намерении и переводе* моем г-н *издатель**. Рассуждая о первом, он удостоверен, что сего *и в целый век сделать невозможно*. Не в век, так в два, только б сделать! Насаждая юные ветви, которые со временем должны быть величественными древами, всякий, кто имеет чувствительную душу, с удовольствием повторит

* Не перевод, а намерение важно в сем случае. Перевод мой худ? — Кто-нибудь другой сделает лучший. *Перевод* готов я сам своими руками выдать на порицание всем, кому он не понравится; одно только *намерение* (чтоб изгнать из высокого русского слога наброд низких иностранных слов), ибо намерение сие точно полезно, буду отстаивать и защищать до последней капли чернил!..

с прекрасным *поэтом*: «Не нам, так детям пригодится!» Впрочем, это еще весьма большому сомнению подвержено, точно ль нужно столь много времени, чтоб очистить *воинский слог* наш от иностранных речений. Мы имеем пред собою свежие примеры противного: давно ль говорили у нас: *триангул, сирконференция, конференция, експеримент, елемент, фермантация, проблема, стратагема* и проч. и проч.? Теперь говорят: *треугольник, окружность, совещание, опыт, стихия, брожение, задача, военная хитрость* и проч. и проч.*. «Сильное желание ускорять во всем успех!» — так говорят восточные мудрецы. Послушаем их, и чем усерднее будет желание наше, тем вернее успех.— Когда реки, после весенних разливов, в которых утопали окрестности, вступают опять в берега свои, жители ближних сел усердно сходятся очищать с полей и нив нанесенный разливом *сор*: уже нет врагов, нашедших на нас, подобно бурным водам, но во нравах и словесности остался от них *сор*, который надлежит истребить, дабы гниением своим не произвел он заразы. «*Но*,— говорит издатель,— *когда сие сбудется* (что слог наш от иностранных речей очистится), *тогда язык русский будет еще более дик, нежели ныне при помощи слов иностранных*».— «Отчего русский язык *одичает*, когда в нем останутся *одни только русские слова*? — Этого, признаюсь, я не понимаю!..» — «*Какой из иностранных языков мог обойтись в технических выражениях* без пособия *языка чужестранного*?» — так говорит *издатель*. Но где ж, скажем и мы в свою очередь, где так слепо и без всякого разбору, как у нас, принимают все иностранные слова** и часто даже те, которые нетерпимы и в собственных наречиях своих?

Рассматривая предложенный мною образец перевода с полуфранцузского на чистый русский язык, *издатель* говорит:

---

* В старину же и те из иностранных слов, которые уже давно вошли у нас в употребление и, так сказать, совсем *обрусели*, имели свои собственные наименования по-русски, например: *артиллерия* (по-тогдашнему) — *снаряд, артиллерист-инженер — розмысл, квартирмистр — становщик* и проч. и проч.

** Весьма любопытно заметить, что французы при составлении *походного российско-французского словотолкователя*, которым во время нашествия пользовались, не оставили без перевода и самых коренных наших слов, наприм⟨ер⟩: *ям, хутор, анбар, будка, каланча, городище, юрта, острог;* для объяснения каждого из трех последних принуждены они были прибегать к пространным толкованиям, чтоб сделать их вразумительными соотечественникам. Наш воевода у них назван prefet; а мы их prefet иначе не смеем назвать как *префект*. Слово *восточный* в словаре их означено oriental; а мы, слепо подражая им, говорим *ориентальный, ориантироваться* и проч. Недавно только решились у нас писать вместо *руины* развалины и никак не осмелились еще перевести *боскет, букет* и тому подоб⟨ное⟩.

«Делать генеральный смотр всей армии г-н *Глинка выражает так: осматривать все рати вместе»*. Я сказал *все рати*, применяясь ко временам Димитрия Донского*. Ныне можно сказать: *общий* смотр войск; тогда и слово *генеральный*, по желанию г. издателя, в точности выражено будет. Сделать *форсированную рекогносцировку* перевел я: напасть в превосходных силах. Издатель восклицает: *совсем не то*! Пусть и не то, да понятно! А многие ль поймут, что такое *форсированная рекогносцировка*! — Выражение сие в собственном языке своем новоприбылое: оно современно словам centralisation, démoralisation, fusilliades, mitraillades и прочим, которые, по словам одного из лучших нынешних фр⟨анцузских⟩ писателей *Прата*, приличны только *революционному лексикону*. Ужли мы все сии слова должны оставить без перевода и писать только русскими буквами: *сантрализация, деморализация, фюзильяд, митральяд* и проч. и проч.

Притом же reconnoissance forcée и на французском языке не из самых правильных выражений, ибо forcée (вынужденное) относится более *к обозрению* (à la reconnoissance), нежели к *неприятелю*, тогда как всякий разумеющий *военное дело* знает, что не обозрение бывает чем-либо вынуждаемо (forcée)**, а неприятель вынуждаем бывает дозволить себя обозреть. (C'est l'ennemi, qui est forcé de se laisser reconnoitre)***. Но чем же можно принудить неприятеля к таковому дозволению? — *Нападением* на него в *значительных силах*: вот *что и оп-*

* Не только в то, но и в гораздо позднейшее время собрание войск называлось *ратию*. Царь Борис *Годунов* учредил судовое воинство на *Оке*, и его назвали *плавною ратью:* ныне из благоговейного уважения к фр⟨анцузским⟩ *терминам* назвали бы его *флотилиею!*

** Действие сие со стороны *обозревающего* есть совершенно произвольное: он может производить оное когда захочет, может и обойтись совсем без него, если, посредством лазутчиков, достаточно разведает о положении и силах неприятеля. Открытое обозрение всегда почти бывает накануне нападения, а потому производит оное по большей части тот, кто взял *первенство* (l'initiative) *в движениях*, через которое и доставил себе возможность действовать по собственному произволу.— Слово initiative техническое: стало, должно бы, не переводя, говорить: *инициатива*; но искусный переводчик нашел ему равносильное в русском языке, а именно: *зачин*.

*** Если, сообразно с правилами фран⟨цузского⟩ *синтаксиса*, выражение reconnoissance forcée пояснить глаголом и сказать, наприм⟨ер⟩: la reconnoissance a été forcée — обозрение *было* вынуждено; и потом тоже в отрицательном смысле: la reconnoissance n'a pas été forcée — обозрение *не было* вынуждено, то само по себе и весьма ясно откроется, что forcée относится более *к обозрению*, нежели к неприятелю; а потому сие выражение столь же неправильно по-французски, как галлицизмы, означенные мною выше, неправильны по-русски. Авторы, знающие хорошо фр⟨анцузский⟩ язык, вместо reconnoissance forcée пишут une forte reconnoissance или pousser sa reconnoissance avec force.

равдывает перевод мой. Далее: *издателю* не нравится, что я вместо *ведеты* и *пикеты* сказал: находящиеся впереди небольшие отделения войск. Всякая вещь, говорит он, *должна иметь свое имя*,— против этого ни слова! *Ведеты* и *пикеты*, вероятно, и будут названы по-русски в новом *военном словаре*. Я согласен с г-ном издателем, что, поверяя одну речь другою, не совсем ловко говорить: *дежурный генерал* объехал все небольшие отделения войск вместо: объехал ведеты и пикеты; но ничуть не странно сказать: генерал объехал передовые или отводные караулы, обозрел *притины*, осмотрел конных и пеших часовых или просто *передовую цепь*. А все это будет сказано *по-русски*, следовательно, понятно для всякого! Издатель говорит: «*Свернуться в колонну* переведено: *сомкнуться в общий строй*». Что ж тут худого! Он продолжает: *Стало быть, надобно говорить: неприятель нападал общими густыми строями? (Вместо густыми колоннами.)* Не именно так, но есть случаи, когда можно сказать: «Видя, что ничего не выиграет тут густым строем (колоннами), неприятель начал действовать врассыпную». В этой речи ничего не будет странного. Военное искусство и построение *колонн* было известно гораздо прежде, нежели существовал и язык и народ французский: первое преподавалось еще в академиях *Афинских*, а последнее употребляемо было *спартанами* и имело свое имя на языках древних. Сие воинское построение с тех только пор получило название colonne, когда вошло во Францию: следственно, с переходом в Россию должно быть оно названо по-русски.— «Князь же Великий Димитрий отпусти брата своего Владимира *дорогою* на *Брашево*, а князей Белозерских *деревенскою дорогою*, сам же пойде на *Котель* дорогою». Вот как, по сказанию одного из древних летописцев, выступили русские из Москвы к Коломне, идя сражаться с Мамаем к Дону. Они шли *тремя* разными путями к одной цели (так ходят и теперь); шли они толпами, но толпами, конечно, правильными: стало быть, *колоннами*! Отыщите, как называли они тогда сии *толпы* или густые построения своего строя, и тогда у вас будет чем заменить нерусское слово — *колонна* (colonne). Донские войска и теперь называют *колонну кучею*; они говорят: стройся в *густую* или *редкую кучу*. Фрунт называют они *лавою*, а *каре клеткою*. Я отнюдь не говорю, чтобы перенимать от них сии слова, но не худо бы подражать похвальному старанию их не иметь чужестранных выражений в наречии своем: — *Формальная атака* переведено: *открытое нападение*. Издатель ставит тут удивительный знак (!). Чему ж тут удивляться? Нападение может быть и скрытое; *формальная атака* значит противное сему, а потому

ей и приличнее первое выражение.— *Фальшивая демонстрация* в переводе: *ложный поиск*. Как же иначе? Но перевод этого выражения не нравится *издателю*: он непременно хочет, чтоб мы говорили: *фальшивая демонстрация*; говорить совсем не диво, да многие ль понимать нас будут*.— *Официальное донесение — не мог выразить никак*! — восклицает *издатель*, а мне кажется, если б только захотел, то, конечно б, мог; я бы сказал: *достовернейшее донесение*; сказал бы, может быть, и еще лучше. Но я переводил не слово в слово, и совсем не с таким тщанием, как предполагает издатель, а просто, наскоро: потому, что занимался сим делом урывком от других, по службе моей, важнейших дел. Да пусть бы себе и *не мог выразить*: какая ж в том беда! Один открыл путь, другой достигнет цели. Не искусство и ученость, но только усердие к общей пользе хотел я показать: в первых двух готов уступить всякому, в последнем — никому! — Усердный русский ратник, истребив, во время нашествия, столько французов, сколько силы и способы ему дозволяли, вопиет к соотечественникам: «Искорените и последних! изгоните всех врагов из Русской земли: они разоряют и позорят Отечество наше!..» Так он взывает, и кто станет упрекать его за усердное воззвание сие? — точно то же сделал и я.— Я сделал, что мог: представил странность и неуместность французских слов в военном русском слоге, истребил несколько *галлицизмов*, одним словом: я начал, а довершить предоставляю всякому, кто истинно любит Отечество и богатое красотами слово свое.— Г-н *издатель исповедует*, как он говорит, *во всем правила свободной системы*. Он хвалит *терпимость:* кто же и не похвалит ее? Кому не мила свобода?

Но можно ль, в угождение *правилам свободной системы*, быть в *неволе* и, в угождение *терпимости*, терпеть над собою

---

* Неужли все слова, изобретенные на французских *биваках* и употребленные в их *бюллетенях*, принимать нам засвято без переводу? ... Оголодавшая французская *сволочь*, питаясь кониною в 1812 году, нашла разницу во вкусе мяса простых крестьянских и сытых господских лошадей. Первых назвали французы *коньяк;* стало, и нам говорить должно: они ели мясо *коньяков?* Сытых же лошадей называли *коньяк ранфорсе;* ужли, переводя *рапорты* их, писать: такую-то пушку везли *ранфорсированные* и простые *коньяки?* пристало ль бы вместо *доброконный казак* говорить: казак на *ранфорсированном коньяке?* — Когда донцы появились в Париже, уличные словосплетатели изобрели новый глагол: cosaquer. В некоторых отношениях он успел уже сделаться *термином техническим;* и так нам должно восклицать с ними: несчастная Франция была *козакирована* (cosaquée)!

господство?* Нет! Русские не потерпели ига татарского; не потерпели нашествия *галлов* и *двадесяти языков*; они, конечно, не потерпят и владычества чуждых речений в священных пределах словесности своей!..

ПИСЬМО ТРЕТИЕ

(К другу)

О СМЕРТИ Е⟨ГО⟩ ПР⟨ЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА⟩ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА СТОРОЖЕНКИ

«Смерть похищает лучшие растения из цветника жизни!» Еще одним добродетельным стало меньше на земле!.. Он умер, сей почтенный человек, в котором страдальцы находили подпору, которого бедные называли отцом. Имя его глубоко врезано в сердцах облагодетельствованных им; оно известно в Чернигове и пребудет незабвенным для всей Малороссии.— Почтенный *Николай Михайлович Стор⟨оженко⟩* после продолжительной болезни скончался в С.-Петербурге. Я получил известие о кончине его уже в Москве. Ты знал его, друг мой! а кто только знал сего человека, для того нечего распространяться в похвалах о нем. Я видел его на одре болезни! Тихо и спокойно склонялся он в объятия смерти!.. Он точно с таким же равнодушием готовился перейти с одра в могилу, как человек, наскучивший шумом, блеском и волнением какого-нибудь светского общества, отходит под мирный кров свого уединения для сладкого отдыха от трудов. «Сего дни врачи мои слишком много толковали промеж себя по-латыни; видно,они чувствуют, что *лампада* скоро угаснет!» Так говорил он мне незадолго до моего отъезда. А с каким лицом говорил он это — надо было видеть, чтоб почувствовать всю цену чистой совести, подкрепляющей праведника на одре его! «Посидите еще немного со мною»,— часто говаривал он, когда я, пробыв у него час или два, хотел уходить. В разговорах с ним забывал я время, место и обстоятельства. И между тем как великолепнейший из городов шумел, блистал и кружился около нас, мне казалось, что я огражден уединением

* Стыдно нам, победя французов, быть невольниками их *мод* и терпеть в словесности нашей господство иностранных слов и выражений! Великий Ломоносов, говоря в письме к графу Г. Г. Орлову о притеснении, которое уже в его время начинали чувствовать верные сыны России от иностранных пришельцев, восклицает: «Ныне настало время избавить от притеснения возлюбленный российский род!» Повторим и оправдаем слова великого мужа!

самой безмолвной пустыни и смотрю на человека, не причастного никаким приманкам счастия, никаким обольстительным очарованиям света; на человека, которого *вера* и *надежда*, в виде двух прелестных ангелов, готовы были отторгнуть от праха земного и преселить в лучший свет!

Чего только не говорили мы с ним о нашем свете... Мы говорили о роскоши и разврате, выхлынувшем из берегов своих и бурно наводняющем общества. Говорили мы о пожарах страстей, в которых перегорают все связи, тлеет основание благих нравов и разрушается благоденствие людей.— По доброте души своей и по кротости нрава он никого не осуждал, а просто только дивился заблуждениям света. Собственная болезнь нимало не тревожила его, но болезнь его вернейшего друга, его нежной супруги, которая, просидев несколько ночей сряду без сна над его постелью, впала в жестокую горячку, сильно возмущала дух его в последние дни жизни.— Он имел, однако ж, и свои минуты сладчайшего восторга. Тогда удовольствие вливало в него новую душу и догорающая свеча жизни пылала яснее! — Я был свидетелем сих минут. А чтобы привести и тебя в восхищение, то стоит только рассказать, что было причиною оных.

Ее Величество императрица МАРИЯ ФЕОДОРОВНА, уже с давных лет слывущая *земным провидением* вдов и сирот, благословляемая сердцами тех и других, ныне явно открывает себя покровительницею добродетелей, нравов, дарований и даже коренных обычаев народа русского, народа, умеющего обожать государей, его любящих.— Наслышась о добродетелях *Николая Михайловича Стороженки*, о любви к нему всех жителей Черниговской губернии и услугах, оказанных им обществу и Отечеству, она тотчас обратила особенное внимание свое к сему почтенному россиянину. Граф Михайло Андреевич Милорадович возвещал почти каждый день болящему другу своему какое-нибудь ласковое слово Государыни. «Представь, друг мой,— говорил он,— сего дня Императрица с неизъяснимою прелестию одной только ей свойственной приветливости спрашивала меня о твоем здоровье. Она даже входила в подробности болезни твоей!» В другой раз он говорил опять, входя с веселым лицом: «Знаешь, что мне сказала Государыня сего дня? Что ты будешь верно здоров! Она узнала от лекарей, которым велела доносить себе о твоей болезни, что ты прибрал наконец себе кушанье по вкусу!» — «Боже! — восклицал больной,— чем заслужил я к себе такое милостивое внимание Матери народа?» — и в сию минуту все чувства его цвели несказанным удовольствием. «Покойник был честолюбив!» — скажут легкомысленные светские *умники*,

привыкшие толковать все в худую сторону. Нет, милостивые государи! он имел только одно благородное честолюбие и никогда не дозволял ему превращаться в страсть, пожирающую сердца, воспаляемые ею. Но милосердному Провидению угодно было устроить сердце человеческое так, что ему всегда приятно внимание, приятно слово благоволения от того, кто правит судьбою общества или только собственной его. В младенчестве тешит нас лишняя улыбка отца или матери; в юношестве одно ласковое слово учителя доставляет целый день удовольствия; в зрелых летах внимание благоразумного начальника крепит на трудном поприще военном; а *внимание Государя* заставляет жертвовать всею своею кровью, всеми радостями жизни и бросаться в объятия смерти с жаром юного жениха, летящего к невесте своей.— На сей *тайне* сердца человеческого основывается власть управляющих народами и сим единственно поддерживается правление самодержавное.

«Для одного только желал бы еще выздороветь,— говорил больной,— чтоб, посвятя все дни, все часы жизни моей на пользу Отечества, оправдать внимание ко мне Императрицы». Он не выздоровел, но прежние его дела награждены; но добродетель смелее пускается в борьбу с пороком, видя себя ободряемою, и кем же ободряемою? — Владычицею народа! «Если хотите искоренить из народа вашего разврат, вредные страсти и все внедрившиеся в нем пороки, то отличайте *добродетель*; не взирайте ни на породу, ни на богатство, сии два ложные права к преимуществам в обществе, но, уважая *дарования разума* и *сердца*, цените превыше всего услуги, оказанные Отечеству!

Не подавайте богатству повода гордиться — пустым даром фортуны — своим золотом. Отвращайте взор от пышной одежды, скрывающей порок, и с благоволением смотрите на рубище, сквозь которое блещет добродетель. Сим единым средством пресечете вы роскошь в самом корени ее; сим истребится дух корыстолюбия. *Люди* нашего века исцелятся от неутолимой жажды к деньгам, за которые теперь жертвуют всем и которые становятся для них необходимы для того, чтобы блистать в обществах и при дворе!» Так говорит Велизарий Юстиниану или в лице его государям всех народов и всех веков.— Прекрасные слова сии, которыми восхищались мы прежде только в книге, теперь сбываются на самом деле. Добродетель нашла верное себе убежище в чертогах наших государей, где благочестие нравов и прелестная простота в образе жизни уже становятся блистательнейшим примером и вместе самою разительною укоризною для всех, в рос-

коши утопающих! Вот тебе, друг мой! описание кончины добродетельного мужа; прости мне отступления, к которым увлекся невольно! — Наконец, чтоб испытать еще более терпение твое, прилагаю и длинные *стихи* на смерть покойного. Но они излились пламенным потоком из сердца моего. Я не имел времени ни осмотреть, ни обработать их, а посылаю так, как они вышли из-под пера. По причине недавней разлуки моей с покойным я так живо себе его воображаю!.. не только воображаю, но, кажется, вижу, чувствую и осязаю его! Посему-то я и представляю в стихах сих описание кончины и прочего, как будто сам все сие вижу наяву.

НА ПЕЧАЛЬНУЮ КОНЧИНУ Е⟨ГО⟩ ПР⟨ЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА⟩ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА СТОРОЖЕНКИ

Отколь несется звон унылой
Чрез пышных град, где, жизнью полн,
Цветущий бодростью и силой
Народ, в подобьи бурных волн,
Кружится в вихрях треволненья?..
Отколь печальны слышу пенья
И смерти глас сквозь жизни шум!
На брег Невы, во льдах стесненной,
В храм, дивный зодчеством, Священный
Иду, исполнен грустных дум.

* * *

Что зрю меж сумраков печальных?
Как звезды в тверди, вкруг огни!..
Над кем стон песней погребальных?
Чьи смерть, как злак, скосила дни?
На мраморном помосте храма
Чей гроб, в куреньях фимиама,
Во сребряном дыму кадил? —
Там лик синклита в облаченьи,
Там пышный сонм вельмож в смятеньи,
Там славный в бранях вождь уныл!

* * *

Ты ль, Стороженко! ты ль во гробе,
Отец несчастных, бедных друг?
Рабом ни зависти, ни злобе

Твой не был благородный дух:
Он цвел, как вешний день прекрасной!..
Ты с совестью спокойной, ясной
Не ведал бурь страстей, тревог.
Одну любя лишь добродетель,
Был втайне людям благодетель;
Но тайну дел твоих знал Бог!

* * *

Давно ль — о сладкие мгновеньи! —
Я при одре твоем сидел
И, в трудном с недугом бореньи
Тебя я зря, речь сладку вел
С тобой в беседе невозвратной
О жизни бурной и превратной,
О том, сколь сей мятежен свет,
Сколь поприще честей опасно,
Сколь тратим в жизни дней напрасно,
Стремясь за счастьем в вихрь сует?..

* * *

Давно ль твои сужденья здравы
Всему давали точный вес?
Давно ли, зря растленны нравы,
Ты рек: «Знать, гнев еще небес
Не исцелил нас от пороков!
Каких нам новых ждать уроков?..
— Давно ли в бурях Бог гремел?
Давно ли рока произволы
Шатали царства и престолы
И мир подсолнечной бледнел?

* * *

Давно ль меж нас ходили войны;
Давно ль оружья и огни
В мятежны времена, не стройны,
И в полны слез и крови дни
Смятенну обнажали землю? —
Нигде раскаянья не внемлю,
Ни в чем не вижу перемен,
Хоть раны зрю везде глубоки!
Из пепла встали те ж пороки!..
О, сколь страстей ужасен плен!!!»

* * *

Смотря людей на заблужденьи,
Давно ли так ты рассуждал?
И в лютой скорби в истомленьи
Еще мгновенно оживал,
Как венценосныя Царицы
(В ком счастье сироты, вдовицы)
К тебе склонялся кроткий взгляд:
Сколь нива, жаждой утомленна,
Дождем прохладным напоенна,—
Столь ты вкушал тогда отрад!..

* * *

Но ах! надолго ль скорбь смягчалась?
Не долго дух твой ясный цвел:
Под ложем смерть твоим скрывалась;
Над сердцем тяжкий час висел!
Нет! ты не умер в содроганьи,
В порывах, в стонах и в терзаньи,
Не воздымалась грудь, горя.
Люта смерть грешных и лукавых,
Без воплей жизнь отходит правых:
Ты стих, как на небе заря!

* * *

Но что! — теряясь в размышленьях,
Какой вдруг внемлю плач и стон?
В слезах, в терзаньи и в мученьях
Кто смерти там клянет закон?
От ней ничто не оборонит!
Полжизни здесь своей хоронит
С супругом верная жена:
Стон смолк; но с поздними часами,
В немой беседе с небесами,
Вновь скорбна, мрачна и грустна.

* * *

Не сетуй, нежная супруга!
Не лей, скрываясь, горьких слез:
Ты здесь оплакиваешь друга,
А друг твой к радостям небес

Парит в надзвездный мир высоко!
Не знает ум, не видит око
Тех благ, которые Творец
Готовит нам в странах безвестных:
Там в злате солнц, в зарях небесных
Цветет для праведных венец!

* * *

Ужель помыслить нам возможно,
Что для земли мы рождены,
Для мира, где все тленно, ложно,
Где все страстям покорены;
Где смертный, чувством благородный,
К коварствам, к низостям несродный,
Всегда унижен и забыт
За то, что прихотям порока
Почтенья не дает глубока
И знатным лестью не кадит.

* * *

Нет, нет! есть мир иной, мир вечной,
Где нет разврата, крови, слез,
Где самый тихий глас сердечный
Пред воплем гордых перевес
В Суде Творца людей — имеет.
Посмотрим мы, как там посмеет
Надменный кротких попирать;
Богач — ругаться нищетою,
И пышность, с ризою златою,
Убогих прахом заметать!..

* * *

Посмотрим!.. наши все надежды
В том мире обрести покой.
«Где ж мир тот?» — Смолкните невежды!..
Доколь железною рукой
Судьба не свергнет вас в могилы;
Сознайтесь! — есть нас выше силы:
Вселенной правит Бога перст!
По мере, по красе деяний,
Должны мы чаять воздаяний:
Чрез гроб — двоякий путь отверзт!

* * *

Твой дух, муж правый, добрый, честный!..
О, Стороженко! сирых друг!
Парит по высоте небесной
В неведомый для смертных круг.
Там вихрятся миры несчетны,
Пылают солнца искрометны...
В златые, звездные страны,
Чрез огнезарную дорогу,
Твой дух грядет на лоно к Богу,
А прах почиет близ Десны.

* * *

Быть может, в некий час свободный
Я посещу гроб мирный твой
И вновь, муж редкий, благородный!
Возвышу, в честь добра, глас свой
Над тихою твоей могилой:
Да все надменны саном, силой,
Кому подлунной тесн предел,
Узрят к добру певцов почтенье.
Власть, сила грозных,— лишь мгновенье!
В веках исчезнут — их удел!..

* * *

О, даруй мне, Творец вселенной!
Да в бурном вихре дней моих
Не совращусь с стези священной
И дел и помыслов благих!
Да ввек пою добру и чести!
Да ввек во мне не узрят лести
Ни на устах, ни под пером!
Когда ж с толпой льстецов смешуся,
Пороку в злате поклонюся:
Пусть разразит весь дар мой гром!

* * *

Блажен, кого добра с путями
Ничто не сильно разлучить:
Не связан чуждыми страстями,
Кто может правду говорить

Царю, народу и вельможе!..
Свобода чувств всего дороже!
Клянусь петь только о добре,
И счастлив, коль мои негромки
Услышат пения потомки,
Как глас свирели на заре!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Санкт-Петербург

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О ВЫСАДКЕ НАПОЛЕОНА

Перенеси себя мысленно в страну, огражденную тишиною, вообрази прелестное местоположение, где множество людей, вызванных сиянием прекрасного весеннего дня, спокойно наслаждаются прогулкою, где все поет, цветет и утешается... Вдруг набегает туча, врываются вихри, исчезает тишина, окрестности стонут и сердца цепенеют... Вот слабое подобие того смятения, которое произвело вчера неожиданное известие о высадке *Наполеона.*— Души опечалены, умы поражены!.. Разные слухи, одни других неосновательнее, одни других смешнее, летают по домам, порхают по улицам и, чем больше в народе носятся, тем невероятней становятся. *Одни* говорят: «Он призван войском и народом — не идет, а летит к Парижу». *Другие* уверяют, что одна дерзость привела его к берегам Франции, а надежда осмелила вступить на оные. То разнесется слух, что его ловят, то вдруг прослышится, что уже поймали!.. Известно, однако ж, за верное, что он пристал у *Антиба* и мимо *Канна* и *Сета* пошел на *Грасс* и, кажется, пробирается к *Греноблю*, между тем как многие уверяют, что он уже близ *Лиона*! «А много ль с ним?» — спросишь ты. Его дерзость, его счастие и сотни две удалых голов!

P.S. Все европейские государи двинули войска свои к пределам Франции. Говорят — и говорят без умолку, — что и гвардия должна выступить на днях. Все готовятся! Опять в поход! Прощай!

(Спустя несколько дней)

Он не дремал на Эльбе и, кажется, на *острове* сем гораздо был умнее и деятельнее, нежели на берегах соименной ему реки*.

---

* Это относится к неудачным военным действиям *Наполеона* на *Эльбе* с 1814 года.

Недаром еще в январе начали расходиться разные молвы и слухи... Я перечитываю мысли его, появившиеся, как говорят, в Риме и дошедшие потом к нам. «Хитрость и сила,— говорит он,— делят между собою добычу света. Если бы по гласу Божию раскрылись сии раскрашенные гробы (сердца людей нашего века), то люди с ужасом стали бы убегать друг друга, ибо гнилой воздух нравственного тления поразил бы их, как моровое поветрие!» Какие жестокие истины! и как странно слышать их в устах Наполеона.— Вдруг заговорил он гласом грозного пророка: «Буря революции, поднявшаяся над Франциею, нагонит мрачную ночь на всю Европу, и только тогда, когда природа истощит горючие вещества свои, прекратится гром и наступит ясный день». Мысль поразительна, но не совсем нова. «Когда кончится революция?» — спросили однажды у Мирабо. «Когда обойдет весь свет!» — отвечал он. Сколько бед натворит сия всемирная путешественница, если слова его сбудутся. «Свет,— говорит Наполеон,— не может быть иначе спасен, как *кровавою банею*, которая омыла б его грехи. Только ужасная буря может очистить ядовитый воздух, который носится над Европою». К сим точно *апокалипсическим* выражениям следует только прибавить: *имеяй уши слышати, да слышит!* Огромная скала, внезапно обрушившаяся, едва ль производит падением своим такое волнение в тихих водах, какое произвел теперь *Наполеон* во всей Европе.— Итак, по милости *его* опять война!.. Опять станем, как говорится в русских сказках, *париться в бане кровавой мечами булатными*.

P. S. Гвардия ожидает похода, но не так еще скоро. Полки будут выступать один за другим. Граф сбирается в Павловск; думаю, что и я увижу эту прекрасную обитель Государыни.

ПИСЬМА К ДРУГУ

О ПАВЛОВСКЕ

Мая 20. Г. Павловск

За несколько пред сим дней ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ МАРИЯ ФЕОДОРОВНА изволила переехать с Великою Княжною АННОЮ ПАВЛОВНОЮ и всем своим двором из С.-Петербурга в Павловск. Тут обыкновенно в весеннее и летнее время наслаждается она теми удовольствиями, которые неизвестны в столице. Удаление от шумного города, мирная жизнь и здешняя природа, преобра-

зованная и украшенная благотворительностию Венценосной Попечительницы своей, доставляют ей простые, чистые, но для нежного и чувствительного сердца ничем не заменяемые удовольствия.

Сего дня граф М. А. для засвидетельствования своего глубочайшего почтения Государыне поехал в Павловск и взял меня с собою. Мы выехали рано поутру. С большим вниманием смотрел я на плоское пространство, около дороги лежащее. Небольшие лесистые холмы и болотистые долины покрывают его; картинных видов почти нет. Невольно предавался я мечтам о прошедшем; пасмурная погода питала мечтательность мою. Я заглядывал века за два назад и видел угрюмую дикость сих мест. Мрачны были леса, покрывавшие страны сии, пространны и топки болота, в которых они утопали. Печальные области уныло дремали в густых туманах. Нева, прекрасная дочь сердитой Ладоги, невесело текла в пустынных берегах своих к морю Варяжскому. Убогие хижины рыболовов, рассеянные при шумных порогах или на берегах пространных озер, составляли все население того времени.

С небольшим за 100 пред сим лет посетил пустыни сии человек необыкновенный. Он полюбил брега Невы и соорудил на них великолепный град; коснулся лесам — и мрачность их исчезла; пожелал — и блата иссохли: развернулись зеленые долины, водворилась жизнь, зашумела деятельность, торговля созвала людей; явились нивы, сады, и зацвели пустыни. Первый именем и великий делами был первым и великим преобразователем стран сих. Он основал столицу; потомки его украсили окрестности оной.

Блаженной памяти Государь ПАВЕЛ I, проведя многие лета молодости своей в Павловске, положил первые основания строениям, заведениям и садам сего места. До 1780 года пусты и скучны были берега Славянки, украшенные ныне всеми дарами природы и искусства.— Написав строки сии, спешу, несмотря на ненастье, взглянуть на здешние сады.

⟨Мая⟩ 21. С.-Петербург

Я пробежал прекрасные зеленые долины, видел чистые стройные рощи, видел текущие, брызжущие и падающие воды, слышал журчание ручьев и шум водопадов; встречал храмы, домики, беседки, хижины и пустыньки; видел урны, памятники и ряды статуй; словом, я видел сады в Павловске. Не роскошью и великолепием, одною благородною простотою украшены места сии. Скоро граф поедет провожать высту-

пающие в поход полки. Мы будем опять в Павловске, и я надеюсь рассказать тебе несколько приятных подробностей о нем.

⟨Мая⟩ 23. Павловск

Под мрачным небом гуляю с ясною душою. Мелкий дождь туманит воздух; по временам падает снег; птички молчат, луга скучают. Но в прекрасных садах сих, где все питает ум, нравится вкусу и пленяет сердце, и в самое ненастье гулять весело.

Сейчас ходил я в так называемый *розовый павильон*. Это одно из любимых мест обладательницы сей страны. Песчаная дорожка, извивающаяся между пространных зеленых равнин и прекрасных рощиц, ведет к прелестному садовому домику, окруженному множеством розовых кустов. Я думал, что там встретят меня гордые привратники, облитые золотом, и не вдруг захотят удовлетворить любопытству безвестного странника. Я полагал, что в домике сем найду все, что роскошь и мода имеют пышного и блестящего. Но, друг мой! нигде так приятно не обманывался я в предположениях моих, как здесь, и никогда не был так доволен обманом своим, как теперь. Прихожу — и вместо гордых стражей нахожу двух добрых израненных солдат, которые с удовольствием отворяют мне двери и с приветливою заботливостию спешат показать все любопытное. Вхожу — и вместо блесков роскоши и вычуров моды нахожу украшение, несравненно их превосходящее,— нахожу очаровательный вкус и благородную простоту. ГОСУДАРЫНЯ отделала домик сей по вкусу и сердцу своему и в приятные летние вечера наслаждается тут тихою беседою избранных людей и утешается красотами природы при ясной в небесах луне, под шумом падающих вод, в благоухании цветущих роз.— Тут нет, как я сказал, предметов роскоши, но есть вещи драгоценные: тут увидит любопытный прекрасные картины, поднесенные русскими художниками покровительнице их; увидит чудесные опыты вышивания шелками: это дань сердечной признательности воспитанниц института и Смольного монастыря. Они повергли их к священным стопам общей *Матери* и покровительницы своей. Впрочем, я бы желал привести сюда поклонников моды, богачей наших и указать им, как все просто и мило в обители ГОСУДАРЫНИ нашей*. Обыкновенно говорят: пусть государи покажут

* И в самых дворцах ИМПЕРАТРИЦЫ разорительная пышность места не имеет. Все уборы (мебели) прекрасны, прочны, но не новомодны. Какая разительная укоризна для тех, которые живут и проживаются для мод!!!

пример умеренности и простоты в жизни,— подданные охотно последуют им. Конечно, государи для народов своих то, что отцы для их семейств. Так спешите ж вы, которые, по крайней мере, каждые десять лет перестроиваете домы свои, каждый год переменяете украшения оных, всякий месяц шьете новые платья для себя и каждую неделю, а часто и каждый день, покупаете уборы и наряды для жен своих; вы, которые позволяете алчной *моде* поглощать все доходы родовых имений ваших и с благоговением повинуетесь произволу модной торговки и ножницам иностранного портного,— поспешите взять похвальный пример: он готов для вас в священной особе ГОСУДАРЫНИ вашей и достойном подражания образе жизни ее.— Здесь (в розовом павильоне) все на своем месте; везде порядок, чистота и опрятность, тут есть небольшая русская библиотека; поставлено фортепиано и каждый день кладутся новейшие журналы и ведомости на особом столе для приходящих. Но что пишут в этих книгах, что хранится в этих прекрасных ящиках? Открываю и вижу много знакомых и незнакомых почерков, вижу прозу и стихи. Великодушная ГОСУДАРЫНЯ позволяет всякому, кто бы он ни был, изливать тут чувства и мысли свои на бумагу. Все, что напишется, кладется тут и в свое время удостоивается Высочайшего воззрения.— Я нашел здесь прекрасные стихи знакомого мне поэта Ф. Ф. Кокошкина, но больше всех понравилось мне приветствие ГОСУДАРЮ АЛЕКСАНДРУ, написанное одним из известнейших любителей отечественного слова и любимцем русских муз Юрием Алек⟨сандровичем⟩ Нелединск⟨им⟩. Рассказывают забавный анекдот. Кто-то написал: «В прекрасном розовом павильоне все хорошо и всего довольно, только жаль, что недостает фортепиан!» Чрез несколько дней строки сии были прочитаны — и фортепиан явился в павильоне.— По этой одной черте можешь судить о снисходительности Великодушной Повелительницы сих мест!

Павловск

Как они услужливы, приветливы, добрые раненые солдаты! как ласково всякого встречают, с каким удовольствием отворяют домики, храмы, беседки! как проворно перевозят чрез речки на паромах и плотах! Вся их должность состоит в этом.— А сколько, ты думаешь, здесь раненых солдат? — 2000! Этого недовольно: милосердная ГОСУДАРЫНЯ берет еще третью тысячу на собственное свое попечение. Они все сыты, одеты, обласканы и получают хорошее жалованье. Вот еще пример для богачей: пусть всякий также возьмет по

нескольку инвалидов. Они будут стражами его лесов, садов, надзирателями полей, сельских работ и проч., а он постарается успокоить защитников его спокойствия, верных слуг его отечества,— и тогда уже не так, как теперь, необходимы будут нам инвалидные дома, которыми по справедливости восхищались мы в чужих землях.

Павловск

Милость ее придает крылья ногам их! Надобно видеть, как они стараются угодить своей ГОСУДАРЫНЕ, с каким усердием стерегут вверенное им и с каким веселым лицом и с каким простосердечным восторгом говорят о милостях и щедротах ее. А знаешь, как *они* (все инвалиды сии) называют ГОСУДАРЫНЮ?.. *Матушкою...* Они говорят: «Сегодня *Матушка* гуляла там-то, а завтра сюда придет».— «Вчера,— говорил мне один инвалид,— *Матушка горько плакала*, отпуская солдат с молебном и с хлебом и солью в поход!» Они все, как сговорились, иначе не называют ее, как Матушкою.— Друг мой! пусть беспристрастие положит на весы свои с одной стороны все громкие титулы царей, раболепием и лестию изобретенные, а с другой — сие простое выражение невинных сердец: последнее перевесит.

Павловск

Сегодня был здесь дивизионный лекарь Аренд, остававшийся в Париже с больными. Только шесть недель, как он из Франции: это недавно! Рассказы его о прибытии Бонапарта в Париж и о расположении умов во Франции хотя не совсем новы, но довольно любопытны.

По всему видно, что Бонапарт призван не общим голосом народа, но шайкою заговорщиков. Не сердечная радость честных граждан, дикие вопли уличной черни встретили его. С прибытием Бонапарта весь Париж, так сказать, *расщепился на три части*. Одна, самая меньшая, осталась верною королю; другая предалась пришельцу; а третья просит республики. Войска, не обузданные в дерзости и страстях, пристали к бывшему атаману своему. Они громко кричат везде, что одна война может питать Францию: «La querre seule peut alimenter la France!» Хорошая пища для народа — война! Но Наполеон, зная вкус своих кровопийц, потешил их тотчас надеждою на войну и грабеж. На другой же день по прибытии в Париж он сделал смотр пешим войскам и, бегая по рядам, кричал: «Allons, mes enfans, allons, cirez vos bottes; nous allons conquerir la Belgique!»

После смотра тотчас высылали полки из города за границу.

Дворяне, духовенство, купцы и все благомыслящие граждане не терпят своих военных. «Эти люди,— говорят они,— ничего не имеют с нами общего, кроме наречия. У них нет ни Бога, ни отечества, ни родства, ни святыни; они также охотно будут грабить свою землю, как и чужие. Великим благодетелем почли бы мы того, кто бы истребил сих извергов, кто бы избавил нас от сих питомцев разврата, от сих разбойников, говорящих по-французски!» Так говорят лучшие люди во Франции. Аренд слышал это своими ушами.— Удивительная пестрота в понятиях, речах и в одежде видна теперь в Париже. Королевская сторона вздыхает, хвалит ум и поведение своего Государя и носит *белый цвет*. *Якобинцы* шумят, поют республиканские песни, бранят короля, грозят Наполеону и присвоили себе красный, или кровавый, цвет. Наполеонцы готовятся к войне, грабежу, беспрестанно просят вина и денег, кричат: «Да здравствует великий Император!» — и носят трехцветные банты.— Фуше и Карно — начальники якобинской стороны. Они хвалятся, что *взнуздали тигра*. Первый, как министр полиции, не исполняет часто многих приказаний Наполеоновых, говоря: «Император врет!» Стало быть, это уж не тот Император, что был!.. Теперь даром безделки взять не смеет. Понадобилось 30 000 лошадей, и г-н Бонапарт за каждую заплатил готовыми деньгами по 500 франков; одна эта покупка стала ему 15 000 000 руб⟨лей⟩. Бонапарт совсем промотался; просит денег, никто не дает взаймы. Одни изменники маршалы покамест его ссужают. Все государственные сокровища увез король.— Власть Бонапартова очень нетверда, основание ее шатко. Он всеми способами старается льстить черни и по зову ее тотчас выказывается из Тюильрийского дворца, как кукла из футляра. Несколько голосов закричат на улице: «Да здравствует Император!» — и Наполеон у окна: кланяется, смеется, дерет Бертрана за ухо и старается забавлять чернь, величая ее великим народом. В это время полиция обыкновенно рассыпает народу сему мелкую монету, чтоб больше кричали. Но *роялисты* часто строят забавные шутки. Кто-нибудь из них вместо меди бросит горсть червонцев и закричит: «Vive le Roi!» — вся сволочь тотчас к золоту и повторяет: «Да здравствует король!» Наполеон за это бесится, но не кусается: он взнуздан!.. В ожидании войны они царапаются между собою. Желая отличить, почтить и потешить тех 600 человек, которые сопровождали его на Эльбу, Наполеон поместил их в прекрасных домах, на лучшем содержании и велел написать на воротах: Quartier des braves — жилище храбрых. Но это отличие до-

рого им стало. Солдаты старой гвардии осадили дома сии и начали дразнить и вызывать эльбских пришельцев на бой. «Оправдайте надпись свою,— кричали они.— Выдьте и покажите нам, в самом ли деле вы храбры». Это обстоятельство было причиною множества поединков. Случалось так, что десять человек выходили против десяти, стреляли друг в друга или рубились и кололись. Принуждены были снять надпись: Quartier des braves.— По всему этому не ясно ли видно, что Наполеон уже не хозяин у себя в доме?

Нет ничего легче, как обмануть французов! Бонапарт это очень знает и не упускает случая пользоваться сим. Представьте, что он уверяет народ, будто бы союзные государи ему друзья! Он уверяет, будто те самые отцы народов, которые знают и убеждены, что слова: мир и Наполеон — так же между собою противуположны, как свет и тьма, готовы признать теперь беглеца и дерзкого нарушителя договоров и прав общественных! Неудивительно: *новость* есть пища и приманка французов. Забавляй и обольщай их *новыми игрушками* — и они поют, смеются и утешаются... Оттого-то Петр Первый назвал их *шалунами*. И сии шалуны думают, что вслед за Наполеоном войдут в храм славы и будут бессмертны в истории. История, как верное зеркало, конечно, изображает в себе и добродетель и порок, но первую ожидает хвала и благословение, а последнего проклятие потомства!.. Да на что ожидать суда позднего потомства; уже по сю пору начинают люди выходить из заблуждения; уже видят, что жена не едет к мужу, что тесть не посылает вспомогательных войск зятю; уже слышат шум оружия целой Европы; уже видят, как новые тучи облегают со всех сторон небо мятежной Франции: видят сие французы, предчувствуют близкое горе и оставляют Париж и спешат уехать из Франции; а те, которые остаются, крепко приуныли. В Кале в театре г-н Аренд был свидетелем того, что там и во многих других городах случается почти всякий день. Военные закричали: «Да здравствует Император!» — а граждане: «Да здравствует мир! Vive la paix!» Одни старались перекричать других, и вышел страшный шум. Наконец префект встал с места и сказал, обращаясь к офицерам: «Государи мои! Вы здесь гости, а мы хозяева. Предоставьте нам прославлять то, что нам приятнее и милее. *Мир* всего более необходим для Франции. Если *мир* и *Наполеон* могут означать одно и то же, мы охотно закричим: да здравствует Наполеон! Но между тем и другим такая же разница, как между днем и ночью; а потому мы просим *мира*: раны отечества нашего требуют целения его!» Генерал хотел было посадить *префекта* под стражу; однако народ разогнал солдат

и освободил начальника своего. *Пикардия, Вандея* и многие приморские города преданы королю. Но Альзас, неблагодарный *Альзас*, который войска наши щадили и берегли, как свой родной край, сей *Альзас* жертвует всем для Наполеона и вместе с Шампаниею усердно ополчается за злодея! — Когда г. Аренд с товарищами садился на пакетбот в *Кале,* жители, бросая шапки вверх, кричали им: «Прощайте, добрые русские, до свидания! Привозите нам скорее *мир*, торговлю и покой!» Не успели удалиться от берега, как матросы сорвали с ругательством трехцветный флаг и распустили белый. «Иначе,— говорят они,— честные люди нигде не примут нас. Там, на земле, мы действуем согласно с повелением *военной силы*; а здесь, на море, соглашаемся с сердцем. Да здравствует Король! Да процветают лилии!» — был общий их крик. Вот каково теперь там!.. Должно согласиться, что *Наполеон* есть *заноза Франции*. Извлеките ее, и тело государственное еще может ожить и оправиться. Оставить занозу в теле — оно истлеет антоновым огнем!..

Павловск

Я видел прекрасный памятник, воздвигнутый в бозе почивающему ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ I венценосною супругою его.— Изваяние чудесное! Жена, облеченная в порфиру, в неутешной скорби преклоня венчанное чело свое на урну, горькими слезами обливает ее. Скорбь ее беспредельна и сетование чрезмерно: кажется, что с прахом усопшего погребла она все свое счастие и часть самой себя предала тут земле. Глубокая скорбь тесным союзом сочетала плачущую с прахом оплакиваемого! Утро, улыбающееся в небесах, застает ее в горести, златое солнце не осушает слез, и дочь молчаливой ночи, светлая луна, находит ее все в той же тоске. Я видел здесь, как плачет мрамор: слезы точно льются!.. Мне казалось, что я слышал и стоны: так много влил художник жизни в надгробное изваяние свое!

Павловск

Что такое *существенность* и что такое *мечта*? — Я прошел за *розовый павильон* и увидел прекрасную деревню с церковью, господским домом и сельским трактиром. Я видел высокие крестьянские избы, видел светлицы с теремами и расписными окнами; видел между ними плетни и заборы, за которыми зеленеют гряды и садики. В разных местах показываются кучи соломы, скирды сена и проч. и проч. Только

людей что-то не видно было: может быть, думал я, они на работе... Уверенный в существенности того, что мне представлялось, шел я далее и далее вперед. Но вдруг в глазах моих начало делаться какое-то странное изменение: казалось, что какая-нибудь невидимая завеса спускалась на все предметы и поглощала их от взора. Чем ближе я подходил, тем более исчезало очарование. Все, что видно было выдавшимся вперед, поспешно отдвигалось назад: выпуклости исчезали, цветы бледнели, тени редели: оттенки сглаживались — еще несколько шагов, и я увидел натянутый холст, на котором Гонзаго нарисовал деревню. Десять раз подходил я к самой *декорации* и не находил *ничего*; десять раз отступал несколько сажень назад,— и видел опять все!.. Наконец я рассорился с своими глазами, голова моя закружилась, и я спешил уйти из сей области очарований и волшебств! Мой друг! не так ли манят и обманывают нас мечты и призраки и на жизненном пути? Видим, пленяемся; ищем, идем; трудимся, достигаем; спрашиваем:

Где ж то, что нас влекло,
Где то, что нас прельщало?
Не так ли в утре юных лет
Приманки счастье нам казало?
Но время опыта настало,
Со всем иным явился свет!..
Жизнь наша призраков полна,
И счастья нет в подлунном мире!
Там, там, над солнцами, в эфире
Есть лучшая страна!..

ГОСТЕПРИИМСТВО

Гостеприимство, вытесняемое *новым образом жизни* из светских обществ, процветает здесь в полном блеске своем. Добрая, милосердная ГОСУДАРЫНЯ является здесь повсюду ласковою, угостительною хозяйкою. Сделали шаг в сад — и вы у *ней* в гостях! В разных беседках и домиках всякий день приготовляют разные *завтраки*. Всякий, кто бы он ни был, может прийти пить самые густые сливки и есть лучше масло и вкусный сыр: щедрая рука невидимо угощает его.

Но склонность чувствительной ГОСУДАРЫНИ к гостеприимству распространяется еще гораздо далее тех мест, которые украшает она присутствием своим. Вчера граф Милорадович получил от почтенного генерала Василья Александровича Пашкова письмо, в котором он выражает, «что ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, по священному *коренному обы-*

чаю предков наших, желает отпустить добрых солдат русских в дальний и славный путь их, под благословением Божиим, с хлебом и солью; а потому для тридцати тысяч гвардейских войск, долженствующих проходить *Гатчину* и *село Красное*, определяет она на каждого человека по три фунта говядины и по три порции водки. Господа же генералы, штаб- и обер-офицеры приглашены к нарочно приготовленным для них обеденным столам». Все сие ГОСУДАРЫНЯ изволит делать на счет собственных своих доходов; а доходы ее не беспредельны, но беспредельно милосердие ее!

P. S. Если богатые помещики, подражая древнему обычаю отцов своих и новому примеру своей ГОСУДАРЫНИ, предложат также *хлеб* и *соль* проходящим чрез селения их войскам, то войска сии совершенно довольны будут всем и в чуждые пределы унесут с собою чувство благодарности к гостеприимным соотечественникам своим.

Павловск

Скучная погода миновалась. Прояснилось небо, и зелень прелестных садовых долин явилась в полном блеске. Седые туманы свились в облака, и ветры унесли их с собою. Как усладительна вечерняя прогулка в здешних садах! Я сейчас смотрел, как тихая заря алела в серебряных разливах вод. Множество мелких судов, украшенных разноцветными флагами, пестрили зеркальную поверхность прудов. В разных местах между рощиц и перелесков слышны были разные шумы и клики, отголоски и песни. Звуки свирели сливались с звуками рожка. Вдали близ дворца гремела полковая музыка; в одном углу слышен был веселый гам играющих в сельские игры; в другой стороне отзывы вторили *русские песни*. Так бывает здесь всякий день. Благотворительная обладательница сих мест любит, чтоб веселились люди ее. И как не веселиться им! Здесь никто не обижен, никто не утеснен. Сады здешние имеют то преимущество пред прочими, что в них *приятность* соединена *с пользою*. Зная, что труды награждаются щедро, рабочие люди стекаются сюда даже из Белоруссии. Весело поработав в садах, они радостно несут в помощь семейств своих вырученное ими. И соседние крестьяне охотно идут работать царице. Они трудятся только в урочные часы. Весь вечер их: тут отдыхают, забавляются, поют.

Павловск

Не для того светит солнце, чтоб люди хвалили и воспевали блеск его; но люди, способные восхищаться всем изящным, невольно предаются восторгу своему, созерцая красоту

и пользы его. Не для того венценосная матерь царей исполняет все добродетели, украшающие венец и сан ее, чтоб молва людская шумела о ней. Но, друг мой! я не могу удержать порыва сердца, влекущего к описанию прелестного образа жизни ее. Довольно возжигатели мятежей французских ссорили народы с царями. Непростительно и даже низко льстить государям; но несправедливо и сокрывать добродетели их от народа*.

Посмотрим издали, как проводит ГОСУДАРЫНЯ день свой в Павловске. Здесь не превращают дня в ночь. Шестой час утра уже застает ГОСУДАРЫНЮ восставшею от сна. В 7 часов, иногда верхом, редко когда в коляске, а часто пешком, предпринимает *она* прогулки по садам. Тут ничто не скроется от взора и внимательности ее: она все посетит, все осмотрит, и все исправляется, цветет и оживает воззрением ее. В сих прогулках нежная дочь всегда сопровождает матерь свою. Возвращаются домой и застают у крыльца палат людей, которые пришли или взглянуть на ГОСУДАРЫНЮ, или поклониться ей, или повергнуть к стопам ее челобитные свои. Все принимается с неизъяснимою кротостию и с беспримерным милосердием. Вчера я сам видел, как один в бедном рубище крестьянин подошел к ГОСУДАРЫНЕ. «Откудова ты, друг мой?» — спросила *она*. «Из *Оренбурга*, милосердная ГОСУДАРЫНЯ!» — отвечал он, низко поклонясь.— Я после узнал, что этот крестьянин с лишком за две тысячи верст пришел сюда, чтоб подать прошение ИМПЕРАТРИЦЕ. И просьба его принята, и он остался совершенно утешенным**. Конечно, дело его пойдет своею дорогою, решится справедливостию законов; но он имеет уже прекрасный задаток — имеет надежду на успех. Человек, пришедший из отдаленнейших стран не в злате — в бедном рубище, видел *светлые* очи ГОСУДАРЫНИ своей и слышал слово благости из священных уст ее! Так-то ГОСУДАРЫНЯ сия, подражая добродетелям венценосных благодетелей царства русского, не забывает и *малейшего из людей!* — Каждый день отправляется служение в придворной церкви. Каждый праздник ИМПЕРАТРИЦА сама бывает

---

* Древние летописатели наши подробно и усердно возвещали народу даже о малейших чертах добродетелей государей своих. В сей истине можно увериться, читая летописец под заглавием «Царственная книга» и проч. И самые общенародные выражения: *надежда* или *свет-государь* и *радость-царица* — не показывают ли, что русские издревле умели любить государей, которые их любили!

** Известная добродетельная девица *Лупалова*, пришедшая за 6 000 верст из Сибири просить за отца, была также принята, выслушана, обласкана и осчастливлена ИМПЕРАТРИЦЕЮ.

в ней. При каждой обедне особою молитвою с коленопреклонением молят: да осенит Господь благословением своим все пути и предначинания отсутствующего ИМПЕРАТОРА. В будни вход всякому открыт: тут не по платью встречают.

Бьет *три часа*. Все приглашенные к *столу* ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА сбираются в общую залу. Я имел счастие обедать несколько раз за сим столом. Нельзя без восхищения видеть, какое непринужденное удовольствие живит и красит разговоры и на всех лицах блистает тут. Сама ГОСУДАРЫНЯ с неописанною приятностию дарит каждого каким-нибудь ласковым словом. Можно подумать, что за сим столом одно согласное семейство сидит с своею нежною матерью*.

Тут розы цветут не в одних садах: они алеют и на прекрасных лицах здешних девиц. Мятежный образ жизни *большого света* не имеет тут места. Тут не кружатся по целым ночам *в вихрях вальса* и не проводят по нескольку часов сряду за карточным столом. Безмятежная жизнь, деятельность и движение подкрепляют здесь здоровье всех и каждого. В 5 часов кончится стол и всякий идет к себе. В 8 опять собираются, по приглашению, во дворец. Тут назначается гулянье в садах и ужин в розовом павильоне или поездка в сельский домик ГОСУДАРЫНИ. В дурную погоду остаются во дворце, забавляются разными играми, занимаются чтением, и скука, всегдашняя жительница чертогов, не смеет сюда заглянуть. Есть часы, в которые работают для бедных. Мой друг! не так ли супруга Алексея, не так ли добродетельная Наталия провождала время вдовства своего? Счастливы мы, что видим то на деле, чем восхищались в преданиях.— Вчера ГОСУДАРЫНЯ изволила читать *приказ*, отданный графом Милорадовичем**. Для бывших тут иностранцев начали переводить *его* на французский язык, и не могли найти слова, приличного к выражению: *блюститель;* ибо французское gardien не имеет ни той важности, ни того благородства, которое заключает в себе русское слово *блюститель*. «Видите ли,— сказала ГОСУДАРЫНЯ,— что превозносимый всеми французский язык не может сравняться в богатстве, силе и красоте с русским?» Порадуйтесь, усердные любители отечественного слова! Сладкозвучный и величественный язык наш имеет для себя высо-

* Не излишним, думаю, будет замечание, что ГОСУДАРЫНЯ с особенным удовольствием употребляет русское кушанье и *черный решетной хлеб*.— Люди бедные, не имеющие другой пищи, не огорчайтесь! Такую же простую пищу предпочитает другим кушаньям сама ИМПЕРАТРИЦА.

** Приказ сей прилагается в подлиннике. Он принят был с восхищением войском, благодарных чувств преисполненным.

кую *покровительницу*. Тяжело вздохнут французолюбцы! — В 10 часов вечера ужин и собрание кончится. В 11 часов, когда *в большом свете* еще очень *рано* и *очень шумно*, здесь уже *поздно* и покойно. Так проходит день в сей обители мира и тишины! Таковой образ жизни не достоин ли подражания?

Я сделал только самый слабый абрис Павловска. Полную картину оного нарисовать может писатель, имеющий более досуга и способов. Я пишу, сам не знаю когда, урывками от дел*. Вдобавку к прозе прилагаю *стихи*: Песнь усердия в *обители Добрады. Другие же* повергнул я к стопам ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА вместе с письмами русского офицера, которые ГОСУДАРЫНЯ, покровительница отечественной словесности, удостоила высочайшим вниманием своим.

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ

На случай выступления Гвардии

С.-Петербург, 19 мая 1815 года

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволяет призвать все полки Гвардии и гренадерские дивизии к соучастию в великом подвиге ополчения Европы.

Всем известно, сколь громкою славою покрыли себя отличные войска Гвардии и гренадеры в последних походах противу французов.— Войска сии, привыкшие к трудам и страшные неприятелю, умели заслужить повсюду доверенность, благодарность и приязнь мирных жителей. И теперь народы чуждые встретят защитников своих с радостию, ибо военная слава и мирные добродетели русских еще в свежей у них памяти. Истинная храбрость неразлучна с добрым поведением.— Знамена русские всегда служили подпорою слабым и защитою невинно утесненным. Частное спокойствие каждого народа и общее святое дело всей Европы суть предметом справедливой нынешней войны.

Сия-то война положит конец браням и водворит незыблемое спокойствие в народах на многие годы.

Мы имеем счастие быть исполнителями великих намерений ГОСУДАРЯ нашего.

Храбрые солдаты гвардейские и гренадеры, блюстители чести и славы имени русского! Отечество с полною надеждою вверяет вам защиту спокойствия, прав и выгод своих! ГОСУ-

* Готовясь к походу и имея множество занятий по службе, я едва успел положить мысли и чувства сии на бумагу. Но голова моя так полна была мыслей, а сердце чувств, что они сами собою лились из-под пера.

ДАРЬ призывает вас. Поспешим узреть обожаемого монарха и оправдаем надежды Отечества.

Пред выступлением из столицы во всех полках быть молебствию.

Храбрые солдаты! Всевышний услышит молитвы сердец ваших, и знамена ваши осенятся свыше благословением его. Всещедрая десница Всемогущего ниспосылала вам доныне победы в боях, честь и славу.

ПЕСНЬ
УСЕРДИЯ В ОБИТЕЛИ ДОБРАДЫ

Зрел обитель я *Добрады**
И гулял в ее садах:
Что пред *нею* пышны грады
В блесках, в вихре, в суетах?
Тут все тихо, все покойно,
Все в своем теченьи стройно;
Тут не пышностью златой
Взор пленяется — природой:
Дни златятся тут — свободой,
Жизнь — приятной *простотой*.

* * *

Но заглянем в прежни годы:
Мрачен был здесь вид природы,
Пуст, угрюм, печален, дик;
Здесь шумели мутны воды,
Здесь пернатых вещих крик
Наполнял пустынны долы:
Здесь тонул в болотах лес!..**
Чьи ж могущи произволы
Тут явили тьмы чудес?
Не в столетья — в малы годы?
Кто велел — и бурны воды
Покорились берегам!
Кто устроил прелесть сада?

---

* Знаменитый пиит наш Г. Р. Державин первый назвал г. *Павловск обителию Добрады*.

** Известно, что страна сия до 1780 года имела самый печальный вид. ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ и венценосной супруге его одолжена *она* счастливым преобразованием своим.

Кто дал цвет и блеск лугам?
Слышу общий глас: «Добрада,
Наша матерь, дщерь небес,
Сих виновница чудес!

* * *

Если б знали, как счастливы,
Как довольны мы судьбой!»
Говорят *ручьи* и *нивы*
И *деревья* меж собой*:
«Благость и любовь Добрады
Лучше всякой нам ограды,
Всех она счастливит нас!»
Так *бездушных* слыша глас,
Я сказал: «Страна блаженна!
Молви, как уединенна,
Сельски зря картины вкруг,
Удалясь от шумна града,
Ходит в рощах сих Добрада.
С милой дочерью сам-друг?»

* * *

«Зрел ли ты, как после хлада,—
Рек мне *дух*, блюститель сада,—
Идет с горних стран весна?
Так тиха, нежна Добрада,
Так любезна всем *она*!..
Как с Луною дружно ходит
В небе ясная *звезда*,
Там гулять с собою водит
Мать *царевну*-дочь сюда!..» —
«Мы,— гласят древа,— склоняясь,
Сладкий шепот льем им в слух».—
«Мы, как бархат развеваясь,
Стелем им цветущий пух»,—
Говорят луга зелены;
«Мы, брегами утесненны,
С томным ропотом журчим;

---

* Я видел, с какою заботливостию поддерживают тут древние деревья, поврежденные бурями. Они со всех сторон подперты, связаны, осмотрены и точно счастливы, если деревья счастливы быть могут.

Зреть *их* счастья отчужденны,
Мы брегам своим твердим:
«Не лишайте нас свободы
К ним во сретенье бежать,—
Так гласят *струисты воды*,—
Дайте зреть нам *дочь* и *мать*!»
Если ж придут,— продолжают,—
По смеющимся лугам
К нашим счастливым брегам,
Воды радостью сверкают
И родится жизнь в струях...
И в кристаллы претворенны
Токи образ их священный
Зреть в себе желают век!»
Так бывает, коль Добрада
К сим окрестностям идет;
Взор *ее* для всех отрада:
Он бездушным жизнь дает!

* * *

Отчего ж теперь уныли
И деревья и леса,
Тучи воздух помрачили
И скучают небеса?
Меркнут вод зерцалы чисты,
Стихли птички голосисты,
Все немеет, все молчит.
Знать, царица их грустит!*
И не смеет вся природа
Не принять участья в *ней*.
Отчего же, мать народа!
Грусть, вселясь в душе твоей,
Твой небесный взор смутила?
Ах! за Рейном буря взвыла,
Зазвучал военный гром,
Поднялась российска сила
И за северным орлом
Понеслась в края далеки:
Там польются крови реки,
Там *пойдет стрелами* дождь;

---

* Отсутствие ИМПЕРАТОРА и отъезд двух великих князей в армию погрузил в глубокое уныние нежную душу родительницы их. Стихи же сии писаны 22 и 23 мая во дни самой ненастной и скучной погоды.

Там падут со треском грады!..
Кто ж там сил несметных вождь?
То наш царь,— то сын Добрады:
Он-то грусти сей предмет!

* * *

Царский сан, венец с порфирой
Матери не милы сирой;
Без детей не мил ей свет!
По *двоим она* грустила;
С новой бранью — вновь беда:
Двух орлов еще сманила
Слава с отчего гнезда.
Сколь судьба к *печальной* гневна!
Что ж в отраду ей дано?
В небе солнце лишь одно,
И *одна* у нас царевна*,
Дочь при матери одна!..
И царям знакомо горе!
Может быть, и с этой вскоре
Ей разлука суждена;
Может быть, в страны далеки
Долг священный брачных уз
Увлечет ее навеки!
Ах! тогда *хор русских муз*
Без *нее* осиротеет!

* * *

О царевна! он имеет
Днесь в тебе — себе покров,
Любишь *ум* ты и *науки*,
Любишь стройны лирны звуки,
Любишь в *языке богов*
Находить себе отраду;
Ходят музы без докладу
В златоверхий терем твой,
И, беседуя с тобою,
Как в Олимпе, меж собою,
Скиптр тебе вручают свой,

---

* Русские в старину в выражениях нежности своей говаривали: *одно солнце на небе; одна дочь у матушки.*

И дарят тебя венцами*,
Повладей еще сердцами
На Руси святой у нас!
То России общий глас.
Будь родимой утешеньем.
И в чужбину удаленьем
Не печаль *ее* твоим!

* * *

Предан росс царям своим;
Он с весельем идет в битвы
И усердны шлет молитвы
От священных алтарей
К Богу за своих царей!
Бог услышит — даст отраду,
Минет грозная война.
«Осчастливь, Творец! Добраду,
Как счастливит всех она!» —
Повторяют так всечасно
Благодарные сердца:
С чувством их, поверь, согласно
Чувство искренне певца.
Скольких ты страдальцев бедных
Ангел помощи была**,
Скольких недугом сраженных
От могилы отвела***.

* * *

Под покров твоей щедроты
Беспокровные сироты
Идут как в свой дом родной:
Не в тебе ли здесь одной

---

* ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Вел⟨икая⟩ Княг⟨иня⟩ АННА ПАВЛОВНА имеет большие познания в словесности: кроме разных языков, она совершенно разумеет и *латинский*. Но преимущественно любит она отечественное слово.

** Каждый день слышно тут о новом благотворении, оказанном ГОСУДАРЫНЕЮ или израненному офицеру, или бедной вдове. Но несравненно еще важнее те благодеяния, которые скромной ГОСУДАРЫНЕ угодно покрывать глубочайшею тайною... Не дерзаю нарушать священной тайны сей: но *история* откроет *ее* во славу благодетельной монархини и в поучение потомству.

*** Кому неизвестно, что все почти богоугодные и людям полезные заведения состоят под непосредственным ее покровительством.

В ранах и в крестах герои,
Что прошли сквозь грозны бои,
Верный зрят себе покров
От напастей, бурь, громов?
Потрудясь на ратном поле,
Отдыхают в мирной доле
И, живя тут, как в раю,
Славят матушку свою.
Ты им мать, их провиденье;
В мире сем благотворенье,
Добродетелям венец,
К небу верная дорога!
Всех судьбы в деснице Бога.
Добродетель верх возьмет
Над пороком рано ль, поздно;
Сердце злое совесть жжет:
Небо к злым сурово, грозно;
У злодеев над челом
Низко ходит Божий гром...
Добрым Бог покров, ограда.
«Успокой свой дух, Добрада!»—
Общий голос всех сердец
Слабо вторит здесь певец!

* * *

Над прекрасной сей страною
(Роз и радостей полна)
Воцарись скорей, весна!
Прилетай и ты с весною,
Прелесть рощей — соловей!*
И над речкою струистой,
Под черемхою душистой
Песнью сад буди своей
На заре, как все задремлет!..
Пусть тебе Добрада внемлет:
Слово уст ее — венец!
Пой, счастливец! — а *певец*,
Что, простые сердца чувства
В стих вливая без искусства,
Песнь сложить Добраде смел,
Здесь в последний раз пропел!

---

* Недавно ГОСУДАРЫНЯ, скупив у птицеловов 100 соловьев, пустила в свои Павловские сады; но они еще молчали: вероятно, стужа и ненастье мешали им утешать благотворительницу свою.

* * *

Скоро в шум, в мятеж военной,
Бранной привлечен трубой,
Под знамена став священны,
В строй гремящий — в грозный бой,
Он пойдет смертям навстречу.
Если ж росс одержит сечу,
Положив войнам конец,
Если *враг* падет *кичливой*,—
Ах! тогда опять счастливой
Вспрянет радостно певец,
И на пепле сел пожженных,
На громадах падших стен,
На полях, войной смятенных,
Под развитием знамен,
Томну лиру перестроя,
В лаврах и в шуму побед
Воспоет царя-героя:
АЛЕКСАНДРА воспоет!

Г. Павловск, (1815) 22 мая,
дни стужи и скучной погоды

СТИХИ
ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ПИСЕМ РУССКОГО ОФИЦЕРА

К священным стопам Всемилостивейшей ГОСУДАРЫНИ своей с беспредельным чувством глубочайшего благоговения повергает слабый опыт усердных трудов своих, Письма русского офицера, сочинитель оных

В местах, украшенных твоим благотвореньем,
Где все одной твоей щедротою живут,
Мне, осчастливленну сверх мер твоим воззреньем,
Позволь, Монархиня! принесть тебе мой труд
И в благости твоей искать ему покрова!
   В те дни, когда в полях гремела брань сурова,
Ловил *минуты* я, чтоб слабым в них пером
Изобразить, как росс метал в боях свой гром,
Как мудростью своей, судьбами правя браней,
Твой сын приял сердца и лавры вместо даней.

Коль слаб мой труд,— прости, *Владычица* сердец!
Возникши в бурях битв, среди грозы военной,
Он смело вступит в свет, тобою ободренной:
Ему и мне твое внимание — венец.

Верноподданный Федор Глинка.

Вслед за золотыми днями, проведенными в *Павловске*, настали для меня дни трудов и сует. Войска выступали из столицы. Каждый полк выходил один после другого через день — и с каждым днем город становился более пуст и уныл.— Получены предварительные известия о великой победе, одержанной Веллингтоном и Блюхером при *прекрасном союзе*, но решительного еще ничего не было, и гвардия шла к Вильне. Проходя мимо прочее время, я посылаю тебе то, что писал в Вильне и на обратном пути в С.-Петербург.

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Вильна 1815

...Я застал Вильну в шуму оружия и забав. Окрестности ее наполняются беспрестанно войсками гвардии. Всякий день блистательные строи проходящих полков привлекают и дивят жителей. Самая малая часть войск поместится в городе. Еще неизвестно, останемся ли здесь или пойдем далее. Все желают последнего.

Вильна удивлена великолепным праздником, который граф *Милорадович* дал в день тезоименитства ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ. Ничего не было пощажено для соделания празднества сего приятным и блистательным. Вслед за сим давал другой блестящий пир, в освященном саду, начальник гвардейского штаба генерал-адъютант *Сипягин*.

Военные люди живут на походе, а удовольствия ловят на лету. Множество офицеров съезжается в город повеселиться, и город представляет все к тому средства. Балы, маскарады и прочие подобные увеселения бывают почти каждый вечер.

На сих днях сад Антокольский, а вчера сад здешнего полицеймейстера освещены были прелестно. Прекрасное место-

положение, множество гуляющих, яркий блеск огней, играющий в чащах свежей зелени, блестящий круг прыгающих красавиц, звуки в разных местах сокрытой музыки, а более всего теплые, ясные вечера, столь редкие в пасмурное нынешнее лето, сделали гулянья сии очаровательными.

9 августа

Судьба похода нашего решена. Сейчас получен высочайший о сем рескрипт, на имя *графа Милорадовича*. По причине счастливейшего оборота в общем ходе дел Европы дальнейший поход гвардии отменен. Войска, под начальством графа, немедленно возвратятся в столицу. Всего примечательнее в высочайшем рескрипте новое и весьма лестное выражение Государя: «Любезная моя Гвардия!»

Все войска сделали *направо кругом* и, хотя не вовсе с веселым духом, готовятся в обратный путь. Когда наладишь струны на военный строй, не вдруг заиграешь на них мирную песню. Умы и сердца расположились к войне и славе; стремление к подвигам сделалось общим. Воинская деятельность пробудилась. Но благодатная роса мира остудит воспаленные бранным жаром сердца! Кажется, что молитвы страждущего человечества уже смягчили разгневанные небеса. Облитая кровью и слезами Европа громко просит мира у Неба и людей!..

Сегодня вступил прекрасный батальон Семеновского полка и, построясь на Гвардейской площади, слушал благодарственный молебен по случаю прекращения войны. Все знатнейшие чиновники и великие толпы народа молились с преклонением колен. Небо было открыто и ясно: оно, казалось, принимало участие в священной радости земли. По окончании молебна священник лейб-гвардии Семеновского полка Симеон Наумов сказал прекрасную речь. Стоит прочесть ее. Вот она.

«Воины! Новое и радостнейшее свершилось событие: прошла буря брани, и драгоценный мир водворился паки. Враг общего спокойствия, пораженный, посрамленный, низверженный, пленник,— в руках победителей! Единый удар, нанесенный ему мощною рукою поборников правого дела, разрушил кровожадные замыслы властолюбца; единый удар прекратил навсегда бедствия, доселе причиняемые им роду человеческому. Тако правосудие Божие наказует злодеев нераскаянных. Тако милосердие Отца небесного заступает верных и покорных исполнителей святой воли его! Храбрые воины! Подвиги ваши увенчаны уже славою и бессмертием, но и ныне, когда судьба-

ми Вышнего ваш гром, готовый грянуть на врага, остановлен, и ныне одно уже рвение ваше не сокрылось от Великого Государя, который в самых приятных выражениях сообщил вам чувства монаршей любви своей к вам и благоволения чрез достойнейшего вождя. Бог единый управляет сими чрезвычайными событиями! принесем убо ему сердечные моления наши — благодарим Господа!»

Начальник гвардейского штаба ген⟨ерал⟩ Сипягин неусыпно трудится над расписанием дорог, по которым войска следовать будут. Много заботятся о продовольствии оных. Но здешний военный губернатор А. М. *Корсаков* и жители города не хотят выпустить нас без прощального угощения: вот какие печатные записки прислали они полкам:

«Город Вильна просит на обеденный стол находящихся ныне в ее древних стенах героев Кульма л⟨ейб⟩-г⟨вардии⟩ полка унтер-офицеров, гренадер и фузелер в день вечно незабвенный преславной их победы».— Согласись, что подобные приглашения бывают редки. Такое любезное внимание со стороны граждан дает чувствовать солдату собственное достоинство его и есть лучшая награда за подвиг.— Итак, мы будем еще пировать. Мирные хозяева и военные гости равно готовятся к общему празднеству сему.

Из утренних сегодняшних объявлений узнали мы, что русский, из Москвы приехавший физик будет пускать воздушные шары. Мы пошли посмотреть их в назначенный час. Шар был уже повешен, только не наполнен; самый простой снаряд стоял подле. Лишних затей никаких. Скромный русский физик ходил не суетясь и в молчании ожидал, чтоб собрание увеличилось. Но поверишь ли, что этот вид беззатейливости и простоты подал было сомнение в успехе? Немудрено!.. В таких случаях привыкли видеть обыкновенно хвастливых французов, которые мечутся из угла в угол, суетятся, ссорятся, показывают, что готовятся к предприятию великому, осыпают похвалами себя, приветствиями других и, пустив прежде в глаза пыль, пускают уже потом на воздух шар и очень часто — неудачно! Русский, напротив, на все сомнения, что шар не полетит, отвечал просто: «Полетит»! Он сделал свое дело. Шар поднялся высоко и носился долго над городом.— Но в объявлении сказано было, что пустят *два шара*. «Милостивые государи! — говорил художник с полною откровенностию.— Вы видите, что собрание немногочисленно (оно бы верно было бесчисленно, если б опыт показывал француз).

Я не мог собрать столько денег, чтоб окупить оба шара; другой останется у меня внакладе: нельзя ли отложить до завтра?» Уже все было согласились, как один русский вельможа, Екатеринина века, бывший тут, спросил, что ему надобно за другой шар, заплатил деньги — и другой шар поднялся прекрасно, выстрелил на полете, спустил зонтик с корзинкою, а сам улетел вверх. Общее рукоплескание наградило удачный опыт.

Я совсем промотался на книги!.. В университетской здешней лавке можно купить много хороших. Между прочими купил я *Ферранда*: о том, чему должно научаться в Истории.

Какой он прекрасный и умный писатель! Как хорошо, как ясно показывает причины возвышения и упадка царств: учит, обворожает, возносит. Читая некоторые страницы, забываю, что я на земле, ношусь в горних и постигаю таинства судеб управляющих народами. Вижу рождение царств, любуюсь их свежею юностью; познаю, отчего они возрастают, распространяются, цветут. *Вера, нравы и законы* суть незыблемые столпы, поддерживающие необъятные громады держав. Вижу пороки и разврат, подтачивающие столпы сии; вижу дух разрушения, вкрадывающийся во все части дряхлеющего правления; слышу трубный глас Всемогущего Блюстителя общего порядка миров, глас, предрекающий падение забывшим уставы его. Вижу царства, облеченные блестящею пеленою внешней славы, но заключающие в недрах своих гниение и смерть. Вижу колебание царств сих над безднами. «Были и нет их!» — говорят поздние потомки о державах, сгоревших в пожарах собственных страстей или потопленных разливом разврата. Глубокое забвение наложило на них печать свою.

Премного обрадовался я, купив еще несколько книг самых древних Польских летописцев, или *Хроник*. Раскрываю наудачу и вижу описание Новаграда. Поверишь ли? Он десятью верстами был обширнее Рима! Однако ж многие предания наши и остатки мостовых, находимые и поныне при копании каналов в неблизких окрестностях Новагорода, придают вероятность сему сказанию. Я имею еще одну польскую книгу: *Жизнь Яна Короля Хоткевича*, который воевал под Москвою. С большим любопытством читаю в ней подробное, ясное и по многим отношениям любопытное описание вторжения самозванца; описание плена и освобождения Москвы и многих важнейших обстоятельств 1612 года.

17-го августа

Сейчас воротились мы из загородного сада *Антоколя*, где угощали гвардейских солдат. Хотя приглашение касалось *до всех*, однако ж, по причине ускоренного обратного похода, на пиршестве могли быть только некоторые.— В десять часов утра солдаты Семеновского, Измайловского и прочих полков, построясь, пошли к месту угощения. Жители Вильны ожидали гостей. Стражи города и цехи с хоругвями своими стояли впереди.— Забили в барабаны, преклонили хоругви, военный губернатор выехал вперед и приветствовал идущих речью. Отслушали молебен и пошли к столу. Столы накрыты были на зеленом садовом лугу, под тению дерев,— есть и пить было довольно.— Блестящее собрание первейших здешних женщин, занимая приуготовленные места, с приятным вниманием смотрело на сей военный пир. Удовольствие недолго таилось в сердцах благодарных солдат: оно излилось в громких восклицаниях: *Ура*! В разных местах играла музыка. Генералов и офицеров угощали особым завтраком. Шампанское лилось. При питии за здоровье ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, союзных государей и прочих высоких особ городские пушки стреляли без умолку. Кончилось гуляньем в саду и танцами.— Мне поручено было написать что-нибудь пригодное для пения и приличное дню. Я написал, как успел, несколько стихов, к которым подходит известная г⟨осподина⟩ *Кашина* музыка. Вот стихи:

ПЕВЕЦ И ХОР ПРЕД СТРОЕМ ВОЙСК В ДЕНЬ ЗНАМЕНИТОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ КУЛЬМЕ

Певец

День битвы славной, незабвенной,
Восторгом общим мы почтим:
В сей день враг буйством упоенной,
Сражен, о росс! мечом твоим!..

Хор

Хвала тебе, российский строй!
Твой каждый воин — *росс-герой!*

Певец

Вам честь и слава, храбры вои,
О стражи русского царя!
Вы в прах расшибли вражьи строи,
Орлами по горам паря.

Хор

Хвала героям Кульмских скал:
Там лавр бессмертный росс пожал!

Певец

Бессмертной славой увенчался
В гремящих битвах *Остерман;*
И, тверд средь муки,— улыбался,
При лютой скорби тяжких ран!

Хор

Герой стран чуждых и родных,
Хвала тебе в делах твоих!

Певец

Но где наш царь — сердец властитель?
Вселенной славимой герой!
Покоя твоего блюститель,
Тебя зреть жаждет верный строй!

Хор

Услышь наш глас, о россов царь!
В сердцах народов — твой алтарь.

Певец

Давно ль державы пламенели,
Дрожали троны, алтари:
В венцах, бледнея, цепенели
Европы князи и цари?

Хор

Огнь брани яростно пылал,
Грозил мечом и цепью галл!

Певец

Но АЛЕКСАНДР, в сияньи славы,
К спасенью падших царств спешил:
С них снял позор, снял плен кровавый
И новым блеском их покрыл!

Хор

Наш царь бессмертья в храм идет,—
Хвала ему — в венце побед!

Августа 19-го

Вчерашняя ночь никак не могла расположиться по обыкновению всех ночей в городе; повсеместное освещение выгоняло ее из домов, площадей, улиц и переулков. Средняя градская площадь обнизана была множеством плошек; ратуша пылала в разноцветных огнях; на челе ее великолепно сияло вензелевое изображение АЛЕКСАНДРА; внутри залы убраны богатою рукою — и 500 человек приглашены на пир. Военный губернатор и город устроили пир сей для офицеров, угостив накануне солдат.

Между множеством светившихся зданий отличалась еврейская синагога, освещенная ярко и замысловато. Военный губернатор, светлейший князь Зубов и граф Милорадович, усердно приглашенные старейшими раввинами, пошли посмотреть обрядов их торжества. Я был там же. Прозрачная картина на переднем фронтоне, или, как евреи называют, на триумфальном этаже, обратила на себя общее внимание. Вот смысл картины: *Перст Всевышнего* указывает путь ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ. Сопутник его и подпора есть *Ангел Божий*, идущий впереди. Внизу следующие слова Господа Саваофа: *«И се аз пошлю Ангела моего пред лицем твоим, да сохранит Тя на пути»*.

Пониже сей другие освещенные надписи: *«Красен добротою паче сынов человеческих; излияся благодать во устах Твоих: сего ради благослови Тя Бог вовеки»*.

Пс⟨а⟩л⟨ом⟩ XIV, стих 3

«Будет Имя Его благословенно вовеки; прежде солнца пребывает Имя его и благословятся в нем вся колена земная. Все языцы ублажат Его!»

Пс⟨а⟩л⟨ом⟩ LXXII, стих 17

Все сии надписи изображены по-еврейски и по-русски.— Входим в залу; там накрыт большой стол, уставленный лучшими конфектами и винами. Евреи потчевали всем с свойственною им уклончивостию. Из странного хора их музыкантов один заиграл на скрипке и удивил нас искусством своим. На струнах его слышны были свисты, сто скрип, шум, завыванья, клики, а все вместе составляло искусное, стройное, совсем непротивное, но томное и унылое сочетание несколько диких и для нас новых звуков. Это была — *песнь пустыни*. Вошли потом в их школу или *синагогу*, здание огромное и со всею еврейскою пышностию украшенное. Множество свечей, одни других выше поставленных, освещали оное. Старец, седой, как лунь, с белою бородою, достигающею до колен,

сидел, не вставая, на возвышенном месте в стороне. В средине на нескольких ступенях, под навесом, стоял шумный хор с кантором, или запевалою. Затрубили в рога и трубы; зазвучали гусли и тимпаны, и воспели — *хвалу* Богу. Звонко-резкий голос кантора ужасно дребезжал в ушах. Вторая *хвала* пета Государю, а третья славе русских вождей, которых называли по именам.— Среди всех редко виденных предметов и обрядов сих мне показалось, что я перенесен на минуту за двадцать веков назад, в пределы древнего Иерусалима. В стене, на бронзовой доске, написана по-еврейски и по-польски молитва, в которой просят Бога Богов, сотворшего толико чудес народу израильскому, о сохранении здравия ИМПЕРАТОРА и о благоденствии дома его. Сия молитва сочинена раввинами и торжественно читается в каждый шабашный день.

Осмотрев синагогу, возвратились мы опять в ратушу. Тут пир продолжался во всю ночь; гости разъехались со светом. Скоро и все мы из Вильны разъедемся.

20 августа

Невзначай, да кстати солдаты наши отблагодарили за ласковый прием. Сейчас узнали мы о прекрасном поступке их с жителями.— Давно уже нивы литовские не покрывались такими прекрасными жатвами, как в нынешний год; но частые дожди лишали надежды на благополучную уборку хлеба. Поселяне грустили и томились. Вдруг мелькнуло несколько погодных дней, и все от мала до велика бросились в поля. Но работы было много, а рук мало: одна жатва переспевала другую и просилась в гумно. Тогда гвардейские солдаты, по собственному влечению добрых сердец своих, схватились за косы и пошли помогать поселянам. На таких работников любо было смотреть: нивы горели под сильными размахами — и в несколько дней все до колоса снято и убрано! — Это случилось за неделю пред сим. Поселяне до бесконечности благодарны воинам.

P.S. Завтра граф едет в *Варшаву* для засвидетельствования высокопочитания своего ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ; наши все по разным назначениям, а я чрез *Ригу* в С.-Петербург. В Вильне — прощай!..

Ковно

Я поехал из Вильны вместе с бывшим сослуживцем моим в авангарде И. М. Б-м. Мы приостановились на минуту в Ковне. Смотрю с любопытством на сие место. Берега Немана

с той стороны гораздо выше, нежели с нашей, а потому нам столько ж трудно было их защищать, как Наполеону легко перейти.— *Ковно* — старинный городок, славится медами и липцами. Тут *застава* и *цепь* пограничных таможенных стражей. Скоро, я думаю, перешагнет она на берега Вислы: Россия распространилась! Надсмотрщики — молодые, здоровые люди, из мелкой польской шляхты, все годные в полевую службу, рыщут по Неману и получают по 200 и более рублей в год жалованья. Если б поместить в это звание заслуженных инвалидов? Они были б награждены за службу и, верно, столько же полезны.

Рига (поздно ввечеру)

Я расстался с любезным сопутником моим И. М. Б. в Митаве и едва дотащился или, лучше сказать, доплыл по наводненной от проливных дождей дороге до Риги.

Час за полночь; усталость валит с ног; сон смыкает глаза; едва могу писать на *разграфленном* листе: кто я, откуда, зачем и *надолго ль приехал?* Это здешний порядок.— Днем посмотрю на город; теперь прощай!

Рига

Я был, по должности, у коменданта и военного губернатора М. Паулуччи. Последний весьма благосклонно пригласил меня к столу. Из разговоров за обедом имел я случай увидеть остроту и приятность его ума.— Тут же встретился я с знакомым мне адъютантом его Кот... и, к большому удовольствию, выпросил у него некоторые любопытные бумаги, объясняющие отчасти службу и подвиги почтенного брата его, который в самое непродолжительное время дослужился до генерал-лейтенантского чина и получил важнейшее из воинских отличий — орден Георгия 2-го класса — в войне с персами. Имя его славится на берегах древнего *Аракса*, повторяется в вертепах и на высотах Кавказских гор и уважается в самой столице Персии.

Я отыскал давнишнего здешнего жителя *К. В. В...ва*, с которым недавно познакомился в Москве. Он вызвался показать мне что полюбопытнее в городе и прежде всего повел в вечернее Немецкое собрание, или *клуб*, называемый *Ресурс*: под этим можно разуметь приют, пристанище или, лучше сказать, убежище. Это убежище от хлопот, сует, а боль-

ше всего от *шуму*. В самом деле тут такая тишина, такое единообразие и такая точная определенность в разговорах и поступках, что порядок, установленный условными законами сего общества, можно сравнить только с ходом самых верных часов. Что видишь сегодня, то увидишь завтра и через год: ветреный француз умер бы от скуки, а степенные немцы здесь наслаждаются!..— Тут встретился я с земляком моим, почтенным смоленским дворянином *Н. Л. Неф...вым*. Мы сели к сторонке и в обществе немцев завели тишком свой русский разговор. *К. В.* рассказал одно сделанное им в дороге, из Москвы сюда, замечание, которое мне показалось очень любопытным. Вот оно.

Многие особы, проезжавшие на долгих или наемных лошадях, чрез некоторые на пути от Москвы лежащие губернии, обночлеживались у крестьян и часто были обкрадываемы. Такие случаи наиболее разоряли извозчиков и прочих бедных безгласных проезжих. Доходили жалобы, брали меры, но все недействительные.

Наконец покойный *принц Ольденбургский* приказал на каждом из крестьянских домов, где что-либо у проезжего пропадет, тотчас прибивать на воротах *черную доску*. Исполнено в точности и подействовало чудесно! Дома с *черными досками* лишились всего доходу: проезжающие стали бояться их, как чумы; но честные хозяева получили, напротив, чрез то сугубый выигрыш, и ночное воровство как рукой снято! — Теперь часто, когда проезжий, наведываясь у крестьянина о цене овса и сена, пеняет ему, зачем дорого просит, тот отвечает: «Поезжай, барин! к соседу: у него все дешевле, да зато береги воза, будешь ночевать под *черным пятном*! У нас же хоть золото рассыпь!..» Те, которых дома заклеймлены *недобрым знаком*, готовы отдать бог знает что, только б сняли *пятно* с дома и позор с семьи. Вот как должно действовать на нравственность народа! Столь простые, но удачные средства легко могут исправить порчу ее.— Такого рода *черные знаки*, кажется, не не у места б были и в других состояниях, употребляясь кстати при разных случаях и в разных отношениях. Когда есть *светлые знаки* отличий, почему ж не быть и *черным пятнам позора*? Первые возвышают добродетель, другие должны уничижать порок.

Я был на *бирже*. Она устроена под ратушею, которая есть одно из прекраснейших здешних зданий. Разные люди, разные лица и разные страсти составляют пеструю картину ежедневного здешнего собрания. Но тут не было тех веселых разговоров, тех оттенков надежд на лицах, тех приятных расчетов и того удовольствия, которое обыкновенно бывает душою таких собраний, при удачных соображениях и счастли-

вых успехах промышленности и торговли. Какой-то *дух уныния* приметен был повсюду. Один привез лес, другой хлеб, третий пеньку, но то, другое и третье остается внакладе озабоченным хозяевам: потому, что иностранные корабли не являются. За несколько лет прежде, когда торговля была в полном цвете, все *мены* и *продажи* делались поспешнее. Деньги имели быстрейшее кругообращение, и довольство скорее проникало во все состояния народа, щедро вознаграждая труды. С некоторого времени, особливо после опустошений последней войны, усердно стали заниматься улучшением устройства в частном и государственном хозяйстве. Это, кажется, обыкновенное следствие великих несчастий народных. «После тридцатилетней войны,— говорит описатель оной,— пробудилось во всей Германии стремление к восстановлению порядка и улучшению сельского домоводства и общего государственного хозяйства». Как не подивиться, читая историю, странному поведению людей во все времена. Пылая местию, волнуемые бурею страстей, острят они оружие и готовят пламенники войны — восстают, сходятся, проливают кровь, пожигают области и тотчас после сетуют на пепле разоренных ими же стран, вопия против свирепости брани, на которую,— задолго ль пред тем? — торжественными воззваниями сзывали людей с отличнейшим мужеством, как на подвиг чести и славы!.. Вот что можно сказать обо всех почти войнах, исключая, однако ж, войну 1812 года. Священна была война сия! 20 народов текли с пагубным намерением отнять у нас не одни только тленные блага: имущества и злато,— но свободу и права! Мы ополчались за храмы Божие, за престол Государя, за могилы предков своих. Пеплом посыпаны и кровью политы пространные области Русской земли. Но смутное военное время протекло мимо, как грозная с молниями ночь.— Настало утро нового дня. Всякий с чувством благородной уверенности, что исполнил долг свой, возвращается на родину и напрасно ищет потерянного довольства и счастия под пеплом истлевшего наследия отцов. Нужды общественные умножаются; голос нищеты с каждым днем становится слышнее.— Вот время, в которое истинные сыны Отечества, отложа все личные выгоды, всякое пристрастие к тому или другому мнению, советами и пожертвованиями должны стремиться к залечению славных ран Отечества и к восстановлению прежнего довольства в народе.— Смело можно сказать, что если какой-нибудь из народов может иметь требование на счастие, то это, конечно, народ русский, совершивший столько блистательных подвигов пред очами Вселенной! — Но кажется, что бури, потрясшие основания царств, пробудили уже и самые

закоснелые в холодном себялюбии сердца. Повсюду является дух благодетельной деятельности... Никогда так много не говорили и не спорили о правах и выгодах торговли, о пользе промышленности и ремесел: из сих-то споров родятся великие истины. Теперь везде толкуют о творениях знаменитого Смита, везде читают прекрасную книгу Шторха. Но мне кажется, что до тех пор не может быть никаких истинно полезных и незыблемых насчет внутренней и внешней торговли постановлений, пока не решатся рассуждать о России как о державе, из многих царств составленной (ибо области ее, по величине своей, равняются царствам), из коих каждое свои особенные преимущества, способы промышленности, источники доходов и виды торговли имеет. По сему, впрочем, весьма естественному рассуждению тотчас откроется, что никак нельзя подвести всех частей необъятной державы сей под одно общее право и правило без того, чтоб не отнять выгод у каждой из них, не умножа чрез то нимало выгод целого государства. Несправедливо говорить, что одна торговля может обогатить и осчастливить Россию; но еще несправедливее утверждать, что единственным источником богатства и счастия ее могут быть одни *фабрики*. Одно только искусное, мудрое сочетание частных выгод того и другого может составить общее благо*.

Опыт и неоспоримые доказательства, кажется, уже довольно убедили всех и каждого, что *фабрики* в тех только краях цвести и приносить пользу могут, *где больше рук, нежели земли*. В противном же случае они всегда должны более или менее уступать земледелию. Мудрое правительство позволяет людям каждого края искать прибытков своих там, где они их вернее находить умеют. Прусская Силезия разительный тому пример! Там, в горных местах, только и слышен стук берд, только и видны суконные станы. Механика и ремесла, так сказать, завладели высотами Силезии. Но у подошвы тех самых гор ничего более не встречаешь, кроме пространных полей, покрытых жатвами, и долин, пестреющих стадами. Плуг и пастушеский посох обитают тут — и ремесла, земледелие и скотоводство, как добрые соседи, не похищая друг у друга ни выгод, ни прав, меняют и делят между собою

---

* Споры *меркантистов* и *экономистов,* наделавшие столько шуму во Франции, известны свету. *Адам Смит,* человек с превосходным, всеобъемлющим умом, помирил, кажется, тех и других. Он ясно доказал, что *труд* должен иметь *свое разделение* и что чем свободнее разделение сие, тем живее, *разнообразнее* и успешнее деятельность — истинный источник *богатства народного.*

по-братски плоды и избытки трудов своих*. Как же не странно после этого желать, чтоб все народы, обитающие на необъятной широте Русской земли, сделались непременно одним чем-нибудь: или купцами, или земледельцами, или ремесленниками!..— Человек может страдать от двух естественных причин: внутренней и внешней. Первая случается, когда что-нибудь прерывает порядочное движение крови; вторая, когда его жмут и стягивают не по нем сшитою одеждою. То же самое и с государственным телом: полагать препоны внутренней промышленности значит нарушать порядочное течение крови, а строгое ограничение несвойственными, тесными и чуждыми для него правилами *внешней торговли* есть то же, что не в пору сшитое или взятое с карлы и насильно на великана надеваемое одеяние.— Что касается в особенности до Риги, смело можно сказать, что *торговля* была давнею и единственною благодетельницею ее и многих имевших сношение с нею областей, особливо Смоленской губернии. Будучи уроженцем оной, я убежден в сем по собственному опыту. Древняя торговля украсила и обогатила Ригу. Она же ввела ее и в знаменитый союз городов анзеатических. И в самые недавние еще времена золото и серебро стекались с разных сторон света в город сей. Одних пошлин с товаров, когда пошлины взимались серебром, сбиралось в год до 500 000 битых талеров. Известно, что в 1803 году привезено сюда иностранной монеты: золотом — четыре пуда одиннадцать фунтов восемьдесят золотников, а серебром — семьдесят три пуда двадцать два фунта и восемьдесят семь золотников. Такой прилив золота и серебра приметно питает источник государственных доходов. Но при очевидности общей от сего пользы частные выгоды бывших в сношении с Ригою губерний неописанны. Лес, хлеб, лен, пенька, сало, воск и щетина — сии дары щедрой природы и плоды усердных трудов, сии простые произведения, которых *ценность* возвышалась первою на месте отработкою, сплавливаемы будучи, при удобности водяных сообщений, в *Ригу*, доставляли помещикам не только денежный прибыток, но и способы покупать в сем городе, весьма дешевою ценою, все необходимое в их домашнем быту. И самые крестьяне имели в то время свой особенный источник дохода. От *зимнего извоза* (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ от перевозки груза к пристаням) получали они столько денег, что легко могли уплачи-

* «Склонность к мене и торгу врожденна людям» — так говорит Адам Смит и полагает склонность сию в числе надежнейших связей, соединяющих людей в общества. Без сей склонности каждый жил бы только с собою и для себя, не желая сойтись и поменяться с соседом.

вать все подати в казну и помещику; плоды же сельских трудов оставались для собственной их пользы. Свободная и ничем не стесняемая мена избытков всегда сопровождается столь выгодными последствиями для всех и каждого!..

* * *

Я видел (на бирже) волшебную черную доску, на которой для всей почти России начертывают уставы в ходе денег. Каждую неделю *два раза* здешние маклеры, учредив между собою, означают на сей доске *курс* или цену звонкой монеты. Едва появляется начертание, как самые поспешнейшие уведомления рассылаются во все концы, и тут одни выигрывают, а другие теряют, смотря по тому, как деньги дешеветь или дорожать начинают.

* * *

Мы зашли к славному здешнему механику *Вих...ну*. Нельзя не подивиться разным опытам его искусства, особливо собственным изобретениям. В числе последних любопытнейшим показался мне новоизобретенный им музыкальный снаряд, который он назвал *мелодикою*. И просто, и прекрасно!.. В ящике, имеющем вид шкафа, устроен *металлический вал*, к которому внутри прикасаются оклеенные лайкою пальцы таких же точно клавишей, как и в фортепиано. Человек перстами трогает клавиши, а ногою в то же время, нагибая поднóжку, приводит в движение с маховым колесом *вал*. Тогда клавиши, получая натиск извне, прикасаются внутри, искривленными *пальцами* своими, к *звонкой поверхности вала*, и от сего, единственно, прикосновения к металлу в разных местах происходят разные звуки, которых правильное слияние составляет прелестную для уха поющую мелодию.— Сия *мелодика* так искусно подражает всем духовым инструментам, что, не видя, можно принять ее за целый оркестр вместе.

Ученый профессор Бр..., к которому любезный К. В. завел меня по знакомству, показал нам чудеса древности. Он развернул *прошедшее,* как книгу, и ярким лучом наблюдений своих прояснил для нас глубокий мрак шести веков. Древние страны Кур-, Лиф-, Эст- и Финляндии открылись предо мною со всеми любопытными чертами своей первобытности. Я видел

их природу, жителей, образ правления, видел *епископов, рыцарей креста, кавалеров меча* и братьев *черноголовых*. Каждое лицо представлялось в своем виде, в своей одежде, со всеми приличиями, свойственными его времени.— Особливо любопытно было смотреть на богатырей или рыцарей древних времен: чего только не носили они! Тут увидишь рыцарей в огромных шляпах, в острых железных колпаках и рыцарей — с рогами!.. Да, именно с рогами!.. Они приставляли их к своим шлемам, обвешивали множеством разноцветных значков и гремушек и делали из себя странных пугал.— К слову пришлось о *рогах*: ведь точно с тех пор вошло в обычай дразнить ими некоторых мужей. Женщины того времени, отпуская супругов на войну, собственными руками, в знак прощальной нежности, увенчивали чело их *рогами*. И оттого-то вместо, чтоб сказать: такая-то отпустила мужа своего на войну, тогда говорили: «Она уже надела, или пристроила, мужу своему — рога!» Подозрительное поведение жен в отсутствие мужей соединило потом с понятием о рогах то невыгодное понятие о супружеской верности, которое, сквозь отдаленность нескольких веков, дошло и до нашего времени. Вот нечто очень забавное! — Но хочешь ли, чтоб я рассказал тебе что-нибудь очень дельное? — Изволь! Я видел самый верный список с *грамоты* смоленского князя *Мстислава Давыдовича*, заключающей в себе торговый договор с бискупом *Альбертом,* основателем *Риги*. Она писана в 1228 году: это почти современница *песни о походе Игоря!**. Прелюбопытная грамота! Сперва опишу внешний вид, а потом и внутреннее ее достоинство.— Грамота сия занимает целых два листа кругом. Буквы в ней, кроме некоторых, *славянские* прямого почерка, а язык чистый русский, разумеется, того времени. Он почти тот же, что и в *Игоревой* песни, только вместо пиитических *извитий* и прикрас имеет всю простоту языка разговорного. Порядок и ясность мыслей во всей грамоте вообще удивительные.

В правописании заметил я сокращение слов без титлов, например: *Смлянский* вместо Смоленский; бскп вместо бискуп и проч. Буква *Н* писалась тогда по большей части таким образом: ⊨; а вместо слога *но* везде стоит *нъ*, это самое замечается и в правописании Игоревой песни. Во всех также почти словах вначале вместо гласной буквы стоит ъ, а это есть уже признак древнейшего правописания. Перед литерою *У* везде

---

* В важной и полезной книге, издаваемой канцлером *графом Н. П. Румянцовым*, старейшая из грамот писана, если не ошибаюсь, в 1265 году, следовательно, все гораздо позже той, о которой здесь упоминается!

поставлена буква *О*, например: *роука, зоуб*. Мы выбросили *О* и говорим: *рука* и *зуб*; а *коренные жители Курляндии* выпустили букву *У* и говорят: *рока* (рука), *зоб* (зуб).— Сколько ветвей и отростков пустил от себя сугубый корень славянорусского языка! — Препинательных знаков в грамоте никаких нет, а периоды одни от других отделяются каким-то *четвероточием* ⁘. Внизу несколько печатей. На одной заметил я довольно искусно вырезанное изображение *бегущего коня* без всадника, а на другой сии слова косым почерком:
Влко Смлянскый (Владыко Смоленский)

Но обратимся к содержанию грамоты.— Прекраснейшая мысль, заключающаяся во вступлении, привела меня в восхищение и невольно осталась в памяти, вот она: *«Люди приходят и отходят, но постановления, сделанные ими, остаются; а потому и вздумал Смоленский князь Мстислав Давыдович, внук Ростислава, послать разумнейшего попа своего и с другими добрыми людьми* (имен не упомню) *поставить с рыжаны и гоцкими берегами* (с Готландом) *правду* (права)». Грамота сия вообще доказывает самое близкое сношение Смоленска с Ригою и Готландом, а равно и то, что между тогдашнею Россиею и тогдашнею Европою взаимное сношение точно было*. Это предположение можно доказать и некоторыми местами из песни Игоря. В числе высланных от бискупа Альберта для переговоров с смоленским *попом* находились граждане анзеатических городов и один *кашелец* — уроженец гор⟨ода⟩ Касселя.

Хочешь ли узнать тогдашний порядок внутренних дел и устройство княжества Смоленского? — Я выпишу тебе, как упомнил, некоторые статьи из *правды* или *прав*, между смолянами и рижанами обоюдно утвержденных, например: «Если смолянин в Риге, а рижанин в Смоленске убьет *вольного человека*, то платит он *І грвн*, то есть 10 гривен серебра. Буде же убьет раба, то 5 гривен». Не дивись, что за убиение человека полагалось денежное наказание; раскрой летописи тех времен и ты увидишь, что во всей почти Европе делалось то же; но деньги были тогда несравненно дороже, чем теперь, и сумма

* Еще гораздо прежде сего *Ярослав* был уже в родстве почти со всеми европейскими государями. Одна дочь его была за королем норвежским, другая *(Анна)* за Генрихом I, королем французским; одна сестра за венгерским, другая за польским королем. Сын женат был на дочери императора греческого; а сам великий князь на дочери короля шведского.

десяти гривен почиталась весьма важною.— Все исторические сказания 12 века обнаруживают странный и жестокий обычай, у всех почти европейских народов вкоренившийся, *пытать* осужденных *горячим железом* или заставлять их вынимать кольцо из кипящей воды и проч. «Как же поступали в таком случае наши русские?» — спросил у грамоты. Она говорит: «А буде кто станет виноват, того да судит смоленский судья и с добрыми людьми, а *к горячему железу* его *не водить*». Нельзя не заметить, что *за отнятие чести целомудренной девы* или *жены* полагалось то же наказание, что и за жизнь человека, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ плата десяти гривен серебра. Тогдашние законодатели, как видно, *жизнь* и *честь* ставили в одной цене.— Далее из грамоты видно, что иноземным гостям или купцам, со стороны русского правительства, оказываемы были всевозможные выгоды и пособия. Русские всегда принимали и угощали иноземцев, только не раболепствовали им. Вспомни, что в это время во всей почти Германии не было ни проходу, ни проезду торговым людям. Графы, владевшие горными замками, нападали на *караваны* купцов, грабили или брали большие *окупы**. Как же поступали в России, имели ль понятие о выгодах торговли? — Следующая статья объяснит это: «Лишь только местный смоленский начальник** получит известие, что торговый *караван* немецких гостей доплывает к *Волоку*, то в тот же час посылает подводы для свозки товаров, и если у одного из подводчиков что-либо пропадет с воза, все его товарищи обязаны платить за то купцам». Немецким торговым людям не воспрещалось ездить и далее за Смоленск в Россию, а русским по всем приморским сторонам даже до Травемюнда.— В грамоте часто упоминается о смоленских монетах. *Куна, векша* и *смоленская ногата* были в 13 веке ходячими деньгами сего княжества. О *ногате* говорится и в песни о походе Игоря.

Веротерпение, столь уважаемое друзьями человечества, было также известно и уважаемо в то время, ибо одна статья именно говорит: «А немцам в своей церкви молиться по-своему никому не мешать». Итак, если согласиться с умным Феррандом, что степень просвещения народа познается по установлениям и законам его, то можно ль, судя даже по тому, что я только мимомельком заметил в любопытной грамоте, назы-

* Таковые нападения на проезжих и торговых людей продолжались до 1282 года, пока сам император Рудольф Габсбургский не пошел войною на беспокойных вассалов своих.

** В подлиннике сказано: *Смлянский тиун.* Слово *тиун* находят и в *Русской правде,* а ныне употребляется оно в некоторых сибирских губерниях и в Камчатке и значит местного начальника.

вать невеждами русских *того века*, в котором и целая Европа крайне бедна была истинным просвещением? — Чистота нравов есть лучший признак — печать образованности.— Другая грамота 100 годами позже заключает в себе также договор о рижской торговле одного из смоленских князей, *внука Глебова*, с литовским князем *Гедмыном* или *Гедемином*, основателем Вильны.— В правописании сей грамоты отличается: ⊙ И вместо *З* везде буква, похожая на *зет*: (ʒ); а в заглавной строке изображен (+) *крест*.— Известно, что такой же крест виден в начале строк на камне, найденном на острове *Тамань*, что в древности назывался *Тмутараканью*. В первой и второй грамоте теперешний *Ч* представлен почти в таком виде Y, но ⊙ употреблено только в последней. Точно такое же *О с точкою* ⊙ видел я в полуистребленной церкви в Киеве.— Третья запись новейших времен, в виде предлинного узкого свитка, есть Указ царя *Алексея Михайловича* правителю *Руцкой волости* Дорофею Лутковскому о свободном пропуске щегл, ванчесов* и *пилпеней* в Ригу. Такие рукописания назывались прежде *столбцами*. Виденный мною писан связным и крючковатым почерком с титлами.— Из сей записи, или хартии, можно узнать, между прочим, имена царедворцев Алексея Михайловича: они подписаны внизу. Весьма любопытно в ней одно место; сказано:

«...Чинить свободный пропуск от *Поречья до Риги* и мимо *Царевича Димитриева городка*». Где теперь *этот городок* и какого *Царевича Димитрия*? — этого и сам ученый профессор Бр. не мог нам разрешить. Может быть, почтенные любители отечественной старины отыщут его на древней карте России, называемой *большой чертеж*.— Вот сколько любопытного и полезного узнал я в *полчаса*, пробежав глазами Историю *Лифляндии* и *Эстляндии* г-на Б. Книгу, над составлением которой почтенный старец сей провел большую часть своего века! Г. Б. почерпал сведения для Истории своей из Гамбургской, Любекской, Данцигской, Кенигсбергской, Митавской и Рижской архив. Жаль только, что он сам не в состоянии напечатать преполезной книги своей, а типографщикам, которые обыкновенно стараются достать все дорогое за бесценок, уступить ее не хочет.

---

* *Волость* сия и поныне известна под тем же именем в Смоленской губернии.

Часть II

Рига

Рассматривание любопытных грамот в Риге обновило во мне мысль, которая не раз, особливо в прогулках по старому Киеву, представлялась мне со всею заманчивостию пользы и приятности. Я хочу сказать *о составлении* путешествия по *древней первобытной России.*— Известная книга *«Путешествие Анахарсиса по Греции»* невольно внушает мысль сию. Пусть *кто-нибудь* представит нам *славяно-русского Анахарсиса*, путешествующего из края в край еще *не разделенной России;* пусть нарисует полную картину обрядов языческого богослужения и подле нее выставит другую: картину священную и величественную водворения веры христианской. Пусть опишет, как, подобно благовонным кринам райским, возникали *юные храмы* Бога небесного на смрадных развалинах капищ богов земных. Пусть, переменя слог, представит *почетный пир* князя Владимира, *Солнышка* Святославича. Пусть введет нас во светлые гридни княжеские, покажет нам *вещих боянов, могучих богатырей*, храбрых витязей и подле на площади *всю поляницу удалую*, черпающую мед из корчаг и забавляющуюся старинными потехами русскими.

Пусть покажет потом *Россию разделенную* и поведет читателя из одного княжества в другое, от одного двора к другому. Какое разнообразие в законах, обычаях и страстях!..— Я воображаю, что, например, в 1185 году, около мая месяца, приезжает он в *Новгород-Северский*, и что находит там? Все княжество в движении; везде брящает оружие и блещут доспехи; готовятся к *делу великому* навести полки на землю Половецкую за обиду Русской земли. Уже все готово к бранному пиру; уже ржут кони за Судою; «звенит слава в Киеве; трубят трубы в Новегороде; веют знамена в Путивле; ждет Игорь милого брата Всеволода» — и Всеволод Трубчевский, Святослав князь Рыльский и Владимир Путивльский спешат соединить войски свои с Игоревым и *поискать счастия* за синим Доном.— Пусть наш *Анахарсис* сопутствует *Игорю* в благородном, отважном, но мало обдуманном предприятии его.— Ужасное солнечное затмение, кровопролитнейший двудневный бой и, наконец, падение знамен Игоревых в земле чуждой, на поле незнаемом, возбудят в читателе множество разнообразных чувств, которые сольются потом в общее чувство умиления и жалости о судьбе плененного героя.— Сопутник его может возвратиться в числе тех 215 человек, которые, пробившись сквозь чащу копий и мечей половец-

ких, одни из целого войска воротились.— Конечно, в русском *Анахарсисе* не увидим мы обманутой любовником Сафы, летящей со скалы Левкадской; но увидим одну из русских княгинь, бросающуюся с высокой колокольни, в роковую минуту скорби, когда узнает о смерти своего супруга. Мы увидим знаменитейших *жен русских*, избавляющих себя *честною смертию* от позорного пленения.— Мы услышим стоны любви и грусти нежнейшей из супруг. Ефросиния, дочь князя Ярослава Владимировича Галичского, нежная, верная супруга отважного *Игоря*, горько сетует в разлуке с милым сердцу героем. Покой и радости удалились от нее с той роковой минуты, когда с верною дружиною нестрашимых воинов полетел он искать битвы и славы на широких полях незнаемых половецких стран. Для нее отсветило солнце счастия, отцвели цветы веселия, все дни ее исполнены были печалью, а ночи страшными видениями. Бури, шумящие в дремучих лесах, звери, воющие пред страшным днем битвы, птицы вещие, налетающие черными стадами, младой месяц, померкающий в мутных облаках, грозные половцы, идущие от моря, от Дона и со всех сторон, треск копий и мечей *харалужных* и шлемы, летящие с главами под ноги коней, представлялись востревоженному воображению печальной супруги в тишине прекрасных летних ночей. «Не скоро увидишь ты друга твоего!» — говорил ей тайный голос предчувствия. Напрасно, в сладкие минуты забвения, простирает она белые руки, чтоб обнять его... пуста и хладна, как могила, половина двойственного ложа ее, которое разделял прежде с нею верный супруг. Он унес с собою полсердца ее!.. Раным-рано, на утренней заре, в златые для счастливых супругов часы, покидает она орошенное слезами ложе, страшится унылого одиночества своего и спешит на высокую стену града Путивля, где, с сильным трепетом сердца, прилежно смотрит и слушает: не раздается ли в поле топот коней, не скачет ли гонец с вестью радостной, не блещут ли в тумане утреннем брони витязей, не ведет ли Бог с войны друга милого!..

Ярославнин голос слышится
На стене Путивля города:
«Полечу я,— говорит она,—
По реке Дунаю *зегзицей*,
Омочу рукав бобровый мой
В струях Каялы быстрыя,
Раны оботру кровавыя
Я на теле друга милого».
Ярославнин голос слышится
На стене Путивля города:
«О ветрила, ветры буйныя!
Вы к чему так сильно веете?

. . . .
Вы бушуйте средь песков и вод,
Корабли носите по морю —
Но зачем мое веселие
Как ковыль-траву развеяли?
. . . .
Быстротечный и преславный *Днепр*!
Принеси скорей назад ко мне
Моего супруга милого.
Я бы рано посылать к нему
перестала слезы по морю!»

Так изнывала в тоске печальная *Ефросиния! Ветры, солнце* и *Днепр* были всегдашними свидетелями грусти злополучной жены: им поверяла она стоны сердца своего. Ей казалось, что и самые бездушные предметы могут понимать и делить с нею скорбь растерзанной души ее. Вот как сетовали русские жены того времени в разлуке с супругами, и могут ли быть сетования печальнее и выражения грусти естественнее? Сочинитель песни о полке Игореве передал нам златые выражения сии, растворенные слезами любви и нежности.— Захочет ли русский *Бартелеми* избрать для нового Анахарсиса своего времена позднейшие? Тысячи блестящих событий и любопытнейших предметов представятся перу его. Поля задонские и стены казанские громко беседуют с бессмертием о прежней славе россиян.— Но мне надлежало бы исписать несколько листов, помещая одни только намеки на избранные места Истории нашей. Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блестят, как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только собрать и сблизить их, чтоб составить для России *ожерелье славы*, которому подобное едва ли имели Греция и Рим. Древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребенные в архивах древних городов и монастырей, старинные народные предания, песни и стихотворения русские — вот первые источники для исторического путешествия. Книги степенные, хронографы и синопсисы всегда готовы беседовать о древности. Историки византийские и хроники польские не откажут также объяснить некоторые темные места. Исторические труды новейших времен многих почтенных россиян довольно уже известны всем и каждому. «Сильная надежда есть порука в успехе!» — говорят восточные мудрецы. С такою-то надеждою и еще сильнейшим любопытством должен обозреть Россию сочинитель нашего Анахарсиса. Преселенный духом в столетия протекшие, он вслушается в таинственные беседы

их и постигнет язык времен. Древние храмы, безмолвные для людей обыкновенных, надгробные тризны, памятники* и запустелые места давно существовавших городов** откроют для него уста свои.— Нет никакого сомнения, что просвещенный путешественник с наблюдательным духом, проезжая разные области России, отыщет вещи, особенного внимания достойные. Даже вслушиваясь в старинные русские песни и разбирая разные *местные наречия*, можно найти много любопытного и для нас теперь еще нового. Я недавно узнал, что в *Галиче* Костромской губернии существует и поныне совсем особенное *наречие*, которое, вероятно, в смутные для России времена служило некоторым из тамошних граждан для тайного разговора и переписки. Сохраненное и поныне в некоторых *купеческих обществах*, оно доставляет им способ, особливо тем, которые разъезжают по ярмаркам, объясняться друг с другом о цене товаров и о прочем так, что никто из предстоящих разуметь их не может. Сие *галичское* наречие называют *галивонские алеманы*. Потому, может быть, *галивонские*, что Галич в старину (вероятно, для отличия от Галича, находящегося ныне в австрийских владениях) называли иногда *Галивоном*. У жителей галичских исстари велось говорить о городе своем и о себе так: «город *Галивон*, озеро *Мирон*, а люди *Кривизна*!» Выражение: *люди Кривизна* — значит хитрых и оборотливых людей. Говорят, что галичане всегда были отменно искусны в переговорах, торгах и разных оборотах промышленности. Удивительно, что наречие галичское имеет многие оттенки полного языка, которого грамматические правила во всем, однако ж, сходны с нашими. Не нарушая тайны *галичских* жителей, я помещаю здесь из целого наречия их только несколько слов, которые, верно, для всякого любопытно будет прочесть. Например:

Лабута — мужчина.
Каривос — девушка.
Котюр — молодой человек.
Крутко — отец.
Мамыса — мать.
Ховрик — барин.
Склавыга — слуга.
Тибас — вор.
Кострыга — судья.
Косарь — секретарь.
Пеструхи — карты.

---

* *Курганы.*

** Теперь называют их *городищами*.

Кочева — голова.
Харя — лицо.
Зевак — рот.
Аксиосы — волосы.
Оходарь — нога.
Скрыпы — ворота.
Декать — давать.
Стибасить — красть (от существительного *вор Тибас*).
Шабро — хорошо.
Хило — худо.
Яман — нехорошо.
Бик-яман — очень худо. { Сии слова, если не ошибаюсь, кажется, заняты из персидского языка.

Счисление:
Ионой — один.
Зьюсак — два. { Не по смыслу, но по звуку слова сии имеют некоторое сходство с словами: *Ионтаг* и *Зьюсбах*, принадлежащими также к *счислению на монгольском языке.*
Стреман — три.
Чеква — четыре. И проч. и проч.
Хаз — дом.
Парка — изба. { По-венгерски: *газ*; а в моравском наречии хозяин дома называется *газда* или *хазда*.
Филон — палати в избе.
Дулин, дульяс — огонь.
Обвихаться — жениться.
Шустать — говорить.
Мысловать — целовать.
Кимать — спать.
Сандали — сапоги.
Подпруга — кушак.
Липосы — лапти.
Лель — яма.
Кантафрес — табак.
Секарь — топор.
Контырь — безмен.
Мотырь — аршин.
Масеневской — мой.
Тобановской — твой.
Пельмаю — знаю.
Пнать — бегать.
Упнал — убежал.
Померковать — переночевать.

Вот слова совсем особенного *наречия*: как и когда оно составилось? — об этом надо спрашивать у любителей и знатоков древности.— Обстоятельнейшим объяснением разных

подробностей о сем наречии обязан я почтенному и любезному сослуживцу моему *Ива⟨ну⟩ Астаф⟨ьевичу⟩ Жадовскому*, который, побуждаем будучи похвальным любопытством исследовать все, что есть достойного внимания просвещенного человека, в местах его родины, узнал между прочим подробно и верно об *галивонских алеманах*.— Но обратимся к нашей мечте *о русском Анахарсисе*. Ничто не ускользнет от глубоко проницающего взора неусыпной внимательности путешествующего историка,— и он опишет нам все *словами старых повестей*, не по замышлениям стихотворцев и баснсоплетателей, но *по былинам* тех времен.— Подвиг трудный, но блистательный!.. Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, *гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог — одежду мыслей их:* все в совершенном *приличии месту, случаю* и времени*. Тогда, конечно, взыграет дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков; но каким небесным умилением обольется сердце его, когда он увидит дух чистейшего благочестия, дух нежнейшей кротости, страстной любви к ближнему и неограниченной привязанности к Отечеству в предках наших, которых безрассудным иноплеменникам угодно называть суеверами, невеждами и варварами.— Люди, умевшие сражаться и вести переговоры с просвещенными и хитрыми греками, не могут назваться невеждами. Игорь, не убоявшийся ужаснейшего солнечного затмения, не может почесться суевером.— *«Когда вы, подстрекаемые чуждыми советами, уже непременно хотите идти на нас войною, то мы пойдем против вас не с оружием, а с Пресвятою Богородицею и поклоном, ибо вы наши братья: побейте нас всех, если хотите быть беззаконными!»* — так говорили жители *Пскова* новгородцам, вознамерившимся объявить им войну. Это было в начале *13-го века*. Но новгородцы ужаснулись быть беззаконными, и мир утвержден. И люди, умевшие говорить так просто истину, и люди, умевшие убеждаться ею, могут ли назваться варварами? — *Принц Делинь* в числе первых достоинств императора Иосифа полагает снисходительность, с которою он нередко выслушивал бедных, обиженных судьбою и неправосудием его министров и губернаторов. Но загляните в Нестора и других летописцев, и вы увидите, что большая часть из русских князей любимым удовольствием своим почитали отирать слезы вдовиц, заменять отцов

* В сем случае можно взять пример с профессора Бр., который все сие тщательно собрал и представил в своем историческом описании Лиф- и Эстляндии.

сиротам, милостиво беседовать с нищим и убогим, и *не забывать и малейшего из людей!..* Зато как любили люди сии князей своих!.. Сколько раз повторяют летописцы, *что звону колокольного не слыхать бывало от слезных воплей и громкого рыдания неутешного народа, провожавшего Государя своего во гроб.*— И такой народ разве мог быть непросвещен? Нет! пусть каждый по-своему толкует о просвещении ума; но предки наши имели истинное просвещение в сердцах. Это неоспоримо.— Мы еще не можем утвердительно сказать и о том, чтобы русские прежних столетий, умевшие уже пользоваться всеми выгодами торговли и сношениями с отдаленными государствами, не сделали и важных успехов в искусствах и художествах*. Но войны и разрушения, ходившие по России, истребили и сгладили многие памятники времен. Отверстия или *голосники*, примечаемые в древних стенах *Успенского собора в Киеве*, и множество больших особого вида и рода глиняных сосудов, найденных в пустоте стен при починке оных, ясно доказывают, что строитель храма сего имел уже понятие об одном из важнейших таинств зодчества: увеличивать и вторить голос посредством *элиптических сводов*. А *искусная кисть*, изобразившая с редким совершенством множество лиц в алтаре *Софийского собора* в *Новегороде*, не доказывает ли, что *она* принадлежала превосходному живописцу того времени?**— Но сколько можно найти еще и других важнейших доказательств!

И как приятно б было увидеть Историю славы, добродетелей и ума предков наших в блестящем ряду таких картин, какие умело рисовать перо бессмертного Бартелеми! — Вот избыток чувств, излившийся в несвязных выражениях! Вот мечта, которую могут осуществить почтенные писатели русские, имеющие проницательный ум, короткое знакомство с древностию, покровительство осыпанных дарами счастия любителей отечественной славы, надежные способы к жизни и досуг!..

Рига

Мы зашли в книжную лавку и с любопытством рассматривали *картины, карты* и *астрономические снаряды*, о которых почтенный земляк мой *Ник. Льво...*, служивший с честию во флоте, делал нам самое удовлетворительное истолкование:

---

* Знаменитый *Шлецер* полагает, что до нашествия татар все искусства и художества Греции свободно переходили в Россию и процветали в ней.

** Собор сей построен Ярославом I в 1036 году.

«Вот *карта Луны!*» — сказал хозяин лавки, и мы бросились рассматривать ее. До чего только не дойдут люди!.. Нарисовали карту Луны, изобразили в ней: воды, леса, глубокие долины, которые кажутся нам *темными пятнами*, и превысокие горы, занимающие все то пространство в месяце, которое простым глазам земного зрителя кажется *светлым*. Знаменитый *Гершель* сделал весьма важные открытия в Луне. Кроме морей, гор, лесов и прочего, он открыл *атмосферу*, а по этому и судят: когда есть там *чем* дышать, то надобно, чтоб было и *кому* дышать! — Недавно замечена в Луне молния: стало, там бывают и бури!.. Но лунная атмосфера несравненно тонее и чище нашей, а поэтому и доказывают, что люди должны быть в ней во всех отношениях совершеннее. Любопытно знать: есть ли-то у них лунный *Гершель* и видят ли они наши воздушные и земные молнии и пожары военные, опустошающие царства кровью, слезами и стонами покрытой Земли?..

* * *

Песок и вода, вода и лес — вот что окружает рижскую дорогу до первой и второй станции. Я нигде не видал красивее станций, спесивее смотрителей и хуже лошадей. Здешние полунемцы целыми семьями поселяются в превыгодных станционных домах, заводят полное хозяйство и занимаются только своими выгодами; а проезжий для них всегда не в пору гость!..

* * *

На одной из станций застал я высокого доброго немца, уроженца кенигсбергского, хорошего музыканта, чувствительного путешественника, чувствительно обиженного корыстолюбивыми содержателями почт. Он попросил меня довезти его до известного места; нам припрягли еще одну лошадь; добрый немец, с длинными ногами, местится в короткой русской повозке, и вот мы уже едем с ним другую станцию вместе.

* * *

Беленые домы, красные кровли, кругом деревья, на окнах цветы, на воротах: *«Добро пожаловать!»* Это здешние корчмы!

* * *

Темная ночь, сырой воздух, мрачное небо, мокрая земля, грубый извозчик, тощие кони... вот картина нашего ночного путешествия!.. Едем шагом, в дожде и в скуке! Кенигсбергец советует мне забыть существенность и, забавляясь воображением, утешаться надеждами и мечтами. Благодарю за совет, но не могу воспользоваться им: мечты и надежды мои миновались с летами... Я вижу их там, в отдаленной картине прошедшего. Так утружденный путник, блуждающий по раскаленным пескам пустыни, видит вдали за собою прохладу, рощи, тени и ручьи, которые он миновал и которым подобных, может быть, уже никогда не встретит.— Юность обыкновенно забавляется мечтами и надеждами; она дорожит ими, *как розами, найденными в пустыне*.— Идут лета жизни и грозят невинному счастию ее. Приходит *опыт*, и хладным прикосновением своим застужает жар юного сердца, и наводит облако грусти на светлую зорю расцветающей младости. Он дохнет на мечты — и разлетятся; коснется надеждам — и оцепенеют!..

...*Надежды* и *мечты*
Нас тешат, как детей, и вянут —
как цветы!..

Извозчик сидит, как чурбан, лошади везут шагом. Пользуясь временем, дочитываю прекрасную книгу *Мабли*.— Вся политика запрошлого столетия у меня перед глазами. Многосложные статьи Вестфальского мира служат ей незыблемым основанием. Автор открывает все тайны переговоров и разные ошибки разных министров. Нередко одною рукою подписывали мир, а другою зажигали пламенник войны! «Время употребить более великодушия и беспристрастия в переговорах о счастии народов, время остановить потоки крови и проч.— Так говорит г-н *Жомини* и продолжает: — Да будут презрены те успехи во зло употребленного просвещения, которые довели *(дипломатику)* науку о переговорах до того пагубного совершенства, посредством которого, говоря о *мире*, всегда умеют в *извитиях суждений* своих оставлять *семена раздора*! Когда прекратится хитрое искусство самые *ясновидные* истины делать *темнопонятными*, тогда вместе с ним рушатся и сии громады войск, напоминающие нам времена *гуннов, вандалов* и *татар*».

* * *

Белые строения с красными или зелеными кровлями, кругом — густая зелень; подле светлая вода — вот внешний вид здешних господских *мыз*. Урожай здесь нынче прекрасный: *овсы* стоят как зеленые стены!..

Вольмар

Прелестный крохотный городок! Улицы вымощены камнем. Домики один подле другого и один другого лучше. Везде чистота и порядок. Из миловидных домиков выглядывают милые личики. Этот городок как будто из Саксонии перелетел сюда!

* * *

Нельзя не пожалеть, что в Митаве, Риге и далее русский язык совсем не в употреблении. Чрез сии области мог бы пройти он далее и ознакомиться с народами других земель. Когда уже саксонцы с жаром принялись учиться по-русски, как же русским немцам не делать сего? — Да правда, не повиня себя, нельзя упрекать и их. Лет за пять пред сим два богатые лифляндские барона Л...., которые ездили в Париж учиться по-французски, в Рим по-итальянски, а в Лондон по-английски, приехали в Москву научиться по-русски; но прожив два месяца в лучших обществах большого света, спрашивали потом у всех: в какой из русских городов должно ехать учиться по-русски, потому что в Москве везде говорят по-французски! — И вот еще очень недавно, на этих днях, знакомый мне кавказогорец кн⟨язь⟩ Ч.... преостроумно посмеялся русским насчет отпадения их от отечественного языка. «Как вы хорошо говорите по-русски!» — сказала ему одна знатная госпожа. «Я с большим прилежанием учился этому языку в Кизляре,— отвечал он,— однако вижу, что в расчете моем крайне ошибся. Едучи в Россию, мне бы надлежало учиться по-французски: во всех лучших домах слышу один этот язык, а со мною говорят по-русски только из милости — как с азиатцем!»

Побывав в здешних сторонах, поверишь, что волосы могут быть и белы, и желты, и сребровидны. Что читал в северной Эдде и Оссиане, то вижу теперь на всяком шагу.

* * *

Черная шляпа с загнутыми полями и два креста на боковых швах кафтана — вот одежда здешних крестьян. Точно такую же видел я на рыцаре, изображенном на древнем доме братьев-черноглавцев — в Риге.

Дерпт, 30 августа

Я приостановился на несколько часов в Дерпте обсушиться и отдохнуть от медленного странствия. Безостановочная езда очень тихая утомляет, может быть, еще более, чем очень скорая.— Я приехал ночью. Поутру пошел познакомиться с городом и застал его в приятнейшем торжестве. Забыв числа в скучной дороге, я вспомнил тут, что сегодня 30 августа — день ангела Государя. По колокольному звону нахожу русскую церковь... Идучи мимо прекрасного, огромного здания, слышу музыку, вхожу — и я в университете, среди приготовлений к торжеству. Вижу скамьи и сажусь посмотреть, что будет. Съезжаются дамы и садятся особо; входят профессоры и занимают свои места. *Хоры* пестреют разноцветными одеждами зрительниц; зрители толпятся внизу; посетители занимают скамьи и стулья. Музыка умолкает. *Профессор минералогии* всходит на кафедру. Слышим пространную речь о сей науке; заключение ее украшается обращением к торжественному дню и высочайшей особе ИМПЕРАТОРА.

Университетское торжество кончилось.— Один из русских Шм. шв. ласково знакомится со мною; другой из здешних городских чиновников Г. П. т. рс. н. с самою приветливою учтивостию зовет меня на праздничный обед в *Муссе* — здешнее благородное собрание. Благодарю за приглашение — и иду.

Обед, в два часа, отличается степенною немецкою веселостию. Все профессоры, люди почтенные и ученые, усердно торжествуют сей знаменитый день. Пьют за здоровье Государя,— палят из пушек. Общая большая чаша с шампанским переходит из рук в руки. Это напоминает *чашу дружбы* оссиановских пиров: дружба, чистосердечие и гостеприимство всегда были домашними добродетелями северных народов.— Стол кончился; меня приглашают остаться на вечерний бал; но необходимость быть скорее у *своего места* заставляет от сего отказаться. Благодарю, прощаюсь и ухожу. Жалею, что не имел времени познакомиться с известным писателем нашим *А. Ф. В⟨оей⟩к⟨о⟩вым.*

Я взошел на высокий холм, исстари обнесенный окопами,— и великое, живописное пространство земли открылось глазам моим. Место, на котором я стоял, есть подлинный старинный город *Юрьев, Тарбетень* или, по-эстляндски, Тартолин.— Нынешний же *Дерпт*, или *Дорпат*, лежащий у подножия, построен уже в самые недавние времена. *Дерпт* испытал великие превратности. Основанный русскими еще в 11-м веке*, он переходил то к чуди, то к немецким кавалерам, то к рижским бискупам; блистал в числе *анзеатических городов* и, опустошенный потом войною, оставался вовсе безлюдным, доколе благодетельное российское правительство населило и осчастливило его вновь.

Река Большой *Эмбах*, известная в старину под именем *Амовши*, протекая из озера *Вурц-Эрве* в пространное озеро *Чудское*, или *Пейпус*, приносит много пользы городу. Недавно украсили ее большим каменным мостом. Город вообще красив и приятен.

Нельзя не сказать доброго слова о здешних *местных бумажках*. Они ходят безо всякого промена. *Рига* и *Дерпт* выпускают свои мелкие ассигнации на 25, 50 и 100 копеек, которые имеют *свою ценность* только в окрестности сих двух городов. Понадобится ли разменять нашу пятирублевую бумажку: за нее дают 5 рублевых, или 10 полтинных, или 20 четвертных рижских билетцев без всякого промену. Люди, ручающиеся за действительность сих билетцев, так хорошо умели поддержать *общественную доверенность*, что их во всяком месте охотно принимают.— Этот способ чрезвычайно облегчает размен больших ассигнаций, которые в других наших городах получают весьма ощутительный ущерб при своем раздроблении.

Первая станция за Дерптом. (Ночь)

Я ехал медленным шагом, но не скучал: теплая погода и картинные виды утешали меня. Ближние окрестности Дерпта украшены мызами и садами; дальние — прелестными видами. Красивые холмы, изгибаясь, кажут на хребтах своих богатую жатву; глубокие долины хвалятся свежею зеленью; в разных местах мелькают хижины; в стороне видны деревни. Вечер был тих и прекрасен. Солнце, казалось, растаяло на дальнем краю неба; злато-розовая черта долго горела на западе.

---

* Ярослав I, покоря чудь и Ям, построил *Юрьев* в 1031 году.

Полная луна всплыла из-за леса и как будто любовалась ясным пространством небес. Так прекрасен был вечер прекрасного дня! — Накануне еще лился дождь и хмурились тучи.

Сие внезапное удаление непогод и появление прекрасного солнца в день ангела Государя не предвещает ли, что и тучи, мрачившие небеса Европы, исчезнут и пройдут и *солнце счастия* озарит дни жизни и лета царствования покрытого славою Императора? — О, да будет солнце сие незаходимо! Довольно видел мир ненастных дней!.. Довольно меч и огнь ополчались на благоденствие народов и разрушение, в гремящих бурях, ходило по земле! Время опочить поколению, рожденному под грозою войны, при блеске пожаров ее, возросшему в превратности мятежных тревог и еще не имеющему ясного понятия о том, как *радуется человечество*, преставшее лить потоки крови и слез! — Надежда, купленная ценою столь долгого терпения и столь великих жертв и тяжких испытаний, обещает нам златое время сие.

31 августа

Я проехал всю ночь насквозь и на сей раз, по милости тихой езды, дремал.— Первый луч света открыл мне глаза, а глазам моим необозримое Чудское озеро. Оно светлелось, как гладкое стекло. Прибрежные леса *синили* воды, в которых изображались. Облака наводили перламутровый оттенок; заря сыпала розы...

Воды так тесно сближались с облаками, что казалось, будто дальние лодки всплывали на небеса. Берега оглашались диким криком жадных к добыче птиц. И у них крамолы и ссоры!.. Смирный *рыболов* стоит битый час на одной ноге и стережет мелькающих рыб. Уже он нацелил глазом и поймал,— как вдруг жадная *ворона*, налетев сбоку, хватает у него добычу терпения и летит; но орел, сидевший на ближнем камне, уносит и ворону и рыбу!.. *Щука* ест *карася, другая,* какая-нибудь огромнейшая рыба,— пожирает *щуку*, а сама издыхает под острогою рыбака!.. Так все идет колесом! Однако есть средство, быв *малым*,— не бояться насильства больших. Ерш распускает иглистые перья свои и, кажется, говорит: *«Я никого не ем и себя не дам съесть!»*

Чудское озеро одно из величайших в Европе. Название свое получило оно от обитавшей на берегах его *чуди. Все* известные предания не дают нам удовлетворительных познаний о сем народе.

Следы пребывания его в обширных странах сибирских еще не изгладились и доныне. *Чудские работы* в Оренбург-

ской и *чудская копь* в Томской губернии, недалеко от *Нагайбацкой* крепости, доказывают, что там жили некогда *чуди*, имевшие уже *достаточное* понятие о *горном деле*. Так говорит нам ученый Паллас. Из тех ли стран вышли народы сии и переименовались в *народы финские*, или сии последние были еще прежде в природных урочищах своих самобытны? О сем надобно спрашивать людей, умеющих постигать глубокие тайны древности.— Обратимся к озеру. Оно выпускает и принимает несколько рек, которые, простираясь в разные стороны, становятся ветвями водяных сообщений, которых средоточием есть самое озеро. Сообщаясь с одной стороны с Псковскою губерниею, чрез реку *Великую*, с другой может оно иметь соединение с *Рижским* и *Финским* заливами, посредством рек *Эмбаха* и *Наревы*. Столь пространное водяное сообщение весьма много способствует удобнейшему перевозу и обмену избытков, а еще более способствовать будет, когда введут во всеобщее употребление благодетельное изобретение *стимботов* или парогонов. Россия вообще так богата большими реками и озерами, что от лучшего устройства водяных путей должно ожидать великих выгод.— Между многими островами, испещряющими Чудское озеро, главнейший *Порка*, на котором есть лес и деревни. Озеро сие, столь тихое в летнее время, подвержено ужасным бурям в начале зимы. Нередко приходят ветры и ломают льды. Рассвирепевшие воды срывают с себя зимний покров и крутят ледяные громады в шумящей буре своих волн.

Почти у каждой из *чухонских* женщин видите на груди серебряную бляху, а на шее, вместе с монистами, много разного рода и вида монет. Такое употребление серебра и денег неоспоримо доказывает прежнее богатство их. Свободный путешественник, конечно, мог бы отыскать на некоторых из сих нагрудников древнейшие, может быть, еще *рунические надписи* и даже языческие изображения, потому что украшения сии переходят из рода в род от отдаленнейших времен.

* * *

Здесь, в Лифляндии, делают огромные строения из огромных разного вида камней: работа проста и прочна. Ставят камни, по большей части круглые, одни на другие рядами, а промежутки закладывают каменными же клиньями, потом заливают все известью и штукатурят. Для сей работы кладут

большие камни в огонь, где они дробятся на части, и сии-то части или осколки употребляют, как сказано, вместо клиньев в промежутки. Таковые здания стоят целые века. Все здешние рыцарские замки доказывают это.

* * *

На лесистом пространстве между озером *Чудским* и *Финским* заливом живут большею частию *чухны*. Нравы их просты, но совсем не так грубы, как некоторые думают. Они вообще очень кротки, пока их не озлобишь. Гостеприимство есть домашняя добродетель их. Они набожны и тверды в исповедании лютеранском; а до 12-го века были упорнейшими идолопоклонниками. Удаленные от большой дороги густотою лесов, живут селами на берегах полноводных рек и обширных озер. Но им приятнее, кажется, жить на просторе, в рассеянных хижинах по дремучим лесам. Они с большим успехом занимаются разведением пчел, скота и рыбной ловлею; однако и хлеб на *лядах* родится изрядно. В прежние времена торговля брала у них лес, пеньку, мед, воск, меха и проч., а им приносила серебряные деньги*, которые простые люди сии, никаких затей роскоши не ведавшие, не зная, где девать, вешали на шеи и головы жен и дочерей своих вместе с бисерными монистами и разными другими низанками. Охотники до древних монет могут поискать их тут, ибо я вскользь видел очень много разного рода и разных государств денег в уборе здешних женщин.

Чухонь называют и финнами, а сами себя зовут они *самами* или *суомами*; землю же свою *Суомен-Сарою*, что значит болотно-озерную страну. Историки полагают, что финны в древнейшие времена вышли из Азии (не с *Асгардом* ли, о котором упоминает северная Эдда?), и находят, что они соплеменны лопарям.

Непроницаемая завеса времен сокрывает от нас дивную картину великого переселения народов, и, полные чудесных событий, протекшие столетия молчат о причинах прехождения их из края в край древнего мира.

Есть, однако ж, писатели, которые проясняют глубокий мрак, покрывавший *север*, и знакомят нас со нравами и обычаями некоторых из народов, населявших древние области

---

* Сие можно подтвердить также сказанием *Гаспари*, который объявляет, что *лопари* менoю кож и прочих грубых произведений получают много *серебра* и проч.

оного. *Маллет*, кажется, с великим прилежанием отыскивал следы изглаженных временем событий и некоторые черты их изображает разительно и живо.— Хочу, например, иметь понятие *о воспитании древних скандинавов* и получаю оное из нескольких следующих строк: «*Грим* (имя скандинавского витязя) еще в раннолетней юности умел обагрять меч свой в крови неприятельской. Он умел бегать по горам; бороться; распознавать звезды и бросать весьма далеко тяжелые камни».

«Насытить алчность диких зверей кровию своих неприятелей.— Дать обед воронам и пиршество волкам.— Превратить море в единую кровавую рану». Вот отличительные выражения в песнях северных поэтов — *скальдов*! — Среди угрюмых картин оледенелой природы на диком бреге шумящего моря, воспламеняемые неугасимым жаром господствующей страсти, они гремели звучные песни на арфах своих. Глас их возбуждал народы. Шумными толпами стекались воины, сильно бились сердца под железными бронями, и тысячи храбрых, палимые жаждою славы, поверяли судьбу свою мятежным морям. *На длинных ладьях* пускались они в необъятное пространство океана, и часто смелые дети Севера, под общим именем *норманнов*, одним появлением своим в отдаленнейших краях Европы вселяли трепет и страх!..*

Здешняя часть Эстляндии чрезвычайно лесиста, а дорога песчана. Небо беспрестанно тучится, и воздух седеет. Замечают, что в лесистых местах дожди идут чаще. Испытатели природы находят, что *волосные трубки* дерев, особливо елей и сосен, всасывают извне рассеянную в воздухе влажность, а потому и может статься, что обширные леса привлекают к себе тучи.

За две станции до *Нарвы* услышал я влеве шум и увидел море (*Финский* залив), которое бурно двигалось на необозримом пространстве своем. Берега гранитные ужасной высоты. Тут земля как будто провалилась и выдавила из-под себя воду.— Подле станции *Вайвары* есть прекрасный господский дом на прелестном месте в виду самого моря. Есть и на Севере картинные виды, которые особенными красотами своими могли бы даже пополнить книгу *Жирарденя* об искусстве украшать природу.

---

* *Норманны* жили в древней *Дании, Швеции и Норвегии*. Они нападали почти на все европейские державы. Первое нашествие их было в 795 году на Ирландию; в 814 появились при устье Эльбы; а с 840 прошли даже вовнутрь Франции вверх по *Сене*. 844-го показались они в *Андалузии;* а в 857 едва не взяли Рима.— Таково было могущество Севера и в самых давних веках!

От *Нарвы*, чрез которую я проехал не останавливаясь, почтовые лошади уже на русскую стать мчат вихрем!

С.-Петербург

Вот я опять в столице, как будто и не выезжал!.. Но два месяца, которые провел почти не сходя с почтовой повозки, и три тысячи верст, которые проехал, пробуждают тысячи напоминаний обо всем, что видел, слышал и испытал. Они мелькают, кружатся и хотят улететь, как утренние сны, однако некоторые из них уже прикованы в записной моей книжке.— Первый встречный мне, лишь только я вышел из повозки, был любезный сослуживец мой, адъютант неустрашимого *графа Остермана Пав. Ив. Лап-в.* Я не видался с ним с самого *Рейхенбаха.* Это приятное свидание пробудило еще другие напоминания; теперь в мыслях страшное брожение: им надобно дать устояться, а себе отдохнуть! — Прощай.

ЛЮБОПЫТНАЯ БЕСЕДА

«Какой разврат в Париже!» — сказал *один* из собеседников и начал описывать Пале-рояль. «Странно! удивительно! — подхватил *другой.*— Все то, о чем вы теперь говорили, видел я на острове *Нукагиве**».— «Да! — прибавил *третий.*— Разврат, уничижая людей просвещенных, сближает их с состоянием диких. Но признаюсь, меня пленяет строгая нравственность и постоянная к коренным обычаям и обрядам привязанность *китайцев*, которых я сам имел случай наблюдать в отечестве их».— «А в *Японии,*— сказал некто, недавно оттуда приехавший,— нашли мы еще более строгости в соблюдении законов, еще более привязанности к обычаям предков».— «Право, стыдно,— прибавил сосед его,— стыдно европейцам, что люди непросвещенные и называемые у нас *дикими*, которых я недавно видел, странствуя по разным областям Америки, имеют такие черты добродетели, каких и в славной просвещением Европе нашей, конечно, не найдешь!» Разговор продолжался. Говорили о Европе, Азии, Африке, и всякий рассказывал что-нибудь такое, чему сам был свидетелем. Но кто

* Смотри Путешествия около света К. Крузенштерна. Часть I, стран⟨ица⟩ 146-я.

же *сии*, так много странствовавшие, собеседники? Не всемирные ль путешественники? — Нет, это морские и сухопутные офицеры русские! Так в наше время смело можно сделать вопросительное восклицание: где не был русский и куда не достигла слава имени и подвигов его?

РАЗГОВОР НА СТАНЦИИ, ИЛИ СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ?

«Да полно, помнишь ли ты это: ты ведь еще молод!» — говорил кто-то *один* кому-то *другому*. Я отделен был от разговаривающих перегородкою и, не зная, о чем у них зашла прежде речь, слушал только продолжение оной: «Как! — воскликнул *один голос*,— ты думаешь, что я молод! Не суди по наружности: я давно живу на свете и много, много видел перемен! Я помню совсем другие нравы, другие обычаи, другой порядок вещей под солнцем!.. Европа несколько раз, в глазах моих, изменяла вид свой. Я видел рождение империй, королевств и республик, их распространение, славу и упадок. На моей памяти Франция, ниспровергнув трон и алтарь, из королевства сделалась республикою, из республики рабою одного человека, потом империею, а там опять королевством. Голландия — республика, говорили мне в детстве. Голландия — завоеванная провинция, говорил я сам себе, когда принялся за газеты; но я дожил и до того, что увидел страну сию, возведенную на чреду королевств европейских. В течение периода, объемлемого моею памятью, народ французский, заражавшийся постепенно безверием, отрекся совершенно от Бога и предался стремлению своих страстей. Но после множества кровавых явлений, после величайших превратностей, обратился опять к Богу и вере.— Я все это помню, ибо все это пережил: а ты согласишься, что для того, чтоб *уверить, разуверить* и опять *переуверить* целый народ, потребно немалое время! Но это еще не все: скольких войн и каких войн был я свидетелем!.. На моем веку завоевана, освобождена, покорена и вновь осчастливлена свободою Италия; потрясена империя, поглощены могущим соседом все княжества и герцогства германские; увеличено, уменьшено, завоевано и вновь освобождено королевство прусское. Ни одно почти из государств европейских не устояло в пределах и правах своих, а ты знаешь, по обыкновенному ходу событий, сколько надобно времени, чтоб отнять у народа права и нарушить

пределы царства его! — Я помню, как могущественнейшие из государей Европы, соединясь теснейшими узами, раз и другой раз ходили войною на Францию, противу обладавшего оною в *то время* императора Наполеона. Я помню, о горестное воспоминание! как *двадцать народов*, совокупя оружие и силы свои, ворвались в Россию с огнем и мечом! Русские — я был свидетелем сих великих событий,— сражаясь, отступили от Немана до Оки и, выдержав множество жестоких боев, покорив множество крепостей и пройдя чрез все вдоль Европы лежащие государства, очутились с победою на берегах Сены и мир, нарушенный на Немане, предложенный и отвергнутый за Москвою,— утвердили в Париже!.. Великое движение в народах происходило на моей памяти. Люди, рожденные на берегах *Сены* и *Луары,* переселяемы были обстоятельствами на брега *Иртыша* и *Лены*; а жители суровохладных стран Сибири заходили даже в прелестные области *Лангедока* и *Прованса*.— Если стать мерять *настоящее* аршином *прошедшего*, если справляться с историею веков, то сколько нужно времени, чтоб все сии великие события родились, созрели и совершились; чтоб государи успели соединиться теснейшею дружбою и рассориться; вести кровавые войны и заключить союз неразрывной приязни; чтоб воли 20-ти народов покорились самоволию одного человека, чтоб 500 000 разноплеменных воинов, из разных концов Европы, собрались и пошли на разграбление оной и чтоб они столь долго скитались из царства в царство и столь многими трудами и битвами изнурялись, что из полумиллиона ни одного почти человека не осталось.— Разочти, говорю я, сколько на все это надо времени и суди по тому, сколько я прожил!

Когда я был ребенком, мне говорили (и говорили правду), что в Крыму живут полудикие татары, что сопредельные с ним страны — обширные степи, где мало селений и нет ни городов, ни обществ, ни просвещения, ни роскоши... Я был потом в *Крыму* и нашел там города и общества, просвещение и роскошь. В странах, некогда пустынных, нашел Одессу, город, для доведения которого до того совершенства, в каком я его видел, нужно, по крайней мере, *сто лет*!.. Поверишь ли, что я почти запомню Россию, когда Днепр межевал ее с Польшею и в *Василькове* (в 35 верстах от Киева) была таможня; когда крымские татары — для прогулки забегали в Малороссию, а шведы, по близкому соседству, имели все способы угрожать самому Петербургу!.. На моей потом памяти, расширяясь постепенно, Россия заняла все пространство от Балтийского до Черного моря и, распространясь чрез всю Финляндию до Торнео, а по Каспийскому морю до Аракса — с той

и другой стороны, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ до*нельзя*,— глубоко вошла в Европу, заключив в пределах своих и Бессарабию, и Волынь, и Литву, и Варшаву!.. Но чтоб доказать тебе явственнее, сколь много видел и испытал я в течение жизни моей, и чтоб ты мог судить по тому, сколь долговечна моя жизнь,— я приведу еще несколько разительных примеров. Ты знаешь, что всего постояннее бывает ход и медленнее изменение нравов, обычаев и постановлений общественных: всего неохотнее переменяют люди *наречие, одежду* и образ мыслей, к которым привыкли. За все сие, как известно, многие народы вели кровавые войны.— Ты согласишься в этом со мною? — Да! — Ну, так слушай же.

Я помню еще то время, когда у нас в России все говорили по-*русски*, были прибежны к вере: перед каждым праздничным днем слушали всенощную и каждое воскресенье ходили к обедне. Я помню, как, бывало, хваля человека, говорили: «Он коренной русский, истинный христианин: боится Бога и делает добро!» Но на моей же памяти, когда иноплеменное воспитание овладело сердцами *нового поколения*, приметно отпали от святыни, начали скучать обрядами веры, и русские стыдились уже называться русскими!.. Ты смеешься, видя *теперь опять совсем противное*; но я уверяю тебя, что *в те времена* многие художники и ремесленники переменяли родовые имена свои на иностранные и на всех почти изделиях русских наклеивали надписи французские. Было и давно уже прошло то счастливое время, когда я видывал, чего теперь и во сне не увидишь, что мужчины и женщины соблюдали в одежде совершенную простоту и о том только заботились, чтоб одеваться по погоде и к лицу. Я еще запомню, как женщины для молитвы и хозяйства употребляли по нескольку часов, а для *туалета* едва ли по нескольку минут, проводя день и вечер с мужем и детьми за рукодельем или чтением. Не могу, признаюсь, упомнить хорошо тогдашнего покроя платья их, затем что с тех пор столько уже прошло времени, что *покрой* сей успел измениться, я думаю, по крайней мере, до *ста раз*, однако ж очень помню, что тогда у женщин все было закрыто, кроме *сердца*. Времена переходчивы! Начали закрывать потом чувства и мысли, а открывать тело... Я не забыл еще, какой произошел шум, когда несколько *модниц* отважились обнажить руки по локоть!.. Но мода (существо, которого никто не видал и которому всякий слепо повинуется) и *время*, которое обнажает целые области, обнажили и руки у женщин от локтей и до плеч, а потом открыли и плечи! — Не знаю, что сделал бы муж или брат в те времена, которые и сам едва только упомнить могу, с тем смельчаком, который

похвалился бы, что видел *грудь* его жены или сестры. Но недаром у людей, поживших столько на свете, как я, ведется поговорка: живя, до чего не доживешь! Вот дожил я и до тех времен, что уже равнодушно стали смотреть на красавиц полураздетых!.. Я помню, как мужчины носили сперва широкие и долгополые, потом короткие и вздернутые, с низким и высоким *лифом* и даже с верблюжьими горбами на плечах фраки. Помню я, как надевали по два, по три и даже по шести жилетов и потом сходили опять на один! — Увидя из истории, по скольку веков русские носили свои *кафтаны*, немцы собственного *покроя* платья, а поляки *кунтуши*, ты легко можешь сообразить, сколько я прожил, чтоб увидеть столь много перемен в одежде, с которыми всегда почти неразлучны перемены в обычаях и нравах*. Но чтоб довершить поражение, я скажу, что помню еще то золотое время, когда люди совсем почти не ведали, что такое *нужда*. Тогда последний нищий, кроме насущного хлеба, имел ежедневно такое кушанье, какое теперь не всегда может иметь человек и с порядочным достатком**.— Я помню то время, когда портер пили, как воду, а сахар ели, как соль... Тебе невероятно это, судя по тому, что видишь *теперь*, но я божусь, что *тогда* пуд сахару покупали по 15, а лучшего сукна аршин по 6 рублей... Тогда все вещи имели постоянную цену, меру и вес. Тогда *единицу* называли единицею, и она не двоилась и не четверилась в глазах; тогда...» Тут зазвенел колокольчик; подали лошадей, я сел и уехал, не видав в лицо *того*, кто столько дивных перемен и столько необычайных событий видел на веку своем. Любопытно знать, сколько-то прожил *он*: не мафусаиловы ль лета?..***

---

* Я слышал от почтенного В. М. Го..., находившегося в плену у японцев, что, увидя в последнее время наших, *они* никак не хотели признать их за русских. «Российская ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА,— говорили *японцы*,— присылала к нам русских; вот их портреты: у них высокая ческа, в волосах мука, совсем другое платье; а вы... нет, в вас нет никакого с ними сходства».— «Да у нас, после того, *все переменилось!»* — отвечали русские. «Не верим,— говорили *японцы*,— мы знаем и по себе, и по другим народам, что *одежда* и *обычаи* переменяются только *веками»*. Варвары! Они не знают волшебного могущества *моды!!!*

** Здесь, конечно, говорится о том времени, когда фунт говядины покупали по две копейки; а хлеб получали почти за ничто.

*** Кажется, никогда еще не видно было в человеческом роде такой неутомимой деятельности и такой, так сказать, *торопливости жить*, как теперь. Зато и никогда люди не были свидетелями столь быстрых превратностей и столь чудесных событий, как в наше время. Великие *события*, как волны, поднятые бурею, теснясь, стремятся одни за другими. Судя по быстрому их ходу, невольно ошибаемся в исчислении лет и, рассуждая о том, что мы *пережили*, нам кажется, что мы прожили не *годы*, а *целые века*... Вот что может объяснить загадку о *незнакомце*, который так много видел и помнит!..

МЫСЛИ ПРИ ЧТЕНИИ НОВОЙ ИНОСТРАННОЙ КНИГИ

Сейчас прочитал я только что присланную из Парижа книжку, содержащую в себе описание последних часов царствования Наполеонова. Тут изображается ночь, предшествовавшая отречению его от короны.— Ужасна была ночь сия для человека, потерявшего победу, войска и честь. Он не мог уснуть; ходил по комнате, грыз ногти и беспрестанно нюхал табак. Со всех сторон приносили тайные уведомления о возникавших заговорах, о измене близких ему людей. Смятение чувств умножалось. Ужасная буря страстей свирепствовала в душе, мрачной и грозной, как темная туча. Вся лютость огней, которыми опламенял Европу, пылала тогда в собственном сердце его. Он спрашивал то кофе, то *желе*, то прохладительного питья и тотчас утопал опять в глубокой задумчивости. В одну из сих ужасных минут, когда *Наполеон* в неописанной скорби стоял у стола, опершись на локти и закрыв глаза руками, один из любимейших его пажей, добрый, простосердечный ребенок, принес ему *желе* и *аршад*. «Государь! — сказал он с прелестною детскою улыбкою,—я принес вам прохладительное, выкушайте, вам будет лучше!»

Взгляд Наполеонов был молния, но вид улыбающейся невинности утишил его. «Откудова ты родом?» — спросил *он*. Мальчик назвал место своей родины. «У тебя есть родители?» — «Есть, Государь!» — «Они верно имеют хижину и несколько десятин земли?» — «Так, Государь!» — «*Вот в чем истинное счастие!»* — воскликнул *Наполеон* — и тяжело вздохнуло сердце его.— Так вот в чем истинное счастие!.. Поверим в этом человеку, испытавшему все, что называется счастием на всех языках земных! поверим человеку, который прошел по всем таинственным излучинам жизни, который быстрым вихрем случайности вознесен был на высшую степень отличий и власти!.. Дух-истребитель древнего порядка Европы, *он* играл судьбою людей и, ослепленный честолюбием, шатал престолы царей, как некогда лишенный зрения Самсон столпы храма, которого развалины подавили его! — Чего ищет каждый человек, чего ищут все люди! — Счастия!.. Ужли бы Наполеон не остановился на счастии, когда б нашел его где-нибудь прежде? Но он искал счастия совсем не там, где оно было. Он искал его в бурях войны, в развалинах царств; он осветил всю Европу *пожарами*, чтоб найти *его* при блеске пылающих областей... Небеса правосудны: такими ужасными путями не достигают счастия!

Последние слова Наполеоновы пребудут повестию позднейших времен. Как преступник за минуту пред концом жизни открывает место, где погребено великое сокровище, о котором он случайно узнал и которым сам воспользоваться не умел, так открыл Наполеон *великое сокровище* для нравственного мира: он открыл, в чем состоит истинное счастие! Сердце его, среди ужасной пытки страстей, невольно высказало тайну сию! — Теперь место указано: пользуйтесь открытым сокровищем, пользуйтесь им вы, мирные дети природы! вы, питомцы благочестия, простоты и умеренности, пользуйтесь им, доколе пороки не заразят сердец ваших и не сделают их уже неспособными к наслаждению благополучием истинным.— Вы еще не знаете, как низко ходят громы над вершиною почестей, как часто налетают на нее бури и какие скользкие стези ведут по крутизнам нагибов ее! Вы не знаете, как дорого покупается в свете пустой наружный блеск! Не знайте сего вечно и не желайте знать, счастливые невинностью сердца!.. Будьте довольны своими цветущими нивами, зелеными лугами, мирными хижинами, и вы будете иметь счастие, которого не знают в чертогах, не находят в городах и о котором часто вздыхают и на престолах под блесками венцов!

Блажен, кто, не служа тщеславью, суетам,
К природе, к дружбе и к мечтам
Бежит от светских бурь в свое уединенье!
Кто, от отца прияв в наследственно именье
Дом сельский, рощицу над зеркальным прудом,
Не знаясь с роскошью, живет своим трудом;
Кто, счастья не пленясь посулами златыми,
Счастлив беспечностью, забавами простыми...
Как сладко зреть ему *природы чудеса*!
С восторгом звездные он видит небеса
И утренней зари прелестное явленье...
Порочная душа и сердце гордеца
Не ведают, что есть такое наслажденье:
Оно лишь нам дано, от Неба в награжденье,
О души чистые, невинные сердца!..

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

(При сообщении статей о благотворениях)

Статьи, которые сообщаю тебе при сем, любезный друг! были напечатаны в «Русском вестнике». Мне приятно препроводить тебе их для того, чтоб показать в полном сиянии

склонность к благотворению соотечественников наших. Так, согласимся, что сердца истинных россиян еще преисполнены самою чистою, самою бескорыстною любовию к ближним. Есть много благотворительных душ! Они всматриваются в состояние бедных, прислушиваются: не стонет ли несчастный, не требует ли помощи их! Довольно самого простого *уведомления* о страдании бедных, чтоб возбуждать чувствительность добрых. Я неоднократно дознал сие на опыте. Из стран, разделенных неизмеримым пространством, с берегов *Лены* и *Немана* два *луча благости* сходятся в одну *точку* и, согревая цепенеющее в злополучии семейство, часто сокрытое во глубине дремучих лесов, возвращают новую жизнь страдальцам, обновляя в горестных сердцах их давно забытое чувство радости. Вот что подало мне повод написать следующую статью:

О СОСТОЯНИИ БЕДНЫХ И СПОСОБАХ БЛАГОТВОРИТЬ ИМ

За несколько пред сим месяцев, отъезжая за Рейн, сообщил я в «Русском вестнике» уведомление о бедном семействе в Смоленской губернии. Горестно было тогда состояние бедного отца и несчастной матери, утративших все свое имущество в пожарах и разорениях, врагом причиненных. В дымной хижине местились они от лютой зимы. Я передал только отголоски их стонов соотечественникам нашим. Но души чувствительные и по самому простому описанию умеют понимать всю меру бедствий страдальцев. Таким образом, предоставя «Русскому вестнику» возвещать человеколюбивым читателям своим о горестном семействе, сам я был увлечен далеко от Отечества обстоятельствами службы. Я проехал земли между Одером и Эльбою; странствовал по цветущим областям, простирающимся к Рейну, и обозрел страны, лежащие за оным. К чести просвещенного человечества, нигде не видал я совершенного презрения *к бедным*, а везде, напротив, большее или меньшее находил об них попечение. Много, конечно, послужили к сему бедствия, постигавшие Европу. *Шатобриан* уподобляет сердце человеческое древу, которое должно сперва поранить, чтоб извлечь из него сок. Сколько ж глубоких ран нанесли народам последние кровавые мятежи и войны!.. Бури превратных случаев, потрясшие основания царств, сблизили между собою все состояния. Богачи испытали *потери*, узна-

ли *горе жизни*, познакомились с *бедностию* и стали внимательнее к стонам ее.

Правители народов убедились опытом, что при защите престолов и прав народных наиболее отличались те состояния людей, которые менее прочих пользовались выгодами и преимуществами жизни, ибо, между тем как *сыны счастия* помышляли только о спасении своих сокровищ и личных выгод, люди бедные толпами бежали спасать Отечество или умирать за него на поле чести. От сего произошло всеобщее внимание и некоторое уважение к бедности. Уверились, что рубище сокрывает часто лучшие добродетели и полезнейшие для государства дарования. Начали говорить и писать в пользу бедных. Пастыри духовные гремели с высоты кафедр своих. Но поразительнее всех был голос Божества, который, исходя из гремящих бурь и пожаров военных, вещал смятенным народам: «*Не ожесточите сердец ваших!..*»

При таковых обстоятельствах *тысячи рук помощи* простерлись к бедствующему человечеству. Прежде всего обратили внимание на изувеченных защитников Отечества. *Инвалидные дома* повсюду улучшились и число их умножилось. Везде начали учреждать больницы, заведения для воспитания беспокровных девиц, сиротские дома и дома для бесприютных*. Богачи стали заниматься судьбою бедных, начали ссыпать деньги для погоревших, для разоренных войною — и благоденствие пошло *в ровный подел*.

Вот в каком состоянии нашел я *бедность* в разных землях Европы. Я видел, что *она* повсюду есть *болезнь* в обществе и зло для одержимых ею; но, к утешению моему, видел и то, что везде приняты меры к утолению яда ее и к соделанию ее сколько возможно сносною для людей. Мне встречались некоторые города и даже области, в которых видел я богатых, как и везде, но совсем почти не видал бедных**. Сколько ж, однако,

---

* В Саксонии нет почти городка, где бы не было дома для бедных. В Германии много благотворительных обществ: одни воспитывают сирот, другие доставляют приют обнищавшим. Знатнейшие женщины вменяют себе в честь ходатайствовать в пользу бедных и навещать больницы. Все семейство короля прусского в продолжение отечественной войны в Пруссии упражнялось в сих священных подвигах. Во многих городах варят пищу для великого числа бедных. В Баденском герцогстве богачи, имеющие виноградники, учредили *общественную бочку*, в которой всегда находится несколько *сот ведр вина* для неимущих. Им позволяется черпать безденежно.

** В Дессавском герцогстве, например, трудно найти совершенно убогого человека. Добродетельный герцог во все время разорительного владычества французов платил дани (контрибуции) из собственных своих сокровищ и сею великодушною мерою сберег собственность и благосостояние небольшого своего народа.

В числе спасительных мер, предпринимаемых в иностранных землях к

думал я, нужно было Провидению дать жестоких уроков народам европейским, погрязшим было в роскоши и предрассудках, чтоб пробудить в них чувство сострадания и деятельность в пользу ближних! Сколько должны были они вытерпеть превратностей!.. От сей мысли невольно переносился *к самородным* добродетелям русским, к благотворительности наших соотчичей, которым не нужны ни сильные потрясения, ни великие примеры ударов рока к возбуждению в них сострадания к ближним. Им остается только последовать простым обычаям предков своих. Благотворительность была их наследственною и домашнею добродетелию. Сострадание к бедным обитало при храмах Божиих, в уединенных обителях отшельников; оно водворялось в домах бояр и не выходило из чертогов царских. Владимир Мономах, царица Наталия, ее супруг и сын подтверждают сию приятную для каждого русского истину. В те времена чистой нравственности *бедность* имела повсюду голос и доступ. Кто же наделял ее даром убеждения, кто вводил в дворцы и палаты? — *Вера*! Так, сия дочь неба, неотлучно присутствовавшая в семьях наших предков, умащала души их елеем милосердия. Тогда не нужно было писать огромных томов о неравенстве состояний, о преобразовании обществ: Вера мирила людей, а молитвы и добрые дела привлекали к ним благословение неба.

Приятно рассуждать так о своих на чужбине; но еще приятнее было мне увериться, что и *поныне склонность* к благотворению господствует в сердцах многих соотечественников наших, вопреки всем убийственным для нее заразам роскоши и французского воспитания. На обратном пути из Парижа в Москву увидел я опять то семейство, о котором писал в «Русском вестнике». Но положение его совсем уже было не то. Уже не лились слезы из очей нежной матери, уже не видно было на лицах детей ни следов грусти — мрачности; ни следов голода — бледности; лица целой семьи украшались улыбкою удовольствия.— Жилищем семейства сего была порядочная светлица, подле которой удобренная нива обещала достаточную жатву*.

пользе бедных, должно по справедливости почесть заботливость и неусыпное старание местных начальств об уменьшении *дороговизны,* которая есть первый и опаснейший неприятель благосостояния обществ.

* Описанное мною семейство из разных мест России получило, чрез посредство «Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩», около тысячи рублей, и сия столь не важная для людей большого света сумма принесла столь великую крайней бедности отраду. Да научатся из сего сыны счастия, сколь много имеют они средств к деланию добра!.. Одно *зеркало,* без которого легко можно обойтиться, одна *ваза,* которую можно уничтожить одним неосторожным прикосновением, могут осчастливить несколько семейств, ибо за такие вещи платят у нас по нескольку тысяч рублей.

Кто же преобразил таким образом судьбу несчастнейших людей? Ваша благотворительность, добрые сердца русские, великодушные соотечественники мои! Расстояние не могло быть преградою стонам злополучных: они достигли и в отдаленнейшие края России. Многие присылки были из Иркутска, Тобольска и прочих северных губерний. И вот, в сию минуту, как я пишу сие, от одного благотворительного россиянина, майора Л..., получено из Владимира, что на Волыни, 50 рублей в пользу описанного семейства. Таким образом, из хладной Сибири и из самых южных стран России, с двух концов столь необъятного пространства, стекаются пособия в убогую хижину страдальцев!.. Даже из-за границы, из герц⟨огства⟩ Варшавского и прочих мест, получаемы были пособия от русских офицеров.

О! да продлится и преуспеет столь благородное чувство сострадания в сердцах соотчичей наших, да продлится оно на времена бесконечные!..

Многие благотворители сокрывают имена свои; но верьте, благородные друзья человечества! что имена и деяния ваши не укроются от очей ангелов, блюстителей добрых дел: они напишутся в книгах неистлеваемых. Много поможет и малое добро в день Страшного суда. Когда загремит труба архангела и небеса совьются, как свиток; когда восстанут усопшие поколения и вострепещут живущие народы; когда содрогнутся сильные земли и побледнеют цари в венцах,— тогда блаженны будут уразумевшие скорби, нищеты и облегчившие бремя убожества! Царствие небесное — наследие их.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «Р⟨УССКОГО⟩ В⟨ЕСТНИКА⟩»

На сих днях имел я честь получить письмо и при оном деньги для бедного семейства из города *Нерехты* от помещика уезда того, г-на премьер-майора *А. И. П⟨.⟩ р⟨.⟩ ш⟨.⟩ н⟨.⟩* — Сей почтенный соотечественник наш, найдя в 6-й части «Писем *русского офицера*» изображение разорений, причиненных неприятелем в Смоленской губернии, и описание горестного положения семейства П... В... Тиш......, движимый благороднейшим чувством сострадания к ближним, прислал ко мне 100 рублей на имя бедного семейства сего. Препроводя в тот же час *деньги*, по назначению их, я вменяю себе в приятнейшую обязанность уведомить о сем «Русский вестник», который всегда охотно возвещает отечеству добродетели сынов его. Одним только благородным душам свойственно, по самому

простому описанию, понимать всю меру злополучия несчастных. И сии-то нежные, благородные души суть посредники между страждущим человечеством и милосердным Провидением, избирающим *их* быть орудиями благости своей.— Во дни владычества страстей, роскоши и *мод* кто озарит утешительным лучом отрады растерзанное грустию сердце *бедности*, которой руки покрыты *мозолями* от дневных трудов и ветхое изголовье омочено слезами, пролитыми в тишине ночей?.. Кто подаст руку помощи семейству, исчезающему в нищете? — Вихрь рассеянности кружит города; всеминутные расчеты *себялюбия* слишком занимают жителей их... Но есть еще края в любезном Отечестве нашем, есть еще края, где чистейшие добродетели христианские процветают в полной свежести своей, под кровом мирной тишины. Там не знают великих успехов роскоши, не ведают средств, как в несколько месяцев износить на себе годовой доход с нескольких сот душ трудолюбивых крестьян, платя по *восьми тысяч* за пеструю *шаль* и по две тысячи за одно *модное* платье. Там не знают еще средств съедать за одним часовым завтраком годовое продовольствие нескольких бедных семейств... Там священным и приятным долгом почитают иметь слух для тайных воздыханий бедных и сердце для живейших ощущений жалости.— К числу сих истинно благотворительных людей искреннейшая признательность облагодетельствованных им присоединит и почтенного *А.... Ив.... П....!* Бедное семейство, приняв в полной цене дар его, прольет сердечные моления к Богу о счастии дней благотворителя своего.

Приятно верить, что молитвы бедных находят верный путь к небесам. Милосердие Божие почиет над главою мужа добродетельного, и все предначинания его благословенны небом. Благополучие, по священным словам Давида, водворится в доме его: *бразды его упоятся, жита умножатся, поля исполнятся тука, удолия умножат пшеницу, пустыни взыграют веселием и холмы препояшутся радостию*! И кто не пожелает, чтобы слова сии сбылись во всем пространстве значения их над человеком, умеющим понимать горе ближних и облегчать страдания обиженных неровным поделом благ земных?

О будь *он* счастлив век, людей благотворитель!
Враг пышной роскоши, друг скромной простоты,
Не шумных городов, но сел спокойных житель!
Да усладят его природы красоты!..
Пусть блещет для других свет, шумный суетами,
Он раззнакомился с блестящими мечтами:
Им в мирный дом его стезя прерграждена!
Приятны для него все года времена:
Румяная весна, сходя в поля счастливы,

Густою зеленью его венчает нивы;
Лелеет *лето* их и *осень* золотит.
И если *бурей дух* под небом зашумит,
Коль вихрь к сырой земле леса скрипучи склонит
И полных *градом* туч гремящий ряд нагонит,
Коль в ужасе сердца оратаев замрут:
Спокоен друг людей!.. Далеко отведут
Беду от нив его — усердных душ моленья.
Но подвигам добра готовы награжденья
Не здесь, не в сих одних летящих в вечность днях;
Но в вечности самой, там в звездных небесах!..

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ ПАСТЫРЬ

Виленской губернии, в *Россиенском* уезде, в стране уединенной и тихой, есть селение *Кол...ны.* Там нет огромных зданий, нет блеска пышности и богатств. Приходская церковь и постоялый дом, отличая сие бедное селение от прочих еще беднейших, дают ему право называться *местечком*; но в сем убогом уголке жил человек, какого часто ищут напрасно и в позлащенных чертогах: человек незнатный, небогатый, но *добродетельный.*

Нечаянный случай открыл мне имя и подвиги достойного мужа сего. Застигнутый темнотою бурной ночи, я должен был остановиться в звездном *кол......м* доме, надеясь тут же переменить и усталых лошадей. Но всю ночь шумел ветер и колебались леса. С зарею настала тишина; я вышел в поле. И в диких, уединенных местах величественна бывает картина пробуждения природы! Окрестные холмы дымились, первые лучи солнца только что блеснули; леса, кустарники и долины, осыпанные светлыми перлами росы, засверкали радужным блеском.

Я восхищался дивным великолепием природы и богатством даров ее, как вдруг, неподалеку в стороне, увидел совсем другую картину — картину бедности человеческой. Несколько старцев, убеленных сединами и согбенных летами, в истлевших рубищах, вышли на луг.

Они преклонили колена и, устремя взор на церковь, с большим усердием молились. Невольное любопытство ведет меня к ним. Подхожу и слышу, что каждый порознь и все вместе упоминают *одно и то же имя.* Они перестают молиться; начинаю расспрашивать и узнаю, что это беднейшие люди того околотка, что близстоящий домик есть общее жилище их; а *имя*, упоминаемое ими, есть имя устроителя сего *приюта*, имя благодетеля всех бедных той страны.

Не стану повторять выражений благодарности сих добрых

людей к их отцу и пастырю их; но приятнейшим долгом поставлю описать здесь все, что впоследствии узнал от здешних и окрестных обывателей об угодных Богу и полезных людям добродетелях *настоятеля Янушкевича*.

Сей почтенный муж, заняв место священника в Кол....х, застал церковь в крайней ветхости и множество нищих в приходе. Достойный служитель алтаря обратил прежде всего внимание свое на устроение храма Божия.

Красноречивая проповедь, сказанная им в один из праздничных дней, имела неимоверно благое действие на сердца, чуждые разврата и вредных страстей. Все прихожане сделали *сбор* — и древний храм был поддержан и обновлен. После столь успешного начала он не переставал с сугубым усердием проповедовать слово Божие. Все речи его — простые, но ясные — дышали любовию к Богу и ближнему. Но не одними только словами назидал он сердца: дела оправдывали поучения. Навещая больных, примиряя ссорящихся и утешая злополучных, он вскоре соделался другом и любимцем своих прихожан. Сладость поучений его привлекала к нему издалека усердных слушателей. Тогда, подкрепляясь общею доверенностию, начал он говорить в пользу обиженных дарами счастия. «Блаженны милующие нищих и убогих: они наши братья! — говорил он.— Бог благословляет достояние богатых для того, чтоб под сению щедрот их оживала бедность. Горе отвращающим слух свой от воплей нищеты. Все утехи мира, все дары счастия исчезают, как сон. Одно содеянное добро вечно. Стыда исполнены будут надеющиеся на имения, но много поможет и малое добро в день Страшного суда!» Присовокупя к сему все, что может излиться из красноречивых уст от избытка чувствительного сердца, он преклонил прихожан и слушателей своих к построению *богадельни*. Чрез несколько месяцев явился уютный, чистый домик со всем, что нужно для помещения лишенных хлеба и покрова. Гласом христианской любви созывает сей добрый пастырь стадо рассеянных нищетою, убогих братий. Неописанна попечительность его о них! Он составляет всем нищим именной список, одевает их в одинаковое платье, занимает хозяйством и водворяет обилие в новом их жилище. Таким образом пристроены бесприютные и во всем установился порядок — кроме подаяния им милостыни. Нищие, по прежней привычке, бродили по церкви во время *литургии* и препятствовали молитве. При сем, как обыкновенно, те, которые имели больше дерзости и лучше умели притворяться жалкими, получали, конечно, более тех, которые были скромнее и набожнее. Прозорливый пастырь объяснил, в особой проповеди, прихожанам все

сии обстоятельства и убедил их учредить *общую кружку* для сбора подаяний.

При сих-то способах почтенный *Янушкевич* взыскал, одел и упокоил всех нищих своего прихода. Строгий за порядком надзор подал возможность к привольной жизни, которая, видимо, восстановила силы изнуряемых дотоле голодом и нищетою. Тогда, не позволяя им предаваться порождающей все пороки праздности, попечительный настоятель умел обратить и слабые руки убогих к пользе ближних. Всякий раз, когда одинокий поселянин опаздывал уборкою хлеба и дождливая осень угрожала лишить его оного, настоятель являлся тотчас с *дружиною нищей братии*, и жатва была снята и скрыта под надежный кров. Разумеется, что добрые поселяне умели быть благодарными помощникам своим. Сами же убогие не страшились голодных годов, не знали неурожаев. Запасливый попечитель заготовлял всегда продовольствие на несколько лет, и нередко случалось, что к весне, когда житницы истощались и голод начинал томить крестьян, услужливые *нищие* угощали их братскою трапезою, после всякой обедни, по праздничным дням. Вот как благоразумие и усердие к общему благу могут возвращать обществу отчужденных от оного людей и соделывать их полезными ближним! Однако при всех заботах добродетельного *Янушкевича* нравственность некоторых из принятых им убогих не ответствовала отеческим попечениям его.

Увлекаемые закоренелою привычкою к пьянству и праздной жизни, они часто уходили из обители своей и скитались по миру, крайне огорчая тем настоятеля. Желая подействовать сильнее на чувства их, он уговорил прихожан установить, в день основания *богадельни*, особого рода празднество, при котором должны были отдаваться на общий суд все поступки нищих. На сей же конец завел он и книгу, в которой замечал обстоятельно их поведение. По сему положению, в день празднества собирались почетнейшие из обывателей прихода и, отслушав обедню, шли в дом убогих. Там накрыт был стол; каждый нищий становился у своего прибора. Отпирали *сборную кружку* и, разделя все годовое подаяние на равные части, клали пред каждым *его долю*. После сего раздела настоятель приглашал убогих помолиться за благотворительных дателей. Становились на колена и молились. По совершении же усердной молитвы оставалось бы только каждому брать свою долю,— но тогда раскрывалась *книга дел*. Настоятель читал вслух записки о поведении каждого. Все малейшие погрешности были там означены, и за всякую вину, по общему приговору, виновный лишался части своей суммы. Взятое

у преступившегося отдавалось тому, кто вел себя лучше других, и нередко случалось, что после строгого суда одни лишались всего, а другие получали награду вдвое. Исполнение обряда сего с непреклонною строгостию чудесным образом исправило нравственность нищих.

И вот каким средством достойный пастырь вверенного ему Провидением стада достиг похвальной своей цели! Уже 12 лет, как гроб приял тленные остатки редкого мужа, но насажденные им добродетели цветут в сердцах возрожденных попечениями его. С смертию почтенного *Янушкевича* кончилось счастливое время убогих. Сладость поучений уже не сзывала более слушателей в бедный, уединенный храм; год от году уменьшались доходы, и богадельня оскудевала. Наконец, бури военные возмутили спокойствие того края. Богатые лишились многого, а бедные — всего. Но ничто не могло истребить доброй нравственности в сердцах *кол......х* нищих: они богаты ею и в бедных рубищах своих! Кто же не воздаст достойной хвалы благодетелю их! Почий с миром, наперсник добродетели! Но когда возгремит труба последнего дня и *сильные мира*, вострепетав от грозного блистания небес, возопиют к горам и камению, да падут и сокроют их от гнева Судии, ты спокойно восстанешь от тления и, указав на сонм осчастливленных тобою: *«Се аз и чада мои*!» — речешь Предвечному и преселишься в обитель светлых духов.

НЕИЗВЕСТНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ В МОСКВЕ

Смоленский помещик К. И. З...... в несчастное время всеобщей тревоги удалялся с семейством своим в замосковные губернии. В *Москве* остановился он только для закупки всего, в дальнем пути необходимого. Но Провидение свело его там с человеком, сделавшимся потом его благотворителем. В одной лавке г⟨осподин⟩ З.... встретил незнакомого человека средних лет, благородного вида, с большим Владимирским крестом на шее. Незнакомец тотчас вошел в положение г-на З......, расспрашивал его обо всем, касающемся до Смоленска, а еще более о собственных его делах. Среди сих разговоров они знакомятся, и г-н З.... усердно запрошен в дом к неизвестному.

Садятся на дрожки; *неизвестный* шепчет что-то кучеру. Около часу едут по разным направлениям из переулка в пе-

реулок, из улицы в улицу. Наконец останавливаются у большого каменного дома. Входят; хозяин представляет гостю жену свою, еще томную, слабую, неоправившуюся от тяжкой болезни.— После нескольких дружеских разговоров *неизвестный* просит г-на З..... принять от него вместо хлеба-соли на дорогу большой сверток с ассигнациями. Г⟨-н⟩ З..... отказывается; незнакомец просит. И чем более отказывался первый, тем убедительнее упрашивал последний. Жена присоединяет просьбы свои к мужниным. «Я сейчас,— говорила она,— готова упасть пред вами на колени, только не огорчайте нас своим отказом». Г-н З....., убежденный столь усильными просьбами сих добродетельных людей, должен был принять их дар. Он желал только узнать о имени благотворителя своего; но в сем никак успеть не мог. Дорогой надеялся выпытать у кучера; но и тот уверял, что он не крепостной, нанялся только на один день, а у кого, не знает.

И так бескорыстный благотворитель укрыл имя свое от благодарности и молвы людской, но не укроет он его от взора, объемлющего землю и проникающего во глубину морскую. В великой цене примется столь редкое благодеяние тем, от кого добродетель ожидает себе единственной награды! Поищите в древней истории подобного примера.

Древние, делая добро, никогда не скрывали имени своего: они искали сделать его громким в народе и потомстве. Но признаемся, что одно только христианское учение заставляет нас *подавать* так *правою*, чтоб не ведала того *левая*!

Такие дела суть перлы отечественной нравственности. Кто не порадуется из русских, видя их в России и в Москве?..

ПИСЬМО ВТОРОЕ

О ПРИРОДНОЙ СПОСОБНОСТИ РУССКИХ К ПРИЯТНЫМ ИСКУССТВАМ

С большим удовольствием читал я в «Вестнике» вашем любопытную статью об *отечественном концерте*, которым известный г-н *Кашин* обратил на себя внимание почтенных слушателей своих в доме одного из гостеприимнейших московских господ. Из сего сделанного вами описания увидел я, что вы охотно отдаете справедливость и приятным искусствам, которыми Провидению угодно было подарить смертных для украшения жизни нашей. После поэзии в числе

приятнейших дарований, конечно, следует почесть музыку. Что скорее всего может извлечь сердце из хладного оцепенения, усыпить одни страсти и пробудить другие; вытеснить грусть, поселить удовольствие и вдруг перевести опять из восхищения к задумчивости, наложить на чувства приятное томление, расположить душу к дружбе, любви и всем сладостнейшим ощущениям,— что, кроме музыки?..

Вход в Россию никогда не был загражден приятным искусствам. Русские никогда не были врагами оных. Музыка издавна привыкла гостить в Отечестве нашем. И где нужнее присутствие ее, как не у нас, где так мало наслаждаемся мы пением птиц и журчанием ручьев? Но свист бурь и шум лесов никогда не заглушал чувствительности славянина и потомка его — росса. Он пел под склоном столетних дерев в оледенелых пустынях своих, и каким усладительным пением подарил он нас! Найдите подобное в странах, более ласкаемых солнцем. Там дети неги сочиняют великолепные голоса свои по воображению; а здесь русский питомец севера составил простой *напев* свой из звуков, почерпнутых прямо из сердца, и — укажите мне сердце, которое бы не очаровывалось им!.. От русских песен обратимся к Малороссии. Сия благословенная сторона, сей *сад России*, издавна была колыбелию музыки. Какой стихотворец в минуты сладких мечтаний, когда исчезают века и *прошедшее* становится для него *настоящим*, какой стихотворец, говорю я, не стремится к цветущим берегам Днепра, к священным стенам древнего Киева? Не там ли видит он век *богатырей*, век славы и чудес? Он видит благополучное царствование князя Владимира, прозванного *Солнцем Русской земли*. Он слышит благоговейное пение, едва начавшее раздаваться в *юных храмах*, в честь Спасителю воздвигнутых. Переходит в светлые *гридни* княжеские и слышит громкие хоры *боянов*, гремящих *славу* бранным и мирным подвигам *князей, славу* богатырям в поле, *славу боярам* в *думе* и *славу* храбрым воинам и народу православному! Пусть и в наш век *перо, резец, кисть* и *смычок* обратятся единственно к прославлению добродетелей и подвигов отечественных: тогда кто не пленится приятностию сих искусств и кто не благословит цели, к которой они клониться будут?..

Но может ли иноземец петь хвалу русским с таким непритворным восторгом, с таким усердным жаром, как соотечественник наш? И как знать ему то, *что мило сердцу русскому*? Он знает песни странствующих рыцарей, поет любовь *Дамонов, Филис, Ликасов* и резвых пастушек, которые существовали только в воображении. Но где узнать ему, как славили

у нас *царя-батюшку*, как пели наши красные девы во златоверхих теремах; как спорил нежный голос их в прародительских рощах с соловьем и малиновкой при явлении красных весенних дней?.. Где узнать ему, как певала унылая *Милослава* в часы вечерних сумерков, при ясном месяце на синем небе, проводя друга верного на ратное поле за Дунай-реку?.. Сии отголоски сердечные, сии воздыхания любви и нежности, рассеянные в коренных наших песнях, предоставлено собрать одному только истинно русскому музыканту.— Но я уже далеко отступил от того, что хотел сказать: я хотел только сказать, что и теперь есть почтенные люди, которые, дорожа родною славою и взяв на себя труд воспитывать и ободрять природные русские дарования, успевают в благородных занятиях своих и великодушно дарят ими Отечество. К⟨иевской⟩ губернии помещик, отставной полковник А. М. Б. живет в известном всем путешествующим в Киеве селе своем Ч... . Уклонясь от блестящего поприща воинской славы, он посвятил всего себя мирным подвигам добра. Гостеприимство украсило дом его; приятные искусства усладили уединение. Он страстный любитель музыки; умеет чувствовать и понимать ее красоты. По общему обычаю богатых наших людей, должно сзывать толпы иностранцев, чтоб составить домашний *оркестр.* Почтенный помещик села Ч. не хотел расточать русских денег для иноплеменных пришельцев. Он постиг, что и в родине своей, близко около себя, может найти *дарования*, которые, почитая в нем творца и покровителя своего, усладят все течение жизни его. На сей конец он выбирает из детей крепостных крестьян своих довольное число мальчиков, которые были здоровее и казались остроумнее прочих. Потом нанимает учителей, *капельмейстера*, и в несколько лет труды его вознаграждаются сторицею. Все почти избранные дети, приобретя достаточные познания в отечественной словесности, а некоторые и в иностранных языках, сделались прекрасными музыкантами.— Уже известна музыка г⟨-на⟩ Б. в Киеве. Знатнейшие вельможи польские и лучшее дворянство, съезжающееся *на контракты в город сей*, отдают полную справедливость русским дарованиям. Заезжайте к гостеприимному помещику с⟨ела⟩ Ч., и вы не уедете оттуда без того, чтоб все чувства ваши не были растроганы и услаждены. Вы очаруетесь музыкою, удивитесь *театру*, пленитесь игрою *актеров* и голосом певиц. Но всего более, если вы истинный русский, утешит вас то, что все сии дарования родились и воспитались в Отечестве вашем. Иностранцы, принося к нам искусства, *наносят* и пороки своих земель.

Цель, к которой г⟨-н⟩ Б. ведет образованные призором его

дарования, также достойна всякой похвалы: у него славят победы ГОСУДАРЯ русского и воспевают подвиги героев. Кто ж изобретает и кладет на ноты таковые песнопения? — Те же, которые одолжены ему второю жизнию,— жизнию для славы собственной и удовольствия сограждан.

Недавно один из военачальников наших посетил с⟨ело⟩ Ч. В честь его играли огромный концерт и пели стихи. То и другое сочинено в доме помещика — и, право, прекрасно!..

Отыскать *самородные дарования русские* и воспитать их для чести Отечества есть, конечно, поступок, достойный похвалы и подражания, а потому и могущий занять место в «*Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩*», который в течение стольких лет неумолчно возвещает России о всем, что относится ко благу и славе россиян.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

О ПРИЯТНОМ ВЕЧЕРЕ В СТОЛИЦЕ*

Давно, мой сердечный друг! давно не наслаждался я таким полным удовольствием, как вчерашний вечер. Я был вчера в обществе достойнейших людей (офицеров л⟨ейб⟩-г⟨вардии⟩ Измайловского полка) и слышал чудесную музыку. Приехав по приглашению в 7 часов вечера, я застал много посторонних и всех офицеров в нескольких, нарочно для собрания определенных, комнатах их общего жилья. Ласковая приязнь встречала, а гостеприимство угощало посетителей. Наконец явились музыканты — не записные, не наемные,— но лучшие дворяне: графы и князья. Смычки коснулись струнам — и очарование разлилось вместе с звуками и пленило слух и упоило сердца. Какая прелестная музыка! Какие небесные звуки! Эти звуки еще для меня не исчезли, еще я окружен ими; они возбуждают во мне те же чувства, что и вчера: также трогают, нежат, потрясают струны сердца и, стеснясь в нем, хотят излиться, *просятся* на *бумагу*; но где найти язык для выражения их? Буква заменит ли *ноту*, а перо *смычок*! — Слушая прекрасный концерт, кажется, читаешь *слухом* поэму, которая неопределенностию выражений своих дает какое-то

* Сие и другие помещаемые здесь письма напечатаны были под названием *Писем жителя северных лесов.*

смешанное, но сильное, живое и приятное чувство изящного*. Все голоса, какие только когда-нибудь слышатся в пространстве творения, все вопли и клики страстей, все нежнейшие отголоски сердца, отзывы протекших радостей и тихие стоны печали изображает *прекрасная музыка*, не с ясностию поэзии, но смешанно и отдаленно. Душа следует за каждою мыслию, вслушивается в каждый звук и, теряясь в беспредельности ощущений своих, как взор на необозримости открытого моря, томится и наслаждается!.. Погрузить душу в такое усладительное томление есть верх искусства в музыке.— В сем-то расположении души родятся мечтания, слышатся знакомые звуки, воображение рисует картины... Я забываюсь и, кажется, вижу их наяву: там, где-то вдалеке,слышен мне голос оживающей природы, ранние насвисты птиц и ропот журчащих ручьев. То веют по цветущим липам зефиры; то грохот и гром. Вдалеке синеет небо; мятется природа, слышится глас бури и с шумом вой и с свистами стон!.. Я слышу голос славы, зовущий героев на брань, и, кажется, вижу, как загорается бой: шум, рокот и треск сливаются с громом оружия и труб; слышатся клики победы, рев смерти, вопли пронзенных; тысячи жизней гаснут во тьме, и тысячи кровью облитых, средь бурного ратей движенья,— умирают... Эхо чуть вторит общий последний их вздох!..** Так все отголоски сердца и природы, все выражения высокого, громкого, нежного: надежду, страх и неизъяснимо сладостную томность — заключает в себе прекрасная музыка.— *Высокие мысли и чувства* суть редкие гости, сходящие с горних стран, навещают наш печальный мир. Великие художники стерегут и ловят сии лучи небесной изящности для облечения их в звуки, цветы или выражения, слуху, очам или сердцу понятные. Чувства и мысли животво-

* Во все времена и у всех народов музыка имела всегда одинаково чудесное действие над сердцами людей. Под сплетением оледенелых ветвей непроходимых лесов древнего Севера и под ясным небом Греции, на смеющихся долинах Аркадии, звуки ее были равно прелестны и усладительны. Об музыке много говорено и писано. Очень недавно, и почти на сих только днях, издал известный превосходными дарованиями *г-н Г⟨о⟩нз⟨а⟩го* рассуждение о *музыке для глаз* (la musique des yeux). Эта *музыка* состоит в сочетании разных цветов, которые, расположены будучи в известном и на правилах основанном порядке, нравятся и как будто *поют для глаз. Экартс-Гаузен* простирается еще далее. Он находит *музыку* даже в сочетании различных *ароматов*, из которых каждый имеет действие, одному только ему свойственное. *Ряд* действий сих ароматов на чувство *обоняния* есть то же, что ряд цветов *для глаз* и ряд звуков *для слуха*. Вот самые отвлеченные суждения о *музыке;* но мне кажется, ее лучше можно *чувствовать*, нежели объяснять.

** Прекрасная музыка, как жизнь человеческая, кончится — вздохом.

рят и украшают холст, мрамор и произведения пера; а *вкус*, вводя все в пределы, одному только ему известные, придает всему сугубую цену и красоту.— Вот слабые оттенки мыслей и чувств, которые просверкали у меня в голове и сердце... Но сколько мог я заметить, то не один я, а всякий, кто только имел слух и сердце, очарован был вчерашнею музыкою. Граф В., оба К. и двое премилых, молодых людей Л. пленяли слушателей. Молодой Л. играет с такою приятностию, с таким чувством, что кажется, тянет сердце к себе... и нет равнодушия, которое не смягчилось бы уныло-сладостным пением скрипки его. Известный всем любителям словесности отечественной Ф. П. Л. видит чудесные успехи детей своих в изящном и слышит рукоплескания и похвалы, увенчивающие их: счастливый отец! То же чувство любви и нежности, которое выражает смычок детей, блестит в прелестных стихотворениях отца: кто не пленялся *пеночкою, стихами к реке Талажне* и проч. Да! Поэзия и музыка издревле связаны теснейшими узами родства и дружбы. Искусный поэт переходит из страсти в страсть, от мысли к мысли, как музыкант из звука в звук. Оба, когда выражают только мысли, нравятся блеском искусства: один — уму, другой — слуху; но оба же, когда хотят и умеют выразить чувства, говорят всегда сердцу и всегда очаровывают его.— Должно, однако ж, иметь нежное, благородное сердце, чтоб чувствовать всю цену изящного и стремиться к оному. Чувство сие есть отблеск лучшего воспитания, печать образованности. Учредители музыкального собрания в Измайловском полку оправдывают сие. Некто сказал прекрасную истину: чтоб дорожить жизнию, должно дорожить временем, ибо жизнь состоит из времени. Офицеры наши вполне чувствуют всю справедливость выражения сего. Не щадя жизни в боях за царя и Отечество, они умеют дорожить и ею и временем во дни мира. Не тратя вечерних часов в вихрях большого света или за карточными столами, умеют они позлащать их прекрасными занятиями.— Ничто так не открывает свойства людей, как их занятия. Пифагор, пристав к берегу неизвестной страны, не знал, кем она населена, но, увидя на песке геометрические начертания, с восторгом воскликнул: «Здесь живут просвещенные люди!» К особенной чести офицеров измайловских, нельзя не заметить, что и сердца их согласны между собою, как звуки лучшего музыкального произведения. Почтенный начальник полка по приятности обхождения кажется ласковым товарищем в обществе. Он участвует во всех полезных занятиях офицеров, которые испытанным мужеством на войне и отличным поведением во время мира совершенно достойны счастия быть под

начальством и пользоваться благоволением брата обожаемого ИМПЕРАТОРА.

После концерта видели мы опыты в рисованье. Некоторые из оных, особливо труды г⟨-на⟩ Ло., доказывая большое искусство и величайшее терпение, достойны удивления и похвалы. Но к довершению истинно полезных занятий весьма б было прилично, как мне кажется, отделить еще один вечер для *общего чтения*. Я говорю *вечер*, ибо все дни офицеров посвящены единственно занятиям по службе. Тогда лучшие любители *словесности*, как теперь любители *музыки*, вероятно, за удовольствие поставили бы себе съезжаться по временам читать прелестные стихи и прекрасную прозу; а чтение того и другого — согласитесь — составляет также *концерт*, приятный для слуха, очаровательный для сердца и назидательный для ума. Многие из офицеров Измайловского полка могли бы украсить вечерние беседы сии чтением собственных произведений, ибо многие из них слагают стихи и пишут прозою умно и прекрасно.

Вечер кончился ужином, за которым любезные хозяева, с свойственною истинно русским хлебосолам приветливостью, угощали каждого и всех. Очаровываясь музыкою, приятным обществом и разговорами о словесности с *любезным жителем берегов Урала* (С... Т... А...), я не видал, как пролетело время, да видно, и все не заметили полету его, потому что, собравшись в 7 часов вечера, разъехались уже довольно поздно. Так-то приятно проводить время в благородных занятиях и с благородными людьми!.. Напоминание о незабвенном вчерашнем вечере унесу я с собою во глубину оледенелых северных лесов!

К ПОЧТЕННОМУ ИЗДАТ⟨ЕЛЮ⟩ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

Вчера вечером, сидя в городской своей хижине под шумом весенней погоды, которая сменяла шум умолкавшего города, занимался я чтением Библии. С благоговейным любопытством проходя ряды столетий, рассматривал я в сей, так сказать, общей летописи мира ход образования ума и страстей человека. Вникая в древнейшую первобытность обществ, когда жители *юной* еще земли по вере и невинности своей сближались с жителями небес и когда *Авраам* провождал целые дни

у прага кущи своей, *на страже человеколюбия*, я восхищался всеми добродетелями патриархальной жизни.— Но могут ли, думал я, и теперь в нашем уже *престарелом* свете под шумом военных бурь, при страшном движении страстей, могут ли добродетели древних человеков процветать в прежней свежести своей? Ужели точно непреложна печальная истина, что с изощрением способностей ума тупеют чувства сердца? Ужели в самом деле мирные, христианские добродетели суть растения, которые, пересажены будучи из тишины пустыней в шум столиц, из хижин в палаты,— увядают?.. Или везде равно — только с большим или меньшим трудом добродетельным быть можно?.. Еще не решил я сам с собою вопросов сих, как вдруг вошел ко мне человек. Лицо его, казалось, было мне когда-то знакомо; но горе и время изменило его. «Вы, конечно, не узнаете меня,— сказал незнакомец,— я бывший товарищ ваш по корпусу, *т. рп. л. в*». Этого довольно было: мы обошлись, как родные. Узы общественного воспитания не разрываются временем. «Четырнадцать лет,— говорил он,— прошли с тех пор, как мы расстались с мирным убежищем, где в полезных трудах и науках провели счастливейшие годы жизни. Много насмотрелся я на свете и на людей. Я видел картину жизни народов, пастырей и звероловцев, видел я степные юрты киргиз-кайсаков и горные *аулы* татарских племен. Ни юрта, ни чертоги не изменяют человека и страстей его. Везде уважают *богатство*, везде повинуются *силе*: первое дает право киргиз-кайсаку название *салтана*, другая доставляет отличное уважение *батырю**. Но и понятие о верховном существе повсеместно, и имя добродетели известно всем народам земли, и вот что утешает человека!.. Добро и зло, радость и горе сменяются, как день и ночь. Довольству надлежало б быть обыкновенным состоянием людей. Бедность есть болезнь общества, одна из лютейших скорбей человека. Но везде, где только светит солнце и веют ветры, протекает и милосердие Божие — Всеблагой Строитель миров поселил в сердце человека сострадание на исцеление скорбей ближних его. Во всех виденных мною странах, от *Иртыша* и до *Рейна*, встречал я святое чувство сие, в различных случаях и видах». Тут, когда разговор сблизил нас более, открыл он мне положение свое. Оно слишком горестно! Раны, нанесенные сердцу злополучием, и другие, полученные на поле чести, слишком еще болезненны для него.— Глубоко вздохнув, пожалел я в сию минуту, что лишен даров счастия и возможности облегчать страдания лю-

---

* Батырь — рыцарь или воин.

дей. С сею мыслию невольно стал было порицать равнодушие богачей и *глухоту сердечную* счастливцев мира. «Постойте! — сказал товарищ мой.— Признательность заставляет меня благословлять руку, простершуюся из позлащенных чертогов к бедному одру болезни, на котором смерть постигала меня». Удивленный сими словами, я просил его объясниться подробнее; он согласился охотно и говорил: «Непредвиденные обстоятельства завлекли меня в город сей; без денег и покровителей, на чужой стороне, я не знал, где приклонить голову и нанял беднейший уголок на одной из самых глухих улиц, где вскоре занемог. Простуда раздражила раны; цирюльник приложил ошибкою не тот пластырь — и страшная горячка воспалила кровь мою; я лишился памяти. Более двух недель не чувствовал я бытия своего, наконец как будто от глубокого сна пробудился, но для чего? — Чтоб услышать страшную весть, что срок найма квартиры прошел, что ни на лекарство, ни на пищу денег у меня не было и что даже не на что было купить *гроба*, чтоб предать земле бедное тело мое, если умру!.. Судите о тогдашнем положении моем.— Но среди лютейших мук, когда благодетельный мрак, предвестник смерти, уже начинал покрывать ослабевшее зрение мое, вдруг блеснул мне луч небесной отрады.

В одно утро увидел я перед собою почтенную женщину пожилых лет. По всему, что я мог заметить, мне казалось, что она весьма знатного рода. Кто ж известил ее о моем бедствии? Кто вызвал из чертогов ее в отдаленнейший край города? — Я ничего тогда не знал, но вскоре почувствовал, что посещение сей *посланницы Провидения* принесло ко мне отраду и целение. Искусный врач, утаивший имя пославшей его, возвратил мне здоровье; за квартиру и пищу мою было заплачено, и я нашел еще некоторую сумму денег в изголовье своем. Получа прежние силы, я тотчас поспешил излить молитвы сердца моего пред Творцом, за благоденствие безвестной благотворительницы. С чувством беспредельной благодарности переходил я из одного храма в другой — и вдруг увидел однажды нечаянно благодетельницу мою. Нетрудно было узнать ее имя: оно живет в сердцах и молитвах бедных». Тут назвал он мне особу, и — я узнал, что это одна из знатнейших и почтеннейших в здешнем городе княгиня *Благотворова*. «Судите ж,— продолжал товарищ мой,— сколь удивился я неведомым действиям Провидения, узнав, что эта самая благодетельная княгиня... есть мать той почтенной граф⟨ини⟩ *Добросердовой*, которая за 14 пред сим лет, при выпуске моем из корпуса, когда я, оставшись без подпоры в *столице*, никого, кроме бедности своей, не имел за себя ходатаем, приняла

меня сирого под покров своей благости. Полная офицерская одежда, белье, повозка, лошади и 300 рублей денег были тогда дарами щедрот ее и составляли все мое богатство. Провидению угодно было, чтоб разные эпохи жизни моей украшались дарами благотворительности одного семейства и чтоб наконец и самая жизнь была мне даром его». Тут избыток чувств прервал слезами речь моего товарища. Он замолк; а я предался приятнейшим для сердца рассуждениям.— Пусть упрекают меня, что в описаниях своих предаюсь порывам восторга... О любви к Отечеству, о красотах изящного, о добродетелях христианских не могу говорить без восхищения.

И в больших городах, среди шума и сует, при бурном приливе страстей и пороков, блистают еще столь редкие добродетели! Они живо напоминают нам о добродетелях предков наших. «Где девал ты богатство твое?» — спросил один русский царь у боярина своего. «Чрез руки бедных отправил к Богу!» — отвечал боярин царю. Так добродетели в Отечестве нашем современны славе его.— И как приятно и в наше время, когда бури браней, страстей и превратных мнений, возмутив почти все царства Европы, поколебали алтари веры и расторгли древние связи обществ, когда *корысть* и *себялюбие* дерзко и без личин ходят по свету и громко проповедуют учение свое, чтоб *жить* и *действовать только для собственных* выгод,— как приятно, говорю я, видеть в Отечестве нашем бескорыстные подвиги добра!.. Ибо спрашиваю: какая личная выгода заставляет одну из знатнейших госпож, в преклонных летах, в зимнюю стужу, ехать далеко от палат своих, мимо домов веселия, в дом плача, с дарами жизни к умирающему от скорби и бедности несчастливцу? Скажут: для молвы!.. Но она тщательно скрыла свое имя, и один только случай обнаружил его.— Нет! перст Провидения указывает страдальцев, а голос веры зовет к ним утешителей. *Вера*, сия любимая дщерь Неба, мирит рассоренные предрассудками состояния людей. Она сближает хижину с чертогами и рубище с виссоном. Сладчайшие убеждения льются из священных уст ее: *«Сеяй слезами пожнет радостию; Блаженны нищии духом; И студа исполнени будут награды и на имения надеющияся!»* Так восклицает божественная, сия единственная утешительница бедных и сирых на сей мятежной земле. «Все равны,— говорит она пред очами того, кто сжатием длани объемлет вселенную.— Все равны будут в оный страшный день, когда небеса совьются, как свиток, и вселенная исчезнет, как мечта!» Сии-то убеждения, поражающие громом сожженных совестию злодеев и тихим веянием зефира льющиеся в сердца благо-

честивых, сии убеждения Веры составляют *связь* и счастие христианских обществ, и благо тем обществам, в которых процветают они!

СНОВИДЕНИЕ

(Из северных лесов)

Осень была глубокая и погода мрачная. Северные леса наши, качаясь со скрипом от сильного дуновения холодных ветров, беспрестанно роняли желтый лист свой и, с каждым днем обнажаясь более, приметно редели. Дымно-синие воды, как будто предчувствуя близкие оковы, цепенели в поблекших берегах своих. Давно смолкли птицы, и едва смели журчать ручьи. По местам только ласточки, сбираясь на временную смерть, щебетали прощальные песни; да поздние стада диких гусей, слыша за собою дыхание хладной зимы, с беспокойным криком спешили в страны, более ласкаемые солнцем. Долго гулял я по безмолвным полям. Давно ли весна, воскресив природу, наряжала ее, как невесту, цветами и зеленью? Давно ли струились воды, светлели небеса и все дышало жизнью и юностию? Так думал я, вспоминая переход от весны к лету, от лета к осени и невольно прилагая сравнение сие к жизни человека. Разные обстоятельства собственной моей жизни представились мне как ряд очаровательных призраков. Прошедшее раскрылось, как книга.— Различные чувства, пробужденные воспоминаниями, кипели, волнуясь в груди. Я возвратился домой. Сердце было растрогано, воображение пылало: бурные ветры не могли остудить его. Между тем беззнойное осеннее солнце, показавшись на минуту в виде тусклого, раскаленного шара, сокрылось в мутных облаках. Ветр зашумел более, леса зашатались сильнее; сошел благотворный сон и от печальной существенности увел меня в златые области мечтаний.— После многих смешанных видений представились мне столь дивные *явления*, что я намерен, любезный друг! тебе их описать. «Ты увидишь»,— говорил *чей-то голос*, и я точно увидел *прощание* неизвестного мне *молодого человека с юностию его*. Я вспомнил недавно читанное мною, под сим заглавием, прекрасное стихотворение *Козегартена* и смотрел на все пристально.— Чувствительный питомец тишины, уединения и наук достигает черты, отделяющей юность от зрелых лет. Беспечность и неопытность позлащали дотоле рассвет безмятежной жизни его. Но время

не ждет, порядок вещей неизменен. Юноша приближается к зрелым летам, должен вступить в теснейший союз с людьми и покориться уставам света. *Старец*, увенчанный сединами, почтенный, но суровый мудрец отверзает ему *врата общества*. На вопрос: кто такой был этот старец? — мне отвечали: это *опыт*; а та прелестная спутница, которая рассыпает теперь последние цветы свои к стопам юноши? «Это *молодость* его!» Разлука их печальна. Запечатлев последний пламенный поцелуй на устах юного спутника, *она* передает трепещущую руку его оледенелой руке *старца*, срывает *розовую повязку с глаз* и бежит!.. Страна новая, страна неизвестная открывается очам юноши. Стоны оставленного раздаются в воздухе и в сердце моем. «Ты бежишь, о прелестная! — восклицает *он*,— ты исчезаешь, покинув меня в чужой и неизвестной мне стороне! Ах, я чувствую, что счастие мое улетит вместе с тобою. Душа моя привыкла жить ласками твоими; она стонет, томится и гонится за тобой... Кто скажет, что будет со мною в свете, которого я не знаю? Кто оживит увядающий дух мой, кто подкрепит меня на неизвестном пути новой жизни?.. Все в том ли же виде представится мне мир? Буду ли, как прежде, пламенеть восторгом при воззрении на красоты природы и лететь в объятия ее? Все так ли будет меня пленять светлая картина звездного неба, все так ли будет отрадой, утешением очей моих свежая зелень цветущих полей? Довольно ль, как прежде, одной слезы несчастного, чтоб подвигнуть в тот же миг душу мою к нему; одной приветливой улыбки человека, чтоб сделать меня другом его?» — «Нет! — говорит ему *суровый опыт* (и сиповатый глас его, как пронзительный крик вещей птицы в день печали, поражает грустию юное *сердце*).— Нет! ты вступаешь совсем в иную страну. Распростись с своими милыми мечтами, к которым приучила тебя счастливая *юность*. *Предрассудки, страсти* и *прихоти* людей готовят для тебя оковы. *Зависть, ненависть* и *злоба* острят кинжалы свои. Несправедливость с холодным равнодушием взирать будет на труды и достоинства и, раба слепого пристрастия, в глазах твоих раздарит все венцы свои любимцам фортуны слепой, как она. Ты вступаешь в мятеж людских страстей, где случай возносит и случай низвергает. В трудах и сомнениях пройдет половина жизни твоей: будут иногда мелькать *золотые надежды*, но это лучи молнии, исчезающей во тьме. Скользки и тернисты прямые пути! Тебе укажут стези *побочные,* по которым пресмыкаются *души низкие*; дерзки и уклончивы по обстоятельствам, они хватают явно или, как ночные тати, похищают тайно награды у достоинства. Сердце твое, о юноша! открыто ныне всем страстям

и всем ударам рока. Первая явится к тебе — *любовь*. Очаровател вид, прелестен голос и сладки обеты *ее*. *«Пустота сердечная — несноснейшая мука в жизни!»* — скажет *она* и станет проситься в душу к тебе. От кого получала отказ очаровательница сия и кого осчастливила она? Ты впустил ее — и грусть, уныние и скорбь вломились, ворвались вместе с *нею*, и спокойствие невинной души твоей исчезло, как сон!.. Исполненный чувством своего достоинства, ты дерзнешь быть выше твоего состояния и сделаешься посмешищем людей! От хижины до палат расстояние неизмеримо! Закоренелые предрассудки, как железные стены, отделяют людей от людей. Жители света, в который вступаешь,— крепостные рабы *приличий* и *отношений*. У них все делается по расчетам. Не исчисление достоинств, но счет денег определяет у них цену человека.— Ты говорил что-то о *природе*? — О! распростись с красотами ее!.. Тоска, суеты и заботы истомят, умучат душу твою; грустно станет у тебя на сердце и темно пред очами... Не для печальных сияют небеса, не им улыбаются поля и долины!.. В сии минуты мрачного уныния, среди волнений и тревог, послышишь ты голос людей, которые украсят себя именем друзей твоих, ты побежишь к ним, как дитя, забытое в пустыне, бежит на голос, знакомый ему; они приманят и прельстят тебя, но...» — «Остановись, почтенный, но жестокий старец! не срывай так поспешно с очей моих *пелены неведения*: они еще слишком слабы, еще не снесут яркого блеску горестных истин твоих! — Картина, изображенная тобою, ужасна!.. Ах, воротись, воротись, ангел-утешитель моих протекших лет! Воротись ко мне, *юность* моя! Покажи, хотя издали, свои радости и отдай мне прошедшее!.. Возврати мне хоть вчерашний день!» — «Нет! — восклицает *опыт*,— скорей моря сдвинутся с мест и все реки в подсолнечной превратятся в течении своем, нежели *вчерашний день сделается сегодняшним»*.— «Так что ж остается мне предприять в сей ужасной пустыне, называемой светом? На кого покинула ты меня, подруга неверная! О, юность моя! на кого?..» Но тут является *жена* с величием царицы и в блеске божества.— Одежда белейшая снега струями ниспадает от рамен ее! Лавры венчают возвышенное чело, и ветвь надежды зеленеет в деснице. Неизъяснимая приятность светится в сапфирных очах, и убеждение, струею чистейшего злата, готово излиться из уст ее. С небесною улыбкою приближается *она* к обуреваемому сомнениями юноше, и я слышу божественный голос ее. «Юноша! — говорит *она*,— узнай во мне *добродетель*! Я приемлю питомцев невинности под покров свой; я утешаю, креплю и сопровождаю их чрез мрачные области мира. Ободрись, опечален-

ный! и перестань сожалеть о разлуке с твоею *юностию*! Разве *юноши* творят великие дела? Разве для юношей отверзаются врата храма бессмертия? Взгляни в историю древнейших времен и убедись в истине слов моих. Разве юноша решил судьбу *Маратонского бою*? Юноша ли ринулся в бездну для спасения отечества? — Нет! *Мильциады* и *Курции, Фемистоклы* и *Фабии* — герои Греции и Рима — не были юношами в те, полные славы дни, когда великими подвигами запечатлевали имена свои на скрижалях бессмертия.— Захочешь ли обратиться к истории собственного твоего отечества: она представит тебе множество блистательных примеров, и даже в самые недавние времена. Не юноши были *Минин* и *Пожарский*, исторгшие из плена свободу России. Разве юноша, решаясь сочетать судьбу империи с судьбою битвы *Бородинской*, стал и бился за свободу отечества? Юноша ли, одними глубокомысленными соображениями, побеждал врагов без боя на высотах *Тарутинских*? *Пала Москва, но, опершись на Кутузова, устояла Россия*!* Ни тот, кто сказал, ни тот, о ком сказаны бессмертные *слова* сии, не были юношами. А победитель при Кагуле, а римникский и италийский герой в летах ли пылкой юности заслужили венцы бессмертия? — Нет! не юноши оказывали всегда и везде неимоверную твердость в страданиях и бедах, величие духа при падении царств и народов, постоянство и мужество в ужасном борении с судьбою... Кто ж сии люди, не умирающие в веках, сотворившие славу и могущество отечеств своих, облагородившие звание человека? — Это *мужи*! И — радуйся *ты*, которого я усыновлю, если сердце твое будет всегда послушно гласу моему, радуйся, ты будешь *мужем*!

Как мужа, угодного мне, щедро наделю я тебя дарами своими. Я возведу тебя до той высоты нравственного усовершенствования, с которой все, что пленяет, дивит и поражает приникших к праху земному, увидишь ты *очами мудрого* в настоящем размере и виде. И тогда пусть блещут искушения мира, пусть гремят громы рока, ты смело вступишь на *путь испытания* и не колеблясь достигнешь сияющей цели совершенства нравственного человека... Тому ли страшиться угроз судьбы, кто научен мною презирать лютейшие страдания и даже самую *смерть*, столь ужасную для слабых и порочных душ! — С неимоверною твердостию, если только нужно будет, умрешь ты, как *Регул* или *Катон*, и, подобно *Гермогену* и *Филарету*, не изменишь отечеству ни под ножами убийц, ни в продолжительном страдании в узах.— Знаешь ли, кто

---

* Подлинное выражение из письма Димитр⟨ия⟩ Прок⟨офьевича⟩ Трощинского к пок⟨ойному⟩ к⟨н⟩. Смоленскому.

ободрял *Монтезуму*, когда, почия на углях, как будто на цветах, истлевал он на тихом огне, без содрогания, без стона! Кто подкреплял *Муция*, когда с светлым лицом, как будто при брачном алтаре, стоял он у огня, пожиравшего руку его? — Но я сделаю еще более. Я вознесу дух твой превыше всех ложных мнений людских и научу тебя презирать превратные толки света. В бурях гонения и под тяжестию цепей будешь ты независим и велик! *Эпиктет* и в рабстве не ведал неволи! Истинно благородный человек озаряет блеском достоинства своего самый мрак темницы и придает благородство цепям*.— Вдохновенный внушениями моими, ты не убоишься вещать строгие истины и *сильным мира, и царям*. При дворе Государя, на бурном море, под свистом пуль, у самого жерла огнедышащей горы, подкрепляемый мною, ты пребудешь непоколебим, и если вселенная станет сокрушаться вокруг тебя, ты не дрогнешь, исчезая вместе с нею, когда я буду с тобою! — Знаю все, что говорил тебе *опыт*,— но чем печальнее истины опыта, тем необходимее советы добродетели. Конечно, трудны в жизни *прямые пути; тебе укажут стези уклоненные*.— «Исчезай во тьме или ползи за нами»,— закричат тебе толпы пресмыкающихся. «За нами! за нами! — повторят *другие*.— Мы ищем *счастия* и достигнем его!» Но *счастие*, как *радуга*, всегда блестит и манит, а никогда не достается в руки бегущим за ним. На земле только сияние; а вечная обитель его в небесах! — Жалки и презрительны будут в глазах твоих искатели личных выгод. Платя за все лестию и уничижением, рабски служа прихотям сильных и в поте лица работая пороку, они вымаливают, как убогий, свой насущный хлеб, ничтожные блага жизни, не имея благородной твердости отказаться от них. «Но вот *дары Фортуны*!» — закричат тебе со всех сторон те, которые обыкли называть счастие фортуною, не зная, что она есть только ложный оттенок, слабейшее подобие истинного счастия. Высоко ценя условное, временное и мнимое достоинство даров богини своей, они с восторгом будут твердить тебе: «Мы получили их прямо из рук *фортуны*, мы облагодетельствованы ею!» Если б, к несчастию, и прельстился ты ничтожными дарами сими, то попробуй только спросить, как получили и какими стезями достигли они до получения оных? Сей простой вопрос разрушит все очарование в глазах твоих. Низкие средства и грязные пути никогда не будут уделом питомца добродетели. Стоит только рассмотреть, *кого* награждает фортуна, чтоб презрить все *то*,

* Темница, говорит *Мендельсон*, лишилась всего, что соединено было с нею бесчестного, когда *Сократ* заключен был в ней.

чем награждает *она.*— Есть, однако ж, другие дары, сын мой! которые бесценны для тебя будут. Я вижу, что небо наделило тебя даром воспевать на лире. Благословляй небесный дар сей и старайся, о, юноша! соделаться достойным оного. Знай, что к восприятию чистейших небесных вдохновений сердце человеческое должно быть предуготовлено *добродетелию*! Порочное сердце подобно нечистому сосуду: и самое лучшее питие портится в нем. Один язык нежности и чувствительности может очаровывать души. Ум издает только блеск, но убеждение льется всегда из сердца. Дар говорить истину и выражать с приятностию благородные чувства и высокие мысли есть первейший из всех даров. Из мрачной неизвестности голос твой будет трогать и убеждать жителей городов и чертогов. Соловей, сокрытый в уединенной куще, при общей тишине природы, под розовым сиянием вечерней зари, поет — и глас его растекается далеко по зеленым долинам и цветущим лесам. Поселянин из укромной хижины, вельможа из позлащенных палат и чувствительный государь, исторгшийся из душной столицы, чтоб насладиться дыханием весны, равно выходят слушать песни его. Так точно для всех и каждого раздается песнь в честь добродетели и истины. Песнь сия, как отзывы горного эха, прейдет из рода в род. Уединенного в отдаленном краю, сокрытого во глубине пустынь, тебя никто не будет ни видеть, ни знать; но *мысли* и *чувства* твои, облеченные прекрасными выражениями, ходить будут по свету и очаровывать людей.— Пусть, говоря словами *опыта*, пусть и не оценят дарований твоих! Вразумленный советами моими, ты не предашься от сего унынию. Мудрый человек подобен *светильнику*, поставленному во мраке: пользуются ль, нет ли сиянием его — *он* всегда равно светит!.. Виноград, сокрытый в уединенном углу сада, ничего не теряет от того, что, созрев, останется от лоз не отделенным; теряет тут садовник, который не умел или не хотел отыскать и употребить его в пользу. Плененный красотами *изящного*, ты будешь стремиться к оному, нимало не замечая, ободряют или порочат стремление твое. Общество без порицателей *изящного*, как лето без вредных насекомых, быть не может. Но не возмущаясь шумом предрассудков и суетливым движением мелких страстей, иди прямо к цели, указанной мною. «Современники редко бывают справедливы!» — восклицает *опыт*. Испытаешь ли сие над собою? — не сокрушайся!.. Пиши *великие истины*, налагай на них *печать скромности* и надписывай: «*Потомству* и *векам*!» «Ты вступаешь в области испорченной гражданственности и должен покориться строгим уставам общества: люди, никогда почти не умеющие предчувствовать

и редко могущие даже понимать *превосходные дарования*, окутают, стеснят тебя многочисленными обязанностями и свяжут своими ничтожными правилами!» Так говорил *опыт*. Что нужды! скажу тебе я: все их препоны суть то же, что наносный сор, хворост и камни, тщетно преграждающие течение *потока*, предопределенного быть *великою рекою в мире*. Он разрушает оплоты, брызжет чрез пороги, рвется из берегов и, представляя величественную *картину* борения с преградами, роет пути себе меж гор и по лесам и бежит шуметь и славиться в далеких странах.

Внял ли ты словам моим, юноша? — вещала добродетель.— Замкни их в сердце своем, как драгоценнейшие камения и перлы; *ибо почувствовать цену изящного и приятство добра есть стяжание высшее всех богатств и сокровищ*.

Добродетельный человек есть любезнейшее из всех существ в подсолнечной. Сердце его чисто, совесть покойна, лицо светло. Ощутя сладость одного доброго дела, он забывает о благодарности и без всяких расчетов творит добро, единственно для добра! Тогда-то в сердце его пробуждается особое чувство, чрез которое он тотчас слышит тайные стоны несчастных. Часто, украдкой от людей, под мраком позднего вечера исходит он на делание добра. Ни зимняя стужа, ни буря, возмущающая природу в ночи, не могут помешать ему посетить бедного страдальца, исчезающего от глада на соломе, и отереть слезы бескровной сироты. Но из единой любви и отнюдь не из самолюбия творит он добро, ни похвал, ни наград за оное ни от кого не ожидая. Свидания с бедными суть милые тайны души его!.. В волнении шумного города, среди великого множества бесчувственных людей он подобен хотя малому, но зеленью, цветами и плодоносными деревьями покрытому острову, утвержденному природою на необъятной широте пустынных морей: все гонимые бурею и судьбою, все подверженные бедам и ужасам кораблекрушения имеют верное прибежище к нему! — Чувствия добра, исполнив сердце неизъяснимою приятностию, изливаются и на все черты его лица*. Сколь благороден, сколь приятен вид добродетельного человека! Он ясен и тих, как румяный весенний день; злодей пасмурен, как осенний вечер, уединен и печален, как вещая

---

* Знаменитый *Лафатер* ясно и убедительно доказывает, что злые страсти и пороки обезображивают лицо, а добрые свойства сердца украшают оное какою-то особенною приятностию, даже и тогда, когда оно от природы безобразно.— *Гуфланд* называет кроткие страсти — друзьями жизни, а страсти бурные — врагами оной. Почти смело можно сказать, что человек без *злых страстей* есть *ангел*. Но есть ли такой человек?

птица. Душа первого есть светлый источник, в котором сребрится небо и алеет заря; душа последнего — темный и болотный поток! Блестит и разливает жизнь первый; темнеет и заражает воздух последний.— Среди испорченной *гражданственности*, в глубоком мраке предрассудков человек добродетельный сияет, как *уединенная звезда* над пустынею: все блуждающие по скользким путям жизни над безднами, изрытыми страстьми, направляют по нем стопы свои. Так, любезный юноша! внемли советам добродетели и живи для одного добра. Но знаешь ли, почему советы мои священны и куда они тебя ведут? Ужли думаешь, что я, возвыся, укрепя и облагородив дух твой, оставлю тебя пресмыкаться в тине и прахе и не покажу ничего, кроме *земли* сей, промокшей от крови и слез истлевших на ней народов!.. Она то же в необъятном пространстве вселенной, что песчинка на бреге морском. Не странно ли б было научать всем глубоким познаниям мореходца того, кто осужден целый свой век плавать на малом потоке? — Нет! Постигшему таинства высокой науки предлежит плавание по неизмеримому океану. Юноша! за потоком, называемым *временною жизнию*, есть беспредельный *океан вечности*.— Придут лета и сорвут с тебя блестящую оболочку красоты и младости; придет смерть и расшибет скудельный сосуд, в котором заключалась бессмертная душа твоя. Божественная пленница сия, свободясь земных оков, улетит в небесное отечество свое, где нет уже ни стонов, ни воздыханий, ни бурного мятежа страстей. Мысль о бессмертии проливает неизъяснимо сладостное утешение на раны растерзанного бедствиями сердца. Одна только сия мысль могла утешать *Колумба*, мужа знаменитого открытием другой половины подсолнечной, когда, гонимый лютейшими врагами, брошенный на полуистлевшем корабле, под чуждым небом, на неизвестных морях, *он* томился под бременем старости, недугов и возложенных на него злобою оков.— Так, юноша! надежда на бессмертие столь же необходима для всякого человека, как *якорь* для пловца на море, как посох для старца на скользком пути. Пусть преследуют его змеи зависти, пусть терзает дух злобы.— Лишенный всего на земле, гонимый праведник имеет еще верное убежище от могущества и злобы людей — на небесах! С земными судиями будет он судиться пред общим Судиею мира. Он охотно расстается со всеми сокровищами света и просит только, чтоб *кровавые одежды* или *тяжкие цепи* его сопутствовали ему во гроб. О, страшен будет глас *невинной крови* и звук *неправедно возложенных цепей* в тот ужасный и великий день, когда тысячи поколений восстанут от тления на общий суд. Гласа и звуки сего

не сильны заглушить и громы распадающейся вселенной. Радость возблестит на челе праведных, и оледенеют от ужаса порочные сердца!.. С тайным смятением внемлешь ты словам сим, сын мой!.. требуешь уверения. «Кто убедит меня в истинах сих?» — я читаю вопрос сей в сердце твоем; прочти ответ мой в небесах! Возведи очи горе!.. Видишь ли ты там, в лазоревых полях небес, прелестную деву сию? Это *Вера*! Светлые радуги — одежда ее; златые власы льются по раменам, и никакая кисть не изобразит божественного ее лица. Седьмь звезд совокупным слиянием лучей своих образуют венцу подобное сияние над возвышенным ее челом. Над ней и вокруг ее, с непостижимою стройностию, движутся тысячи миров и тысячи солнц сверкают, как светлые искры инея на снежных полях. Крест блестит в деснице; а фиал утешения в шуйце ее. По розовым зарям и лиловым оттенкам неба сходит *она* из великолепных градов небесных в скудные красотами пределы земли.— Так! знай, сын мой! что добродетель провождает к вере, а вера к вечности. Вера без добродетели и добродетель без веры — мертва! Истина сия была прежде достоянием только немногих избранных смертных: *Сократ* и *Платон* постигали ее. Ныне Всемогущий Творец открыл ее и малейшему из людей своих: *веруй, молись* и *ожидай*!» — вот последние слова, услышанные мною!.. Первый луч дня коснулся глазам, и я проснулся!.. Что значит сон мой! изъясни мне, любезный друг! Не видал ли и ты когда-нибудь подобного? Прощай!

ТРИ КАРТИНЫ СУПРУЖЕСТВА

(Из записной книжки)

Последние дни мая привели с собою прекрасную погоду. Природа воскресла и расцвела. Дни и ночи спорили в красоте и приятности. Одни, озаряясь ярким блеском светлого весеннего солнца, дивили взоры величественною картиною торжествующего творения; другие, осребряясь тихим сиянием луны, погружали душу в неизъяснимо сладостную мечтательность.— Сон, который обыкновенно так приятен и продолжителен бывает при стоне непогод, когда унылый гул осенних ветров утомляет слух наш, кажется тяжкими оковами в часы прелестных весенних ночей. Весною всякий хочет жить и действовать! Вот почему я во все это время, с тех пор как растаял последний снег, почти не сплю. Вчера долго вечером сидел я на берегу величественного Днепра и уснул тогда, когда все

в природе крепко спало. Но сон мой не был продолжителен. Утро свежим дыханием своим коснулось вздремавшего по соседству соловья; он встрепенулся, вспорхнул и так громко засвистал, что я невольно пробудился. Тихий весенний день являлся в неописанном торжестве. Алая заря освещала небо; солнце еще не восходило: вся природа, казалось, ожидала его. Ранние ветерки щедро разливали повсюду усладительный аромат цветущей черёмхи. Все листья на деревьях, как будто проникнутые общим чувством радости, трепетали... Я распростился с прелестным сельским домиком *Добросердова*, в котором встретил весну, и поехал провожать ее в своей хижине.— Около десяти часов утра завернул я по дороге к г-ну *Крутонраву*, которого застал в прекрасном его саду.

Искусный садовник, щедрые издержки и сотни рук сделали в короткое время из красивого от природы местоположения очаровательное гульбище. Множество редких дерев выставлено было из оранжерей, множество птиц рассажено по клеткам: воздух наполнялся пением и ароматами. Ряды статуй, цветники и коврам подобная зелень возвышали красоты сада. «Где же молодая супруга ваша?» — спросил я. «Она сидит дома и причудничает!» — отвечал он. «Я согласен,— продолжал Крутонрав,— совершенно согласен с тем преблагоразумным английским писателем, который сказал: «Посади в мешок девяносто девять *змей* и одного *угря*; опусти потом туда руку и — как думаешь, *кого* захватишь — змею или угря? Такова-то и женитьба!..» От этого пренежного сравнения у меня волосы стали дыбом и мороз пал на сердце. «Вели подать завтрак! — сказал потом *Крутонрав* слуге.— и вызови госпожу свою сюда!» Принесли завтрак — все на серебре; вышла госпожа в глубокой грусти, с заплаканными глазами и с завязанной головой. Все цвело и блистало вокруг *Миланы*, так называлась хозяйка, одна только она увядала! — Я знал Милану еще в девушках: она была свежа, как полевой цветок, весела, как весенняя птичка. Теперь облака грусти затмили ясность ума и сердца ее. Она любила Милона, но Милон был беден. Отец Миланы имел тяжебное дело с Крутонравом. Дело приходило уже к концу и должно было решиться в пользу соперника его. Корыстолюбие заглушает нежность отцовскую. Он решается расплатиться дочерью,— и выдает ее за Крутонрава, который выигрышем прекрасного имения пожертвовал для прекрасных глаз. Спор кончен полюбовно, но брак — без любви! «Богатство осчастливит и утешит тебя!» — говорил отец дочери. «Нет утешения в богатстве!» — повторяла тысячу раз несчастная дочь, когда суровый муж обходился с нею, как мороз с цветами.

Богатство не составляет счастия супружества!.. — сказал и я сам себе и спешил уехать далее.— На другой день остановился я покормить лошадей в городке**** и зашел к Беднякову в убогий домик его. Мы не видались около шести лет. С тех пор семейство его умножилось, а способы к жизни гораздо уменьшились. За несколько пред тем дней жена его родила *двойней*. Расслабленна и томна, как тень, сидела она, прислонясь к стене, и, держа на коленях обоих новорожденных, питала их попеременно грудью. Двое других малюток, сидя на полу, делили между собою булку белого хлеба, которую кто-нибудь добрый человек им принес; а в углу, на ветхой кровати, еще один ребенок лежал, весь посиневши, неподвижен. Белый плат покрывал его до половины, вокруг рассыпаны были цветы; огарок восковой свечи теплился в изголовье пред иконою. Бедный малютка почти не дышал.— Несчастная мать, еще молодая, любезная женщина, не знала, куда обратиться и что начать. Горячие слезы ее лились на грудь, в которой не могли уже найти довольно пищи новорожденные младенцы. Картина столь ужасной бедности поразила меня тем более, что я знал историю жизни и замужества *Милены*: так называлась сия злополучная мать семейства. Оставшись еще ребенком на руках родственника, который был и опекуном ее, она получила, вместе с детьми его, прекрасное воспитание. Корыстолюбивый опекун, желая воспользоваться приданым Милены, порученным одной его совести, без всяких судебных сделок, искал человека, который бы, не требуя ничего, женился на ней *по любви*.— Вскоре явился молодой, оставленный за ранами, офицер Бедняков. Увидеть прекрасную и плениться ею было делом одного мгновения со стороны пылкого молодого человека; воспользоваться неопытностию его, хвалить искренность бескорыстной страсти и выдать Милену без *ничего* было делом нескольких дней со стороны корыстолюбивого опекуна.

«Похлопочи о приданом,— говорили умудренные опытом приятели *Беднякова*,— представь себе будущее, подумай о семействе. Птица прежде вьет гнездо, а там выводит детей: так должен поступать и благоразумный человек».— «Одни только холодные души, видя счастие в настоящем, заботятся о будущем! Мне ничего не надо,— говорил *Бедняков*,— кроме обворожительных прелестей Милены, кроме ангельского сердца ее!» — «Счастлива девица, которая, презря целый *народ вздыхателей* и все очарования большого света, избирает друга по сердцу и решается жить с ним в бедной хижине под соломенною кровлею!» — это прекрасное изречение Виланда было любимою поговоркою Милены.— Любовь помол-

вила два страстные, но неопытные сердца, и неразрывный союз пред святым алтарем соединил их навеки.— Первые дни брака, первые радости супружества пролетели, как золотые сны... У Беднякова был маленький домик; Милена получила фортепиан и гитару от опекуна и ангельский голос от природы. Тогда все еще было дешево, и молодые супруги-любовники зажили покойно и весело. Сколько раз на берегу ближней речки при тихом сиянии полной луны голос Милены спорил с вечерним соловьем и приводил в восторг Беднякова, который в свою очередь читал с жаром страсти пламенные страницы из Руссовой «Элоизы». В подруге своей находил он все прелести Юлии. Пища, приготовленная руками ее, казалась ему приятнее всех яств, изобретенных роскошью. Скоро Милена почувствовала, что ей должно стать матерью, и, читая Емиля, готовилась к важной обязанности воспитывать детей. Вопль первенца раздался сладостнее всякой музыки в ушах восхищенных родителей; первая улыбка его наполнила их радостию. Но вскоре за сыном родилась дочь.— Люди, наделенные всеми благами фортуны, нередко сетуют о том, что судьба лишает их приятнейшего удовольствия быть отцами. Они сетуют о сем в то время, когда бедные отцы, соседи их, не знают, куда девать своих детей!

Добрый Бедняков, напоивший сердце романами, никогда не читал книги знаменитого Адама Смита, который, обозрев все состояния людей очами мудрого, ясно доказывает, что бедность благоприятствует размножению семейств. Роскошь, говорит он, воспаляя только страсти и расслабляя тело, лишает изнеженную женщину сладостного удовольствия быть матерью. Но сколь благоприятна рождению, столь пагубна воспитанию детей крайняя бедность. Нищета, говорит сей же писатель, остужая даже самый жар нежности к детям, доводит до совершенного отчаяния родителей... С умножением семейства Беднякова умножались нужды и заботы его, а способы к жизни с каждым днем становились ограниченнее. Возникла страшная на все дороговизна, настало тяжкое время. Истомленная грустью Милена часто проводила бурные осенние вечера и длинные зимние ночи при тусклом свете ночника над болящими детьми своими, согревая их дыханием от стужи, которая слишком ощутительна была в бедном обветшалом домике, при крайнем недостатке в дровах.— Нет сомнения, что *она* могла бы служить прекрасным образцом любезной женщины и нежной матери для красноречивого *Легуве*, но ни ум, ни любезность не могли уже долее позлащать их горького жребия. Ум и любезность в крайней нищете, как светильники в зараженном воздухе, угасают!.. Мечты

отцвели и завяли, остались терния существенности.— Так! непростительно, постыдно жениться по одним расчетам богатства, но не менее того и пагубно вступать в брак без всяких расчетов благоразумия, а по одним только романическим мечтам. Соединить жребий доброй, милой девицы с своим в то время, когда не имеешь сам куска верного хлеба, и, так сказать, заразить ее своею бедностию значит то же, что завлечь здорового в больницу и уморить вместе с собою!.. Так рассуждая, отправился я далее и над вечер того же дня остановился на ночлеге в большом и богатом селе Хлебородове. Подле нового постоялого дома сидел молодой хозяин с прекрасною молодою женщиною.— Разговорясь с ним, я узнал, что он мещанин из ближнего города, что за несколько пред сим дней женился и взял на откуп сей дом, в котором все было просто, но чисто. Столы и лавки белели. В одном углу божница: пред иконами горела лампада; в другом стояла двойная постель под ситцевым занавесом; на окнах полевые цветы.— Огорченный поутру видом несчастной, проливавшей слезы над золотом, и потом опять картиною крайней нищеты бедного семейства, я надеялся отдохнуть здесь, в сем жилище умеренности. Эта надежда не обманула меня. Молодые супруги не могли наглядеться друг на друга, а я не мог налюбоваться ими.— Убрав и распорядя все в доме, они сели опять на скамью у порога: жена взяла чулок; муж заиграл на свирели. Погода была очаровательная. После минутного дождика, который, озаряясь сиянием заходящего солнца, золотыми каплями рассеялся по цветущим полям, настал прекрасный теплый вечер. Благоухание множества цветов, подобно ароматному маслу, растекалось в воздухе. Вдали пели соловьи, вблизи царствовало глубокое молчание — и звуки свирели, и тишина вечера прерывались только громкими поцелуями новобрачных. Ласки их были нежны, взоры огненны: мне показалось, что пламя вспыхивало у них на устах, когда они целовались! «Вы теперь счастливы, но что будет тогда,— сказал я, напуган будучи примером семейства Беднякова,— что будет тогда, как у вас пойдут дети?» — «Мы не забыли про это,— отвечал хозяин,— отец оставил мне сотен пять рублей, да столько ж взял я за своею Анютою. Те и другие деньги отдали мы в верные руки старому приятелю, который пустил их в торг. Теперь, пока молоды и здоровы, будем жить смирно и трудиться прилежно; а на старость, даст Бог, и нам, и детям насущный хлеб будет. Да ведь в нашем быту не как у других: нам дети не страшны! У нас чем больше детей, тем больше работников: всякий трудится на себя, а даром хлеб никто не ест. Притом же одной семье не много надо: нам

не пиры пировать, не потехи справлять: у нас не барские затеи и не господский двор!..»

Он не читал Смита, а говорил почти его словами; вот они: «В тех состояниях, где труд награждается достаточною платою, многочисленное семейство не только не бывает тягостию, но даже источником изобилия для отца». У нас это может случиться только в состоянии земледельцев и ремесленников. Бедный дворянин гораздо более, нежели кто-нибудь другой, чувствует прискорбие нищеты: дети почти всегда бывают ему в тягость. Если б можно было перенести часть супружеского согласия из хижины Беднякова в палаты *Крутонрава*, а часть богатства этого в хижину того: то там и там подел счастия сделался бы равнее. Так рассуждал я, а молодой хозяин, оградивший себя от нищеты столь благоразумным по своему состоянию расчетом при женитьбе, не думая больше ни о чем, заиграл опять на свирели, и жена, с чувством неописанной приветливости, прижалась к груди своего ненаглядного друга. Сердце ее, полное любви и невинности, билось, конечно, гораздо сильнее и счастливее под простою косынкою, нежели сердце *Миланы* под пышною трехтысячною шалью: пышность не унимает ни вздохов, ни слез! — Глядя на любовь и согласие сельской четы, я невольно вспомнил выражение одного польского стихотворца: «Смотрите,— говорит он жителям большого света,—

Как мало в жизни сей потреб:
Любовь нужна в младые лета,
На старости — насущный хлеб!»

Вот три картины супружества, верно списанные с подлинников. Я написал, что видел, без всяких дальнейших заключений. Может быть, знающий лучше меня свет и людей рассмотрит и определит *правилом*, до какой степени при женитьбе должно предаваться влечению сердца и расчетам осторожности. Брак есть важнейший период в жизни; узы его разрываются только смертию. Любовь и благоразумие должны заключать узы сии. Но любовь полагает часто верх благополучия только в первых минутах брака, а благоразумие всегда смотрит далее: оно заботится об устроении не минутного, но пожизненного потомственного счастия тех, которые верят и следуют советам его.

Часть III

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Прочитав (во 2 части), что героическая смерть Энгельгардта, Шубина и *прочих* будет перлою в истории 1812 года, ты говоришь: «В таком случае не должно говорить глухо о *прочих*, а называть по имени тех, которых имена драгоценны для историка и потомства. Страдальцы за Отечество,— продолжаешь ты,— должны жить в сердцах сограждан своих: память и могила их священны Отечеству». Ты совершенно прав, а я, чтоб не быть совсем виноватым, сообщаю тебе краткое описание о благородном подвиге и смерти Ивана Анисимовича Голенки. Будучи беден и одинок, он жил и умер как истинный русский, то есть как благородный и честный человек!..

ПОДВИГ ИВАНА АНИСИМОВИЧА ГОЛЕНКИ

Без родных, без состояния, но имея все те качества, которые привлекают приязнь и дружбу, Иван Анисимович Голенка до нашествия французов жил как друг в доме одного смоленского помещика. Его уже нет в живых; он умер как истинный россиянин во дни всеобщего злополучия. По приключившейся ему болезни не мог он уехать вместе с хозяевами дома. Чрез несколько времени, когда получил некоторое облегчение, первое старание его было о том, чтоб сберечь, по возможности, имущество своего друга. Толпы своевольных крестьян набежали было на дом с тем, чтоб разграбить оный; Голенка силою простых, но убедительных увещеваний умел их остановить.— С тех пор, среди всеобщих пожаров, жил он довольно спокойно в глубоком уединении, под защитою лесов. Уже начинал он надеяться, что успеет сберечь собственность своего друга и что доживет до той сладостной минуты, в которую после всех мятежей и превратностей заключит его в объятия свои.

Вдруг в один день наскакала толпа неукротимых злодеев. Французы, ворвавшись в дом, вломились в дверь и нашли Голенку, очень покойного, сидящего у стола за книгою. «Дай нам ключи и деньги!» — закричали злодеи. «Я здесь гость, а не хозяин,— отвечал Голенка, не вставая с места.— Хотите ль быть также добрыми гостями?.. Я предложу вам все, что имею. Хотите ль бесчинствовать? Можете: вы сильнее!» Он

говорил это самым чистым французским языком. Какая находка для злодеев!.. Они обрадовались и приступили с лестью склонять его к себе в переводчики. «Никакие сокровища не склонят меня к сему,— отвечал Голенка.— Все способности и познания свои привык употреблять я к пользе отечества моего: никакая сила не принудит обратить их во зло ему». Раздраженные сими словами, враги грозят пистолетом. «Стреляйте!» — говорит Голенка, приподняв рукою густые волосы свои. «Вот вам и цель!» — прибавил он, указывая на лоб. Злодеи не имели духу отнять у него в то же мгновение жизнь, но,обременив тяжкими ударами, повлекли в соседний дом, где сей несчастный после двухнедельного страдания умер как истинный христианин и верный сын Отечества.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Я послал тебе *Родомысла*, одно из превосходнейших художественных произведений нашего времени и тем драгоценнейшее для нас, что отличный художник, творец оного, есть русский! — Будучи несравненно лучшим меня знатоком в художествах, ты, однако ж, совершенно одобрил мой вкус и согласился с мыслями моими. Сердечно рад, что и этот случай оправдал то, о чем я тебе так часто говаривал, доказав, что довольно одной любви к изящному, чтоб, не будучи художником, отличать всегда *прекрасное* от *посредственного*. Я смотрел на Родомысла глазами любителя, а не знатока художеств и восхищался красотою изобретения и отделки. *Щит* более всего обратил на себя внимание и удивление! На нем представлен в *иносказательном виде Лейпцигский бой.*— Город Лейпциг, как обыкновенно, в виде женщины. Борцы и воины изображены чудесно!.. В этой едва приметной для глаз картине столько жизни и движения, что, кажется, тут в самом деле махают мечами, устремляют копья и пущают стрелы... Все члены так правильны, все мускулы так чисто отделаны!.. В едва приметных людях (по чрезвычайной малости размера) приметны напряженные жилы и, что еще удивительнее, видны страсти в движениях и на лицах!.. *Одни* с мужеством наступают; *другие* с ужасом уклоняются; радость озаряет чело победителей; все ужасы смерти видны на лицах поверженных под копытами бурных коней.

Вот что видел я в *Родомысле* как простой любитель прекрасного, а ты, как *знаток*, нашел в нем еще множество других красот — тем лучше!.. Скоро увидишь ты новые произведения

того же художника. Граф Фед⟨ор⟩ Пет⟨рович⟩ Толстой, сделавший имя свое известным во всей Европе изданием в свет *Родомысла*, предпринял важное намерение обессмертить себя и великие события последних походов в прекрасных, подобных *Родомыслу, медалях*. Я видел рисунки оных и сделал наскоро *описания*, которые тебе препровождаю.— Имея живое, пламенное воображение, ты и по несовершенным описаниям сим постигнешь совершенство подлинников. Порадуемся, любезный друг! что изящные художества в таком блеске начинают появляться в отечестве нашем!.. Да! у нас много есть отличных художников, из которых одни познакомили уже себя с Европою, а другие ожидают еще *ободрения* и *известности*, будучи в полной мере достойны оных*.

ОПИСАНИЕ МЕДАЛЕЙ

№ 1

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ
(в 1812 году)

Необычайная война угрожала России в 1812 году. Наполеон Бонапарт, возведенный счастием на высшую степень могущества и славы, управлял судьбами народов и волею государей Запада. Он воздвиг небывалое доселе в Европе ополчение, из полумиллиона состоящее. Войска 20 народов следовали под знаменами его. *Война*, как темная туча, востекая от

---

* Наши почтенные художники — знаменитый и всем известный Мартос, отличные истинным дарованием, богатым воображением и блестящею кистию Егоров, Уткин, Варнек, Демут, Шебуев, Боровиковский и другие — знакомы уже любителям изящного. Недавно чрез благодетельное посредство венценосной покровительницы дарований получил способ видеть чужие края и показать им дарования свои один из весьма многообещающих молодых художников наших г-н Кипренский. Имя сего русского, конечно, вскоре соделается известным на берегах Тибра, в древней столице изящных искусств.— К числу же менее знаемых, но совершенно достойных ободрения и известности по всей справедливости должно причислить и почтенного Пет. Егор. Доброхотова. При всей свойственной ему скромности он уже обратил на себя невольно справедливое внимание многих истинных любителей отличных дарований. Резьба его на камнях прекрасна! Красота изобретения, всегдашняя правильность рисунка и необыкновенная чистота в отделке отличают все произведения его. В тихом уединении, любя страстно искусство свое, он режет по заказу и навнушению собственного гения. В сем последнем случае произведения, в которых старался он подражать древним, заслужили всеобщее одобрение знатоков и, конечно, будут иметь большую цену в то счастливое время, когда произведения русского пера, резца и кисти будут достойно уважаемы и ценимы в России.

запада, несла громы и молнии свои в священные пределы царства Русского. Все народы Европы прорекали погибель России. Но при восставшей буре военной, когда берега Немана уже пылали, среди пожаров и опустошения областей, раздался голос, знакомый русским сердцам: «Народ русский! храброе потомство славян! ты неоднократно сокрушал зубы Львов и Тигров! Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках: никакие силы человеческие вас не одолеют!» От Немана до Волги, от моря до моря и по всем краям Русской земли повторяется глас Отечества во гласе АЛЕКСАНДРА I. Миллионы восстают и ополчаются. Оставляют грады, селы и сокровища, прося оружия и боя. Все души сливаются в одну; весь народ становится огромною *ратию. Россия* не успевает раздавать мечей и копий. *Дворянин, купец и поселянин*, друг пред другом, теснясь к *алтарю Отечества* и жадно простирая руки, просят и требуют — *мечей*. (Сие изображает картина.) *Жены, старцы* и *отроки* повергают у подножия алтаря злато и сокровища (изобр⟨ажение⟩ барельефа). Мужи русские, по славному примеру предков, готовы заложить жен и детей, чтоб искупить свободу Отечества!

№ 2

БИТВА БОРОДИНСКАЯ

Давно, а может быть, и никогда еще не видала Европа столь многочисленного войска, какое привел Наполеон, и столь ужасной битвы, какая происходила 26 августа при селе Бородине. Более 300 000 воинов сражались на самом тесном пространстве. 2 000 орудий гремели беспрерывно. Огнем и дымом покрыты были укрепленные холмы; воздух наполнен громом; небо пылало, и с тяжким стоном колебалась земля. Но русский пребыл непоколебим. *Неприятель втрое сильнее. Трое стремятся на одного, и один стоит противу трех!.. Одного поверг, с двумя еще сражается* (*изобр⟨ажение⟩ картин⟨ы⟩*), наконец *тройственная сила* отражена, и росс не побежден! Цвет воинов Европы исчезает в битве сей, и тут-то узнает надменный разоритель царств, что вождь и войско русское достойны России.— Потеряв 42 генералов, 1 500 офицеров и до 50 000 лучших солдат, Наполеон восчувствовал, что никогда не выйдет победителем из земли, населенной столь мужественным народом.

№ 3
ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ
(в 1812 году)

Армия Российская, преисполненная великих надежд и ожиданий, занимала укрепленные высоты *Тарутина*. Неприятель не смел отважиться на открытое нападение. 50 000 под предводительством короля неаполитанского Мюрата составляли передовое войско.— Главнокомандующий российских армий светлейший *кн. Кутузов*, сделав приличные великой мудрости и опытности своей распоряжения, поручил г⟨енералу⟩ кавалерии *Бенингсену* напасть и разбить Мюрата. Поручение исполнено. Неприятель разбит, и освобождение Москвы было непосредственным следствием победы сей. Русский, с надеждою на Бога, пришел и вырвал из рук нечестивых столицу и матерь священных градов России. *Освобожденная пленница, стоя на пепле дымящихся развалин и сложив крестообразно руки на грудь, подъемлет восхищенные очи к небесам.* Левая рука *Победителя* поддерживает *ее*, еще колеблющуюся, еще не уверенную в бытии своем. С сердечным умилением смотрит он на раны и страдания *освобожденной* и мощной десницею рассекает мечом оковы ее. *Усердный русский воин снимает их.* Москва свободна и счастлива.— Оружие и бури гонят тьмочисленных врагов из священных пределов царства Русского.

№ 4
БОЙ ПРИ МАЛОМ ЯРОСЛАВЦЕ

Наполеон, оставя Москву, горел желанием вломиться во врата Малороссии. Кутузов заступает ему путь у Малого Ярославца. 11 октября г⟨енерал⟩ Докторов вступает в бой. Неприятель вдвое сильнее. *Двое стремятся на одного.* Необходимость ворваться в лучший край России придает обоим дерзость и силу. *Но русский на грудах пораженных врагов стоит неколебим, с надеждою на Бога и с уверенностию в успехе. Меч вражий преломляется об русский меч. Один из противников еще мечтает о бое; другой, терзаемый всеми ужасами предчувствия великих бед, бежит!..* Следствием победы при Малом Ярославце было в самом деле *бегство неприятеля.*

№ 5

ТРИДНЕВНЫЙ БОЙ ПРИ КРАСНОМ

Совершив искуснейший *косвенный поход* от Дорогобужа, мимо Смоленска, к Красному, русские опередили бегущего неприятеля и стали у него с крыла.— 3 и 4 числа (ноября) г⟨енерал⟩ Милорадович сражался с проходившим мимо него неприятелем. 5, в присутствии самого кн. светлейшего, сражались русские с маршалом Даву; а 6, заступя дорогу, полонили и побили они 30-тысячное войско маршала *Нея*.— На полях Красненских явился *русский* карателем врагов. *Мечом обоюдоизощренным разит он бегущих и наступающих*. Потеряв *знамена, пушки* и драгоценнейшее из сокровищ своих — *жезл, Даву бежит, прикрываясь щитом. Войска Нея пали: одни костьми на поле; другие пред победителем на колена!.. Русский*, ступая исполинскими шагами *чрез груды тел* по широкому полю победы, *правою рукою наносит смерть, а в левой держит пук исторженных у побежденных мечей*. Погибель дерзким; пощада покорным — вот свойства великодушного победителя — свойства русского!.. — 50 пушек, множество знамен и 27 000 побитых или взятых в плен были трофеями победителей!

№ 6

ПОРАЖЕНИЕ ПРИ РЕКЕ БЕРЕЗИНЕ

Река Березина долженствовала быть гробом Наполеона и всей его армии. Неведомые судьбы Вышнего дозволили ему спастись. Жестокая стужа и снежные вихри застигли толпы бежавших среди мрачных лесов, на болотистых берегах Березины. Ядра и картечи встретили их с противной стороны. Переправа бедственна! Вода, железо, голод и стужа губят их тысячами! — Во мгле, смятении и беспорядке, на грудах тел и оружия, среди поверженных коней и колесниц, попирая *раздранные знамена* и *рассеянные трофеи врагов, русский* стоит с ясною совестию, с радостным лицом, и, *указывая* на гибель и позор супостатов своих, *он* гласит народам и векам: «Так погибают враги моего Отечества!»

№ 7

БЕГСТВО НАПОЛЕОНА ЗА НЕМАН

От развалин Москвы до берегов Немана победа не оставляла русских. Страх и отчаяние сопровождали *Наполеона*. Погубя войско, честь и знамена и потеряв и *шлем*, и *щит*,

и *меч*, он *бежит, никем не гонимый,* и *с скрежетом озираясь назад, видит* событие священных глаголов вдохновенного песнопевца: «Един поженет тысячу и два тьму!» — Бури, веющие на западе, несут за ним тучи дыма пожженных градов и воют во слух ему проклятием народов.

№ 8

ПЕРВЫЙ ШАГ АЛЕКСАНДРА ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИИ

Уже нет ни единого неприятельского воина на Русской земле. Они легли костьми на ней. АЛЕКСАНДР готов положить оружие; но Европа молит его о защите. Стоны чуждых народов вызывают спасителя из пределов родного царства. *На борзом коне, попирающем шипящих змей зависти и злости, с оком Провидения на щите, облечен силою, опоясан мечом, сопровождаемый мудростию и победой, он летит за черту древнего рубежа — и слава вслед не поспевает!..*

№ 9

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕРЛИНА

Русский, спаситель Отечества своего, пролетев, с быстротою орла великое пространство от Волги и Оки, достигает берегов *Шпреи*, вступает в бой и разит врагов. *Спасенная столица Пруссии,* с ужасом взирая на страшного мучителя своего, и с любовию припадает к сердцу избавителя. *Русский одною рукою поддерживает ищущую покрова его, а другою готов разразить противника своего в прах!*

№ 10

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Три сильнейших монарха Европы, вняв гласу самого Бога, во гласе народов своих, заключают *Тройственный союз.* Император австрийский простирает длань вечной дружбы к двум уже давно сомкнутым десницам АЛЕКСАНДРА I и Фридерика Вильгельма III. Всевышний благословил союз трех венценосцев, и слава увенчала их победами.

№ 11

КАЦБАХСКИЙ БОЙ

Следствием Тройственного союза было возобновление военных действий (в августе 1813). Наполеон утвердился в Дрез-

дене. Главная армия союзников обошла его по Богемским горам. Блюхер был стражем Силезии. Наполеон велел *мар⟨ша-лу⟩* Магдональду напасть и подавить его превосходством сил. 14 августа, под шумом ужасной бури, при страшном проливном дожде, загорелся бой на высотах Кацбахских. *Русский и пруссак, первый в одежде славянина, другой в броне древнего германского рыцаря, сочетав сердца и знамена, дружно пошли на бой. Мощными дланями разят они врагов мечами и по трупам их идут к победе.*— Изгнание французов из Силезии, 100 пушек и великое число плененных были плодами сей победы.

№ 12

БОЙ ПРИ КУЛЬМЕ

Один из кровопролитнейших боев (в течение последней войны) был бой при *Кульме*. Наполеон послал отважнейшего из полководцев своих *Вандама* прокрасться, войти или вломиться во врата Австрии (при Теплице), чтоб внести все ужасы войны в самую средину державы сей.— По счастию, часть Российской гвардии оставалась при Теплице. Граф *Остерман*, открыв себе путь сквозь толпы неприятельские штыками, успел привести другую часть оной. Французы остановились, и бой начинается. *Русский нападает храбро; француз защищается отчаянно.* Борьба упорна; победа колеблется... Наконец русский сделал последний натиск и — сломил!.. *Враг повержен. Победитель, с напряжением всех сил, исторгает меч у противника.* С отчаянием и тяжким стоном уступает его побежденный.— Генерал Вандам взят в плен, и все почти войско его побито или пленено.

№ 13

БИТВА ПРИ ЛЕЙПЦИГЕ

После многих частных боев союзные монархи готовились к общей великой битве. Вожди и войска разных народов с разных сторон сближались к одной цели. 4, 5 и 6 октября бились народы за свободу Германии на Лейпцигских полях. Более 400 000 войск решали битву сию. Наконец правота восторжествовала. Наполеон бежит, Лейпциг взят; победа совершенна. *Смертная мгла подернула лица устлавших собою поля. Сокрушенное оружие, растерзанные члены, отторгнутые руки с мечами и главы со шлемами рассеяны повсюду.— Все*

пало пред мужеством росса. Один он осанист и тверд, как кедр среди падших под бурею лесов, *стоит неколебим, призывая народы под сень своего щита. Двуглавый орел*, паривший в подзвездных странах, *слетает на щит победителя. Меч опущен*, громы потухли, и удивленный мир ожидает тишины и свободы.

№ 14

ОСВОБОЖДЕНИЕ АМСТЕРДАМА

Ни одна из бывших войн не имела такой благородной цели, как война 1812 и 1813 годов, ибо цель ее была свобода народов!.. Велики и блистательны подвиги росса. Все добродетели древних рыцарей украшали его. Проливая кровь притеснителей, он отирал слезы притесненных и везде, где только слышался стон *слабого*, являлся защитником его. Уже столица Пруссии исторгнута из кровавых рук врагов. Другая столица, столица Голландии, умоляла о помощи.— Русский является в *ней* (22 ноября 1813 года), и враг упадает. *Обезоруженный, молит он о помиловании. Удар победоносного меча прицелен на чело злодея... Столица Голландии, в виде прекрасной жены, как горлица, исторгшись из хищных когтей коршуна, ищет убежища под верною сению русского щита. Упав на колена, не теряет она еще своей важности. Правая рука обнимает стройный стан победителя, в левой держит она ключи и с неизъяснимым чувством любви и благодарности взирает на возвышенное чело Спасителя,* отторгнувшего змея от сердца ее.

№ 15

ПЕРЕХОД ЗА РЕЙН

Незримый перст Провидения указал русскому путь к пределам отдаленнейших стран. Преоборая неисчислимые препятствия, сквозь ущелия диких гор и чащу дремучих лесов, перейдя пески и реки, сквозь пламенные бури браней, по тлеющим развалинам градов и сел достиг он наконец пределов Франции. 10 октября 1812 года оставил он *Оку*, а 10 декабря 1813 стоял уже на *Рейне*!!! Ни противника, ни спорника не встретил он на брегах сей реки и *с очами, поднятыми к небу, и с мечом в простертой деснице заносит правую ногу на левый берег Рейна, представленного в баснословном изображении текущей из урны реки.*

№ 16

СРАЖЕНИЕ ПРИ БРИЕНЕ

Город Бриен, колыбель Наполеоновой славы, был свидетелем первого сражения по переходе за Рейн. Блюхер начал бой, русские подкрепили его. В виду того города, где провел лучшие, еще не обагренные кровию, лета своей юности, Наполеон сражается отчаянно. Но, не стерпя ударов победителя, упадает и, заслонив воспитавшим его градом бегство свое, предает оный огню и разрушению!.. *Бриена* воспоила *дракона*, который, сея зло и ужасы, в губительном полете по свету и самой своей питательницы не пожалел в роковой час гибели для минутной защиты. (Мысль сия изображена на щите.)

№ 17

БОЙ ПРИ ФЕР-ШАМПЕННУАЗЕ

Главные армии союзников шли к Парижу и встретили неприятеля при *Фер-Шампеннуазе*. Конница русская вступила в бой. Поля задрожали под копытами коней. Что может сопротивляться героям? — *Повержены и пронзены враги! русский топчет их бурным конем и дробит щиты громоносным копием своим. Предчувствие блистательнейшего конца родит улыбку на устах его при виде бессильной злобы поверженных во прах.* Бой сей открыл путь к Парижу.

№ 18

ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА

18-е марта пребудет днем вечно незабвенным в летописях отечества нашего. *Русский* одержал победу под стенами *Парижа*. Уже войска *Мармонта* и *Мортье* разбиты; вышедшие из Парижа толпы рассеяны; груды тел устлали подножия *Монмартра* и *Бельвиля*; пушки взлетели на высоты сии, и перуны разрушения готовы ниспасть на столицу. Но русский, забыв пожар Москвы и разорение России, принес пощаду, а не месть. *Столица Франции, в виде смятенной жены, повергшись на колена, с чувством глубочайшей покорности и живейшего раскаяния просит, умоляет о пощаде.*— Глас ее есть глас целого народа, *русский* внемлет гласу сему и с *ветвию лилий дарует ей* мир и спокойствие миру.

МЫСЛИ*

Зависть и *благородное соревнование*, как два человека, сходные лицом, голосом, поступью — словом, всеми наружными приметами, но совершенно различные свойствами сердца. В шуму светском и во мраке страстей часто принимают *одну* за *другое*. Что ж открывает между ними разницу? — Действие их. *Соревнование*, видя *достоинство*, восходящее по *лестнице*, им самим сооруженной, старается устроить подобную и себе, чтоб достигнуть той же высоты. *Зависть*, напротив, ползет и подгрызает ступени, по которым всходит достоинство. «Пусть я и никогда не возвышусь,— говорит всегда *зависть*,— да лишь бы *оно* упало!»

Сердце человеческое подобно светлому ключевому потоку, на дне которого таится густой *ил*. Не мути ила, поток будет всегда чист; не волнуй страстей — и сердце будет покойно и жизнь тиха и счастлива.

Дразнить страсти — то же, что пробуждать дремлющих змей. Человек в мире, как воин в осажденной крепости. Страсти собственные — его домашние враги; страсти чуждые — неприятели посторонние. Нередко те и другие входят в тайные противу него заговоры.— Случаи, обстоятельства и разврат его века — все враждует противу него. Одна оборона его — добрые нравы!

Бедствия в жизни, как неприятели в день битвы, никогда не наступают поодиночке.

---

* Мысли сии помещены здесь совершенно без всякого порядка, ибо записываемы были в разные времена и в разных обстоятельствах жизни. Знаю, что для выражения подобных мыслей потребен отлично обработанный слог, но ни в сем, ни в других отрывках, помещенных в «Письмах к другу», я не мог выполнить усердного желания моего, изъясненного в I части на 1 странице, ибо вовсе не имел свободного времени.

Наслаждаться досугом и предаваться слепо праздности — то же, что *купаться* и *топить себя!*

Пусть всякий порок вдруг станет марать, как сажа, и получит отвратительный запах — вы увидите, что в некоторых так называемых *блестящих обществах*, несмотря на множество цветов и благоуханий, нельзя будет пробыть минуты, не зажав крепко носа и не выпачкав платья.

Пороки имеют какую-то клейкость; оттого порочные вечно один к другому липнут. Они всегда вместе, заодно. Подойди близко к толпе их, пристанет, и не скоро отклеишься.

Вздорный человек, как колючий репейник при дороге: идешь мимо и не увидишь, как прицепится!..

Насмешник похож на ежа: он колет даже и тогда, когда его ласкают.

Злые люди, как пчелы: рады умереть, только б ужалить!

Чем больше на кого ополчается зависть и клевета, тем больше должно предполагать в нем достоинства. Это такая неоспоримая истина, что вместо того, чтоб спрашивать: имеет ли он истинные дарования,— довольно спросить: имеет ли он завистников?

Никто столько не сделал перемен в Европе, как *Наполеон* и *мода*.

Спросите у человека, стоящего на самом верху превысокой горы, досадует ли он на *собак*, которые внизу, под горою,

так зло на него лают, и боится ли *змей*, которые там же шипят? «Совсем нет! — скажет он.— Я не слышу ни *лаю,* ни *шипения* сих подножных врагов моих: они слишком ниже меня!» Такой же ответ дает и *благородное дарование*, о тех, которые, пресмыкаясь во прахе, *шипят* злобою или *лают порицанием*, видя его стоящим на высоте.

Слыша в детстве от няни, что есть-де люди, которые то *выше леса*, то *ниже травы* бывают, я думал: какой вздор! Но, узнав *Фонова* в губернии, где у него деревни, поклонники и должники, я видел, что он в самом деле *выше леса*; а встречая его потом в передних у министров и случайных людей, невольно убедился, что он точно *ниже травы*: каких чудес не бывает на свете!

Не ободрять дарований значит то же, что не поливать цветов или не снимать со свечей: первые вянут, другие тускнут, и в комнате становится темнее.

Если кто начинает порицать живопись, у него тотчас спрашивают: «А вы, конечно, рисуете?» Рассуждает ли кто о музыке: «Вы, верно, музыкант?» — говорят ему. Почему ж у того, кто пускается в разбор и порицание чьих-либо сочинений, не спрашивают: «Сочиняете ль вы сами и что издали в свет?» Такой вопрос отнял бы у многих право, а может быть, и охоту судить и рядить без смыслу и толку об авторах и сочинениях.

Светские молвы и пересуды, как волны морские: их приносит и уносит *ветер случайности*.

Страсти в человеке, как огнедышащие горы в природе: одни угасают, другие воспламеняются почти без всякой видимой причины.

Мечты, как звуки, доставляют минутное удовольствие и исчезают. «Не мешайте мне слушать музыку!» — говорят обыкновенно. «Не мешайте мне мечтать!» — можно бы сказать также. И не должно мешать, если б мечты не разнеживали сердца до того, что, расслабнув, оно уже не способно становится наслаждаться существенностию.

Общество похоже на многострунный музыкальный инструмент. Очень трудно настроивать, а еще труднее поддерживать строй его. Самая малость может произвести разлад.

Сердце человеческое, как *резвое дитя*, всегда должно быть под строгим надзором.

Для человека нечестолюбивого, но чувствительного и влюбленного в красоты природы, *сияние полной луны* в прекрасный летний вечер приятнее *сияния* всякой *короны*.

Что за несчастное творение человек и что за гнусные страсти его! Чуть-чуть посветит ему счастие: они тотчас и зашевелятся, как змеи, пригретые солнцем в болоте, *горе*, как мороз, приводит их в оцепенение.

Три болезни неизбежны в жизни: *оспа, корь* и *любовь*.

Как благотворный луч солнца истребляет заразу спершегося в темном и сыром ущелии воздуха, так *вера* просветляет мрак страстей в сердце.

Некоторые люди, не успев размыслить о важном назначении человека и гражданина, не составя правил для своего поведения и не испытав довольно дарований и способностей своих, ищут *известности*, порываясь занимать важные в го-

сударстве места. Их можно сравнить с птенцами, которые, не испытав сил своих и не уверясь еще, созрели ль их крылья, рвутся вон из гнезда. Те и другие вспорхнут, полетят, взовьются — и упадут!..

В некоторых летах (обыкновенно после многих опытов) мы смотрим на *жизнь*, как на прочитанную книгу.

Толпы путников идут во мраке глубокой ночи чрез цепи утесистых гор. *Путеуказатели*, нарочно поставленные по сторонам, на высоких скалах с зажженными светильниками, кричат беспрестанно идущим: «Прямо, прямо! по этой *узкой стезе*; та широкая дорога ведет к пропастям, другая к скользким крутизнам. Прямо, прямо! опять повторяем вам». Но упрямые путники, спеша друг перед другом вперед, толпятся то в ту, то в другую сторону и падают в бездонные пропасти.— Мир сей есть гористая область; мрак ночи — мрак страстей и предрассудков; прямая, но *узкая стезя* — путь к добродетели; следовательно, и к счастию. *Путеуказатели — рассудок* и *совесть*. Кто ж путники? — Мы,— все *мы* своевольные, упрямые и бедные люди!.. Многие ль слушают мудрых проводников? Зато сколько падающих в бездны!

Колумб, по долгом размышлении и после глубоких соображений, постигнул и убедился, что за отдаленными морями, на другой половине шара земного, есть *Новый Свет*. Воскрылясь быстрым умом своим, он протекал неизмеримые океаны, парил мыслию под сводами чуждых небес и *умственными очами* видел ясно новые земли, безвестные дотоле древнему миру.— *Гений* Колумбов, сказал *Шиллер*, в часы мечтаний великого мужа *обещал* ему новый мир; а что обещает гений, говорит тот же писатель, то всегда находит и оправдывает *опыт*. Таким образом *Невтон* и *Гугений* в тишине кабинетов своих доказали шаровидность земли. Истину, открытую умозрением их, нашли и подтвердили на опыте *Лакондамин* и товарищи его измерением градуса и проч. Таким же образом и астроном *Кеплер*, соображая времена движений планет около Солнца с расстоянием их от оного, открыл закон *кубоквадратного содержания* между теми и другими. И по сему-то закону тогда же предузнал, что в солнечной системе нашей

должны быть еще планеты, которых мы не знали. Что предугадано умозаключением, то отыскано впоследствии наблюдением и доказано опытом. Перенесите сравнение об открытии Нового Света в *нравственный мир*, а себя поставьте на месте *Колумба*. Вообразите, что *временная жизнь* есть *старый свет*: углубитесь, исследуйте, исчислите, сообразите — и за *океаном неизвестности*, вдали, сквозь *туман волнений*, увидите вы *новый* безвестный вам берег *будущей жизни*.— Для равновесия земного шара и множества других причин в физическом мире необходимо существование *нового света*. По таким же точно законам *нравственного мира* столько же, если еще не более, необходимо и достоверно бытие будущей *новой жизни*. Сам глубокомысленный философ *Кант* признает сию необходимость бытия *другой жизни* за действительную, полагая, что человек в кратком и мятежном существовании на земле не может достигнуть высшей степени *нравственного совершенства*, сей единственной, блистательной цели, к которой стремление родится и возрастает вместе с ним.— Колумб терпеливо сносил все возражения и насмешки, когда, не веря догадкам и мудрым расчетам, называли его мечтателем, а мнение его пустым сновидением. Последуем великому мужу: будем *терпеть* и *верить*. Променяем печальное *здесь* на несравненно счастливейшее *там*!

Человек, проживший несколько времени в уединении, не узнает света, не узнает и людей: он привык мечтать об них совсем иначе.

Сердце чувствительного человека подобно тем нежным цветам, которые, раскрываясь с первыми лучами солнца, спешат опять свернуться при свежем дыхании вечера. В то же время множество других цветов и трав, около них растущих, не чувствуют никакой перемены.— Лед не ломается и от сильных ударов бури, вода струится от легкого дыхания ветерка. Жесткое сердце покойно, когда чувствительное страждет, но зато первое холодно и бесчувственно и в то время, когда последнее наслаждается.

Честный гражданин, лишенный своего отечества, умирает с печали, как рыба без воды. Чужой край то же, что чуждая

стихия. Многие растения зеленеют и цветут на знойных песках или каменистой почве, в родных своих краях; но перевезены будучи в другие страны, на черной и рыхлой земле, среди роскошных цветников,— засыхают. Так жизнь под отечественным небом и на родной земле ничем заменена быть не может! Воздух и воды кажутся слаще, солнце и месяц яснее, зелень свежее и цветы душистее на *родине нашей*.— По словам некоторых испытателей природы, магнитная *стрелка* для того обращается к северу, что имеет сродство с большими находящимися там магнитами; так и сердце каждого верного сына для того должно стремиться к отечеству своему, что ему там все знакомо, мило и сродно.

Свет подобен широкой и неизвестной реке. Желая перейти чрез нее безбедно, будь осторожен: иди тихо и размеряй свои шаги. Раз ступил невпопад — и упал; лишний шаг — и в бездне! Идущий за тобою при *свете благоразумия* увидит опасность, отступит назад и обойдет стороною. Многие с зажмуренными глазами, окрыленные дерзостию, летят чрез препоны и бездны; но зато из тысячи таковых едва ли один уцелеет!

Удовольствие сердечное так же неразлучно с *добрым делом*, как аромат с *розою*, а сладкий вкус с *ананасом*.

Сострадание приводит все чувственные нервы в приятное содрогание: тело страждет, а душа наслаждается чем? — стремительным желанием благотворить.

Честолюбие никогда не дает тех радостей, которые обещает. Это может быть и потому, что оно родит ненасытные желания.

Любовь часто стучится в калитку сердечную, но *благоразумие* не всегда отпирает ее.

Страсти стремятся на нас, как бурные воды; *плотина добрых нравов* удерживает их. Струи искушения подмывают

плотину сперва с краю, потом до половины, а там останется один только волосок и тот удерживает еще набеги бурных потоков — прорвется, и они хлынут прямо в сердце и затопят его. Наставники должны починять ветхие плотины, а еще лучше отводить потоки сторонними каналами.

Кто привык к порывам и стремлениям, для того равнодушие — оковы!

Можно подумать, что сердце наше распространяется, когда сильные страсти действуют, потому, что тотчас после того, как они утихнут, мы чувствуем *пустоту*. Попробуйте сжать сердце вдруг в прежнюю меру — станет больно и грустно.

Отсутствие некоторых страстей похоже на отъезд коротких знакомцев наших, которые гостили долгое время у нас в доме. После тех и других (в сердце и в доме) приметна какая-то пустота и на хозяина находит томность, как будто у него чего-то недостает.

Испытатели природы замечают повсюду общее во всем стремление к равновесию. Теплота, электрическая сила и прочие тонкие жидкости быстро переходят из одного тела в другое, чтоб находиться в обоих равно. Все то же и в нравственном мире. Умножится ль *побуждение любить*, с которым родятся все люди, в одном человеке, он стремится изливать любовь на всякого и на всех. Он любит животных и любит даже цветы и травы. Окружите его дремучими лесами, бросьте на дикой скале: и там найдет он предметы для любви своей. Не встречая ни одной живой твари, он готов любить камни и деревья не оттого, чтоб предметы сии возбуждали в нем сами собою чувство любви или были достойны оной, но оттого, что избыток чувства сего не может более меститься в сердце. Излишество любви в летах юности подобно брожению молодых напитков, которые рвутся из закупоренных сосудов и брызжут на все окружающее их. Счастлив всякий *ближний* человека, в котором усиливается чувство любви, стократ счастливее его *друг*; но счастливейшею из смертных бывает *подру-*

га души его. Чувство любви, во всей полноте своей, пламенным потоком исторгается из сердца юноши и райским блаженством окружает жизнь милого ему существа.

Кто может доказать, что *смерть* ужасна? Одно воображение наше окружает ее страхами и ужасами. Может быть, что и весьма вероятно, что она столь же приятна, как сон для утружденного странника, как отдых после великих трудов. Может быть, судорожное движение, сопровождающее отлучение души от тела, есть лучшее наслаждение; может быть, это, так сказать, восторг распространяющихся нервов. Весь состав *телесный*, потрясаемый отлучением души, дрожит, подобно сильно растроганным струнам. Сие последнее трепетание нервов затихает постепенно, и вместе с ним тело погружается в бесчувственность, а душа отделяется от него, как аромат от цветов, как звук от потрясенных струн, и веселится, как пленник, исторгшийся из тесных оков.

Известно, что *природный слепец*, которому искусство открывает зрение, точно как новорожденный младенец, не имеет никакого понятия о *расстояниях*. Тот и другой протягивают руки к отдаленнейшим предметам, которых призраки мелькают у них пред глазами. *Опыт* научает обоих различать мало-помалу, что близко и что далеко. Точно в таком же положении бывает юноша, вступающий в свет. Он за всем гоняется и ко всему простирает свои желания, полагая, что так же легко все получить, как увидеть и пожелать. Вихрь мечтаний кружит его голову, надежда ускоряет биение сердца, пробуждается неутомимая, но беспрочная деятельность, и юность проходит в беспрерывном волнении, как беспокойный день. Во *втором томе жизни* или в летах возмужалости движение жизненных духов становится покойнее; опыт научает познавать, что возможно и что нет, что тень и что существенность, и деятельность хотя становится медленнее, но зато успехи во всем бывают вернее.

Союз истинной дружбы должен заключаться между двумя страждущими существами. Благополучные соединяются только приязнию. Для прочной дружбы потребно равенство состояний.

Богач хочет иметь у себя друга, как некоторую приятную для себя *вещь*.

Кто засевает ниву благотворениями, тот пожинает класы благодарности.

Счастие есть сладкий плод, растущий на вершине превысокого дерева. Всякий ухитряется по-своему, чтоб достать его. Одни устраивают лестницы, громоздят подмостки, другие карабкаются наудачу. Тот и другой нарохтится, как бы добраться скорей до счастия; но многие, видя невозможность доползти, спускаются на землю с пустыми исцарапанными руками; другие падают и зашибаются, оборвавшись. Один только *мудрый* стоит спокойно, ожидая, пока плод созреет и сам собою (*по законам тяготения*) или отбитый перелетным ветерком (*случаем*) упадет к ногам его.

Уединенный созерцатель природы при обозрении разнообразных красот ее приходит в некоторое рассеяние, похожее на рассеяние жителя большого света. Но между ними та разница, что мысли первого теряются в небесах, а последнего увязают в тине земной.

Смотреть на волнение бурного моря и страстей человеческих иногда любопытно, но отдавать себя на произвол тому и другому — всегда опасно!

В страсти глаза наши делаются микроскопами и самые малейшие вещи показывают в увеличенном виде.

Какая разница между страданиями *бедных* и *богатых*! — *Бедный* страдает оттого, что жаждет и не может прикоснуться к сосуду жизненных благ, а *богатый*, в свою очередь, томится и скучает затем, что, начав жить слишком рано, задолго еще до смерти осушил до дна всю чашу наслаждений земных.

Во время наших праотцев *великие люди* жили в малых хижинах, а в наше время *малые* люди живут в превеликих чертогах.

Многие кажутся *великанами* оттого, что ходят на *ходулях гордости*: подшиби их — и великаны станут *карлами*!..

Обращаясь всегда с неизъяснимым удовольствием к добродетели и в ней только одной находя истинное блаженство, мы ясно можем видеть, что она-то есть первоначальная, коренная жительница нашего сердца и должна т⟨о⟩ е⟨сть⟩ быть хозяйкою оного; а страсти закрались, вломились и ворвались в него уже впоследствии.

Что есть ангел? Человек без *злых страстей*.

Человек в светской рассеянности все мысли, чувства и душевные способности рассеивает.

Прежде известны были одни только *воздушные вихри*, потом узнали вихри философа *Декарта*, а теперь открылся *вихрь* большого света.— Последний едва ли не сильнее тех и других: он кружит столицы, города и тысячи голов, как крылья ветряных мельниц.

Человек бедный в нынешнем свете похож на придворного, который поскользнулся у двора и впал в немилость. Все убегают его знакомства. Он везде *посторонний*. Об нем иногда и жалеют, но только из учтивости. «Бедность не порок!» — говорят философы большого света, утопая в наслаждениях жизни. Кто говорит, что порок, но как не сказать, что она большое несчастие в жизни? — Это все то же, что зимою без шубы ходить совсем не стыдно, да холодно!..

Ум похож на самую упругую сталь. Жми, дави — согнешь, но не сломишь!..

Движение страстей подобно течению реки: при первой встрече с препонами то и другое становится бурно и шумно.

Гроб есть мрачное предсение светлого чертога будущей жизни.

Кто привык вставать поздно и в первый раз велит разбудить себя до рассвета, тому очень трудно расставаться с приятностию утренней дремоты. В первую минуту пробуждения ему кажется, что у него отнимают все благополучие земное. Но принудив себя встать рано и отрясти сонную мглу, он любуется румяною зарею, восхищается восхождением солнца и чувствует какую-то необыкновенную свежесть, совсем новую жизнь.— Точно так и человек, усыпленный светскими удовольствиями, осыпанный цветами роскоши, упоенный отравами сладострастия и забавляемый мечтами честолюбия, боится спасительно пробуждения. Но отторгнутый от вредного усыпления сего рукою *мудрого*, он чувствует в себе новую бодрость, получает новую жизнь и в недрах простоты и природы находит новое и истинное счастие.

С человеком вспыльчивым обходитесь так же бережно, как с *фосфором*: при малейшей неосторожности он вспыхнет и обожжет!

Многие во всю жизнь не делают ничего важного потому только, что готовятся произвести *нечто* необыкновенное, чрезвычайное, удивительное!!!

Человек сам по себе мал, но благотворный Нил не может принести столько пользы окрестным нивам и полям, сколько он ближним своим. Зато и пламенные вихри Везувия, Этны

и Геклы не столь пагубны для природы, сколь вреден может быть злой человек для общества.

Каково *перу* на ветре; а легкой *лодке* в бурном море: таково и чувствительному *сердцу* в треволнениях мирских. Уединение есть надежнейшая пристань для любителей мирного счастия.

Гордость может быть только достоинством лошадей. Гордая лошадь — очень хороша; гордый человек — никуда не годится!

Общественное воспитание есть, бесспорно, лучшее из всех. Оно уравнивает все состояния и приучает питомцев к единомыслию и братскому союзу, что впоследствии может составить истинную неодолимую крепость общества. Домашнее воспитание нежит тела, расслабляет души и делает до крайности надменными и своевольными баловней потворства и неги. Какой-нибудь княжеский или графский сын, привыкнув от молодых ногтей слышать беспрестанно, что все с уклончивостию называют его *сиятельным*, поневоле вообразит, что он в самом деле земное или, по крайней мере, *комнатное солнце*!.. Его лелеют няни и мамушки, за ним ухаживают слуги и дядьки, ему поблажает весь дом. Станет беситься — ему говорят: «Ваше сиятельство! не извольте резвиться!» Станет швырять, рассердясь, чем и в кого попало — ему говорят: «Ваше сиятельство! не извольте драться!» И если б сиятельный повеса вздумал пырнуть кого ножом под самое сердце, то едва ли не с такою же снисходительностию сказали бы ему: «Ваше сиятельство! не извольте резать людей!» — Напротив, в общественном воспитании все посторонние титулы, все причуды знатности исчезают, а при всяком остается одно только *звание человека*. За худые поступки всем равно грозит исправление, и одни только добрые качества имеют права на награду.

Если б я имел хотя в десятую долю *выражения* против *воображения*, то не знаю, чего б не написал!..

Везде, где науки начинают еще только возникать, видно между ними страшное неустройство и борение. Распри и споры их подобны великому спору стихий во мраке древнего хаоса. *Физики* говорят: «Мы изъясняем все законы природы».— «Мы раздробим и сплавим все, что может дробиться и плавиться!» — восклицают *химики*. «Послушайте нас! — кричат *метафизики*.— Мы научим вас понимать и чувствовать и дадим, так сказать, ощупать все, что без наших глубокомысленных объяснений не может подлежать ни понятию, ни чувствам смертного».— «К нам! к нам! — восклицают громче всех *математики*.— Мы все исчислим и сочтем, все размерим и определим; наша наука первая, на ней основаны все прочие; уважайте ее, уважайте и нас!» Сие брожение наук подобно беспокойному волнению народов в средних веках. Но когда установится *господствующий вкус* и утвердится *общее мнение*, тогда каждая наука узнает свой предел и, по мере истинных польз ее, приобретет приличные ей права. Тогда только, когда все войдет в известные правила, сотворится, так сказать, новый, умственный мир, исполненный красоты и порядка. И тогда-то, при сиянии истины, по беспристрастному суду изящного вкуса и здравого рассудка, может быть, и *последние* станут *первыми*.

Жизнь человеческая похожа на книгу, в которой на первых страницах множество живописных картин, пиитических описаний весны, изображений долин, садов и проч. Но чем далее, тем содержание книги печальнее. В средине слезные драмы, часто и трагические явления, а к концу обыкновенно сборы к похоронам.— Счастлив, чья *книга жизни* кончится несомненным уверением на лучшую *будущность*.

Великие характеры, говорит *Ансильон*, только два раза (во времена древней греческой истории и в продолжение *рыцарских веков*) являлись в полном сиянии своем. Тогда сила телесная уступала одной только силе духа. Нравы были чисты, умы здравы, души возвышенны. Сила, бодрость и свежесть отличали *юность народов*. В те времена ощущения были живы, *струны сердец* натянуты, и звуки оных полны, сильны и чисты. Великие мужи тех веков любили веру, отечество, свободу; не терпели притеснения и не страшились смерти. Везде соблюдали они справедливость, везде работали доброде-

тели и повсюду разили порок. Растление нравов, роскошь, изнеженный образ жизни и множество неизвестных дотоле причин ослабили впоследствии тела, унизили души и помрачили умы. Благородный дух народов, паривший прежде *орлом,* стал пресмыкаться *змеею.* Себялюбие попрало все добродетели, и частные выгоды растерзали общее благо. Покоренные страстям и предрассудкам народы постепенно сближаются с стадами бессловесных и безмолвно покорствуют пасущему их *железною палицею.*— Струны сердец человеческих так ослабли, так опустились, что ничего уже более издавать не могут, кроме глухого стону и ропоту... Оросит ли *сила* души, увядшие подобно иссохшим нивам? Воскреснет ли опять *дух* народов или навсегда останется Европа мертвою пустынею, покрытою развалинами прежнего своего величия?

(Писано прежде 1812 года)

Не избыток сил, а расслабление нервов причиною судорог и всеобщего трепетания в теле человеческом. Перенося наблюдение сие от тела одного человека к телу каждого государства, не считайте за *избыток* сил видимого повсюду беспокойного волнения и судорожных движений в Европе, но припишите сие лучше большой истрате оных. Следственно, *не пускать кровь народам*, как иные думают, а остудить и успокоить только *ее* нужно для возвращения им сил и здравия после великих переворотов и страшных военных тревог.

Наглость, готовая, как говорится, на нож и огонь, часто цепенеет пред одним взором целомудренной женщины.

Многие люди похожи на книги, в которых хорошо одно только *вступление*, в прочем — чем далее, тем скучней и несноснее.

Многие, входя в вельможи, выходят из людей.

Скорее отлучишь *тень* от человека, нежели *порок* от гражданского общества.

Талант без ободрения, как лампада без масла,— угасает!

Характер в человеке то же, что *остойчивость* в морском судне, что *маятник* в часах...

Веру и любовь должно показывать делами.

Кто истинно свободен? — Тот, кто не раболепствует собственным страстям и чужим прихотям.

Сильнейшая из всех страстей есть страсть к жизни, которую несправедливо называют только привязанностию. Страсть сия ранее всех открывается в человеке и всех позже оставляет его.— Дитя, едва вышедшее из колыбели, истлевший заживо от недугов старец и воин, утративший половину членов своих,— хотят еще жить!.. Но есть, хотя, правда, они очень редки, и такие души, которые умеют побеждать совершенно страсть сию. Отечество, свобода и доброе имя дороже для них жизни.— Рассказывают, что в одном уголке древнего Севера было общество людей, в котором юноши до того доводимы были воспитанием, что совершенно ни во что ставили жизнь, а высочайшим благом почитали смерть в битвах за свободу и отечество.

Государи живут *лета*, а народы *столетия*.— Все государственные постановления, однажды утвержденные, должны уподобляться древам, которые всякий может поливать и должен беречь, но которых никто не смеет рубить. Тогда под верною сению сих насажденных мудрыми правителями *древ* спокойно опочивать будет благоденствие народов.

Мирная совесть лучше всякой перины доставляет приятный сон.

Что есть конституция? — Неизменное государственное постановление, руководствующее правительство и сохраняющее права народа.

Ныне механические снаряды так усовершенствовались во многих краях Европы, что право, кажется, скоро люди станут сидеть поджавши руки, а работать будут *машины*!

Сколь ясно чистые воды изображают вид неба и прелестные окрестности в зеркальной влаге своей, столь верно и ясно изображен всегда бывает образ *милой* в сердце, плененном ею.

Если б можно, выходя из дому, запирать в один шкап *ум*, а в другой — *чувствительность* и, пускаясь в свет, запасаться длинным лицом и гибкою шеею, то куды как легко б было, став болваном, вертеться с куклами и покланяться раззолоченным истуканам!

Худые хозяева всегда красят кровли, не заботясь о починке подгнивших стен.

Слабые всегда бывают добычею сильных, а сильные нередко становятся жертвами хитрых.— Сила и хитрость делят между собою владычество над жребиями людей.

Гораздо легче неученого выучить, нежели ученого переучить.

Истинный *любитель наук* видит препятствия и не страшится оных. Усыпьте путь его горящими углями, он готов идти и по ним обнаженными стопами, чтоб только достигнуть цели своей!..

Не на гладких долинах родятся *цветы познаний;* должно продираться сквозь колкие терны и ступать по острым камням, чтоб достигнуть до них.

В *колыбели* и в *могиле* все равны.

Закон есть посредник между Богом и Государем так, как Государь между законом и народом.

О, если бы благие нравы и добродетели так же верно переходили от отцов к детям, как тяжебные дела и фамильные ссоры!..

Я нигде не видал столь скорого, столь точного и столь нелицемерного исполнения законов, как на *карточных столах.*— Пропусти два, три закона, подведи ложную справку и, будто ненарочно, обвини правого — сойдет с рук. Судьи, председатели и проч. и проч. скажут: «Просмотрели, ослышались, что за беда!» Но попробуй пойти не с той *масти*, не заплатить за полное число *углов*: тотчас укорят в невежестве, уличат в обмане и тут же без проволочек суд и расправа! То и другое коротко и ясно; ибо карточные законы соблюдаются строго!.. Проиграл и не заплатил: как стыдно! Занял — и не отдал: так водится!

Хотите ль повиноваться *существу*, не имеющему ни страстей, ни пристрастия, ни лица, ни личности, ни любимцев, ни прихотей: повинуйтесь *закону*.

Даровать самое лучшее законодательство *народу*, не исправя прежде нравов *его*, все равно, что налить драгоценный напиток в нечистый сосуд.— Чем же исправляются нравы? — В детстве *воспитанием*; а в прочих возрастах благоразумным порицанием. Первое не допускает до пороков, другое преследует, разит и гонит их из обществ.

С тех пор, как *деньги* сделались *мерою ценности* вещей или общим *представительным знаком* и люди тесно соединили с ними судьбу свою, повышение и понижение оных составляет столько же важное происшествие, как выигрыш или потеря сражения. Совершенный же упадок *монеты* стоит нашествия неприятельского, разумеется, по своим последствиям. Всего труднее возвышать ценность монет, не переменяя вида оных. «Надобно быть волшебником, чтоб заставить народ принимать единицу за два!» — говорит Кондильяк.

В простонародном наречии, сколько, впрочем, не пренебрегают оным, встречаются необыкновенные выражения.— Простодушные поселяне без всякого намерения блистать умом нередко изъясняют чувства и мысли свои весьма замысловато. Вот некоторые образцы: один крестьянин, желая изъяснить, что вместо прежнего братства и согласия между людьми завелись раздоры и ссоры, сказал: «Ныне в народе не стало *склею*». Другой, желая сказать, что нельзя проникнуть, что у кого на душе, изъяснил сие так: «*У всякого душа грудью закрыта*». А говоря о жизни беглеца, который, убежав из родной своей деревни, должен скитаться по чужим домам и быть всегда в опасности, *он* сказал: «Он (беглец) везде чужой и везде *страхом обгорожен*!»

Верный кусок хлеба, небольшой покойный домик, доброе сердце, доброе имя, независимость от страстей и прихотей людских и пламенное воображение, умеющее и на снегах находить розы,— вот, конечно, всё, чем можно быть счастливу во всяком климате, во всякое время!..

Излияние сердечных чувств греет и украшает письма и писания.

Один почтенный, умудренный опытом человек доказал мне прекрасно разницу между *заслугою* и *выслугою*. *Первая* живет на ратных полях, приобретается трудом и кровию и вечно ходит путями чести и правоты; *другая* на бессменной страже в передних у министров и знатных господ, старается, изги-

баясь пред всяким и пользуясь всем, схватить и поглотить принадлежащее *первой*.

Лучшее доказательство любви и преданности к Государю есть верное служение отечеству и точное исполнение законов его.

Безымянный сельский ручей, падающий на колесо сукновальни, или ветер, дующий на крылья мельниц, гораздо более приносят пользы обществу, нежели целая толпа раззолоченных шаркателей и пустоглавых светских вертопрахов.

Человек с дарованиями, как полновесный червонец или обделанный алмаз, куда б ни был заброшен, в сор или в грязь, везде должен быть поднят и употреблен. «Так должно быть!» — говорит здравый рассудок. «Но так ли это есть!» — ворчит сквозь зубы *опыт*.

Учиться и делать добро должно всякому, всегда и везде, где только возможно.

Многие рассуждали о свойствах *ума* и проникали в области его; но *сердце* все еще остается для нас загадкою неразрешенною, странною, неизвестною.— *Стерн*, однако ж, как мне кажется, так же глубоко проникнул в сердце человеческое, как Мунгопарк в неизвестные страны Африки.

Всякий, кто бы он ни был, проходя мимо дому, под углом которого тлеются угли и может вспыхнуть пожар, имеет право и даже должен, обязан закричать: «Берегитесь пожара!» И всякий, увидя течь в корабле, имеет же право воскликнуть: «Корабль начал течь там-то!» Эти простые сравнения можно применить *ко многому*.— Почему ж не имеет всякий такого же права, заметя беспорядок в обществе, говорить прямо и гласно, что видит его, и указывать на причину оного?..

Если б хотя в десятую долю помнили *добро*, столько, как помнят зло, то неблагодарности не существовало бы в мире!..

Ликующий в *широте* обилия не разумеет *тесноты* скудости.

Линия состоит из точек. Здешняя жизнь есть *точка* в сравнении с вечностию. *Линия вечности* состоит из бесчисленного множества таких точек, как наша жизнь. Но здешняя жизнь есть, без сомнения, *точка испытания*. Мелкие души и тесно ограниченные умы не видят ничего далее той точки, которую они занимают, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ далее *здешней жизни*.— Они не знают ничего выше, ничего вожделеннее земных наслаждений, почестей,— словом, так называемого земного счастия. Души *просвещенные*, получившие способность исторгаться из тесноты телесных уз, смотрят далее вперед. Вознесшись над толпами ищущих благополучия своего на вмещающей их точке и постигнув суетность всего, что *здесь*, они видят пред собою бесконечную линию *вечности*. Их радости — впереди, их благополучие — *там*, их цель — не век и не века, но вечность!

Всякий, сбираясь в чужой край, запасается ходячею там *монетою*. Готовясь перейти за предел сей жизни в жизнь будущую, надлежит запасаться *монетою*, которая ходит *там*; а сия *монета* не злато, не алмазы — но *добрые дела*!..

Неверующие кричат обыкновенно: для чего Бог не возгласит воли своей из конца в конец вселенной в звуке громов? Для чего не напишет *ее в солнце* или луне? Когда *богач*, попиравший стопами нищего *Лазаря*, страдая в неугасимой бездне ада, вопиял: «Господи, воскреси единого из мертвых и пошли сказать иудеям, что им творить!» — тогда отвечал глас свыше: «Все, что им должно творить, давно уже написано в книгах Моисея и пророков!» И в самом деле, пусть явится людям, болеющим развратом нынешнего века, кто-нибудь воскресший из мертвых, что вы думаете, последует из того? — По первому порыву любопытства *они* все выспросят, все выслушают, и в то же время *одни* во всем усумнятся, *другие* ничему не поверят и, веря только одним страстям своим, примутся опять за старое! Явится ль начертание воли Божией

в солнце? — То поколение, которое увидит его в первый раз, поражено будет, конечно, изумлением: станет молиться и каяться. Люди другого поколения будут уже смотреть равнодушнее, а позднейшие потомки, видя *изображение* в солнце, станут кричать и доказывать, что оно сто́лько же свойственно светилу сему, как *свет* и *теплота*.— Для чего искать, где воля *Божия*, когда она всегда с нами? Человек! Положи руку на сердце, вели замолчать страстям твоим, и ты услышишь *голос*, который языком, для всех равно понятным, изъяснит тебе и волю Бога вселенной, и долг людей.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

ПРОГУЛКА В СЕЛЕ С...... В 1811 ГОДУ

Не пеняй за молчание, любезный друг! Переселясь в город, ты верно забыл, как проводят время в деревнях. У нас теперь великая деятельность: настал *сенокос*! — Не знаю, отчего *уборка сена* нравится мне более всех деревенских работ. Время *посева* не есть еще время полной красоты природы; воздух бывает довольно студен, небо не совсем ясно, и природа только что готовится расцветать. Улыбка радости не украшает лица поселянина: он не уверен в исполнении надежд своих. Движение сердца отвечает движению руки, вверяющей земле зерна: плод трудов земледельца — единственное богатство его. *Жниво*, или уборка хлеба с полей, представляет картину несравненно богатейшую прежней красками, движением и разнообразностию; но поля, обнажаясь с каждым днем более, с каждым днем усугубляют какое-то томное чувство в сердце. Воздух синеет, небеса меркнут, поля и рощи умолкают, и человек живо чувствует переход от лета к осени... Но время *сенокоса*, повторяю еще раз, есть единственное для всех чувств: оно пленяет глаза, услаждает обоняние и питает мечты... Вчерашний вечер испытал я это на самом деле.

Зной угасал, солнце низко уже склонялось за горизонт, полшара его скрылось за лес, который в виде синеющей стены темнел на западе; но остальные лучи, в образе половинного венца, сверкали еще из-за дерев тихо, колеблясь в полупрозрачных зыбях вечерних сумерков.— Я вышел из сельской хижины своей и скорым шагом поспешил к горе, с которой мы так часто любовались далью. Полторы версты исчезли под быстрыми шагами моими, но труд был совершенно награжден; высота горы развила пространнейший горизонт, и солнце, которое оставил уже *западающим* за леса, увидел я опять высо-

ко плавающим над вершинами оных. В один и тот же день наслаждался я двукратным захождением солнца. Так гоняется любопытный ум за истинами и, воскрыляясь до некоторой высоты, видит блеск их и тогда, когда они уже совершенно уходят из круга понятий обыкновенных людей!.. Последний отблеск западавшего солнца, смешавшись с серебряным сиянием ясной луны, наполнил окрестные долины каким-то волшебным мерцанием и открыл глазам моим прелестные картины сельской деятельности. Поселяне, желавшие вознаградить отнятые у них дневным зноем часы, не покидали работ своих. Стройно подвигались они по зеленым лугам; ярко сверкали ясные косы их. Каждый размах отбрасывал серебряные лучи на темную зелень. В разных местах мелькали поселянки в белых нарядах. Вдали, за кустами, разводили ночные огни, и зелень листьев переменяла цвет свой от блеска их.— Насладившись картинами прелестных видов, которые мало-помалу исчезали в голубом море вечерних туманов, я сошел с *горы*, сошел — и утонул в благовонных испарениях подкошенных трав.— Любуясь вблизи картиною *сенокоса*, сим, так сказать, *ароматным трудом* поселян, я шел все далее по перелескам и лугам. Не знаю, *что-то*, чему мы обыкновенно предаемся в прогулках, сопровождаемых глубокою задумчивостию, привело меня к большой дороге. «Стой! — воскликнул мне какой-то тайный голос.— Ты подходишь к месту, освященному присутствием знаменитой в мире жены: на сем месте еще горит — и никогда не угаснет блеск славы, сопровождавшей повсюду *Великую*». Я ощутил благоговейное содрогание и невольно остановился. *Место*, близ которого я стоял, было в самом деле то, где великая из монархинь — *Екатерина* — провела час времени, посетя одного из дворян своих. Не знатность и богатство почтила в нем *Великая*, но одно пламенное усердие к исполнению священных заветов ее*.

* Великая Государыня во время путешествия своего в 1780 году, для обозрения Белорусского края, обращая на все свойственное мудрой прозорливости ее внимание, заметила исправность дорог и отличный во всем порядок Смолен⟨ской⟩ губер⟨нии⟩ в Духовской округе. День проезда ее по сим местам, 4 июня, был прекрасный. Жители окрестных и отдаленных сел во множестве стекались к большой дороге, где проезжала их царица и Мать. Встречая повсюду непритворное веселие поселян, усыпавших цветами и зеленью путь ее, и слыша песни радости в хороводах, ВЕЛИКАЯ восхищалась благополучием подвластных ей людей. Она пожелала вникнуть подробнее в состояние их и, узнав, по общему голосу, что все они особенно довольны земским исправником своим, восхотела наградить, в лице его, верного исполнителя законов ее.— Граф П. А. Румянцев и Ал. Льв. Нарышкин, знавшие лично родителя моего, доложили Государыне, что он превыше всех наград почтет позволение принять и угостить ее в семействе своем, которое находилось тогда под простым наметом подле самой боль-

шой дороги. Государыня великодушно снизошла на усердное желание сие.— Между тем, проезжая по большой Смоленской дороге, в 10 верстах от г⟨орода⟩ Духовщины, заметила она хребты гор и тотчас пожелала расспросить об них у отца моего, ехавшего верхом подле кареты. Родитель мой имел счастие объяснить Ее Величеству, что горы сии известны под названием Большого и Малого *Дарожича,* что в 16 веке существовали на них монастыри, из коих знатнейшим был Бориса и Глеба, что при нашествии поляков все здания монастырские разрушены и самые горы и земли, вокруг них лежащие, грамотами королей Сигизмунда и Владислава, пожалованы разным помещикам и проч. и проч. Государыня весьма милостиво благодарила за сообщенные ей любопытные сведения и, когда палатка была уже в виду, сказала отцу моему: «Объявите семейству своему, что я буду сегодня вашею гостьею».— Простой намет сделался храмом, когда вступила в него владычица сердец и жребиев столь многих народов. Государыню сопровождали составлявшие украшение двора ее: в то время гр. Л. т... Бр. н. цк... и проч. Навстречу императрице выехал на коне прадед мой. На вопрос: сколько ему лет? — он отвечал: 104 года. Государыня подробно расспрашивала об образе жизни его и весьма удивилась, узнав, что он так еще здоров, что может ездить верхом и стрелять дичь. «Дай Боже и тебе, матушка! такой крепости сил в мои лета!» — сказал прадед мой. «Нет, старик! — возразила монархиня.— Государи не живут так долго: у них много забот!» Заметя же, что граф Румянцев разговаривал с отцом моим, как с давним знакомым, не упустила спросить, где и когда он с ним познакомился. «Он был у меня год и четыре месяца на ординарцах,— сказал граф,— и я, как теперь, помню, что в день Кагульского сражения посылал его к полковнику Озерову с повелением ударить с первым гренадерским полком в штыки на толпы янычар, которые резали каре Племянникова».— «Я всем обязан графу,— говорил отец мой,— без него не был бы я даже и отцом семейства, которое охотно посвящаю отечеству».— «Точно так,— сказал граф,— если б я, заметя уныние и грусть ординарца моего, не выведал от него за тайну, что он имеет обрученную невесту, к которой сватался другой жених, и необходимость в домовом отпуске, который тотчас я ему и дал, то, может быть, он не был бы и доселе женат и не мог бы представить полезных граждан отечеству». Государыня с особенным благоволением слушала все сии подробности и с нежностию матери ласкала детей, из которых двое — Сергей, ныне издат(ель) Рус⟨ского⟩ вестн⟨ика⟩, и Николай, его уже нет в живых,— записаны были тогда же в Сух⟨опутный⟩ кадетский корпус. Смягчив величие благостию, Государыня милостиво беседовала с целым семейством и не отказалась от хлеба-соли, предложенной ей чистым усердием.— Отъезжая, наградила она восхищенных посещением ее хозяев дарами, которые и поныне остаются неоцененным памятником в благодарном семействе.— В вечеру того же дня, встретя на ночлеге кн⟨язя⟩ Репнина, которого мудрой попечительности вверена была тогда Смол⟨енская⟩ губерн⟨ия⟩, императрица сказала: «Угадайте, князь! где я сегодня обедала?» Князь назвал селение, назначенное в путевом расписании. «Нет! — возразила Государыня,— я была в гостях и обедала у вашего духовского исправника Глинки!» Место, на котором запечатлелись священные стопы высокой посетительницы, ознаменовано тогда же памятником: там воздвигнут был каменный столп с приличною надписью.— 36 лет, в течение которых пали и возникли царства, пройдя мимо, разрушили и сие скромное созидание усердия, но время, истребляющее все, не властно истребить сопряженных с местом сим сладчайших напоминаний в сердцах детей того, кто удостоился столь милостивого внимания премилосердной Государыни, бессмертной в царицах, великой в женах.

Так, здесь была *Екатерина*, подумал я, и тысячи мыслей, тысячи воспоминаний с быстротою молний засверкали в уме моем. Здесь являлась она величественна и блистательна, подобно некоему божеству. Чертоги раскрывали врата свои, пышность и богатство, расстилая златые скатерти для великолепных пиров, зазывали Великую, но Великая, отметая блески и пышность, протекла мимо чертогов и палат и посетила простой шалаш, где ожидало ее усердие!.. Так царица небесных сводов — луна, окруженная сонмом звезд, останавливается и, кажется, с удовольствием медлит над хижиною простодушного сына природы, радуя ясным блеском лучей своих семейство, лишенное всех блесков, богатств и счастия! — Смотря с благоговейным почтением на место сие, где некогда блистательный сонм полководцев, министров и вельмож окружал *Премудрую*, я невольно погрузился в глубокое размышление о временах царствования ее.— Каким сиянием окружен был *век Екатерины*!.. Провидение возвело ее на престол в то время, когда русский народ начинал уже ощущать в полной мере всю цену собственного достоинства, всю крепость своих сил и, познав великие богатства родного края, не хотел уступать ни одному из соседей своих ни в славе, ни в могуществе, ни в счастии. Люди *Петровых времен*, у которых и в маститой старости не остыли еще сердца от пламенных восторгов, возрожденных великими деяниями *его*, сии люди с каким-то унылым чувством сомнения смотрели на все неоконченные начинания *его*, не смея надеяться, чтобы явился *Государь*, могущий довершить оные.— Но явилась Екатерина, и первые деяния доказали уже, чего должна ожидать Россия от мудрости ее. Утешенные старцы спокойно ложились в могилы, обещая детям своим счастливейшие времена. «Настанут времена великих событий!» — говорили прозорливые наблюдатели — и настали! «Екатерина далеко распространит пределы державы своей!» — говорили те, которые постигали могущество духа ее,— и распространила! Просвещение народное в то время уподоблялось рассвету прекрасного дня: еще приметно было борение света со тьмою... «Мы жаждем света и наук!» — был общий голос сердец, стремившихся по какому-то темному, безвестному побуждению к изящному... «Екатерина озарит нас лучами мудрости своей»,— говорил тайный голос предчувствия — и озарила! «Она прольет на нас и лучи благости!» — повторяли те, которые знали прекрасное сердце ее,— и благости матери народа пролились обильными реками по Русской земле! Екатерина, подобно Петру и другим *немногим* истинно великим Государям, умела *находить людей*. Она умела *творить* полководцев и министров. Имела *она* и другое

искусство — искусство возрождать ничем не поколебимые чувства любви и преданности к особе своей. Благоговение, уважение и любовь, сливаясь в одно чувство, тройственными узами привязывали к ней людей. Благоговели пред мудрою Государынею; уважали женщину; любили мать! Сие последнее чувство было общим чувством всего народа русского. Кто не называл Екатерину матерью и кто не питал к ней сыновней любви? *Век Екатерины* можно уподобить прекрасной, стройной, величественной *поэме*, в которой необычайность происшествий, разнообразие картин дивят и поражают каждого и всех!..

Все почти действовавшие в то время лица имеют на себе признаки истинного величия и неотъемлемых достоинств. Мы видим их в прошедшем, как в некоем волшебном свете. Сияя лучами собственных, незаимствованных *достоинств*, они являются нам в подобии исполинов... Необычайные дела их придают им и необычайное величие в глазах наших.— Обратимся ль к полям славы и побед? *Румянцев, Суворов* и множество других бросают громы на тысячи врагов, вращают судьбою браней и покоряют царства. Потемкин и Репнин служат попеременно мечом и советом пользам и славе отечества. *Безбородко* изумляет всех умом и превосходством дарований государственного человека. *Державин* поет в честь Бога и Фелицы — поет, и грядущие веки с жадностию вперяют слух свой, чтоб передать звуки бессмертной лиры его позднейшим родам. Но всем управляет, всему дает жизнь и движение — Екатерина!.. Так в веке Екатерины было много необычайного, много *пиитического*!.. народ жил в каком-то приятном очаровании. О войне знали только по торжествам побед; о великих бедствиях только по слухам! Находили иногда и тучи,— но солнце народного счастия не померкало в них. Каждый порыв вихря неприязненных случаев, кажется, для того только протекал мимо трона Екатерины, чтоб усугубить блеск и славу его.— Милосердная предупреждала все желания, оправдывала все надежды России. Многие народы вступали в распри с государями, громко требуя прав и счастия. Екатерина, предвидя желания, могущие даже созреть в сердцах позднейших потомков, даровала народу *права* и положила верный залог счастия его в *законах*, для которых основание сама премудрость предначертала.— Одна Екатерина осмелилась сказать, что не народы для государей, но государи созданы для народов своих. Сие великое выражение, которое мимоидущие роды передавать будут как святыню поздней-

шим временам, изумило государей и утешило народы. Так мечтая о веке Екатерины, который, конечно, блистательнее и достойнее *быть описанным, чем век Людовика XIV*, я не заметил, что ночь уже исчезала. Усладительные мечтания, как голос райской птицы, заставляют забывать время.— Между тем как, предавшись размышлениям, стоял я с устремленными взорами к земле, утренние часы переменили картину неба. Уже сокрылась луна, и только изредка по светло-голубым полям эфира мелькали звезды. Так, подобно светлой царице небес, сокрылась *Великая*, но *люди века ее*, сии звезды, окружавшие престол славы, блестят еще на тверди русского неба и мерцанием последних лучей напоминают о том блеске, которым озаряли они отечество во дни полного сияния своего!..

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

(На другой день)

Раздели со мною радость мою, а я поделюсь с тобой моим наслаждением, любезный друг! — Вчерашнее размышление *о веке Екатерины* пришлось (и как кстати!) — в *предисловие* к *тому*, что я сего дни получил и несколько раз уже перечитать успел.— Любезный *Чистосердов*, прекрасный молодой человек, любящий отечество и славу его, прислал наконец мне давно обещанные выписки из прелюбопытной книги, о которой не раз уже мне и прежде писал. Он читал *ее* у старого екатерининского генерала *Славолюбова*, который хранит *ее* как святыню.— Заглавие сей редкой книги подаст уже тебе некоторое понятие и о содержании оной; вот оно: *«Описание лагеря,* собранного под Высочайшею ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА *собственною командою при Красном Селе, с объяснением: какие при том были намерения и что по тому каждого дня достопамятного происходило»* и проч.

Мы привыкли видеть ЕКАТЕРИНУ в священном размышлении о судьбе вверенных ей провидением народов в уединенном чертоге пред налоем, где *она*, смиренно преклоняя венчанное чело пред всемогуществом Верховного строителя миров, просит не расширения власти и славы, не сокровищ и радостей мира, но да озарит ее луч горней мудрости и да наставит Великий правитель вселенной в важнейшей из всех наук, в науке управлять народом.

Наставь меня, миров содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастие людей;
Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.
Да удостоена любови,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала.

Мы привыкли видеть ЕКАТЕРИНУ в подобии земного Божества обтекающую, как сказал в превосходной речи своей один из наших *проповедников*, подобно *благодатному солнцу*, великую державу в мире... Но теперь увидишь ты *ее* в новом, необычном ее полу, но приличном великому духу ее, виде: ты увидишь ЕКАТЕРИНУ в воинском наряде на бурном коне пред строем войск! *Красота* в образе воинственной Паллады!.. Вокруг блестящие ряды героев: пламя усердия в груди их!.. Пред НЕЮ священный ужас и гений России!.. Опираясь на *мужество*, богиня шествует — и слава, гремя в облаках трубою, опускает на главу ЕЕ венок лавровый!.. Так изображает один из лучших писателей наших* ЕКАТЕРИНУ в день восшествия ЕЕ на всероссийский престол (в 1762 году).— Через три года (т. е. в 1765) та же самая, избранная сердцами народа, венчанная славою *красота в образе воинственной Паллады* предводительствует гремящими строями российских героев и из единой любви к отечеству, отнюдь не из честолюбия, готова оправдать на деле все, что мы читали о древней Семирамиде, и все, что слышали о новых *женах-героинях*.— Но знаменитые полководцы, готовые всегда лететь сквозь пламенные бури битв и принимать от славы и победы неувядаемые венцы для возвышения славы своего отечества, вещают к ней устами превосходного поэта:

С тобой нам рвы не глубоки;
С тобою низки страшны горы!
Скажи, скажи, о Матерь! нам,
Куда еще лететь орлам?..

---

* В похвал⟨ьном⟩ слов⟨е⟩ Екат⟨ерине II⟩ Никол⟨ай⟩ Мих⟨айлович⟩ Карам⟨зин⟩.

Пределы царств твоих щитами,
А седьмь, рабынь твоих, морей
Покрыты быстрыми судами
И жезл судьбы в руке твоей!
Речешь — и двинется полсвета,
Различный образ — и язык:
Тавридец, чтиль Магомета,
Поклонник идолов, калмык,
Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят с шумом вслед за нами
И прах подымут до небес!
Твой росс весь мир дрожать заставит;
Наполнит громом чудных дел.
И там столпы свои поставит,
Где свету целому предел!..

Так вещая, гласом войска и народа, вожди русские не допускают монархиню свою до трудов и ужасов военных и летят пожинать лавры русским мечом в далеких и чуждых странах. Не прибавляя от себя никаких излишних, кроме по местам необходимых рассуждений, я предложу прямо выписки из книги и начну с предисловия.

Издатель сей прелюбопытной книги, рассуждая о свойствах и занятиях государей, между прочим говорит: «Не всякому подлинно дано, во всех частях составляющих силу, богатство и честь великого государства, быть равно знающим и в каждой части ничего того не пропустить, чем крепится и возрастает и небрежением чего все в расстройку и самый упадок приходит. *Один* (государь) прославился войною, но не рачил о внутреннем благосостоянии своей монархии, а потому и никогда не покажется *Великим в очах беспристрастия; другой* часто не рачил о самых великих делах единственно для того, что оные не *им* начаты и что он славе предка своего завиствовал. Но,— продолжает *издатель* — и я помещаю здесь собственные его слова: — Не таков был ПЕТР I. Велик во брани, величайший в распоряжениях, споспешествующих внутреннему благосостоянию государства; просвещен и предусмотрителен в начинаниях и тверд и великодушен в медлительном иногда исполнении оных. Каков был ПЕТР Первый в тогдашнее, такова ЕКАТЕРИНА Вторая в нынешнее, но несравненно больше просвещенное время. Самые века имеют свой возраст. Здесь не место вычислять великие ЕЕ дарования, непрестанно новое и твердое нам блаженство промысляющие. *Первым* свидетель целый свет, а *второе* чувствует и прославляет усердная благодарность всего отечества. Веками назы-

ваться будут нескончаемые, дай Боже! годы славного ее государствования, не по числу дней, а по мере невероятно подъемлемых ЕЮ трудов и по числу предусмотрительно предпринимаемых, а с непобедимою твердостию и великодушным терпением производимых великих дел. Векам и принадлежит справедливую воздать славу сей Великой героине. Мы, едва имея довольно силы чувствовать всю великость блаженства нашего, чудимся токмо с восхищением, видя, как вдруг безмерное пространство подверженных скипетру ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА областей объемлется великой души оком; с каким попечением познаются и сокровенные наши недостатки и желания; с какою скоростию получаем наше утешение и с каким искусством насаждаются науки, новое воспитание, следовательно, и самая жизнь и другие полезные учреждения, и как под благодеющим назиранием текут к своему созрению, и как наконец для всех других краткое и скоротечное время достается разделять на толикие упражнения ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА!

В новое состояние приведенная военная сила Российской ИМПЕРИИ, между множеством других важных дел, служит ясным доказательством всего выше изображенного».

Так, премудрая Государыня желала доказать, что мановением того же скипетра, которым указует пути России к мирному счастию, может она двигать и гремящими строями войск. ЕКАТЕРИНА желала доказать, что очарованный кротостию и великодушием (столь свойственным венценосным женам) народ русский ничего не теряет и в *подвигах славы*, имея на престоле ГОСУДАРЫНЮ: Великая желала доказать сие — и кто скажет, что не доказала?.. «Сего ради (говорит опять издатель) ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО повелела вывесть армию ЕЕ ныне летом в разные лагери такими корпусами, в коих бы можно было *солдатство* не токмо ружейной экзерциции обучать, но пользу установленных ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ новых учреждений видеть; генералам подать случай показывать новые опыты доказанного уже ими искусства; ревнительным офицерам являть частию свою способность быть таковыми ж и частию обучаться тому, чего не ведают, и наконец, всем вообще, вспоминая прежние свои подвиги, доказать, колико можно, во время глубокой тишины и покоя, коль охотно и усердно все и каждый понесли бы жизнь свою за честь и славу великой своей Самодержицы и в оборону своего Отечества».

Главному из сих лагерей велено было собрать⟨ся⟩ недалеко от Красного Села, в тридцати верстах от С.-Петербурга, и состоять из трех дивизий.

Первая дивизия

Под командою его сиятельства генерал-фельдмаршала и кавалера графа Александра Борисовича Бутурлина.

Из полков лейб-гвардии

1. Конного.
2. Преображенского.
3. Семеновского.
4. Измайловского.

Из полевых полков

5. Кирасирского ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.
6. Кирасирского третьего.

Вторая дивизия

Под командою его сиятельства генерала и кавалера князя Александра Михайловича Голицына.

Конные полки

1. Новгородский карабинерный.
2. Санкт-Петербургский карабинерный.

Пехота

3. Смоленский.
4. Ярославский.
5. Вологодский.
6. Великолугский.
7. Нарвский.
8. Натембургский.
9. Низовский.
10. Суздальский.
11. Бомбандирский артиллерийский.

Третья дивизия

Под командою его превосходительства генерала и кавалера Петра Ивановича Панина.

Конные

1. Архангелогородский карабинерный.
2. Нарвский карабинерный.

Пехотные

3. 1-й морской.
4. Рязанский.

5. Тобольский.
6. Кабардинский.
7. Копорский.
8. Псковский.

Артиллерия из 44 полевых орудий, состоящая с полным числом принадлежащих чинов и служителей, под командою его сиятельства генерала-фельдцейхмейстера и кавалера графа Григория Григорьевича *Орлова*.

Сверх того легких войск

Грузинский гусарский полк.
Пятисотная команда донских казаков и 30 человек калмыков.

Ко вступлению в назначенный лагерь определено было 15 число июня 1765 года.

15 числа все войска выступили в *лагерь*. Государыня скрытно смотрела на движения их.— С 18 числа началась уже, так сказать, военная жизнь ИМПЕРАТРИЦЫ. Она прибыла в лагерь и поселилась в палатке. Поутру слушала в походной церкви обедню и тотчас после оной принимала *рапорты* от всех командующих генералов. В этот день назначен дежурный при ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВЕ генерал-адъютант граф Григорий Григорьевич Орлов: отдан при пароле *приказ*, и *сигнальная пушка* перевезена к ставке ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА.— 19 числа уже все на военную ногу поставлено было, и тот же день пополудни в 5 часу соизволила ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в мундире полка конной гвардии и в провожании своей свиты и деташамента конной гвардии отправилась верхом в лагерь, где все полки пред своими палатками в две линии, имея полевую артиллерию во второй, дожидались в параде прибытия ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА.

Сколь скоро ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО к правому крылу первой линии приближаться изволила, то его сиятельство генерал-фельдмаршал и кавалер граф Александр Борисович Бутурлин встретил ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО и, отдав честь шпагою, ехал пред Государынею как далеко простиралась его дивизия, полки отдавали честь со всею церемониею, начиная от полка ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, которым командовал сам ЕГО ВЫСОЧЕСТВО в полном полковничьем уборе и в кирасе и провождал ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО не токмо чрез весь свой полк, но и чрез весь лагерь, а по обеим линиям против дивизии и бригад командующие генералы встречали таким же образом, и каждый ехал напереди чрез все расстояние своей команды.

Когда ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО таким образом мимо обеих линий и стоящего у главной квартиры для

прикрытия лейб-гвардии конного полка проехать изволила, употребя на то времени гораздо более двух часов, не столько по великости расстояния, как потому, что ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО живо изображенную на лицах всего войска радость и усердие всегда восхищающим взором и примечанием удостоивала, то, возвратясь на правое крыло, паки несколько остановилась, а тем временем произведен от пехоты беглый огонь и от артиллерии приличная стрельба. После сего ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в поставленные для главной квартиры на подошве Дудуровской горы ставки отъехать и тамо остаться изволила, повелевая во все полки объявить, что ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО всемилостивейше удостоивает высочайшего своего благоволения всех в параде того дня бывших, как господ генералов, так штаб- и обер-офицеров и все чины и войско, будучи довольна их исправным состоянием. Так говорит *издатель* о прибытии Государыни в лагерь.

Явясь накануне в образе *Паллады*, императрица обозрела все полки и предначертала в мыслях *план* воинских действий.— 20⟨-го⟩ от шести до 11 часов провела *она* в *отправлении государственных дел*. Нельзя не заметить, что ЕКАТЕРИНА во все время пребывания своего в лагере каждый день по нескольку часов посвящала *упражнению в государственных делах*... Ни перемена образа жизни, ни многочисленные занятия военные не могли ее отвлечь от занятий, клонящихся к пользе и счастию народа. ЕКАТЕРИНА совершенно разумела науку правления: она знала, что Государь, пекущийся об одной силе оружия, может сделать народ свой страшным, но одна только мудрость и неутомимое прилежание к государственным делам правителей созидают истинное благоденствие народов.

По приказу, отданному при пароле у ставки ИМПЕРАТРИЦЫ, в 20⟨-й⟩ день июня, генерал Петр Иванович *Панин* выступил с своею дивизиею в поход и составил *супротивное войско*, долженствовавшее сражаться с войском, предводительствуемым самою ИМПЕРАТРИЦЕЮ. *Она* тотчас выслала вперед г-на *Измайлова* со вверенным ему легким отрядом для составления *авангарда*.— Государыня, говорит издатель, сама отправилась опять на коне, чтоб видеть, как войска генерала *Панина* станут занимать лагерь при реке *Пудости*.— Тут продолжает издатель: ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, будучи всегда на коне, многократно от одной колонны к другой переезжали, смотря со многим удовольствием, что, невзирая на весьма неровные, каменистые и по большей части кустарником

поросшие места, колонны маршировали не токмо с крайним порядком и нигде не перерывались, но и солдатство при том еще превеликую *радость* и неутомленную бодрость непрестанно оказывало*.

21 июня, после обыкновенного и повседневного пятичасового занятия *государственными делами*, ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила предприять *воинское обозрение супротивных сил* или рекогносцировку неприятеля. *Издатель* описывает рекогносцировку сию следующим образом.

Пополудни в 5 часов ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в препровождении ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, своей свиты, великого числа здешних иностранных волонтеров и деташамента кавалергардского корпуса, на коне и в мундире пехотной гвардии изволила подняться из лагеря для помянутого рекогносцирования.

Подобных движений и следующих затем сражений подробное описание крайне трудно. В военном деле искусные люди под словом рекогносцирования неприятельского лагеря довольно уже разумеют, что при таких случаях наблюдаемо быть имеет и что случиться может. Но понеже ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО толикой на себя труд принимать изволит, не для любопытного токмо зрения, но в таком полезном для государства намерении, как выше сказано, чтоб одним драгоценно приобретенное искусство оказывать, а другим оное вновь приобретать и, так искусство к искусству прилагая, сею единою готовностию и исправностию столько ж служить знатности и безопасности отечества, сколько приобретено славы российскому мужеству действительным пролитием крови,— то и кажется должностию все собранных в лагерь корпусов движения сколько можно обстоятельнее описывать и существенные каждого движения намерения означивать, дабы и те, кои сего лагеря не видали или, не быв в самых движениях и действиях, но каждый неотлучно при своем месте, всего видеть и обо всем особое соображение сделать не могли, награждали то посредством следующих описаний.

Главное намерение сего рекогносцирования состояло в том, чтоб токмо видеть, каким образом так называемый *насупротивный корпус* расположил свой лагерь и какие принял предосторожности, ибо что до положения места принадлежит, то оное уже известно было.

Сего ради ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, выступая из лагеря, указала полку конной гвардии прикрывать выход

---

* «Солдат всегда любит ученье: только б оно было коротко и с толком» — так сказал великий Суворов.

ее с правой стороны до находящейся по дороге в 4 верстах деревни *Тихвиной*, а двумстам человекам гусар и команде казаков, составляя *авангард*, следовать впереди в полуверсте. Бригадиру же Измайлову с его отделенным легким корпусом приказано было прибытия ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в упомянутой деревне *Тихвиной* ожидать, не высылая, однако ж, никаких вперед патрулингов, дабы форпосты насупротивного корпуса прежде времени не встревожить, а только в стороны небольшие разъезды делать и все расстояние от насупротивных разъездов очищать.

Господин бригадир Измайлов исполнил сие приказание со всею скоростию и точностию. ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, нашед сей корпус достаточным ко исполнению принятого намерения, повелела полку конной гвардии при деревне Тихвиной остаться, дабы обратный путь в безопасности содержать, а сама с помянутым легким корпусом немедленно к правому насупротивного корпуса крылу поспешать изволила.

При первом наступлении наших казаков и гусар скоро понуждены были насупротивные ведеты, соединясь с своими пикетами, отступить ближе к своему лагерю, непрестанно перестреливаясь. И хотя оные при отступлении своем подкреплены были самим командующим генералом, его превосходительством Петром Ивановичем Паниным, но и он запотребно рассудил соединить их с главными своими пикетами, поставленною на вышинах артиллериею снабженными.— Между тем как наши гусары и казаки непрестанно нападения чинили, команда Суздальского пехотного полка под предводительством г-на *полковника Суворова*, разделясь на части, ведущие к насупротивному лагерю, *вышины одну за другою* с артиллериею занимала*, очищая ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ путь ближе насупротивного лагеря положение видеть, а кавалерия, разделясь по обеим сторонам сих высот, всегда так строилась, что была для легких войск ближним и сильным подкреплением, а пехота *фланги* составляла.

Уже в 10⟨-м⟩ часу вечера, по совершении рекогносцирования, ИМПЕРАТРИЦА, сопровождаемая отрядом гвардии, по полям, где еще носились облака дыма и дальнее эхо вторило последние звуки сражения, прибыла к ставке своей. 22 июня был день бездействия и отдыха для всех, кроме ЕКАТЕРИНЫ; а 23-го,— послушаем опять издателя.

---

* Впоследствии приняв от славы все, что только может она даровать смертному, сей бессмертный герой шагал из царства в царство, как некогда в глазах Екатерины (в 1765) с высоты на высоту.

Поутру до двенадцатого часа упражнялась ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО отправлением государственных дел, а потом соизволила принимать от генералов рапорты и жаловать к руке.

Между тем получены известия, что разъездами от легкого корпуса примечены великие движения в лагере насупротивной армии. И понеже помянутый легкий корпус в таком месте и намерении на левом здешней армии крыле поставлен был, что если б насупротивный корпус предпринял атаковать главную армию, то удобно можно было б не токмо во фланг ему нападение учинить, но и совсем его от лагеря и своих магазейнов отрезать,— то и не оставалось сомнения, что его превосходительство генерал Панин, следуя своему искусству, намерение принял легкий корпус атаковать и вытеснить из такого положения, которое ему столь много заботы причиняло. Сего ради тотчас при пароле отдан приказ, в котором все нужные меры к действиям объяснены были.

Когда ж все уже готово было к сражению, то в начале четвертого часа пополудни бригадир Измайлов рапортовать начал, что насупротивный корпус в великом числе выступал и, разделясь на *три колонны*, марш свой таким образом учреждает, что, кажется, не токмо на его корпус главное устремление сделать, но оный с левого крыла обойтить и захватить намерен.

Вслед за первым извещением конные офицеры один за другим беспрестанно привозили уведомления, что неприятель двинулся всеми силами из лагеря и в грозном устройстве, быстро производя движения свои, наступает; тогда-то,— говорит издатель,— ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, прибыв в то самое время верхом, имея на себе мундир артиллерии, и в препровождении ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА деташамента кавалергардов и всей свиты и став на занятых пехотою высотах, удостоила оное своей апробации, так как равномерно и все здешние распоряжения, такой же великолепный и грозный проспект насупротивному корпусу представляющия.

Когда ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО к сему корпусу поспешать изволила, то, усмотря, что третья колонна *насупротивного корпуса* учреждает поход к правому крылу главной нашей армии, тотчас *указала* вышеупомянутым резервам выступить и стараться, чтоб насупротивное войско не предускорило занять некоторые тамо находящиеся высоты, что г-м генерал-майором *Философовым* весьма изрядно и скоро исполнено.

Передние посты как легкого войска, так и поставленной

пехоты превосходством силы насупротивного корпуса вытеснены были, и генерал *Панин*, заняв весьма выгодную ему около рощи высоту и поставя на оной пушки, под сильною из них стрельбою выводил всегда вперед сперва легкое свое войско, а потом пехоту, твердо предприняв корпус г-на бригадира Измайлова из сего положения вытеснить. Но как третьему кирасирскому полку приказано было на левое крыло насупротивной атаки диверсию сделать, в то ж время резервы от бригады генерал-майора Бенкендорфа вперед выступили, то сперва стремление легкого войска остановлено, а потом как оное, так и насупротивная кавалерия утесняема быть начала.— В то самое время генерал Панин, получа рапорт, что его третья *колонна*, о которой ниже объявлено будет, сильно атакована, запотребно рассудил свое намерение на корпус бригадира Измайлова оставить, и для того отступить, чтоб и своей колонне подкрепление сделать и до своего лагеря, хотя всеми от искусства зависящими предосторожностями огражденного, никакой опасности не допустить; а для того с таким же порядком, с каким наступил, пехоту свою обратно в лес отвел и отступление с кавалериею прикрывал.

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, поспеша на то место, где кавалерия у кавалерии скоростию и искусством место отнимала и атаку вела, и удостоя все оное монаршей апробации, указала далее не преследовать, что того ж часу и исполнено.

Одною из двух колонн предводительствовал сам генерал *Панин*, а другою его превосходительство г-н генерал-поручик барон Диц. Впрочем, при кавалерии его корпуса находился г⟨-н⟩ генерал-майор *Опочинин*, при пехоте г⟨-н⟩ генерал-майор князь *Щербатов*, а при артиллерии г⟨-н⟩ подполковник *Мордвинов*.

Уже ночь прекращала сражение и все затихало и успокоилось, как вдруг, говорит издатель:

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, возвращаясь в свой лагерь с полным удовольствием о изрядстве и искусстве распоряжений с обеих сторон и о скорости и веселой бодрости, с каковою *солдатство* исполняли оные, услышала внезапу, далеко впереди от правого крыла главной армии, сильную пушечную стрельбу, а потому, справедливо заключая *новое тамо сражение*, немедленно и *всегда на коне* туда поспешать изволила*. По прибытии туда найдено, что г⟨-н⟩ генерал-майор *Ренненкамф*, стараясь потревожением здешнего правого

* Здесь, если поставить вместо ЕЕ — ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, то кто не подумает, что речь идет о каком-нибудь Государе-полководце и завоевателе?..

крыла облегчить предприятие генерала *Панина*, нашел весьма сильное и готовое сопротивление, ибо командующий Измайловским полком его превосходительство генерал и кавалер и того полка полковник *Василий Иванович Суворов** не токмо его встретил, но и отступать принудил, а потому с одной стороны его превосходительство г⟨-н⟩ генерал-поручик и кавалер *Берг* с кирасирами, а с другой г⟨-н⟩ генерал-майор *Философов* с собранными от всех полков резервами в подкрепление идти принуждены были, но, усмотря великую ревность и охоту *солдатства* далее идти, употребил сей случай к их экзерцированию.

На сем походе г⟨-н⟩ генерал-майор Ренненкамф употребил все искусство, чтоб от превосходящей силы не быть окружену и отрезану, а напротиву того, столько ж употреблено старания до того достигнуть.

Но с одной стороны, ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ускоря своим прибытием, дальнейшее преследование остановить указала и, похваляя ревность и усердие, возвращаться, однако ж, повелела, потому что и время уже весьма поздно стало и что сие движение не почиталось более надобным, когда генерал-майор Ренненкамф и без того отступал. С другой же стороны, и его превосходительство генерал Панин с частью своей кавалерии не опоздал прибыть на помощь своей колонне и, так подкрепя оную, в свой лагерь возвратился.

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО уже в одиннадцатом часу в свой лагерь возвратиться изволила.

24 июня, в день рождения Иоанна Крестителя, соизволила ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО слушать поутру Божественную литургию в полковой лейб-гвардии конного полка церкви, а по возвращении оттуда принимать рапорты и жаловать к руке.

Сей день предпринято было удостовериться, намерен ли *насупротивный корпус*, в случае наступления на него всею силою, дать *генеральную баталию* или, уклоняясь оной, отступить за лучшее найдет.

Сего ради при пароле приказ отдан.

1-е. Чтоб в 4⟨-м⟩ часу вся кавалерия пред лагерем противу лейб-гвардии Преображенского полка у деревни Лагова в две линии построились, а именно: в первой линии лейб-гвардии конный полк и оба кирасирские, а во второй Новгородский и С.-Петербургские карабинерные.

2-е. Когда о походе повеление воспоследует, то маршировать двумя колоннами и составлять первую: лейб-гвардии

---

* Отец знаменитого героя!

конному полку, третьему кирасирскому и Новгородскому карабинерному, а вторую: кирасирскому ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА и С.-Петербургскому карабинерному, а дороги показывать будут генерал-квартермейстер лейтенант *Каховский* и обер-квартермейстер *Бекетов*.

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в 5⟨-м⟩ часу пополудни, прибыв верхом в мундире пехотной гвардии к помянутой кавалерии, тотчас повелела оной в две колонны маршировать, с благоволением смотря, как оные в наилучшем порядке мимо проходили, а потом вслед за ними отправиться изволила.

По приближении на пушечный выстрел к левому крылу насупротивного лагеря построилась вся кавалерия в две линии с превеликою скоростию, а между тем с обоих флангов небольшие команды гусаров и казаков посланы встревожить насупротивные пикеты, следовательно, и лагерь.

Командующий насупротивным лагерем генерал едва от форпостов своих первое известие получил, что две колонны, имея сильную впереди кавалерию, к левому его крылу приближаются, то, заключая, что сие чинится для того, чтоб его совсем атаковать или, приближаясь с некоторым деташаментом, испытать токмо, останется ли он на прежнем своем месте или прочь отойдет, намерение принял не только от баталии не уклоняться, но и показать, что он с твердостию ее ожидает.

25 июня надлежало произойти решительному и последнему сражению, издатель таким образом описывает приуготовления к оному. «Несмотря на все беспокойства, тем не меньше ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО *отправлением государственных дел упражняться изволила*; потом принимать рапорты и жаловать к руке, а между тем при пароле приказ отдан.

1-е. Лейб-гвардии в Преображенском полку, в три часа пополудни, ударить генеральный марш, в три часа с четвертью *по возам*, а в четыре часа *сбор*, и затем тотчас выступать колоннами.

2-е. Поход учредить пятью колоннами.

3-е. Лагерь сняв и палатки уклав на возы, оставить, однако ж, оные, так как и весь обоз, назади, а вьючных лошадей иметь в готовности.

4-е. Всем выступающим взять с собою провианта на одни сутки и столько ж фуража для лошадей, а манерки наполнить водою.

5-е. Колоннам наблюдать, чтоб во время марша головы их сколько можно были в одной линии, дабы в одно время на то

место пройти могли, где к сражению в две линии строиться надлежит. Но пятой колонне, состоящей из легкого корпуса и следовавшей с левого нашего крыла, должно более ускорять, дабы до прибытия еще прочих колонн выведенный от насупротивного корпуса, противу его крыла и противу главной его на горе батареи *пост*, редантами и артиллериею укрепленный, не токмо атаковать, но и весьма оным завладеть стараться, потому, что оный поставлен был на таком хребту, который беспрерывно почти до самого нашего лагеря простирался и с которого, следовательно, все движения наши видеть и оным препятствовать можно было.

6-е. От легкого корпуса командировать 200 человек гусар и 100 человек казаков, которым, разъезжая впереди, прикрывать перед всех колонн, а по прибытии на места стать в третью линию, близ парка артиллерии.

7-е. При каждой колонне впереди, кроме кавалерийских, быть из парка по две пушки и, в случае чтоб насупротивное войско какие препятствия в походе причинять стало, стрелять из оных не останавливаясь.

8-е. Как скоро фронт построится, так скоро из всех орудий, состоящих в парке, составить четыре батареи, а именно: две по флангам и две в средине перед первою линиею.

9-е. Лейб-гвардии конному полку быть в эскорте ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и во время огня стоять в третьей линии».

ЕКАТЕРИНА, отдав все приличные случаю повеления, явилась опять на поле битвы, которая у издателя описана в следующих словах:

«Колонны деплоировались по сему повелению с такою скоростию и порядком, что того ж момента на насупротивный корпус ведены быть могли. Но как распоряжение насупротивного корпуса было таково: 1-е, что перед правым его крылом находившаяся гора не токмо артиллериею, но и земляными работами сильно укреплена была и не токмо правое крыло, но и большую часть фронта очищать могла; 2-е, что на левом его крыле также весьма выгодная высота случилась и редантами и артиллериею укреплена была; 3-е, что первая линия его пехоты построена была между сими укрепленными возвышениями, примыкая к оным; 4-е, что вторая линия его пехоты расположена была по высотам, преимуществующим над передними, кроме горы правого крыла; 5-е, что от горы правого крыла в завороте до реки Пудости, на которой мосты построены были, случившиеся многие высоты равномерно редантами укреплены были, на которых артиллерия частию уже стояла, а часть скоро с других мест перевозима быть

могла и которыми, следовательно, правое крыло обеих его линий прикрывалось; 6-е, равным образом на левом крыле второй его линии сделаны были редуты, артиллериею и пехотою снабженные; 7-е, кавалерия, разделяясь на две части, одним крылом примыкалась к выше упомянутым укрепленным вышинам, а другим столько распространилась в поле, что своею артиллериею защищаема быть могла. Того ради ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, справедливо рассуждая, что если самую средину насупротивного корпуса атаковать, то сперва надлежит завладеть обе выше упомянутые сильно укрепленные высоты, а на то не токмо много времени употребить, но в таком узком месте и превосходство силы мало служило б в нашу пользу, а потому за лучшее *найти изволила* главную атаку устремить на левое насупротивной армии крыло; что до его правого крыла и средины принадлежит, то первое легким бригадира Измайлова корпусом, а средину своим левым крылом в опасности и беспокойстве содержать. Сего ради тотчас приказано: *построившейся уже на правом нашем крыле кавалерии потянуться на левое между фронтом первой линии и поставленной впереди артиллерии, а линиям пехоты в то же время тянуться позади сей кавалерии направо, и полевой артиллерии на правом крыле столько умножить, чтоб насупротивную к молчанию привесть можно было.* Сей *маневр* или *движение** при начатой уже с обеих сторон пушечной стрельбе учинено с крайнею скоростию и порядком. ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, проезжая тогда между линиями кавалерии и пехоты, с особливым удовольствием видеть изволила, что оные, а наипаче полков лейб-гвардии так тянулись, что не стеснялись, ниже перервались.

Сколь скоро *таким неприметным образом* мы левое крыло насупротивной армии гораздо *обошли*, а *кавалерия наша*, протянувшись до нашего левого крыла, *за обе линии заворотила и позади оных во весь скак, паки к правому своему крылу, поспешала и уже строиться начала,* то по высочайшему ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелению началась сильнейшая стрельба из артиллерии, а потом скоро и из мелкого ружья при непрестанном наступлении.

Его превосходительство генерал *Панин* едва усмотрел, что наша пехота левое его крыло сильно обходить стала и тамо

---

* Весьма искусное движение!.. Государыня усилила правое свое крыло так удачно, что неприятель ее, сколько, впрочем, он прозорлив ни был, того не приметил. Таковое движение могло бы решить судьбу сражения и на самом деле.

главную атаку устремить намерение принято, тотчас первую линию своей пехоты сократил и *левое свое крыло, заворотив ко второй линии*, примкнул к находящемуся там редуту, а деревню, тут же вблизости за второю линиею находящуюся, занял из сей линии гренадерами и пушками.

В сем положении зачался мелкого ружья огонь, но как огонь нашей артиллерии приметно пересилил артиллерию насупротивного корпуса, на высоте левого его крыла поставленную, то его превосходительство командующий корпусом генерал велел как с оной всю полевую артиллерию в редут второй линии того ж крыла, так со всех передних редантов полковые пушки и с их прикрытиями в их полки перевести, а между тем главную свою противу правого его крыла гору или вышину тем сильнее защищать и проч. и проч.»

Примерное сражение 25 июня кончилось совершенно в пользу войск, предводительствуемых ИМПЕРАТРИЦЕЮ. Но не из лести или *угождения* уступил *генерал Панин* победу ЕКАТЕРИНЕ, а единственно из необходимости, принужден будучи мудрыми распоряжениями ЕЕ оставить укрепленный лагерь свой и отступить.— Сражение сие было последнее. Вслед за сим начались празднества, о которых, чтоб иметь настоящее понятие, должно перенестись мысленно во времена ЕКАТЕРИНЫ, когда все приглашало людей к веселию, селы и города оглашались песнями радости и надежда на второе по Боге провидение, на благость мудрой Государыни погружала все сердца в какую-то приятную беззаботность, в беспечное наслаждение благами жизни*. ЕКАТЕРИНА была в России, как нежнейшая мать в семействе своем. И для ней-то генералы русские устроили *пир*. По словам *издателя*, пир сей походил на что-то волшебное.— На чистом поле, где только что замолкли звуки военных громов, там, где с вечера вовсе ничего не видно было, к свету явились вдруг великолепные палаты! и проч. и проч.

Вот, любезный друг! краткое описание обстоятельств, которые, по малоизвестности своей, весьма любопытны будут для всякого русского и неоцененны для *будущего историка блистательного века Великой ЕКАТЕРИНЫ*. Я душевно благодарю любезного *Чистосердова* за присылку мне сих столь драгоценных выписок.— Прощай!

---

* При ней россиянин, сын славы,
Вселенной подавал уставы
И жребием ее владел!

Дмитриев.

ЗИНОБИЙ БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ,
или Освобожденная Малороссия

ЗИНОБИЙ БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ, МАЛОРОССИЙСКИЙ, ОБОИХ СТОРОН ДНЕПРА И ВОЙСК ЗАПОРОЖСКИХ ГЕТМАН*

Ревнитель благочестия, истребитель Унии, защитник церквей, избавитель православного народа, находящегося во всей Малороссийской и Польской Украине, Подолии, Волыни, Чермноруссии, Белоруссии, Подгории, Полесии и в прочих странах княжений Русских, Владимирову престолу наследственных; страждущего за благочестие в гонениях, мучениях, заточениях, под тяжким игом владения польского и папежского. Который народ за избавление свое от уз, темниц, смертей и поныне приносит ему, Богдану Хмельницкому, вопль, рыдание и слезы; и с жалостию, при упокоении его на вечное блаженство 1657 года, вопиет сию надгробную плачевную песнь: «Вечная память!» — в Чигрине.

ВСТУПЛЕНИЕ

Около половины 17 столетия отечество наше было уже свободно и счастливо. Бурное время междуцарствия и кратковременное владычество поляков в Москве исчезло, как печальный сон. Алексей, сын Михаила, избранного сердцами народа, Государь мудрый и правосудный управлял Россиею; но *Малороссия* сетовала еще под тяжким игом чуждой власти. Издревле короли польские, дорожа прекрасными областями страны сей и уважая воинственный дух нетерпевших угнетения сынов ее, даровали им великие преимущества, стараясь украшать цветами железные узы, соединившие их с народом польским, чуждым по вере и нравам храброму народу малороссийскому[1]. Но мудрость не есть наследственное достояние государей. Последние того времени короли уже не радели более о средствах кротости и благоволения, которыми предки их привлекали сердца малороссиян. Великие гетманы польские для личных выгод и по жадности к корыстям нарушили права народа малороссийского, права, начертанные на могилах предков его и запечатленные их кровию. К жестокости

* Сия надпись и следующие за оною строки списаны мною с одного старинного портрета Хмельницкого, выгравированного, как из надписи видно, в честь героя Малороссии от лица сетующего по нем народа.

и неразумию наместников королевских присовокупилось еще гонение на веру православную от духовенства польского. Оскорбление алтарей и древних прав долженствовало неминуемо возродить в народе великое негодование к притеснителям сего.

Все сказания того времени и даже некоторых беспристрастных писателей польских явно свидетельствуют о несчастном состоянии Малороссии. Но лучше всего объясняют оное *мужи, избранные* из среды народа малороссийского, в *грамоте*, поданной ими на общем *сейме* в *Варшаве*... «Права наши нарушены и вольность попрана, священные храмы, издавна сооруженные, иные запустели, иные и доныне запечатаны, дабы возбранить нам в оные вход. Знаменитые особы наши изгнаны из правительства за то только, *что они русские*: не дозволяют жить в столичном городе, и никто не защищает нас от сих и подобных бесчисленных обид и укоризн». Так говорили усердные защитники Малороссии. Но правители Польши не внимали гласу истины, гласу самого Бога в сердечных воплях народа[2]. «В вольном государстве мы ни в чем не имеем вольности! — восклицают в той же грамоте притесненные.— Гонение коснулось храмов наших и сокрушило алтари. Младенцы наши умирают без крещения, совершенно возросшие живут вне законного брака, и мертвецы наши погребаются без подобающих православной церкви обрядов!.. Последуйте,— продолжают они,— последуйте стопам предшественников своих и возвратите просящим со слезами прежнюю вольность нашу!» ...Поляки были равнодушны к слезам и стонам, но явился человек, предназначенный судьбами, сей новый Моисей народа Малороссийского[3]. Он явился, чтоб извести его из *работы*, подобной египетской. «Слезы приличны только *женам*,— сказал он,— мужи должны действовать!» Так восклицал человек сей — и это был Зинобий Богдан Хмельницкий!..[4] Глас сего ревностного сына Отечества не был гласом вопиющим в пустыне: повторенный во всех краях Малороссии, он отозвался в сердцах сынов ее. Но неисповедимым судьбам Всевышнего угодно было подвергнуть Хмельницкого трудному испытанию при самом вступлении на поприще великих дел. Чаплинский, гордый вельможа и *староста* польский в *Малороссии*, проникнув в тайну предприятий будущего гения, схватил и ввергнул его в преисподнюю одной из башен своего замка. Без помощи и надежды благородный узник томился, ожидая смерти. Но в тех же чертогах, где жил гонитель, наложивший на него цепи, обитала и красота, долженствовавшая снять оные. Любовь нашла средство разрушить затворы, расторгнуть оковы,

и заключенный получил жизнь и свободу. «Жив Бог! — воскликнул он, схватя и с восторгом лобызая саблю свою.— Жив Бог — и Матерь казаков не умерла еще!»[5] Свобода Хмельницкого была близкою предвестницею свободы Отечества его и тяжких бед для поляков. «О, если бы можно было предвидеть будущее,— восклицает один из польских стихотворцев того времени,— то ужасного Хмельницкого сего надлежало бы заключить в глубочайших безднах земли, навалить над ним горы на горы или низвергнуть его в пропасти Тартара и окружить пламенным течением многобрежного Стикса!» Но сии неприязненные восклицания врагов не суть ли лучшие доказательства того, сколь страшен был им герой наш? — Быстрыми шагами приближается он к великой цели своей. Разбив передовой отряд поляков под предводительством сына великого гетмана Потоцкого на *Желтых водах*, он идет в Крым, соединяется с ханом и вскоре с войском, до 100 000 простиравшимся, вторгается в пределы Польши, требуя свободы Малороссии*. Долго продолжался кровавый спор, жестоки были битвы и велики дарования воинские Хмельницкого, долженствующие поставить его наряду с лучшими полководцами в свете[6]. Наконец, по заключенному договору при *Зборове*, 17 августа 1649 года Малороссия освобождена; но, ослабленная великим пролитием крови, она не могла стоять долго против новых ударов злобы врагов своих: ей надлежало искать надежной подпоры и верного крова.— Корабль, гонимый ветрами по неизвестным морям, готов сокрушиться и погибнуть, искусный кормчий хватает кормило и спасает его, но не видя более средств сражаться с бурями, ищет надежной пристани, чтоб укрыть его в оной. Так сделал Хмельницкий, поруча судьбу освобожденной им Малороссии великодушному монарху России[7].

С тех пор Государи российские считают Малороссию драгоценнейшею перлою в венце своем. Тихий *Дон*, плодоносная *Украйна* и цветущая *Малороссия*, составляя прелестнейшие края Отечества нашего, высылают усердных сынов и храбрых воинов на службу и защиту оного**. Кто исчислит

---

* Шерер в Малорос⟨сийской⟩ истории и другие летописцы говорят, что прежде еще соединения с татарами Хмельницкий получил знатную помощь с Дону. Донцы и малороссияне часто подавали друг другу руку братства и общими силами сражались за права и вольности свои.

** Всем известно, что малороссийские и украинские казаки хотя и отделены от донских по теперешнему их местному положению, но происходят от одного колена и по близкому сходству образа жизни, обычаев и нравов составляют и поныне один народ. Родоначалие казаков производят иные от скифов, другие от хазар, а некоторые от того славянского

все подвиги и заслуги жителей Дона и Малороссии на поприще воинском и гражданском?.. Сколько знаменитых мужей породили счастливые страны сии под ясным небом своим, мужей, которых имена живут в потомстве и будут сиять немерцаемым блеском и в позднейших летописях наших! — Но долго еще, а может быть, и до сих пор счастливые области сии возмущались бы набегами беспокойных соседей и бурями свирепой войны, когда бы небо не послало, в лице героя Хмельницкого, избавителя оным. Что бессмертный *Телль* для Швейцарии, *Густав Ваза* для Швеции, *Вильгельм Нассау* для Голландии и *Пожарский* для Отечества нашего, то знаменитый Хмельницкий для освобожденной им Малороссии. Но у нас нет еще и поныне истории жизни его, хотя память его дел и живет в сердцах соотчичей. «Они помнят еще славу Хмельницких!» — говорит о малороссиянах один из почтенных писателей наших[8]. Желая описать блистательную эпоху жизни героя сего, которая была вместе и незабвенною эпохою освобождения Малороссии, я старался получить о нем всевозможные сведения во время пребывания в Киеве, Чернигове и на Украйне. Я сбирал всякого роду предания, входил во все подробности и вслушивался даже в песни народа, которые нередко объясняют разные места истории его. Не упуская предмета сего из виду, я говорил о нем в *Литве* и Варшаве с людьми, знающими историю Польши. Но больше всего принесли мне пользы некоторые предания польских писателей запрошлого века. Сочинения о Малороссии г-д Шерера и Лезюра объяснили многие темные места. Недавно г-н *Плотто* издал также историю казаков, а на русском языке нет еще истории Малороссии!.. С благодарностию должен сказать, что недавно получил я от любителей своей родины — почтенного В. И. Григоровича и М. К. Грибовского — важные рукописи. Таким образом, собраны наконец главные черты из жизни Хмельницкого и сделан, так сказать, *очерк* жизнеописания его, которого, однако ж, по недосугам и прочим обстоятельствам издать теперь еще не могу. Но пленяясь великими подвигами и славою героя малороссийского, я написал между тем

племени, которое Нестор называет северою, что значит всадники. Военными подвигами своими казаки начали становиться известны еще в начале XIII века. От малороссийских и донских казаков произошли: черноморские, запорожские, слободские, волжские, моздокские, терские, уральские и проч., из которых каждые в своем месте службою и верностию своею великую пользу России приносят. Все грамоты, жалованные донским и прочим казакам, доказывают признательность Государей за великие службы их. Некоторые из старинных грамот начинаются сими словами: «Нашим атаманам молодцам! и проч.».

основанное на исторических преданиях *повествование: Зинобий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия.* Вильгельм Телль Флорианов, *Батавцы*, или Освобождение Голландии Битобея и прочие в сем роде сочинения всегда приносили большое удовольствие читателям. Я не смею и думать сравняться в прелести слога и красоте вымысла с известным Флорианом и прочими подобными ему писателями, но при несравненно меньших способностях и способах, восхищенный изящностию предмета моего, невольно отважился вступить на одинакий с ними путь. Помещая здесь начало повести моей, ожидаю приговора просвещенных читателей, которому повинуясь всегда с покорностию, увижу, оставить ли навсегда в забвении или осмелиться выдать в свет и продолжение оной*.

Примечания ко вступлению

[1] «Король польский Казимир IV учредил из малороссиян (в исходе XV столетия) воевод, кастелянов, старост, судей и урядников. А прочих дворян и бояр, *умных* и *заслуженных голов*, всех честию и *вольностию* с польскими чиновными людьми поравнял. Те же права и преимущества Ян Альбрехт и Александр подтвердили и соблюли нерушимо». Так говорит малороссийский летописец.— Все предания соглашаются в том, что казаки всегда были народом, любившим славу и подвиги военные. Земледелием и рыбною ловлею занимались они не иначе, как с оружием в руках, и вот почему без стен и окопов не страшились нападения врагов. «Слава не умирает!» — было любимое их выражение. Сии любители славы умели заставить себя уважать. Один из турецких султанов** говорил: «Если все мои соседи на меня восстают, я сплю, но когда подымутся казаки — просыпаюсь!» Перед тем временем, как Хмельницкий задумал отдаться под покровительство России, султан, истощив все усилия, чтоб привлечь его на свою сторону, написал прегрозную грамоту, в которой между прочим говорит, что он восстанет с огнем и мечом и во всей Малороссии не оставит следа жилищ человеческих. Хмельницкий на большом листе пергамента пишет в ответ следующее: «*Что будет, то будет; что будет, то будет; что будет, то будет...*» И, наполнив одними сими словами целый лист, необычайное *послание сие* заключает последним словом: «*а будет то, что Бог даст*!»

---

* Повторяю еще раз, что повесть сия не есть история; но основана только на некоторых исторических событиях. Строгие исследователи истории сомневаются даже в существовании самого Вильгельма Телля, рассказ же о яблоке почитают сущею баснею.

** Шерер говорит, что это Амурат.

[2] Летопись говорит, что представители или депутаты народа малороссийского, ходатайствовавшие о восстановлении древних *прав**, принуждены были возвратиться из Варшавы, горестно восклицая с Петром: «Наставниче! об нощь всю труждшеся, ничесо же яхом!»

Известно также, что Владислав, не имевший уже по причине преклонных его лет довольно бодрости, чтоб обуздывать дерзость сильных в народе вельмож, а между тем любя и уважая в душе своей малороссиян, отвечал присланным от них: «Что вы здесь жалуетесь! Разве не стало у вас рук и сабель?» Сей ответ развязал руки и изострил сабли казаков на освобождение отчизны их.

[3] *Извести из работы египетской* — подлинное выражение грамот малороссийских.

[4] В Успенском Киевском соборе можно видеть изображение Хмельницкого в полном гетманском одеянии с булавою, означающею сан его. Там надписано: «Зинобий Богдан Хмельницкий Великий Гетман Малороссийский и проч.».

[5] Подлинное ж выражение польского летописца.

[6] Для освобождения малороссиян он должен был выиграть тридцать *великих сражений.* Быстрота была душою, а хитрость отличительным свойством искусства его в войне.

[7] Гетман Хмельницкий поручил освобожденный им народ Государю Алексею Михайловичу 6 генваря 1654 года, дабы, по словам летописи, Малая Россия, *при целости вольностей своих*, в непременной высокомонаршей милости всегда благонадежна пребывала. «И с тех пор,— говорит летопись,— когда славяно-российские Государи мужества своего и государственных сил страхом обносили вселенную, казаки всегда *участвовали в подвигах славы!..*»

[8] Владимир Васильевич Измайлов в Путешествии в *полуденную* Россию.

В царствование блаженной памяти ГОСУДАРЯ ПАВЛА I бугские казаки, желая сравниться в правах с донскими, посылали от себя капитана Хмельницкого с прошением о сем. Хмельницкие и поныне существуют в Малороссии, но не могу утвердительно сказать, потомки ль они знаменитого освободителя оной или происходят от другого колена.

ЗИНОБИЙ БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ, ИЛИ ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССИЯ

Взошло прекрасное весеннее солнце и осветило грозные стены и прелестные окрестности Чигирина**. Весело пробуждались гордые литовцы, но с прискорбием взирали на свет днев-

---

* В летописи права сии названы конституциями.

** Известно, что Чигирин был в свое время укрепленным и богатым городом. Он отдавался потом обыкновенно на булаву гетманам; а в позднейшие времена главным местопребыванием их был г. Батурин.

ной сыны Малороссии: первые господствовали, другие стонали под игом рабства. Один из сих последних, старец, более по горестным опытам бурной жизни, нежели по числу лет, убеленный преждевременными сединами и снедаемый тайною грустию, задолго до рассвета оставил омоченное слезами ложе и встретил солнце на высокой горе против *Чигирина* среди опустелых развалин древнего замка. То был *Филомар* Хмельницкий, которого имя ужасало некогда турок, славилось в степях крымских, уважалось в самой столице польской. С обнаженною главою, с устремленными к небу взорами, опершись на посох и погруженный в безмолвное созерцание великолепного неба, он, казалось, отлучался навеки от бурь мятежной земли. Утомленная бедствиями душа сливалась заранее с ясностию лазури. Но глубокая задумчивость его мгновенно исчезает при виде прекрасного стройного юноши.

«Отец мой, дозволишь ли горячности сыновней излиться в сердце твое? Дозволишь ли вопросить себя, что виною размышлений твоих? Утешаешься ли повсеместным ликованием природы или воссылаешь ты обычную жертву молений к небесам?»

Филомар вместо ответа открыл объятия, и юноша упал на грудь его. «Ночь старца коротка,— говорил Филомар,— сон оставил меня еще до рассвета, а молитва моя упредила солнце.

Но ты спал крепким сном, мой милый Зинобий! Горячая слеза родительская, окропившая румяную ланиту твою, не пробудила тебя».— «Так сон мой был крепок: чрезмерная усталость причинила его. Ты знаешь, родитель! что я встретил весну далеко от нашей хижины, далеко в дремучих лесах. Преследуя диких зверей, переплывал я реки и провождал ночи в пустыне. Ты сам приучил меня к трудам.— Вчера, утомленный дальностию пути, бросился я на кожу убитого мною медведя и спал так сладко, так приятно, как ни один из гордых повелителей наших, верно, никогда не сыпал на роскошнейшем ложе своем. Прелестные мечтания услаждали душу мою. О родитель! я и теперь еще трепещу в восторге от сих мечтаний! Не само ли небо послало мне столь усладительный сон? И не предвещает ли он будущего? Выслушай, отец мой! что мне снилось, выслушай. Сначала все бедствия Отечества нашего, как бы в некоей пространной картине, живо и совокупно представились взору моему. Бедные поселяне уныло влачили плуг под грозою бича литовского. Кровавым потом и горькими слезами орошали они землю, которой плоды расхищали у них гордые властелины. Девы отторгались сластолюбием тиранов от сердца матерей; юноши насильно влеклись из домов отеческих под кровавые знамена врагов.

Цвет полей и злак наших нив пожираем был конями литовскими — и сыны Малороссии, лишенные воли, собственностей и законов, изгибались под тяжким бременем даней и налогов. Томно отзывался скрытный стон народа, глухо звучали цепи рабства. Солнце, казалось, не хотело светить стране порабощенной. Ночь и безмолвие окружали Отечество наше. Вдруг блеснула молния, прогремел гром и вслед за сим раздался голос невидимого: «Восстаньте и бодрствуйте: час свободы настал!» В тысяче местах воспрянули рабы и цепи сокрушились. Тысячи возникали среди полей; целые полки, как будто родясь из земли, стекались под хоругвия Отечества.— Везде слышны были призывные клики, везде сверкало оружие. От степей крымских до лесов Волыни; от Буга до Днепра; от Дона и Помория до рек Сулы, Вороклы и Тесмины двигались ополчения. Поля дрожали под копытами коней. Является Герой, вдохновенный небом, подкрепляемый счастием. Он велит — и тысячи малороссийские повинуются ему; подъемлет меч — и тысячи литовские бегут. Великий духом разделяет рати на ополчения, указует ополчениям пути — и вся Малороссия двинется к бою.— Долго свирепствовала брань. Наконец злодеи изгнаны, Отечество наше очищено и кровь литовская, реками пролитая, смыла даже самые следы притеснителей с лица Малороссии*. Тут солнце воссияло во всем своем блеске, мрак исчез; небо раскрылось, и Богиня, прелестная, как весна, цветущая всеми красками младости, остановилась в воздухе на златом облаке. Она улыбнулась — и громы браней потухли; простерла руку — и навела тучную зелень на томные поля. Тысячи овец зашумели вокруг источников, нивы озлатились, города начали возникать и реки покрываться судами... Все узнали в богине сей — свободу. «Свобода! Свобода!» — восклицали миллионы — и миллионы благоденствовали... Но ты плачешь, родитель мой!.. Ты плачешь? Что причиною твоих слез?»

«Сладкие напоминания прошедшего и горесть настоящего. Было время,— говорил Филомар,— было время, когда и мне снились такие же сны; когда и я мечтал во сне, мечтах

---

* Здесь довольно кстати заметить весьма любопытный поступок Хмельницкого, о котором упоминают писатели польские. Когда Малороссия объявлена была вследствие договора Зборовского независимою, Хмельницкий, зная твердо науку действовать на сердца и умы народа, предписал универсалами (грамотами), чтобы все малороссияне и украинцы переменили польский покрой платья, стрижку волос и проч. В течение нескольких дней весь народ омывался купаньем в реках и озерах; а по всем церквам читали очистительные молитвы, при колокольном звоне. Все сие делано было для того, чтоб омовением и молитвою изгнать иноплеменный дух.

и наяву о свободе Отечества нашего. Блистательна была заря жизни моей: я стоял на высшей степени у престола Сигизмундова. Государь литовский называл меня другом, обвивая скипетр свой лаврами, пожатыми мною за Дунаем и на брегах Евксина. Часто предлагал он мне дары: я всегда отрекался от даров его. Однажды неотступно спрашивал государь сей, в чем я полагаю мое счастие. В свободе Отечества моего, отвечал я. Ответ сей не полюбился самодержцу властолюбивому; зависть воспользовалась сим, клевета наполнила весь двор раболепным шепотом о каких-то злых умыслах, в которых старались меня обличить, и не обличив, отдалили от двора. Корыстолюбивые вельможи, под благовидным предлогом отнятия способов вредить *Польше*, отняли все мое имущество. Сей замок предков наших опустел. Я перешел в теперешнюю хижину. Там, не стерпя ударов рока, умерла нежная твоя мать — и там же в недрах нищеты возрос ты, сын мой! ты, рожденный в счастливейшие времена и, может быть, определенный к жизни горестной, а что всего ужаснее, и к вечному рабству».— «Нет, родитель мой! не рабу даровал ты жизнь; не для рабства воспитал меня... Ах, не сам ли ты возвысил дух мой, внушил мне благородство чувств; открыл всю прелесть свободы и весь позор рабства?.. Не ты ли озарил ум мой светом наук? Не ты ли наградил меня средствами пользоваться опытами древности, восхищаться бытописаниями греков и римлян? Удел рабства, родитель мой! есть невежество. И для чего знать рабу, что были люди, которых великий дух управлял народами, расторгал позорные цепи, двигал престолами и строил города среди глухих пустынь? Для чего знать рабу, кто были *Епаминонды, Скандерберги, Вирияты, Пелаззии, Сертории*? Но почто вызывать мне сих великих мужей из столь отдаленных веков глубокой древности, когда и в самые недавние времена, в родной и сопредельной нам державе, найти подобных можно? — Давно ль рассеялись грозные тучи, гремевшие в пространных небесах могущественной России? И не сии ли самые литовцы, которых иго угнетает нас ныне, дерзнули наложить оковы на древнюю столицу великих царей? — Так; мгновенные успехи довели их до сей дерзости, но громы ужасной и справедливейшей мести ниспали на главы ослепленных гордынею. Святейший страдалец *Гермоген*, велеречивый келарь *Палицын*, простой родом, но знаменитый любовию к Отечеству гражданин *Минин* и славные вожди *Пожарский, Трубецкой, Ржевский, Ляпунов* и множество других, услышав стон притесненной России, восстали от глубокого уныния, восколебали народ, расторгли узы плена и даровали жизнь и свободу любезному своему

Отечеству.— Торжествует Россия, но стонет Малороссия!.. Доколе продлится стон ее?.. Ужели позорное рабство сие будет вечно? — Нет! я чувствую, что не умру рабом!.. Звук оружия приятен слуху моему, война занимает все мои мечтания, а слава есть крайнею целию желаний моих. Отпусти меня! я полечу под знамена одного из соседственных государей; буду сражаться, как лев, и пролитием крови и слез испрошу одной милости, чтоб освободить хотя малейший уголок порабощенной Малороссии. Он, верно, не откажет мне в этом, и тогда пусть все вокруг меня пресмыкается в тине рабства!.. Жизнь независимого процветет в сладком дыхании свободы, и кости мои уснут мирно в земле неподвластной».— «О! если бы всякий малороссиянин мыслил и чувствовал, как мой Зинобий,— Малороссия давно была бы свободна!» — так воскликнул Филомар, обнимая своего сына. «Позволь же, родитель мой! позволь мне, следуя влечению моего сердца, искать трудов воинских и славы».— «Кровь предков играет в жилах его,— говорил Филомар про себя,— та же пылкость, то же стремление к подвигам». Потом, обратясь к сыну: «Моления твои, уже неоднократно повторяемые, должны исполниться. Скоро совершится тебе 20 лет. В сии лета Филомар Хмельницкий был уже покрыт ранами и славою... А сын его?.. Так! нам должно будет наконец расстаться! Но прежде всего надлежит тебе исполнить священную для нас обоих обязанность».

Тут Филомар напомнил сыну своему о Вассиане, его крестном отце, о котором и прежде ему говаривал не раз. Мудрый Вассиан, близкий по родству и дружбе Филомару, был наставником его в юности и другом в зрелых летах. Задолго пред сим уклонился он в безмолвную пустыню на лесистом берегу Днепра. Филомар во всех важнейших случаях жизни советовался с ним и почел бы за преступление не представить Зинобия *юношею* тому, кто любил лелеять его на руках своих еще *ребенком*.

Между тем солнце стояло уже высоко; тени приметно сокращались; зной становился томителен; многочисленные стада овец с шумным блеянием спешили с полей в рощи; волы протяжно ревели под плугами. Утомленные рабы земледельцы искали мгновенной прохлады под тению дерев. Все возвещало час полудни; а в роскошных чертогах вельмож литовских едва только начинался еще день.— Филомар и Зинобий, заменивший собою посох отцу своему, тихо сошли в тенистую долину, где стояла их хижина. Зинобий помогал старому служителю приготовлять дичь, принесенную им из лесов; потчевал отца своего медом диких пчел; постилал ему ложе из

листьев и душистых трав,— и Филомар плакал от умиления при сих знаках горячности сыновней. Для избежания дневного зноя положено было отправить Зинобия с наступлением ночи. Филомар вручил ему тайное рукописание к Вассиану — указал путь к жилищу пустынника; снабдил советом опытности, благословением родительским,— и юноша, с тулом, звенящим за плечами, играя легким копием, весело пустился в путь свой под алым блеском вечерней зари. Он зашел было проститься с другом своим *Осмундом*; но Осмунд был на охоте. К рассвету быстрый юноша находился уже в окрестностях Днепра, который в весенних разливах топил высокие берега свои и синелся, как море, в отдаленности. Три ночи продолжал Зинобий путь вверх к истоку Днепра, провождая большую часть дня под тению дубрав. Дичь и лесные плоды составляли пищу его. Каждая стрела, пущенная меткою рукою юноши, приносила с собою добычу. Он не хотел заходить в села, где ничего не слышно было, кроме звуку бичей литовских и стону малороссиян. Четвертая утренняя заря осветила странника в жилище пустынника.— Зинобий застал старца, совершающего утреннее моление. Обнаженными коленами стоял он на жестком граните. Белая брада струилась до чресл. Свежий утренний ветерок развевал кудри сребристых волос.— Юноша с благоговением остановился и ожидал, пока моление кончится. «Кто ты, юный звероловец? — вопросил Вассиан, окончив молитву свою.— Что заставило тебя проникнуть во глубину дикой пустыни?» — «Воля родителя моего и собственное желание осенить себя твоим благословением. Я — Зинобий, сын Хмельницкого из Чигирина».— «Сын друга моего Филомара!» — воскликнул старец и дрожащими руками прижал юношу к сильно бьющемуся сердцу в ветхой груди своей. После некоторых предварительных расспросов и объяснений они вошли в хижину; большое деревянное распятие занимало в ней одну стену. Бледная лампада теплилась перед ним. Зинобий подал хартию от Филомара, и, между тем как старец читал, юноша озирал хижину любопытными взорами и старался проникнуть в смысл изображенных на стенах ее картин. Живопись представляла разные лица из житий святых. На одной из картин написаны были страдания *мученицы*; отрубленная голова дымилась кровию в руках исступленного отца убийцы. Другие представляли христиан, страждущих в глубочайших пещерах. Черный мрак темниц озарялся ярким сиянием от лица ангелов, прилетавших окроплять несчастных узников небесною росою утешения. На прочих видел он дремучие леса, безмолвные пустыни, где отшельники, обремененные веригами терпения, сражались

с пылкими страстями. Распаленное воображение творило призраки и ужасы пустынные.

Между тем Вассиан, у которого старость притупила зрение, с трудом прочитывал писание своего друга и с частым помаванием главы (в знак сомнения). «Не ручаюсь,— сказал про себя,— трудно... Однако ж попробуем». И обратясь к Зинобию: «Внимание твое обращено на сии картины,— сказал он.— Это плоды прежних лет моего уединения. Я последовал примеру сих угодников Божиих: каждый из них, после бурного плавания в океане света, уклонялся в мирную пристань уединения и, вечерея жизнию, тихо знакомился с смертию и вечностию. Но счастливее стократ юноша, постигший всю цену уединения, всю суетность наслаждений земных и высокое таинство *жизни загробной*!.. Тихо займется заря дней его, весело отсветит солнце жизни... В глубокой тишине едва слышен ему дальний шум мира и ропот суетливых обитателей его. Любезный юноша! бури ужасают пловцов, бури заносят их из одной части света в другую — от берегов, блистающих великолепными городами, к диким необитаемым странам; но бури житейские свирепее морских...» Зинобий слушал старца и не мог понять, к чему клонились слова его.— С любезною простотою угощал Вассиан гостя своего и после умеренной трапезы предложил ему успокоиться от трудов. Юноша уклонился под тень древнего дуба, подле гремучего источника, положил голову на мшистые корни — и сладкий сон одел беспечного крылом своим.

Как приятен сон юности, в лета счастливой невинности, доколе чувства безмятежны, душа покойна и совесть ясная, как лазурь неба, не затмится тлетворным дыханием страстей! Во время сна Зинобьева пустынник, сидя у порога хижины, предавался глубоким размышлениям о важном поручении своего друга. Еще раз перечитывал он хартию его: «Я посылаю к тебе сына,— писал Филомар,— кровь Хмельницких кипит в жилах его и сердце сильно бьется при имени свободы и славы. Учение не могло довольно насытить всех его способностей. Скоро уразумел он язык *Гомера* и *Тацита**, деятельность его неотступно требует новой пищи: оружие, лавры и слава — вот его милые мечты, предметы надежд и желаний. Испытай сего любимца души моей, друг мой! Проникни взором мудрости твоей в тайные извития его чувств: может быть, есть еще средство утолить в нем сей глад юного сердца, сию жажду к войне, успокоить волнение души, готовой

* Известно, что Хмельницкий знал оба сии языка и на последнем писал грамоты к королям польским.

принять в себя все страсти и подвергнуться всем бедствиям жизни. Пусть сладость беседы твоей смягчит в нем ретивость юного духа, умирит чувства и потушит, если можно, сию пламенную страсть к славе, ибо что такое слава мира сего? Я пробегаю ряд славных людей и не нахожу ни одного, который бы не страдал от самонравия государей, от неблагодарности народов и умер бы спокойно... И я сам не довольно ли испытал тщету всего величия земного? О! если бы я тебя послушал, скольких горестей, скольких бедствий избавился бы в жизни! — Признаюсь, я желаю, чтоб сын мой забыл о свете и сам, забвенный светом в спокойной неизвестности, подобно безыменному пустынному ручью, провел век свой мирным гостем юдоли земной. Жажда к военной славе растравляет только душу, не делая ее счастливою. Иное дело, если б у нас было отечество... Но мы рабы! Истинная слава и бессмертие не могут быть уделом нашим. Испытай же моего сына!.. Если увидишь, что дух его неукротим и стремление к подвигам необоримо, то... Видно, всему роду Хмельницких суждено бороться с бурями страстей и быть игрою случаев». Кроткий Вассиан, все еще в задумчивости, пошел к тому месту, где уснул Зинобий; но его уже там не было. Чрез несколько часов юноша возвратился, обремененный ношею настрелянной им дичи.

С восторгом рассказывал он о множестве разных птиц в сих пустынях, о диких зверях, которых рев доходил до него из глубины леса. «Если б был здесь,— говорил он,— друг мой Осмунд, мой верный товарищ в трудах и сподвижник в звериной ловле, то мы без страху проникли бы в самую мрачность ваших лесов и смело нападали бы на берлоги черных медведей».— «Видно, ты очень любишь охоту?» — сказал Вассиан. «Как не любить ее! Ведь она точный образ войны!» — «И притом такую опасную».— «Чем более опасности, тем больше славы!» Старец пожал плечами и вошел в хижину совершать вечернее моление. Зинобий остался один, оправлял свою дичь, смотрел на заходящее солнце и мечтал... Шум дерев, гул и шелест по лесам представляли пылкому воображению его шествие полков. Ему казалось, что дубравы преображались в ополчения, поля покрывались строями и звук оружия далеко растекался по ветрам. Бурное течение Днепра еще более питало мечтательность его, представляя образ сражений. День протек; солнце, озлатив зеленые венцы гор, остановилось на минуту в виде светлого алого шара, тихо зыблясь в сизых тенях, среди зубчатых гранитных скал... Наконец оно угасло, и вечер со всеми своими прелестями наступил.— Пустынник кончил молитву, взял юного гостя за

руку и медленными стопами пошел с ним на возвышеннейший холм к Днепру. Они сели. Обширный круг окрестностей представился их зрению: река шумела по долинам; берега ее потонули; верхи высоких гор зеленели в виде мелких островов; земляные глыбы и бурею исторженные деревья носились по волнам; луна тихо всплывала на горизонт; хладные лучи ее, казалось, приподымали край завесы, которою ночь покрыла землю. Вечерние росы рассыпались алмазными искрами и засветились! Все посребрялось в той стороне, тогда как в противулежащей темнели сумерки. Заря догорала в румяном сиянии; пурпур отсвечивался в зеркале тихого залива. Ничто не нарушало глубокой тишины ночи, кроме глухо ревущих вод и таинственного шепота засыпающих лесов.

При сем священном величестве природы пустынник и Зинобий долго безмолвствовали в умилении сердечном. Наконец первый прервал молчание: «Ты видишь,— говорил он,— что с отсутствием дня вся природа умолкает и покоится: так проходит день сует наших! и целая жизнь не есть ли один мятежный день? Иные до самого гроба не знают успокоения, борясь беспрерывно с волнами пучин мирских, а я, благодаря провидение, хотя скользкою стезею опытов, достиг, однако ж, надежной и бесшумной пристани. Живя в обществе, среди бесчисленного множества воплощенных страстей, нельзя не покориться им. Но уединение ограждает человека от всех посторонних наветов, от всех внешних ударов судьбы. Когда война свирепствует в какой лишь чуждой области, мы сожалеем только о бедных гражданах ее. Но тот, кто имеет там свои поместья и дома, тот горько сетует, страшась, что все его имущество погибнет от меча и пламени врагов.— Общество людей есть поле вечных битв. Кто имеет в нем собственности, тот должен беспрестанно трепетать о потере их...» Вассиан говорил с жаром. Юноша слушал с почтением и равнодушием: в продолжение речи старца острил он на отломке гранита копие свое, служившее ему вместо посоха.— Пустынник приметил холодность слушателя и, продолжая испытание, завел совсем другой разговор: «Сколько тебе лет?».— «Отец мой говорит, что уже скоро кончится двадцать».— «И я думаю то же. Ты родился, любезный Зинобий! в блистательнейшую эпоху жизни твоего родителя.

Ополчение казаков вверено было Сигизмундом отцу твоему: он воздвигнул хоругвь отечества, и тысячи малороссиян, ревностных любителей славы и браней, стеклись по гласу его. Филомару и мне вручены были булавы начальства. Сыны Малороссии не могли сражаться для свободы; но им дозволено было сражаться для славы — и полки храбрых с весе-

лием летели на брань. Война была с турками. Еще польские легионы не успели двинуться, а быстрые казаки уже покрыли берега Днестра лесом копий своих. С великою силою визирь перешел реку и пестрые шатры свои раскинул на необозримых долинах. Турки не двигались далее, и мы стояли. С каждою утреннею зарею воздух оглашался диким криком их тысячей, воссылавших моления к Пророку. Топот и ржание бесчисленных коней, глухой бой по нахрам и резкие звуки труб наполняли окрестности бранною грозою; но отец твой, чуждый страха и враг бездействия, равнодушно взирал на гордость мусульман. Умышленно показывая, будто страшится множества их и желает окопаться, он повелел мне с частию легких войск обойти беспечного неприятеля с крыла. С вечера и до зари утренней шел я с ополчением своим по самым непроходимым и скользким в конце осенних месяцев путям. При слабом мерцании умирающей луны то взбирались мы на крутизны гор, то сходили в пропасти и с саблями в руках пробирались сквозь чащу дикого леса. Наконец восходящее солнце указало нам хребет неприятельских ополчений. Ревность к бою превозмогла усталость: никто не думал об отдыхе; мы подали условный знак — и...» Тут Вассиан остановился, чтоб взглянуть на Зинобия.— Юноша пылал; глубокое внимание оковало все чувства его; он с жадностию пожирал каждое слово старца — и... «Далее, отец мой! далее! Я сгораю нетерпением слушать тебя». Старец посмотрел на юношу, улыбнулся и продолжал: «...и — пушки, искусно скрытые отцом твоим, загремели... Мы ударили с тылу, а конница малороссийская, распахнув знамена, сомкнув ряды и громко воскликнув: «За веру и славу!» — быстрее вихря помчалась на чело стана турецкого... Ужасна была сеча; кровь разлилась по земле, и кровью обагрились воды. Наконец неприятель, смятый, опрокинутый смелым налетом наших войск, уступил поле. Страх убыстрил отступление и превратил его в совершенное бегство. Мусульмане запрудили реку телами своими. Поражение было совершенно: огромный стан, великие обозы, богатство и трофеи достались в руки казаков, и отец твой, под тучами густого дыма, на полях, облитых кровию и устланных трупами, принял свежий лавр из рук победы».— «О мой отец! великий отец мой,— воскликнул юноша вне себя, обливаясь горячими слезами,— для чего не говорил ты мне никогда о славе твоей? С каким пламенным восторгом облобызал бы я победоносные длани героя! Но продолжай! ради Бога, продолжай! Беседа твоя приятнее млека в день жажды и слаще меда ароматных лип».— «Отец твой написал с поля сражения к Сигизмунду: «Государь!

Легионы польские были еще далеко, а неприятель в глазах: храбрые казаки горели нетерпением сорвать шатры неприятельские концами копий своих — мы сразились; матерь Божия стала за нас; Магомет дрогнул, и сила гордых разбита в прах! Пленных пашей и трофеи с благоговением повергаю к стопам Твоим». Сигизмунд, признательный к заслугам Филомара, не умедлил благодарностию. Меч, осыпанный дорогими каменьями, булава гетманская и бунчук приготовлены были в дар победителю. Супруга Сигизмундова собственными руками вышила почетное знамя для войска казацкого. С сими-то дарами отправилась к армии твоя мать, бывшая в великих почестях при дворе. Многие прелестные девы из соотечественниц наших сопутствовали ей. Между тем Филомар не дремал на лаврах: он взял валовым приступом крепость турецкую и разбил остаток войск, оградивших себя окопами в поле. Тем кончилась война.— В это время прибыла в стан победителей твоя мать. Она была беременна и вскоре разрешилась — тобою. Ужасна была ночь, в которую родился ты! Осенняя буря возмутила всю природу: красные молнии раздирали черную завесу туч; гром катился за громом, и лезвия копий наших, подобно рядам зажженных свеч, горели некиим синим пламенем, нисходившим с небес. Но с первым лучом зари тишина восстановилась и солнце вышло в полном великолепии своем. Белобрадые старцы, прозирающие в таинство судеб, заключили, что жизнь твоя будет бурна, мятежна; но...» — «Будет ли она славна, отец мой? Ибо человек без славы есть напрасное бремя общества: ничто не отличает его в общем стаде тварей земных».— «Она озарится наконец славою!» — «О, если бы провидение оправдало сие предвещание!» — так воскликнул Зинобий,— и в сию минуту исступленного восторга можно было видеть по блеску очей, пыланию ланит и движению лица, сколь сильно трогало его повествование сие и чем он некогда может быть. Старец видел это; но притворно показываясь равнодушным: «И так ты желаешь события пророчества,— говорил он,— и бури не страшат тебя, мой милый Зинобий?» — «Одни малодушные страшатся определений судьбы. Я видал, что с наступлением бури, когда влажные облака, гонимые ветром, в великом беспорядке взбегают на горизонт, все робкие птицы, суетясь и тоскуя, с криком ищут убежища, но смелый орел, отважно ширяясь на ветрах, парит под блеском молний и сражается с тучами!..» — «Я понимаю, что ты хочешь сказать,— возразил Вассиан, перебив речь его,— но, сын мой! не лучше ли пройти *поприще жизни* сей стезею мира, стезею, усеянною цветами простых наслаждений? Не приятнее ли жить покой-

но, в светлой хижине, услаждаться дружбою, питаться млеком стад своих и одевать себя домашним руном; весело засыпать в благоухании цветов и еще веселее пробуждаться сладким гласом утра? Не лучше ли, утолив беспокойство юного сердца, сочетать его с сердцем милой девицы: выбрать супругу верную, кроткую, соединяющую разум с нежностию? Не благоразумнее ли укрыть светильник жизни своей от вихрей случайности, от мятежа людских страстей, под тень домашнего благополучия; *быть* для того, чтоб наслаждаться бытием своим и, процветя сединами, остудив привязанность к жизни, тихо угаснуть в объятиях любимцы души твоей — в кругу семейства, опершись на веру и чистую совесть?» Зинобий молчал. «Юноша! думаешь ли ты, что шум оружия доставляет приятнейший сон, чем журчание родных ключей?.. Где надеешься быть спокойнее: в теплой хижине или в ратном шатре, нередко раскинутом на снегах и окруженном всею суровостию зимних бурь и трупами мертвых и умирающих?» — «Бури и слава, отец мой, да будут уделом жизни моей! Для славы готов сразиться со всеми бедствиями в мире. Но да поразит меня небо всеми громами своими, если честолюбие станет управлять поступками моими, если возжажду славы для личных своих польз.— Нет, я хочу приобресть славу, чтоб получить доверенность народа и, уважая святость оной, употребить *ее* к его же благу.— Теперь ли то время, о мой отец! чтобы помышлять о мирной жизни и тихих радостях семейного счастия? Что сказал бы ты о детях, празднующих брачный пир свой подле смертного одра умирающей их матери! А разве Малороссия не матерь нам? Разве не на смертном одре возлежит она и кто не видит глубокой могилы, изрываемой ей самовластием тиранов? — Так! Каждый малороссиянин должен забыть ныне все наслаждения человека, все радости жизни и помнить только одно отечество. Да угаснут свечи брачные, да исполнится край наш слезами, стонами и молением! — Пусть каждый супруг отречется разделять счастие брачного ложа с младою подругою, жених да не вводит невесты своей во храм и матери да поклянутся не приближаться к колыбелям первенцев своих, доколе не будет свободно Отечество! — Нет наслаждений в оковах, и жизнь, дар неба, для благородных и свободных существ не должна быть уделом рабов!» Вассиан глубоко вздохнул и, помолчав несколько: «Трудно одолеть определение неба! — сказал он тихо и продолжал рассказ: — Восхищенный родитель взял на руки новорожденного и вынес пред войско: гром пушек и восклицания ратников встретили *тебя*!.. Среди железного леса копий и мечей, на поле ратном, в виду дымящих-

ся ниспроверженных окопов неприятельских и разбитых стен почтенный пастырь церкви совершил крещение твое. Вода зачерпнута была из Днестра и налита в купель шлемами храбрых. Один из воинов, имевший почти столько же ран, сколько считал лет жизни своей, и другой — *я* — были восприемниками твоими». Зинобий с безмолвным почтением облобызал руку старца; Вассиан прижал его к сердцу и продолжал: «Под звуком труб и веянием знамен ты был повит; хоругвь Отечества осенила колыбель, повешенную на ратовье копия; родительница твоя, несмотря на знатность сана, обещала быть сама твоею кормилицею, отец же — наставником твоим... «О Боже! — восклицал родитель твой, подъемля тебя к небу,— даруй, да соделается младенец сей наследником славы предков своих и, если не силен будет разорвать цепей своего Отечества, пусть хотя обовьет их свежими лаврами».

Слова пустынника с неизъяснимою силою действовали на Зинобия: все струны сердца его потряслись. «Так, я вижу ясно,— сказал по некотором молчании Вассиан,— я вижу, что не рожден ты для спокойствия!.. Будь здесь или последуй за мною в хижину: я напишу ответ твоему отцу». Зинобий остался. Ночь неприметно пролетела. Уединенная звезда утра, как тлеющая искра, краснеясь, сверкала на синем краю неба, вечерний соловей умолкал, и ранний жаворонок, незримый в радужных кругах, казалось, ронял с высоты рассыпчатые звуки песни своей. Свежий ветерок прохладил воспаленные чувства юноши. Заря осенила его розовым сиянием, и сладкий сон увел за собою по златым тропам в цветущие долины мечтаний. Вассиан, возвратясь в хижину, в сумерках догорающей ночной лампады написал следующий ответ Филомару: «Я исполнил поручение твое. Не нужно дальнего испытания, чтоб увериться в том, что сын твой не рожден для спокойного уединения. Может быть, сердце его умягчилось бы и растаяло в обильном вертограде счастия, на мягком лоне роскоши и неги; но воспитание, доставленное ему тобою, и самая бедность ваша укрепили и возвысили дух его до степени геройства.— Это юный лев, видящий добычу свою в единых подвигах; это орел, который умрет с тоски, если обрежут ему крылья. Скорей удержишь стремление Тясмины к Днепру, нежели порыв сына твоего к славе. Итак, молись за него Богу, приготовляйся к разлуке и остри меч отцов твоих».

Три раза встречал Зинобий солнце в пустынном уединении Вассиана, и вечер третьего дня назначен был для разлуки. Пустынник благословил крестника своего образом Спаса Нерукотворного. «Сей образ,— говорил он,— защищал грудь мою во всех кровопролитных боях от тысячи неприятельских

стрел: да совершит он таковое же чудо и над тобою, сын мой! Я бы охотно подарил тебя мечом и копием моим, но, сделавшись орудиями мира, они уже не будут годиться в бранях: копием я копаю питательные коренья, а мечом пожинаю целебные травы». После сего взял пустынник копье и стрелы Зинобиевы, положил их перед иконами, прочел тихо некие таинственные молитвы и омочил освященною водою.— Из объятий пустынника, окропленный его слезами, осененный отеческим благословением, юноша спешил к дому родительскому. Свежая легкая кровь играла в жилах его; юность придавала крылья ногам — и он не знал усталости.— Беспечная юность! Прелестная заря бурного дня жизни, цветущее преддверие тернового лабиринта горестей! Сколь блаженна ты мирным спокойствием чувств своих, светлою совестию, новостию надежд, свежестию мечтаний, а более всего своею неопытностию! Ты не имеешь еще печальной способности предузнавать грядущие бедствия и увядать преждевременно в тоске предчувствия! Спокойно засыпаешь ты на краю глубокой бездны и весело играешь в цветах, не заботясь, что громы готовы ударить над тобою! Горесть ожидала Зинобия в жилище отца его. Нежный Филомар страшился быть вестником печали.

РАССУЖДЕНИЕ

О НЕОБХОДИМОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ, УЧЕНЫХ УПРАЖНЕНИЙ И ЧТЕНИЯ КНИГ;

также о пользе и настоящем положении учрежденного при гвардейском штабе, для военных читателей, книгохранилища

Его превосходительству, господину генерал-майору, его императорского величества генерал-адъютанту, начальнику Главного штаба отдельного гвардейского корпуса и разных российских и иностранных орденов кавалеру Николаю Мартемьяновичу СИПЯГИНУ

Ваше превосходительство!

Милостивый государь!

Вам угодно было почтить меня поручением произнести *речь* в торжественном собрании *Общества военных людей* в тот незабвенный день, когда, за год пред сим, Всемилостивейший Монарх наш даровал бытие Обществу сему. Не надеясь соблюсти всех обязанностей ритора, а еще менее чувствуя себя способным к изобретению необходимых для правильной *речи* красот, я решился написать, на предложенный мне предмет, простое *рассуждение.*— Пламенное усердие служило подкреплением, заменою и, надеюсь, послужит извинением слабому моему дарованию. Впрочем, мне и не нужно было дальнего красноречия для изъяснения *цели, выгод* и *пользы* того, что само за себя говорит так красноречиво. Стоит только взглянуть на все, украшающее ныне дом Гвардейского штаба, чтоб убедиться в очевидной пользе учрежденного и отдать должную справедливость учредителю.— Кратко, мгновенно бытие человека в сем мире, но продолжительны, долговечны следствия оного. *Люди приходят и отходят, но содеянное ими остается!** Вот непреложная истина, которая

* Слова из древней грамоты (1228) Смоленского князя Мстислава Давыдовича. О сей любопытной грамоте несколько подробнее упомянуто в *Письмах к другу*.

тем более для нас приятна, что в отечестве нашем сказана. Древняя истина сия есть единственное утешение, неотъемлемая награда тех благородных душ, которые, забывая всю прелесть выгод личных, обрекают себя единственно пользе общей. Посвящая Вашему превосходительству усердный труд мой, я приношу Вам только слабую дань искреннейшего уважения, возбуждаемого тем неусыпным к общему благу стремлением, которое всем, имеющим честь находиться при Вас, столь блистательным примером служит.— Смею ласкать себя надеждою, что в простых, непринужденных выражениях письма моего не заметят языка низкой лести; но сердечно порадуюсь, если строки сии, хотя отчасти, обнаружат чувства отличного почитания и преданности, с которыми имеет честь быть навсегда

Вашего превосходительства, милостивого государя
покорнейший слуга *Федор Глинка.*

Почтенные слушатели!

За год пред сим, в этот самый день, дом сей, удостоенный посещением вашим, озарен был присутствием посетителя Венценосного*. Внимательным и милостивым оком обозрел он все, что чистое *усердие* старалось устроить здесь на *пользу общую*. Высочайший посетитель ознаменовал присутствие свое соизволением *на издание Военного журнала*, который, восприяв начало с того дня, в течение нынешнего года продолжался и на следующее время с тем же усердием продолжаем будет. В знак всеподданнейшей благодарности начальник Гвардейского штаба и все гг. офицеры оного по общему и единодушному согласию установили ежегодно незабвенный день сей праздновать чтением *отчета Общества* и произнесением речи.

Исполнение сей последней обязанности начальник штаба пожелал на сей раз поручить мне.— Проникнутый до глубины сердца уважением к знаменитым особам, удостоившим нас посещением своим, я понимаю всю важность предприятия и всю меру смелости говорить пред лицом столь просвещенного собрания. С чувством невольного смятения и полный недоверчивости к слабому дарованию моему, ищу *предмета* для слова. Но ведая, что с небольшим только за год пред сим

---

* Прошлого 1816 года ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в сопровождении графа А. А. Аракчеева, соизволил посетить дом Гвардейского штаба. О сем подробнее написано в «Кратком начертании Военного журнала».

в этом самом доме не было даже и *тени* того, что, по справедливости, обращает теперь на себя внимание общее, и желая предупредить вопрос: *«для чего все это устроено?»*, я невольно склоняю речь мою на *пользу* деятельной жизни и *необходимость* ученых занятий, а следовательно, и чтения для *воина* в особенности и для *человека* вообще.— Доказательство сей *необходимости* отклонить всякое сомнение о истинной пользе нашего заведения.

Для чего военному человеку рыться в книгах? Его ль это дело? — Сабля да храбрость — вот все, что ему нужно! Так или почти так нередко говорит *праздность*, которую в словаре светских учтивостей называют *беспечностью* и часто без стыда похваляются ею! Есть даже и такие люди, которые, смешивая досуг с праздностию, почитают ее лучшею приправою наслаждений, украшением жизни и ссылаются на праотцев, которые, по словам их, были менее учены, менее деятельны, а более счастливы.

Нет, милостивые государи! деятельность современна существованию человека. «Живи и действуй!» — вот первые слова, поразившие слух первого человека из уст Создателя его. С тех пор и доныне покорный воле Творца, человек не престает действовать, доколе живет. И можно ль пожелать бездействия тому, чья честь и слава — в *делах*? Какими глазами посмотрел бы на вас путник, поспешающий сквозь все препятствия к *цели*, где ожидает его лестная награда, когда бы вы пожелали ему, вместо *скорого пути*, замедления и покоя? — Вот подобие человека! Его жизнь, жизнь существа разумного есть непрерывная деятельность. Побеждение опасностей — забава; стремление к подвигам — наслаждение! Таков человек! Такова участь существа, которое природа окружила *всеми началами* благ земных, но которому не дозволяет насладиться ни единым из *благ* сих, доколе не искупит оного *трудом*!

Часто бездействие скрывает себя под приятною личиною *покоя* и сулит верное счастие... Не верьте посулам его! Человек, как член общества, конечно, нигде не найдет счастия, если не умел найти его в жизни деятельной, на пользу общую посвященной.— Жизнь и деятельность столь же тесно соединены между собою, как *пламя* и *свет*. Что *пылает*, то, верно, *светит*, что *живет*, то, конечно, *действует*. Все великие мужи, великие полководцы точно такое же имели понятие о жизни. Пожелают ли примера? — Бессмертный *Суворов* в преклонных летах своих часто говаривал: «Было время, когда я жил *столько-то часов в сутки*, теперь живу менее». Здесь, без сомнения, под часами жизни разумел он часы *деятельности*,

ученых упражнений и *чтения*, которым решитель бранных споров занимался столь же прилежно в ставке, окруженный шумом военных бурь, как мудрец в безмолвии тихой учебной храмины.— Если положить на верные *весы* мудрости с одной стороны увенчанный лаврами *меч* Кесаря, а с другой — простой свиток, на котором изобразил он мысли и дела свои, то нелегко решить, что из обоих перевесит! По крайней мере, известно всем, что плоды завоеваний Кесаревых давно уже погибли, а плоды ума его еще невредимы!.. «Но,— скажут,— древние жили более на коне и в поле: они мало читали, а много делали — книги были у них редки...» Справедливо; но не справедливо ли и то, что *речи* и *поручения* вовсе не считались у них редкостию? Науки гораздо старее книг и даже, может быть, самых письмен. Тогда менее читали, но не менее учились и умствовали. Сципион, вероятно, не имел пред собою какого-нибудь многотомного творения в то время, когда произнес незабвенные слова: «Я никогда не бываю менее уединен, как оставаясь в совершенном уединении!» В сии важные минуты, когда великий человек беседовал с своим *гением*, конечно, не нужно ему было *справляться* с книгами; но разве он менее оттого был *деятелен*?* Нет! знаменитые мужи древности без выкладок высшей математики и часто среди шума военного разрешали *в уме своем* великие истины, устроивая в одно и то же время судьбы битв и народов по *науке соображения*, которая всегда бывает плодом глубокомыслия, наблюдений и опыта. Так, наука умствования и соображения существовала задолго еще прежде, нежели новейшие ученые: *Паскаль, Бернульи, Лаплас, Гюм, Кондорсе* и, наконец, *Лакруа* сделали ее известною нынешнему свету под названием: *учения о вероятностях* (De arte coniectandi, Calcul des probabilités)**.

Кроме убеждений *диалектики* можно представить множество доказательств, что начала наук почти современны способности мыслить, способности едва ль не современной первым минутам существования человека, ибо все в нем есть

---

* Круг деятельности великого Сципиона вмещал в себя не одни только занятия военные. Ученые испытатели древности уверяют, что он участвовал в сочинении комедий Теренциевых, комедий, которые по отличному искусству в описании нравов, по изящности мыслей и редкой чистоте слога едва ли не превосходнее (вопреки даже мнению ученой г-жи Дасье) комедий Плавта. Вот что Кесарь (воин и писатель) говорит о Теренции: «И ты полу-Менандр! (славный греческий комик), ты также сопричастен (и справедливо!) к числу знаменитейших пиитов за чистоту и изящность твоего слога!» Похвалы сии получат сугубую цену, если отнесем мы их к лицу Сципиона, ибо тогда к венцам славы военной придается ему и венец Парнасский.

** О сем более объяснено во 2 книжке «Военного журнала на 50 стр.

навык и *наука*! Но между состоянием наук древних и новейших то великое различие, что прежде любители оных нередко обязаны были искать просвещения в глубоком мраке лесов. *Мудрость*, удаляясь от шумного света, избирала в жилище себе уединенные пещеры или тщательно скрывалась по таинственным излучинам огромных соперниц столетий — *пирамид Египетских*. Увлекаемые ревностию к просвещению, проходили неведомые области, часто знойные степи и пылающие пески, чтоб утолить жажду к учению усладительною беседою мудрых. И юные слушатели цепенели от изумления, внимая вещаниям белобрадых старцев.— С таким-то трудом научались тогда, черпая поучения не из книг, но из уст мудрых сынов опыта и ловя на лету редкие случаи *читать*, так сказать, *слухом* то, что ныне так легко и повсюду читается *глазами*.— Да, с тех пор как науки совлекли с себя покров таинственности и сделались *общими*, книги, сие уютное вместилище всех обширных познаний и наук, всегда готовы — и несравненно с большею против прежнего удобностию — заменять собою беседу *мудрых*, которая от всех и повсюду ценилась так дорого!.. Вот почему и книгохранилища могут бесспорно почесться истинными *сокровищницами* просвещенных обществ.— И сюда, в сие возникающее книгохранилище наше, начальник здешнего заведения уже в течение целого года дружелюбно приглашает гг. гвардейских офицеров к свободному занятию чтением отборных и полезных книг. Здесь молодой воин, посвятя часы досуга ученым упражнениям, может спокойно заняться мирною беседою с глубокомысленными поучителями современников и потомства.— Всего, кажется, естественнее желание читать события времен протекших. Сердце наше любит принимать живое участие в судьбе мертвых, в поколениях и народах, существовавших задолго прежде нас. Все человечество, *бывшее, настоящее* и *будущее*, есть одно великое семейство, для которого обитаемая наша планета была и будет *родиною, колыбелью* и *могилою*! Новое поколение с таким же любопытством наведывается о предшествовавших, как молодой наследник о нравах и обычаях предка своего, завещавшего ему сокровище. Наши предки оставляют нам великие драгоценности: их *познания*, открытия и опытность, опытность, которая волшебным прикосновением своим вдруг придает *зрелости* и, так сказать, *нравственного роста*, мгновенно делая юношу по летам старцем по уму и поступкам.— От этого-то, повторяю опять, может быть, по чувству благодарности и врожденного любопытства, с темным еще понятием о пользе *Истории* стремимся мысленным полетом обтекать туманные области ее. Отнимите у чело-

века все источники к познанию *прошедшего*, он готов склонять в собеседование с собою столетние древа, вопрошать скалы, мимо которых промелькали века, и тревожить священные гробы предков, ища жизни в тлении и света во мраке могил... Таково, впрочем, весьма извинительное, стремление отгадывать тайны, умолченные веками!

Я распространяюсь о сем предмете тем охотнее, что желаю показать яснее, сколь великим, сколь важным приобретением почтет для себя любопытный читатель знакомство тех знаменитых писателей, которые готовы, посвятив его здесь в сокровеннейшие таинства *Истории*, обнажить вдруг пред глазами его древнее *лице* земли, сие необозримое *поле деятельности человеческой*, поле, на котором то шумят и свирепеют страсти, гремит оружие, дымится кровь, распадаются и возникают троны; то вдруг царствует унылое запустение, мертвая тишина могилы. Роды и поколения человеческие являются и исчезают *в великом круге общей деятельности*, как тусклые ряды теней в часы полнолунной ночи.— Знаменитые историки, умевшие спасти важные истины из общего потопа забвения, мудрые собеседники лет и столетий, которые силою ума своего соединили лучи света, рассеянные в темной ночи протекшего, сии бессмертные мужи, маститые старцы: *Геродот, Ливий, Тацит, Саллюстий*; новейшие: *Монтескье, Гиббон, Плейфер, Фергюсон, Ансильон* и Тацит германский *Миллер* — встречают здесь юного страстного любителя наук*. Мы покажем тебе,— говорят *они* с улыбкою кротости, всегда свойственною великому дарованию,— мы покажем тебе, как *возникали, росли*, медленно *растлевались* и с шумом *упадали* державы в подсолнечной! То же солнце, которым согреваются люди современного тебе поколения, та же луна, которою сребрятся ныне снега твоего Севера, те же светила небесные великолепно восходили за несколько пред сим столетий над шумными стогнами древней *Пальмиры* и роскошно одевали блеском лучей своих волны Эгейские и пышные здания гордых *Афин*... Вечные законы природы неизменны: небеса все *те же*, но *земли* невозможно уже познать более. Пустынные вихри волнуют песчаные моря в уединенных пределах древней Сирии. И ленивый мусульманин равнодушно пережигает на *известь* классические обломки

* Мы имеем приятную надежду, что в скором времени книгохранилище наше украсится «Историею государства Российского» и военные люди, с таким же, как и все, нетерпением ожидающие столь важного сочинения, не отстанут от других в готовности принести дань нелестного уважения и благодарности почтенному сочинителю, которого имя украшает список почетных членов Общества нашего.

великолепной Эллады!.. Кто ж объяснит тебе сие дивное сцепление великих событий, борьбу страстей и прехождение поколений человеческих? — Мы! — говорят историки; ты смело вверился руководству нашему и не раскаешься в этом: мы только одни можем и теперь же готовы представить тебе неизъяснимо любопытные явления древнего *мира*. В дивном и верном зерцале Истории увидишь ты, как люди, как целые народы приходили, блистали славою, гремели войною, затихали; меркли и опять отходили. Целые поколения увядали, как злаки осенние... Но дела ума и рук человеческих всегда переживают делателей и постановления несравненно долговечнее своих постановителей. Вот закон природы, утешительный для человека, одушевленного благородным стремлением жить не для своего только времени (которое есть незримая точка в необъятном круге вечности) и не для современных только ему человеков, но для всего *человечества*, которого жизнь кончится разве с концом вселенной и времени*. От созерцания *древнего мира* обратишься ты к явлениям полных событиями *средних веков*. Ты увидишь, как при тусклом сиянии последних лучей вечереющей славы ветхого *Рима цвет ума человеческого*, в полном развитии своем, мгновенно был подкошен железом набежавших варваров.— Бури переселений и нашествий раздвинули народы по пространству невозделанной Европы. Долго области ее оставались без всякого сношения между собою, как острова, рассеянные на пространном море. Наконец, важные происшествия: *крестовые походы, открытие новых торговых путей, изобретение печатания книг, учреждение почт и введение вексельной бумаги* — познакомили людей с людьми и сблизили царства с царствами.

Вот самый слабый очерк той общей величественной картины, которую откроет тебе *История*, и не только просветит *она* разум, не только удовлетворит вполне любопытству твоему, но возвысит, облагородит душу! Ибо это всегда была и будет цель историков и самой Истории. Ты познаешь здесь, любопытный читатель, *Историю народов* и захочешь познать другую, не менее любопытную *Историю наук*, и преимущест-

---

* Филанжиери говорит: «Истинно благородный человек пишет и действует не в угодность одного какого-либо времени или человека, но для пользы всех веков и всего человечества». От низких происков, зависти и крамол убежищем великих людей есть недосягаемое злобе смертных бессмертие. Гонение погубило Сократа, но не могло погубить дел и учения его. Истины его отразились в творениях Платона, в Федоне Мендельсоновом и не престанут повторяться в сердцах, доколе время и сердца человеческие существовать будут.

венно так называемых ныне *наук политических*. Я говорю о сих науках преимущественно потому, что содействие их к благополучию обществ *непосредственно**. Вообще судьба наук имеет большое сходство с судьбою народов. Те и другие происходят почти из *ничего*. Великий народ от одного семейства, важная наука от одной счастливой мысли. Нет строжайшей постепенности, нет вернейшей логики, как в ходе и действиях природы. Законы природы суть незыблемые утесы, вокруг которых напрасно свирепствует океан времени! Замечено, что все происходит от *точки*, от *зерна* и распространяется и растет. Для растения и жизни необходимы воздух и свет. Чем более того и другого, тем более обилия и силы. Это подобие применить можно ко многому.— Все политические науки, разделенные теперь на столько многообразных ветвей, подобны были в глубокой древности *зерну***. Время и случаи произрастили из оного величественное древо (древо наук); люди с дарованиями разделили и спрямили *ветви*, а благодетельные правительства, заменяя собою *воздух* и *свет*, способствовали процветанию и плодам оного.— Первым порывом ученых и философов, по возрождении наук, было желание разрешить важную задачу о *начале обществ. Гоббс, Пуфендорф, Гроциус и Руссо* различно толковали о задаче сей, едва ли столь же полезной, сколько трудной, и все их толки были напрасны. Наконец, кажется, решились лучше употребить время и труд на изобретение средств, как делать гражданские общества *счастливыми*, нежели проникать в тайну первобытного образования оных. И тут-то *трехсистемная политическая экономия****, *статистика* (наука о народе)****,

* Можно написать целые томы о пользе политических наук, ибо все, что относится к торговле внешней, внутренней промышленности, точному сведению о состоянии просвещения, силы и богатства народного, к обращению денег, государственному хозяйству, общественной доверенности и к объяснению обязанностей, соединяющих членов с обществом и обратно,— словом, все, что только может клониться к благосостоянию народов, входит в состав сих наук. Знаменитый Шлецер, изумленный величием России, желал только одного, чтобы пространные, богатые области ее озарились вполне светом политических наук.

** В древней Аристотелевой книге под названием «Политика» заключается не более как простое географическое описание всех того времени греческих областей.— Обширный ум Цицерона обнимал, конечно, политические науки в целом, но ни он, ни современники его не умели еще делить их на части.

*** Система меркантистов (полагающих богатство народа в одних только деньгах), система физиократов, полагающих оное в произведениях земли, и система Адама Смита, согласившего, по возможности, обе предшествовавшие и полагающего основою богатства народного — труд и работу.

**** Первые начала статистики (происходящей от слова Status — правительство) положил геттингенский профессор Ахенваль в 1748 году. Англи-

финансы (или наука о важности обращения денег и государственных доходов) и преимущественно объяснение *законов* и *прав* заняли умы, озарили великим светом течение дел общественных и принесли неотрицаемые пользы народам.— Все или, по крайней мере, многое, что есть лучшего в отношении к наукам политическим, например творения *Адама Смита*, сочинения *Стюарта, Ганиля, Сея, Шлецера* и других почтенных писателей, может найти в книгохранилище нашем читатель, который, посвятив лета пылкой молодости *мечу* и *полю ратному*, захочет, может быть, в летах мужа или старца послужить отечеству *опытом* и *познаниями*, и тогда-то запас чтения политических книг весьма ему пригодиться может.— *Воин* и *Гражданин* — вот два наименования, которые должны сливаться в одно священное название *полезного члена общества. Сюлли*, столь же неустрашимый в борьбе *с злоупотреблениями*, как и в поле с *врагами*, доказал, что можно сделать мечом для чести государя, а усердием, бескорыстием и умом для пользы государственной. И в любезном отечестве нашем всегда были и есть почтенные мужи, которые, жертвуя от молодых до преклонных лет служению общественному, доказывают нам ясно, что жизнь государственного человека подобна течению солнца, которое, хотя неравно блистательно, но всегда одинаково полезно, как восходя, так и вечерея.

Познав Историю многих наук, читатель как воин, без сомнения, пожелает познакомиться и с Историею *своего искусства*. Он только пожелает — и тотчас, вслед за общими описателями *дел* и *событий*, явятся те, которых перо посвящено было в особенности описанию *войны* и всего к ней относящегося.— Древние: *Онозандер**, которого так любил читать маршал Саксонский, красноречивый *Фукидид*, описатель войны Пелопоннесской; *Кесарь*, быстрый в войне и в слоге своем; *Фронтин* и *Полиен*, открывшие нам многие хитрости военные; богатый сведениями в древней войне и представленный *Фолардом* в новом блеске *Полибий; Иосиф*, описатель подвигов и славы военной народа, который пугает-

---

чанин Синклер распространил потом круг науки сей, перенеся ее в свое отечество, где, при влиянии мудрого правительства, на земле свободной сделалась она из отдельной слабой ветви величественным древом.

* Онозандер, философ Платонической секты, оставил потомству сочинение под заглавием «О должностях и добродетелях предводителя войск».— Сочинение сие имело несколько переводов. Из лучших почитается помещенный бароном Зурлаубеном в изданной им «Военной библиотеке» еще в 1760 году.

ся теперь даже одного имени войны; *Курций*, деописатель отважного, искусного и всегда счастливого, если не всегда благоразумного, завоевателя; великий *Тацит*, единственный в искусстве живописать резкими пламенными чертами картины *событий, страстей* и *войны*; потом философ и воин *Ксенофонт*; за ним любопытный *Непот*, которого Суворов советовал, в числе прочих, читать своему крестнику: и, наконец, знаменитый мудрец *Херонейский*, прочитав которого со вниманием, мы становимся так коротко знакомы с величайшими мужами древности, как будто б прожили с ними полвека в странах, прославленных делами и рождением их. Все сии великие писатели откроют в полной ясности молодому читателю и дела воинов прежних времен, и ход и успехи *военного искусства* у греков, римлян и потомков их. Но драгоценные правила *военной науки* рассеяны в деописаниях древних, как зерна дорогой руды в смешении веществ разнородных. Историки правы: их дело писать в поучение царям и целым народам, а не одним воинам. Но захочет ли любопытный читатель наш увидеть *военное искусство* отделенным, очищенным, и все то, что было предугадано и выполнено людьми с великим умом (только по вдохновению или удаче), подведенным теперь под верные правила и в виде полной науки? Более 400 томов, содержащих военную науку во всех отраслях ее, являются к его услугам. Убоится ль сего огромного легиона? Лучшие авторы (их очень немного) выступают вперед, обещая изъяснить ему в самых кратких беседах все пространство и важность науки, решающей судьбы царств и народов. *Густав Адольф, Монтекукули, Евгений, Тюрен, Конде*, маршал *Саксонский*, великий *Фридерик* и за ними целый ряд второстепенных генералов подадут весьма поучительные наставления делами или записками своими в искусстве военном.— Маршал *Пюйзегюр* достоин уважения и за то уже, что имел намерение написать *науку войны. Фекьер**

---

* Маркиз Ф е к ь е р, стяжавший отличия и славу шпагою и пером, принадлежит к небольшому числу тех проницательных, дальновидных воинов, которые наилучше постигли сущность и основные правила военной науки. Будучи просвещен более, нежели должно, чтоб не видать в современных героях больших погрешностей, и правдолюбив более, нежели нужно, чтоб оставаться равнодушным потатчиком оных, он, как говорят, на всех жаловался и все на него вопияли. Изображая и часто порицая в з а п и с к а х с в о и х свойства, поступки и военные действия генералов века Людовика XIV, он весьма способствовал к отделению в военном искусстве немногих правил истинных от множества ложных, и Ф е к ь е р, как все умные люди, желает, чтоб первым достоинством генерала, кроме воинских дарований, была истинная, прочная ученость.

не дал такого пышного титула своей книге, но принес более существенной пользы науке.— Наконец, просвещенный *Гибер,* с успехом упражнявшийся во всех родах словесности, познакомил читателей своего времени с важными и тогда еще новыми правилами тактики. *Лойд**, умевший наблюдать и мыслить, сиянием дарования своего озарил многие темные места науки. Сочинение графа *Рошемона* достойно также внимания. За сими является человек, который так искусно умел сказать все, что о войне говориться может, что, прочитав ученую книгу его со вниманием, кажется, уже не имеет надобности читать его предшественников. Легко догадаться, что я говорю о генерале *Жомини*, которого имя украшает список *действительных членов* сей библиотеки. Отличная черта дарования его есть искусство выражаться коротко и ясно. Предложенные им правила столь понятны и удовлетворительны, что каждое из них может почесться особым *ключом к победе*, разумеется, в свое время и в своем месте. Собрание сих правил можно назвать *открытием таинств* древних и новых побед. *Эрцгерцог Карл* после всех подарил творение свое свету, и ученый свет тотчас отдал должную справедливость и творцу, и творению. Сей почтенный автор-полководец отличается тем, что разделяет новою и, по-видимому, самою верною чертою *тактику* от *стратегии* или, проще сказать, *искусство сражаться* от искусства *воевать* и *завоевывать*, ибо надлежит знать, что можно *сражаться без завоеваний* и *завоевывать без сражений.*

Вот самое простое указание на источники, из которых с любопытством и прилежанием можно почерпнуть великие истины и много пособий для военной науки.— Некто сказал, и сказал прекрасно, что военное искусство всегда будет *наукою* для *просвещенных* и грубым только *ремеслом* для *невежд*. Если поверим истине сего выражения, то невольно согласимся, что для того, чтоб выйти из круга *воинов по ремеслу*, должно сделаться воином по *науке*: воином образованным и просвещенным. Были люди или, справедливее сказать, был человек (Жан-Жак Руссо), который вопиял против просвещения, желая уничижить древнее достоинство *ума* и помрачить современное оному сияние наук. Но и самою речью против наук показал он только обширные познания и великое искусство в *науке убеждать*. Руссо-дикарь, без познаний

---

* В книге сего английского генерала находятся весьма любопытные суждения о военных путях (операционных линиях), суждения, доказывающие, что Лойд понимал тайну искусства не только выигрывать сражения, но и управлять судьбою целой войны. Замечания его об обороне границ достойны также внимания.

и просвещения, не написал бы такой сильной речи, не обратил бы на себя внимания света.— Не место здесь опровергать философа женевского, с которым и состязаться не смеем, но невозможно равнодушно слушать неправые суждения тех, которые, будучи неверными *его* отголосками, хотят уверить, что человек сотворен, чтоб *жить* и *наслаждаться**, а не занимать или, по выражению их, *томить себя науками* для изощрения ума, сей неоцененной способности, в изощрении которой люди (по мнению их) весьма мало нужды имеют. Нет! мы смело скажем, что *везде*, где только существует *гражданственность* или хотя тень оной, изощренный ум и *науки* не только полезны, не только нужны, но и необходимы. Доказательством необходимости сей есть уже самое общее стремление народов к сияющей цели просвещения.— Да! ум и науки пользовались и теперь пользуются всегда и повсюду ласками гостеприимства и уважением людей. Пожелают ли примеров? Могу указать на все века и различные страны света.

Многочисленное собрание *диких*, говорят путешественники, часто по нескольку часов пребывает в глубоком молчании, благоговейно внимая вещаниям старейших своих, которые обыкновенно избираются из *умнейших* и *образованнейших* в народе.— Так уважается ум и образование в пустынных лесах Америки: а по словам *Баядур-Хана* можно узнать, как думали о сих же предметах и за отдаленными брегами Каспийского моря в пределах древней Каризмы.— Не хвалясь ни саном, ни богатством, ни силою, Баядур** говорит: «Если б я захотел чем-либо похвалиться, то, конечно, это не чем иным, как *умом* и *добрыми нравами*, в дар от Бога мне данными, и разными *познаниями*, мною самим приобретенными».— «Всех вещей драгоценнейшая и равно для царя и простолюдина *полезнейшая* есть *учение*. В душе, не озаренной учением, как в стране, не освещенной солнцем, все во тьме и смешении!» — так говорил (еще за 1000 пред сим лет)

---

* Большая часть людей полагают, как сказали, наслаждение в покое или бездействии, не зная, вероятно, что большая часть преступлений происходит именно от б е з д е й с т в и я н е в е ж е с т в а. Это сказал еще мудрец и пиит Г о р а ц и й: это подтверждает и вековой опыт. В наше время, когда благодаря истинному просвещению История рода человеческого сделалась несколько известнее, мы видим, что все ч е л о в е ч е с т в о имело свое младенчество, свое постепенное совершенствование; видим, что оно воспитывалось, училось и учится и должно еще учиться, если хочет быть счастливым, ибо при свете только наук и добродетели исчезает мрак предрассудков и пороков.

** Абул-ази-Баядур-Хан родился в Ургенсе, столичном городе Хорезмской земли, по счислению от Эгиры в 1014, а от Р⟨ождества⟩ Х⟨ристова⟩, в 1605-м году.

царь греческий *Василий*, прозванный *Македонянином*, в завещании сыну своему *Льву*, наименованному *Премудрым*. «Тот никогда не будет превосходным полководцем, кто захочет достигнуть сего высокого звания, упражняясь в одном только военном деле, а пренебрегая изучение словесности и других, служащих к изощрению ума наук» — вот подлинные слова одного из китайских императоров из военной китайской книги Сунд-зе*. Пожелаем ли сверх сего примеров из истории отечественной? Оба *Владимира* (Святой и Мономах), прадед и правнук, представляют нам примеры разительнейшие. «Призывайте к себе всех учителей грамотных и наказывайте им юные дети учити *книжному разуму*» — это собственные слова *Владимира Святого* из Грамоты к митрополиту Михаилу (в 989). И венценосный правнук его (в 1125), оставляя детям пример редких добродетелей, запечатленных в делах всей жизни своей, оставил им, вместе с оным, и неоцененное наследие: сильное, убедительное завещание, побуждающее к *деятельности* и *учению*. «Отец мой,— говорит между прочим Мономах о Всеволоде,— дома сидя, умел говорить на пяти языках!» Стало, он *учился* и о просвещении *ума* своего заботился.— Я нарочно привел сии столь разнообразные примеры, чтоб показать, что император китайский, царь греческий, князья российские и хан татарский, люди совсем разных веков и стран, говорят об *уме* и *науках* почти то же, что сказал в честь *первому* аббат *Сабатье* еще недавно, а в похвалу последним красноречивый *Цицерон* уже очень давно.

Итак, чем более станем всматриваться в историю времен и состояние народов, тем яснее увидим, что и там, где часто самый *алмаз* никакой цены не имеет и *золото*, как презренный прах, ногами попирается, *ум* и *познания* всегда пользуются отличным уважением**. Но как ум изощряется *науками*, а все науки (для большой выгоды нашего времени) можно найти в *книгах*, и *учиться* стало теперь значит почти одно и то же, что и *читать*, то да позволено будет нам сказать молодому воину: «Хочешь ли быть воином ученым, как Румянцев, Суворов, Потемкин, Репнин, Панин, Кутузов и многие другие,

* В Китае обучают военной науке и при производстве в чины экзаменуют по шести главным книгам: 1. Сунд-зе; 2. Ут-зе; 3. Семафа; 4. Лута-о; 5. Леа-отзе; 6. Таит-зун-ли-уай-конг. Всем офицерам в Китае составлен именной список и против каждого имени означено его поведение и науки, не те, которым он некогда учился, но те, которые точно знает, дабы начальник мог употреблять офицеров не по пристрастию, но по истинному их достоинству.

** Или пользовались или — для блага человечества должны пользоваться.

и желаешь ли быть предводителем или, что еще важнее (по суду собственной совести и общему отзыву), сделаться достойным предводительства? — Читай! и читай прилежно, неутомимо!»*

Чтение образовало философа, предводителя 10 000 греков; оно заменило опытность *Лукуллу;* победитель *Дария* и *Пора* любил заниматься чтением, и великий, по духу, *Катон* читал в последние минуты жизни. *Филопемен*, наследовавший и унесший с собою в могилу всю славу древних греков, охотно, как говорит Плутарх, читал писания военные. «Но,— прибавляет мудрец херонейский,— он особенно любил читать *трактаты философские о добродетели»*. Приостановимся на этом, чтоб начать говорить о *чтении другого рода.*

Книги военные нужны только воину; книги, внушающие преимущественно правила *добродетели*, необходимы всем и каждому. Добродетель можно назвать наукою *быть человеком* в полном значении слова сего. А как, по словам философа *Канта*, нет в мире звания выше и благороднее *звания человека*, то и добродетель, ведущая к сему высокому сану, должна быть первейшею из наук. Горе тому, кого война обесчеловечит! И только тот, кто, ставши *воином*, не перестал быть человеком**, может умереть, смеясь над смертию, как *Регул*; прохо-

---

* Стыдно, говорил мудрый Сократ одному молодому афинянину, домогавшемуся начальства, стыдно и бессовестно искать начальства, не научась быть начальником. Это еще непростительнее, чем вызваться сделать статую, не имея понятия о художестве. Молодой человек, убежденный советами мудреца, тотчас записался в школу, отложа честолюбивые свои замыслы.

** Здесь приятно вспомнить, что в военном Уставе одного из предков благополучно царствующего ныне рода читаем почти следующие слова: «Имей всегда неприятеля пред глазами, а Бога в сердце, карай врагов отечества как воин и помогай ближним как человек!» — Нельзя оспорить, что сила государства состоит в войске, равно как и того, что сила войска в добродетелях воинов. «Где стены Спарты?» — спросили однажды у Агезилая. «Вот они!» — отвечал он, указывая на строи спартанских воинов, которых образ воспитания и жизни довольно известен нам из истории. Умнейшие из политических писателей говорят в пользу военного состояния следующее: «Хороший солдат (в полном смысле сего слова) есть лучший образец порядка, лучший наставник простого народа. Влияние образованных с службою всегда и повсюду приметно над простолюдимством. Но в таком случае служба должна уже быть истинным училищем нравственности. О сем можно прочесть прекрасную книжку Essay d'une morale, relative au militaire français.— Весьма любопытно заметить, что необходимость нравственного образования воина принадлежит к числу древнейших истин: это легко можно доказать выпискою одних только заглавий вышеупомянутых китайских книг, писанных еще до Рождества Христова. Вот некоторые из сих заглавий: 1. О любви и почтении к родителям. 2. Об уважении к старшим. 3. О любви к ближнему, о дружбе, согласии и о том, сколь необходимо единодушие в военных обществах.

дить с веселием знойные пески *Ливии*, как *Катон*, одержать прекрасную над самим собою победу, как *Сципион, и, подобно Эпаминонду, отвергнуть с презрением, из любви к чести и отечеству, груды золота, терпя крайнюю нищету, нищету*, о которой можно воскликнуть из глубины сердца: «Почтенная *нищета*, какое *богатство* может сравниться с тобою!..» Когда искусство предводителя при *Мантинее* увенчивалось уже блистательнейшим успехом, когда *фиванцы* возносили клики победы и неприятели их, незнакомые с бегством, щедрые на кровь и жизнь, уступали, однако ж, поле битвы, смертоносное лезвие копия пронзает внезапно грудь героя. Ты умираешь, знаменитый муж! защитник свободы, спаситель отечества, достойнейший из греков! «Ты умираешь!..» — повторяли в слезах и рыдая друзья Эпаминондовы. «*Мы победили*!« — восклицает великий, не внемля ни стонам, ни жалобам, и, забыв о себе, занимается только участию битвы.— Одна светлая, благородная душа, одна душа добродетельная может так страстно полюбить славу, отечество и сограждан, чтоб и в последние минуты жизни, забывая страдания собственные и смерть, восхищаться только *благом общим!..*

Так, *молодой читатель*! легко и свободно можешь ты научаться теперь из *чтения книг* тому, что во все времена, у всех народов почиталось великим сокровищем: ты можешь научаться добродетели и мудрости! «Я не возьму *ста бочек золота за одну каплю мудрости*!» — восклицал философ *Анаксагор*. «Любящий мудрость, любит жизнь! — говорит *Сирах* (в «Книге Премудрости») и продолжает: — Премудрость сыны своя вознесе»... Да! ничто не может так облагородить и вознести душу, как мудрость, умеющая всегда поставить любимца своего на той *очаровательной точке* зрения, с которой весь мир сей со всем мнимым блеском, шумом забав, громом славы и приманками условного величия покажется ему в истинном, в настоящем виде своем и совсем уже не тем, каким обыкновенно глазам представляется!

Только добродетель и мудрость возводят человека по стезе нравственного образования на ту вожделенную высоту, о которой вовсе не ведают души низкие, которая кажется недосягаемою душам обыкновенным и к которой с восторгом стремятся души великие.— Там только, на сей высокой степени просвещения душевного, он может изумить толпу, сказав с астрономом Кеплером* (и сказав то, что чувствует): «*Я го-*

* Бейль, говоря об астрономе Кеплере, привел слова сии. Стремление к усовершенствованию человека нравственного и чистейшие наслаждения благородной души, по несчастию, вовсе непонятны для тех, которые (по

тов отдать целое княжество за одно благородное чувство!»

Вот до какой степени *нравственного совершенства* может возвыситься человек, человек — сын персти, обреченная жертва могилы! — Дивное смешение видим мы в сем создании. Предается ль вихрям страстей? — Он только перо, летающее по ветрам, легкая ладья, носимая по океану! Захочет ли предаться постоянному руководству добродетели и мудрости? — И в нем же видите вы гранитный утес, смеющийся мятежным волнам, у ног его исчезающим. Таков человек! И к сему справедливо прибавить: такова *польза* заемлемой из поучительных книг чистой нравственности!.. Ею только озаренный может подать нам повод сравнивать себя с сыном лишенного престола монарха, и хотя в низкой доле воспитанным, но и под бедным рубищем имеющим сердце, которое часто (тревожимое какими-то темными догадками) вздыхает об утраченном величии своем.

Но довольно искреннего, живого чувства утраты, чтоб стремиться уже всеми силами к отысканию утраченного. Древние имели один только путь к достижению сего — путь *нравственности*; милосердное Провидение открыло нам другой — кратчайший и надежный — *путь веры!* Да! один этот путь и надежен, и спасителен!.. «Ибо что значат все наши познания, опытность и самые правила нравственности без *Веры*, без сего путеводителя и зоркого, и строгого, и снисходительного?» (Слова К. Батюшкова.) Что такое и самый человек, без спасительного руководства — Веры? Существо бедное, слабое; невольник предрассудков, покорный раб чуждых и мученик собственных страстей*.

Было время, почтенные слушатели! и к чести нашего века, мы едва теперь можем поверить, что было, говорю, время,

---

выражению Саллюстия), живя только чревом, ходят, подобно питающимся травою животным, с поникшею главою к земле, не умея читать будущей участи своей на небесах. Спутники Улиссовы роптали, когда им возвратили образ человека; так ропщут и поныне обесчеловеченные невежеством и развратом, когда спасительная десница Мудрости извлекает их из блата земных, чувственных наслаждений; а Вера указывает блистательную цель, достойную того, кто, увенчан будучи честию и славою, малым чем умален от ангелов!

* Человек без веры всегда готов льстить, потакать и раболепствовать страстям временщиков и сильных, не веря Богу и вечности и не умея терпеть и надеяться. Он готов пожертвовать всеми благами будущего для минутных выгод настоящего. Одна только непоколебимая Вера придает твердость остаться свободным человеком и сохранить доброе имя среди всех искушений света. «Боюся Бога я — и боле никого!» (Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte) — так говорит человек твердый в Вере и надежде на бессмертие.

когда возник совет нечестивых*, алкавших похитить у человека единственную подпору человечества — *Веру* и убить благороднейшую часть существа его — *душу***. У злополучного пловца на бурном море хотели они отнять последнюю доску, отделяющую его от влажной могилы; у бесприютного, бедного странника последнее, заветное сокровище — надежду на лучшую, *будущую жизнь*!

На будущую жизнь, сказал я, ибо ужели для того мы родимся, живем и действуем, чтоб, наполня весь круг земной шумом и славою дел своих, исчезнуть, подобно явлениям воздушным и мечтам пробужденного от сна?.. Чтоб, будучи, так сказать, *душою* целого *мира*, превратиться в бездушные глыбы? О, какая бедная доля была бы твоя, о человек! когда бы ты рожден был только для сей юдоли скорби и слез! Я сравнил бы тебя тогда с огромным кораблем, построенным для плавания на мелководном потоке!.. Тебя, стенящего в железных когтях страстей, бед и напастей, сравнил бы я с *орлом*, которого, лиша быстрых крыльев, отдали на муку злонравным детям. И какое радостное торжество была бы таковая участь твоя *для своекорыстия*, которое никем не дорожит; *для злобы*, которая никого щадить не умеет.— Но, к счастию, к отраде человека и человечества, еще с давних времен доходили до него темные, но радостные слухи, приятные

---

* Большая часть французских писателей XVIII века принадлежат к оному.

** Философы XVIII века, отняв у человека нравственную свободу и надежду на бессмертие, хотели сделать из благороднейшего создания автомата! — Бейль (Tome 1. Des œuvres de Bayle) уверял, что мы живем и действуем по таковому же невольному побуждению, как вертушка, кружимая ветром. Ламетри, вздумав рассматривать человека как статую, наговорил более прочих вздору в своем трактате о душе и в книге (L' homme machine). Приемля средства за причину, он уверяет (стр. 37 и 39), что, например, воображение — способность, обнимающая с равною удобностию песчинку и целый мир, есть только самое простое физическое действие предметов на мозговую перепонку. «Причина памяти, как и самая память, есть простой механизм» — так говорит Ламетри (Traité de l'âme, стр. 7). Сии ничем не доказанные предположения по справедливости достойны более смеха, нежели порицания. Кто прочел, хотя несколько страниц в огромной книге природы (дивной, мудрой, чудесной в законах своих) и кто хоть раз беседовал с собственным сердцем, в тишине страстей, тот ясно увидит всю нелепость суждений остроумцев французских, суждений, приличных в самом деле механическим куклам, а не тем существам разумным, благородным, для которых мудрец китайский Конфуций говорит:

Беспрестанно вперед, вперед стремись,
Хочешь видеть все мира явления,
Расширяй над ними ум свой — и обнимешь их.
Хочешь постигнуть существо вещей —
Проницай глубину — и исследуешь!

(Перев. А. Востокова)

вести о существовании *нового края*, где ждет его лучший, благороднейший жребий!.. «Где твое отечество?» — спросили однажды у языческого философа Анаксагора. «Там!» — отвечал он, указав перстом и очами на небо. Так люди мудрые всех веков и народов имели тайные гадания и сладкие предчувствия о великой *истине бессмертия души**. Ныне мрак гаданий озарился светильником Веры, и бедный страдалец уже не с одним только темным предчувствием, но с полным, ясным чувством надежды взирает на спокойное небо с колеблемой бурями и мятежами земли!.. Одна только *ты*, божественная *Вера*! можешь говорить ныне *страдальцу* то, чего не могла сказать ему никакая мудрость *древних*. *Зенон* и стоики вопияли: «Терпи!»** А кроткая *вера* прибавляет: и *надейся*! Надейся, сын земли! Ибо все доказывает, что есть в тебе *нечто*, чего *земля* ни дать, ни похитить не может! Вот утешительный голос *веры*, вот преимущество *человека*, озаренного *светом небесного откровения*, и вот почему с удовольствием сердечным (и конечно, к удовольствию почтенных слушателей) должен я сказать, что все книги, утверждающие русского в вере отцов его и христианина в спасительной любви к *слову жизни*, не только не забыты, но еще и одно из почтеннейших мест в книгохранилище нашем занимают. Молодой читатель, найдя все, что пригодно для чтения *воину* и *гражданину*, может найти здесь же и чтение назидательное вообще для всех и каждого, и приятное в особенности для *человека христианина*.— Храбрый воин и — добрый христианин! Вот имена, одно другому благозвучие,

---

* У браминов индейских, волхвов халдейских, магов персидских и жрецов египетских, даже у поклонников солнца, огня и агнца главным догматом было бессмертие души. Еще в книге Зороастра находят подобные нашей 5-й заповеди слова: «Чти отца твоего и матерь, да благо ти будет на небеси!» И в отрывке древнейшей санскритской книги Зенд-Авест сказано: «Человек! помни, что все малейшие деяния твои видны Всевидящему.— Странник земли! твоя награда — в небесах!» «Ego sum» (я есмь!) — восклицает Картезий по долгом размышлении о человеке. Человек двойствен (homo duplex),— сказал Бюффон. Новые философы повторили только древнейшие истины, ибо и Анаксарк называл тело футляром души, а Платон еще прежде сказал, что наше Я есть душа, а тело только тень, следующая за нею.— Так говорили и говорят философы, люди ученые, а человек с простым сердцем, с чистою верою взглянет на небо, углубится в самого себя и решительно скажет: «Душа моя бессмертна! Если и не могу уверить в сем неверующего, то еще более не могу не верить сам, что бессмертна душа моя!»

** Когда злополучие загремит над твоею головою, говорит Гораций, закутайся в свою добродетель и ожидай ударов рока. Поэт повторил слова философов-стоиков.

блеск и цену придающие! *Густав Адольф**, *Евгений***, и наш *Великий Петр*, и наш незабвенный *Суворов* были истинные герои-христиане. Оба первые любили услаждать душу, беседуя с *духовными писателями* и под шумом оружия и в ратных шатрах. Судьба битвы под Полтавою, подобно великому побоищу на полях задонских, решена силою меча и креста. *Димитрий* и *Петр* освятили все свои подвиги — подвигами веры. «Когда все полки чинно уряжены и все воины и богатыри русские готовы были, Великий Князь, сошед с коня, пал на колени пред *образом Христовым*, на *хоругви черной* большого полка написанном, и начал из глубины сердца моление». Государь-полководец преклоняет колена пред очами бесчисленных строев благоговеющего воинства в те полные священного ужаса мгновения, когда судьба державы его, судьба целого народа русского возлагается на зыбкие весы счастия... Какая величественная картина! «Воззрите на древние роды и видите, кто убо верова Господеви и постыдеся?» — так восклицал Димитрий, обращаясь к воинам по совершении моления своего. «Верующим все возможно!» — говорил и *Петр* под Полтавою, приказав окроплять *святою водою* войско, выступавшее из окопов в поле***. Вера подкрепляла венценосного героя на гремящем поле битвы, и *она же* проливала небесное утешение среди грустного безмолвия унылых чертогов в цепенеющую грудь возлежавшего на смертном ложе.

«На мне теперь можно видеть, какое бедное создание человек!» — так говорил томимый лютым недугом Петр**** и желал *светильника* веры, чтоб сойти бестрепетно во мрак могилы.— А герой италийский не ознаменовал ли пламенной приверженности своей к вере отцов на каждом шагу тернистого поприща жизни? Поседелый среди борения с врагами отечества и *собственными*, считая наружный блеск только *позолотою* скрытых горестей и видя ясно, по собственному опыту, что жизнь, и лучшими почестями украшенная, есть только *труд, болезнь* и *страдание*, с чувством пламенной веры, восклицал он: *«Отдых души — у престола Божия!»*

Вот, почтенные слушатели! вот чувства и мысли, невольно излившиеся при обозрении тех *разнообразных сокровищ*, которыми может пользоваться военный читатель в *книгохрани-*

---

* Густав Адольф любил особенно чтение Библии.

** Благочестивый герой сей возил с собою всегда, во всех походах, книгу Фомы Кемпийского.

*** Из «Русской истории», вновь издаваемой Сер. Ник. Глинкою, почетным членом Общества военных людей.

**** Смотри (в особой летописи) подробное описание кончины Петра Великого.

лище нашем.— Но не одними только *книгами* предоставлено здесь пользоваться военным любителям просвещения. Вместе с учреждением библиотеки составилось при оной, под ВЫСОЧАЙШИМ покровительством, и *Общество военных людей.* О занятиях его упомянуто уже в прочитанном пред сим *отчете.*— Пользуясь неоцененною свободою *мыслить* и *судить*, члены Общества, по свойственной военным людям откровенности, всегда судили и мыслили, так сказать, *вслух.* Истина не знает тайного, *подручного шепота*; она любит говорить откровенно и смело. Заметим, однако ж, что взаимная откровенность не коснулась у нас ничьей личности. Это, конечно, оттого, что общество положило себе неизменным правилом, при всех своих беседах, помнить, что великое есть различие между словами *рассуждать* и *осуждать* и что *остроумие* совсем еще не то, что *благоразумие.*— Почтенные посетители могут уже найти здесь труды *годовых занятий Общества**. Здесь же, без сомнения, обратят на себя их внимание и другие, совершенно достойные любопытства и замечания *предметы.* Не стану распространяться о предметах сих, ибо, по достоинству своему, они сами за себя говорят слишком красноречиво**. Я уверен, что любопытство почтенных посетителей с удовольствием все сии предметы обозрит и особливо на помещенных в книгохранилище сем *картинах* приостановится***.

Содержание оных приятно для всякого русского и, смело можно сказать, восхитительно для каждого участника в достопамятных подвигах незабвенного времени, ибо *они* представляют кровавые, но вместе и славные явления, ознаменовавшие Отечественную войну и заграничные походы. Малейшие случаи пробуждают в нас часто важнейшие напоминания. Человек, кажется, едва удостоивает вниманием быстрое мелькание *часов настоящих* и, напротив, с каким-то тайным удовольствием любит переноситься в *прошедшее* и, так сказать, *протяжно наслаждаться* приятностями оного — *воспоми-*

* Здесь представлены были почтен⟨ным⟩ посет⟨ителям⟩ 8 книжек «Военного журнала» и труды гг. свиты ЕГО ИМП. ВЕЛИЧ. офицеров Гвардейского штаба, которые все, любовию к чтению и ученым упражнениям, доказывают на самом деле (и несравненно убедительнее, нежели слабая речь моя), сколь приятны и полезны науки и книги просвещенным военным людям.

** Предметы, достойные особого внимания в доме Гвардейского штаба, суть: 1. Небольшой, но разнообразный и с особенным вкусом устроенный Арсенал; 2. Прекрасный образец корабля с подробным описанием всех частей оного; 3. Типография и 4. Литографическое заведение.

*** Картины, изображающие различные сражения отечественной и заграничной войны, писаны с особым тщанием г. Гереном.

наниями. «Воспоминанием живет душа моя!» — говорит один из пиитов наших. Благо тому, для кого напоминания составляют еще отраду душевную, счастие жизни!.. И сколь приятно сказать мне здесь, что таковое счастие есть неотъемлемый удел ваш, благородные *воины русские*!

С каждым взором на прошедшее открываются для вас прекрасные величественные картины, картины полей, на которых сражались, и гремящих боев, в которых победили. Приятно воспоминать пловцу о минувшей буре! — говорит певец Улисса. Но сколь несравненно еще приятнее воспоминать вам, достойные сыны России! и бури, которые уже прошли, и славу, которая никогда пройти не может. Восхищенный и сам сими воспоминаниями, усугубленными еще ныне при виде столь многих участников в спасении отечества, и при одном воображении: где мы *были* и что *делали* в сем же месяце и в сии самые дни (ровно за *пять* пред сим лет) — и невольно готов уступить непреодолимому желанию говорить о славе и ужасах того времени, о незабвенных подвигах россиян. Сильнейшему порыву восторга, пламенной ревности моей припишите, почтенные слушатели! и малое внимание к *обязанности* удовлетворить вполне заглавию рассуждения сего*, и великое стремление, оставя все прочее, вместо описания картин подвигов и боев частных, обновить в памяти вашей блистательнейшие черты картины общей, великой картины войны, прославившей Россию, изумившей вселенную! События несчастные предшествовали благополучнейшим, но и в самом несчастии находим мы сладость, воспоминая, до какой степени возвысило оно пробужденные души и каким блеском озарило народ и воинство.— На тернистом пути испытания угодно было поставить нас Провидению, и мы устояли на трудном пути сем!.. Помните ли дни сетования и бед, когда, казалось, весь *запад* двинулся на нас войною? Ожили и зашумели от кликов ратей дремучие леса литовские; поникло веселие в плодоносных краях Волыни. От Одера до Вислы и Немана, на широкой полосе между морем Балтийским и реками полуденной России гремели кровавые бои; сверкало оружие среди зреющих класов, исчезали последние надежды поселян вместе с дымом сгоравших городов и селений; и мир, тишина и счастие с трепетом убегали от жилищ человеческих. Ясное дотоле небо облеклось мрачною пеленою скорби**. Казалось,

* Желая удовлетворить вполне заглавию, следовало бы столь же подробно говорить о всех предметах книгохранилища, как говорено было о книгах.

** В первые дни вторжения французов небо обложено было густыми тучами и проливные дожди шли беспрерывно.

самое даже солнце не хотело освещать мгновенного торжества надменных иноплеменников и глубокой печали Русской земли.— Шаги врагов быстры и шествие их опустошительно! Скоро *Двина* и *Днепр*, родные реки наши, уже стали *не нашими*! — Грозно переступила война за *древние рубежи* России, и страшно загремело оружие на стенах и в мирных окрестностях *Смоленска*. В глазах ваших, почтенные воины! запылал, разрушился и сотлел сей древний град российский! Успокоенные воды Днепра не отражали уже более вековой красоты высоких башен его! С каждым днем громы военные становились все ближе и слышнее. Мирный поселянин невольно ронял из дрожащих рук *серп* и *косу*, изумленный отдаленными отзывами незримой еще грозы. И люди счастливого поколения, возросшего в тишине и беспечности, с ужасом увидели посинелые трупы и кровь человеческую на цветущей зелени спокойных долин!.. Уже и *Дорогобуж* и *Вязьма* (древнейшее достояние России) застенали в руках иноплеменников.— Вы помните, с каким унылым чувством смотрел усердный русский воин, с высоты *Бородинских* окопов, на повседневное умаление своего отечества, на повсечасное расширение могущества супостата, на цветущие поля своей родины, окуренные дымом; на обильные жатвы, потоптанные конями врагов и обагренные кровию братий!.. *День* представлял ему плачевные картины опустошения; *ночь* — пространные окрестности, объятые пламенем, и свод небесный, облитый багровым заревом неугасимых пожаров!.. Он видел, как отдаленные города курились; ближние веси пылали; вековое спокойствие *могил* нарушалось *дерзостию*, а священные алтари и храмы опозорены *нечестием*.— С горьким чувством прискорбия отвращал он слух и очи от стенящей *земли*; но напрасно возводил их к безмолвному небу: оно требовало *умилостивительной жертвы*!

Вы, холмы и равнины Бородинские! вы были *алтарями*, на которых воскурилась сия великая жертва, жертва кровавая, но необходимая! — Брега и воды *Москвы* и *Колочи* обагрились кровью, и солнце померкло от тучей дыма и праха и пара кровавого в тот решительный день битвы, когда с гремящих холмов сверкали во мраке молнии, алчная смерть пожинала *тысячи храбрых*; твердь небесная содрогалась от треска и грома; и поля воздыхали под тяжестью ратующих! Мы отдали врагу поле битвы, но не победу; оставили ему древнюю столицу царей, но предводимые мудростию поседелого в войне и опытах *Кутузова*, мы унесли с собою честь и надежды на высокие холмы незабвенного *Тарутина*. Там, над светлыми струями *Нары*, озаренными блеском тысячи

ясных костров, среди песней военного веселия, занялась первая заря свободы и радости опечаленного отечества.

Помните ль *чувство*, блеснувшее, как молния, в сердцах вождей и воинов, когда в первый раз, в виду пылавшего *Ярославца*, пред рассветом веселого утра пронеслась по стану крылатая весть, что бич и губитель России *бежит*!.. «Он бежит!» — повторили вожди и воины, и тысячи двинулись по следам бегущего. Ни долгие холодные ночи, ни влажные осенние бури, ни скользкие пути непроложенные не могли остановить пламенной ревности храбрых. Они шли и *разили*, исторгая родные города и села из хищных рук иноплеменников. *Светило дня* взирало на россиян побеждающих, а *звезды ночи* зрели их, идущих к славе и подвигам без отдыха и пищи*. И что значили тогда *сон* и *хлеб*, необходимые потребности жизни, когда и самая *жизнь* с такою охотою приносилась в жертву победе и отечеству? Кто (вы тому свидетели сами), кто думал в те дни о трудах и опасностях? И *смерть*, даже смерть, потеряла для вас весь ужас свой, ибо сделалась вернейшею вам путеводительницею к *бессмертию*... Но вспомните, какими неслыханными ужасами сопровождалась погибель надменных супостатов наших! Я, как будто в сию самую минуту, вижу то печальное осеннее небо, на котором ничего не могли прочитать возведенные к оному очи отчаянных, кроме неминуемой своей гибели. Я вижу железную землю, скользящую под шаткими стопами томимых нуждою и голодом. Вижу глухие леса, пугающие черною тению своею питомцев роскошного юга. Где девалась бодрость? где прежняя надменность сих мнимых героев-завоевателей? — Увяли лавры; сокрушено оружие; растерзаны бурями знамена, и даже самый образ человека утрачен!.. Они бродили как страшные привидения, наполняя пожженные ими окрестности диким воем отчаяния. Кто не помнит, как толпы сих *живых мертвецов*, окружая догорающие развалины селений или зарываясь в горячий еще пепел, сами себя медленно сожигали и голодающим товарищам своим пищею служили?** Люди пожирали людей!.. Все чувства возмущаются при воспоминании страшной картины столь общей гибели целого воинства, целого вооруженного народа!.. Смерть являлась там во всех возможных видах и ужасах. Злость, отчаяние и бешенство,

---

* Эта мысль заимствована из прекрасного стиха «Светило дня и звезды ночи героя видят на коне!» Ивана Ивановича Дмитриева, которого почтенное имя украшает список почетных членов нашего Общества.

** Смотри записки г. генерал-адъютанта Сипягина: «Военный журнал», книжка 1.

глубоко изображаясь на лицах умирающих, ужасно обезображивали умерших! *«На их лицах не успевало водворяться и спокойствие смерти»***. Обломки колесниц и снарядов; разметанные трупы коней; пушки без грома; оружие без блеска; и тысячи тел разноплеменных народов без могил — вот что устилало широкий путь славы, путь чести и победы, по которому бодро, под веяньем священных знамен своих, проходили счастливые россияне!..

Так, почтенные воины! редко чье счастие может сравниться с вашим: вы сражались не так, как двадесять враждебных вам народов, из рабского повиновения самонравному тирану,— вы сражались — за *души* и *законы* ваши! Прилежно работали вы отечеству и верно служили и *прямили*** Царю. Неумолчно гласить будет слава о стяжанной вами *чести*; не умолчит справедливая История и о трудах, подъятых вами. Вы не меньшим против врагов ваших бедам подвержены были, только несравненно с большим мужеством перенести оные умели!.. И вы проходили не по розам и отдыхали не на мягком пуху... И вас сопровождали в денно-ночном походе вашем вьюги, метели, холода и морозы; и вы должны были сражаться с непостоянством стихий и одолевать лютую стужу! На сырой земле было ваше *ложе*; у полевых огней — *пристанище*; вода, зачерпнутая горстью из мутного протока, утоляла жажду; а черствый хлеб нередко считался драгоценностью!.. Далеки были от вас теплые кровы жилищ гостеприимных, и в страшные морозы согревались вы только в пылу жарких боев!.. Вы стоили награды за толикие труды и победы свои, и венценосный сослуживец ваш, великодушный АЛЕКСАНДР, изобрел награду, достойную благородных сердец ваших. Отметая все тленные корысти, вы желали одной *чести*: МОНАРХ наш доставил вам редкую, единственную честь — честь быть *освободителями народов*!

Редко, в течение многих веков, дарует Провидение людям счастие сражаться за свободу родной страны и за права угнетенных соседей! — Вы вполне насладились сугубым сим счастием, воины русские!.. Вас называет спасителями своими торжествующее отечество, и вы же подали руку братской помощи народам плененной Германии! За то благословение народов сопровождало вас повсюду: от развалин *сожженной Москвы* до стен *помилованного Парижа*... Да! вы были

---

* Это прекрасное выражение принадлежит почтеннейшему А. С. Шишкову. Именем его украшен список почетных членов Общества нашего.

** Служить и прямить — выражение, заимствованное из древних русских грамот.

в стенах роскошного града сего, и показали *собою два чуда*, забыв в покоренной столице врагов все сделанное вам ими зло и не позабыв, среди цветущих стран иноземных, оснеженных полей своего отечества! Пусть ищут подобной славы у греков и римлян; но где найдут подобное *великодушие*? Покорители *Трои* повезли великие добычи в Элладу из Фригии; завоеватели Азии источили все злато из недр ее... Но — не так поступали (хотя так же победоносны были и те же права имели) воины русские!.. Не звенит золото чужеземное в домах наших; не блестят на женах и девах русских одежды богатые, похищенные кровавою рукою победителей в градах и весях побежденных.— *Бедны*, но *славны* возвратились вы в свое отечество!.. Ваши добычи — лавры; ваши корысти — признательность спасенных держав; а ваши сокровища — безупречная совесть, чистые дела и сладкие напоминания! Так наслаждайтесь же, великодушные, сими неоцененными сокровищами: их не разрушат *стихии* и не поглотит их всепожирающее время!.. Наслаждайтесь вам данными благами и благоговейте пред Всевышним подателем оных!.. В сем да позволено будет нам подражать столь же скромному, сколь и могущественному МОНАРХУ нашему, который, хотя и победил народы мечом и пленил их благостию;

Но, *проложа себе к бессмертию дорогу,*
Всю славу громких дел, с смиреньем, отдал Богу!..

...Я спешу кончить, чтоб принести почтенным *слушателям* благодарность за внимание и усерднейшее извинение, если невольно утомил оное.— Я осмелился говорить о *пользе чтения* пред теми, которые и сами все читали и весь читающий свет столь знаменитыми произведениями пера подарили! Я говорил о *добродетели* тем, которые на поприще гражданского служения делами *мира* и *правды* и на славном пути от *Оки* до *Сены* доказали на самом деле пред очами Бога, Отечества и народов Европы, что значит *добродетель* во всей ее красоте! Но — я решился говорить о предметах высоких и важных только по единой уверенности, что искреннее усердие всегда находит *защиту слабому дарованию* в великодушном *снисхождении*. Искренность усердия и слабость дарования — с моей стороны; великодушного ж снисхождения ожидаю от вас, почтеннейшие посетители, благосклонные слушатели!..

ЛУКА ДА МАРЬЯ,

народная повесть, сочиненная Федором Глинкою

К сельским чтецам, деревенским грамотеям

Не по правде называют вас безграмотными, добрые русские крестьяне! Аль не вы писали грамотки, наставления отцовские ко сынам своим орлам-молодцам, к храбрым русским солдатушкам, как за тридевять земель от нас они бились за Российский край? — И до чтения охочи вы, лишь бы было чем потешиться!.. Кто из вас не ведает Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича? И про многих других сильных витязей и могучих богатырей и читали вы, и слышали в сказках, приказах и россказнях. По мне, что ни говори, а право, весело, хоть бы так, примерно сказать, осенью, убрав порядком хлеб в гумны, тогда, как уж некуды ни выйти, ни выехать, как на дворе слякоть да завируха: то рубит частый косой дождик, то гудет и завывает вихорь, крутя лист и солому,— и попросту молвить,— света Божьего не видно,— весело, братцы, говорю я, сидеть под этаку-то пору в теплой избе за ковшом пенной браги и, поглаживая окладистую бороду, слушать да послушивать, как кто складно да ладно читает хорошую сказку!.. Вот ради такого-то случая и написана вам, деревенским грамотеям, сказка про Луку да Марью.— Пусть себе недобрые люди нерусские болтают: «Серокафтанники-де не поймут, не сразумеют!» Пустое! Ведь и у мужика хоть армяк сер, да ум-то никто у него не съел! А коли вам сказка сия и впрямь по нраву придет, так мы выпустим ее и с лишними фигурами (с размалеванными картинками). Расскажу притом вам тогда вдобавок и в забаву еще о царях, королях, сильных могучих богатырях и далеких царствах. Расскажу и о том вам, православные, как наслал Бог беду на святую Русь: что как пришел к нам злодей с воинством бесчисленным и привел с собой рать, силу великую — видимо-невидимо!.. Как спа-

лил и помел он старинный град Смоленск и пошел, потянул змей змеем — к Белокаменной. Подходил он с громом пушечным, словно туча, туча грозная!.. Как колышет ветер нивушки, колыхалось войско вражее: он грозил, супостат, разорить Москву и пустить на дым храмы Божие! — Ох! была-то беда — да минулася... Подкрепил Господь православных род! И наш царь-государь отплатил врагам: не пожарами и не казнями,— отплатил он им — милосердием! — Вот именно что и еще кое-что другое и разное иное расскажу и сообщу вам, други любезные, деревенские чтецы-молодцы! коли только сия первая сказка (про Луку да про Марью) вам полюбится и по селам на досугах прочитается!..

Глава 1

МОЛОДЫЕ ЛЕТА И ЖЕНИТЬБА ЛУКИ

На святой, коренной Руси в Замосковском краю, в оброчных деревнях князя Милосердова, в большом селе Хлебородове жил, своим домом, честный крестьянин Терентий со женою своею Матреною и с малым сыном Лукою. Живучи Терентий 65 лет и предав земле сожительницу, переставился, а оставил по себе наследником одного Луку.— По десятому еще годочку остался Лука, сын Терентиев, сиротинкою, и пристал он к дяде своему Сидору, славному плотнику. Дядя начал учить его своему ремеслу, приговаривая: «Ремесла за плечьми не носишь, а с ним везде добро». Племянник был ма̀лой понятный: молился Богу усердно и работал прилежно. Сперва топор показался ему и невесть как тяжел, а там, как обык с топором справляться, так вертел им, словно перышком.— Один грех водился за Лукою, что часто начинал рубить бревно не подумавши. «Эй, племянник,— говаривал тогда дядя его Сидор,— помни мой завет: семь раз смерь, а раз отрежь! Ведь поспешить — только людей насмешить».— Лука был послушлив и скоро прослыл великим мастером рубить и вытесывать. Не в долгом времени, зашибая копейку мозолевым трудом и сберегая деньгу про черный день, Лука построил себе избу с красным окном и щитной двор кольцом с решетчатыми воротами.— Тут взял он благословение от дяди, нанял батраков (работников) и зажил в дому своем, сам хозяином.— Старые люди говорят: «Кто к Богу прибежен да к работе прилежен, у того дом всегда богат!» Лука был достаточен, а редко был весел. На что-де, думал он, и богатым быть, коли есть богатство, да нет с кем поделить! «Недобро жити единому!» — говаривал приходской священник Луке.

«Что не женишься, Лукаша?» — баяли ему соседи, поглядывая на дочерей своих, девиц белолицых и румяных, как маков цвет. «Суженого конем не объедешь! — отвечал Лука.— Когда придет час воли Божией, тогда-то тому делу и быть!..» Так жил да поживал молодой плотник Лука, как вдруг однажды зашумело по селу: «Господа наши едут, князь со княгинею!»

Князь же и в самом деле, объезжая свои вотчины, заехал и в оброчное село Хлебородово. Тут были у него старинные хоромы с высокими крыльцами, где живали еще отцы и предки его.— Крестьяне собрались на сходку и пошли поздравить господ, как водится, с хлебом да солью. А после добрые господа крестьян своих на званой пирушке потешали. Расставляли столы широкие, застилали скатерти белые, угощали медами и брагою.— По обеде же крестьяне пели и водили хороводы по-старинному. Девицы с молодцами плясали рука об руку. Господа смотрели да радовались, а горничная девушка Маша также поглядывала из-за господ на игрище. «Поди-ка ты, Машенька! — сказала, оглянувшись, княгиня,— попляши с мужичками: ведь они у нас все добрые люди!» Что барыня велит, то свято. И Маша-горожанка закружилась, веселясь, с поселянками.— Вот поют и пляшут, и пришлось в хороводе, чтоб одной девице быть красавицей и надеть венок на милого. Приветливые плясуньи тотчас поднесли васильковый венок Маше. «Ну кому ж быть милым ее?» — сказала княгиня. «Кому, как не Луке? — подхватили все в голос.— Он у нас и хорош, и пригож, и достаточен!» Лука в самом деле стоял, избочась, молодец молодцом: в синем кафтане с красной подпояскою; лицо словно писаное, а на голове шляпа пуховая с золотым павлиным перышком!.. Маша надела венок на шляпу Луке и застыдилась... Сильно забилось ретивое у Луки, доброго молодца. Все пошли со двора припеваючи, а Лука призадумывшись. Что ж это сталось с тобою, Лукаша, детинушка? «Всех недугов злее хвороба — то сердечная зазноба!» — так говорят пожилые люди. Лука за топор — руки млеют! Лука в избу — пустырь пустырем! Дома тошно, а в людях невесело. Взглянет на красное солнышко — туманно; на ясное Божие небо — печально! Ах, худо быть жителю без сожительницы!

Три ночи сряду снилась ему Маша. Вдруг понадобился на боярском дворе плотник, и Лука, не дожидаясь приказа, полетел с топором и с пилою. Лука работал от зари до зари, а часто всю ночь напролет! Он не знал ни прогулки, ни отдыха, так, что господа и вся дворня дивилися. Подумаешь: кто б его принудил? Да недаром ведется пословица: воля пуще неволи! — Дело мастера боится, и работа кипела в руках мо-

лодого плотника. Однажды княгиня сказала: «Маша! Поднеси-ка Луке гданской водки из хрустальной позолоченной рюмки».— «Спасибо, матушка, ваше сиятельство! — отвечал Лука.— Я еще водки отродясь к губам не подносил».— «Добрый ты человек, что не пьешь крепкого; ну так попотчуй же его сладким ставленым медом из серебряного кубка!» Тут Маше будто кто крылышки подвязал: порхнула к погребу быстрой касаточкой и вот выплывает из погреба белой лебедушкой, с большим размалеванным подносом в руках, а на том на подносе в засмоленной бутылке старый мед глядит и посвечивает сквозь плесень и мох, словно чистый янтарь!.. На том же подносе и серебряный кудрявый кубок, изнутри позолоченный. А кубком тем пожаловал еще Великий Государь Петр Алексеевич, помнится, родного дедушку князя скоро после того, как погромили шведов под Полтавою.— Маша наливает в кубок не скоро, чтоб меньше было пены, а больше меду, и подносит Луке, усмехаючись... В сердце окошка нет, а все видно!.. Маша давно смекнула, что Луку заполонила. Но любовь любовь же родит: и у самой Машеньки занывало сердечушко. Закручинилась девица, как без дождика травушка; стосковалась красавица, как голубка без голубя!.. А Лука наш? — Бедный Лука! Выпил питье ты холодное, а стало горячо, горячо в груди!.. Разгорелось, распылалось ретивое, как огонь в сухой траве!.. Зашатались под Лукою ноги скорые, помутились его очи ясные!.. Не от хмелю опьянел Лука: опьянел молодец от зазнобы сердечной! Лишь до дому дошел, так и слег в постель.

Долго будет говорить, как деды-знахари досужие и бабушки-ворожеи смышленые молодца Луку отхаживали. Призывали попа и со причетом, пели молебны, спускали воду с креста живоносного и теплили свечи пред иконами.— Тем часом тетушка Тарасьевна, старуха не проруха (знать, сам Бог ее надоумил!), проведала кручину сердечную и обещалась пособить горю. Недосуг мне, добрые люди, рассказывать, как и сколько раз она на господский двор ходила и что барыне княгине и красавице Маше говаривала. А сказать не сказать, так уж разве пословицей: «Сколько веревку ни вить, а концу все как быть, так быть!» Милостию Божиею и волею господскою благое дело совершилося. Вот веселым пирком, да и за свадебку!.. Маше надели сперва золотую повязку да ферези и повели к венцу. А там уже пошли своим чередом и как водится обряды свадебные. Расплели красавице девичью косу, убрали голову нарядным кокошником и начали люди называть Машу Марьею. И стала разумная Марья домовитой хозяюшкой, скоро всему научилась: и жать, и ткать, и прясть, и за коровами ходить, и сметану копить, и масло пахтать. Скоро-то сказка

сказывается, да не скоро дело делается. Проходит год, проходит два, проходит три, проходит четыре, проходит пять лет, а может, прошло и более.— Маша породила детей и взлелеяла. Старший парень Сережка, полный, словно огурчик, бегал в пестрой рубашечке с косым вороточком, а две девочки, Наташа и Малаша, увивались около матери, как пташечки. Раз прослышалась в околотке оспа. Все крестьяне ну выть в голос над детьми своими, а Марья, смеючись, побежала к уездному лекарю, поклонилась ему шитою браною ширинкою и просила привить ее детям коровью оспу*; лекарь, добрый человек, тотчас приехал в село; а крестьяне (неразумные!) не давали и прятали детей своих. И пошли их дети, после оспы, то рябыми, то калеками, а Марьины детки, словно маковы цветочки! — Так-то поживал Лука семьянином. Но недаром старые люди бают: век сжить — не поле перейти; на веку всего много. Ох! Не заглохла бы нива, коли б не поросла на ней крапива! Не смутился б светлый колодезь, коли б не втекла в него грязная вода! Не погибло б наливное сладкое яблочко, коли б не обсели его голодные черви!.. Не погиб и наш бы честный Лука, коли б не сдружился он с нечестными людьми. От девяти больных овец девяносто болеют! Искусили Луку нечестивые! — О! Проплакать тебе ясные очи твои, Марья разумная! Натерпеться вам холоду и голоду, детушки бедные! Опустеть тебе, светелка богатая! От негодного пастыря погибает все стадо; от распутства хозяина страдает семья!..

Глава 2

ЧЕСТНОЙ, ДА НЕОСТОРОЖНЫЙ ЛУКА ПОПАЛ БЫЛО В БЕДУ НЕМИНУЧУЮ И ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ЗАГУБИЛ ДОБРОЙ ЖЕНЫ МАРЬИ И МАЛЫХ СВОИХ ДЕТУШЕК. А БЕДУ БОГ НАСЛАЛ НА НЕГО ⟨ЗА⟩ ТО, ЧТО ПРЕДАЛСЯ ОН ПЬЯНСТВУ И ПОВОДИЛСЯ С НЕДОБРЫМИ ЛЮДЬМИ

«Со избранными избран будеши, и со строптивыми развратишися». Добрые поселяне! Мир крещеный! Народ православный! Нередко слышите вы словеса сии по церквам Божиим: да не прейдут они мимо ушей ваших! От сих-то, может быть,

---

* Коровьею оспа сия именуется потому, что довлеет взимать ее от коров. Лекаря в этом деле смышлены и знающи, коровью оспу прививают и грудным ребятам. Дети в сей оспе как здоровые: не горят, не болеют, не слепнут, не мрут, не рябеют. А другая (непрививная) — то оспа лихая и злая! — после сей прививной на ребят только зубы грызет, а к ребятам пристать уж не смеет. Знайте про то и ведайте, люди добрые, и держите себе на уме это, православные!..

священных словес пошла в народе простая поговорка: «С кем поживешь, тем и прослывешь!» Полюбилось Луке проживать под зеленою елкою, и прослыл он горьким пьяницею!.. А как и почему приключилось ему несчастие, сие увидим из рассказа далее.

На беду селу Хлебородову проявилась в нем сперва записная выставка по воскресным дням, а потом, невдолге, и целый кабак! Сущее людям искушение! А беда ведь беду родит: откуда ни возьмись к искусу и сам искуситель: не гадали добрые люди и не думали, вдруг приехал из Польши некрещеный жид Янкель. Он заехал сперва в город и выпросил у барина позволение жить в селе его Хлебородове, будто затем, чтоб дело делать: разными травами сукна красить; а приехав в село, нанялся в целовальники. И почал неверный кутить да мутить. Он сыропил вино ключевой водой и клал в бочки мыла для пены, а папуши табаку для крепости.

За стойкой еврейка, в золотой глазетовой телогрейке и с жемчужным ошейником, стрекотала сорокою и обмеривала крючком, подталкивая, чтоб вино проливалося в таз и в ендовку.— Напрасно приходской поп, отец Поликарп, говорил поселянам и наказывал: «Эй, миряне, миряне! Не ходите к жиду некрещеному, не губите в вине православных душ».— Крестьяне липли к кабаку, как мухи к сметане. В кабаках же исстари добра не водилося: в головах у пьяниц кружилось, а на сердце тошнило.— Год прошел, кажись, немного, а село Хлебородово уже обесхлебело, а ухлебился один целовальник жид! — Как приехал злокоман, был он тонок и сух — спичка спичкою. Всякому встречному и поперечному кланялся, снимая шапку и с ермолкою; а прогодовавши, чужим хлебом отъелся и стал ходить Янкель, заложа руки за пояс, увалень увальнем. Мало на кого еврей смотрит и ни перед кем уже шапки не заламывает.

«Люди все ходят да ходят в кабак, а мне кто ж не велел? — так подумал однажды Лука.— Сем-ко, пойду!» Да пошел и попал Лука в кабак, словно пташечка в пленку аль как мышка в ловушку!.. Только завидели Луку из питейного, вдруг окружила его вся паленица кабачная. Жид Янкель встретил гостя нежданного со жидовкою Хайкою. И взяли нехристи Луку под руки и посадили за стол на почетном месте. Жид Янкель рассыпался мелким бесом, а жидовка, лукавая Хайка, стрекотала без умолку, приговаривая: «Пейте, добрые люди, пейте: нынче и курица пьет!» Луку угощали сперва пивом да медом, а там рассыченною водкою — все безденежно. Упился Лука, еле жив, и то сталось с ним на веку еще в первый раз!.. Проводили его хмельного до дому подлипалы, обакульщики.

Лука пришел домой поздно и повалился, не перекрестясь, как овсяный сноп!

На другой день жидом не нахвалится! — Марья сказала что-то противное, и Лука с женою рассорился и побрел повеся голову размыкать горе — в кабак. В кабаке наелся с похмелья соленого и запил опять водкою. Так он всякий день ходил да пил и свои денежки как сор сорил!.. А денежки-то его были не найденные, не дареные — трудовые, потовые, мозолевые!.. А чего не пропивал, то у пьяного побратимы, подлисившись, выманивали! — И скоро обобрали Луку, как липочку!.. Перестал Лука топором стучать, и с тех пор он стал как чужой в дому.— Одна заря приведет, а другая выведет: ложится поздно, уходит из дому рано, да только не к добру, не на работу, а на пьянство, на буянство и на пагубу — в кабак!.. Пьянство ж до добра не доводит: вот опух, обрюзг Лука, и дрожал он, как Каин аль осиновый лист!.. Волоса на голове свалялись, словно войлок, лицо наморщилось, щеки опустились, и глаза стали нечисты и накипели кровью, а под глазами от пинков и побоев всегда было сине.— Обезумел Лука от хмеля, да в оборванном кафтане, растрепа растрепою, в растоптанных лаптях скитался пьяница, как дурак, по чужим деревням, по околицам. И мальчишки, ребятишки, выбегая на улицу, глумились над Лукою дураком, травили пьяницу собаками и швыряли в него швырками и палками... Вот, добрые люди, вот до чего доводит распутство и пьянство!..

Глава 3

ГОСПОДЬ БЕДУ НАСЫЛАЕТ, И ГОСПОДЬ ЖЕ ОТ БЕДЫ СПАСАЕТ. МОЛИТВОЙ И ПОКАЯНИЕМ ОЧИЩАЮТСЯ ГРЕШНЫЕ ДУШИ

Лука, бродяга, бродил не день и не два: он скитался, как шальной, два месяца! Запил и пропал, легко ль сказать, еще перед великим днем, а сыскался домой насилу около Вознесения Господня. Пришел он восвояси с вечера и не показался в избу, а завалился спать в сарае.— Назавтра проснулся — и грустно стало Луке! Он вышел из сарая раным-рано и присел на брусу недотесанном.— На дворе было тепло и весело. На погодном небе занималась заря утренняя. Высоко во поднебесье пели звонкие жаворонки, по кустам щебетали малые пташечки, а над быстрою речкою свистал соловей, заливаючись. Всякая тварь на земле обычным гласом своим хвалила милосердого Господа.— Лука задрожал, как на морозе, и пал ниц на сыру землю. Потекли из глаз его слезы горючие, и стало от того полегче на сердце. Тут начал он, оборотясь к храму

Божию, молиться молитвою усердною. И стоит, не ворохнется, три часа битых голыми коленами на песке, словно вкопанный.

Марья давно мужа-бродягу завидела, но подкравшись тихонечко, ведя за руки с собой детушек, не мешала ему молиться и каяться. Лука, домолясь, оборачивается и видит жену огорченную и своих детушек-малюточек плачущих...— Всяк догадливый догадается и смышленый сам всяк домыслится, как журила жена добрая мужа-пьяницу беспутного. «Посмотри только,— говорила она после многих слов,— посмотри на зверков и на пташечек: вот голубка и касатотка совивают теплы гнездушки! Горностай и бела ласточка не кидают своих норочек. И прилежны, домовитые муравьи сбирают зернышки: по соломинке, по крошечке всё приносят в муравейник свой. Один ты лишь, ох Лука! лишь ты все украдкой тащишь из дому и бежишь от нас, как полуночный тать! Черный коршун, звери лютые покидали ль малых детушек?.. А Лука, ох, горе бедной мне!» Та́к мешались речи умные со слезами Марьи горестной! Не напрасно слезы падали, и услышал Бог моление. Воздохнул Лука и вспокаялся!

Добрая Марья повела мужа домой, истопила баню, дала ему белую рубашку, расчесала гребнем буйную головушку и вынула новый, далеко в кубле запрятанный кафтан.— Лука покаялся, ну словно как переродился! — И пошел он с женою и детьми к отцу духовному. Отслужили сперва молебен в церкви, а там отпели панихиду над могилами родителей; окропили дом святой водой — и почила благодать над ним! После сего боялся уже Лука кабака, как смертного греха. Опять стал работать, опять зарабатывать, и пошло все по-прежнему в доме, как у добрых людей. Так-то стал Лука жить да быть и добра наживать! — Не пора ли и мне уж рассказ сей кончать? А рассказ мой не сказка, не присказка, а сущее дело бывалое.

Рассказал же я сие Всемогущему Богу во славу,
Вам, добрые люди! в забаву;
И вам, мирные миряне!
Государевы и боярские крестьяне!
В надоумение, в намек и в науку,
Чтоб помнили вы суд страшный и страшную муку;
Чтоб бегали кабаков, как огня:
Вот вам полезный совет от меня!..

Несколько слов о цели сей повести

«Вот новость! — скажут светские умники,— писать для безграмотных, поучать бородатых неучей!» Не тратя лишних слов, вместо ответа, укажу на север, юг и запад просвещен-

ной Европы. Везде есть палаты и хижины, богатство и бедность, вельможи и крестьяне, но нигде сии последние, к чести нашего времени, не признаются недостойными образования, просвещения, а следовательно, и счастия, счастия, которое, как свет солнца и воздух подсолнечной, должно быть общим достоянием человечества. Горе желающему употребить красноречие свое только для того, чтоб унизить почтенное состояние земледельца в собственных его глазах и, рассоря селянина с мирным жребием, отторгнуть невинного сына природы от плуга и родительской нивы, заставив обольщенного скитаться бесприютным мечтателем по всем дорогам мира. Но утешить трудолюбивых питателей наших, возбудить в них благоговение к Вере отцов, надежду на Провидение, любовь к родным и родине, приверженность к Государю, уважение к порядку и властям; укрепить узы согласия супружеского и связи семейные и, наконец, помирить, сдружить поселянина с состоянием, в котором он рожден,— вот, кажется мне, долг честного человека, вот наслаждение всякого друга человечества! Как же можно сего достигнуть? — Действуя на ум, сердце и нравственность. Чем? — Убеждениями, понятными для ума, приятными для сердца, спасительными для нравственности. Нет нужды, в каком бы виде убеждения сии представлены ни были: в виде ли сказки, разговора или повести. У нас еще ново писать для бесписьменных; но в Германии, в Англии просвещеннейшие люди занимаются составлением книг для крестьян, их языком писанных и, следовательно, им совершенно понятных. Сии книги, распущенные в народе, произвели уже в короткое время самое благодетельное действие на нравственность. Высший класс не может оказать большей услуги низшему, как низводя к нему лучи чистого света высоких истин в выражениях понятных, в примерах разительных. Огромные шкафы не вмещают более книг, для знатных и богатых написанных и редко ими читаемых; но нет десяти, даже пяти книжек, в которых бы и добрый поселянин мог находить себе урок и утешение*. Спаситель мира, Сын Предвечного, не в роскошных чертогах, не гордым и богатым, но

* Таких книг, как, например, Английский милорд (это, собственно, лакейская книга, ибо наиболее в передних читается) или сказки: о глупом цыгане, о воре Ваньке Каине, о купеческом сыне Иване и проч. и проч.,— нельзя и подумать считать в числе полезных народных книг, ибо они никакой нравственной цели в себе не заключают, однако в великом количестве раскупаются,— доказательство, что народ читает!.. Сказки о Илье Муромце, семи Семенах, Иване крестьянском сыне и проч. хотя и несравненно превосходнее вышесказанных, но также забавлять могут одно только воображение, не принося пользы сердцу поселянина.

бедным и смиренным, сынам убожества, гонения и скорби, расточал священные поучения свои, в притчах, понятных всем и каждому. Последуем же Великому Учителю и сообщим братьям нашим по Вере и человечеству, ныне сущим во мраке, хотя толикую частицу света, чтоб, показав при сиянии оной всю гнусность порока и всю прелесть добродетели, заставить их уважать в них самих человеков и в человеках образ Божества.— Не имея вовсе времени заняться сим, по мнению моему, священным трудом вполне, я осмелился сделать на первый раз небольшой только опыт повествования народного. Будет ли он народу понятен? — Почти уверен, что да: ибо все выражения заимствованы из песен, сказок, поговорок и пословиц, беспрестанно в устах народа обращающихся.— Достигнет ли труд сей своей цели? — Надеюсь: ибо всякое дело, с чистым сердцем предпринятое и для истинной пользы ближних исполненное, осеняется благословением Вышнего. Советы и увещания поселянам вакефильдского священника имели то действие, что во всем его приходе не стало неженатых молодых людей и пьяниц. Вот первая цель народного нравоучителя! Чистота нравов, целомудрие народа есть вернейший его капитал, неоцененное сокровище! Не деньги творят людей и населяют области — люди приобретают трудом и торгами деньги и составляют цветущие общества; но люди без образования нравственного не общества, а стада!..

Мы с такою заботливостию учреждаем больницы и призываем врачей для исцеления недугов и ран телесных; а недуги душевные как будто вовсе чужды попечениям нашим, и страсти и пороки — болезни сердечные — свирепствуют в народе сильнее язв и мора! — Утолите в крестьянине палящую его жажду к пьянству, и вы залечите страшный рак, грызущий сердце несчастного, и отвратите от тысячи преступлений заблужденного; привяжите поселянина к труду, и вы подарите его тем, что редко встречается и в каменных палатах,— двумя заветными сокровищами: покоем — плодом чистой совести, избытка и домашнего согласия; и непритворною радостию — подругой и усладительницей труда.

Другим, имеющим более моего способностей, досуга и средств, предстоит сие обширное поприще; я же доволен и тем, что сделал первый опыт, и счастлив буду, если оным воспользуются!

ОПЫТЫ АЛЛЕГОРИЙ,

или иносказательных описаний, в стихах и в прозе

Т. Б. П.

Милостивая государыня!

В огромной картине творения более всего привлекает внимание наше человек, со стороны его положения в обществе и особенно со стороны его *природы нравственной*, в которой, собственно, заключается великая тайна нашего счастия. Мне всегда весело было читать о людях в состоянии дикой независимости. Я любил освежать воображение, переносясь в леса необозримые, на берега озер пустынных, ища повсюду следов первобытного порядка мира. Я видел людей и в жизни искусственной, ими самими изобретенной, в тесноте их пыльных улиц, угарных городов и в палящем дыхании страстей, иссушающих первородную свежесть души. На пространстве от Волги до Сены, от Дуная до берегов Северных морей мне случилось знакомиться с человеком в палатах и в хижинах, в тишине кабинета и в шумной грозе воинского стана. И вот что было плодом моих любимых наблюдений о людях. Суетная привязанность к мелочам, любовь к видимости, стремление к наружному блеску и суетливые заботы житейские слишком много отвлекают *европейского человека* от тех спокойных размышлений, которые постепенно приводят за собою мудрость и счастие.

Нельзя сказать, чтобы люди вовсе не любили истины, но скучая всем, что представляет вид поучительности, и не имея никакого понятия о высоких наслаждениях уединенной и созерцательной жизни, они охотнее предаются ветреному легкомыслию, увлекательной рассеянности, ловя минуту, забывая вечность. Притом же истина не всегда довольно ощутительна, чтоб могла быть довольно постигнута. А между тем, от поколения до поколения, с ходом ума, с развитием гражданственности, умножается кипучее движение страстей, по-

желаний, суетливой волнуемости во внешней жизни и более и более забываются те непреложные начала, на которых зиждется спокойное внутреннее счастие человека. В таком положении вещей, кажется, настоит необходимость сколько можно чаще останавливать внимание людей на высоких истинах веры и нравственности. Но как сие сделать без того, чтобы им не наскучить? Я всегда об этом думал и полагал, что если сами люди не охотно подаются к истинам, то не худо бы подвести *ряд истин* к людям и показать их так ясно, как показывают беспечным зрителям, посредством оптического стекла, ряд красивых явлений неосязаемых, но видимых и памятных. Не знаю, успел ли я в своем намерении; но мне хотелось составить род нравственной фантасмагории. Я старался облечь в одежду Поэзии сокровеннейшие ощущения, высшие истины и, дав им, по возможности, цель и существенность, приблизить их к людям в виде более осязаемом. *Надежда, Совесть, мысль о духовности человека, о его бессмертии*, сия утешительная мысль, столь справедливо названная *приданым души человеческой*, и, наконец, самая *Истина* получили как бы некоторую телесность и сделались более ощутительными в тех разновидных описаниях, где заманчивость загадки* соединена с пользою поучительности.

Вот цель предприятия! Желал бы, чтоб исполнение хотя несколько соответствовало намерению! Впрочем, здесь предлагается только первый опыт и автор не смеет придавать ему никакой особенной важности. Теперь, по совету особ, достойных уважения, предпринял я соединить все мои иносказательные описания вместе и выдать их в свет. Я хотел было назвать сие собрание аллегорий *нездешними цветами*. Это заглавие показалось несколько странным; но едва ли оно несправедливо, ибо высокие истины и красоты отвлеченной Поэзии цветут, конечно, не на здешних долинах суеты и горестей, где семена, засеваемые смертию, созревают при зное страстей и пожинаются тлением!

После сего я думал: кому бы посвятить книжку свою? Но тут мне вспомянулось выражение одного восточного поэта: «Чувство благодарности благовонно, как полная роза, и сладостно, как спелый виноград». Мне захотелось испытать справедливость сего выражение, и — *память сердца***

---

* Само по себе разумеется, что если в заглавии каждой из сих аллегорий выставить ее значение, то занимательность исчезнет. Но полагать надобно, что всякому читателю приятнее будет находить отгадку самому или прочитывать ее в конце пиесы.

** Известно, что благодарность называют памятью сердца.

указала — на Вас! Так, Милостивая Государыня! Ваше благосклонное внимание в таком периоде моей жизни, когда всякий знак дружелюбия приносил мне необыкновенное утешение, налагает на меня обязанность засвидетельствовать, каким-нибудь видимым знаком, мою к Вам признательность. Давно ли еще Вы доставили мне возможность пользоваться выгодами лучшего общества и красотами природы, сей неизменной утешительницы человека? Притом же мне всегда казалось, что Вы сами как будто одно из тех эфирных существ, которых изображения поместил я в моих описаниях. Благое Провидение даровало Вам все: просвещенный разум, красоту, прелестное детское сердце, душу возвышенную и, кажется, отпустило Вас только погостить к людям, чтоб порадовать собою супруга, единственного по его нравственным качествам; достойную родительницу; добрых братьев; любезных сестер; толпы бедных, привыкших любить Вас как существо, их утешающее; и всех, кто счастлив Вашею милою дружбою. Блестящий, шумный, суетливый призрак, называемый миром, напрасно трудится сделать Вас своею пленницею: душа Ваша сохранила слишком живую память о лучшей стороне, и Вы спокойно взираете на все мишурные представления земные.

Итак, примите мою книжку: в ней мало ума, мало искусственности; но Вы найдете в ней чувства неподдельные, даже необработанные: их охладила мертвая буква, но их поймет чувствительное сердце. Люди имеют богатый язык нужд, язык страстей несколько беднее; но у них совсем почти нет языка высоких духовных ощущений и таких неуловимых истин, с их мелькающими оттенками, кои справедливо сравнивают с теми таинственными сновидениями, которые мы видим, помним, но которых рассказать не умеем.

I

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Великолепно освещен был пышный дом; бронзы и мраморы дышали жизнию, чистые алебастровые вазы сияли томно, как звезды за дымом серебряных облаков; в хрусталях играли светлые радуги.— Они съехались, графы, князья и бароны, и за каждым свои льстецы и поклонники. Входили и прохаживались, мужчины и женщины, молодые и старые.— Все было пышность и великолепие. Перлы, алмазы и яхонты горели в волосах и в уборах женщин. Смотря внимательно на лица, казалось, тут можно было увидеть все страсти в лицах.— Било одиннадцать. Все собрались, и все как будто кого-то

недоставало!.. Во всех углах слышно было сожаление, зачем *ее* нет, зачем *ее* так давно не видно в свете?.. Много о ней говорили. Вельможи решительно уверяли, что она у них бывалая гостья, и откровенные политики, угодливые художники, модные поэты и светские философы твердили, что она им давняя знакомая.

Наконец она вошла, тихо, без блеска, без шума... Простое белое платье с лиловым прибором — вот ее одежда! Прекрасный рост, легкая, свободная поступь, гибкий стан, высокая стройная шея, глаза небесного цвета и с спокойным сиянием летнего неба, лицо не полное, не ярко-румяное, но такое, которому румянец, изредка вспыхнув, придает неизъяснимую прелесть, и тихая улыбка — вот черты ее красоты! Если нет здесь полного портрета прекрасной, то это потому, что она прекрасна не по-земному.— Все, вероятно, ее ожидали, ибо о ней говорили; но она вошла — и никто не узнал ее!.. Это может быть и потому, что всякий ожидал увидеть ее в большом блеске, с великолепием и шумом... Она вошла как к своим, свободно и ласково; но ее встретили как чужую, холодно и с принужденностию. Хозяин сделал гостье учтивый поклон и занялся другими... Толпа смотрела на нее с каким-то глупым равнодушием, как будто и не замечала ее!.. Только гордый временщик и любимцы фортуны, искосясь, поглядывали на незнакомую: они, казалось, узнавали в ней ту, именем которой заставляли их не раз краснеться пред светом.— Дети, по какому-то темному предчувствию, с ласкою подходили к приветливой гостье и целовали ее прекрасные руки, а приветливая целовала их в уста и в очи.

Наконец она, как и все, смешалась с шумною толпою, и никто более об ней не заботился. Один только юноша пылкими черными глазами следил ее долго и пристально, как будто предчувствуя в ней будущую владычицу его жребия, для которой некогда не пощадит он ни трудов, ни покоя, ни лучших радостей жизни. По тайному влечению сердца, он уже готов был узнать неузнанную и, если б было можно, положить к ногам ее свою чистую юношескую душу... Но светское приличие удержало, а легкокрылые забавы увлекли и закружили его в шумном волнении.— Между тем незнакомка, проходя ряд великолепных комнат, миновала бюст Вольтера, но с живым чувством взглянула на Сократа и с задумчивостию на философа женевского. И вот неузнанная все заметила, а сама осталась незамеченною и тихо удалилась, как тихо вошла.

После (был слух), минуя за́мки и палаты, остановилась она в далекой улице и посетила убогий домик, где над бледною лампадою трудился бледный человек. Высокие творения

философов, единственное сокровище в его низком домике, и старые свитки — вот его собеседники, а молодая Муза — его утешительница!.. В сердце человеческом, на аспидной доске и в толстых фолиантах искал он той, которой небесный образ явился и очаровал его некогда в его юношеском сне.— И вдруг она вошла! И уединенный узнал не узнанную светом. Они кинулись в объятия друг к другу с жаром любви и юности — и небесная не покидала верного до конца его земного странствия.

II

НЕЗНАКОМЫЙ ЗНАКОМЕЦ

Великолепное освещение сияло из растворенных окон. Длинные лучи живописно отражались в сумраке росистой зелени ароматного сада. Прекрасно взошла, весело любовалась собою в серебряном зеркале реки и тихо закатилась молодая луна; но никто не заметил ее! Восхитительно пел за ближним холмом соловей,— никто не слыхал его! Гости заняты были картами и бальною музыкою. Уже приметно колебались, от приятной усталости, белые груди красавиц; ленивее двигались смычки; тусклее сияли давно зажженные свечи, за карточными столами рассчитывались, а на других столиках, в ближней зале, появились вкусные блюда.— Ночь к рассвету, а пир к концу; зазвенели стаканы, закипело шампанское... и *он* вошел.— Все было его. Скорая, дерзкая походка, видный рост, что-то особенное в приемах и чертах лица... Я не умею описать их: они беспрестанно изменялись.— Он подошел к хозяину, к хозяйке, как свой, и проворно пошел искать знакомых между гостей. Того за руку, тому поклон; другому взгляд значительный, слово полупонятное. Знатные гости, маркизы и бароны, платили пришельцу за привет приветом; для него напенивали бокалы, ему подносили лучшие блюда. Дамы потчевали его фруктами. Только дети, по какому-то невольному чувству, чуждались для них неприветного гостя: он еще не был им знаком. Но ему не до детей! Он щедро рассыпал поклоны и приветствия вельможам и дамам, и светские девушки твердили в один голос: «Как он мил!» Но кто этот *он*? — спросил один гость у другого, другой у третьего, и так все далее. На все вопросы был один ответ: «Не знаем!»...Никто не хотел сказать ни места — *где*, ни времени — *когда* с ним познакомился. Мы видим его всякий день на бульварах, в театре; он вхож в дома... но никто не называл его настоящим именем, как будто остерегаясь открыть, что его знает; а между тем

всякий с ласкою ему кланялся, потому что все делали то же. Начались опять танцы: он приправлял их какою-то особою ловкостию; все ласкались к незнакомому знакомцу. Он сеял огонь и заразу в словах и взглядах. В стороне сидела одна гостья, не обращая на себя особого внимания: не первая по молодости, не первая по красоте, она по всему была единственная. Стройный рост, грудь спокойная, как дитя под пеленою колыбельною, темные глаза, в которых светилось чувство ясной души, в которых часто сверкали чистые слезы любви и участия; лицо, на которое так же весело было смотреть, как слушать о благородном подвиге, как утешаться сиянием весенней радуги,— вот черты красоты, не для всех прекрасной! Многие считали ее простою, деревенскою женщиною; но зато немногие называли ее несравненною. Пред ее непринужденною скромностию увядали пылкие желания и расцветало сердце новою, святою жизнию. В порывах дерзкой вольности никем не названный незнакомец обратился в ту сторону, где сидела прелестная. Его беглый, горячий взгляд встретился с ее постоянным взором: так вспыхнувший над гнилым болотом огонь встречается с сиянием занимающейся денницы!.. Смятенный, как узнанный преступник, остался он нем и неподвижен; казалось, очарование его зависело от одной минуты. Обличенный, он потерял свою дерзость и пошел с поникшей головою, как хищник с неудачной ловитвы.

Пригожий молодой человек, наследник богатого имения (у которого сердце было — книга с белыми листами, а лицо — начатый абрис какой-то физиогномии), большими ясными глазами, которые, однако ж, ничего не говорили, смотрел на продолжение пира и терялся в каких-то неясных мечтаниях... Он был в таком возрасте, когда люди приходят к первому распутию жизни. Учитель сказывал ему, что есть две дороги: одна к добродетели, другая к пороку... Ты будешь мой! сказал с жаром незнакомец; схватил его за руку и повел в дальние комнаты.— Они дружески расхаживали, напенивали бокалы и с каким-то беспокойным чувством смотрели на картины и бюсты. Угрюмый Катон не обратил их внимания; с презрительною улыбкою указал незнакомец на бюст Фенелона и с жаром ему свойственного красноречия порицал равнодушие молодого человека при взгляде на лицо прелестной Аспазии! — В суете общего разъезда, никем не замеченный, он умчал его с собою... И после (был слух) неосторожные родители плакали о судьбе потерянного сына.

III
НЕУЗНАННАЯ

В древней Пальмире, где теперь пустынные бури движут песчаные моря, в то время, когда великолепный град сей увядал в самом цвете своего мнимого величия, когда наружный блеск видимости явно противоречил с тайными предчувствиями сердец, когда молвы, гадания и слухи являлись по домам, как невидимые вестники... вдруг показалась многим и во многих местах — *она.* Все чувствовали присутствие ее, никто ее не узнавал. Иные называли ее духом, другие мечтою, иные каким-то тайным соглядатаем. Неузнанная в чертогах, гонимая во граде, она удалилась.

Буря шумела. Ясные молнии, как огненные ручьи, извиваясь, пробегали по черному аравийскому небу. Зыбкие поля, скрепленные искусством, взламывались вихрем, и стройные пальмовые рощи трепетали... При большой дороге лежал, раскинувшись под деревом, человек. Молнии освещали глубокое отчаяние на оливковом лице его; черные кудрявые волосы стояли щетиною; грудь холмилась... Мера преступления его исполнилась, душа требовала очищения. Тут явилась к нему неузнанная. Среди бури, колебавшей природу, она была спокойна и ласкова, как светлое чувство детской радости, легка, как дух, стройна, как пальма, в белой одежде, в венке из свежей зелени, с златою чашей в руках. Безмолвно остановилась она пред ним, и глаза его, сверкающие, как яркие угли, встретились с ее тихими взорами. Так иногда красное губительное пламя, вылетающее из жерла кипящего вулкана, встречается с ласковым сиянием стоящей над ним луны! — Он долго в нее всматривался, и узнал ее, и понял ее безмолвие. «Подай, я согласен!» — И, протянув жилистую руку, которой силу чувствовали дикие кони пустыни, он с детскою покорностию принял сосуд и выпил все до дна. Горько, как полынь, растущая на развалинах, показалось ему питие. Но он стерпел. Огонь пробежал по всем составам его существа. Все старое сгорало. Но мало-помалу буря уступила место порядку, и обновление следовало за пожаром. Сердце его таяло, и застарелые преступления изливались слезами и с тяжкими вздохами вылетали из холмистой груди его. Сила уступала гармонии; мятеж заменялся тишиною, и медленно, медленно на уста, испившие горечь, выступала сладость неописанная. Что-то небывалое поселилось в груди его. Живые сладкие утешения, светлея постепенно в душе, озаряли ее новым рассветом, новым свежим утром ясного бытия, неизвестного в кипящем борении страстей и в темноте холодных сомне-

ний. Ему казалось, что его принимают опять в семейство людей, от которого он был отброшен, и образ человека для него становился почтеннее. Он начал чувствовать удовольствие — быть на земле. Его дни стали веселы, как праздники, и ночи тихи, и сновидения усладительны! Он не видал уже более ни крови, ни ножей, ни посинелых уст умирающего. Новый мир, новое небо представлялись душе его. Часто осенял ее теплый ароматный дух, веявший из какого-то неизвестного края. Младые девы, в белейших воздушных одеждах, усеянных ясными искрами из желтого злата, в светлом хоре, стройно и медленно колебались пред ним на зыбких перламутровых облаках. Иногда видал он, в неизвестной отдаленности, неведомую очаровательную страну, где существа легкие, как наши мысли, плавали (так весело, как надежды в душе человека) в каком-то неизъяснимо прелестном светло-фиолетовом сиянии. Оттоле веяло обновлением, жизнию, духовною прохладой, свежим благодатным успокоением и сладким благовонием бессмертия. Так занималась заря благоденствия в душе обновленного. Прошедшее темнело за ним, как грозная ночь; впереди разгорался яснее и яснее тихий, приветливый день.

Прошли годы и годы... На часах судьбы пробил таинственный час, свершился жребий Пальмиры, и в запустелых окрестностях великого града видали почтенного эмира, белобрадого старца, когда он, обращаясь лицом к стране Востока, сладкою беседой поучал многочисленное племя свое чистоте и нравственности.— Это был он, принявший сосуд из рук неузнанной. Но кто же была *она*! Предание говорит, что он сам называл ее *совестию*, а иногда и другим именем, похожим на первое.

IV

ЗАГАДКА

Прекрасная невеста, высокой породы, обручилась с милым женихом на своей родине. «Но тебе нужно испытание: будешь ли и в разлуке верна обрученному?» — так сказал отец — и невесту снарядили в чужой и далекий край. Ей поднесли золотой кубок с питием забвения. Выпила, уснула. Сила, подобная притяжению магнита, с быстротою молнии увлекла усыпленную.— Еще не обсохла прощальная слеза, как прелестная пробудилась под другими небесами, в каком-то новом незнакомом мире. Искусный мастер сделал ей подвижную темницу. У нее отняли вольность; но оставили ей волю. И дано ей пять приставников, которые были ей слугами и стражами

и единственными проводниками между нею и всем ее окружающим. И лживы по природе сии пять приставников. От отца же был такой завет: благородная узница не возвратит свободы своей, доколе ясно и верно не узнает и не поймет, где и для чего она находится; и было другое условие: тогда освободится заключенная, когда темница ее, которая тает от времени, как лед от лучей солнечных, сама собою раскроется. И тогда, если останется еще в ней память о прежнем: о милой родине далекой, о женихе, который родился прежде, чем зародилось время, но был свеж и молод, как заря утренняя; если не забудет своего высокого и светлого происхождения,— тогда опять, как будто от сна пробужденная, она очутится с своими милыми ближними, в своей отчизне дальней. Но если забудет все прежнее, былое; если полюбит страну испытания, то надолго останется там, где есть и где ей быть самой понравилось.

Но, бедная узница, от кого узнать ей: и *где* и *зачем* она? Питие забвения помрачило ее светлое существо. Сохранилось у ней темное воспоминание, что где-то была она прежде и кого-то оставила в иной стороне.— Долго она только смотрела на окружавший ее мир и ничего еще не видала, кроме самой себя. Все ее пугало, все приводило в изумление. Наконец стала различать в слитном смешении предметов существа, к ней ближайшие. Но с какою печалию заметила, что все их ласки, все попечения обращались только к поддержанию темницы ее! И тверже день ото дня становилась темница сия, и крепче цепь, привязывавшая ее к бытию, ей чуждому.

Настало урочное время; пленница ощутила власть над своими пятью приставниками и поспешила, чтоб исполнить завет, ей памятный: узнавать через них, где находится. Рассылает всех и в высоту, и в глубину, и вдаль, и по всем направлениям. Скоролетные разлетаются. Но, неверные в своих наблюдениях и жадные только к собственному наслаждению, они приносят ей вести все ложные. Должно непременно поверять одного другим, чтоб узнать истину. А между тем в одной с нею храмине живут жилицы, лукавые волшебницы. Они знакомятся с нею и от раннего утра до позднего вечера нашептывают ей свои затейливые рассказы о прелестях той стороны, куда она зазвана, как гостья на веселый пир. Ей говорят о почестях, о славе, о выгодах, о богатстве, о наслаждении. Невинная ничего не разумеет; а уразумев, от всего отказывается, ибо способы к достижению предлагаемого возмущают ее первородную чистоту. «Нет,— говорит пленная красавица,— не это дорого в нашей милой стороне!» Но где ж эта милая сторона? Она сама ничего о ней сказать не может. Волшебницы

смеются над ее мечтами, называют странными ее понятия о бывшем и будущем, о темном и неверном *будущем*, и зазывают пристыженную на шумное празднество *настоящего.*— Их посол искусный живописец. Он яркими красками и роскошною кистию изображает ей картины веселой жизни, забавы и наслаждения... Ничто не утешает унылую; она боится отстать от того, чего ни забыть, ни припомнить не может, что иногда бывает ей очень ясно и чего объяснить не в состоянии. Но ее подкрепляет неведомый утешитель. Часто, в тишине ночи, когда засыпают зоркие волшебницы, подлетает кто-то в луче утренней зари и шепчет пленнице: «Не унывай!» И сей голос, мимолетный, как все прекрасное в жизни, напоминает ей о том неизменном блаженстве, которым наслаждалась она некогда.— *Прелестное* в музыке, *высокое* в поэзии, *изящное* в искусствах называла она гостьми из своей родины и радовалась им, как радуются соотечественникам на чужой стороне; но невольные сравнения помрачали минутную радость. «Здесь,— говорила она,— велят мне ненавидеть, а там (я живо помню) общий закон был — любить. Там вечная весна любви, тут всегдашний холод себялюбия. Там (мне это памятно) всякий понимал мысли и чувства мои прямо, как понимают здесь цветы и звуки. Тут сколько нужно грубых орудий, сколько мертвых букв и темных оборотов для выражения одного живого чувства, одной светлой мысли!.. Мне помнится, я жила там, где нет ни вчера, ни завтра, где всегда один продолжительный невечереющий день, никогда не сменяемый ночию. Здесь так высоко ценят время, чтобы делать из него такое низкое употребление! Ах, если б они знали, что целые веки исчезают в одной минуте созерцания того, кого я некогда видала так близко и от кого теперь так удалена стала».

Она любит картины природы и с любопытством смотрит на величественное течение бури, когда кипящее море силится выхлынуть из гранитных берегов и леса со скрипом ложатся под тяжкою стопою незримого исполина воздушного.— Но ей более нравятся тихие вечера, когда весна, как молодая заботливая мать, дышит ароматом и жизнию над колыбелию пробуждающейся природы; когда каждый цветок осыпан алмазами росы и в каждой капле зыблется полная луна или отражается подобие одной из звезд небесных... «Ах! сия тишина,— восклицает она,— напоминает мне о моем отечестве: оттоле истекает всякая тишина, там вечно сияет мир ненарушимый».

Так тоскует тоскою таинственною невеста прекрасная о своем возлюбленном. Она сравнивает себя с светлым лучом,

погруженным в мутные туманы, и старается не утратить своей ясности.

Уже познала наконец страну своего заключения и все ничтожество сокровищ ее, и бодрее сражается с волшебницами, и не верит слугам и приставникам. Между ними и собою или, лучше сказать, между собою и собою поставила она дух Отца своего — истину. С тех пор обманы прекратились, ибо сквозь врата истины не проходит ничто ложное. Тут ей открылась ее таинственная судьба, ее высокое назначение. Но срок неволи не протек. Впечатление воспоминания о прежнем отечестве столько еще было сильно, что она не могла его не чувствовать; но сама она в неволе так ослабела, что не могла уже расторгнуть цепи своей. В таком борении оставалась заключенная — и жизнь стонала в оковах вещества.

Но время наступает... И спокойно смотрит обрадованная, как тончает темница ее,— и, бодрее сражаясь с волшебницами, смеется над их тоскливым сомнением и весело восклицает: «Он близок, час моей свободы!»

И вот уже приметно дряхлеет темница; уже шатаются крепкие связи... И пленница становится как будто умнее, ибо стала — опытнее. У нее, кажется, вырастают крылья! «Я не отстала еще от милого,— говорит верная,— тоска по нем соединяет меня с ним. И скоро... скоро... я полечу, полечу, как голубица свободная, в его объятия сладкие, в мое отечество прекрасное... Там будет награда верности за любовь и терпение».

VIII

ЗЛАТОПЕРАЯ ПТИЧКА

(Восточная повесть)

«Хорошо ли ты знаешь человеческое сердце?» — спросил однажды юный Сеид престарелого пустынника Абуфара, постигшего высокую науку повелевать духами и читать в тайной книге природы.— Старец безмолвно указал на седую свою голову и сим как будто сказал он: я дожил до седых волос, прилежно наблюдая людей,— как же не знать мне их сердца? «Отчего же оно вечно несчастливо, вечно тревожится: не успеет порадоваться, опять грустит, желает, ищет, находит и опять желает — отчего это все?» — «Оттого,— отвечал хладнокровно старец,— что человек не знает истинной цены вещам. Все вещи в мире можно сравнить с огромною грудою золотых монет, из которых большая часть поддельных».— «Что же хочешь ты из этого вывести?» — возразил нетерпеливый юноша. «А вот что: познай цену вещам, и круг желаний твоих, ко-

торый равняется теперь, может быть, целому кругу земному, тотчас сделается едва приметным в собственных глазах твоих».— «Неужель это правда, отец мой! и почему же это так?» — «Потому, что истинно дорогих вещей в свете так мало, и они, по благости Вышнего, так близки к человеку, что совсем не нужно придавать желаниям крылья, а стоит только, так сказать, протянуть руку, чтоб достать все, что нам истинно необходимо; поверь мне, вещей из чистого золота очень мало: все почти мишура и позолота, которую мы же сами и для собственных наших мук наводим на предметы вожделений наших».— «Это тайна: объясни мне ее, наперсник мудрости!» — «Пусть объяснит тебе *златоперая*,— отвечал старец и указал на розовый кустик, где сидела золотая птичка.— Иди за нею, гляди и примечай! Ровно через сутки будет она опять здесь, и если ты от нее не отстанешь, то мы объяснимся подробнее». Пустынник подал знак, златоперая вспорхнула, и Сеид пошел за нею.

Птичка все далее, далее; а юный путник все вперед, вперед. Наконец мелькнула вдали вода. Птичка порхнула — и уже на том берегу, а Сеид еще на этом. Речка неширока, но глубока. Юноша присел обождать перевозчика, смотрит и... златоперая также присела, и где же? — у изголовья уснувшей красавицы! Сеиду кажется, что он видит одну из райских гурий; она спала в прелестном беспорядке, резвые зефиры играли с ее покрывалом и одеждою; что повеет ветерок, то новые красы... Сеид увидел полную, белую грудь — и пламень пробежал по жилам его! Увидел прелестное лицо — и неописанное восхищение проникло до последнего изгиба его сердца! Он весь превратился в зрение: смотрит — и влюбляется; еще смотрит — и не слышит, как сердце его улетает к ногам прелестной; а златоперая все сидит в головах.— Неописанная грусть томит и терзает юношу: он ходит в отчаянии по берегу и ломает руки. Вдруг вдалеке мелькнула тень, показался челнок, и Сеид опрометью бросился навстречу к плывущему; это был престарелый рыбарь: он перевозит юношу. Восхищенный, осчастливленный Сеид бросает горсть золота перевозчику и бежит к месту, где надеется найти красавицу, свое сердце и златоперую спутницу... Тысяча надежд, желаний, расчетов и предприятий волнуют грудь бегущего. «О! кто бы ты ни была,— думает юноша,— я упаду к ногам твоим, призову небо и землю в свидетели любви моей и смягчу твое сердце. Может быть, ты утратила путь и блуждаешь в сей уединенной стране: я проведу тебя в места твоей родины, буду защищать от лютых зверей и неусыпно бодрствовать на страже во время приятного сна твоего... Может быть, ты

несчастна, гонима судьбою, преследуема нуждою?.. О! я исторгну тебя из железных когтей нищеты, осыплю всеми цветами богатств и роскоши. Чертоги отцов моих полны сокровищ, в садах чертогов моих вечная зелень; светлые водометы прохлаждают зной дневной и весело играют с лучами светил небесных... Пойдем, о прелестная! день сулит тебе радости и ночь обещает наслаждения; тебя ожидают златые ткани, благоухание цветов и курение мастик... Пойдем». С сим словом юноша приближается к спящей красавице и, тихо приникнув, хочет прикоснуться краю одежды ее; но златоперая вспорхнула — и Сеид цепенеет, дрожит; недоумение оковало его чувства и ужас оледенил кипящую кровь! Златоперая вспорхнула — и прелесть исчезла. Там, где спала красавица, Сеид увидел голый остов давно истлевшего трупа: страшная жаба гнездилась в черепе, и кости от ветра стучали!.. Между тем златоперая кружилась и звала путника далее. Изумленный идет, не постигая тайны очарования.— Воздушные пути просторны: златоперая летит куда хочет, а Сеид идет куда ей хочется; ни кустарники, ни овраги не останавливают юношу. Однако непроложенной дорогой не далеко пройдешь. Сеид пришел к топкому болоту: ни перейти, ни переехать! Между тем ночь обложила окрестности, все потемнело вблизи и вдали, только златоперая светилась, как искра в воздухе. Птичка перепорхнула за болота и присела на кустик, а Сеид остался ждать утра. Он ищет глазами свою вожатую — и новое чудо! В том месте, где сидела птичка, Сеид увидел груду дорогих каменьев. Показался край луны из-за облака — и сокровище сделалось еще виднее. Длинные лучи сверкали из-под зелени; необычайный блеск разливался кругом того места, где сидела златоперая. «Я не нашел красавицы,— думал Сеид,— так найду сокровище. Как обрадую сестер и матушку, принеся им множество камней, которым подобных не найдется, может быть, на целом Востоке!» — так думал Сеид и двадцать раз пробуждался, чтобы взглянуть, тут ли еще сокровище. Ночь тянулась как вечность... Драгоценности сияли яснее звезд; наконец наступило утро.— Юноша вспрянул и, при алом блеске догорающей зари, побежал вдоль по болотистой полосе искать переправы. В одном месте видит тропинку: идет, вязнет, освобождается, хватаясь за кустарники, и наконец он уже на той стороне! — Нетерпеливый бежит; алмазы и яхонты светятся; но златоперая вспорхнула — и Сеид, вновь обманутый Сеид, ничего более не видит, кроме груды диких камней, гнилого дерева и серого песку!

Таким образом все порхала и обманывала его златоперая. Сядет на терны — алеют розы; улетит — торчат иглы!

Присела на утлом пне — под нею глыба серебра; улетела — осталась гнилая колода! Садилась ли златоперая на сухое дерево — зеленело; прикасалась к увядшим цветам — оживали! Но утренние тени пальм и кедров сократились, зной запылал, пастухи и стада искали прохлады: все возвещало полдень. Златоперая помнила назначенный час и кратчайшим путем привела неприметно Сеида к хижине мудрого Абуфара. «Здравствуй, Сеид! — сказал, улыбаясь, старец.— Доволен ли ты своею спутницею?» — «Отец мой! — воскликнул юноша,— не стану рассказывать тебе, что я видел и что испытал; но скажи, ради самого Пророка, скажи мне скорее, что это за чудесная златоперая птичка?» — «Ее зовут,— отвечал старец,— *воображением*! Так, сын мой! воображение придает вещам прелестный, но обманчивый блеск; простирая на все неизъяснимое очарование, оно превращает безобразие в красоту, гниль в серебро и пыль в золото. Ах! эта златоперая птичка давно чудесит и творит беды под солнцем; сколько несчастливцев покидают мирные кровы родины и бегут без цели из одной страны в другую, ища обещанного воображением! Многие тонут в морях или гибнут на войне прежде, нежели найдут обещанное; другие — находят и скучают, ибо находят свой предмет не в таком виде, в каком представляло его издалека воображение. Златоперая, как сам теперь знаешь, показывает все в превратном виде; всему придает ложную цену; все окрашивает цветами обманчивой радуги и осыпает блестками поддельного золота.— Но я сделаю тебе дорогой подарок (и с сим словом вручает ему оправленное в золоте стекло). Оно имеет дар разрушать всякие чары воображения; держи всегда при себе талисман сей и помни, что истинную цену вещей не иначе можно познать, как смотря на них сквозь стекло *здравого рассудка*».

X

ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК

(Подражание восточным апологам)

Великолепное златое солнце, в день своего создания, как легкий шар покатилось из Творческой руки Предвечного в голубые поля светлеющей тверди. Радостно восплескали ему духи небесные, и все творение разделяло радость первосозданных: ибо неописанна была красота юного солнца! Весело блистало оно до полудня, не ощущая таинственного влечения к западу и не предчувствуя своего вечера. И самые серафимы и ангелы мнили, что новосозданному светилу предопределено

быть незаходимым. Один Всевышний, пред очами коего лета и столетия мелькают, как мгновения, один Всевидящий, от взоров коего глубочайшая темная бездна не смеет сокрыть малейшей черной песчинки,— он единый ведал, каков будет тот, для коего возникла, из бурного смешения стихий, веселая земля; для кого зажглось в необъятных пустынях эфира великолепное солнце. Он ведал, что человек, будущий житель подсолнечной, сие величественное и вместе слабое творение, одним только способом будет постигать цену вещей: чрез сравнение и утрату оных, скучая всем, что постоянно и знакомо, и любя все, что переменно и ново: Всевышний ведал сию тайну сердца человеческого, и указал солнцу запад, и повелел быть ночи.— И с того часа последние лучи дня всегда соприкосновенны первым теням вечера... И то же самое, что последовало с солнцем в мире естественном, случилось с добродетелию, светилом мира нравственного. Для оттенки и возвышения светлой добродетели произошел мрачный порок!

Окрыленный дерзостию, сей неистовый сын тьмы тотчас помчался по свету и породил себя достойное и во всем себе подобное исчадие — преступление. Оно ворвалось в общество людей, как голодный тигр, и засвирепствовало, как страшная зараза. Тогда добродетель, подвигнутая к состраданию стонами человечества, произвела на свет наказание. Сие, по виду слабое, дряхлое от самого рождения и едва двигавшее по земле хилые ноги свои существо казалось вначале неопасным надменному успехами преступлению. «Где ему достигнуть меня!» — думало гордое, носясь вихрем по подсолнечной. Так думали и человеки, и духи небесные, соболезновавшие о человечестве.— Но опыт показал противное. Крылатое часто обольщалось ароматом цветов роскоши и засыпало на ложе беспечности. Оно засыпало, как лютый волк, опьяневший от крови своей добычи; а наказание, не ведающее ни сна, ни отдыха, все вперед да вперед на костылях своих,— и часто хромое застигало врасплох быстрокрылое и било его без пощады железною клюкой.— Так ходило и ходит еще по свету наказание; и вы, прилежные наблюдатели всего, что творится под солнцем, никогда не сомневайтесь при виде преступления, чтоб рано или поздно не постигло его наказание. Примечайте только — и увидите, что блистательнейшая минута торжествующего проступка есть уже начальною минутою его гибели.— Этому были очевидные свидетели деды наши, и то же, вероятно, увидят и внуки: ибо порядок мира всегда одинаков, всегда идет своею чередою, не заботясь о том, что люди на земле, как листья на дереве, то вянут и падают, то зарождаются вновь. Вечные законы установлены не для человека, но для

человечества, которое и по нашему счислению имеет уже от роду 7 000 лет, а по китайским и другим преданиям более. Люди умирают, но человечество не ведает смерти... Я отступил немного от рассказа и спешу продолжать. Между тем как наказание укрощало дерзость преступления, добродетель никогда не упускала из виду могущего соперника своего — порока, который оттого более встречал терпимости в обществах людей, что, подобно гнилой колоде, издавал от себя серебряный блеск во тьме предрассудков и заблуждения.

Порок (сын ночи) как прежде, так и ныне был всегда врагом света. Но к счастию человечества, он нередко, как мы уже сказали, засыпал на ложе сладострастия в объятиях утех, под завесою мрака.— В сем-то положении, подкравшись однажды с светильником истины, застала его добродетель. Тут она так близко поднесла светильник свой к ложу, что в полной наготе открыла все безобразие порока; и в сию *минуту обличения* люди содрогнулись, а духи небесные отвратили светлые лица свои от безобразного.— В то же время успела добродетель заронить искру из своего пламенника в самое сердце порока. Встревоженный вспрянул и полетел, но — искры из сердца не вынешь! Он погружается в глубокие моря, взлетает до высоких небес, а искра все тлеет, а сердце все болит!.. Наконец искра превратилась в пламя; несносные муки овладели породившим преступление, и с той поры все видели, да и теперь еще, кто примечает, видит внутренние мучения порока.— Мы знаем также и лютые сердечные муки порочных. В сердце человеческом натянута струна, издающая унылый, печальный звук, который всю глубину сердца наполняет нестерпимою тоскою, когда прикасается к ней нечистый перст порока. Эта струна в наречиях народов называется Раскаянием.— Заметили, однако ж, что в одном ладу с нею находится другая, издающая звук неизъяснимо приятный по своей усладительной томности. Она звенит всегда после струны Раскаяния. Эту последнюю называют струною умиления.— Есть еще в сердце человеков издавна поставленный добродетелию верный страж, который, всегда неусыпно бодрствуя, тотчас наполняет всю грудь нашу воплями и тревогою, когда только завидит, хотя издали, приближение порока. Сего верного стража родоначальники поколений человеческих назвали Совестию и уверяли притом, что все покушения порока ничтожны, доколь хитрые страсти не успеют ослепить сего зоркого стража нашего счастия или доколе не потопит его бурный разлив разврата, столь часто наводняющий сердца и общества человеков.

Но обратимся опять к пороку: мучимый сердечными судорогами, которые называют у нас терзаниями (всегда свойст-

венными изобличенному пороку), отчаянный ударился однажды о камень, которым сам некогда загородил путь, общий всему человечеству,— путь от колыбели до могилы. Люди назвали камень сей камнем преткновения. Об него-то ударясь, порок расшибся на мелкие части. Но, подобно частям раздробленной змеи, все они сохраняли жизнь и движение. Неисповедимому угодно было одарить каждую из сих частей самобытностию. И вот каким образом Порок из единственного превратился во множественное число; и с той поры стали известны в обществах человеков *пороки*! С быстротою многих стрел, пущенных вдруг одним луком, разлетелись они по всем краям подсолнечной. Тогда и Добродетель, видя сие новое и столь вредное превращение врага своего, принуждена была раздробиться сама на части, которые у нас известны ныне под именами добродетелей. С тех-то пор общества людей сделались полями битв, на которых пороки ведут беспрерывные брани с добродетелями. Ни одна еще сторона не одержала решительной победы, и счастие никогда не было так переменчиво, как в чудесной судьбе сих боев. Однажды,— предание не говорит когда,— пороки собрались вместе и говорили: «Улучим удобное время, теперь наш час! Добродетели, сии слабые, застенчивые твари, рассеяны по необъятному пространству света. О Мудрости едва-едва где слышно: уже давно не присутствует она в советах сильных земли и убегает, как робкая лань, блеска чертогов и городов, где владычествовать нам всего приятнее! Нам не опасна эта вечно задумчивая подруга тишины и уединения. И где ей повстречаться с нами? Мы так ручны, так обходительны с людьми; а эта суровая всегда удаляется от них и всегда хочет, чтоб за нею гонялись. Мудрено изъяснить странность поступков ее! То, смотришь, скрываясь от поисков Афин, запрется в бочку к Диогену; то проводит ночи над бледной лампадой, с каким-нибудь охромевшим Эпиктетом; то сама напрашивается в темницу к обвиненному Сократу... Вторая добродетель: *сила* (сила духа), растлена везде сладострастием или стонет под железным скипетром страстей. Красота (красота изящная, эстетическая) то же, что радуга: сама на небе, а только оттенками обольщает человечество. На земле ищут и уважают ее в одних наружных формах. О Вере и говорить нечего: ее владычество давно уже на языке, а не в сердце! О Любви много, правда, где слышно; однако нигде ее не видят: это ароматный елей, который давно уже испарился из открытого фиала, но оставил по себе какой-то приятный запах, по которому и думают, что он все еще там же, где и некогда был. О Надежде стоит ли думать? Это монета, имеющая много блеску и никакой цены! Итак,

добродетели или исчезли, или рассеяны: следовательно, слабы; а мы, о, пороки! о, бодрые, неутомимые друзья! Мы будем отныне повсюду вместе и всегда заодно! Вместе нам, други, погибнуть или вместе восторжествовать на развалинах порядка! Бодрствуйте; приидет время, когда мы воспляшем на могилах добродетелей, при горьких стонах ненавистного нам человечества!» Так усоветовались между собою чудовищные пороки на пагубу людей. И с тех пор они всегда вместе и везде заодно! Появится ль где-нибудь один, верно и все там же будут: не так дружно ходят волки по северным лесам и не с бóльшим согласием соединено стадо пернатых, улетающих за море от зимних бурь. Много потерпел свет от неразрывного союза сего и от низкого желания людей быть потворщиками и пристанедержателями пороков. Наконец и добродетели соединились между собою узами братства: Мудрость, Сила, Красота, Вера, Надежда и Любовь взялись за руки и пошли учить, подкреплять, украшать, возносить к небу и утешать всегда и повсюду человека, сироту и странника в сем мире! Но я все уклоняюсь, а рассказ мой ждет и как будто кличет меня; обращаюсь к нему.

Однажды Мудрость, приняв образ и глагол человека, говорила окружавшим ее: «Для чего созданы люди?» Для счастья! Для счастья! — был ответ, вылетевший вдруг из тысячи уст. «Но где и в чем счастье?» И ни одни уста не раскрылись для ответа. Не решилась дать оного и сама Мудрость, всегда в ответах осторожная. Однако ж она говорила: «Спросите у любимой дочери моей Истории и у старшего сына моего Опыта: где счастие? Ужели нет его в чертогах могущих царей и палатах вельмож и наперсников их?» — «Нет! — говорит История.— Я открою вам все дворцы восточных и западных владык; введу в потаеннейшие храмины обладателей народов; заставлю говорить стены... И вы узнаете, что часто и на золотых ложах видят железные сны!» Но счастие может быть в палатах у вельмож: они менее подвержены тягостной ответственности пред Богом и потомством, а не менее богаты способами наслаждаться, как и самые цари? «Нет! нет! — восклицает Опыт.— Уже более 7 000 лет скитаясь по свету, смотрю я на сынов роскоши и неги и ни одного не видал еще счастливым! Они, правда, все имеют; и от того самого, что всем наслаждаются, ни в чем не находят сладости! Скучая за лакомым столом, пресыщенный сын неги с завистию смотрит на последнего нищего, который, под окном палат его, жадно грызет корку черствого хлеба и доволен — насытясь ею! Поговорите с великолепными изголовьями царедворцев и вельмож: они расскажут вам такие вещи, после которых вы

охотнее согласитесь спать на жестком граните в хижинах, чем на золотой парче в дворцах и палатах!» Так говорил Опыт, великий знаток сердца человеческого, долго живший и многое на свете видевший! «Так где же счастие?» — уныло повторили множество голосов. «Счастие — нигде и повсюду!» — отвечали в один голос История и Опыт. То же самое повторила и Мудрость, присовокупя некоторое объяснение к сказанному. «Счастие,— говорила она,— точно нигде, когда его нет в нашем сердце, и повсюду с нами, когда оно там. Но счастие есть нежнейший цвет, прозябающий только на земле, уготованной и согретой добродетелью. Заключу двумя словами: будьте добродетельны,— и будете счастливы!» Так вещала некогда Мудрость и спешила в ряды добродетелей, подвизавшихся на поле кровавой брани с пороками.

К вам взываю теперь, друзья добродетели! Брань сия с пороками, брань, в которой все человечество должно принимать живейшее участие, еще продолжается; еще ратуют великие соперники. Поспешим же и мы стать под святые знамена добродетели и разить обличенный порок! История и опыт доказывают нам, что человек тогда только истинно несчастлив, когда не может стремиться к благороднейшей цели бытия своего: к цели раскрытия всех нравственных способностей, на свободном поле действия, для пользы ближних, для общего добра! Поверим сим вековым истинам и, доказав свету делами, узнаем и сами на деле, что тот только может быть счастлив, кто, покоряясь во всем безмолвно воле Высшего Промысла, возжелает возненавидеть от всей души порок и страстно полюбит добродетель.

XIV

ВНУТРЕННЕЕ НАСЛАЖДЕНИЕ И СВЕТСКАЯ СУЕТА

(Две картины, занятые из сокровищницы души человеческой)

Провидение, милостивое к человеку и в земном его заточении, подарило его прекрасною способностию уединяться в самого себя, жить с собою и наслаждаться у себя и своим. Из тесного уголка, из бедной хижины воображение, как волшебная пчелка, летает из страны в страну, по лесам, городам и пустыням, и везде находит что-нибудь такое, что может принести домой, чтоб повеселить душу, которая, разгневавшись на шумный, суетливый, беспокойный мир, уединяется сама в себя, и в сладкой, ненарушимой тишине любуется мечтами, как будто картинами волшебного фонаря.—

В это время ум отдыхает; голова покойна; страсти — сии подпольные жители сердца — заперты в своем погребе: их пробуждает только тревога. Совесть — если она чиста — светит в сердце так весело, как первое утро в храмине новобрачного, когда он, проснувшись первый, смотрит на розовые ланиты своей подруги и ожидает, когда откроются ее голубые глаза... Тут душа наслаждается тем удовольствием, которое ни у кого не отнято, никому не мешает, которому никто не завидует и которое выше всякого наслаждения чувственного. А чувства? Что ж делают чувства? — Они дремлют, как слуги в передней, когда их господин занимается у себя своим делом. Вот тайна непокупного и непродажного наслаждения *внутреннего*, тайна, которую кто-то сказывает добрым, когда они утомятся в свете, который вечно шумит и кружится, как мельница на полном ветру, и мелет все, что в него ни попадает... Но вот другая картина! Вдруг подлетает к душе уединеннице *суета земная.* — Прощай спокойствие! Все приходит в волнение... чувства жадно ловят впечатления — добрые и худые; ум, встрепенувшись, гордо осматривается и умствует... страсти тотчас выползают, вспыхивают, рвутся и, толкая друг друга, толпятся в сердце; мысли волнуются; голова кружится, как жернов... Во всех этажах человека страшная тревога: тут говорят, спорят и ссорятся о чести и почестях, о видах, надеждах и желаниях... Тут слышно шипение зависти, ропот самолюбия и цепь отношений, приличий и обязанностей мгновенно накинута на душу, как аркан горского разбойника, и влечет бедную из минутной независимости в рабство и тревогу, называемую — *светскою жизнию*, где ум изгибается и коварствует, язык лжет и лицо, как искусный актер, играет такие роли, каких настоятельно требуют обстоятельства.

XIX

ПРЕКРАСНОЕ СОСЕДСТВО

В большом городе, в большом доме, где, как в огромном корабле, много было жильцов всякого рода, всякого звания, жил некто в уединенных покоях, один по своей воле. Он ни в чем не хотел себя ограничивать, не хотел себя стеснять, да и зачем? Он был господином у себя: кругом глухие стены! — Жилец привык беспокойно ходить, громко говорить, свистать, петь и шуметь. Никто его не слыхал, и все проходило... Иногда сбирались к нему товарищи, тож беззаботные головы,— они пили, курили и кричали, часто как безумные. Кто-нибудь говорил: «Что, братцы, мы так шумим; не стыдно ль?» —

«Ничего! — отвечал хозяин.— Кругом никого нет, все глушь и пусто!» Так было долго. Вдруг послышал жилец, что за стеною что-то стучат и работают. Он наведался, и ему сказали, что в соседство к нему переезжает прекрасная девушка, молодая, невинная, знатного рода и *нездешняя*. Жилец тотчас стал осмотрительнее. Красавица переехала и поселилась: он не видал ее, но чувствовал. Часто в глубокой тишине он слышал, за тонкою стеною, походку — она была легка и спокойна; слышал некоторые слова — они были сладки и разумны. Жилец сидел дома как связанный: не смел громко слова выговорить, ни крепко ногою ступить: ему стыдно было обеспокоить *соседку-красавицу*. Но принуждение мало-помалу становилось приятно и, наконец, обратившись в привычку, не стало принуждением.— Мысль: *я не один*, меня слышат! — останавливала его во многом. Своеволие покорилось воле, а воля смирилась пред необходимостию. Он стал совсем *иной*: уже не принимал к себе шумливых гостей: не стучали у него стаканами, не спорили за карточными столами... Жилец наш был не очень набожен: не молясь, ложился, так и вставал! Но соседка была не такова.

Часто, когда вечер своею сизою поволокою застилал широкие площади города и на высоком небе высветливались серебряные звезды, за стеною жильца слышался тихий голос, полный любви и жизни, и звенели звуки златострунной арфы. Это был *гимн* молитвы вечерней, это было чувство души, чувство светлое, неуловимое, иногда бессловное; ибо душа своим благоговейным онемением часто говорит более, нежели словами. Это была такая молитва, которая оставляет аромат и сладость на устах произносящих ее. Жилец слушал, забывался и молился по сладкому влечению сердца. Так было долго.— Успокоенный, затихший, чувствовал, что соседка его была нравственною воспитательницею его; но он никогда не видал ее, а так с нею свыкся, что по всему стал ей своим. Слыхал он только от других, что *она* была *чиста*, как белизна, и нежна, как существо *нетелесное*. Но в одну светлую минуту жизни он увидел ее, и, чудо! они почему-то узнали друг друга и никогда уже не расставались более. Это достоверное предание всегда казалось мне каким-то *иносказанием*. Я потому говорил о нем с людьми знающими, которые растолковали мне все очень ясно, и я согласился с ними, что *соседка-красавица* была то же, что для человека бывает *совесть*, когда он начинает ее чувствовать.

XXIII
ТРИ ЭПОХИ

Есть прекрасная, тихая сторона, *Илладою* называют ее. Там, когда я видел эту сторону *в первый раз*, не было ни солнца, ни луны. Одна вечерняя звезда светлела ясно, и тонкие лучи ее, как серебряные шелковистые нити, сновали по всему пространству. На свежих, зеленых лугах лежала неосязаемая ткань, как легкая серебряная дымка... В той стороне неизвестной, на тех лугах неведомых гуляла прекрасная девушка в безмятежном равнодушии. Она улыбалась на бабочку, прильнувшую к ее руке. Такие же мотыльки и бабочки — синие легкокрылые яхонты — порхали по серебряным лучам. Гуляющая красавица, не тоскуя и не радуяся, была совершенно одна, сама с собою и с своими мотыльками летучими.

Я видел ту же страну в другой раз. Но в ней зарождался уже призрак дня и алое сияние; предвестие солнца густо лежало на половине неба. Прекрасная девушка гуляла там же. Но она была как-то менее одна.

И в третий раз увидел я страну Илладу. Но серебряная ночь уже явственно переменяется там в веселый, белый день. Алмазы росы блещут на зелени. На земле все свежесть; в воздухе все услаждение! Прекрасная девушка жила прежде только для себя, была одна. Теперь вся природа, кажется, дружится с нею! Все около нее любит и ласкается. Целые семейства белых голубков местятся на ветках каких-то густых зеленых деревьев и нежно целуются... На плечах ее сидят также белые голубочки, смотрят на нее злато-розовыми глазами и что-то ей как будто нашептывают... Ручьи бегут к ручьям; ветви клонятся к ветвям; все соединяется; все учит единству, согласию, дружбе и любви нежной, благородной, невинной, высокой, как небо, и чистой, как его внушения.

Может быть, эта прекрасная девушка означает *душу*, а мотыльки не значат ли летучих мыслей? Но что все прочее?.. Догадайтесь!..

XXIV
НЕРАЗЛУЧНЫЕ

Спокойны жители Востока! Они удивляются живой, порывчатой деятельности суетливых европейцев. Важный, благовидный обитатель берегов Гангеса и Эфрата, безмолвно сидящий на узорчатом ковре своем, сложа руки выше пояса, с улыбкою сожаления смотрит на странную деятельность европейца,

бегающего туда и сюда, иногда с необдуманною резвостию ребенка, но по большей части, с некоторым тоскливым, многозаботным и нередко судорожным движением человека, как будто осужденного к какой-то страшной участи. «Зачем же хвалятся они своими науками, своею философиею,— говорят восточные о европейцах,— когда их науки, когда их философия не дают им спокойствия? Стоит ли жить, чтоб тревожиться! Человек создан для покоя высокого, для созерцания усладительного...» Испытатели природы приписывают действию солнца различие темпераментов. Полагают между прочим, что сухость воздуха на Востоке унимает резвость крови. Неизвестно, достоверна ли сия причина; но достоверно то, что жители Востока, богатые и бедные, занятые и праздные, любят молчать, задумываться и предаваться некоторой роскошной мечтательности, придающей и самой их наружности какой-то вид спокойного самодовольствия. Дикие, огненные, стремительные на войне, они мирны среди мира, медленноглаголивы в беседах, кротки, *сладконравны** в домах и кажутся тающими в роскоши садов своих. Их созерцательное бытие на земле проходит как долгая, усладительная дремота.

Недалеко от развалин древнего Персеполиса, священно знаменитой столицы царей и магов Персии, обитал некогда Зунбар, смиренный последователь великого *Зороастра. Слово жизни* (Зенд-авеста) было правилом его собственной жизни, и тот, *кто улыбался тотчас по рождении,* был мудрецом, ему любезнейшим. Зунбар верил, что вековечное Время самобытно, безусловно почивающее в своей беспредельности, *некогда* восхотело — и породило *Ормуса* и *Аримана.* Оба были блистательны и благи. Но *Ариман* воскипел завистию — и *потемнел*! Он очреватал *самостию* и, отторгшись от общего устроения, отяжелел и низвратился долу, где, в неисчетных видах зла, свирепствует, воюя противу верного *Ормуса* и любимых им человеков. Глубокая тьма, любимая стихия Аримана, окружает его и клевретов его. Сия-то тьма густо застилает землю, на которую *молитвы верных* низводят лучи горнего света из лона вечно сияющего *Ормуса.* Зунбар умел читать в великой *книге природы.* Он ведал и священный язык (сан-

---

* В некоторых местах на Востоке существует обычай, сидя с гостем, молчать, думать, курить и только от времени до времени спрашивать друг у друга: «Каково теперь расположение вашего нрава?» На что отвечают: «Оно сладко — как сахар!»

скрит), на котором написаны книги Зенд и тайные *Веды*. Каждая буква сего языка, начертанная в *определенное время*, низводила горний свет и врачевала, в известном круге, общий недуг дольнего мрака. Сады и нивы кроткого *Зунбара* были плодоноснее, его деревья рослее и цветы махровее обыкновенных. Везде кругом его видна была как бы священная жизнь и свежесть, ибо на нем почивало благословение *повсюду* и *вселюбящего* Ормуса.

Последние лучи солнца отражались на богатой позолоте обрушенных лазоревых столбов, украшавших некогда дворцы и гробницы царей. Прохладный вечер нисходил, как тайный дар неба, на раскаленные поля. *Зунбар* сидел в саду своем, против высокого водомета, под живым навесом, на котором благоухали красивые ясмины и тысячи белых и алых роз.

Тишина и благоухание возвышали душу его. Он видел радужные дороги воздушные, лазоревые палаты, храмы, слитые из злата живого, как жизнь, и тонкого, как огонь, сады с древами неземными, цветы из алмазов и камней самоцветных — и рой младых *пери*, купающихся в разливе алой зари. Иногда дух его парил еще выше: он видел *хрустальные врата*, сквозь которые, как во сне, открываются радости рая... И некогда созерцал он и слышал, как одна половина неба спорила с другою о том, чего более заключается в существе Господа: *всепремудрости* или *всеблагости*? И вдруг, среди таковой созерцательной задумчивости, видит он однажды пред собою странную чету. Две женщины явились ему. Одна — старая, наморщенная, изувеченная, подпертая клюкою, дряхлая как немощь, и неприятная для глаз, как безобразие. Другая — свежая, молодая, стройная, с легким станом, с голубыми ясными очами, с миловидною головою на круглой, прямой, белой шее, которая, вместо ожерелья, обнизывалась мелкими светло-русыми кудрями. Эта *другая* была вся прекрасна, как улыбка невинности, и чиста, как слеза сердечная. «Кто вы?» — спросил их Зунбар таким языком, которого слова понятны, но не слышны, как слова человека, разговаривающего умственно с самим собою. «Кто вы?..»

«Мы — родные сестры! — отвечала младшая.— Мы пущены в мир человеков, чтоб ходить по земле одной за другою... Она (указывая на старшую) для того, чтоб мучить, а я, чтоб утешать. Она всего лишает; я все заменяю. Видишь, какие у нее жесткие руки и на них цепкие железные когти!.. Мои ладони ласковы, как щелковитость атласа, и мягки, как лани-

та невесты, лобзаемая женихом. Ими лаская, я ублажаю, целю, успокаиваю сердце, растерзанное ею. Она мучит, как нечистая совесть; я успокаиваю, как голос ангела к кающемуся грешнику. Она горька, как полынь; я сладостна, как прохладительное *питие Востока*. Она — стоны и жалобы, я извлекаю из сердец человеческих те сладкие, те возвышенные чувства и те чистейшие слезы, которые духи жизни собирают в златые сосуды и приносят как дань, как лучшую жертву пред густопламенный престол *Поднебесного*!» Но для чего ж вы всегда вместе? Зачем ты, *прекрасная*! не бросишь своей безобразной? — Тогда старшая отвечала: «Зунбар! ты стяжал мудрость, но не получил еще *ключа разумения*. Ведай: так поставлено свыше! Без меня сестра моя была бы только существом умственным; при мне она *действительна*. Не знали бы целебной сладости врачевства, когда бы не было огорчительной скорби болезни. Истинную ценность придаю сестре моей — *я*! Без меня люди многое бы забыли и лишились бы счастия облагораживать существо свое тем высоким ощущением, которое дарует *она*! Одним словом, кто решится не гнушаться моим безобразием, к тому близка будет и ее красота, ибо где я, там и она!..» Они говорили еще многое и, наконец, сказали свои имена на некоем восточном наречии. Звуки сего наречия покажутся, может быть, странными для европейского слуха, а потому я и означаю имена обеих в переводе. Первая, по-нашему, значит — *нищета*; вторая — *жалость*!

IX

К ДУШЕ

Душа моя странница!
Нездешняя гостья ты!
И, чуждая в мире сем,
К чему здесь прилепишься
И чем очаруешься?
Ты птичка отлетная!
Порхая по радостям
И, сил не теряючи
Под тернами горести,
Летишь ты все далее
По гласу призывному...
Из пропасти черныя
Безверия дикого
Высоко подъемлются
Туманы сомнения;

Но ты облетаешь их
И в свете негаснущем
Цветешь как бессмертная!
Отдайся безвестному
Влечению тайному,
Лети с упованием...
И, гостья минутная
Земли сей мятежныя,
Не медли за счастьем здесь;
В земном не найдешь его!
И счастье и радости
В небесном скрываются.
Ах! странница сирая,
Ни с кем не родная здесь,
Тут все тебе пагуба:
Тут страсти условились
Ловить тебя бедную
И свежими розами
Одели, украсили
Пещеру змеиную
Порока лукавого;
И вот он, сверкаючи
Кинжалом и взорами,
Ждет добычи... Бедная!
Лети, воспеваючи
Хвалы Провидению,
Хранителю тайному,
Туда — из цепей земных
В отечество милое,
В объятия Вечного!..

XII

ГЕНИЙ

Нарисуй мне Гения
Бледного, унылого
И с челом развенчанным.
Вижу, плачет Гений твой,
Преклоненный на руку,
И златые волосы
В локонах рассыпаны;
Все кругом — молчание!
На небе ни звездочки!
И погаше́н пламенник

Бурею пустынною.
Нарисуй богиню мне,
Нарисуй волшебницу
Резвую, прелестную:
Дай ты ей лазурные
Крылья мотыльковые
И одежду белую
Из туманов утренних;
Подари ей алую
Розу, вечно юную.
Пусть твоя волшебница
Иль богиня милая,
Как богиня призраков,
Светлая фантазия,
В разных дивных образах
В мире появляется:
То вечерней звездочкой
Вспыхнет в дальнем сумраке
Над пустыней дикою;
То, знакомым голосом,
Кличет утомленного...
То, за темной рощею,
В час полудня знойного,
Зажурчит и по полю
Побежит сверкаючи...
То за синей тучею
Свежим блеском радуги
Светит улыбаючись...
То быстрее молнии
Возлетает на горы
И блистает девою
Стройной, величавою
И зовет унылого
Голосом и знаками,
По пути тернистому,
В новый край неведомый
К людям — в даль туманную,
В области, кипящие
Жизнью и заботами...
Кто же, друг мой, Гений твой?
Как назвать безвестного?
Отгадай, придумай ты;
А твою богиню я
Назову — *надеждою.*

XX

УСЛАДОВА ЛИРА

(Баллада)

Верна была Усладу лира
 В его тиши;
Он променял все блески мира
 На мир души!
Он не позорил чистой лиры
 И, лести враг,
Пред вами, грозные кумиры,
 Не падал в прах!
Но растерзав земные узы,
 К звездам летел;
И, пылкой друг свободной музы,
 Он сладко пел:
Великолепную природу
 И дивный свет,
Души высокую свободу —
 И был Поэт!
И добродетель в песнях громких
 Прославил он:
«Узнают ли о них потомки?
 Все в мире сон! —
Так говорил не раз унылой.—
 Здесь все на час!»
И не допевши песни, милой
 Поэт угас!
Но весь не умер он, и *лира*
 Еще стройна;
И только в области эфира
 Взойдет луна
И струн дотронется лучами,
 Дрожат оне —
И вспыхнет жизнь на них — и сами
 Поют одне!
Как прежде — все поют природу,
 Добро поют;
И удивленному народу
 Урок дают!
И лиру розами венчали,
 Дивяся ей,
И благовонней розы стали,
 Цветя на ней!
И вот кругом градов обломки,

Их блеск погас!
Но слышат все еще потомки
Той лиры глас!

XXV
МОРЕ

Душа томится в вихрях света;
Мне душен воздух городской;
И я, оставя за собою
Заботы, пыль и тесноту,
Спешу на дикий берег моря —
На зов понятной мне мечты...
Я вижу синее пространство
В его роскошной широте;
И мне повеял ветер свежий,
Как будто с родины моей!
Златое солнце утопало
В волнах багряных облаков,
И флаги алые ходили
Под дымным синевом небес;
И я увидел, как знакомца,
Долину влаги голубой;
И необъятное пространство,
Так нравилось моей душе,
Как будто что-то ей родное...
Не знаю... или, может быть,
И знаю... но могу ль сказать
Языком скудным человеков,
О том — чей дивный образ нам,
Необозримое пространство!
И почему к себе всегда
Манит фантазию Поэта
Румянцем блещущая даль?..
Я слушал плеск валов шумящих
И в беспредельность улетал:
Она была мне как свобода,
Когда она в волшебных снах
Приснится узнику младому...
Я, сладкой свежестью дыша,
Как будто молодел душою;
И томность светской суеты
Стряхнув с себя, как пыль градскую,
Я весь как обновленный стал!..

Но звезды вечера зажглися,
И с легкой ношей сладких чувств
Я крался сквозь толпы народа,
Робея счастье обронить...
Ах, если б в шуме сих кипящих
Расчетов, выгод и страстей,
Где сохнет сердце, вянут чувства,
Ах, если б век я был так свеж
И так в восторгах беспределен,
Как ты, кого теперь пою,
Долина моря голубая!

XXVII

К НОЧИ

Приди, о ночь! приди ко мне,
Как на условное свиданье;
Пусть гаснет пылкое страданье
В твоей прохладной тишине!
Ты, сизою своей одеждой
Окутав бедную постель,
Уложишь спать меня с надеждой...
Я сплю... И тайная свирель
Играет где-то дивны звуки:
И не она ль манит мечты?
И не она ль отводит муки?
Кто вас, воздушны красоты!
В приют тоски моей сзывает?
Кто так природу украшает
В моих заплаканных глазах?
Каких небес я вижу своды?
Картины счастья и свободы,
Лимон и лавры на холмах...
Но шум вломился с суетою —
И прочь с очей мечты и лень.
Опять идет мой грустный день,
С своей несносной долготою!

XXXI

ЗАВЕТНАЯ КНИГА

В пустыне далекой был старец седой,
Пещера в утесе — жилище его;
И дуб устарелый и клен молодой

Укромную келью, шумя, осеняли,
И теплилась тихо на сумрачном своде
Лампада; в средине налой, и на нем
Лежала, как тайна, *заветная книга*;
И к ней только старец один прикасался.
Три части вмещала та книга в себе;
Три разные ленты те части делили.
Как свежая роза, алела одна;
Другая, как небо, была голубая;
Но черная третья, как врана крыло.
И с каждым рассветом пустынник-мудрец
С почтением к книге заветной подходит
И лист, но не боле, читает один.
И он уж за черной прочитывал лентой;
Не много ему оставалось читать!
Читает — и книгу, со вздохом, закрыв,
Идет он, склоненный в глубокую думу,
Как будто прощаться с природой.— Так мирно
И тихо в нем жизнь погасала, как день
На ясном безоблачном небе.— И вот
Пришел к нему гость из мятежного света:
То юноша свежий, как цвет молодой;
Румянец пылал на лилейных щеках,
И светлые искры сияли в очах,
И кудри играли вкруг шеи прямой.
«Отец! благодатью святой осени
Пришельца из бурного света. Открой
Высокую тайну; скажи мне, мудрец:
Как в мире мятежном без бури прожить?
И где обитает блаженство? скажи:
Где с пылкой душою я счастье найду?
Пусть мудрости хладной созрелый совет
Кипящую жажду в груди утолит!
Напой меня светом вещаний святых:
Открой, благодатный, мне тайны судьбы
И жизни науку!» И старец в ответ:
«О, посланный сердцу наследник младой!
Приди, мой желанный! и тайну прими,
Высокую тайну... В сей книге она:
Вся жизни премудрость в сей книге святой,
Заветной: ты каждый читай ее день,
И лист, но не боле, для каждого дня!
Не более, помни!» ... С сим словом почил,
Как тихий младенец, столетний мудрец.
И было преданье, что ангел пустынь

Восхитил земные остатки его!
Вот ночь протекает, как вечность!.. С зарей
К заветной подходит пылающий чтец
И к розовой ленте душою летит.
Читает, и сердце весельем зажглось:
Все розовым светом сияет в очах;
Все жилы, как струны, дрожат — и ключом
Кипит молодая, румяная кровь.
Улыбка играет на свежем лице;
Он, кажется, слышит надежды привет
И голос знакомых мечтаний: он весь
Восторг и желанье... Уж лист пробежал
И дале, все дале, как вспыхнувший огнь
При веяньи ветра на поле сухом;
И вот в упоеньи всю первую часть
Прочел, поглотил он — и розовый свет
Угас, и поблекла улыбка... Он стих;
Но слышит он новый заманчивый глас:
«Все дале, дале!» Эфир голубой
Сияет, как небо, в заветных листах.
И все постоянней, и все там верней,
И счастья обеты слышнее — и цель
Вдали, за туманом, яснее горит...
Спокойнее взоры чтеца,— но уныл
И пасмурен стал он, когда перешел
За черную ленту... Там вялая жизнь,
Как сонные воды в пустынных брегах...
Прочел — и со вздохом воспомнил завет,
И тихо побрел он к родной стороне.
Но там ненадолго он гость у друзей!
Он сохнет, он вянет отцветшей душой;
Линяет румянец на впалых щеках,
И жизнь догорает во взорах — и вот,
Унылый, он рано в могилу сошел.
Постигнули тайну кончины его...
И братья, и други, по летам забав,
Вздыхая, жалели о пылком чтеце,
Что книгу он жизни так рано прочел!

ДВЕ СЕСТРЫ,
ИЛИ КОТОРОЙ ОТДАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Я знаю двух сестер... Как это слабо выражает мои отношения к двум милым, прекрасным существам! Я люблю, люблю пламенно двух обворожительных сестер, и сия любовь не знала бы предела, если б это прекрасное, высокое чувство могло быть решительнее, без колебания, без двойственности. Но я чувствую, что оно не может быть полным, единственным, от беспрерывного уклонения то к старшей, то к младшей сестре. Обе прелестны, но каждая имеет свои особенные прелести; обе привлекательны, но влечение к ним неодинаково. Одна сияет в полноте своей красоты, как ясный, погодный день, обнаруживающий всю живопись окрестностей, всю роскошь природы. Душа погружается в некое упоение, увидя сияние гор с поднебесностию, небес с стекловидностию моря; луга, подстилающиеся под рощи; большие дороги, лежащие, как развернутые свитки, и сады, как картины, окруженные рамами своих оград. Но очарование, так сказать, редея, истощается, когда душа, упоенная красотами великими, но единообразными, не находит новой пищи для нового восхищения. Напротив, *другая* мила, заманчива, привлекательна, как лунный вечер поздних дней лета. Я люблю такие вечера! Белые туманы, то затопляя, то выказывая закругленные холмы, чернеющиеся леса и развалины замка на острие скалы, волнуются, застилают белые скатерти или накидывают трепещущую дымку, которая, ничего не закрывая, ничего и не выказывает. Душа любит погружаться в сие смешение бледнеющего света, синевы небесной и сизого сумрака; любит ловить предметы среди зыбучих туманов и странствовать за рановидными тенями, которые, как будто живые, следом за луною перемещаются из долины в долину, от холма к холму. Такова *вторая сестра*, не имеющая ничего блестящего, но полная очарования.

Как прекрасна старшая! Вообразите стан и поступь Минервы. Что-то греческое в лице светлом, что-то римское в осанке величественной. Разум и тишина сияют в больших голубых очах ее, ненарушимое спокойствие в чертах лица, в чертах, которых согласие есть согласие превосходной музыки. Все в ней правильность, во всем отчетливость. Каждое движение — мысль; каждое слово — разум. Высокое красноречие льется из полных, румяных уст. Формы ее роскошно округлены и в самых складках одежды — обдуманная искусственность, ум и приличие. Важность сопутствует ей, осклабление уст соответствует мысли, сияющей на возвышенном челе. Все в ней открыто, все ясно. По виду — Юнона; мудростию — Минерва, осанкою — царица! Большая златострунная лира, украшенная драгоценнейшею отделкою, в высоком древнем вкусе, часто обращается в красивых, полных руках и звенит под белыми, округленными перстами ее. Что скажу о песнях, которые она поет о Царях, о народах, о великом, о божественном?.. Величественны и бессмертны, как возвышенная поэзия, они важны, усладительны и согласны, как гармония вселенной, как беседа веков, коей внимают поколения мимотекущие. Сии песнопения действуют прямо на разум, утоляют страсти, возвышают душу. Такова сестра старшая.

Как прелестна младшая сестра! Уловите кистью красоту радуги, лентою простилающейся между слоистых туч; определите музыкальными нотами переливы звуков, склонение перекатов коленчатой песни соловья! Изобразите на холсте быстропеременчатые оттенки на лазоревой шее птицы Юнониной и тогда разве постигнете всю прелесть, всю миловидность младшей сестры! Но она не прекрасна, не величественна, в ней ничего нет важного, почти ничего правильного. Легкость — ее примета; чрезвычайно стройный стан — черта ее красоты; какая-то детскость, простодушие, сердечность — вот абрис ее нравственной физиономии. Ее одежда, почти небрежная, всегда у нее к лицу. Я не могу списать ее лица: оно неуловимо и для самого искусного карандаша. Я знаю только, что локоны каштановых волос ее, случайно разбросанные по плечам, прелестны; что миловидность лица восхитительна и что в глазах ее есть нечто околдовательное. Часто я засматриваюсь в поэзию сих глаз и прочитываю в них более, нежели в огромных фолиантах холодной прозы. Она (я продолжаю говорить о младшей сестре) также имеет свое музыкальное орудие. Часто гибкие персты ее пробегают по клавишам гармоники. Какие звуки! Все нервы приходят в движение, подгрудие наливается тоскою, фантазия откликается, как будто на знакомый зов, воображение пылает, и весь я вне себя от тоски, от упоения, от непостижимой тревоги чувств,

от сладостного смешения ощущений. Эта младшая сестра имеет свои милые причуды, свои пленительные прихоти. Ее уединенные прогулки разнообразны, как и все в ней разнообразно. Раз я видел ее высоко от земли, на самом острие скалы. Там, под навесом тихого неба, на котором жаркая позолота заката мешалась с светлым румянцем вечерней зари и с серебристым сиянием выступающего месяца, в белой одежде, под голубым покрывалом, она стояла в живописной неподвижности, как гений, изваянный рукою великого художника, как легкое видение, внушающее сладкие, приветливые ощущения. Но она любит скитаться и под воем осенних бурь и всматриваться в страшные картины неба, на котором тучи громоздятся, как густые ополчения сражающихся человеков. В запустелых башнях ставит она эолову арфу и долго, долго слушает, как будто желая затвердить и после кому-нибудь пересказать те прерываемые, дикие звуки, те переходы заунывные, те отголоски, похожие то на плач, то на тоскливое сетование, напоминающие все былое, все минувшее, то чудное смешение воплей и пения, которое родится от мимолетного прикосновения пустынного ветра к звонким, упругим струнам. Она любит странствовать по развалинам рыцарских замков, опустелых храмов, упраздненных монастырских обителей, посещать хранилища древнего оружия, гробницы, украшенные гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, которых уже не стало! Как волшебница фесалийская, она умеет возбуждать мертвых на кладбищах! по гласу ее они восстают в белых саванах и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказывают ей были минувшего времени. Несравненно более прихотливая, она менее разборчива, чем старшая сестра, в выборе предметов для пения. С добродушною охотливостью она рассказывает сказки и повести, напевает элегии и баллады и, пленяя, увлекает вас от сухой, бесцветной существенности в какую-то неведомую страну очарования, где человеку, болезнующему душою, так весело забываться и обманываться. Не одни чертоги царей, не одни великие явления мира бывают содержанием ее песней.

Она передает события, случившиеся в хижине поселянина, в шалаше пастыря, в кибитке степного жителя, в ауле черкеса и в *чуме* лопаря. Младшая сестра любит города древние, где все говорит воображению и чувству, где на обломках зданий глубоко запечатлены следы веков. Прямые улицы, красивые площади, здания великолепные, хотя и единообразные, порядок и правильность нравятся старшей. Превосходно ее красноречие! Сама прекрасная, как поэма, она внушает восторги высокие, рождает думы величественные, вводит душу в сферу благороднейших наслаждений, знакомит ее с высокими идеалами. В ее

рассказе единство, гармония, истина. Заманчивы, пленительны повествования младшей сестры! При ней пробуждаются мечты, освежаются надежды, воскресают воспоминания и все семейство страстей, соприродных человеку, приходит в движение. Что есть жизнь без бурей и случайностей? — спросил я однажды у младшей сестры. Вместо ответа она указала на пространное озеро, медленно, как человек, истаивающий от смертоносного недуга, замирающее в заглохлых берегах, исчезнувшее под густым наплывом тины, покрытой зеленью, мхами и папоротниками. Я понял смысл сего указания. Так душа, оторванная от сообщества существ, ее понимающих, не освежаемая обменом ощущений и мыслей, ни огненным веянием вдохновения, ни порывами восторгов, ни бурею жизни, увядшая, стесненная пресмыкающимися нуждами, лишается пиитической жизни своей и в холодном бесстрастии, в гробовом спокойствии ненарушимого единообразия предается дремоте, самозабвению, чтоб наконец в глубоком усыплении прийти в оцепенение — не пылать, не волноваться; существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густые тучи, набежав, поглотили звезды. Половина луны, как будто отсеченная мечом, долго бегала в растревоженных облаках. Наконец она исчезла. Заблистали изломчатые молнии и живописно браздили черное, бессветильное небо. Валы свинцового цвета, в венках из белой кружащейся пены, ходили, как привидения, по озерам. В воздухе было душно, в лесах темно; только молнии озаряли высоты золотым огнем, а фосфорические гнили, рассеянные по мокрой земле, сияли серебряным блеском, и холодные лучи земного встречались с пламенным сверканием неба. В это время, в этом месте нашел я младшую сестру. Она сидела спокойно в густом лесу на изломанном бурею дереве. Слух ее, казалось, ловил переливы свистящих вихрей, в ее очах изображалось какое-то юродивое забвение, локоны длинных власов, как и всегда, струились; крупные капли, при свете молнии, сверкали на них, как убор из перлов и яхонтов. Она не замечала меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мне сдавалось, хотела постигнуть всю тайну бури, запомнить все переходы грозы, может быть, для того, чтобы после все пересказать своим любимцам, умеющим понимать ее странный язык, таинственную красоту беседы ее. Но гроза ночная исчезла вместе с ночью. Великолепно было утро освеженной природы. На зеленом скате, у подножия которого лежал, как голубое стекло, зеркаловидный залив моря, среди зданий, увенчанных красивыми куполами и миловидными тосканскими столбами, в светлом приморском домике, живо напоминающем приморский Плиниев дом, нашел я старшую

сестру. Великие поэты Греции и Рима окружали ее в творениях своих. В руках младшей я видел Данта, Ариоста; недавно перечитывала она Гетева Фауста. Старшая жила только среди ваяний и пиитического века древних. Странно! я по какому-то прихотливому, безотчетному чувству влекусь к младшей сестре; но старшая привлекает меня к себе. Любовь ко второй заставляет заниматься только ею; но любовь, соединенная с уважением к первой, сильно колеблет привязанность ко второй. От сего мысли мои часто шатаются, и я, колеблемый нерешимостью, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся то к той, то к другой стороне... Которой же отдать преимущество? — Я не смею решить спор. Может быть, этот спор занимает теперь умы всего современного человечества. Молчу, чтоб говоря более и яснее, не подать повода подумать, что в сем иносказательном описании подразумеваю я поэзии: *Классическую* и *Романтическую*.

ИОВ. СВОБОДНОЕ ПОДРАЖАНИЕ СВЯЩЕННОЙ КНИГЕ ИОВА

⟨Предисловие⟩

Посвящаю жене моей

Было время, когда и я считал себя гостем на веселом пиру жизни. Мечты и надежды сулили неопытному блаженство неисчерпаемое и неодолимым обаянием увлекали пришельца в шум и деятельность мира гражданского. В то время, в минуты отдохновения от дел, от волнений светских, не раз принимался я за книгу *Иова*. Но книга лежала предо мною без жизни, как загадка без ключа, как древний иероглиф без объяснения. Над этою книгою, казалось мне, волновалось густое облако таинственности, сквозь которое тускло и в каком-то тумане видел я картину великих страданий, борение человека с судьбою, недуг, проникавший до мозгу костей страдальца, и скорбь беспримерную. Но все оттенки этой необъятной скорби, этой тяжкой, продолжительной пытки, все стоны, все жалобы многострадального исчезали для меня среди шума жизни, в кипящих заботах мира. Настало *другое* время, когда суетливый говор страстей и тревоги быта общественного заменились глубоким безмолвием пустыни. Медленный, единообразный ход времени в стране дикой, почти безлюдной, расположил душу к размышлению более спокойному, более правильному. В холодных объятиях действительности угасли пылкие мечтания юности, затихли тревожные волнения ума и пробудилась кроткая жизнь сердца — уединенного, как страна, его окружавшая. Тогда, на берегах величественных озер — этих огромных зеркал, в которых отражалось небо Севера, в местах, загроможденных обломками *какого-то* древнего мира, раскрыл я опять *книгу Иова*: и как изумился, не найдя в ней *прежней* неясности! Эта книга, в которой открылись мне красоты слова Божия, сделалась моим любимым чтением. Душа невольно сроднилась с стра-

дальцем; века исчезли, расстояния не стало... Я видел, я осязал раны многострадального, я вслушался в его жалобы томные, однообразные, как пустыни каменистой Аравии, и — мне показалось: я понял его муки, разгадал тайны скорби, непостижимой для счастливцев мира. Тогда предпринято переложение *Иова* в стихи, или, лучше сказать, свободное подражание этой книге. Я достиг уже вполовину цели, как, по встретившимся обстоятельствам, думал оставить предприятие недоконченным. Но благое Провидение даровало мне в сопутницы жизни — *тебя*. С самоотвержением искренней любви подала ты мне руку и разделила жребий странника. С тех пор луч утешительной надежды закрался в развалины моего земного счастия. Звуки арфы и лиры твоей услаждали печального; дружеское участие ободряло его. Тебе, моя верная сопутница на пути — не всегда радостном, тебе посвящаю мое подражание книге *Иова*, переложенной мною в *мерные стихи*. Этим стихам отдал я последний душевный огонь, не догашенный бурями жизни.

Книга Иова,— в его лице и истории,— изображает борение *добра* и *зла*. Иов, «величайший из сынов Востока» (как сказано в самой книге), вступил в борьбу с злоначальником*, нетерпеливым, лютым, и победил его терпением и кротостию. Этот враг страдальца (древний завистник человеков) представляется как лицо незримое, но враждебное, губительное, которое *невидимою рукою*, с непреодолимою властию рока, наносит мощные удары страдальцу и смеется над его страданием. За Иовом видны друзья Иова — *цари Востока*. Жена патриарха,— одна уцелевшая из всего семейства,— является на минуту с намерением погубить старца навеки, склоняя его проклясть Бога и умереть. И наконец, к числу беседующих в пустыне, среди гремящего неба и потрясенной земли, соблаговоляет присоединиться — Сам Бог!

Есть мнение, что писатель книги *Иова* — *Моисей*, наученный всей *Египетской мудрости*, сильный в словах и делах, орган Св. Духа и слова Божия. Он написал ее, как полагают, во время сорокалетнего пребывания в пустыне Мадиамской**. Древнейшими читателями этой древнейшей книги были, надобно думать, все двенадцать колен израильских, исторгшиеся из рабства египетского, прошедшие посуху чрез море, видевшие погибель коней, колесниц и шумных ратей фараоновых и созерцавшие грозу и славу Бога на таинственной высоте

---

* Так называет сатану Макарий Египетский в беседах своих.

** В Талмуде говорится, что Моисей потом, в пустыне Синайской, ходил по шатрам израильтян и читал книгу Иова для ободрения унывающих.

Синая. Эту книгу читали потом и под виноградом и смоковницею счастливой Палестины. В христианском мире отцы и столпы Церкви: Иоанн Златоуст, Григорий Великий, Ефрем Сирин, блаженный Августин, уважаемый многими Ориген благоговейно и глубоко изучали терпение Иова в его книге. У евреев ученые раввины, составители *Талмуда,* потом раввин Елеазар и другие — также с благоговением рассуждали об этой книге. Не считаю нужным говорить, как много и новейшие ученые занимались *книгою Иова**. Один из умилительных обрядов у христиан греков сопровождается пением строф из Иова. При погребении *Марко Боцариса,*— при этом достопамятном погребении, которое торжественно совершалось под прекрасным небом возрождавшейся *Эллады,*— молодые девы, шествуя длинным рядом, усыпали последний путь героя цветами и пели *стихи из Иова***. Более 35-ти *столетий* слышали жалобы многострадального!.. И во все времена, у всех народов были сердца ему сочувствовавшие, ибо человек всех стран и веков любит по временам предаваться высокой, таинственной грусти, часто составляющей лучшую роскошь сердца. Я приписываю тебе мое *свободное подражание книге Иова* там, где оно вполне окончено. Вместе провели мы несколько прекрасных дней в уединении очаровательном, в благословенной Малороссии, в семействе, умеющем наслаждаться всею прелестию древней патриархальной жизни и лучшими цветами нового европейского быта. Мы утешались престарелою матерью, окруженною любовию четырех достойных сынов и нежнейшей дочери. Тихая жизнь и семейственные добродетели так редки в наше время, обильное явлениями бурными, что мне приятно вспомнить о *том месте*, где, в ласковом воздухе цветущей Малороссии, окончил *труд мой*, начатый под шумом северных лесов, колеблемых ветром, навевающим стужу от берегов *Белого моря*. Я почту себя счастливым, если слабое мое подражание книге, отличающейся силою слога, заслужит хотя некоторое внимание соотечественников. Тогда приношение это сделается более достойно твоего неоцененного для меня дружества.

Июля 20-го, 1834 года

---

* Умбрейт, один из переводчиков и пояснителей *книги Иова*, приводит до 30 известных ученостию мужей, занимавшихся переводом и изъяснениями на эту книгу.

** И поныне сохранился еще у некоторых евреев обычай проводить семь ночей в доме усопшего и читать книгу Иова. Наша Православная Церковь положила правилом прочтение начала и конца книги, где описываются лишения и терпение Иова и новое его благосостояние и довольство,— на страстной седмице, сближая злострадания Иова со страстями Господа.

К ПУШКИНУ*

О Пушкин, Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных
Тебя младенцем полюбил,
Лелея, баял в колыбели?
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе Эроты прилетели
И с лаской Грации подсели...
И Музы, слышал я, совет
Нарочно всей семьей держали
И, кончив долгий спор, сказали:
«Расти, резвись,— и будь Поэт!»
И вырос ты, резвился вволю,
И взрос с тобою дар богов:
И вот, блажа беспечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утехи, наслажденья
И топот коней, гром сраженья,
И чары ведьм и колдунов,
И русских витязей забавы...
Склонясь под дубы величавы,
Лишь ты запел, младой певец,
И добрый дух седой дубравы,
Старинных дел, старинной славы
Певцу младому вьет венец!
И все былое обновилось:
Воскресла в песне старина,
И песнь волшебного полна!..

---

* Стихи сии написаны за год перед сим, по прочтении двух первых песней «Руслана и Людмилы».

И боязливая луна
За облак дымный хоронилась
И молча в песнь твою влюбилась...
Все было слух и тишина:
В пустыне эхо замолчало;
Вниманье волны оковало,
И, мнилось, слышат берега!
И в них русалка молодая
Забыла витязя Рогдая,
Родные воды и в луга
Бежит ласкать певца младого...
Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

1820

УДАЛЕНИЕ А. С. ПУШКИНА ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В 1820 ГОДУ

Познакомившись и сойдясь с Пушкиным с самого выпуска из Лицея, я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливого поэта. Кажется, и он это чувствовал и поэтому дозволял мне говорить ему прямо-напрямо насчет его тогдашней разгульной жизни. Мне удалось даже отвести его от одной дуэли. Но это постороннее: приступаю к делу. Раз утром выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый:

— Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и немоих (под моим именем) пиесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему *пятьдесят* рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги.

При этом рассказе я сразу узнал Фогеля с его проделками.

— Теперь,— продолжал Пушкин, немного озабоченный,— меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что́ будет и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами.

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему:

— Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт; но в душе и рыцарских его выходках у него много романтизма и поэзии: его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности.

Тут, еще поговорив немного, мы расстались: Пушкин пошел к Милорадовичу, а мне путь лежал в другое место.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором, как при генерал-губернаторе, состоял я, по высочайшему повелению, по особым поручениям, в чине полковника гвардии. Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шалями, закричал мне навстречу:

— Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчас был *Пушкин*! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более *деликатным* (это тоже его любимое выражение) пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он явился, очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартире; но если вам угодно, все найдется *здесь* (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-нибудь написано *мною* (разумеется, кроме печатного), *с отметкою*, что́ мое и что́ разошлось *под моим именем*». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал *целую тетрадь*... Вот *она* (указывая на стол у окна), полюбуйся!.. Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? — Пушкин пленил меня своим благородным тоном и *манерою* (это тоже его словцо) обхождения.

После этого мы перешли к очередным делам, а там занялись разговорами о делах графа, о Вороньках (имение в Полтавской губернии), где он выстроил великолепный дом, развел чудесный сад (он очень любил садоводство) и всем этим хотел пожертвовать в пользу института для бедных девиц Полтавской губернии.

На другой день я постарался прийти к Милорадовичу поранее и поджидал возвращения его от государя. Он возвратился, и первым словом его было:

— Ну, вот дело Пушкина и решено!

Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал:

— Я вошел к государю с своим сокровищем, подал ему *тетрадь* и сказал: «Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а на конец спросил: «А что ж ты сделал *с автором*?» Я?..— сказал Милорадович,— я объявил ему от имени вашего величества *прощение*!.. Тут мне показалось,— продолжал Милорадович,— что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, государь с живостью сказал: *«Не рано ли?!»* Потом, еще подумав, прибавил: «Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг».

Вот как было дело. Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах), бросился к Оленину; Карамзин, как говорили, обратился к государыне; а (незабвенный для меня) Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось *буквально по решению...*

Кто таков помянутый здесь Фогель? Фогель был одним из знаменитейших, современных ему, агентов тайной полиции. В чине надворного советника он числился (для вида) по полиции; но действовал отдельно и самостоятельно. Он хорошо говорил по-французски, знал немецкий язык, как немец, говорил и писал по-русски, как русский. Во время Семеновской истории он много работал и удивлял своими донесениями. Служил он прежде у Вязмитинова, потом у Балашева, и вот один из фактов его искусства в ремесле. В конце 1811 года с весьма секретными бумагами на имя французского посла в С.-Петербурге выехал из Парижа тайный агент. Его перехватили и перевезли прямо в Шлиссельбургские казематы, а коляску его представили к Балашеву, по приказанию которого ее обыскали, ничего не нашли и поставили с министерскими экипажами. Фогеля послали на разведку. Он разведал и объявил, что есть надежда открыть, если его посадят, как преступника, рядом с заключенным. Так и сделали. Там, отделенный только тонкою перегородкою от нумера арестанта,

Фогель своими вздохами, жалобами и восклицаниями привлек внимание француза, вошел с ним в сношение, выиграл его доверенность и чрез два месяца неволи вызнал всю тайну. Возвратясь в С.-Петербург, Фогель отправился прямо в каретный сарай, снял правое заднее колесо у коляски, велел отодрать шину и из выдолбленного под нею углубления достал все бумаги, которые, как оказавшиеся черезвычайно важными, поднес министру. Вот какого полета была эта птица, носившаяся и над головою Пушкина!

ВОСПОМИНАНИЯ О ПИИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА

Посвящено отцу поэта

ПУШКИН-ПОЭТ

(Воспоминание)

I

Я помню — в детские он лета
Уж с *Музой важною* играл*
И, отрок с думою поэта,
Науку песен заучал.
Я знаю: *Грации* слетали
К нему, оставя Эмпирей,
И *невидимками* гуляли
С царем цевниц в садах Царей**,
Там, уклонясь в густые тени
(Дитя их сердцем узнавал!),
Он к ним чело свое в колени —
И беззаботно засыпал;
А рок его подстерегал!..

II

Еще мне памятней те лета,
Та радость Русския земли,

---

* Это напоминает пьесу Пушкина «Муза».
** Пушкин воспитывался в Царскосельском лицее.

Когда к нам *юношу-поэта*
Камены за руку ввели —
И он, наш *вещий*, про Руслана,
Про старину заговорил!
В певце — поэта-Великана*
Певец Фелицы обличил! —
Как дружно вдруг его напевы,
Как пышно хлынули рекой**,
Не раз срывая сердце девы,
Не раз мутя души покой,
Как чар волшебных обаянья;
И шум заслуженных похвал,
Молву и треск рукоплесканья,
Следя свой *дальний идеал*,
Поэт летучий обгонял!..
А рок его подстерегал!

III

Как часто роскошью пирушки
И лучшим гостем пировым
Бывал *кудрявый****, бойкий Пушкин.
Не так *бокал*, воспетый им,
Отсвечивал звездящей влагой,
Как, в заревых своих лучах,
Поэт умом сверкал в речах,
Скропленных солью и отвагой;
Когда ж вскипал страстей огнем,
Он, пылкий, был *Отелло* истый:
И живо обличались в нем
Приметы Африки огнистой.
Но вихорь скоро пролетал —
И он опять смирен бывал!..
Палатной жизни с тесной рамой
Поэт душою был не в лад
И в ней *смешное* эпиграммой
Хлестал и метко и впопад!
А между тем на лак паркета

---

* Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал (С. Т. А⟨ксако⟩ву): «Вот кто заменит Державина».

** Иные начинают каплями... Поэзия Пушкина вдруг хлынула рекой.

*** В портрете, в первый раз появившемся при «Кавказском пленнике» Пушкина, он представлен с веселым лицом, с *кудрявою* головою.

Со всей воздушностью поэта
И сам с толпою поспешал;
Но в блеске пышности и неги
Уж в голове его *Онегин*,
Как плод под бурей, созревал;
  А рок его подстерегал!

IV

И вот из Северной Пальмиры
Он бурей жизни унесен;
Непрочность благ узнал и он!..
И зазвенели струны лиры
Под искушенною рукой
Какой-то сладостной тоской.
На темя древнего *Кавказа*
Его взвела все та ж тоска,
И дивной прелестью рассказа,
В котором будет жить Кавказ,
Он упоил, разнежил нас!
Старинный блеск жилища Хана
Затмил он блеском юных дум:
Бахчисарайского фонтана
Не смолкнет долго, долго шум!..
Есть беспредельность — улеглася
Она, холмов обнявши цепь,
Как песнь, как дума, развилася
Ковыльная, седая *степь*.
Как шелковисты *там* долины!
Какие чудные картины
Там путник видит под луной
В часы, как белые туманы
Лобзают древние курганы,
Плывя то морем, то стеной...
Вдруг слышишь в тишине ночной,
За чащей свежего бурьяна,
Трещат огни кругом кургана:
Друзья! то *старого Цыгана*
Кочует пестрая семья:
Туда летал душою я!
И часто на степях *Кагула*
Мне пела песни *Мариула* —
И вам знакома песнь ея;
Цепной медведь, кони, телеги,
Вся эта жизнь без уз, без неги

Давно вам стала *как своя*,—
Там и воздушная *Земфира*,
Как призрак, как мечта, гостит:
Как сладко *Пушкина* нам лира
Пропела весь *Цыганей* быт!
Ах! эту дивную *поэму*
С отсветом жизни кочевой
И страстно-пылкую *Зарему*
Чье сердце не слило с собой?!
Наш Чайльд Гарольд, любя *Тавриду*,
В *волнах зеленых**, из-за скал,
Подстерегал нам *Нереиду*,
А рок его подстерегал!

V

Своей Итаке возвращенный —
Наш друг, наш новый Одиссей
Сзывает вновь своих друзей
На день, свиданью посвященный;
И сколько дивных повестей
О жизни, о боях страстей
Он сдал друзьям с души своей
В разгаре дружбы говорливой!..
Но *кто-то*, гость не пировой,
Был сумрачен в семье игривой
И молча помавал главой,
Смеясь разгульных дум свободе...
На все враждебно он глядел
«И ничего во всей природе
*Благословить он не хотел!»***
Таинственный, как час полночи,
Он огнедышащие очи
(Огонь *Мельмота* в них сиял)
В поэта с умыслом вперял
И что-то в нем подстерегал...

---

* Это выражение (зеленые волны) самого Пушкина, напоминающее одну из лучших отдельных его пьес — *Нереиду*.

** Последние два стиха Пушкина из его пьесы *«Демон»*. Эта прекрасная пьеса написана Пушкиным около того времени, про которое намекаем в V строфе этого беглого очерка пиитической жизни Пушкина.

28 Ф Н. Глинка

VI

Года летели чередою,
Телега жизни ходко шла;
Но в душу мысль одна легла:
Душа просилася к покою...
Свой идеал, свою мечту
Он раз в Москве заветной встретил
И запылал — едва приметил:
Как жадно обнял красоту!
Дотоль разгулом избалован,
Он вмиг окован, очарован
И счастлив стал и ликовал...
А рок его подстерегал!..

VII

И вот от бурь устепененный,
По *сделке* с жизнью *мировой*,
Поэт, отец и муж почтенный,
Он мог бы задремать душой;
Его душа не задремала:
Бытописания заря
Над ним прекрасная играла...
И раз, о предках говоря,
Его нам муза рассказала,
Что он потомок Ганнибала,
Слуги Царя-Богатыря...
Так он, все с теми же струнами,
Все вдохновением горя,
Все рос талантом между нами;
И в гридне* русского царя
Являлся наших дней Бояном...
Но яд уж пьет *одна* стрела,
Расставшись с гибельным колчаном:
Ее таинственно взяла
Рука, обвитая туманом.
Как многого, за дань похвал,
В его полуденные лета
От *бытописца* и *поэта*
Еще край Русский ожидал!!!
Но рок его подстерегал...

* В старинных русских стихотворениях говорится о светлой гридне (о дворе) Красного Солнышка Русской земли — князя Владимира.

VIII

И подстерег творца Полтавы
Сей рок враждебный, рок лукавый!..
Ах! сколько дара, сколько славы
Взяла минута тут одна!
Мы смотрим — всё глазам не веря —
Ужель народная потеря
Так неизбежна, так верна?!
Ужель ни искренность привета,
Ни светлый взор Царя-Отца
Не воскресят для нас поэта?
Теперь, не лавры для венца,
Несите кроткую молитву:
Друзья! Он кончил с жизнью битву;
Едва ль о жизни воздохнув,
Сжал руку дружбы... И, уснув
Каким-то сном отрадно-сладким*,
Теперь он *там*, чтоб снова *быть*:
Былые *здесь* ему загадки
Там разгадают, может быть!..

IX

Могила свежая холмится
Под легкой ледяной корой,
Ночного месяца игрой
Хрусталь холодный серебрится,
И строй воздушный бардов мчится,
Теней и звуков высь полна...
Но что там ярче, чем луна,
Вершину холма осветило?
То песнь поэта!.. То она
Горит над раннею могилой!
Не плачь, растерзанный отец!
Он лишь сменил существованье:
Не умирая, как *преданье*,
Живут поэты для сердец!
Как ни свята тоски причина,

* «Пушкин в гробу имеет вид очень *спокойный;* ни малейшего следа мучений на лице, как будто он сладко, крепко уснул». *(Из частного письма П. М. де Р⟨обер⟩ти.)*

Не сетуй за такого сына —
Он для России не умрет!
Теперь уж рок, из вероломства,
Пяты *Ахилла* не стрежет:
В защитной области потомства
Поэт бессмертен — и живет!

1837, февраля 6-го
Москва

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка* Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря*?..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот*?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
    Белокаменная!
И река в тебе кипела
    Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
    Полоненною,
И из пепла ты восстала
    Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

1840

СЕМИСОТЛЕТИЕ МОСКВЫ

Москва — эта область, заключающая теперь в объеме своем дворцы, замки и слободы, этот город палат и храмов,— была некогда едва приметною точкою на Русской земле. Историческая жизнь ее началась с 1147 года. Тогда случилось в России событие, которое история записала, как будто предугадывая в нем зерно великой будущности. Неисчислимые последствия оправдали потом *историческое значение* этого события, казавшегося, может быть, *в свое время* простым и малозначащим. В 1147 году, в марте (28-го) или апреле, Суздальский князь Юрий (Георгий Владимирович) звал к себе князя Святослава. «Посла же к нему (Святославу) Юрий, рек: буди, брате, ко мне в Москве!» Далее предание говорит, что оба князя съехались и «любезно целовастася в день пятка на *похвалу Богородицы*». Тут,— в зарождавшейся еще тогда Москве,— Юрий угостил своего гостя чисто *по-московски*: *«Великолепным обеденным пиршеством и щедро одарил бояр, сопровождавших Святослава»*. Итак, первые звуки, повторенные пустынным эхом *тогдашних* московских рощей, были звуки и возгласы великолепного *застольного пира* и веселой братской беседы. Не было ли это — намекнем мимоходом —

каким-то предвестием того радушия и доброго хлебосольства, которое впоследствии сделалось задушевною доблестью москвитян? Таким образом в первый раз огласилось *имя Москвы*!.. Пустынно стояли тогда семь холмов, на которых почивает теперь наш великий город. Густой *бор* шумел по скатам и у болотистого подножия нынешнего *Кремля*. Все другие окрестности, более или менее, были лесисты или болотисты. Только на гребне *Воробьевых гор* и на немногих чистых полянах мелькали селы Степана Ивановича Кучки, которого боярские хоромы стояли у нынешних *Чистых прудов*. Уединенно казалось положение *Москвы* (тогда еще *купы сел Кучковых*), трудно было отыскать ее за старыми борами и частными рощами; а потому, всматриваясь в судьбу ее, невольно склоняешься к мысли, что сам русский Бог отыскал на Русской земле точку, к которой прикоснулся перстом своим и рек: «Здесь быть Москве!» Предание повествует, что Юрий, взойдя на один из холмов тогдашнего владения Кучкова (*«и поведше очами семо и овамо»*), пленился красотою места и указал («повеле *соделати* мал древян град») быть тут городу, который долго оставался небольшим городком и назывался Кучковым.— Но этот городок пришелся как-то у самого сердца России, и жизнь и деятельность стали приливать к нему с разных сторон.— Самое местоположение помогало делу, ибо многие, если не все, тогдашние пути и дороги *с востока и юга на север России сокращались*, проходя через урочище нынешней Москвы*. Притом еще до пришествия Юрия Благодать, хранящая Россию, заронила *искру*, которая в темном прибрежном бору светилась для набожных поклонников и была первою вестию, первым заревом, лучом той заветной святыни, тех величественных златоглавых храмов, которыми благочестие русское одело вершину холма кремлевского.— Спас на Бору может быть родоначальником нашей святыни,— построен на месте, где, по словам предания, стояла уединенная хижина пустынника и смиренный лик *явленного* образа. Название Москвы — сперва реки, потом города — остается тайною. Здесь не место исследовать разыскания, из которых ни одно не

---

* Поверка этому случилась в 1812 году. Когда французы заняли Москву и почти не выходили из очерка ее, все хозяева гуртов должны были делать чрезвычайно большие обходы, чтоб проникнуть (с своими волами) с юга на север. С занятием точки, на которой лежит *многозаставная* Москва, пресеялось много путей и дорог и между несколькими губерниями изменилось обычное *прямое* сообщение. Напротив, в стратегическом смысле *занятие Москвы* послужило к гибели французской армии. Воинская мудрость Кутузова *обошла* (посредством искусных *фланговых маршей)* неприятеля *окольными дорогами и осетила* его во множестве распущенными по сторонам легкими отрядами и смелыми *партизанами*.

удовлетворяет вполне. Некоторые производят Москву даже от *Мосохова*; другие говóрят, что на языке *сарматском* слово «Москва» значит «река *излучистая*».— С тайною своего наименования и в тайне своих лесов долго оставалась Москва под какою-то хранительною рукою, вне общей деятельности, тогда шумной и воинственной. Земля Русская страдала в усобицах. Судороги смут и крамолы болезненно сжимали оконечности тогдашней России, но сердце ее — новорожденный городок Москва — было спокойно. Бури качали колыбель, не касаясь младенца, который скоро стал юношею и вышел на свет мужем. По чудному своему положению, Москва все росла и крепла даже и под несчастным владычеством татар. Со времени переселения в нее митрополии она засияла храмами и стала слыть в народе *третьим* Римом. Число соборов и церквей ее дошло, наконец, до известного (по крайней мере, в народе) количества сорока сороков. Эти соборы и церкви сияли изукрашенными главами и целою ратию крестов своих в серединах Москвы, а знаменательнейшие монастыри (Симонов, Донской, Данилов и проч.) стали *святыми сторожами* на окраинах ее.— Чудно расположились и города около Москвы или Москва расположилась посреди городов русских: это мать посреди своего семейства!.. Взглянув на старинные чертежи и взяв Москву за средоточие, вы можете обвести около нее *шесть*, даже *семь* довольно правильных кругов, на которых встретите былые и еще существующие большие *слободы, посады*, торговые села, а наконец, и *самые города* на расстоянии 30, 60, 90, а потом на два, на три, на четыре девяноста верст. Последние назывались украйнами*. Такое стройное семейное расположение значительных мест и городов невольно наводит на мысль о каком-то подобии системы планетной, в которой Москва была как бы серединным солнцем, а города ее — планетами. И действительно, эти города кормились и грелись Москвою, которую народ недаром прозвал *Матушкою*. Украйны московских владений глядели в поле и были, по местам, оберегаемы от набегов напольных соседей сторожевыми валами и нарочным войском**; сама Москва заслонялась живыми крепостями — лесами дремучими, перегороженными крепкими

* Новейшие перемены дорожных линий изменили расстояния: но еще недавно возчики производили ряды свои на два, на три, на четыре девяноста верст от Москвы. Клин (по старой мере верст), Серпухов, Коломна и прочие были на первом девяносте; Тверь и Тула — на втором, Орел и Тамбов — на 4 и 5 девяносте, и так далее... К этому расположению подходят еще: Калуга, Ростов, Владимир, Рязань, Ярославль и проч.

** Остатки этих валов и теперь видны в Рязанской, Орловской, Курской и Тамбовской губерниях.

засеками. До Калиты, даже под игом татар, все усобицы России можно назвать междуусобною войною долей; с Калиты началась война единицы с долями. Сильно привлекла к себе эта московская единица разъединенные доли древней Володимирской Руси, пока наконец все дроби приведены к одному знаменателю и великая задача разрешилась. Россия стала государством. Москва была ядром и зародышем этого государства, которое иноземцы окрестили ее именем — Московиею... Уже реже слышалось имя татар; реже взглядывала Литва из лесов своих. Пригасла слава Твери, Володимира и Рязани; примолк вечевой колокол в Новегороде. Государство вошло в новые отношения, в новую жизнь; прошли славные царствования Иоаннов, настали опять смуты, но причина их была уже внешняя. Кто не знает событий 1612 года? Кому неизвестны имена Пожарского и Минина? Михаил избран народом, и род его царствует над Россиею. Но для Москвы готовился другой, более памятный нам 12-й год. Темна была туча, поднявшаяся с запада: народы как будто сдвинулись с оснований своих и пошли на Россию. Страшное войско следовало за страшным вождем! Москва была целию похода; к Москве шел этот вооруженный полумиллион, и роковое число ее приближалось: ей было тогда 666 лет!.. С неизъяснимым самоотвержением приняла и выпила она свою чашу. Москва сгорела; но пожар ее спалил крылья орлов Наполеона и растопил его железные полки! — В 1612 году города русские стояли за Москву; в 1812 году Москва отстояла города, пожертвовав собою наравне со всеми и за всех. Французы вышли из Москвы еще с дерзостию, но уже без силы... Опожаренная столица лежала под пеплом, но, преизбыточествуя прирожденною ей силою жизни, затаила в себе способность вырастать и разрастаться. В глазах наших совершилось то, что на деле, что рассказывали некогда в сказках: кто-то вспрыснул живою водою мертвые кости Москвы, и Москва встала, выросла и разрослась. Русские вошли в столицу свою с восклицанием: «Дивен Бог во Святых Своих!»* Раздался знакомый звон колоколов московских; храмы освятились и засветлели. Жизнь народная опять прихлынула к сердцу. Пришли полки плотников и каменщиков; во все заставы тянулись обозы с лесом, железом и разными съестными и строительными запасами. И под зимними бурями Москва была тепла чувством своей радости; народ валил в нее толпами, и пустоши ее начали

* Объявление, изданное по этому случаю, начиналось приведенными словами. Это объявление написано кн⟨язем⟩ Алек⟨сандром⟩ Александровичем Шаховским, недавно скончавшимся в Москве.

застраиваться. Положась во всем на Бога и на свое *«авось»*, люди московские принялись опять жить и наживать добра по-старому. Обновилась Москва, но много еще старинного затаила в себе обновленная. И вот теперь, со всеми следами своей старины и византийскими очерками своих храмов, со всеми своими особенностями, стоит опять Москва, как кудрявая старопечатная буква во главе великого свитка России! После знаменитого 666 года исторической своей жизни прожила Москва еще 34 года.— В эти годы — годы незабвенные! — русские прошли всю Европу и за разорение Москвы заплатили помилованием Парижу. В эти годы Благословенный не раз посещал возрождавшуюся столицу — опять белокаменную!.. в эти годы ныне царствующий ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I обрадован рождением своего сына — *первенца!* Москва первая приветствовала новорожденного; и святыня Кремлевская осенила царственную колыбель его; а певец в стане русских (В. А. Жуковский) встретил песнию порфирородного младенца. В эти же годы совершилось в Москве и венчание на царство благополучно державствующего ИМПЕРАТОРА нашего.

И вот минули эти 34 года, полные событий, и *семь веков*, став на семи холмах столицы, приглашают нас приветствовать маститую! И приветствовала ее церковь молебственным песнопением и красноречивою проповедью, а граждане великолепным освещением площадей и зданий. Городская часть и длинные линии лавок опоясаны были широкою огненною лентою и по столпам обнизаны огнями. Подножие памятника Минина и Пожарского было также освещено, а по сторонам его отличались две высокие пирамиды с замечательными надписями. Императорский Московский университет, осыпанный огнями, и многие другие здания привлекали толпы двигавшегося народа, между тем как длинные ряды экипажей тянулись по улицам под розовым заревом освещения. Можно сказать, что Москва встретила 1847 год и свое *семисотлетие* светло и радушно.— Мы заключим, как это всего приличнее, *статью* сию текстом из псалма, который грамотные люди московские прочитали на стенах своего Кремля.

«Велий Господь и хвален зело, во граде Бога нашего, в горе Святей его. Той оупасет нас во веки». (XLVII, 1).

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ Н. МИХ. КАРАМЗИНЕ

1

В раннем детстве, как запомню себя, в нашем смиренном околотке (Смоленской губернии близ города Духовщина) мало читали и, кроме книг духовного содержания, почти не имели других. Календарь, Жизнь Мирамонда (соч. Федора Эмина), Несчастный Неаполитанец и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩ составляли вечернее чтение многочисленных в околотке дворян, разделявших свое время между хлопотами по хозяйству и наслаждениями самого радушного гостеприимства.

Вдруг появились у нас в доме «Мои безделки». Нам прислали эту книгу из Москвы — и как описать впечатление, произведенное ею? Все бросилось к книге и погрузилось в нее: читали, читали, перечитывали и наконец почти вытвердили наизусть. От нас пошла книга по всему околотку и возвратилась к нам уже в лепестках. Кто-то сказал: «Лучшая похвала автору, когда книгу его зачитывают до лепестков!» Так и сталось, думаю, повсюду с *первыми* опытами Карамзина. Никто, хоть бы самый рьяный противник Ник⟨олая⟩ Мих⟨айловича⟩, не станет отрицать громадного влияния его на современное ему общество.

Из первых его сочинений повеяло уже каким-то свежим, живительным, о котором дотоле не имели понятия. В семействах помещиков, живших жизнею обыденною, бесцветною, он пробудил новую жизнь, поднял ряды незнакомых понятий, заговорил языком чувства и получил взамен всеобщее сочувствие. Он как будто дал ключ к самой природе, раскрыв красоты ее утешительные и на нашем севере. Читая его, поняли приятность смотреть на восходящее солнце, на запад, окрашенный угасающими лучами его, любоваться утренним пением птичек (за что позднее упрекали его достойные сами

осмеяния насмешники), вслушиваться в шум родных ручьев, дружиться с домашнею природою и наслаждаться бесплатными ее дарами, с которыми легче миришься с случайностями жизни, охотнее веришь надеждам и, при ясном настроении души, привольнее поддаешься мечтам, рассыпающим столько золотых блесток на черный бархат жизни.

2

Прочитав *первые* опыты Карамзина, я поступил в 1-й кадетский корпус и на первом шагу встретился с славою и уже последующими опытами Николая Михайловича.

Кадеты в рекреационные часы и в классах, заслоняясь лавкою, тишком и украдкою читали и вытверживали наизусть музыкальную прозу и стихи, так легко укладывавшиеся в памяти. Смело могу сказать, что из 1 200 кадет редкий не повторял наизусть какой-нибудь страницы из «Острова Борнгольма». И это уважение, эта любовь к Карамзину доходила до того, что во многих кадетских кружках любимым разговором и лучшим желанием было: «Как бы пойти пешком в Москву поклониться Карамзину!»

3

Из северной столицы (по выпуске из корпуса) уехал я в полк, в теплую, цветущую *Волынь*. И там, в кругу романтических полек, встретил я громкую известность Карамзина и его «Бедную Лизу», кем-то переведенную на польский язык. И там молодые офицеры с гитарами в руках и часто с томными вздохами напевали: «Кто мог любить так страстно, как я любил тебя!»

4

Тотчас по возвращении наших армий из Парижа в С.-Петербург услышал я, что Николай Михайлович начал писать Историю России, и, не будучи еще знаком с ним лично, послал к нему несколько приобретенных мною *польских хроник*. В ответ получил я от него очень ласковое письмо, которое доселе храню за стеклом.

5

По прибытии Н⟨иколая⟩ М⟨ихайловича⟩ в Петербург (уже с *первыми* томами Истории) познакомился я с ним лично. Это была важная для него эпоха! Все надежды, может быть,

и мечты его сосредоточивались в этом кратком, но томительном периоде *ожидания*: «Как будет принята, оценена и *в каком виде* пропущена в печать его История?» В это время я был полковником гвардии, состоял при *Гвардейском штабе* и был издателем *«Военного журнала»*.

Поэтому у меня было очень много знакомых — сослуживцев бивачных по штабам, и к тому присоединялись знакомства (по обстоятельствам весьма близкие) с лицами, стоявшими тогда во главе Управления. Кроме гр⟨афа⟩ Милорадовича, у которого я был ежедневным, я часто бывал у Паскевича, Чернышева, кн⟨язя⟩ А. Н. Голицына. У Николая же Семен⟨овича⟩ *Мордвинова* и *А. С. Шишкова* я был как домашний человек; даже имел доступ к недоступному тогда графу Аракчееву.

Если добавить к этому членов *литературного общества* (в котором были *Пушкин* и все его лицейские товарищи, три брата Княжевичей, Ковалевский, Корф и друг⟨ие⟩), которого я был председателем, а Гнедич — вице-президентом, то легко понять, что мне доводилось иметь обширное знакомство в разных слоях общества.— Я говорю об этом потому, что тогда мне сподручно было *видеть* и *слышать* все приемы и *суждения* насчет Истории Российского государства и судьбы, ожидавшей ее в С.-Петербурге.

6

Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ имел привычку — и привычку неизменную,— ходить (для здоровья) много, долго и во всякую погоду. Обыкновенно приходилось ему проходить мимо нашего штаба, и я, завидя его в известный час, выбегал к нему навстречу, и у нас бывали разговоры любопытные *по тому времени*. Я сообщал ему взгляды разных партий и значительных единиц на его Историю, о которой всякий судил по-своему и то по слуху! — Об ином Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ уже слышал и знал; о другом догадывался; а некоторые вещи были для него еще новы.— Уже обе государыни были на стороне Карамзина, многие влиятельные особы стояли за него; но все чего-то недоставало.— Полагали и, кажется, не ошибались, что Н⟨иколаю⟩ М⟨ихайлови⟩чу следовало сделать визит Аракчееву. Он исполнил эту процедуру, и на третий же, если не на другой день, Истории Р⟨оссийского⟩ г⟨осударства⟩ разрешено появиться в свет.

7

Наконец История Российского государства принята, понята, пропущена в свет, и автор получил награду и приглашение ко двору. Раз зашел я к Н⟨иколаю⟩ М⟨ихайлови⟩чу с Гречем. Мы застали его в хлопотах по туалетной части: он по особенному зазыву собирался на парадный обед во дворец. Он уж совсем был готов, как вошел Ал. Тургенев и, увидя на шее его огромный старинный Владимирский крест, объявил, что с ним нельзя показаться на парадный обед, что никто уж не носит теперь таких крестов, потому что по новой форме положено носить маленькие крестики.— Что тут было делать? — Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлови⟩ч нашелся в затруднении. Тогда я снял у себя и предложил мой маленький, очень изящно отделанный Владимирский крестик. Николай Михайлович принял, благодарил и, сняв с шеи свой огромный крест, подал мне, сказав с любовью и ласкою: «Примите моего старого товарища, с которым я свыкся: по заветному русскому обычаю обменяемся крестами и отныне мы будем крестовыми братьями». Он и доказал это на деле. Раз Ал. Тургенев, приехав из Павловска, сказал мне: «Я сегодня обедал с Карамзиным у императрицы, и когда она завела речь о *Письмах русского офицера* и обратилась к Карамзину, то он говорил об вас с таким чувством и жаром, что не всякий брат так отзовется о брате».

8

Между тестем моим Павлом Ивановичем Гол⟨енищевым⟩-Кутузовым и Карамзиным существовало какое-то недоразумение. Сторонники обоих различно толковали о причинах разлада, который доходил и до перебранок. Воейков засадил Кутузова в *дом сумасшедших*. Но я уверен, что в этом не было ничего серьезного. Жена моя — любимица своего отца — не только при отце читала наизусть Карамзина, но каждое его стихотворение вписывала в свой альбом, и отец ни в чем ей не поперечил (sic). Затем Иван Иванович Дмитриев, которого и портрет красуется у нас в деревне, был известным заветным другом Карамзина и в то же время был и остался до конца дней другом семейства Кутузовых, где его искренне уважали и любили. Откуда ж тут быть вражде? А дело вот в чем: и до Карамзина горели в литературе русской — и, может быть, горели очень хорошо, по-своему — свечи *сальные*; а Карамзин *первый* зажег *стеариновую*! Новый блеск, новый строй слова растревожил старых, и пошел толк: «О старом

и новом слоге». Это, однако ж, не доходило до такой вражды, какую выдумывали современные официозные журналы и нахлебники той или другой стороны.

Павел Иванович Кутузов был человек умный, но вовсе *не лукавый* (каким его воображали), был человек начитанный, ученый, говорил и писал на многих языках (французский знал отлично) и имел нужду, даже необходимость *поддерживать* свое значение по своим соображениям, политическим и *домашним*, от которых зависела участь его семейства. Избалованный веком Екатерины и милостями Павла, он ошибся в своих мечтах, которым вверялся с детским простодушием.

Притом Павел Иванович был *великим мастером* в высших степенях *масонства*, имевшего тогда огромное значение.

Карамзин также был лелеем последователями Новикова* учения, религиозного, патриотического, но вместе углублявшегося в таинства природы и в мистическое созерцание мира духовного.— Карамзин, оставшись на черте простого сердечного верования, отклонился от Бема, Эккартсгаузена и не имел полной веры в *камень мудрых* и *паленгинезию вещей.* За это упрекал его в трех письмах и С. И. Гамалея. Вот это было также причиною несогласия (разумеется, в мыслях) между Кутузовым и Карамзиным.

9

Я спросил у Николая Михайловича: как он составил у себя такую богатую библиотеку? «C'est le fruit de mes épargnes!» — отвечал он и пояснил: «Отправившие меня за границу выдали путевые деньги по расчету, на каждый день: на завтрак, обед и *ужин.* Я лишил себя ужина и на эти деньги (за границей книги дешевы) закупил много книг. Таким образом, я возвратился с лучшим здоровьем и с библиотекою!»

10

Я спросил еще его: откуда взяли вы, Николай Михайлович, такой чудесный слог? — Он отвечал: «Из камина!» — Как из камина?! — «А так: я переводил *одно и то же* раз, два и три

---

* Непреложным доказательством, что Карамзин в молодости был в близких связях с *Новиковым,* я отправил к *Погодину* единственную (ибо другой быть не может!) *печатную* (корректуры) *книгу,* в которой на каждой почти странице написано: «Ник. Карамзин; *читал:* Ник. Карамзин» и целые фразцы *его рукою.* Жена Погодина писала мне, что он *выздоровел* от радости, получа эту книгу! Притом сообщенные мысли и проч. он вклеил в свой рассказ.

раза и, прочитав и обдумав, бросал в *камин*, пока наконец доходил до того, что мог издать в свет».

11

А вот черта находчивости Карамзина. Перед войною 1807 года при вызове народного ополчения (милиции) издан был краткий манифест, из которого явно выглядывал «Наполеон-антихрист». Народ так и понял и принял его за *сына погибели*. После несчастного Фридландского сражения довелось Карамзину ехать из Москвы в С.-Петербург. И вот (он имел привычку, завидя станцию, отпускать лошадей вперед, чтобы пройти пешком), когда он подходил к станции Яжелбич, собравшаяся у станции толпа крестьян обратила его внимание. Из толпы выходили шум, крики и даже угрозы. Станционный смотритель держал в руке газету и разъяснял, по-своему, *известие из-за границы*. «О чем это шумите, робята?» — спросил Карамзин. «Да как же, батюшка! — отвечал ему один из более речистых.— Царь наш, видишь, *помирился* с Наполеоном, а он ведь (сказано было) *антихрист*!!!» — «Эх вы, братцы! — возразил Карамзин.— Да разве вам не прочли в газете, что дело-то было *на воде*; мир заключен посреди реки: вот царь прежде окрестил его, а там уж помирился!» — «Ой ли так? — закричали крестьяне.— Ну, славу Богу!» — и, сняв шапки, крестились и весело разошлись по домам.

12

Раз, выбежав из штаба навстречу Карамзину и будучи очень утомлен утреннею работою, я жаловался Н⟨иколаю⟩ М⟨ихайлови⟩чу на скуку этой работы. Сипягин — аккуратный начальник Гл⟨авного⟩ штаба — не хотел ни у кого оставаться в долгу и поручал мне, между прочим, писать ко всем ответные письма: в одно утро приходилось иногда писать к архиереям, генералам, а также бабушкам, матушкам, тетушкам гвард⟨ии⟩ подпрапорщиков и офицеров. «Да,— сказал Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩,— и для меня самая трудная комиссия писать частные письма: легче бывало написать главу Истории, чем одно письмо!»

13

Что прекрасная, мягкая (по-нынешнему «гуманная») натура Карамзина выражалась не одним его пером, можно представить многие факты. Я представляю ближайший.— Другой, написавши «Р⟨усскую⟩ ист⟨орию⟩», уж никак не дозволил бы идти кому-нибудь по одному с ним пути; а Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ не только одобрял словами «Рус⟨скую⟩ ист⟨орию⟩» С. Глинки, но еще хлопотал «о введении этой Истории (чего, однако ж, не случилось) в учебные заведения».

14

Очевидцы рассказывали, что Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ смолоду был веселонравен, быстр в движениях и, как говорится, легок на подъем. Часто заставали его опирающего на спинку стула и делающего легкие пируэты,— вероятно, это была гимнастика. Радушно и весело встречал он своих гостей и, между прочим, поэта того времени Панцербитера, автора «Была девица Катерина» и проч. (пьесы, которая долго бегала по рукам в рукописи). Всякий раз, когда Панцербитер входил, Н. М. приветствовал его: «Was macht man auf dem Parnasus, Herr Panzerbitter?»* — и продолжал с ним *веселый разговор.*

В 1825 году поехал я (тогда еще считалось это диковинкой) на пароходе «Берта» в Петергоф на известный *праздник*. Пароход не был еще как нынешние; качка заставила меня выйти на палубу. Оттуда еще издалека увидел я на берегу, выше кипевшей внизу толпы, человека величавого, стоявшего неподвижно и спокойно смотревшего на *заходящее* солнце, позлатившее небо и залив, утихший после волнения. Сойдя с парохода и пробравшись сквозь толпы суетившегося народа, я очутился лицом к лицу с Карамзиным. «Что вас вызвало сюда, Николай Михайлович?» — спросил я. Он отвечал: «Я всякий вечер прихожу сюда смотреть на заходящее солнце».

Но петергофское солнце заходило, а солнце его славы все более и более разгоралось: известно, как с той поры оценен был он Государем и Отечеством.

---

* «Что нового на Парнасе, господин Панцербитер?» *(Нем.)*.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Статья о Рылееве так меня заинтересовала, что я хоть кое-как и как попало спешу набросать несколько мыслей об этом человеке и пр⟨очее⟩. Начну сначала и *по цифрам*.

1

С Рылеевым я был знаком. Он был членом «Вольного российского общества» (соревнователя просвещения и благотворительности тож), где я был президентом и где Пушкин, вся лицейская дружина и всего человек до 40-а заседали каждую неделю в доме Войвоцы. Познакомясь и с доброю, любезною женою Рылеева, я крестил у них сына и всегда был почитателем прекрасного (по моему мнению) таланта моего кума — таланта всегда энергичного, всегда подтепленного огнем.

2

Рылеев (я помню это время) был в *Острогожске*, где познакомился с братом моим Григорием и где ему было так хорошо! — Там бы ему, голубчику, и оставаться... и ничего бы и не было!!! А то сам, вопия и стеня, потянулся опять в Петербург и — запутался. Он был человек с сердцем, но голова не была довольно холодна! — Да надобно ведь знать и *то время*! Если рыбу, разгулявшуюся в раздольных морях, засадят в садок, и та всплескивает наверх, чтоб вздохнуть вольным Божьим воздухом — душно ей! И душно было тогда в Петербурге людям, только что расставшимся с полями побед, с трофеями, с Парижем и прошедшим на возвратном пути чрез сто триумфальных ворот почти в каждом городе, на которых на лицевой стороне написано: «Храброму Россий-

скому воинству», а на обратной: *«Награда в отечестве!»*. И эти разгулявшиеся рыцари попали в тесную рамку обыденности, в *застой* совершенный, в монотонию томительную, в дисциплину Шварца и проч. Ну вот и пошли мечты и помыслы...

3

Рылеев, как жаль, как и многие тогда, сам на себя наклёпывал! Все из того, чтоб как-нибудь да выплеснуть — выказаться из садка! Совсем он не был обжора, а пишет к Булгарину: «Я обжираюсь и проч.!» Это, тогдашняя черта, водилось и за Пушкиным: придет, бывало, в собрание, в общество и расшатывается. «Что вы, Александр Сергеевич!» — «Да вот выпил 12 стаканов пуншу!» А все вздор — и одного не допил! А это все для того, чтоб выдвинуться из томящей монотонии и глухой обыденности и хоть чем-нибудь да проявить свое существование. Хотели воли, поля и деятельности. Но Рылееву эта привычка нахватывать на себя дорого обошлась! Мне сказывали, что он и пред тайным судом будто выговорил: «От меня все зависело! Я все мог остановить и всему дать ход!» А мне и теперь кажется, что этого не было: незаметно было его особенного влияния никакого! И 14-го числа, когда еще можно было ходить около каре, из которого вытягивался В. К. Кюхельбекер, я увидел Рылеева, в старом фраке, смирно стоявшего в стороне. Он подошел ко мне и сказал: «Смотрите, что затеяли! Вышли на голую площадь и думают устоять — есть ли тут толк?!»

4

А *Думы Рылеева* ведь вышли с большим блеском и наделали много шума! — Должно заметить, что до того времени никто не продавал своих пьес: даром отдавали в журналы,— и первый Воейков заплатил за *Думу* Рылееву 100 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩. После и Пушкин стал брать по червонцу за стих — и пошли.

5

Ну, как я смеялся! Вышла пословица: *«И на вас, мудрецов* (все достающих, все изведывающих), *случилась проруха!»* — пьеса «Не слышно шуму городского и пр.» отнюдь не Полежаева и нисколько не Рылеева! Это просто одного моего

знакомого, и в ней (в печати) недостает одного куплета. Она написана точно под землею, но как-то выскользнула на свет, попала в Киев, положена там на ноты и распевалась по разным местам.

6

А Серафимы Тепловой стихотворение обошлось ведь не совсем даром: брат Сергей Николаевич просидел за него сутки под арестом, пока объяснилось, что дело шло о покойном друге сочинительницы.

9 января 1871 г.

II. ОПЫТЫ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ

К ДУШЕ

О ты, кем чувствую, живу и разумею,
Тобою о тебе желая рассуждать,
Душа! могу ль тебя постигнуть, описать?
Непостижимая! я пред тобой немею...
Кто ты, безвестная: огонь, эфир иль дух?
Иль неба тайное святое вдохновенье?
В тебе владычный ум; в тебе воображенье;
Кто ж ты сама? Ужель минутное явленье?..
Тебя не видит взор, тебя не слышит слух.
    Нетленная, но в ломком тленьи,
    Ты в дольнем мраке горний свет;
    В порывном дикий ключ стремленьи
    Из горных нор, мутясь, течет;
    Но, увлечен извитыми брегами,
    Меж ароматными лугами,
    Яснеет, прежнюю утратив темноту,
И видят в нем всю неба красоту.
Так, заключенная, и ты, в земном составе,
Из тлена выказать стараешься себя:
В младенце, кажется, как будто нет тебя;
Но зрея с летами, сияешь в ясной славе...
Ты в теле то, что светлый ключ,
Глубоко скрытый в камнях мшистых;
Что солнце ясное за дымом синих туч;
Что свежий аромат — душа цветов душистых;
Что дорогой алмаз, когда корой покрыт:
Все чувствуют тебя, никто тебя не зрит!
Не зрю, но чувствую твое во мне движенье;
Ты действуешь во мне в бездействии моем.

Когда затихнет дня кипящее волненье
И станет все — молчание кругом;
И мака пышного душистыми цветами
Осыплет сон товарищей моих,—
Я, в хижине моей, рой шумный скук дневных
Замкнув, спешу на брег под свежими кустами
Тебе, душа моя, отдать себя под власть:
Забудь на миг мою земную часть
И, светлый дух, пари, летай под небесами,
Когда с безмолвными часами
Исчезнут призраки, житейские мечты,
Заснут желания, задремлят суеты,
Престанут сердце грызть напасти
И своевольные слепые страсти —
Залягут и уснут в сердечной глубине,
Как змеи свившись в клуб в пустынной тишине.
Тут все, что вещество, объято сном в природе,
Но дух, не зная сна, витает на свободе!
И, осененная священной тишиной,
Душа, я чувствую, и ты паришь высоко
И, плавая под ясной тишиной,
К песчинке средь миров — к земле низводишь око.
О, что тогда тебе вся пышность стран земных?
Сей блеск, сии лучи от тронов золотых,
Сии кипящие народы?..
Как тихи в вышине лазуревые своды!
И шум и грустный вопль земной природы,
И падающих царств глухой протяжный стон,
Душа, блаженствуя, чуть слышишь ты оттоле,
Как странник, дремлющий на благовонном поле,
Далекий бури шум сквозь тихий слышит сон.
И тонущих в крови племен земных боренье,
Народов бурное движенье
И брани грозные страстей —
Все для тебя, как брение путей,
Что, зыблясь и кружась, виется,
Когда его крылом пролетный ветр коснется.
Ты наслаждаешься, душа, сама собой —
Сим бестелесным наслажденьем!
Но долго ль? миг один! Судьбы твоей веленьем
Ссылаешься с высот — и я опять с тобой!
Гостила в небе ты; а я,
Ни к чувствам без тебя, ни к жизни не способен,
Недвижим, праздному сосуду был подобен.
Но ты опять во мне; ты пленница моя!

Вот петел возгласил! зри утра час встающий,
Железну цепь сует и горестей влекущий!
Покоя хищники — забот стада летят,
И страсти, пробудясь, в груди моей шипят:
Гнев пылкий, охватя могучими крылами,
Теснит меня, влечет, крушит, терзает, бьет
(Так буря мещет челн меж грозными валами),
И зависть темною стезей ползет,
И, жадная, из сердца мир сосет,
Змеей вкруг сердца обвиваясь.
Вдруг блещет молния любви!
И вспыхнул тайный огнь в моей крови,
По жилам быстро растекаясь.
Восторга дикого порыв
Влечет чрез бездны, мчит и мещет в заблужденье!
Но лютый пламень сей, всю грудь мою истнив,
Исчез! ...На пепл страстей влечется пресыщенье.
На раскаленну грудь досадный сыпля хлад,
Жестокое, оно лишает всех отрад
И в сердце льет тоску холодной, долгой муки.
За ним, как ряд теней, сомненье, свары, скуки.
Увы! тут все во мне и ноет и болит:
Отчаянье в груди тупым ножом пилит!
В сих бурях мрачен я, как кладезь возмущенный,
Стою, о стыд, с животным наравне!
И тут нельзя познать извне,
Что ты, небесная, мой друг, мой гость бесценный,
Душа, еще во мне!
Но ты во мне... во мне — я знаю:
Как солнце за густым покровом черных туч,
В рассудке, сквозь туман страстей, горит твой луч;
И в гласе совести я голос твой внимаю.
Далекий отклик твой, как отзыв на лугах;
Как голос лебедя на розовых водах
Весенних сумерков порою;
Как сельская свирель за дальнею горою...
Но он придет, придет твой час,
Когда, как сон, промчатся жизни годы,
Ты вспомнишь о стране блаженства и свободы,
Послыша ангела невидимого глас.
Смерть, острою взмахнув косою,
Узл крепкий жизни рассечет,
И в томной дряхлости, иль с свежею красою
Твой спутник труп, как цвет подрезанный, падет.
Он пал! а ты над ним младою голубицей

В эфире блещешь и паришь
И на холодный труп глядишь,
Как узник на свою темницу,
В отчизну милую призывный слыша глас.
Душа! еще в последний раз
Ты видишь мир, землею нареченный,
И в нем, как океан шумящий, суета;
На царствах царства взгроможденны,
Перед тобой, как сон, неясная мечта!
И времени река, без устья, без истока,
Необозрима и глубока,
Кипит и под тобой скрывается, как тень;
Все веки для тебя — вчерашний день!

Вчерашний день! так что ж растерзанные горем
Земной минутной жизни дни?
Увы! пред вечностью не толь они,
Что капля пред безбрежным морем?
Загадку жизни разгадав
И все, что от земли, земле отдав,
Душа, как светлый луч, на небо улетает,
Оставя наше нам и горе и добро.
Как птица, оброня от быстрых крыл перо,
В полете силы не теряет:
Оставя так душа скудельный свой сосуд,
Сказав земле: «Прости!», забыв болезнь и труд,
Путем младой зари и радуги прелестной
Летит, летит в предел безвестный...
Душа! уже ты зришь бесчисленность громад,
Тьмы тем крутящихся по вихрям мириад!
Ты зришь безбрежное пространства поле
С неисчислимостью неведомых миров,
Как луг пестреющий от молодых цветов!
Ты зришь... но ты земли уже не видишь боле:
Не видишь наших горьких слез;
Все радость в глубине заоблачных небес.
Далеко под тобой шумят земные бури!
В небесной роскоши, плывя в зыбях лазури,
Ты внемлешь стройный глас златых сионских лир,
Встречаешь — кто твои опишет восхищенья? —
Всех милых, всех родных — предметы слез, мученья,
И в светлом сонме их плывешь в надзвездный мир.

Так, весь я не умру! Кипите бурны волны
На грозном море бед... Свирепствуй, мрачный рок!

Расти, как тучный кедр, неистовый порок:
И вы, мои враги, теките, злобой полны!
Идут!.. я слышу дикий крик,
Но я к угрозам равнодушен;
Я Богу одному в душе моей послушен!
И Он, мой вечный Бог, в судьбах Своих велик!

Горящим углием и терном, под цветами,
Усыпала мой путь рука моих врагов:
Идут меня ловить коварными устами...
Но ваш, несчастные, напрасен будет лов:
Небесная уйдет в небесные пределы
(Туда земных врагов не долетают стрелы!),
Оставя вам на пир истлевший свой покров...
О радость! мне ничто все ужасы могилы;
Ничтожество не мой удел:
Мне смерть, как друг, отдаст и жизнь и крылы,
И полечу в надзвездный я предел.

ПОЛЕТ ДУШИ

Душа живет не там, где она есть,
но там, где она любит.
Эттингер

Настала ночь, уснули люди,
Затих мятеж земных страстей;
И небо светлое сияло
Своею ясною луной;
И легионы звезд светили
Мирам, неведомым для нас.
Мечты незримые, летая,
Играли участью людей,
В висоны нищих одевая
И в ветхи рубища князей...
И мой водитель, как и прежде,
В своих серебряных лучах,
Ко мне слетел с своим приветом;
Все тем же голосом, без слов,
Он говорил с моей душою
О чудесах иных миров;
И сладко узницу манила
Его беседа за собой...

Он показал мне, мой водитель,
В недосягаемой выси,
Как тайные ходили силы,
Водя златые хоры звезд...
И я внимал его беседе
О древнем здании миров,
О новых солнечных громадах,
Об океане новых звезд,
Все от того ж истекших Бога...
Я слышал, что без крыл летел,
И таяло на мне все тело,
И я незримое узрел,
И сердце радостью горело...
Уже за мною был туман,
Земли дряхлеющей куренье;
И широко дышала грудь
В волнах безоблачных эфира.
Он веял сердцу от небес,
Как радость от счастливой вести.
И мне сказали: «Вот тот край,
Куда стекаются молитвы
С хвалебной данию сердец;
Где от земной своей проказы
Целенье неба пьет душа!»
Кто мне опишет край чудесный,
Где светлый океан любви
Миры в семейства съединяет;
Где братства ангелов святых
Поют едиными устами,
Как вечность, медленную песнь;
И каждый гимн их — море славы!
И каждый звук их так богат,
Как вся гармония земная...
О, кто опишет мне сей блеск,
Сие смешение лазури
С кипящим золотом лучей;
Где все есть жизнь, огонь и чувство,
Все ясный ум, живой восторг,
Где все и самый воздух мыслит!
Там я увидел (никогда
Не позабуду я виденья),—
Там я увидел, как *земной*
Входил в небесное с вожатым.
Бездымный пламень, возносясь,
Сливался в своды голубые;

И семицветная дуга
Стезей, как лента, расстилалась!
По ней, из-под небесных стран,
Молитвы светлые вводили
Кого-то темного с собой,
И цепь грехов за ним влеклася...
Усталый, робкий путник, весь
Покрытый язвами и прахом,
В гостеприимный входит дом:
И все кругом его так чисто!
Все так приветно, так светло!
И все к нему с такой любовью...
Но он чуждается и ласк,
И дружелюбного привета:
Его пугает чистота;
Стыдится он своей одежды
И язв и недугов своих;
И он не смеет взять фиала,
С кипящей влагою живой,
Из чистых рук прелестной девы:
Ему милее темнота,
Где б лучше скрыть себя от взоров.
Так и пришлец с наземных стран!
Он был чужой в чертоге неба!
Напрасно веяли ему
С лазурных крыл прохладной жизнью;
Напрасно золото и свет
Кругом, как море, волновались:
Он весь был струп и весь болезнь!
И не слыхал в своем смятеньи
Ни чистых, звонких голосов,
Ни слов, от коих сердце тает...
Кругом сияла тишина;
Но в нем кипел огонь, как буря,
И страшный тот огонь был — стыд!
Он не был чист еще для неба!
И, в чувстве сей нечистоты,
Никем не мучимый, терзался...
Так прокаженный сын земли
В себе самом перегорает,
Доколе в нем истлеет грех...
Но между тем на синем своде
Зарю златую зажигал
Младый, прелестный ангел утра.
Пробудный ветр дохнул земле,

И стали просыпаться грады,
И закипела в шуме жизнь...
Меня какой-то голос тайный
Увлек в земное бытие.
Но на моих устах душевных
Осталась сладость от небес!

ЖЕЛАНИЕ БОГА

Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, Боже.

Псал⟨ом⟩ 41

Как с пылкой жаждою елень,
Когда сгорает знойный день,
Склонив рога, бежит, усталый,
Глотать шумящие кристаллы
В брегах студеного ручья;
Так, истомясь, душа моя,
В пустынях знойных дольней жизни,
Летит к святой своей отчизне,
К Тебе, владеющий судьбой,
К Тебе, мой Боже, Боже правый!
Твоей упиться жаждет славы
И слить навек себя с Тобой!..
Я утомился жизни битвой;
И онемелые уста
Не освежаются молитвой:
Меня обходит клевета;
И поносители лукавы,
Ругаясь злобно для забавы,
Твердят всечасно: «Где ж твой Бог?»
Но я, я знаю Твой чертог!
И ясно видят сердца очи
Сию таинственную сень,
Где Твой, без солнца и без ночи,
Горит, не погасая, день!
Я ведаю Твое селенье:
Туда души моей полет
Влечет святое умиленье...
Как тих незаходимый свет
Кругом обителей священных!
Я часто, духом восхищенный,

Летаю в Твой надзвездный дом!
Почто ж в душе моей тревога?
Мятусь и страхом и стыдом.
Моя судьба в руках у Бога:
И что мне может человек?
Как день осенний, пусть мой век
Проходит смутен и умален:
Тоска — мой хлеб; питье — из слез;
Я на земле хожу печален.
Но тайный глас святых небес
И несгораемы светилы
Мне говорят: «Пришлец унылый!
Твоя обитель не земля!
Сии лазурные поля
Полны высоких воздаяний!»
Крепись, мой дух, в стране страданий;
Не вечен твой жестокий плен!
Пройдет пора земной неволи,
И, вольный пленник сей юдоли,
Отбросив свой урочный плен,
Взлетишь ты быстро из тумана,
Из тесноты земной и мук,
Как из разбитого тимпана
Последний улетает звук.

КАРТИНА ИУДЕЙСКИХ НРАВОВ

(Из Пророка Иеремии)

Настал сей мрачный, бурный век,
Сей век молвы и ложной славы!
В душе, и грешный и лукавый,
Забыл ты Бога, человек!
Как злак, твои увяли чувства,
И в мятеже нестройных дум,
Природы прелесть и искусства
Тебя не радуют... Твой ум
(Как пламень смрадный по болотам),
Отдавшись весь своим работам,
Всю нежность сердца иссушил...
Увы! где чистый огнь любови?
Где сладкий друг души — приязнь?
Се люди Бога алчут крови
И ноют духом, слыша казнь!
О, дайте слезы мне, как воду,

Да льются реки из очес,
Чтоб мог я выплакать народу
Прощенье от святых небес!
Кто даст, кто даст мне быстры крылы?
Я жажду тишины пустынь:
Стрелой от сей живой могилы,
От вас, губителей святынь...
Вином разврата упоенны,
Толпы преступников не зрят,
Что скоро громы наведенны
Над их главами возгремят?
Землей безверье овладело,
И быстро льется зло от зла:
На очи мудрых ночь легла,
И чувство грустное одело
Пустые, хладные сердца!
Почто забыли вы Отца!
И сами от Него забыты!
Ищите прежние защиты
В коварной мудрости своей...
Никто не любит и не верит:
Отец в семействе лицемерит,
И брат на брата, как злодей.
В устах кипят глаголы лести!
Вся наша жизнь вам злой упрек!
Под тленною личиной чести,
Как смрадный труп, гниет порок!
Лихва восходит над лихвою,
Над лестью воскипает лесть.
Броди ж с поникшей головою,
Доколь тебя настигнет месть!
Скитайся, как в ночи злодеи,
Гневи меня! хвали разврат!
Я скоро в пепл и весь и грады!
И засвистят над пеплом змеи!
И с коршуном заспорит вран
О ваших трупах безмогильных.
Я в прах ограды ваших стран!
Растает меч в руках у сильных!
Ваш Бог — корысть и суета!
И всякий вихрем жизни мчится:
Но ваши замыслы — мечта!
И жизни сон вам не доснится...
Ты смерть и гибель пьешь, народ,
Из чаши золотой порока!

Замолкнет скоро глас Пророка,
Падет на битвах твой оплот!
У ваших вод — живую сладость,
У хлеба — крепость я возьму,
Одену в язвы вашу младость
И жизни день в густую тьму...
Слепцы надменные, как дети,
Скитайтесь вкруг изрытых ям:
Везде вам ночь, везде вам сети.
Я вас ругателям отдам:
Пускай свирепствуют над вами!
Земля сзывает с неба гром.
Но все мне мил Давидов дом,
И вы, кипящие грехами,
Еще мои все дети вы!
Скорее ж пепел на главы!
Омойте души слез рекою!
Мне в жертву умиленья глас!
Тогда отеческой рукою
Ваш Бог из ада вырвет вас!

ТОСКА ПО СВЕТУ

Тоска, знакомая поэту,
Моя тоска — тоска *по свету*!
Она моя,— она со мной.
В глуши осенней, черной ночи,
Не осребряемой луной,
Когда мои сомкнуты очи,
Когда во мне движенья нет,
Нисходит он, мой *тихий свет*,
Как росоносный пар на нивы.

Какие светлые разливы!..
Я вижу тайны, чудеса,
И, мне сдается, небеса,
Как жизнь, на грудь мою ложатся.
Играют чувства, веселятся,
И мозг костей моих светлей;
Доселе все во мне болело
И все в борьбе, в раздоре млело;
Но умастил Он, как елей,
Сей свет с таинственных зыбей,

Мои тоскующие кости
И свел блаженство с высоты.
За ним ко мне слетелись в гости
Надежды, думы и мечты...
Среди любви и возношенья
Душа веселая моя
Пьет жадно *млеко возрожденья*,
И небом насыщаюсь я!!!

МОЙ ПЕВЕЦ

Я знаю дивного певца!
Без образа и без лица.
Окутан облаком, как дымкой,
Живет певец мой невидимкой,
Живет не здесь, живет он *там*:
Поет не нам, поет звездам!
Но часто, может, ненароком,
И к нам земным роняет звук,
И этот звук, от тяжких мук,
От ран, растравленных пороком
И нашей злобой, нашим роком,
Чудесно душу нам целит!
И сила *новая* кипит
В рабочих жилах ослабелых...
Я вижу *их*... в хитонах белых,
По бирюзовым облакам,
Они спешат в какой-то храм:
Как тих там день! Свежи долины!
Какие чудные картины
Любви и счастья и весны
Я вижу в *тайнах вышины*!
И, невидимо вознесенный,
Весь бестелесный, весь блаженный,
Я *где-то*, между *них*, стою,
И трачу *самость* я свою,
И тает все на мне *земное*,
Как покрывало ледяное;
И стал я *атом* и *ничто*...
Но было то *ничто... живое*,
И у меня не отнято
Ни сила чувств, ни разуменье:
Хоть *я* растаяло мое,
Но было то же бытие:

Я сбросил только *прах* и *тленье*
И прирожденный дольний хлад,
И, став *ничем*, слился я с ними,
Как звук затерянный с родными
Созвучьями в тот *прежний* лад,
Где он живал, звучал когда-то...
Как все там жизненно! как свято!..
И вот уж *ближе* мой певец:
Он все *без образа*, безличен;
Но от других и там отличен:
На нем, как день, горит венец!

1842

ГЛАС В ТИШИНЕ

Когда стихает все в природе,
И, под скругленной высотой,
На сине-яхонтовом своде
Обставлен месяц золотой
Светил алмазными рядами;
Когда почиет тишина
И на земле и над водами;
Когда, под обаяньем сна,
Не шевелится лист и волос,
И все затихнут голоса,—
Я слышу,— слышу чей-то голос,
Зовущий душу в небеса.

III. ПИСЬМА

1. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

3-го ноября 1813 г.
С. Сутоки Смоленской губ. Духовщинского уезда

Все поручения ваши, почтеннейший человек и мой бесценный друг Александр Иванович, я выполнил. Большую посылку в С.-Петербург, а прочие письма куда следовало послал. При вручении письма вашего Каверину я просил убедительнейше, чтобы он обратил внимание свое на справедливость вашего иска; но просьбы мои были напрасны: Каверин отвечал мне, что Гончаров *никому не платит*, отдал *записку вашу* своему письмоводителю,— и тем кончилось. Несчастье ваше то, что вы имеете дело с богатым человеком, ибо, как я здесь узнал, все богачи живут в тесной с Кавериным дружбе. Бедные обеих управляемых им губерний не хвалят его. Однако вы, без потери времени, попросите князя Волконского, чтоб он, основываясь на том, *что государь есть посредник в делах всех находящихся на службе*, написал бы построже к Каверину. Это скорее пробудит внимание к справедливости. Желал бы душевно узнать, что делается у вас; в здешнюю сторону известия доходят очень поздно. Может быть, во множестве новых лавров и трофей, среди грома побед, вы и забыли вас любящего; но мне, в уединенной хижине, всего усладительнее вспоминать о тех прелестных беседах, которыми вы очаровывали меня в Рейхенбахе. Незабвенны для меня те вечера, когда, слушая вас, я видел в воображении счастливую Италию, с ее цветущими долинами, вечно зелеными рощами, голубым небом и пылающими вулканами. Ваши прекрасные рассуждения об изящности произведений древних, о вкусе, нравах и словесности народов, запечатлевшись в уме моем, останутся навсегда памятником вашего дружества. Нетерпеливо желаю увидеть вас опять. Как скоро зима остепенится, полечу в армию. Теперь у нас спор стихий,— грязь, и дороги

никакой нет. Между тем, одолжите хоть несколькими строками уведомления о себе и том, что у вас происходит. Любезнейшему другу Дмитрию Ивановичу прошу засвидетельствовать мою душевную преданность. По напечатанному его письму узнал я о приезде почтенного генерала Коновницына. Если не ошибаюсь, кажется, письмо о Теплицком деле, помещенное в «Сыне Отечества», было писано любезнейшим Александром Андреевичем,— я тем с большим удовольствием его читал. Скажите ему мое истинное почтение. Братцу его усердно кланяюсь. Доброму, любезному Рабле также мое почтение. Брат Григорий в отсутствии и потому лишен приятнейшего удовольствия к вам писать.

Прощайте, почтеннейший друг. Будьте здоровы, счастливы и памятливы о преданном вам Ф. Глинке.

2. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

Почтеннейший друг,
Александр Иванович!

Я уверен, что такое сердце, как ваше, ни при каких обстоятельствах перемениться не может, а потому и спешу написать вам что-нибудь о себе чрез Семена Яковлевича Бровкова. В прошлом году получил я ваше последнее письмо в Москве. Не могу описать, как много оно меня обрадовало. С приятнейшею надеждою вас обнять спешил я в С.-Петербург. Но когда сбываются надежды приятные!.. Блестящий жребий ваш увлек и поставил вас пред собором царей и королей. Сердечно порадовался я, что дарования и способности ваши получили возможность развиваться, цвести и приносить истинную пользу. Ожидали мы вас то к январю, то к марту. Народ надеялся увидеть государя, как вдруг восшумела новая буря и унесла мгновенное спокойствие людей.

Я подался было в отставку, но увлекаемый общим потоком обстоятельств, должен пуститься опять за границу. Я ничего более не прошу от судьбы, как *досуга*, но и в этом отказывает мне судьба!

Не имею ни воли, ни вольности. Должен убивать время, ронять дни в пустых суетах, корпеть над кипами ничего не значащих бумаг. Нет ничего несноснее, как писать по заказу и трудиться не для себя. Однако среди всех недосугов я уловил несколько времени, чтоб привести в порядок полевые записки мои. 8 частей «Писем русского офицера» уже печатаются. 5 книг, только что вышедших из-под пресса, посылаю вам. Полюбите книгу так, как некогда любили автора;

если же окажете столько же приязни сочинению, сколько почтения и любви имеет к вам сочинитель, то сего уже слишком довольно будет! Соотечественники наши оказывают довольно внимания к слабым трудам моим. Еще не окончилось печатание, а уже третья часть издания раскуплена.

. . . .

Федор Глинка.

Июня 12-го 1815 года
С.-Петербург.

P. S. В конце июля будем мы в *Вильне*, в сентябре, вероятно, в *Варшаве*: нельзя ли утешить меня хоть несколькими строчками.

3. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

С наиприятнейшим удовольствием получил я письмо ваше, мой любезнейший Вильгельм Карлович! Я всегда люблю беседовать, хотя заочно на бумаге, с умными и добрыми людьми. Но тем более для меня приятна беседа с молодым человеком, у которого изощрение ума не притупило чувствий сердца, у которого душа нова и светла, ибо не страдала еще в губительном пламени страстей и не томилась в глубоком мраке предрассудков, которым покоряется несчастное человечество. Этот молодой человек — вы! Берегите ж, о, берегите доброту сердца, непорочность нравов, свежесть мечтаний и самую даже прелесть неопытности: это невозвратимые сокровища золотого периода жизни юности! Но не предавайтесь слишком мечтам. Всего опаснее основывать на них соображения и расчеты для будущего. Не верьте льстивым обетам людей, а еще менее посулам счастья. Руководствуйтесь более благоразумием: оно столь же необходимо для того, кто, подобно вам, готовится вступить в свет, как компас для плавания в неизвестных морях. Это древняя истина, которую беспрестанно повторяют, которой все верят, но редкие следуют.

Извините, милый! что я начал и почти наполнил письмо мое все какими-то поучительными выражениями. Так расположились мысли в эту минуту.

Прошу вас усерднейше засвидетельствовать и мое искреннее почитание доброму русскому человеку. Это название предпочитаю я всем титулам светлости, сиятельства и превосходительства, которые почти никому не придают ни светлости, ни сияния, ни превосходства. Я вовсе не ищу, чтоб меня

почитали как писателя, ибо только еще учусь писать, а, признаюсь, желал бы, чтоб меня любили как человека. Помните и любите любящего вас — Ф. Г.

P. S. Я написал наскоро несколько экзаметров, которые и приписываю здесь, зная, что вы охотник до этого:

СОВЕТ ЮНОШЕ

Зрел ли, о юноша! ты, как неба на крае восточном
В сумраках утра блестит первая роза денницы?
Мраки, как черная тень, тихо спадают с долины
С горных хребтов. А меж тем в бодрости, в блеске чудесном
Мир освеженный встает! О, как все прелестно в час утра:
Перлы, кристаллы, алмазы горят! И солнца сиянье
Холмы венчает, златя серебристый туман... Не всегда ли
День к нам погодный ведет утро прекрасно? Ах, часто
С розовых облак оно, мнится, с усмешкой нам шепчет:
«Будьте беспечны!» — Но вмиг и громом и пламенем полны,
С вихрем свистящим, грядой черные тучи несутся,
Грохот меж гор; а в полях молньи змеистые реют!..
Сетует пахарь о том, что, утра обетам поверя,
День потерял!.. О, берегись ты, юноша! дней на рассвете,
Утренним верить мечтам. Ах, бойся беспечности сладкой!
Пользуйся утром! как знать — будет ли полдень твой ясен?
К осени тот лишь пожнет, кто ниву весною засеет!..

〈?〉

4. Н. С. МОРДВИНОВУ

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!

Удостоив меня прочтением сочинения Вашего *о торговой казни*, сочинения, которое под печатью истинного красноречия и высокой любви к человечеству, достигнет позднейшего потомства, Вы изъявили желание иметь и некоторые мои мысли об отменении *ссылки в Сибирь за неважные преступления* и проч. С искренним желанием быть Вам угодным, поспешаю представить вниманию Вашего Высокопревосходительства тетрадь, которая удостоилась Вашего одобрения. Это небольшой отрывок из тех занятий, для которых проводил я некогда ночи без сна и дни без покоя.

Было время, когда и я, воображая стать полезным соотечественникам, охотно променивал все, что ласкает молодым летам, на трудное изыскание тех высоких начал, на которых зиждется благосостояние обществ гражданских. Науки поли-

тические, столь привлекательные по своей ясности, и новейшие философы, с их отвлеченными умозрениями, были уединенными собеседниками моих долгих вечеров, тогда как дневная служба давала часто случай прилагать теорию к самому опыту.

Из всего извлек я, между прочим, те вековечные истины, что *правда* есть краеугольный камень, на котором единственно зиждется благоустроение обществ; что *закон* тогда действительно прочен, когда бывает ближайшим выражением *совести народа*, и что человек всегда безмолвно покоряется *уставу*, обуздывающему его *своеволие* и не стесняющему данной ему *воли*. Свободная воля есть приданое души человека. Для сего-то великие законодатели, усмотрев скользкий промежуток между волею и своеволием, поставили на оном *страх наказания*. Из сей точки выводится весь круг *законов карательных*.

Но карать не означает действия, уничтожающего в человеке все достоинство существа его. И никогда не было сие прямою целью великодушных правителей народов. Страсти и личные виды искажают часто и самые благие постановления. В сем смысле Екатерина Великая, благодетельница России и Ваша, изрекла: «Не надлежит мучить твари, одаренной чувствами», и «всякое наказание, превосходящее меру, становится тиранство». «Земля есть только временный приют человечества». «Люди приходят и отходят, но содеянное ими остается надолго». Мы судим современников, потомство судит нас.

Вы теперь поставлены, как светильник, на месте высоком: да светите в широте и во благо.

Высокое Провидение наградило Вас сердцем, ведающим милосердие. Все великие мысли проистекают от сердца (les grandes pensées viennent du coeur); а милосердие ублажает суд. Если сравнивают строгую чистоту суда с сиянием солнца, то милосердие равняется с теплотою того же светила, и что бы было солнце без теплоты, то бывает суд, на котором не хвалится милосердие.

Итак, муж правды! Подвизайтесь на прекрасном поприще общего блага, дабы хладная буква закона не осталась без живительной теплоты, влагаемой любовью к человечеству. Потомство оценит труды Ваши; мудрый монарх и современники уже оценили их.

С моей стороны я счастлив, что имею дозволение изложить пред опытом Вашим мои незрелые мысли, и, поистине, не знаю, чему более удивляться в особе Вашей: дару красноречия и возвышенности души, как человека государственного, или той патриархальной Вашей простоте, которая привлекает

любовь человеков и благоволение Божие к Вашему семейству, где все порядочно, светло и тихо, как благоденствие, основанное на чистоте и нравственности? И кто не пожелает Вам и здравия, и долготы дней тех пастырей народов, коих благородным подобием любуемся мы в Вас?

С сим желанием и с чувством личной к Вам преданности, которой никакая перемена обстоятельств не переменит в душе, возлюбившей Вас, имеет честь быть с глубоким высокопочитанием

Вашего Высокопревосходительства,
Милостивого Государя,
всепокорный слуга
Федор Глинка.

17-го сентября 1824 г.

5. А. А. ИВАНОВСКОМУ

26-го июня 1826

Почтенный, любезный и благодетельный Андрей Андреевич! Вот уже пять дней, как я не там, где пробыл 13 недель. Но судьба моя не менее странна, не менее неизъяснима. Со мною делается что-то очень *загадочное*. От 16-го июня отдано в приказ, что Глинка 1-й (т. е. я) переименовывается в коллежские советники для определения к статским делам. Дежурный генерал объявил мне, что я должен быть отправлен на службу *в Олонец немедленно*. Я посему писал к государю письмо, после коего мне сказали: «Вам выдадут прогоны на месте, государь будет давать жалованье», а с сим на исправление моих дел дали *три дня*. В сии дни я переоделся *по-статскому*, делал, что мог, чтобы изготовиться к отъезду, а ночевать ходил *под арест*. Вдруг сегодня получаю *приказ*, печатный же, от 16-го же июня, в коем все есть по-прежнему, кроме статьи *обо мне*. В сем новом приказе, уничтожающем старый, и имени моего не помянуто; теперь кто же я? статский ли я или военный? отставной ли я или еще служащий? А между тем мне велено *сегодня* быть уже непременно готовым к отъезду (куда же?). По прежнему меня имели везти в Олонец. Признаюсь, мой милый, мой благодетельный Андрей Андреевич, грустно. Противувольный отъезд мой отсель есть такое событие, которое одним ударом отсекает меня от всего знакомого, милого, родного и привычного; разлучаюсь и с вами!.. *13-недельное* сидение без света и воздуха и *снятие двух чинов* не столько огорчает, как сей отъезд.

Увы! как бедный пешегонец
От вас, по сердцу мне родных,
Скачу, скачу на почтовых
В какой-то городок *Олонец*!
Признаться, грустно! я томлюсь,
Что с вами быть лишусь свободы;
Но там *железные* есть *воды*,—
Авось и я *ожелезнюсь*...

Шутки в сторону, а я, право, не знаю, кто я, что я и куда меня... Неизвестность тошнее прежнего жилища. Возвращаю ваш янтарь с трубки: он распался, как и *все мое былое*. Я не вижу вас лично потому, что весь тону в суете, и вас дома, верно, нет. Как мне вас благодарить? Ну уж!.. Милостивой государыне Александре Егоровне целую ручки; скажите ей о сем, если она здесь. Прощайте, обнимает вас ваш *Ф. Глинка*.

NB. Шпага мне отдана, и комендант (Петропавловской крепости) *Сукин* расцеловал и поздравил меня с свободою; и я еще...

6. Н. И. ГНЕДИЧУ

1826-й год, ноябр⟨я⟩ 22. Город Петрозаводск

Вот, почтеннейший Николай Иванович, откуда пишет к вам человек, вас много уважающий. Порывистые бури прионежских стран, ни бури другого рода, протекшие над головою бедного человека, не могли унести воспоминания о вас, о вашей драгоценной мне приязни, о тех незабвенных вечерних беседах, когда приезжал я к вам *отогревать душу*, озябшую в тревожном охладелом свете. Здесь, в краю пустом и забытом, я вспоминаю о вас с таким чувством, как вспоминается о высокой поэзии, говорящей не одному воображению, но и сердцу.

По сделанному распоряжению, я полагаю, что вы уже получили мою книгу: Опыты священной поэзии и иносказательных повествований. Будьте читателем и покровителем сирот! Я очень прошу вас поклониться достопочтенному Ивану Анд⟨реевичу⟩ Крылову, также М. Е. Лобанову, графу Толстому и братьям Княжевичам, если их увидите.

Витая в сих странах древней Заонежской пятины, я нашел и приобрел уже несколько весьма любопытных книг старопечатных и письменных. Например, я имею славянскую грамматику, печатанную еще при патриархе Иосифе, ровно за 178 лет пред сим. Тут славянский язык раскрывается во всей полноте. Есть также у меня (в манускрипте), кажется, нигде

не печатанная *славянская риторика*, полная и по многому особенно любопытная, выбранная из лучших классик (sic) греческих и латинских. По всему видно, что и брадатые предки наши не были лишены учебных пособий. Как бы я желал показать вам все, здесь собранное!

Между тем пришлю что-нибудь и иероглифическое разобрать А. И. Ермолаеву, как охотнику. Если увидите Дельвига и Плетнева, поклонитесь тоже им. Барон что-то долго уже не пишет! Как бы вы меня одолжили, если б прислали ваш гравированный портрет: я бы всякий день с ним переглядывался! Ив⟨ана⟩ Ан⟨дреевича⟩ портрет у меня есть. Прощайте и верьте, что вас очень почитает и очень любит Ф. Глинка.

В Олонецкой губернии, в г. Петрозаводске, в доме купца Северикова.

7. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Милостивый государь,
Владимир Васильевич!

Вступая в особенные обязанности с одним из наших журналов, я почти не вправе посылать моих стихов в другие журналы. Но, при чтении приятного письма вашего, мне живо представилось, чем я обязан вам с давнего времени за те усладительные минуты, которые доставляло мне чтение ваших сочинений еще в ранних летах моей молодости. Так что бы ни толковали новейшие критики, но первая проза незабвенного Никол⟨ая⟩ Мих⟨айловича⟩ Карамзина и ваша всегда будет памятна и любезна для людей чувствительных, как нечто прелестное, обворожительное, не требующее сухого, школьного разбора, но услаждающее безотчетно. Мне очень нравился ваш живой, цветущий, сердечный слог. Ныне ум берет великий перевес над сердцем: мы становимся умнее, но становимся ли счастливее?.. Извините, что я увлекся живым удовольствием сказать вам не приветствие, но правду в отношении к вашим произведениям.

Уверен, что Альманах, вами изданный, будет иметь приятность альманаха и достоинство книги. О себе могу сказать вам, не обинуясь, что я, право, попал в авторы как-то ненарочно. Что я писал, то писал по обстоятельствам и для того только, чтобы облегчать сердце, облекая холодною буквою кипящее чувство, которое иногда волнуется в груди и тре-

бует быть выраженным. Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю как назвать! — И в прилагаемых у сего двух, трех *пиесах* увидите одно голое чувство, меткость, несколько звучности в сложении стиха — и более ничего! Извините, что не посылаю прозы, хотя я более прозаик; теперь заключен: меня сделали советником Олонецкого губернского правления — и это самая прозаическая должность! И за стихи, или, лучше сказать, за *стишки*, не попеняйте: чем богат, тем и рад! — Прощайте, почтеннейший Владимир Васильевич! Верьте и будьте уверены, что вас очень уважает и с преданностию имеет честь быть вашим покорным слугою

Ф. Глинка.

Петрозаводск, 1826 года, декабря 13-го

8. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Милостивый государь,
Владимир Васильевич!

Очень благодарен вам за ваше ответное письмо. В моем положении, в холодном уединении, мне весьма приятно читать строки, начертанные умом, согретые чувством. Не приветствия говорил я вам в моем прежнем письме, я говорил, что чувствовал. И теперь повторяю, что ваш слог, в котором, как в хороших картинах, *много теплоты*, мне очень нравился и нравится. Пусть кричат умопоклонники, пусть выхваляют свой правильный, сухой и холодный слог, я придерживаюсь сердца и повторяю одно и то же: с ума сойти можно, а с сердца никогда!

Надеюсь, что ваш альманах будет отзываться более сердечностию. Благодарю за внимание к моим опытам, а вдвое благодарю за намерение рассказать об них публике! Мне лестно и одобрительно иметь между собою и читателями такого посредника, как вы!

По желанию вашему и единственно из желания быть вам угодным посылаю отрывок — маленький лоскуток моей прозы. Я назвал этот отрывок — *Воспоминания*. Город *Ровно*, описание сада, замка, домашнего общества княгини Любомирской, портрет ее дочери, освещение, сделанное покойным графом Милорадовичем, и некоторые черты, собственно к нему относящиеся,— вот что составляет сущность сих воспоминаний. Я не успел еще хорошо выгладить и отделать сего отрывка: примите, каков есть! — Вот моя лепта!

Теперь обращаюсь к последним строкам вашего письма.

Глазами прочел, сердцем понял я сей унылый отклик души, удрученной житейским страданием. Но будьте утешены, почтеннейший Владимир Васильевич! Критики, со всею их язвительностию, пресмыкаются в пыли земной, когда душа, окрыленная восторгом, парит в сфере высшего, благороднейшего бытия. Слава ваша от вас не отымется; что ж касается до нужд житейских, то, по моему мнению, молитва и труд суть единственные средства, врачующие от них.

За сим поздравляю вас с наставшим новым годом, и, желая вам всего лучшего, с отличным почитанием имеет честь быть вашим, милостивый государь, покорным слугою

Ф. Глинка.

1827-го, января 10-го.
Г. Петрозаводск

9. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Милостивый государь,
Владимир Васильевич!

Письмо ваше, по слогу, содержанию, мыслям и чувствам весьма приятное, имел честь получить. Его буду читать, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ перечитывать для подслады моего уединения. Ваши мысли насчет холодности нынешнего светского общества (в котором больше прозаизма, нежели в самой бумажности губернского правления) весьма сходны с теми, кои имел я сам, обращаясь в свете или в суете и суетности. Бывало, приезжал я к почтенному Н. И. Гнедичу, у которого много теплоты в душе, и говорил ему: «Дайте обогреться, застудил душу в свете!» Конечно, уединение собирает существо наше, развлеченное по разным радиусам, к одному центру тихого самодовольствия, но вместе с сим застаивается в душе унылое жаление: почему люди не живут по-людски! — Пушкин в своей поэме *Евгений Онегин* очень хорошо описал всю ничтожность нынешнего общества, и можно понять, почему Евгений, имевший блеск и удачи, наконец застыл чувствами, остолбенел. По мне, эта поэма есть самая едкая сатира на свет. Но отчего ж это так? И всегда ли так было? Тут я опять за старую песню, опять обращаюсь к тому времени, когда славился Карамзин, Дмитриев, когда читали вас с наслаждением, когда еще ценили прозу Хераскова, имеющую неотъемлемое внутреннее достоинство; тогда читали и романы, любили и мечтательность, но тогда было больше теплоты в обществе, менее дремоты в душах,

в мужчинах менее холодности к женщинам, в женщинах более пленительности!
Теперь

...Иная дама
Читает Сея и Бентама...

Но что ж с этого? Все так чванно,чинно, холодно! Желание жить своим умом, просто сказать, *умничание* всему виною! «Quand l'ésprit s'aiquise, le coeur seche!» — Умы изострились, как бритвы, но сердца иссохли! — Не стало ни веры, ни доверия; всякий ищет у своего ближнего *деревянной ноги*; вы знаете Франклинову аллегорию.

Смейтесь, как хотите, но я вам признательно скажу, что Руссо в речи своей во многом прав!

Просвещения! просвещения! это заветный талисман, который и пользует, и губит. Все зависит от меры, способа и приложения к месту и времени.— Грамотность у нас считается просвещением, а я *здесь* вижу ее существенный вред. С небольшим за 100 лет Петр I спросил у воеводы олонецкого: «Сколько у тебя *дел?»* Воевода пал на колени и сказал: «Виноват, государь!» — «Что это значит?» — «У меня дел нет!» — «Да разве у вас не спорят, не ссорятся?» — «Все бывает,— отвечал воевода,— да я ссорящихся *мирю*, и на бумагу ничто не выходит!»

Так было за 100 лет, когда читать не умели и жили полесному, по простоте! Теперь *здесь* много грамотеев и множество ябедников: за всякий толчок ссора, за всякую копейку спор и тяжба! От сего присутственные места завалены бумагами, чиновники в денно-ночной работе и народ в бесконечной хлопотливости. Ну, чем же опровергнут это любители *всякого* просвещения?

Ваше определение молитвы меня очень тронуло. Конечно, это тайное и заветное сношение между созданием и творцом: душа, странница земная, украдкою переговаривает с своим Отцом небесным!

Но я уже записался! С нетерпением ожидаю вашего альманаха. Радуется, что вы опять здоровы, и желает вам всех благ, всех благ почитающий и любящий вас, Милостивый государь, Ваш покорный слуга

Ф. Глинка.

26-го февраля 1827 года

10. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Почтенный и любезнейший,
Владимир Васильевич!

Письмо ваше, от 29-го марта, разрешило некоторые из моих сомнений. Между прочим я узнал о причине, по которой отложено издание *нового журнала*. Вы правы: без кн⟨язя⟩ Вяземского нельзя пускаться на предприятие отважное. В Северной пчеле и в Подснежнике читал я Вяземского *Станцию*. Какое умное, живое, заманчивое описание Польши! Кажется, переселяешься в эту страну любви, музыки и романтической жизни. Я провел там несколько лет в моей молодости. Недавно также, случайно, в собрании образцовых сочинений прочел я еще некоторые из ваших писем. В поэтических описаниях Крыма и Кавказа проза единственная. Теперь, при обстоятельнейшем размышлении, дал я сам себе некоторый отчет, почему еще в ранней юности моей так нравился мне ваш слог, полный жизни и красок, а более всего мыслей постоянных и теплоты непритворной.

Поздравляю вас с выигрышем литературного процесса!.. Я читал рассказ, одетый в китайское платье, и тотчас, еще прежде вашего письма, угадал, о чем дело шло. Сердечно радуюсь, что вы по службе (могу ли сказать и по дружбе?) сблизились с моим братом С⟨ергеем⟩ Н⟨иколаевичем⟩. Вы извиняетесь, что отдали одну из моих пиес издателю Галатеи, а я очень этому рад: я его должник за милую Галатею. Я наступлю на вас еще более. Если вы знакомы с М. П. Погодиным (которого я также должник за многие его любезные присылки) и если нет у вас литературного грызенья, то прошу передать ему все мои стишки и статью прозы. Коль же скоро *вам* понадобится, я обязуюсь верно и поспешно доставить вам что-нибудь лучшее противу того, что вы передадите. Не осердитесь и дозвольте, чтобы, сказав вам радостно: *Христос воскрес*! — обнял вас мысленно вам преданнейший и как будто родной по уважению к вам

Ф. Глинка.

22-го апреля, 1827 г.

11. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Не желая пропустить почты, пишу к вам, крайне жалея, что, будучи полуздоровым, не могу вполне выразить моей благодарности за присылку «Альманаха» и выразить всех

ощущений, разнообразных и приятных, при чтении оного. Получив ваш дорогой подарок, я созвал двух, трех мыслящих людей из здешних, и мы читали с наслаждением прекрасную прозу. Давно уже не читал я такой богатой мыслями, стройной и благозвучной прозы, какою подарили вы в двух ваших статьях. Благородная простота и плавность придает им совсем особенный характер. Нынешний слог, особливо в отдельных статьях, есть какой-то резкий, бойкий, отрывистый, шершавый от ума, часто поддельного, насыпанный блестками остроумия, часто приторного. В нем недостает именно того, чем отличается ваш слог,— елейности, мягкости, влаги, которою чувство сдабривает черствость буквы. Порядок и ясность в вашем способе выражения только показывают большую опытность, и в этом отношении название *ветерана* отечественной словесности — есть почетность.

Сия-то общая красота в ваших статьях (Обозрение 1826 года и Наблюдатель XIX века) скрадывает и то увечье, которому подверглись они, проходя через прокрустово ложе.

Мне также чрезвычайно понравилась проза Иванчина-Писарева; если вы его видаете, поклонитесь от меня; я имел удовольствие приобрести некогда его знакомство в доме знаменитого и многоуважаемого мною И. И. Дмитриева. Ваши стихи к нему полны жизни и приятности. Что ж сказать мне о вашем отзыве о моих книгах? В немногих строках вы сказали много, много лестного; хорошо, если б мне вполне заслужить похвалу вашу. К легкому стихотворению «Мотыльку» присоединю еще гораздо тяжеловеснейшее и скоро вышлю для будущего вашего «Альманаха».

Прощайте, почтеннейший, любезнейший Владимир Васильевич! Мы живем в чудном веке: «C'est un siècle nerveux!» — говорит некто П. Ф. Гаик; но и в судорогах века сего желает вам покоя и счастия вас любящий

Ф. Глинка.

25-го апреля, 1827 г.

12. М. П. ПОГОДИНУ

Милостивый государь,
Михаил Петрович!

С особенным удовольствием получил я экземпляр Московского вестника; с живейшею признательностию приемлю сей дорогой подарок. Благосклонным вниманием своим вы нашли человека в пустыне, и прекрасное издание ваше, конечно,

будет манною для ума, для вкуса. Примите отличное почитание, благосклонность и уважение, с коим имеет честь быть, милостивый государь!

Вашим покорным слугою
Федор Глинка.

1827-го, мая 2-го дня
Г. Петрозаводск

13. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Милостивый Государь,
Владимир Васильевич!

На прошлой почте по означенному адресу на имя г-на Ширяева отправил я мой лепт для вашего Альманаха на 1828-й год. *Обет Иеффая* извлечен из библейского предания; другая — маленькая пиеска (Узник к мотыльку), которую вы желали иметь. Альманах на 1827-й год, которым вы меня подарили, есть представитель прекрасного дарования вашего, а потому он очень мне понравился; думаю, что и вообще публика приняла его с ласкою и уважением.

Давно я не имел удовольствия к вам писать. Прозаизм должности по губернскому правлению поглощает досуг и поэзию. Но что делать! Судьба, действующая по высшим началам, лучше знает, где кому быть.

Есть одна точка, с которой, смотря на жизнь человеческую, можно много смеяться. Участок времени, называемый жизнью, так мал в сравнении с вечностию! Иногда это ясно видишь и в такие минуты прояснения невольно улыбаешься над детскими усилиями так называемых бедствий, нужд и забот, порывающихся поколебать величественное спокойствие мужающегося духа, сего пришельца из иной природы, недосягаемой ни смерти, ни тлению, ни веющему над землею вихрю случайностей.

Я адресую и это письмо на имя же г-на Ширяева, ибо не знаю, где вы именно находитесь. Но где бы ни находились, будьте счастливы! Наслаждайтесь благами бытия, украшая иссохшую долину существенности цветами надежды, которая носит с собою тайну истинного счастия. Прощайте! желает вам всего лучшего вас уважающий, с почтением и усердностию покорный слуга,

Ф. Глинка.

1827 г. июля 21-го дня
Петрозаводск

14. М. П. ПОГОДИНУ

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

С особенным удовольствием поспешаю исполнить желание ваше, препровождая несколько стихотворений для будущего альманаха Урания на 1828 год. Уранию за 1826 год получил и с большим удовольствием читаю. Вероятно, не все посылаемые мною пиесы могут войти в состав Урании, остальные можете разместить в вашем журнале, а буде и туда не годятся, то просто их уничтожить. Я не смею придавать никакой цены моим произведениям, ибо пишу для собственного услаждения, без притязаний на славу. Повторяю мою благодарность за присылки ваши, с почтением и преданностию имею честь быть,

Милостивый государь!
вашим покорным слугою,
Федор Глинка.

1827. Июля 21-го.
Г. Петрозаводск

15. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Видно, комиссионер ваш, г-н Ширяев, не переслал еще к вам моего пакета со стихами и вслед за оным пущенного письма. Между тем я получил от вас еще новое, милое, обязательное письмецо, от 19-го июля, из сельца Беликова.

Ваше письмо застало меня в чувствах скорби. Здешний гражданский губернатор Фан-дер-Флит, человек семейный, у которого я имел приют и отраду, уехал недавно в С.-Петербург для восстановления здоровья, потерянного в приказно-бумажном мире, при сидячей жизни. Вот любезные плоды развития нашей гражданственности!

На сию песчаную скалу, воздвигнутую или нанесенную некогда движением великих вод,— сюда в Петрозаводск,— сходятся ябедливые грамотники из всего Олонецкого края, дождят доносами и просьбами и мучат добрых людей. Как не вспомнить о простоте безграмотной, но богобоязливой! Тогда жили в сумерках, но покойно; не знали судорог века, ни сего кулачного боя страстей, откинувших стыд и маску. Впрочем, горче, кажется, обносить круговую чашу свою по всей земле: стихии движутся, климаты изменяются, политическое бытие народа в какой-то колеблемости.— Никогда, как теперь, время не походило более на бурную, сердитую реку: оно все

сокрушает, мчит и проносит под глазами нашими. Ясно видно, что за сею бурею должно последовать что-то новое; по крайней мере, повсеместное усилие к обновлению ощутительно в природе и обществе.

Как же не стремиться из сей тревоги случайностей с развалин земного к вечно-неизменному? — Если бы суровая существенность нужд, отношений и мелких условностей не раздирала безжалостно легкого, цветистого покрова, который умеют соткать и повесить на глаза нам прекрасные мечтания, согретые теплотою чувств! — Здешняя существенность со стороны природы величественна. Все в необъятно огромных размерах. В одном месте видите оз⟨еро⟩ Онегу с десятью тысячами квадратных верст ее влажной площади; в другой стороне непроходимые леса растут и согнивают на огромном квадрате из пяти тысяч верст.— Во всей Олонецкой губернии *сто шестнадцать тысяч верст,* а жителей едва до 100 тысяч! — И сие-то безлюдие наводит уныние, если захочешь сообщаться со внешним миром.— Итак, стихи мои вы получите, а из прозы, право, разве одну маленькую *аллегорию* могу доставить, и ту еще надо написать, только мысль вертится в голове и просит одежды. Другого ничего теперь не имею.— Желая вам всего лучшего, вам низко кланяется ваш покорный

Ф. Глинка.

Г. Петрозаводск. 1827 года, августа 16-го

16. А. А. ИВАНОВСКОМУ

1827 г., августа 17-го дня, г. Петрозаводск

Что сказать вам, мой любезнейший Андрей Андреевич, на ваше милое, ласковое письмо? При первых строках я вскрикнул от радости и сказал сам себе: «Вот земляк, вот добрый человек: нигде своих не забывает». Из прекрасного письма вашего вижу, что вы всегда сохраняли меня в своей памяти. Это для меня утешительно. Поверьте, и вы часто, часто являлись моему воображению в стране воспоминаний о былом, о невозвратном. Много минут светлых, романтических провели мы вместе. Я помню прелестный летний вечер в Смоленске, когда, среди неги природы и юных возвышенных ощущений, мы читали вместе письмо Руссо к Сесилии. Ах! такие минуты похожи на сладкие сновидения, которые один только раз могут присниться в жизни. Вы, как я вижу из письма вашего, желаете узнать, как я провожу *здесь* мое время или мой день. Охотно опишу вам, если это стоит описания. Я встаю в 7 часов. В 8 уже занимаюсь (по обязанности стар-

шего советника губернского правления) чтением *журнальных статей или постановлений*. Эта материя вам знакома по прежней вашей службе. В 10 я в правлении. Развитие гражданственности ознаменовывается и в сих полудиких странах необычайным множеством бумажного дела. В почтовые дни (понедельник и вторник) мне приходится подписывать большие кипы бумаг печатных и писаных: нарядов, указов, меморий и т. п. Недавно в одно утро, для одной почты, подписал я ровно *тысячу сто девять бумаг*! За механическим трудом подписывания следует больший — труд прочитывания: на каждый день, круглым числом, достается прочитывать до 100 больших страниц. За недостатком низших чиновников у нас советники работают вполтора. Так проходят *законные часы*. В три часа иду обедать; иду, ибо у себя, по моей бедности и здешней дороговизне, стола держать не могу. Часу в 5-м возвращаюсь в свою квартирку. Тут, чтоб иметь более власти над часами ночи, немножко дремлю. В 6 часов опять считаю обязанностию заняться чтением какой-нибудь толстой журнальной статьи. Это трудно, но я услаждаюсь мыслию, что на той точке земли, где поставила меня державная рука моего государя, я служу ему верно, ревностно и, смею сказать, не без пользы. К 7-ми часам вечера иду на пустынные берега Онеги; к 8-ми часам куда-нибудь захожу на часок, ибо, не играя в бостон, нигде не засиживаюсь. Часов в 9 я уже дома, и тут мое время! У меня две комнатки, просто, но очень чисто прибраны. Все предметы и вещи расставлены и развешены с мыслию, по размеру, в большом порядке. Это очень способствует к успокоению и порадованию чувств. Пылкость и жизнь мыслей, утоленная, заморенная холодным чтением безобразной приказной прозы, начинает оживать в сии часы глубокого вечернего уединения. Тут внешний мир мало-помалу отслоняется, и промежуток между им и душою занимается какою-то высшею стихиею. В таком расположении работаю я что-нибудь в прозе, иногда пишу и в стихах, напр⟨имер⟩, «Иова». Сие бдение продолжается часов до 2-х и далее. Однако в 3-м и в три часа я уже сплю и — странное дело! — чем горестнее положение и состояние души, тем прелестнейшие вижу сновидения: иногда снятся совсем невиданные страны, чудесный климат, цветущие долины, так что, будучи разбужен, очень живо чувствую услаждение, которое ложится на горесть бытия моего, как позолота на жесткий, безобразный металл. Вот вам мой день и ночь! Завидного в судьбе моей нет! Три несчастия тяготеют постоянно надо мною: бедность, политическое уничижение и *одиночество*.

С отъездом отсюда в столицу здешнего почтенного губер-

натора Тимофея Ефремовича *Фан-дер-Флита*, его ангельской супруги и милого семейства я лишился последней опоры, последнего утешения. Но есть всевидящее око и незримая десница царя небесного! И земной наш царь, государь мудрый, правдивый, привлекает все мое уважение, всю преданность к особе своей. Его портретов у меня, в моем мирном уголке, два; но я люблю его тройственною любовию: как благодетеля, как государя и как человека с ясным умом, с превосходною душою. Его *резолюции*, кои иногда получаем мы в бумагах, истинно восхитительны по краткости и верной логике.

Мой милый, признаюсь, меня удивило, что *«Опыты»* мои были чрез вас приняты так ласково Вл. Фед. Адл. Мне казалось, в известное время, при известных обстоятельствах, что он имел как будто какое-то враждебное противу меня чувство; рад, восхищаюсь, если я ошибся. Но скажу вам, любезный А. А., что я, слава Богу, *ни против кого* не имею ничего, ничего, похожего на чувства злобы. И сие состояние совершенного беззлобия производит удивительное действие. Когда скажешь себе: «Я всех люблю!» — то, кажется, какое-то солнце входит в грудь и наполняет ее утешительною светлостию и теплотою.

Благодарю вас за похвалу *«Иова»*. Это ободряет меня продолжать. Чем далее, тем в *тексте* (французск⟨ом⟩, немецк⟨ом⟩, польск⟨ом⟩, итальянск⟨ом⟩ и славянском) более темноты и единообразия; однако в некотором расположении души, когда она упитана собственною скорбию, когда слезы мешаются с чернилами, можно угадывать тайны скорби многострадального. Я стану усиливаться выразить что можно и сколько можно проще и яснее, не гоняясь за пиитизмом, но за верностию.

Вижу, что вы были вместе с *И. Н. Глинкою и Ерн-Гроссом*, прошу усердно поклониться им от земляка, занесенного бурею на дикие скалы. То, что вы называете *затеею*, может быть очень хорошим литературным подарком. С вашим вкусом можно собрать прекрасный букет. Не знаю только, подойдут ли к другим мои пустынные цветки. Я, однако ж, в скором времени вышлю вам три, четыре из самых миловидных моих пиесок и одну в тоне более важном.

Впрочем, желая в сем случае и всегда быть вам сколько можно более приятным, я обязуюсь и дополнить, и заменить другими те из пиес, которые могут найтиться не совсем годными...

Ваш пустынный друг *Ф. Глинка.*

17. М. П. ПОГОДИНУ

Милостивый государь,
Михайла Петрович!

Долго не отвечал я на ваше почтенное, обязательное письмо! На это были причины местные, для вас нелюбопытные. Теперь, в ответ на приглашение ваше участвовать в издании Московского журнала, я могу сказать одно: готов по возможности. Хлопотливая, прозаическая должность моя по службе поглощает много досугу, притом же я просто не считаю себя автором, могущим обогащать какое-нибудь издание, особливо такое прекрасное, как ваше. У меня есть стихотворения, большею частию незанимательные для нынешнего света: это вопли души, излияния чувства; у меня найдутся некоторые мысли, обернутые в прозаические периоды, но все это едва ли стоит внимания.

Если ж вы за сею откровенною отговоркою найдете, что я с тем, что у меня есть, могу вам быть полезным, то я представляю совершенно вам самим условия определить, на коих могут основаться наши сношения. Я же могу сказать только то, что готов пересылать преимущественно и исключительно мои произведения в Московский вестник. За качество не ручаюсь, количества не назначаю, срочной работе подчиниться не могу. Назначение монетной платы представляю вам, по удержанию за собою права сказать вам, если вы назначите много, и в таком случае, отстраня излишек, я приму только то, что мне покажется достаточным. Я с большим вниманием прочел повести ваши: «Нищий» и другую: «Как аукнется, так откликнется», они внушили в меня большое уважение и что-то дружелюбное к автору. В разных местных журналах я замечаю также мысли, заимствованные у философии Шеллинга: некогда я с жадностью слушал лекции сей философии, содержание оных сохранилось еще у меня в тетрадях. Важное понятие о безусловном, о Гармонии мира уясняет мысли, возвышает душу. Но я уж слишком записался, извините! Ожидая вашего ответа с нетерпением, я с искреннею преданностию и почитанием имею честь быть, милостивый государь, вашим

покорнейшим слугою,
Федор *Глинка.*

1827-го года 7-го ноября,
г. Петрозаводск

18. А. А. ИВАНОВСКОМУ

Ноября 27-го, года 1827-го. В г. Петрозаводске.

Ваше письмо посетило меня как гость нежданный. Оно принесло с собою надежду: судите же, сколь должно быть драгоценно! Так, любезно-почтенный Андрей Андреевич, вижу, что вы добрый человек и любите любящего вас. Радость, навеянная на душу от вашего письма, умерена несколько случившеюся простудою, стиснувшею мою физическую оболочку. Получение верного известия, что бывший здешний губернатор, мой утешитель, *уже не возвратится*, меня огорчило внутренно. В это время душа, занявшаяся тем, что ее трогало, не успела отразить внешнего влияния стужи, и я простудился. И сии строки пишу больной, поэтому извинительно написать как-нибудь. Что это вам пришло на ум заниматься мною, и до такой степени, что даже хотите передать мое письмо (я уж не помню, что в нем было писано) потомству?! Печальная повесть существования бедного человека для кого может быть любопытна? Вы справедливо оценили мои чувствования к государю редкому, государствующему единственно. Бывший губернатор оставил мне на память очень хороший бюст государя, формованный с Раухова подлинника с пьедесталом. Теперь, в моих глазах, между двумя лимонными деревьями, стоит сей бюст, и две зеленых ветви образуют над ним осенение венца. Это эмблема моих желаний, чтобы и глава подлинника красовалась под вечною зелению лучшего из благ.

Как я вам благодарен за разуверение меня насчет Влад. Федор. В первый раз, когда я его увидел в его дому, он мне очень понравился. Впоследствии, при известных обстоятельствах, я думал видеть в нем то, чего, к счастью, не было. В то же еще время, в местах и обстоятельствах, от которых содрогнется мысль человеческая, я видел однажды его *во сне* в положении для него небезвыгодном, но эмблематическом, и тогда же, по какому-то сочувствию, я примирился с ним в душе.

Нельзя скорее исполнить поручения вашего, ибо на сей же почте отправляю и прозу, и стихи, несмотря на то, что все еще сыро, не вызрело, не улажено, не углажено; но я болен и неволен по обязанностям службы, потому и посылаю что есть и как есть. В первой пиесе вы найдете *слова* Павла Пустынника, или Павла Фиваидского. Ими (извлекши их из жития его) уже пользовался незабвенный наш *Н. М. Карамзин* в своем «Острове Борнгольме». Только прошу вас усерднейше не ценить моих безделок никакою вещественною оценкою: это лепт

дружбы в вашу сокровищницу. Насчет же комиссий я вам, пожалуй, дам целых три: 1) пришлите мне нововышедшую *главу* из *Онегина*; 2) если не дороги, *Остолопова* апологи, и 3) когда выйдет ваш альманах, один экземпляр доставьте от меня, чрез И. С. Сибирякова, в Пантелеймоновский переулок, в дом Небабиной, е⟨го⟩ п⟨ревосходительству⟩ Тимофею Ефремовичу *Фан-дер-Флиту*, бывшему нашему губернатору. Вот вам и комиссии. Когда увидите *А. С. Пушкина*, скажите, что я мысленно его целую с уважением к его таланту, с любовию к нему. Он был живой волкан, *внутренняя жизнь* била из него огненным столпом. Теперь приостыл и, как обыкновенно водится около волканов, окружен изобилием, цветом и плодами. Надежда Андреевна мне ничего не писала о чудностях, бывших в Харькове. Е⟨е⟩ п⟨ревосходительству⟩ милостивой государыне Александре Егоровне с почтением целую ручки. Вопрос насчет наименования альманаха и меня ставит в тупик. Но если вы хотите назвать его *Зарею* какою-нибудь, то почему ж не назвать «Северною Зарею»? Ныне *на севере*, разумея царствование и дела Николая Разумного, точно занимается заря, и заря великолепная... Див и Пери получены и прочтены. Что сказать? Это прелестное, воздушное явление в самых легких очертаниях: много радужности, есть роскошь, много миловидности. Почти жаль, что она писана хореями, хотя прелестными. Если стихи, как обертку мыслей, можно сравнить с тканью, то в ямбах сия ткань плотнее, гуще и потому надежнее удерживает мысль и чувство; хореи как-то сквозны, сетчаты, и мысли в них не довольно остепенены. Скажете: «Но ямбы не так легки»; посмотрите-ка на *Пушкина*: его стихи легки, как пух, и полновесны, как золото. По стихам я очень полюбил стихотворца *Подолинского*, познакомьте меня с ним заочно. Что ж сказать вам о себе? Все, бывшие здесь от высшего правительства (фл⟨игель⟩-ад⟨ъютанты⟩ *Лазарев, Маслов* и друг⟨ие⟩), меня полюбили и обо мне жалели. И сам достопочтеннейший сенатор *Д. О. Баранов* изъявляет благоволение и жалость. Если несравненный *Батюшков* из Неаполя, из средоточия чудесных красот природы, писал: «Здесь, на чужбине, надобно иметь некоторую *силу душевную*, чтобы не унывать в *совершенном одиночестве*», то что должен писать вам тот, кто находится в таком месте, о котором Дим. Осип. *Баранов* сказал: «Здесь (т. е. у нас) если не иметь книг, должно или с ума сойти, или застрелиться»? Препровождаю вам аттестат, данный мне губернатором; нынешний же управляющий губерниею также аттестовал меня в сенат отлично. Прощайте, милый! Весь ваш Федор *Глинка*.

19. В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Почтенный и любезнейший
Владимир Васильевич!

Я имел честь получить письмо ваше от 17-го октября. Отвечаю поздно (10-го декабря): приказные суеты и хлопоты подъяческие отнимают досуг! И это письмо пишу в губернском правлении, окруженный бумагами. Что сказать о содержании вашего милого письма? Я родился еще в то время, когда у людей была еще *теплота* в душах и дружба и любовь утешали человечество в его земном бытии. Теперь любви и дружества уже не стало на земле! Но, по памяти о них и по врожденной теплоте душевной, которой и олонецкие бури не могли развеять, я еще люблю и умею чувствовать все доброе, прекрасное; а потому с чувством принимаю участие в известии о новом издании, которое Вы предпринимаете с такими почтенными сотрудниками — кн⟨язем⟩ П. А. Вяземским и любезным Баратынским, который некогда, как помнится, меня очень любил.

Благодарю за честь и приглашение; но спешу уведомить, что имя мое выставлять наряду с вашими весьма неловко и по литературному и по политическим уважениям. Участвовать же я рад по возможности. И вот на первый раз посылаю, что могу, что попалось под руку и могло быть списано вскоре. Здесь и в переписчиках остановка! Скуден мой дар! По времени пришлю побольше, желал бы сказать и *получше*.

Поздравляю вас с получением паки цензорства. Как я рад, что вы в товариществе с моим братом Сергеем! Полюбите моего братца, если можно, как я вас люблю, чтобы уберечь на земном шаре хотя несколько искр любви среди леденеющего человечества.

Обнимите за меня Баратынского и достопочтенному кн⟨язю⟩ П. А. Вяземскому отдайте мой усерднейший поклон, поклон чтителя его ума, пера и особы. Когда увижу, в каком роде будет ваш новый журнал, то и стану подбирать приличные статьи. А до того, прося вас напомнить обо мне, при свидании, его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву, я, обнимая вас мысленно, имею честь быть вашим, милостивый государь, покорным слугою,

Ф. Глинка.

P. S. Прошу простить помарки в письме. Приказные дрязги не дают досуга и написать порядочно.

⟨10 декабря 1827, Петрозаводск⟩

20. А. А. ИВАНОВСКОМУ

⟨В начале 1828 г.⟩

Действительно, я вошел было в некоторое сомнение, но письмо ваше (от 23-го января), любезнейший Андрей Андреевич, объяснило мне и причину вашего молчания, и участь некоторой части посланного мною запаса. Странные похождения были с *статьею прозаическою*! Однако не надлежало и не надобно тянуться за тем, что из рук уходит... Впрочем, статья (которую прошу приберечь) заимствована мною из одной имевшейся у меня старинной рукописной книжечки. Такие книжечки здесь часто обращаются в руках народа, особливо у старообрядцев. Там кратко сказано, что один пустынник (кажется, авва *Савва*) достиг до такой святости, что мог молиться за ангелов. Два путника (сказано там), проходя к святому, увидели мужа *белообразного*, который объявил им, что он ангел, наказанный за жестокий суд над людьми одной деревеньки, истребленной им за грехи, и просил прохожих убедить пустынника помолиться за него. Пустынник молился, и ангел получил разрешение. Вот и все. Радуюсь, что ваш альманах наконец вскоре покажется. Он выйдет в свет в такое время, когда суеты несколько поулягутся и более будет досуга читать, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ в *великий пост*. Вы просите прислать что-нибудь для занятия оказавшейся пустоты; что ж делать?.. Посылаю вам для замещения *пустоты — пустоту*. Сами пеняйте на себя, мой милый, что желали иметь что-нибудь еще от меня, ибо я посылаю недозрелое, невыработанное. Я теперь занят, по поручению сенатора, большим учетом здешней градской думы. Судите ж, сходны ли с поэзиею сии цифирно-прозаические занятия?! Да как попал к вам Златоуст? Я, право, не знаю. Прошу, потрудитесь прислать мне *списочек*, что вы от меня получили и что у вас в печатание пошло, дабы я мог *отметить* в моих *домашних тетрадях*; иначе я совсем потеряю счет своим пиесам. Итак, ...ваш «Альбом Северных муз» скоро появится. Пожалуйте, отошлите один экземпляр бывшему нашему губернатору *Фан-дер-Флиту*, а другим экземплярцем, надеюсь, наделите вашего пустынного друга. Прощайте! Обнимая вас заочно, желает вам всего, всего лучшего и пр. *Федор Глинка.*

21. Н. И. ГНЕДИЧУ

24-го марта 1829 года

Милостивый государь
Николай Иванович!

Приятель мой де Роберти и бывший здесь гражданским губернатором Т. Е. Фан-дер-Флит уведомляют меня, что, будучи у В. А. Жуковского, видели они одного из первых наших поэтов, с жаром сердечного красноречия говорившего в мою пользу и проч. Из их радушного описания я узнал почтенно-любезного Николая Ивановича.

Было время, когда, полный жизни и деятельности, я не находил довольно теплоты в большом свете и, покидая всех, заезжал в ваш мирный уголок. С тех пор несчастия схватили и бросили меня в страну, отброшенную от сообщений с живым гражданским миром, которая, как некая страшная тайна, скрыта, погружена во глубине дремучих лесов древней Карелии, наводнена бесчисленными озерами, загромождена безобразными обломками разрушенных первобытных гор. В сих-то местах, в Петрозаводске, который разве по самозванству считается городом (да еще и губернским!), провождаю я, не смею сказать — жизнь, но бытие томительное, теряя силы и лета. Мое звание, в быту общественном, есть звание старшего советника в Олонецком губернском правлении; занятие — текущие дела. Я изучил и благотворную сторону, и *черную магию* приказного дела. Непостижимое единообразие существует во всех здешних занятиях, и какая судьба ожидает?.. Подле меня сидит советник, изъедаемый *раком*, последствием пыльных канцелярских трудов. Выбежишь за город — нагое поле, усеянное могилами *председателей, судей и советников*. Невольно родится мысль: «Господи боже! Неужели придется умереть на чужбине, в сей стране, где и самая весна, пролетая быстро, как испуганная птица, не успевает нагреть могилу и вырастить на ней цветок!» При этой мысли какой-то внутренний мороз отдирает кожу от костей.

И при взгляде более прозаическом, в самых житейских потребностях, открывается здесь во всем большой недостаток и мало удобностей. Противу с.-петербургского здесь все втрое дороже и вшестеро хуже.

Любопытно одно заключение насчет здешней стороны. Была прислана партия из Сибири для разведки золотых промыслов на Воицком руднике. Солдаты, походя по здешним пустыням, сказали офицеру: «Ваше благородие! Вот тут бы *завести Сибирь*, а Бог знает за что называют нашу сторону Сибирью:

у нас города большие, людей м⟨ного⟩, все дешево». После этого как мне благодарить вас за участие и благороднейшего Василия Андреича за деятельность к освобождению бедной души из чистилища! Да благословит его и вас Сам Бог по сердцу, по душе, Своею любовию за любовь к несчастному.

Желая вам всех благ и всех радостей, с отличным почитанием и преданностию имею честь быть ваш покорнейший слуга

Федор Глинка.

22. А. С. ПУШКИНУ

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Прочитав с большим наслаждением (в Литературной газете) отрывок из путевых записок Ваших, я заключил, что Вы должны уже находиться в столице, и не мог отказать желанию написать к Вам несколько строк. Из глубины Карельских пустынь я посылал Вам (через барона Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с Вами свиданий, Вашею беседою и, как мне казалось, приязнию Вашею, для меня драгоценною. И без Вас мы, любящие Вас, были с Вами. В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева мы часто, и с любовью, об Вас говорили, радовались возрастающей славе Вашей и слушали живое стереотипное издание творений Ваших — Вашего любезного братца Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы Ваши наизусть с величайшей легкостию и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот. Так было до того рокового часа, как всеобщий переворот в гражданской судьбе моей умчал и погрузил меня в дремучие леса Карелии. $^1/_3$ времени моего здесь пребывания провел я в ближайшем сотовариществе с двумя молодыми медведями, моими воспитанниками. Далее, ознакомясь с делами и лицами, по обязанностям службы, стал ближе к людям. У меня есть Ваш портрет. Только жаль, что Вы в нем представлены с какою-то пасмурностью: нет той веселости, которую я помню в лице Вашем. Ужели это следствие печалей жизни? — В таком случае молю жизнь, чтобы она, заняв все лучшее у Муз и Славы, утешала ⟨бы⟩ Вас с таким же усердием, с каким я читаю Ваши пленительные стихи.

Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить к Вам мою *Карелию*,— произведение лесное,

горнокаменное. Наши критики читают *глазами* то, что написано от души. Но Вы, которому далась и природа внешняя, со всем великолепием разнообразия, и природа внутренняя человека с ее священною таинственностию, Вы, может быть, заметите в Карелии чувствования, незаметные другим и другими пренебрегаемые.

Примите же благосклонно мою лесную сироту и верьте искренней преданности и совершенному почитанию, с коими имеет честь быть, милостивый государь!

Ваш покор⟨нейший⟩ слуга
Ф. Глинка,
старший советник Олонецкого
губернского правления.

P. S. Филимонов, из Архангельска, прислал мне свой «Дурацкий Колпак» и прекрасные стихи ваши к нему.

1830-го, февраля 17-го, г. Петрозаводск

23. М. П. ПОГОДИНУ

Милостивый государь,
Михайла Петрович!

Я перед Вами кругом виноват за молчание. Оправдаться могу только недосугом за делом службы. Теперь, по Высочайшему повелению, назначено мне служение в Твери, куда отправлюсь на сих днях. Но прежде оставления пустынь Карелии я хотел поблагодарить Вас за то удовольствие, которое доставили Вы мне сообщением Вашего издания. Примите для него маленькую дань из 4-х пиес. С отличным почитанием имеет честь быть,

Милостивый государь!
Вашим покорным слугою
Федор Глинка.

1830-го. Апреля 27-го,
г. Петрозаводск

24. С. Н. и М. В. ГЛИНКАМ

1831. Апреля 17-го. Г. Тверь

Христос воскрес!
Почтенный и любезнейший братец, друг и утешитель,
Сергей Николаевич!

Письмо и книги ваши получили. Книги прекрасные — жена восхищается в них многими местами. Для дополне-

ния нового издания я могу представить вам несколько псалмов в стихах, нигде не напечатанных, а жена желает поклониться вам ее переводом с немецкого одной прекрасной, духовной пиесы. Заглавие нужно дать покороче. Например, можно бы сказать: «Опыты Библейского красноречия». Или: «Опыты духовного красноречия». Или: «Цветы (Библейской) духовной нравственности». Или: «Образцы нравственного духовного красноречия». Или: «История и нравственность из Священного Писания». Далее можно подумать, как еще лучше сказать. Басни А. М. Зилова очень хороши. Не я, но все читавшие оные нашли, что они совершенно оригинальны своею совершенною простотою и написаны слогом новым, гражданским, правильным и легким. Приветствуем нового баснописца! Прошу засвидетельствовать ему мое почтение, как человеку умному и с душою. Прощайте! Целую детей и вас.

Ваш *Ф. Глинка.*

Почтенная и любезнейшая сестра Марья Васильевна!

Христос Воскрес! С сим высокоторжественным днем имею честь вас поздравить. Будьте здоровы, милая сестрица! Это первое желание. Здоровье ваше нужно вашему семейству, живущему любовию вашею, и вашему мужу, любящему вас как нельзя более. Прошу вспоминать нас, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ меня и жену мою и верить преданности вашего покорного слуги.

Фед. Глинка.

25. А. С. ПУШКИНУ

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Драгоценное посещение Ваше для меня сугубо памятно. Вы утешили меня как почитателя Вашего, давно желавшего Вас видеть и обнять, и, в то же время, Вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем *не отразился* настоящий век. С добродушием, приличным старому, доброму времени, Вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения. Вот вам тетрадка! Имейте великодушие ее прочесть — и вы увидите, *каково* было мое служение в О⟨лонецкой⟩ губернии и *как* я рекомендован. Теперь все, что обо мне представлено, *лежит* у министра. Если можно, хотя звуком Вашей лиры, возбудите спящее! — Государь и мудр, и милостив, и великодушен. Нужно только представительство. Вы увидитесь с Василием Андреевичем; он мой благодетель, смолвьтесь с ним. Во всяком случае, мне

утешительно будет увидеть, что двое первых поэтов нашего времени приняли участие в моей изувеченной судьбе. Прощайте! До радостнейшей возможности опять Вас увидеть и обнять.

С отличным почитанием и совершенной преданностию, имею честь быть, милостивый государь!

Вашим покор⟨нейшим⟩ слугою,
Федор Глинка.

P. S. Ваше живое, стереотипное издание — милый братец Ваш посетил меня, обедал, погостил и с Богом отправился далее по тракту к Кавказу.
1831-го. Июля 28-го. Тверь

26. А. С. ПУШКИНУ

1831. Ноября 28-го. Г. Тверь

Почтенный и любезнейший, Александр Сергеевич!

Вчера имел честь получить письмо Ваше от 21-го ноября. Весело было мне взглянуть на почерк руки Вашей: спасибо сплетчикам за доставленное мне удовольствие читать строки Ваши. Но я долго думал и не мог додуматься, из чего бы можно было вывести, что якобы я на Вас сердит?!.. Смею уверить, что я Вас любил, люблю и (сколько за будущее ручаться можно) любить не перестану! — Многие любят Ваш талант; я любил и люблю в Вас — всего Вас. В первый раз из письма Вашего узнаю, что альманах составляется в пользу или в память Дельвига, милого, доброго Дельвига! О. М. Сомов писал мне неясно. Я, однако ж, еще до получения вашего письма, выслал Сомову *одну* в прозе и *пять* пиес в стихах. Теперь Вам посылаю: *три* в стихах и *одну* (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ один лоскуток!) в прозе. Прозы у меня совсем нет! Проза губернского правления съела весь мой досуг. Из всех сих 10 пиес Вы выберете пару, много две пары по Вашему усмотрению, а прочие прошу покорно передать моему коммиссионеру актеру Сибирякову, который к Вам явится. Если б я забыл Вас, то мне напомнила бы о Вас жена моя, которая еще недавно поставила портрет Ваш подле Шиллера и Гете. Она, будучи еще в девушках, перевела целый том Шиллера. Вчера я выдернул один листок из ее тетрадки и посылаю Вам Военную песню из Валл⟨енштейнова⟩ лагеря: да познакомит Вас это с одною из почитательниц Ваших — моею женою; а меня прошу (как говорят французы) положить к ногам Вашей милой супруги. Я много наслышался о ее красоте и любезности. Итак, Вы осемьянились! Да почиет благословение Божие над

Вами и семейством Вашим! Если увидите Софью Михайловну Дельвиг, прошу отдать ей мое нижайшее почтение. Как мы (я и жена моя) обрадуемся, увидя Вас лично! А до того примите уверение в любви к Вам бывшей, настоящей и не могущей не быть Вам преданного,

милостивый государь!
Вашего покорнейшего слуги
Ф. Глинки.

P. S. Стихи мои дурно и ошибочно переписаны *семинаристом,* выправлять некогда — извините!..

27. М. П. ПОГОДИНУ

Незнакомый знакомец Федор Николаевич Глинка приезжал отдать свое почтение милостивому государю Михайле Петровичу с искренним желанием познакомиться лично.

1832 г.

28. А. В. НИКИТЕНКО

22-го июля 1835 г. Тверь

Годы прошли с того времени, как я имел удовольствие узнать и полюбить вас среди ваших скромных занятий. Мне памятны беседы ваши. Тогда, погруженные в мир идеальный, вы так хорошо говорили о истинных потребностях души, о высокой судьбе человечества! Мир существенный или *вещественный* жестоко противоречит порывам и возношениям начала духовного...

Я — с того времени, как вас не видал более,— был жертвою бурь и треволнений, мыкаясь из края в край России, доколе благость милосерднейшего государя дозволила мне заняться собственно своими делами и думать о возможности поправить расстроенное здоровье. Среди тревог и переездов обработал я *Книгу Иова* по лучшим источникам. Это чисто *пиитическое* произведение. Кроме эпиграфов (которые можно опустить), в нем нет ничего подлежащего *духовной цензуре.* Отрывки все были печатаны *в светских* журналах. Вот почему я и прошу вас почтить просмотром труд мой, не изящный, но усердный.

А. П. Накропин, многоуважающий вас, берет на себя старание о напечатании.

Сделайте, что можно, для старого вашего знакомого.

29. А. В. НИКИТЕНКО

30-го сентября 1835 г. Тверь

Прекрасное, умное письмо ваше, вчера мною полученное, растрогало меня и тронуло до слез. Оно звучит сочувствием нежным, трогательным. Отзыв ваш насчет моего Иова есть уже для меня награда за труд, в который я положил последний краткий досуг, похищенный у службы изнурительной, многотрудной, которая безжалостно расстроила здоровье мое. Стихам Иова отдал я последний огонь души моей, еще не догашенный бурями жизни моей. И ужели все это должно погибнуть? Не знаю, хорошо ли я сделал, но убоясь того, что *дни лукави суть* и время скользит, я, с сею же почтою, послал письмо к Сергею Семеновичу (Уварову), прося его оказать покровительство моему Иову. Некогда его высокопревосходительство был ко мне лично милостив. Я прошу министра поручить комитету гражданской цензуры рассмотреть мое стихотворение (как пиитическое произведение светского человека), обработанное по новейшим светским писателям Гердеру, Михаэлису, Умбрейту и другим. Благоволите с вашей стороны попросить князя Дундукова (который также меня некогда знал), чтобы он, в качестве президента, замолвил слово министру о моей бедной книге. Благодаря еще раз за ваше ласковое внимание, с искренним к вам уважением и чувством патриархальной привязанности, имею честь быть и проч.

30. М. П. ПОГОДИНУ

Думал, думал, как быть! Послать, не послать?.. Не послать, не угодишь Вам, почтеннейший Михайла Петрович. Послать — обидеть себя. Где это видано, чтоб посылать свое детище в отрепьях и лоскутах, посылать в гости замарашкою, растрепою?! Но вы так настоятельно требуете, что я решился наконец послать Вам подобие моего Иова. Это экземпляр, бывший у меня в Орле. По прибытии в Москву я сравнил мое переложение с Гердером, Михаэлисом, Умбрейтом и другими и много, очень много переменил и прибавил. Не осталось ни одной главы на месте: особенно последняя вовсе изменилась в форме и стиле.

Но этот последнейший из последних экземпляр (по которому я читал у Аксаковых) не может быть выслан: он весь в лепестках, в заплатах, в листках перепутанных... Один только я могу ходить по этому лабиринту! Итак, если хотите когда-нибудь озолотить нам вечерок — приезжайте в нашу сми-

ренную хижину! Мы бы прочли Вам нечто такое, что (по существенному содержанию своему! еще выше Иова, о чем можно бы поговорить много, много. К нам ли, к Аксаковым ли приезжайте, мы с ними сжились. Только приезжайте в нашу сторону! Мой племянник, Владимир Сергеевич, напечатал книжку, которую просит доставить Вам. Да я посылаю Вам своих стихов три тетрадки. Кушайте во здравие! Прошу об одном: никому на свете не показывайте моего Иова в том виде, в котором посылаю его теперь Вам. У себя могу я (буде найдутся охотники) прочесть Иова в том виде, в каком познала его цензура.

Жена моя, очень много Вас уважающая, усердно Вам кланяется. Ей бы хотелось поднести Вам чашку чаю. Но я этой радости уже не чаю!

Усердно вам преданный слуга,
Федор Глинка.

1837. Апреля 1-го

P. S. Уж, пожалуй, чего доброго, не сочтите всего моего письма за 1-е апреля. По крайней мере, уверение в моем к Вам уважении примите за сущую и неопровержимую истину.

31. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Почтеннейший и достойнейший Василий Андреевич!

Узнав, что государь наш предпринял воссоздать битву Бородинскую на самом поле, ею прославленном, я собрал мои воспоминания о 1812 годе и, отделив от них статью «Очерки Бородинского сражения», хотел напечатать ее особо. Но здешняя (московская) цензура неведомо почему отозвалась, что она не смеет принять на просмотр ничего, что хотя немного касается до Бородина и событий 1812 года. Вам известно, что я много писал и печатал о незабвенном годе, и никогда этот предмет не считался запретным. Не имея ни средств, ни желания начинать второй битвы Бородинской с цензурою московскою, я вздумал послать мою рукопись прямо к графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, благодетельствовавшему мне во многих случаях моей жизни. С этою же почтою отправил я мое сочинение, *чисто литературное*, в котором за основание рассказа принято все то, что уже давно сказано и напечатано в моих же «Письмах русского офицера». Зная, что вы хорошо знакомы с благодетельным Л. В. Дубельтом, я прошу вас покорнейше сказать ему слово за рукопись мою, которая, конечно, пройдет через его канцелярию. Убедительнейше прошу постараться, особенно о том,

чтобы рукопись во всяком случае была мне возвращена потому, что за краткостию времени я не успел оставить у себя порядочного с нее списка; а затем я прошу не замедлить этим делом, ибо август на дворе, а напечатание 8 листов займет более двух недель времени. Запоздалый же выпуск повредит моей книге во всех отношениях. Сочинения такого рода хороши ко времени. Красное яйцо теряет половину цены после Святой недели! Привыкнув полагаться во всех моих бедах на вас, как на доброго гения моего, я ожидаю, что и в этот раз одолжите и утешите имеющего честь быть и проч.

P. S. Прошу убедительнейше, чтобы рукопись моя (если графу нельзя почему-нибудь просмотреть ее самому) не была препровождаема в военно-цензурный комитет, где сочинение мое чисто литературное будет продержано долгое время и может быть рассмотрено не с надлежащей точки зрения. Постарайтесь, достойнейший Василий Андреевич, попросить Дубельта, чтобы они просмотрели мои очерки у себя, а если им нельзя, то возвратили бы мне тетрадь как можно скорее обратно.

⟨*До 12 августа 1839 г.*⟩

32. П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва
4 дек. 1839

Почтенно-любезнейший
Петр Александрович!

По возвращении в Москву получил я драгоценное письмо Ваше от 5 октября. В тот час вихрь материальной, практической жизни схватил и умчал меня в мелочные заботы и хлопоты приказные (я ходил по делам моей тещи), от которых едва теперь отдыхаю. Первая, эфирная минута наслаждения, которую доставило мне прочтение письма Вашего, улетела. Но все еще с утешительною радостью читаю и перечитываю письмо Ваше, вглядываюсь в почерк, напоминающий так много!.. Где это *минувшее*? Где тот приютный уголок, в котором мы, под стужею петербургской зимы, теснились около теплого сердца хозяина, нашего милого, доброго друга! Много положительных выгод, много блестящего, громкого дала Вам судьба впоследствии, но *уголок заветный*, я за Вас уверен, еще, конечно, не изгладился из памяти Вашей. Буря жизни распугала гнездо поэтов! Из мира чистой поэзии они расселились по разным мирам. На днях я был на вечере у Баратынского. Его *салон*, где благоухает ум его, населен существами высшего тона, привлекаемыми славою и лю-

безностью поэта. Много говорили мы о Вас и поневоле вспомнили о старине.

Благодарю, тысячу раз благодарю за ласковый отзыв о книге моей.

Под зноем каникулов, у постели больной жены, без средств, без документов писал я мои очерки. Но прошедшее, в минуты забвения настоящего, раскрывалось предо мною нараспашку! Образы, образы яркие, светлые носились, роились около меня, как будто вызванные каким-то обаянием, и я списывал почти с натуры. Согретая огнем души настрадавшейся, книжка моя нашла довольно отзывов в душах добрых: дамы и девушки московские читают ее наперехват. Едва ли это не первый пример, что книга, составленная из одних описаний военных, читается *дамами*.

Но материальные выгоды далеко отстали от выгод чисто пиитических. Книгопродавцы смотрят на очерки мои холодно и, кроме раздаренных мною до 150 экз⟨емпляров⟩, книга не расходится. Торгаши, а может быть, и *провинциальная публика* ожидают отзывов журнальных. Я поручаю мою книжку-сиротку и Вашему Современнику, в котором Вы уже сказали о ней доброе слово.

Как охотно занялся бы я *кое-чем*. Много, много есть в памяти и на лоскутках рассеянных. Но хлопоты — эти мошки и комары действительной жизни — отбивают от поэзии! Мы имеем маленький домик (с канареешную клетку) и в этом приюте живем, кое-как лепимся, сам-друг с женою в *крайней умеренности*. Моя жена, эта услада усталой души моей, еще живее напоминает и дает мне чувствовать всю меру великой потери Вашей!.. Да утешит Вас Бог!

Восхищенная письмом Вашим (истинно восхитительным!), жена моя посылает Вам свое пиитическое нечто — *Песнь о Колоколе*. Верьте глубокому уважению и преданности к Вам двух существ, из которых, по праву давней дружбы, Вас мысленно обнимает, называя себя

Вашим покорнейшим слугою,
Ф. Глинка.

33. М. П. ПОГОДИНУ

Из письма Вашего, вчера полученного, увидел я, что Вы желаете иметь в вашем Москвитянине мое стихотворение «Москва». Эта Москва, как кажется, уже разбежалась по Москве в разных списках с прибавлениями и убылью.

Чтоб доставить Вам настоящие, моя жена переписала своею рукою эти стихи, а я их подписал и припечатал, как делают аптекари.

Я бы просил вас об одном, чтобы с общего набора журнального отпечатали бы эти стихи для меня (для раздачи приятелям), как это делают и для меня делали почти все журналисты. За билет мы благодарим Вас оба и Москвитянину желаем сколько можно более успеха и Московности.

С истинным почтением имеет честь быть,
милостивый государь,
вашим покорнопреданным слугою
Федор Глинка.

28-го декабря. 1840

34. П. А. ПЛЕТНЕВУ

М⟨осква⟩ 24 апреля
1841

Давно и многократно сбирался написать к Вам, достопочтенный, любезнейший Петр Александрович! Недосуги и недуги, наперекор желанию, мешали ему. Давно послал бы я и для Вашего Современника что-нибудь из моей бедной поэтической кассы; но удерживал меня страх явиться со вкладом, недостойным Вашего прекрасного, всегда щеголеватого, чистого и ясного издания. Наконец теперь решился препроводить к Вам стихи, написанные Жуковскому, по случаю его прибытия в Москву. Этот *вызов* нашел симпатии и отзывы: действительно розы и куплеты посыпались на знаменитого гостя. Посылаю Вам еще стихи *Коншина*, которые он дал нам в Твери. Посылаю и еще (*Раздумье*) куплетов пять: это мое — написанное *в моем роде* — не взыщите! — Жена моя, очарованная вашим вниманьем, вашим изданием и моими о Вас рассказами, свидетельствует Вам свое искреннее уважение.

Видаетесь ли Вы с Андреем Афанасьевичем? Куда укатилось *былое*?! Век холодный, век расчетливый, век хрустально-ледяной настал и стоит как январская стужа. Баратынский уехал в Тамбов; уехал — и все его забыли! а пока был на глазах — кадили, чествовали!!! Прощайте! Не смею Вас утомлять. Верьте давней и постоянной привязанности к Вам.

Усердно-преданный слуга
Ф. Глинка.

35. П. А. ПЛЕТНЕВУ

9 апр. 1843
Москва

Христос Воскрес! Достопочтеннейший Петр Александрович! Заочно *по-старинному* обнимаю Вас. Жена благодарит Вас за письмо, полученное чрез Шевырева, и также Вас усердно поздравляет. Ваш Современник порядочно побранивается с современною литературною мелочностию, и поделом!

Макарову передам поручение Ваше. Наш адрес есть следующий: «У Спасских казарм, в Басманной, 1-го квартала, № 10-й, дом Глинки». Посылаю Вам «Молитву Деве» — это моя, и «Слезу» — это первое произведение молодой музы. Тургеневу очень понравилась эта *Слеза*: он переписал и послал ее к Жуковскому.— Чем богаты, тем и рады! Не увидите ли где А. В. Никитина, поклонитесь ему от меня.

С желанием Вам всех и всевозможных благ и с нежным чувством *прежней* привязанности имеет честь быть

Ваш преданнейший
Ф. Глинка.

36. М. П. ПОГОДИНУ

Москва

1845. Ноября 12-го

Почтеннейший и многоуважаемый
Михаил Петрович!

Статья для Вас в прозе (о Милорадовиче) — статья большая и стихотворение небольшое уже переписаны и отложены. Авдотья Павловна (восхитившаяся Вашим объявлением) также дает пиесу в стихах. Но — вот видите ли — Вы сами, в оное время — когда я был весною у вас — согласились, чтоб наши посильные приношения поступили в 1-ю книжку Вашего издания. В этом смысле я и выжидаю. Донося о сем, с истинным уважением к Вам имеет честь быть

Вашим покорным слугою
Ф. Глинка.

37. П. А. ПЛЕТНЕВУ

1846, 27 марта
Москва

Почтенный и многоуважаемый
Петр Александрович!

Даже до сих пор не исполнил я прямой своей обязанности — не благодарил Вас за наделение нас прекрасным журналом Вашим. Цветущий и оберткою и слогом (слогом чистым и честным), он доставляет нам истинное наслаждение. Желал бы чем-нибудь поблагодарить Вас, но где найдешь шелков и бисеру, достойных прекрасной Вашей канвы? — Между тем соблазны так свойственны, как говорят, великопостному бдению, и я увлекся одним, а именно: желанием послать Вам три пиесы. При этом, по давнему и доброму обычаю христиан, поздравляю Вас с наступающими праздниками и мысленно обнимаю Вас от всего сердца. Теперь мысленно, а может быть, и лично (потому, что мы собираемся в С.-Петербург) будет иметь наслаждение обнять Вас старый, старый Ваш друг.

С отличным к Вам уважением имеет честь быть
Ваш многопреданный
Ф. Глинка.

38. П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва. Июня 6-го 1846 г.

Почтенный и драгоценный Петр Александрович!

Письмо Ваше, от 5-го апреля, повеяло на меня всею роскошью юга, пробудило в памяти сердца моего мириады воспоминаний! — Все былое ожило и между множеством радужных цветов и отсветов — приветно засветилась эпоха моего знакомства с Вами.

Да, много было у меня знакомых в С.-Петербурге, лучше сказать, кто не был мне *тогда* знаком?

Но *Ваш* поэтический уголок и часы, в которые Вы посещали *мою* квартиру, более всех воспоминаний ласкаются в душе моей и ласковее всех ею приняты.

Все пошли по дорогам успехов, все разрослись и выросли, и мне придется теперь у Вас ходить карликом между великанами! — Конечно, по приезде в С.-Петербург я побегу к Вам, как и прежде, бывало, забегал все тем же простым, беззатейным человеком. Но свидание наше в С.-Петербурге, может быть, позамедлится: мы еще не собрались средствами для поездки в такую, как вашу, столицу.

Все расчеты повесили голову! Единственный доход наш от хлеба, а хлеб *в Тамбове* нипочем, тогда как в Вильне все вопиют на дороговизну.

В Вильне четверть ржи — 50 р.; в Тамбове та же четверть — 2 рубля!.. Одни плачут от недостатка, другие от избытка: что за матушка Россия наша! Однако мало-помалу как-нибудь да придет в равновесие.

Между тем, сердечно привязанный к издателю, я желал бы поддерживать некоторую связь и с вашим прекрасным изданием, которому посылаю теперь очень *любопытную* статью: факт из животного магнетизма. Г-н Вейнтраубен просил меня поместить это известие именно у Вас.

Достоверность события засвидетельствована *особою* бумагою, к которой до 30-ти особ приложили свои имена и печати. Жена моя, которая заочно Вас и знает и любит, усерднейше Вам кланяется; Д. Коптев часто у нас бывает.

Прощайте! и верьте,— даже в настоящее время всеобщего неверия,— любви, почтению и приверженности к Вам, с которыми имеет честь быть

Вас душевно обнимающий
Ф. Глинка.

39. П. А. ПЛЕТНЕВУ

Почтеннейший Петр Александрович!

Дорога изломала, Петербург ошеломил, а потому и не был у Вас сейчас по приезде Ваш старый, старый почитатель

Ф. Глинка
из Москвы.

Квартирует: против *Литовского рынка*,
в доме купца *Кокушкина,*
в квартире *С. Н. Аксенова.*

⟨В апреле 1848 г.⟩

40. П. Я. ЧААДАЕВУ

6 марта ⟨1852 г.⟩

Прекрасно, многоуважаемый Петр Яковлевич! Прекрасно написано письмо ваше. Я читал его с тройным удовольствием: как чистую русскую прозу, как поучение и, наконец, как очерк современных нравов и литературы. В этом очерке так много истины, и самой животрепещущей истины! Впрочем, письмо

ваше перенесло меня далеко, в отдаленность времен. Мне показалось, что я слышу Гостомысла, *вызывающего* Рюрика. Так и слышишь слова: «Земля наша пространна и богата, да нет в ней *порядка*!» Будете ли вы так счастливы, как Гостомысл: приедет ли Рюрик из Баден-Бадена володати русскою землей, то есть литературой? А худо без Рюрика! Что разговор, то спор; что спор, то ссора; а дело от этого не выигрывает. Петербуржские нахалы бьют московскую усобицу по носам и набегают, как *половцы*, пользуясь семейными раздорами. Авторитет — великое дело: он ставит все на свое место. Теперь у нас: «кто раньше встал, тот и капрал». Все колеса спрыгнули с осей, и всякому колесу хочется на *чужой* оси повертеться. Вот наше положение. Вызывайте же, вызывайте Рюрика из Баден-Бадена и напечатайте ваше мастерское письмо.

Извините, гости приехали, писать больше некогда.

Ваш покорнейший
Ф. Глинка.

41. А. В. НИКИТЕНКО

15-го апреля 1859 г.

Дорогое письмо ваше принял я за аттестат моему Иову и приказал переплести его — это письмо — с одним *особым* экземпляром книги *на память* и сохранение. Я уже сбирался благодарить вас за письмо, как услышал, что вы взысканы новою милостью государя, и потому к благодарности присоединяю и поздравление. Верьте, уважаемый Александр Васильевич, что я поздравляю в вас человека труда и науки и еще человека давних воспоминаний. Хаотический шум и коловратность современности не мешают чувству и памяти.

42. М. П. ПОГОДИНУ

1862. Октября 18-го.

Почтенный и всегда нам драгоценный Михаил Петрович! С первым экземпляром в руках, первою моею мыслию и первым разговором с женою было: послать Вам книгу мою. Но, подумав и порядив между собою, мы сказали: «Да где ж его найти?» Как старик Списов везде и нигде, Михаил Петрович бог знает где?! Я писал нарочно к Лихонину, прося Вашего адреса и адреса Юрия Никитича. Ответа еще не получил. Но вот Вы сами, любимый и уважаемый! отозвались нам, и тотчас в клеенку

зашивается и Вам отправляется давно принадлежавший экземпляр.

Примите, прочтите и не осудите! Не осудите и за то, что русская сердечная речь оттиснута на чужеземном станке. С Христом в моей книге случилось то же, что и в Палестине: «К своим пришел — и свои его не приняли!..»

Теперь читают книгу в Париже (Толстой писал, что она очень понравилась Ваш-ву), в Берлине, в Вис-Бадене; а в России нет!

Я распорядился через дом Шлицдорфов послать Каплю по всем Славянским университетам, разумеется, бесплатно. Бесплатно раздал бы я мое произведение и в России, да дверь крепко заперта! Едва, едва (и то всеми неправдами) могли мне переслать полдюжины экземпляров! Море разврата и нечестия разливается повсюду, а бедной благочестивой Капле места нет! В последнем нумере Северной пчелы читаю: «Дозволяется ввоз в Россию книги (Герцен и проч.), напечатанной в Берлине». Вот есть же счастливцы! А я, вздыхая, повторяю слова прикупельного страдальца: «Человек не имам!»

Я вас заговорил! Извините! Авдотья Павловна, Вас искренне любящая, сама припишет.

Ставлю адрес наобум, да свой прилагаю самый верный: «Ф. Николаевичу Глинке, в собственный дом, в г. Тверь». Вот и все.

Обнимает вас с любовью и уважением
покорнопреданный
Ф. Глинка.

43. М. П. ПОГОДИНУ

Г. Тверь *1863. Сентября 23-го*

Многоуважаемый и всегда любимый Михаил Петрович! Письмо Ваше (дороже иного тома!) доставило мне вчера много радости и пало светлою каплею на грустную мою душу. Вы подали голос утешения как будто по догадке, что мы (ведь очень издавна!) Вас любили и уважали Ваши стремления и Ваш взгляд на вещи. У покойной, моей незабвенной, ваши письма и отзывы хранились в особом ларце. Да, почтенный Михаил Петрович! Я думаю быть в Москве, хоть и грустно будет на каждом шагу вспоминать время прежних радостей. В материальном отношении я готов занять, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ нанять, помещение в прекрасном вашем доме, нанять потому, что вы ведь не Крез и я не дошел еще до нищеты. Но когда могу выехать из Твери — сам не знаю! С одной стороны, еще не доконченная служба, с дру-

гой — роковой удар постиг нас врасплох (много дел и хлопот). Во всяком случае, благодарю вас за сочувствие, память и участие. Мое положение томительно: это круглое сиротство. Вы знали нас, когда мы,— Я и Она,— составляли десяток: Она была единицей, я — нолем.

Проводил я свою золотую единицу в землю и остался нолем на земле!! Сочувствие петербургских друзей (многие приезжали нарочно сюда) старается наполнить пробел в моей жизни; но Бог знает, наполнимое ли это дело?

Но здесь меня терпят,— даже любят,— но мир чиновников, как зимнее солнце, хоть и приветен, но не греет! В остывшем ложе жены моей больше теплоты, чем во всех официальных заявлениях.

Из комнаты, где скончалась жена, я сделал свою спальню и все как будто еще не совсем расстался с нею. Простите! Будьте здоровы и долго, долго еще радуйте друзей своих.

Этого желает Вам
преданнейший
Ф. Глинка.

44. М. И. СЕМЕВСКОМУ

Октябрь 1870 г.

Две причины могли быть предлогом и вместе извинением моего молчания и медленности в изъявлении вам, Милостивый Государь, искренней благодарности за присылку знаменательного издания вашего и за приветное письмо ваше. Эти причины — болезнь и неимение верного адреса. То и другое сошлось вместе; я получил «Русскую старину» и, одолеваемый недугами, мог только глядеть на любопытную присылку. Теперь, вскрыв заветную связку, я начинаю понемногу читать и вчитываться. Мимо многого прошел я, и многое, в виде туманных картин, прошло мимо меня! Кое-что, зачерпнутое на лету, отливалось в свое время в статьи. Но постоянных записок, по складу жизни моей, не довелось мне иметь. Многое остается еще и теперь (говоря восточным выражением) нанизанным на нитке памяти моей; но из того многого иное снизывать уже поздно, другое еще рано. Добавляя к этому, что все залежи и накопы моих бумаг, по случаю недавней пожарной тревоги в доме, еще не разобраны, я прихожу к выводу, что в настоящее время не могу ничем иным быть, в отношении к вашему изданию, как только постоянным на него подписчиком и усердным огласителем этого истинно полезного издания.

С отличным уважением и к цели издания и пр.

Ф. Глинка.

45. М. П. ПОГОДИНУ

1871. Г. Тверь. Ноября 16-го

Тайному Советнику от явного почитателя его почтение, поздравления и сердечный привет посылает

Ф. Глинка.

46. М. А. МАКСИМОВИЧУ

Много бы пришлось говорить, многоуважаемый Михаил Александрович! если б я захотел излагать все причины, почему долго не отвечал на радушное письмо Ваше и не благодарил за доставление мне наслаждения любоваться симпатичностью личности юного студента — сына вашего.— Одною из причин, между прочим, замедления моего была и та, что я не знал адреса вашего.— А как я Вас помню, и в какое золотое время! Помню, как вы от Сухаревой башни приходили по вечерам утешать беседою Вашею меня и незабвенную для меня жену мою, которая вас очень любила.— Но все изменилось! Я теперь *робинзон* на пустом острову. Конечно, много проезжает людей, но редко, редко навернется человек. Вот, однако ж, нашелся и человек в полном смысле: ко мне заехал *Михаил Петрович*, и мы проговорили с ним целую ночь напролет! Да! — воочию нашу много непредвиденного, неразгаданного совершается в природе и народе. Корабль прошедшего разбился о скалы настоящего, и мы все спасаемся кое-как: кто на бочке, кто на бревне, кто за что ухватился. И хотелось бы протянуть руку другу, да волной отшибает и вскипяченное море житейства разбрасывает всех, куда кто угодит. Все как будто готовятся к какому-то катаклизму, и невольно говорится:

Сколько в мир вошло горючего,
Ни сказать, ни разгадать,
И чего-то неминучего
Поневоле должно ждать!

Да сохранит Вас Бог!

Бывший читатель, всегдашний почитатель Ваш,

Ф. Глинка.

⟨13 июля 1872 г. Тверь⟩

КОММЕНТАРИИ

В советское время сочинения Федора Николаевича Глинки издавались в Ленинграде, Москве, Петрозаводске, Смоленске... В таких книгах, как *Избранные произведения* / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Г. Базанова. Л., 1957., (Б-ка поэта. Большая серия); *Сочинения* / Сост., послесл. и коммент. В. И. Карпеца. М., 1986; в разделе «Федор Николаевич Глинка» сборника *Поэты тютчевской плеяды* / Сост. В. Кожинова и Е. Кузнецовой. М., 1982, читатели знакомятся преимущественно с Глинкой-поэтом. Как прозаик, публицист и мемуарист писатель открывается нашему современнику в появившихся не так давно изданиях: *Письма русского офицера. Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма* / Сост., вступ. ст., коммент. С. Серкова и Ю. Удеревского. М., 1985 (Литературная летопись Москвы) и *Письма русского офицера* / Сост., текстологич. подгот., примеч. и послесл. С. Серкова. М., 1987,— подготовленных к печати, к сожалению, с большим количеством неточностей и искажений текста автора.

Надеемся, предлагаемый сборник позволит широкому кругу читателей расширить представления о литературно-критическом, философско-публицистическом и эпистолярном наследии Ф. Н. Глинки. Составитель стремился включить произведения, содержащие характерные для писателя гражданские, духовные и эстетические позиции, представить тексты без купюр, тем самым не нарушая целостности взглядов и размышлений автора.

Тексты Ф. Н. Глинки в основном приведены в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации. Однако в некоторых случаях сохранено написание слов и выражений, отражающее своеобразие стиля эпохи и автора. Большинство произведений печатается в нашем столетии впервые.

I. РАССУЖДЕНИЯ, ЗАМЕЧАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ

Письма русского офицера...

До издания отдельными книгами печатались частично в журналах «Русский вестник», «Сын Отечества», «Вестник Европы». Первое издание — в 2-х частях (М., 1808) — включало письма, касающиеся событий 1805—1806 гг. Самым полным по составу является второе издание — в 8-ми частях (Ч. 1—7. Спб., 1815; Ч. 8. Спб., 1816), каждая из которых имеет свой подзаголовок. Последующие публикации представляли собой сокращенный вариант издания 1815—1816 гг., в частности, и «Письма русского офицера...» (М., 1870), с которых перепечатывались фрагменты в упомянутых книгах, вышедших в 1985—1987 гг. В предлагаемом сборнике публикуются две части (вторая и третья), не переиздававшиеся полностью с 1815 года.

С. 33. *Геркуланум* — древний итальянский город на берегу Неаполитанского залива у подножия Везувия. Во время извержения Везувия 24 августа 79 года разрушен и засыпан вулканическими породами и пеплом (вместе с Помпеями и Стабией).

С. 34. *Иванов день* — древний восточнославянский праздник; с ним связано народное предание, согласно которому в ночь с 23 на 24 июня один раз в году цветет папоротник.

С. 43. *Книга Иова* — одна из Священных книг Ветхого Завета.

С. 45. *Но Диомид и Главк, защитник града новый... Исходят, сблизились, являя грозный вид...*— цитируется по кн.: Гомерова Илиада, переведенная Ермилом Костровым. Во граде С. Петра, 1787. С. 190. Далее приводятся отрывки из того же издания (С. 195, 196).

С. 46. *«Душа Катморова светла... избегая похвал народных...»* — из первой песни поэмы Оссиана «Темора» (См.: Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Галльские стихотворения, переведены с фр. Е. Костровым. 2-е изд. Спб., 1818. Ч. 2. С. 72—73).

Чувствительный творец сего нежного произведения...— Ф. П. Львов. В его книге «Часы свободы в молодости» (Ч. 1. Спб., 1831) это стихотворение имеет другую редакцию и называется «Птичке».

С. 55. *Селитьбенные места* — в населенных пунктах площади, занятые постройками, садами, дорогами.

С. 57. *Ферезь* (совр.— ферязь) — старинная русская народная верхняя одежда без воротника и перехвата в поясе.

С. 59. *П... И... Д...* — Петр Иванович Демьянов.

С. 61. *...в Гиперборейской стране...*— северной стране; по

преданиям древних греков, гиперборейцы — сказочный народ, живший на Крайнем Севере.

С. 62. *Не читав ни Созерцания природы, ни Астрономической Богословии Дергама, ни Разговоров Фонтенеля о множестве миров...*— во времена Глинки на русский язык были переведены: «Естественная богословия, или Доказательство бытия и свойств божиих, почерпнутое из дел творения. Сочинено на английском языке Вильгельмом Дергамом. С французского на российский язык переведено и издано трудами Михайла Завьялова» (Ч. 1—2. М., 1784); «Сокращение нравственной Дергамовой физики и астрономии. Перевел Иван Мочулский» (М., 1797). Речь идет также о популярном сочинении Бернара Фонтенеля «Беседы о множественности миров».

С. 63. *Святцы* — церковная книга, содержащая календарь с полным перечислением святых по дням, в которые отмечается их память, и перечнем всех праздников православной церкви.

С. 64. *Кармин* — ярко-красная краска, добываемая из кошенили; *бакан* — род красной масляной краски.

Кошенил (совр.— кошениль) — красящее вещество, имеющееся в теле самки насекомых.

С. 65. *Виссон* — тонкая драгоценная ткань, использовавшаяся в одеяниях древних царей, жрецов и богатых людей; *багряница* — одежда представителей верховной власти из ткани багряного цвета.

С. 66. *...я предлагаю здесь снятый с них наскоро чертеж.*— В настоящем издании чертеж не воспроизводится. «Краткое описание часов ржевского купца Терентия Ивановича Волоскова» опубликовано в качестве приложения в журнале «Русский вестник» (1810, № 4).

...юлианского или григорианского месяца...— юлианский (древнеримский солнечный) календарь был введен с 1 января 45 года до н. э. в результате реформы, осуществленной Юлием Цезарем. В 325 году н. э. этот календарь был принят на Никейском соборе христианской церковью. В 1582 г. при папе римском Григории XIII введена новая система летосчисления, так называемый новый стиль, или григорианский календарь (в России в 1918 г. сделана поправка: после 31 января считалось не 1, а 14 февраля). К середине XX века григорианский календарь введен практически во всех странах мира.

...который сим заменил олимпиады.— Счет времени по олимпиадам (четырехлетний период между двумя следовавшими друг за другом Олимпийскими играми) велся в Древней Греции примерно с 264 года до н. э. по 394 год н. э. (когда Олимпийские игры были отменены).

С. 67. *Монады* — в философии Г. В. Лейбница неделимые духовные первичные элементы, которые якобы составляют основу мироздания.

С. 69. *Читавший всемирного путешественника...*— речь идет

о сочинении И. Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света...» (Ч. 1—3. Спб., 1809—1812).

С. 76. *Черемисы* — устаревшее название марийцев.

С. 77. *Прованс и Лангедок* — исторические области Франции, славившиеся виноградарством и виноделием.

С. 78. *Валкал* (совр.— Вальхалла) — в скандинавской мифологии небесное царство для избранных, принадлежащее Одину, жилище павших в бою храбрых воинов; *Елисейские поля* — в древнегреческой мифологии обитель любимцев богов, куда попадают после смерти выдающиеся герои.

Лапландцы — устаревшее название потомков древнего населения Северной Европы саамов.

С. 79. *...двух прекраснейших пиитов И. И. Д. и Н. М. К.*— И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин.

Я плыл, скакал, летел стрелою... С крутых стремнин; не шевелясь.— Из стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794).

Псалтырь — часть Библии, книга псалмов; *Часовник* — то же, что и Часослов, книга текстов неизменяемых ежедневных церковных служб.

С. 84. *Сочинитель оперы Ольги...*— Д. Н. Кашин, автор оперы «Ольга прекрасная» на текст С. Н. Глинки.

С. 85. *Екклезиаст* — греч. перевод евр. слова «когелет» (проповедник в собрании); автором ветхозаветной «Книги Екклезиаста, или Проповедника» с древности считается царь Соломон, хотя его имя в книге не значится.

С. 86. *Персть* (устар.) — земной прах, пыль.

Кто видел на театре драму Рауль, или Синяя борода...— имеется в виду комедия французского драматурга Мишеля Жана Седена (1719—1797) «Синяя борода (Рауль)» по сказке Ш. Перро.

С. 87. *Полуда* — слой олова, наносимый на поверхность металлических изделий с целью предохранения их от окисления; здесь в переносном значении.

С. 88. *Мурза* — титул феодальной знати в татарском государстве XV в.; *эмир* — титул военачальника, правителя в странах мусульманского Востока.

Гуроны — ирокезоязычные индейские племена, жившие около озер Симко и Гурон на территории современной Канады и разбитые в 1649—1650 гг. ирокезами; *готтентоты* — народ, обитающий в центральных и южных районах Намибии и в Южно-Африканской Республике.

С. 89. *Сурмильный порошок* — черная краска для бровей, усов.

С. 94. *Когда ж над тучами, со гневом... Ужасность гнева твоего?..*— из стихотворения Н. М. Карамзина «Волга» (1793).

С. 99. *Воксал* (вокзал) (устар.) — парк и место увеселения; так назывался парк под Лондоном по фамилии владелицы Джейн Вокс.

С. 101. *Август Лафонтен в прекрасном романе своем...* — имеется в виду сочинение «Князь Долгорукий и княжна Меншикова, или Верная любовь по смерть. Российское происшествие» (Ч. 1—2. М., 1804; Испр. изд. М., 1808).

С. 112. *Славное немецкое произведение Дунайскую нимфу, или Днепровскую русалку.* — Волшебно-комическая опера Ф. Кауэра на либретто К.-Ф. Генслера «Дунайская нимфа» в Москве была представлена в обработке С. И. Давыдова (перевод либретто на русский язык Н. С. Краснопольского) под названием «Днепровская русалка».

С. 114. *Новые бани, построенные г-ном С***м, в славе.* — Известный русский актер Сила Николаевич Сандунов (Зандукели) (1756—1820), живший возле Неглинной, открыл в Москве бани, которые, переменив со временем несколько владельцев, сохранили прежнее название — Сандуновские.

С. 115. *Иссоп* — снадобье, изготовленное из одноименного многолетнего травянистого растения, листья которого содержат душистое масло.

С. 120. *Дормез* — старинная дорожная карета, приспособленная для отдыха и сна в пути.

С. 121. *...и на гагачьем пуху проводишь рябиновую ночь!* — *Рябиновая ночь* — душная ночь с зарницами в период цветения рябины.

С. 132. *...гордых, но скудельных человеков!..* — *Скудельный* — слабый человек, обреченный на гибель, смерть.

С. 133. *...поставьте хижину бедной Лизы.* — *Лиза* — героиня повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза».

С. 135. *Кенотаф* (кенотафия) — памятник покойнику, гробница, но не в том месте, где он погребен.

С. 136. *...Героическую песнь о походе Игоря...* — «Слово о полку Игореве».

С. 138. *...в опытах... господин Востоков сделал прекрасное употребление славянского баснословия.* — В 1805—1806 гг. были опубликованы «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. В 2-х ч.» А. Х. Востокова.

С. 140. *...не показывая даже и Манифеста.* — Возможно Глинка имел в виду «Манифест о нашествии Наполеона 6 июля 1812 года», составленный А. С. Шишковым.

С. 143. *Архимедов винт* — одна из водоподъемных машин, состоящая из кожуха или лотка и винта, который вращается от ветряного или другого двигателя.

С. 147. *Выражение из известной книги Гуфланда.* — Речь идет о книге немецкого доктора медицины Кристофа Вильгельма Гуфеланда «Система практической врачебной науки» (Ч. 1—2. М., 1811—1812).

Письма к другу...

Были задуманы как продолжение «Писем русского офицера...» и часть единого цикла. Все три части публикуются полностью по первому изданию (Ч. 1—2. Спб., 1816; Ч. 3. Спб., 1817).

С. 162. *...мужи, падшие на полях Задонских...*— герои Куликовской битвы 1380 г.

С. 164. *...в чудесном походе величайшего из полководцев чрез горы Альпийские...*— поход русской армии 1799 г. под предводительством А. В. Суворова.

С. 166. *Синопсис* — сборник обычно расположенных в хронологическом порядке сведений, материалов по какому-либо вопросу.

С. 168. *...два почтенных состязателя, говоря умно и прекрасно в защиту и против экзаметров...*— Материалы дискуссии о русском гекзаметре печатались в журнале «Чтение в «Беседе любителей русского слова». В кн. 13 за 1813 г. Н. И. Гнедич в ответе на «Письмо С. С. Уварова к Н. И. Гнедичу» доказывал преимущества русского гекзаметра как «лучшего и вернейшего» способа для перевода стихов Гомера.

С. 173. *Ям* — почтовая станция, селение, жители которого занимаются ямским промыслом.

С. 186. *Граф сбирается в Павловск.*— Граф — М. А. Милорадович; Павловск — летняя резиденция Павла I, где с 1801 по 1823 г. постоянно проживала императрица Мария Феодоровна.

С. 187. *Варяжское море* — так до XVIII века называлось Балтийское море.

...посетил пустыни сии человѐк необыкновенный.— Петр I.

С. 190. *«La guerre seule peut alimenter la France!»* — «Только война может обеспечить Францию!» *(франц.).*

«Allons, mes enfans, allons, cirez vos bottes; nous allons conquerir la Belgique!» — «Ну, дети мои, чистите сапоги; мы идем покорять Бельгию!» *(франц.).*

С. 191. *...из Тюильрийского дворца...*— Тюильри — одна из резиденций французских королей в Париже; дворец был сооружен как часть комплекса Лувра, ныне не существует, на его месте сад.

«Vive le Roi!» — «Да здравствует король!» *(франц.).*

С. 192. *...уже видят, что жена не едет к мужу, что тесть не посылает вспомогательных войск зятю...*— речь идет о Наполеоне I.

С. 193. *Пакетбот* (устар.) — морское почтово-пассажирское судно.

«Да здравствует Король! Да процветают лилии!» — изображение лилий включено в королевский герб Франции и символизирует процветание.

С. 197. *...не так ли добродетельная Наталия провождала*

время вдовства своего? — Вторая жена Алексея Михайловича Наталия Кирилловна Нарышкина скончалась после смерти мужа через 18 лет.

Le gardien — полицейский, надзиратель *(франц.).*

С. 201. *...К ним во сретенье бежать...*— Во сретенье — навстречу.

С. 206. *Тезоименитство* — именины высокопоставленного лица, принадлежащего к царствующей фамилии.

С. 208. *...героев Кульма...* — Кульм — населенный пункт в Чехии, у которого 17—18 (29—30) августа 1813 г. Богемская союзная армия (русские, прусские и австрийские войска) разгромила французский корпус генерала И. Д. Вандамма.

Фузелер — пехотинец русской армии, вооруженный *фузеей* — старинным кремневым гладкоствольным ружьем.

С. 209. *Хроники* — распространенный тип произведений средневековой европейской историографии, подобие древнерусских летописей.

С. 213. *Шабашный день* (от евр. «шабаш») — субботний день, в который иудаизмом предписывается отдых; праздничный день.

С. 214. *Липец* — липовый мед или напиток из этого меда.

С. 217. *Бёрдо* — гребень, являющийся одной из основных частей ткацкого станка.

Меркантисты — представители меркантелизма, первой школы буржуазной политической экономии; отстаивали интересы купцов и торговцев.

С. 218. *...союз городов анзеатических...*— Ганзейский торговый союз немецких и северных городов (Рига вошла в 1285 г.) во второй половине средних веков монополизировал всю торговлю Северной Европы и до XVII века оказывал на нее большое влияние.

С. 220. *...видел епископов, рыцарей креста, кавалеров меча и братьев черноголовых.*— Орден меченосцев возник в XIII веке в ходе немецкой агрессии в Прибалтике; «черноголовые» — общество немецких купцов-холостяков, проживающих в Риге (существовало до 1939 г.).

С. 223. *Щегла* — мачта, лестница в одно бревно; *ванчес* — дубовый брус для кораблестроения.

С. 224. *Крин* (церк.) — лилия.

Капище (перен.) — средоточие чего-либо отталкивающего, тягостного.

Гридня (гридница) — в древней Руси помещение при княжеском дворе для пребывания младшей княжеской дружины (гриди) или для приема гостей.

С. 225. *Харалужный* — стальной, булатный.

С. 233. *Мыза* — отдельно стоящая усадьба с сельскохозяйственными постройками, в районах Прибалтики — хутор.

Эдда — сохранившийся в рукописи XIII века сборник древнеисландских песен, составитель которого неизвестен.

С. 235. *Чудь* — старорусское название эстов и других финских племен; *Ям* — древнее название современного города Кингисепп Ленинградской области.

С. 237. *...рунические надписи...*— Руны — древнейшие письмена преимущественно скандинавских народов, сохранившиеся на камнях и на различных предметах.

С. 238. *Чухны* (чухонцы) — старое название эстонцев и финнов, проживавших в окрестностях Петербурга.

Ляда — место, расчищенное под луг или пашню.

Лопари — распространенное в литературе название восточных саамов.

Асгард — в скандинавской мифологии небесное селение, крепость основной группы богов — асов, возглавляемых Одином.

С. 244. *...не мафусаиловы ль лета?..*— См. о Мафусаиле в указателе имен.

С. 245. *Аршад* (оршад) — прохладительный напиток, обычно приготовляемый из миндального молока с сахаром.

С. 260. *...издал⟨...⟩ г-н Г⟨о⟩нз⟨а⟩го рассуждение о музыке для глаз...*— Сочинение было издано в Петербурге на французском языке: La musique des yeux et l'optique théâtrale. St.-Pétersbourg, 1807.

С. 261. *Известный всем любителям словесности отечественной Ф. П. Л....*— Федор Петрович Львов.

...кто не пленялся пеночкою, стихами к реке Талажне и проч.— Речь идет о сочинениях Ф. П. Львова.

С. 262. *...с любезным жителем берегов Урала (С... Т... А...).*— С известным писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым (1791—1859).

К почтенному издат⟨елю⟩ «Сына Отечества».— К Н. И. Гречу.

С. 265. *«Сеяй слезами пожнет радостию...»* — Псалом 125; 5.

«Все равны будут в оный страшный день...» — Книга Пророка Исаии, 4; 34.

С. 269. *А победитель при Кагуле, а римникский и италийский герой...*— Победитель при Кагуле — П. А. Румянцев. 21 июля (1 августа) 1770 г. Первая русская армия генерала Румянцева разгромила на левом притоке Дуная — Кагуле — главные силы турецкой армии великого везиря Халиль-паши. Римникский и италийский герой — А. В. Суворов.

С. 274. *...фиал утешения в шуйце ее.*— Фиал (поэт.) — бокал, кубок; шуйца (устар.) — левая рука.

...читая Емиля...— «Эмиль» (1762) — произведение Ж.-Ж. Руссо, которое за религиозное вольнодумство и неприличия в содержании было приговорено парижским парламентом к сожжению рукой палача.

С. 277. *В подруге своей находил он все прелести Юлии.*— Юлия — героиня романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) о любви аристократки Юлии д'Этанж и разночинца Сен-Пре.

С. 281. *...отличный художник, творец оного, есть русский.*— Ф. П. Толстой.

С. 283. *...ты неоднократно сокрушал зубы Львов и Тигров!* — В мифологии и фольклоре лев обычно воплощает идею зла и смерти, а тигр представлен царем зверей и хозяином леса; изображения этих зверей включались в гербы, символизируя гордыню, гнев и властолюбие.

С. 305. *...остойчивость в морском судне...*— Способность судна сохранять равновесие при качке, шторме и других внешних воздействиях.

С. 312. *...Ал. Льв. Нарышкин* — Глинка ошибочно указал отчество; правильно — Алексей Васильевич Нарышкин.

С. 313. *...Бр. н. цк...*— Браницкий Франц Ксаверий Петрович (1731—1819) — граф, великий гетман коронный польский, генерал-аншеф русской службы.

С. 316. *Заглавие сей редкой книги...*— Издана в Петербурге в 1765 г. при Императорской академии наук; автор и издатель не установлены.

С. 317. *В похвал⟨ьном⟩ слов⟨е⟩ Екат⟨ерине II⟩ Никол⟨ай⟩ Мих⟨айлович⟩ Карам⟨зин⟩* — «Историческое похвальное слово Екатерине II» Н. М. Карамзина (См.: Сочинения: В 8 т. М., 1804. Т. 8. С. 1—188).

С. 323. *Волонтер* — доброволец, человек, поступивший на военную службу по собственному желанию; *деташамент* — разъездной наблюдательный отряд.

С. 324. *ведет* — ближайший к неприятелю конный караул, цепь часовых со стороны неприятеля.

С. 325. *Магазейн* (устар.) — помещение для хранения каких-либо запасов, склад.

С. 329. *Редант* (редан) — открытое полевое укрепление, выступающее в сторону противника в виде острого угла.

С. 331. *При ней россиянин, сын славы...*— из хора «Песни на день коронования его императорского величества государя Императора Александра Первого» И. И. Дмитриева (1801).

С. 332. *Папежский* (устар.) — папский.

С. 335. *...г-н Плотто издал также историю казаков...*— сведения об авторе и издании, к сожалению, установить не удалось.

С. 336. *...увижу, оставить ли навсегда в забвении или осмелиться выдать в свет и продолжение оной.*— В конце книги было также указание: «Продолжение может быть». Глинка действительно возвращался к своему замыслу. Расширенный текст сочинения о Богдане Хмельницком был опубликован в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1819. Ч. 5, 6), а потом издан отдельным оттиском в 2-х частях (Спб., 1819); печатался и в советское время: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.; Л., 1951; Предслава и Добрыня. Исторические повести русских романтиков. М., 1986.

С. 342. *Тул* (устар.) — колчан, *чресла* (устар.) — поясница.

С. 346. *...глухой бой по нахрам...*— Нахры (накры) — небольшие литавры.

С. 347. *Булава* — жезл с шаровидным набалдашником, служивший знаком гетманской власти на Украине и в Польше; *бунчук* — древко с привязанным конским хвостом, являлся знаком власти казачьих атаманов, украинских и польских гетманов, турецких пашей.

Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг...

Опубликовано в 1818 году отдельной книгой (Спб.: В типографии Главного гвардейского штаба). Переиздается впервые.

С. 351. *Общество военных людей* — первое русское военно-научное общество, учрежденное в 1816 г. в Петербурге при гвардейском штабе по инициативе генерал-майора Н. М. Сипягина, полковника Ф. Н. Глинки и других офицеров — участников Отечественной войны 1812 года.

С. 352. *...написано в «Кратком начертании Военного журнала».*— Издано в Петербурге в 1817 г., автор — Ф. Н. Глинка, который с того же года был и редактором «Военного журнала», печатного органа Общества военных людей.

С. 356. *Пальмира* — древний город на территории северо-восточной Сирии, крупный центр караванной торговли и ремесел.

...в скором времени книгохранилище наше украсится «Историею государства Российского»...— Первое издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Спб.: Военная типография Главного штаба, 1816) фактически вышло в 1817 г., первые три тома второго издания — в 1818 г.

С. 359. *...маршал Саксонский...*— См. в указателе имен: Мориц.

С. 360. *...знаменитый мудрец Херонейский...*— Плутарх.

С. 362. *...опровергать философа женевского...*— Ж.-Ж. Руссо. *Эгира* (геджра) — начало мусульманского летосчисления, означающего магометанскую эру.

С. 364. *...победитель Дария и Пора...*— Александр Великий (Македонский).

Essay d'une morale, relative au militaire français — Опыт о моральном состоянии французских войск *(франц.).*

С. 367. *Tome 1. Des oeuvres de Bayle.*— Том 1 Сочинений Бейля *(франц.); L'homme machine.*— Человек-машина *(франц.); Traitê de l'âme.*— Трактат о душе *(франц.).*

С. 369. *...герой италийский...*— А. В. Суворов.

Из «Русской истории», вновь издаваемой...— Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою. 2-е изд. М., 1817—1818. Ч. 1—8.

Лука да Марья...

Опубликована в 1818 г. (Спб.: В типографии Н. Греча). В нашем столетии печатается впервые — по этому изданию.

С. 381. *Целовальник* — продавец вина в кабаке.

Папуша — связка табачных листьев.

...вино проливалося... в ендовку.— Ендова — старинная русская посуда для вина, имеющая вид большой широкой чаши с носком.

...угощали... рассыченною водкою...— Рассыченный — разведенный на сыте, медовом взваре.

Обакульщики (смоленск.) — обманщики.

С. 382. *Вознесение Господне* — один из двенадцати великих праздников в православной церкви, отмечается на сороковой день после пасхи в честь вознесения Иисуса Христа на небо.

С. 383. *Кубло* (перен.) — угол, заветное место.

С. 384. *Таких книг, как, например, Английский милорд...*— популярная в свое время книга «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник. Аглинская повесть. 3 ч.» (Спб., 1771 и др. издания), автор которой (Шарль де Ла Морльер) в русских публикациях не указан.

С. 385. *Советы и увещания поселянам вакефильдского священника...*— Речь идет о герое романа английского писателя Оливера Голдсмита (1728—1774) «Векфильдский священник» (1766).

Опыты аллегорий, или иносказательных описаний...

Вышли отдельной книгой в 1826 г. (Спб.: В военной типографии Главного штаба). На титульном листе — эпиграф из Монтеня: «Они не могут читать в моем сердце, но прочтут мою книгу!» В нашем сборнике аллегории публикуются выборочно — по изданию 1826 г. Все аллегории в прозе и аллегория № IX в стихах в советское время печатаются впервые.

С. 397. *Гурия* — в мусульманской мифологии обитательница рая, услаждающая попавших туда праведников, вечно юная красавица.

С. 407. *Иллада* (Эллада) — название области в Северной Греции, встречающееся в сочинениях древнегреческих авторов.

С. 408. *Персеполис* (Персеполь) — город в древнем Иране, одна из столиц Ахеменидов. Захваченный в 330 году до н. э. Александром Македонским Персеполь был сожжен и заброшен.

С. 409. *...книги Зенд и тайные Веды.— «Зенд-Авеста»* или

«Авеста» — зороастрийская библия, в которой излагается суть этой религии; *«Веды»* — четыре древнейшие священные книги индусов, написанные на древнеиндийском (ведийском) языке.

Две сестры, или Которой отдать преимущество?

Печатается по тексту, опубликованному в альманахе «Северные цветы на 1828 год» (Спб., 1827).

С. 420. *...ставит она эолову арфу...— эолова арфа* — струнный музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра; назван по имени древнегреческого бога ветров Эола.

Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. 〈Предисловие〉

В советское время публикуется впервые — по изданию: Спб., 1859.

К Пушкину

Впервые: Сын Отечества. 1820. № 38.

Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году

Впервые: Русский архив. 1866. № 6.

21 марта 1866 г. П. И. Бартенев обратился к Ф. Н. Глинке за «разъяснениями его дружеских сношений с Пущкиным», а затем опубликовал в своем журнале материалы ответного письма Глинки. По журнальному тексту воспоминания Глинки печатались в последующих изданиях. Впервые по автографу письмо Глинки от 3 апреля 1866 г. воспроизведено в книге «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» (2-е изд. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 210—213) под названием «Письмо к П. И. Бартеневу с воспоминаниями о высылке А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 г.». В «Русском архиве» были опущены дополнительные характеристики Фогеля и вступительная часть письма, не касающиеся непосредственно отношений Пушкина и Глинки, а также личности Пушкина.

Публикуется по изданию: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950.

С. 429. *...выдать ему прогоны...*— оплатить проезд; прогоны — поверстная плата за проезд на почтовых лошадях.

Воспоминания о пиитической жизни Пушкина

Печатается по первому отдельному изданию: М., 1837.

С. 431. *В портрете... он представлен с веселым лицом...* — Имеется в виду гравированный портрет А. С. Пушкина работы Е. И. Гейтмана, помещенный на фронтисписе в первом издании поэмы «Кавказский пленник» (СПб., 1822). Н. И. Гнедич в конце книги отметил: «Издатели присовокупляют портрет Автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты Поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным».

Москва

Впервые: Москвитянин. 1841. № 1.

Семисотлетие Москвы

Печатается по изданию: Семисотлетие Москвы 1147—1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков. 4—5 апреля 1847 г. в день семисотлетнего юбилея, совершившегося со дня исторической известности Москвы. Соч. Петра Хавского. М., 1847.

Мои воспоминания о незабвенном Н. Мих. Карамзине

В декабре 1866 г. праздновалось столетие со дня рождения Н. М. Карамзина. В связи с этим Ф. Н. Глинка направил в Императорскую академию наук несколько листков с воспоминаниями, которые по неизвестным причинам к юбилею не были опубликованы. Эти воспоминания в рукописи читал П. А. Вяземский и сделал на полях свои замечания; фрагменты записок Глинки использовал М. П. Погодин в книге «Н. М. Карамзин. Материалы для биографии» (М., 1866). Рукопись воспоминаний была передана академику Я. К. Гроту, сын которого — К. Я. Грот — затем и опубликовал ее в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.» (Т. 8. Кн. 2. Спб., 1903). Печатается по этой публикации.

С. 443. *...Несчастный Неаполитанец...* — название популярной в свое время книги «Нещастный неаполитанец, или Приключения г. Розелли, содержащие в себе повествование о его рождении, невольничестве, о уединенном его состоя-

нии, заключении в инквизиции и о разных его предприятиях в Италии, во Франции и Голландии. Перевел с фр. яз. на рос. К. К. Рембовский» (М., 1792); автор — Ж. Оливье — в издании не указан.

«Мои безделки» — сборник сочинений Н. М. Карамзина, вышедший в Москве в 1794 г.; переиздавался в 1797, 1801 гг.

С. 444. *«Остров Борнгольм»* — повесть Н. М. Карамзина, напечатанная в сборнике «Аглая» (1794. Ч. 1).

С. 445. *...литературного общества...*— Вольное общество соревнователей просвещения и благотворения, основанное в 1816 г., с 1818 г.— Вольное общество любителей российской словесности, Глинка был его председателем с 1819 г.

С. 446. *Между тестем моим Павлом Ивановичем Гол⟨енищевым⟩-Кутузовым и Карамзиным существовало какое-то недоразумение.*— К. Я. Грот в примечании к публикации указывает: «Здесь, против начала этой главы, на полях карандашная отметка кн. П. А. Вяземского: *«Оно отчасти так, но не совсем так»*. В конце этой главы Грот приводит еще одну «отметку кн. Вяземского»: «Есть исторические доказательства, что несогласие Кутузова не ограничивалось одним разногласием».

С. 447. *Паленгинезия* — возрождение, воскресение, обновление.

«C'est le fruit de mes épargnes!» — Это результат моей экономии! *(франц.)*

С. 448. *...довелось Карамзину ехать из Москвы в С.-Петербург.*— Как отмечает К. Я. Грот, против этого места в рукописи была отметка П. А. Вяземского: *«Карамзин не ездил в Петербург в то время. Рассказ об этом помню, но Карамзин тут совершенно в стороне»*.

С. 449. *В 1825 году поехал я... в Петергоф...*— К этой главе есть «заметка кн. Вяземского»: «Карамзин никогда не живал в Петергофе, а из слов *всякий вечер* можно вывесть, что это вошло у него в привычку».

К. Ф. Рылеев

Впервые: Русская старина. 1871. Т. 3. С. 244—246.

С. 450. *Статья о Рылееве...*— Рылеев: Материалы для истории русской литературы 1816—1825 гг. / Подгот. П. А. Ефремов // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 64—113.

С. 451. *...пьеса «Не слышно шуму городского и пр.» отнюдь не Полежаева...*— Речь идет о «Песни узника» Ф. Н. Глинки, опубликованной без подписи в «Венере на 1831 год» (Ч. 1. М., 1831) и долгое время приписываемой то Рылееву, то Полежаеву, то бытующей как «народная песня».

С. 452. *А Серафимы Тепловой стихотворение...*— Имеется в виду послание «К***», опубликованное в «Деннице. Альманахе на 1830 год» за подписью «С-ма -ва»:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О верь, о верь, что над тобою
Стон скорби слышала волна!
О верь, что над тобой почило
Прощенье, мир, а не укор,—
Что не страшна твоя могила
И не постыден твой позор!

В стихотворении усмотрели намек на судьбу Рылеева и наказали С. Н. Глинку как цензора, пропустившего в печать такое сочинение. Этот случай был одной из причин увольнения в 1830 г. Сергея Николаевича из цензоров.

II. ОПЫТЫ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ

Все стихотворения в советское время публикуются впервые — по книгам: Опыты священной поэзии Федора Глинки. Спб., 1826 и Соч. М., 1869. Т. 1. Духовные стихотворения.

III. ПИСЬМА

Все письма (за исключением писем к А. С. Пушкину) печатаются по первым публикациям:

С. Н. и М. В. Глинкам — Щукинский сборник. Вып. 1. М., 1902. С. 88;

Н. И. Гнедичу — Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 год. Спб., 1898. Приложения. С. 35—39;

В. А. Жуковскому — Русская старина. 1902. № 4. С. 113—114;

А. А. Ивановскому — Русская старина. 1889. Т. 63. № 7. С. 118—126;

В. В. Измайлову — Московское обозрение. 1877. № 16. С. 416—424 (стихотворения Глинки «Вздох» и «Портрет века», приложенные к письмам и опубликованные на с. 424—425, опущены);

В. К. Кюхельбекеру — Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. Ч. 8. М., 1901. С. 247—248;

М. А. Максимовичу — Русский филологический вестник. Варшава, 1908. Т. 60. ⟨№ 3—4⟩. С. 187—188;

А. И. Михайловскому-Данилевскому — Русская старина. 1901. № 3. С. 718—719; Кулешов В. И. Автографы русских писателей // Ученые записки Вильнюсского гос. ун-та. Серия общественных наук. Т. 1. Вильнюс, 1954. С. 162—163;

Н. С. Мордвинову — Архив графов Мордвиновых. Спб., 1902. Т. 4. С. 354—357;

А. В. Никитенко — Русская старина. 1898. № 5. С. 336—338;

П. А. Плетневу — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 8. Кн. 2. Спб., 1903. С. 90—98; Литературный вестник. Издание Русского библиологического общества. Спб., 1904. Т. 8. С. 29—30;

М. П. Погодину — Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 330—336;

А. С. Пушкину — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. Переписка. 1828—1831. Л., 1941;

М. И. Семевскому — Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837—1892. Биографический очерк, сост. В. В. Тимощук. С предисл. и под ред. Н. К. Шильдера. Спб., 1895. Приложение. С. 8—9;

П. Я. Чаадаеву — Русское обозрение. 1897. Т. 45. № 6. С. 903.

23 письма (№ 1, 2, 4, 6, 13, 15, 19, 20, 21, 24, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 37—41, 44, 46) в советское время публикуются впервые.

С. 467. *...пред собором царей и королей.*— В 1815 г. А. И. Михайловский-Данилевский находился при императоре Александре I во время Венского конгресса.

...восшумела новая буря...— возвращение Наполеона I в марте 1815 г. к власти, так называемые «Сто дней».

С. 469. *Совет юноше.*— Стихотворение в переработанном виде было напечатано в «Сыне Отечества» (1817. № 42).

...сочинения Вашего о торговой казни...— Видимо, речь идет о сочинении, которое было опубликовано позднее: Мнение адмирала Мордвинова о смертной казни (23 октября 1824 года) // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Окт.—дек. Кн. 4. М., 1859. С. 26—28.

С. 472. *...вы уже получили мою книгу: Опыты священной поэзии и иносказательных повествований.*— В 1826 г. у Глинки вышли в свет две книги: «Опыты священной поэзии» и «Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе».

...славянскую грамматику, печатанную еще при патриархе Иосифе...— Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648.

С. 473. *...Ив⟨ана⟩ Ан⟨дреевича⟩ портрет у меня есть.*— Портрет И. А. Крылова.

С. 476. *...Иная дама*
Читает Сея и Бентама...

У А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» (I, XLII):

Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама...

...Руссо в речи своей...—«Речь Ж.-Ж. Руссо, удостоенная в 1750 году от Дижонской академии награждения, на сей,

предложенный от оной Академии вопрос: восстановление наук и художеств послужило ли к исправлению нравов?» (Спб., 1792).

С. 477. *...издателю Галатеи...*— С. Е. Раичу (Амфитеатрову).

С. 478. *«C'est un siècle nerveux!»* — Это раздражительный век! *(франц.)*

С. 479. *Обет Иеффая* — стихотворение Ф. Н. Глинки.

С. 482. *Мемория* (устар.) — запись с кратким изложением сущности какого-либо дела, заметка для памяти.

С. 483. *И земной наш царь, государь мудрый, правдивый, привлекает все мое уважение, всю преданность к особе своей.*— Давая такие характеристики царю, Глинка, вероятно, учитывал, что переписка с А. А. Ивановским находится под контролем, так как письма адресовались «в канцелярию военного министерства», где служил А. А. Ивановский (в 1825—1826 гг. находился при следственной комиссии, учрежденной по делу декабристов, затем остался при А. X. Бенкендорфе, в 1829 г. ушел в отставку). Кроме того, В. Якушкин, издавший письма Глинки к Ивановскому, отмечал: «Письма Ф. Н. Глинки сообщают нам сведения об его невольной службе в Петрозаводске и об его настроении после 1826 г.; повторяемые им похвалы «Николаю Разумному» очень характерны вообще для своего времени» (Русская старина. 1888. Т. 60. № 10. С. 152).

Вл. Фед. Адл.— Владимир Федорович Адлерберг.

С. 486. *...Остолопова апологи...*— «Апологические стихотворения Н. Остолопова с присовокуплением его же сочинения поэмы «Привидение»» (Спб., 1827).

Див и Пери получены...— «Див и Пери» — поэма А. И. Подолинского.

С. 488. *Златоуст* — стихотворение Ф. Н. Глинки.

...что у вас в печатание пошло...— А. А. Ивановский опубликовал в «Альбоме Северных муз» семь стихотворений Ф. Н. Глинки, в том числе и «Златоуста».

С. 489. *...для разведки золотых промыслов на Воицком руднике.*— Воицкий рудник в верховье реки Выга, золото открыто в 1737 г., разработка велась с 1742 по 1783 г., работы производились еще, но короткое время.

С. 490. *Прочитав... отрывок из путевых записок Ваших...*— «Военная Грузинская дорога (Извлечено из путевых записок А. Пушкина)» (Литературная газета. 1830. Т. 1. № 8).

С. 492. *Вы увидетесь с Василием Андреевичем...*— С В. А. Жуковским.

С. 493. *Ваше живое, стереотипное издание — милый братец Ваш...*— Лев Сергеевич Пушкин, по свидетельствам современников, декламировал стихи своего брата, уподобляясь чтению самого поэта.

...спасибо сплетчикам за доставленное мне удовольствие читать строки Ваши.— 21 ноября 1831 г. А. С. Пушкин

писал Глинке из Петербурга в Тверь: «Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист».

...альманах составляется в пользу или в память Дельвига...— А. С. Пушкин издал в пользу семьи А. А. Дельвига «Северные цветы на 1832 год».

...посылаю Вам Военную песню...— Перевод из Шиллера, осуществленный женой Ф. Н. Глинки — Авдотьей Павловной.

С. 494. *Незнакомый знакомец...*— Так называлась одна из аллегорий в прозе Ф. Н. Глинки.

С. 496. *Мы бы прочли Вам нечто такое, что... еще выше Иова...*— Имеется в виду сочинение Глинки «Таинственная капля», отрывки из которого Ф. Н. и А. П. Глинки часто читали в кругу друзей.

...я прошу вас покорнейше сказать ему слово за рукопись мою...— В. А. Жуковский действительно оказал помощь при издании «Очерков Бородинского сражения», обратившись с просьбой к Л. В. Дубельту: «Вы будете не только моим *дядюшкою*, но и дедом, а если хотите, и отцом родным, если поможете *моему доброму* Глинке. Посылаю вам его письмо, адресованное ко мне, из которого увидите, чего он просит. Прошу вас за него и никак не жду отказа. Только оберните все кругом пальца. ...Утешьте меня, отец. Ваш Жуковский» (Русская старина. 1902. № 4. С. 114).

С. 498. *...тысячу раз благодарю за ласковый отзыв о книге моей.*— П. А. Плетнев опубликовал в «Современнике» (1839. Т. 16. С. 59—60) рецензию на «Очерки Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки, в которой в частности писал: «Чувство и воображение ярко светятся на каждой странице увлекательного, разнообразного и в полном смысле красноречивого его рассказа».

...великой потери Вашей!..— В 1839 году умерла первая жена П. А. Плетнева С. А. Раевская.

С. 499. *...стихи, написанные Жуковскому, по случаю его прибытия в Москву. Этот вызов...*— В январе 1841 г. В. А. Жуковский посетил Москву для свидания с родными и близкими друзьями перед своей женитьбой и отъездом за границу. Этому событию было посвящено стихотворение Ф. Н. Глинки «Приглашение (на приезд В. А. Жуковского в Москву)» (Современник. 1841. Т. 23. С. 161—163).

Посылаю Вам еще стихи Коншина...— «Из Шиллера» Н. М. Коншина напечатано в «Современнике» (1841. Т. 23. С. 176).

Видаетесь ли Вы с Андреем Афанасьевичем? — А. А. Никитиным.

С. 500. *Посылаю Вам* ⟨...⟩ *«Слезу»...* — Стихотворение было опубликовано в «Современнике» (1843. Т. 30. С. 244) за

подписью «Н...». К. Я. Грот в примечании к публикации этого письма Глинки отметил: «Не Коптев ли был ее автором?»

Не увидите ли где А. В. Никитина...— По всей вероятности, в письме ошибочно указаны инициалы А. А. Никитина.

С. 502. *...посылаю теперь очень любопытную статью...*— Статья «Замечательный опыт животного магнетизма в Москве» была напечатана в «Современнике» (1846. № 7. С. 69—76).

Дорога изломала, Петербург ошеломил...— Ф. Н. и А. П. Глинки приехали в Петербург в апреле 1848 г.

Прекрасно написано письмо ваше.— Речь идет о письме П. Я. Чаадаева к В. А. Жуковскому от 27 мая 1851 г.

С. 503. *...я слышу Гостомысла, вызывающего Рюрика.*— Чаадаев писал Жуковскому: «...уже никого нет средь нас, кто бы мог пожурить нас, над нами посмеяться с некоторым *авторитетом,* то есть с пользой. Иных не стало, другие за горами. Таким образом пользуемся мы совершенною безнаказанностью, врем, что ни попало, на словах и на бумаге, в приятельской беседе и пред публикой. Нельзя сказать, чтоб мы стали глупее прежнего, но нельзя, однако ж, сказать, чтоб мы стали и умнее. ...Пора бы вам к нам приехать, вот к чему идет речь моя. Обещаетесь быть в сентябре, но надолго ли? Если приедете за тем только, чтоб на нас посмотреть да полюбоваться, то что в этом будет пользы? Нет, приезжайте с нами пожить да нас поучить» (Русское обозрение. 1897. Т. 45. № 6. С. 900—901).

...приедет ли Рюрик из Баден-Бадена...— В. А. Жуковский.

...послать Вам книгу мою.— Речь идет о «Таинственной капле», вышедшей отдельной книгой в 1861 г. в Берлине. В России поэма была издана полностью только в 1870 г. М. П. Погодиным в качестве второго тома «Сочинений» Ф. Н. Глинки.

...старик Списов...— герой драмы немецкого писателя Х.-Г. Шписа (1755—1799) «Везде и нигде».

С. 504. *«Дозволяется ввоз в Россию книги (Герцен и проч.), напечатанной в Берлине».*—В Берлине в 1862 г. было выпущено пять изданий «Письма А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти».

С. 506. *Я теперь робинзон на пустом острову.*— В августе 1863 г. скончалась Авдотья Павловна Глинка, смерть которой Федор Николаевич глубоко переживал.

...ко мне заехал Михаил Петрович...— М. П. Погодин.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В указатель включены имена (исторические, мифологические, литературных героев), встречающиеся в текстах Ф. Н. Глинки.

СОДЕРЖАНИЕ

II. Опыты священной поэзии

III. Письма

Глинка Федор Николаевич

ПИСЬМА К ДРУГУ

Редактор *Т. И. Маршкова*
Художник *Б. А. Лавров*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *Н. В. Ганина*
Корректоры *А. А. Володина, И. И. Попова*

ИБ № 5837

Сдано в набор 12.02.90. Подписано к печати 22.10.90. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 35. Усл. кр.-отт. 70,0. Уч.-изд. л. 34,24. Тираж 50 000 экз. Заказ 846. Цена 2 р. 60 к.
Издательство «Современник» Министерства печати и массовой информации РСФСР и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630 г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

2р.80к.

• СОВРЕМЕННИК •